ГРАКХ БАБЕФ

СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ ИНСТИТУТА
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

СОЧИНЕНИЯ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

Четвертый том сочинений Гракха Бабефа охватывает последний период жизни Бабефа, вплоть до его казни. В томе печатаются последние номера «Трибуна народа» и «Просветитель народа». Том освещает историю движения «во имя равенства». В нем полностью публикуются собственноручно написанные Бабефом все обращения Тайной директории к агентам бабувистских округов, печатаются материалы о Вандомском процессе, в том числе защитительная речь Бабефа и его последние письма накануне казни.

Заключительный четвертый том сочинений Бабефа представляет особый интерес для знакомства с Гракхом Бабефом как коммунистом и вдохновителем движения «равных».

Редакционная коллегия:

В. М. ДАЛИН (ответственный редактор),
А. З. МАНФРЕД, О. К. СЕНЕКИНА, А. СОБУЛЬ,
Г. С. ЧЕРТКОВА

Перевод В. К. ПОКРОВСКОГО, Е. В. РУБИНИНА

В $\frac{1602000000-013}{042(02)-82}$ Подписное издание

БАБЕФ ПЕРЕД КАЗНЬЮ
(Музей ИМЛ при ЦК КПСС)

БАБЕФ В 1795—1797 гг. ФАКТЫ И ИДЕИ

Четвертый том Сочинений Бабефа охватывает период всего лишь в 18 месяцев — от фримера IV года (декабрь 1795 г.) до 8 прериаля V года (27 мая 1797 г.) — дня его казни. Это наиболее героические месяцы в его жизни. Первую часть тома составляют произведения, связанные со знаменитым движением «во имя равенства», душой и вдохновителем которого был Бабеф, вторую — документы, связанные с Вандомским процессом, и прежде всего обширная защитительная речь Бабефа, его «Défense générale», впервые полностью публикуемая на русском языке.

Бабеф был, конечно, типичным представителем французского утопического коммунизма, считавшим вполне возможным коммунистическое преобразование Франции тогда же, в конце XVIII в., и притом в самый короткий срок. Но, как совершенно справедливо указал В. П. Волгин в прекрасной статье «Идейное наследие бабувизма», опубликованной еще в 1922 г., на пятом году Великой Октябрьской социалистической революции, во всей деятельности Бабефа был ряд особенностей, резко отличавших его от таких классических представителей коммунизма XVIII в., сильнейшим образом повлиявших на его идеологическое развитие, как Мабли и Морелли[1]. Недаром норвежский историк К. Теннесон определил это особое место Бабефа в истории социализма, как начало перехода от чисто утопического к «практическому» социализму[2].

Мы наблюдали в предшествующих томах уже с первых лет революции какое-то инстинктивное, еще не вполне осознанное стремление Бабефа связать свой коммунистический идеал «общества совершенного равенства», который он пока еще не решался провозгласить открыто, с повседневной политической борьбой. От тех, кто, как и он, исповедовал в годы Французской революции коммунистические взгляды, но ограничивался только изложением своих проектов, сохранившихся лишь в архивных картонах и не оказавших влияния на ход революции,

---

[1] См. *В. П. Волгин*. Идейное наследие бабувизма. — Очерки истории социалистических идей. М., 1975, стр. 235—240.

[2] *Kåre Tønnesson*. The Babouvists from Utopian to Practical Socialism. — «Past and Present», 1962, N 22.

или, в крайнем случае, удовлетворялся публицистической деятельностью, Бабефа отличал подлинный талант организатора, искавшего и умевшего находить связь с массами. Мы видели, что уже весной 1790 г. он оказался во главе движения против косвенных налогов в Пикардии. Правда, стремление Бабефа придать движению более широкий, демократический характер в то время не увенчалось успехом, его ближайшими сподвижниками были люди иных социальных групп, но эта его деятельность уже тогда была замечена самим «Другом народа» Маратом и вызвала к Бабефу жгучую ненависть представителей фиска и «генеральных откупщиков».

В 1791—1792 гг. Бабеф проявил себя как организатор аграрного движения в той же Пикардии, и в сентябре 1792 г. в Абевилле, на собрании выборщиков в Конвент, его кандидатуру, именно как защитника «аграрного закона», выдвинула целая группа делегатов, хотя Бабеф еще не решался открыто и во всеуслышание защищать эту идею. В августе 1793 г. в Париже Бабеф выступает в качестве одного из руководителей движения, приведшего позднее к «сентябрьскому натиску» и введению всеобщего максимума. Но эту его деятельность и установленные им впервые связи с парижскими санкюлотами оборвало его 8-месячное тюремное заключение, вызванное происками его пикардийских врагов, добившихся осуждения Бабефа на 20 лет каторжных работ по совершенно необоснованному и ничтожному обвинению.

Вернувшись в Париж после 9 термидора, Бабеф, несмотря на некоторые свои временные ошибки в оценке новой политической обстановки, очень быстро находит свое место на крайне левом фланге борющихся сил и становится одним из вдохновителей Электорального клуба; своей пропагандой он вскоре вызывает к себе ненависть многих видных деятелей термидорианской реакции и подвергается новым репрессиям. Инициатор и пропагандист идеи «мирного восстания» Бабеф в дни жерминаля и прериаля 1795 г. оказывается вне Парижа, в Аррасской тюрьме, лишенный возможности участвовать в этих последних выступлениях парижских предместий, хотя в идейной подготовке этих выступлений он сыграл совершенно очевидную и значительную роль.

За годы революции коммунистические взгляды Бабефа приобретали все большую ясность и зрелость. Однако в 1791 г. и даже позднее он считал еще несвоевременным выступать с открытым забралом. Но в Аррасе в 1795 г. после всех поражений, понесенных революцией, перед лицом роста апатии народных масс он приходит к выводу, что, только открыто и высоко подняв коммунистическое знамя «общества совершенного равенства», «общества всеобщего благосостояния», можно снова разбудить энергию масс и вызвать новый подъем революции. Но для осуществления того преобразования, которого добивался Бабеф, для создания «плебейской Вандеи» нужна была организа-

ция. Еще в 1793 г. в записи, сделанной Бабефом в тюремной камере Парижской мэрии, была строка: «Клуб равных и сторонников общности» («Club des égaux et communautistes»)[3]. Таким образом, уже тогда Бабеф стремился к объединению своих единомышленников. В 1793 г. это можно было сделать открыто, в 1795 г. для распространения этих идей нужно было создавать нелегальную, конспиративную организацию. Ее первые камни Бабеф и закладывает в Аррасской тюрьме. Здесь он встречает одного из будущих руководителей «равных» — гусарского капитана Шарля Жермена. Жермен, с энтузиазмом воспринявший идеи, изложенные ему Бабефом, распространяет в тюрьмах первый вариант его коммунистической платформы, его будущий «Манифест плебеев»[4], завоевывает первых сторонников. «Гуйяр шлет тебе привет, — сообщал Жермен в одном из своих писем Бабефу, — я приобщаю его к аграрным тайнам».

Двадцать четвертого фрюктидора III года (10 сентября 1795 г.) Бабеф вместе с Жерменом попадает в парижскую тюрьму Плесси. Он пробыл здесь немногим больше месяца (до 26 вандемьера — 18 октября). Но этот месяц сыграл в его жизни важную роль. В Плесси по воле термидорианских властителей была собрана целая группа деятелей, игравших активнейшую роль в период якобинской диктатуры, людей, еще молодых, но с большим политическим опытом и очень твердыми, по большей части робеспьеристскими, убеждениями: и Ф. Буонарроти, ставший ближайшим другом и политическим единомышленником Бабефа, на протяжении 40 лет после его казни возглавлявший европейское революционное движение, и О. Дарте, казненный впоследствии в Вандоме вместе с Бабефом, и др. В числе узников Плесси находились и мэр Лиона в годы якобинской диктатуры Бертран (расстрелянный в 1797 г. после стычки в Гренельском лагере), и мэр Льежа — Фион, виднейшие деятели Парижской коммуны и руководители революционной полиции в столице Клод Фике (один из лидеров прериальского выступления), Бодсон, Буэн; агент Комитета общественного спасения, молодой и талантливый Марк-Антуан Жюльен и т. д. Коммунистические идеи Бабефа, несомненно, влияли на узников Плесси, которые в свою очередь повлияли на выработку политических идей Бабефа.

Первым политическим выступлением заключенных Плесси стало их обращение в термидорианский Конвент в дни контрреволюционного мятежа 13—14 вандемьера. Под этими документами, написанными целиком рукой Бабефа (см. 3-й том Сочинений), стоят подписи четырех из семи будущих членов «Тайной директории общественного спасения» — Бабефа, Буонарроти, Дарте, Дебона и многих других, ставших активнейшими деятелями «заговора Равных». Три недели спустя после освобожде-

---

[3] См. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2. М., 1976, стр. 483.
[4] См. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 3. М., 1977.

ния из тюрьмы Бабеф возобновил издание «Трибуна народа», а еще через три недели в 35-м номере «Трибуна», вышедшем 9 фримера IV г. (30 ноября 1795 г.), опубликовал свой «Манифест плебеев» — программу складывающегося движения, костяк которого был создан в Плесси.

Французская революция переживала в эти осенне-зимние месяцы 1795—1796 гг. один из переломных этапов. Началась, выражаясь словами Маркса, «буржуазная оргия» Директории. Инфляция, сознательная политика обесценения ассигнатов, введение новой денежной единицы «территориальных мандатов», тут же обесцененных, лихорадочная скупка оставшихся нераспроданными национальных имуществ вели к чрезвычайно быстрому обогащению «новой буржуазии» и в то же время к неслыханному росту дороговизны и полнейшему обнищанию народных масс. Казалось, что чаша терпения народа иссякла и вот-вот прорвется новая волна возмущения. Директория после подавления мятежа 13 вандемьера, следуя присущей ей «политике качелей», вынуждена была на первых порах сделать некоторые уступки левым — воссоздаются народные общества, несколько укрепляется демократическая печать (хотя уже в фримере — ноябре возобновляются преследования «Трибуна народа» и министр юстиции Директории Мерлен из Дуэ, в 1793 г. содействовавший кассации приговора Бабефу по делу о «подлоге», возобновляет этот процесс).

В ноябре 1795 г. начинает действовать народное общество, напоминавшее Якобинский клуб, собиравшееся сперва в трапезной, а потом в подвале монастыря св. Женевьевы, где, как вспоминал впоследствии Буонарроти, «слабый свет свечей, глухой гул голосов и неудобные позы присутствующих, которые стояли или сидели на полу, напоминали им о величии и опасности этого начинания, как и о необходимости мужества и осторожности» [5]. Вследствие близости этого места к Пантеону новое общество было названо его именем. Но в «Пантеоне» очень скоро обнаружилось два направления. Одно из них стремилось оказать поддержку Директории, что вызвало резкую критику Бабефа в «Трибуне народа». «Общество Пантеона, — писал он в 38-м номере своей газеты, — думай о своей славе, думай о всем том благе, которое ты можешь принести. Остерегайся изменников в своей среде, следи за ними» [6]. Этому течению противостояло бабувистское, представленное прежде всего Буонарроти и Дарте. «Общество Пантеона! — писал Бабеф. — Каждый твой шаг учитывают; наблюдатели следят за всеми твоими действиями. Но мужайся, ты начинаешь правильно действовать» [7]. Но, когда это течение завоевало большинство, Директория приняла решение о закрытии общества. 9 вантоза IV года командующий «вну-

---

[5] *Ф. Буонарроти*. Заговор во имя равенства. 2-е изд. М., 1963, стр. 154.
[6] «Le Tribun du Peuple», N 38.
[7] «Copie des pièces saisies dans le local qu'occupoit Baboeuf». Paris, An. V (1797), v. 2, p. 66.

тренней армией», тогда еще именовавшийся генералом Буонапарте, во главе отряда лично осуществил закрытие Пантеона и положил ключи от здания в свой карман[8].

Закрытие «Пантеона», новый поворот в политике Директории вправо делали невозможным продолжение сколько-нибудь легальной деятельности. В своей газете «Eclaireur du Peuple», созданной в подспорье «Трибуну народа», Бабеф писал: «...у нас будут клубы, как будут у нас и газеты... Мы ничего не потеряли от закрытия Пантеона. Что могли мы предпринять в рамках общества, где всякая свобода, где все наши возможности были скованы. Ваши заговоры, тираны... обернутся против вас самих. Демократы... вы расчлените Пантеон на 4800 частей»[9]. Бабеф давно уже призывал «конспирировать», создавать нелегальную организацию.

Десятого жерминаля IV года (31 марта 1796 г.) по инициативе Бабефа была создана «Тайная директория общественного спасения». В ее состав вошли Бабеф, Антонелль, Сильвен Марешаль и Феликс Лепелетье; очень скоро она была дополнена Буонарроти, Дарте и Дебоном. Парижская организация «равных» была разделена на 12 округов, во главе каждого из них стоял тайный агент. Агентами директория назначила известных деятелей Парижской коммуны — Клода Фике, Менесье, Бодсона, Буэна и др. В целях конспирации агенты не должны были знать членов «Тайной директории». Вся связь между нею и агентами осуществлялась через особого «агента связи» — им был назначен Жан-Батист Дидье, слесарь, бывший присяжный заседатель парижского революционного трибунала, в свое время очень близкий к Робеспьеру. Позднее был создан и военный комитет в составе первого генерала-плебея Жана Россиньоля (по профессии рабочего-ювелира, участника всех важнейших революционных выступлений в Париже, одно время командующего войсками в Вандее), Шарля Жермена, Массара (деятеля военного министерства при Паше и Бушотте), уже упоминавшегося Фиона и капитана Жоржа Гризеля, сыгравшего роковую роль в разгроме движения «равных».

Ф. Буонарроти, первый историк бабувистского движения, озаглавил свою замечательную книгу «Заговор во имя равенства». Однако он писал свою книгу в 1828 г., более 30 лет спустя, когда у него за спиной был уже огромный опыт руководства чисто заговорщическими организациями, оторванными в силу со-

---

[8] Позднее, уже на о-ве Святой Елены, Наполеон вспоминал об этом эпизоде в связи с Буонарроти, которого он отлично знал еще по Корсике. «После вандемьера он принадлежал к бабувистскому клану. Я его вызвал. Он держался гордо. Прекрасно, сказал я, вы исповедуете коммунистические взгляды и собираетесь отрубить голову командующему в Париже. Это мне не подходит, я предам вас военному суду, и вы будете расстреляны» (Général Bertrand, Cahiers de Sainte-Hélène. 1818—1819. Paris, 1959, p. 225).

[9] «L'Eclaireur du Peuple», N 2, p. 18.

здавшихся условий от масс. В. П. Волгин совершенно правильно отметил (и его мнение разделяет новейший французский историк движения Клод Мазорик), что «Буонарроти, активный участник заговорщических организаций начала XIX века, несколько преувеличил в своем изложении „заговорщические“ тенденции бабувистского движения»[10]. Движение «равных» по необходимости должно было носить нелегальный характер, но оно было связано с массами, и цель организации состояла в том, чтобы подготовить широкое народное выступление такого же типа, которое знал Париж на протяжении первых лет революции. «Я совершенно открыто занимаю боевые позиции... — писал Бабеф в одном из последних номеров «Трибуна народа». — Отныне мы можем и хотим победить не путем неожиданного удара, а способом, более достойным народа. Я говорю об открытом выступлении с оружием в руках»[11]. Именно такое восстание против ужасающей нужды и за «общество всеобщего благосостояния» и готовили «равные», пытаясь при этом втянуть в народное движение и армию.

Душой всего движения, всей деятельности «Тайной директории» был Бабеф, хотя ему и оказывали самую действенную помощь прежде всего Буонарроти, Дарте, Шарль Жермен. «Его подлинный талант публициста, — писал лучший специалист по истории бабувизма Морис Домманже, — его поразительная работоспособность, его сверхъестественная энергия (l'énergie sauvage), его страстная приверженность идеям равенства, его пламенное стремление помериться силами с угнетателями, ясность и твердость его убеждений, его дух революционера, физические и моральные муки, которые он претерпел, — все это, совершенно бесспорно, уготовило ему место во главе движения»[12].

* * *

«Тайная директория» просуществовала всего лишь 40 дней. В это время, да и в предшествовавшие месяцы (уже с середины фримера Бабеф, скрываясь от преследований, находился на нелегальном положении) деятельность Бабефа носила исключительно напряженный, почти лихорадочный характер. За шесть месяцев после освобождения он издал десять номеров «Трибуна народа», причем первые номера были очень объемисты (в 34-м было 53 страницы, в 35-м — 56, в 40-м — 57 страниц). С 12 вантоза в дополнение к «Трибуну» он выпустил еще семь номеров более массовой газеты «L'Eclaireur du Peuple» («Просветитель

---

[10] *В. П. Волгин*. Движение «равных» и их социальные идеи. — В кн.: *Ф. Буонарроти*. Заговор во имя равенства, стр. 62; см. также: *C. Mazauric*. Babeuf et la conspiration pour l'Egalité. Paris, 1962, p. 180 («Заговор равных представляется в гораздо большей мере попыткой народного движения, организованного группой людей, вынужденных действовать нелегально, чем заговорщическим сообществом, наподобие карбонариев»).

[11] «Le Tribun du Peuple», N 42, p. 294—295.

[12] *M. Dommanget*. Babeuf et la Conjuration des Egaux. 2-me éd. Paris, 1969, p. 26.

народа»). В самой «Тайной директории» Бабеф вел всю переписку с агентами округов — только общих посланий ко всем агентам он разослал более 15, не считая десятков писем к отдельным агентам. Почти каждый день на тех квартирах, где скрывался Бабеф, происходили заседания директории. С присущей ему точностью февдиста Бабеф в образцовом порядке хранил весь архив движения. Захваченный полицией во время ареста и изданный правительством в качестве главной улики накануне Вандомского процесса, этот архив составил два тома, причем добрая половина этих документов написана самим Бабефом.

И все же, несмотря на невероятную перегруженность, Бабеф, как всегда, много читал и продумывал. Он перечитывал и конспектировал речи Сен-Жюста, особенно те, в которых обосновывались известные вантозовские декреты. Он сделал выписки из ответа Руссо лионскому академику Борду и при этом подчеркнул его слова: «Я видел зло и старался выявить его причины. Другие, более смелые или более проницательные (sensés), смогут найти средства для его исцеления». К этим «более смелым» Бабеф, несомненно, относил себя и «равных». Поразительно, что в эти труднейшие для него дни Бабеф нашел время для того, чтобы внимательно прочитать и сделать выписки из «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия» Макиавелли. Эти его заметки, связанные с чтением Макиавелли, являются еще одним доказательством того, что Бабеф был революционером-мыслителем.

Зимой и весной 1795—1796 гг. Бабефа интересуют не только общие социальные идеи — его мысли и представление о будущем обществе, обогащенные знакомством с Морелли, получили вполне ясное и четкое изложение в письмах к Жермену и в «Манифесте плебеев». Бабеф только отстаивал их и, в частности, в полемике с Антонеллем доказывал осуществимость создания коммунистического общества. Его мысли сосредоточены больше всего на другом вопросе, который он формулирует так: «В том случае, если удастся свергнуть существующую власть, какова будет та, которой ее заменят для того, чтобы установить социальную систему»[13]. Как неоднократно подчеркивал В. П. Волгин, самая постановка вопроса о переходном периоде, о переходных мероприятиях для установления новой «социальной системы» представляет собой крупнейший шаг вперед, сделанный бабувистами в развитии коммунистической мысли. «Сопоставляя теоретические построения и проекты бабувистов с теориями дореволюционных коммунистов, нельзя не отметить, какой большой шаг вперед сделала коммунистическая мысль под влиянием впечатлений революционной борьбы 1789—1795 гг.»[14]

[13] См. «Copie des pièces saisies...», v. 2, p. 236 («Dans l'hypothèse où l'on parviendrait à renverser l'autorité qui existe, quelle seroit celle qu'on lui subsisteroit pour parvenir à établir le système social»).

[14] *В. П. Волгин.* Движение «равных» и их социальные идеи, стр. 60; см. также: *Он же.* Идейное наследие бабувизма.

По состоянию источников трудно определить тот вклад, который принадлежит лично Бабефу в идейном наследии бабувизма. Совершенно бесспорно, что в разработке бабувистских идей крупная роль принадлежит и Буонарроти. Тем не менее мы располагаем документами, в которых рукой Бабефа сформулированы некоторые важные мысли о переходных мероприятиях «на следующий день» после победы восстания.

Так, в одном из набросков плана действий во время и после победы восстания Бабеф предусматривал, что продовольственные запасы будут вынесены на площадь, чтобы кормить восставших; обитатели подвалов и чердаков больше туда не вернутся; немедленно будут приняты меры для их переселения, обеспечения мебелью и одеждой; урожай, а также запасы продовольствия на складах перейдут в распоряжение Республики и будут бесплатно распределяться среди народа, а правительство выплатит за них земледельцам достаточное вознаграждение. Эта широкая программа переходных мероприятий заканчивалась особым пунктом: «Имущества эмигрантов, контрреволюционеров, врагов народа будут переданы солдатам, их родственникам, народу» [15].

Вопросу о национальных имуществах уделено большое место и в другом бабефовском документе, намечающем мероприятия после победы:

«...Немедленно передать защитникам родины на миллиард национальных имуществ.

Создать администрацию для распределения этих имуществ;

Передать народу остальные национальные имущества;

Создать для этого специальную администрацию;

Устроить жилища для бедных в домах контрреволюционеров; изъять предметы роскоши, драгоценности и серебро...

Аннулировать все изъятия из списка эмигрантов... Все злодеи, вернувшиеся на территорию страны, будут обязаны покинуть ее в течение восьми дней, следующих за обнародованием этого закона.

Восстановить зал якобинцев; поставить на эту работу Фрерона... Тальена и всех тех, кто содействовал его разрушению...

Объявить, что командиры вооруженных сил будут нести ответственность за пролитую кровь» [16].

Но на кого же будет возложено проведение всех этих смелых мероприятий? В чьи руки перейдет власть? Именно этот вопрос занимал, пожалуй, главное место в размышлениях Бабефа, его единомышленников и якобинцев — бывших депутатов Конвента (Амара, Робера Ленде, Рикора, Шудье, Лэньело и др.), ведших переговоры с «Тайной директорией» о совместных действиях.

В первые годы революции Бабеф выступал сторонником неограниченной, прямой народной демократии, очень критически

---

[15] См. «Copie des pièces saisies...», v. 1, p. 139. Бабеф на допросе признал себя автором этого документа.

[16] Ibid., p. 67.

относился, вслед за Руссо, к представительному образу правления, отрицал диктатуру. Эту политическую программу, как мы видели в предыдущих томах, он излагал в «Газете Конфедерации» и в «Пикардийском корреспонденте» (1790 г.), в письмах Купе (1791 г.), на собрании выборщиков в Аббевилле (1791 г.), в «Газете свободы печати» и в первой серии «Трибуна народа» в первые месяцы термидорианской реакции. Исходя из этих убеждений, он еще в 1794 г. выступал с осуждением революционного правительства Робеспьера. Но именно эти свои взгляды он и подверг сейчас коренному пересмотру.

Общим политическим лозунгом восстания должно было стать восстановление демократической Конституции 1793 г. Однако Бабеф ясно осознавал нереальность немедленного проведения в жизнь этой конституции «ввиду невозможности немедленного созыва первичных собраний; так как они находятся под влиянием монархистов, их созыв откладывается на три месяца»[17].

Как же формировать это новое правительство, «gouvernement général» Республики? Якобинцы предлагали передачу власти в руки Конвента, в составе тех 60 с лишним депутатов, которые были лишены термидорианцами права переизбрания. Но и среди этих депутатов было слишком много участников переворота 9 термидора и людей, лишившихся народного доверия. «Тайная директория» отвергла поэтому это предложение. Но и в ее среде по этому вопросу возникли острые разногласия. Дарте и Дебон (его биография недостаточно изучена[18]; о нем с большой похвалой отзывался Буонарроти) настаивали на создании единоличной временной диктатуры. Именно это предложение категорически отвергал Бабеф. Хотя он и выписал из 9-й главы «Размышлений» Макиавелли фразы: «Для того чтобы основать Республику или реформировать ее по новому плану, нужно быть одному (il faut être seul)», «массы без вождя (une multitude sans chef) ничего не могут сделать»[19], — он все же решительнейше выступил против единоличной диктатуры и проявил при этом исключительную политическую дальновидность. Он ясно предвидит все опасности. «Диктатура при любых обстоятельствах открытый путь для всех честолюбцев, это испугало бы народ...»[20] — отмечал Бабеф в одной из своих записей (мы публикуем ее в Приложении).

Решительный противник единоличной диктатуры, Бабеф, однако, в этот период окончательно пересматривает свое отношение к якобинской диктатуре, к Робеспьеру и революционному правительству II года. В связи с выходом в свет брошюры Вилена д'Обиньи (бывшего помощника военного министра Бушотта) он

---

[17] Ibid., p. 139.

[18] См. *А. Р. Иоаннисян.* Робер Франсуа Дебон. — «Новая и новейшая история», 1970, № 4.

[19] «Copie des pièces saisies...», v. 1, p. 70—71. Подобные же мысли встречаются и в рукописи Бабефа «Философский свет».

[20] «Copie des pièces saisies...», v. 1, p. 131.

писал с негодованием в 40-м номере «Трибуна народа»: «Прах Робеспьера! драгоценные останки! восстаньте и приведите в замешательство жалких клеветников. Впрочем, нет, презрите их, покойся мирно, драгоценный прах! Весь французский народ, которому ты желал счастья и для которого только твой гений сделал больше, чем кто-либо иной, поднимется, чтобы отомстить за тебя». Робеспьеру, по мнению Бабефа, принадлежало в революции «первенство в создании... плана подлинного Равенства, к которому, как доказывают сотни мест из его произведений, он только и стремился»[21]. «Максимилиан Робеспьер... человек, который будет должным образом оценен в веках, и это будущее суждение вправе предвосхитить мой свободный голос...»[22] Но Бабеф оценивает так высоко не только Робеспьера и его социальную политику — он принимает и одобряет теперь идею революционного правительства. Наиболее ясно он развивает эти мысли в феврале 1796 г. в письме (публикуемом в настоящем томе) к Жозефу Бодсону, бывшему эбертисту, ставшему одним из бабувистских «тайных агентов». «Ныне я чистосердечно признаю, — пишет он, — что упрекаю себя в том, что некогда чернил и революционное правительство, и Робеспьера, Сен-Жюста и других. Я полагаю, что эти люди сами по себе стоили больше, чем все остальные революционеры, вместе взятые, и что их *диктаторское правление было дьявольски хорошо задумано...* (курсив наш. — *В. Д.*). Я оправдываю Робеспьера... я... вижу в нем носителя подлинно спасительных идей»[23]. Отметим все же, что несколькими неделями позднее Бабеф писал Директории, что равные «хотели идти другими путями, а не теми, которыми шел Робеспьер. Они отнюдь не хотели крови»[24].

Исходя из этих принципиальных соображений, «Тайная директория» достигла соглашения с якобинцами. После победы восстания предполагался созыв Конвента (из тех депутатов, которые были исключены из его состава термидорианцами), но с добавлением депутатов от каждого департамента, причем эти кандидатуры должны были выдвигаться «Тайной директорией» (списки намеченных депутатов сохранились в захваченном полицией архиве Бабефа), которая останется руководящим центром. «Повстанческая директория, — указывалось в уже цитированном нами выше документе Бабефа, — останется (restera en permanence) до тех пор, пока эта новая революция не укрепится и благоденствие народа не будет обеспечено. Временно будет существовать правительство (un gouvernement général) Республики...»[25]

Это признание необходимости временной революционной диктатуры и программа переходных мероприятий являются важней-

---

[21] «Le Tribun du Peuple», N 40, p. 251—252, 259—260.
[22] «Le Tribun du Peuple», N 35 (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 3, с. 494).
[23] «Copie des pièces saisies...», v. 2, p. 52—54.
[24] Ibid., p. 235—236.
[25] Ibid., v. 1, p. 139.

шей частью идейного наследия бабувизма. От Бабефа через Буонарроти они перешли к другому виднейшему французскому революционеру XIX в., Луи-Огюсту Бланки. Пункт о необходимости революционной диктатуры значился в 1850 г. и в совместном соглашении бланкистов и «Союза коммунистов», руководимого Марксом[26].

С полным основанием лучший наш знаток истории социалистической мысли В. П. Волгин, оценивая идейное наследие бабувизма, писал: «Игнорировать ту роль, которую сыграли Бабеф и бабувисты в развитии социалистической мысли, не приходится. Вопреки мнению некоторых исследователей следует признать, что без внимательного и пристального изучения Бабефа и бабувизма... невозможно правильно понять эволюцию коммунистической идеологии от коммунистов XVIII в. к Марксу. Бабувизм является необходимым промежуточным звеном между старым коммунизмом дореволюционной эпохи и новым коммунизмом XIX столетия»[27].

* * *

В нашу задачу не входит рассмотрение сил движения «во имя равенства», его социальной базы[28]. Бабеф, не только в том состоянии экзальтации и огромного возбуждения, в котором он пребывал в течение всех 40 дней, пока существовала «Тайная директория», но и позднее, уже к концу 1796 г., в одном из своих писем из Вандомской тюрьмы утверждал, что победа восстания была «неминуема». Буонарроти в книге, написанной 30 лет спустя, также оптимистически оценивал шансы движения, считая, что оно имело в Париже 17 тыс. организованных сторонников. В действительности шансы восстания были невелики, а сила движения — несравненно меньшей, чем это представлялось Бабефу и Буонарроти. Но «заговор Бабефа» был далеко не мифом, как это изображают некоторые новейшие исследователи. «Трибун народа» насчитывал свыше 650 подписчиков — для тогдашней Франции цифра достаточно значительная (в 1790 г. «Пикардийский корреспондент» имел немногим больше 30 подписчиков), и в их числе были видные политические деятели, такие, как бывший военный министр полковник Бушотт и ряд известных членов Конвента и Совета 500 — Амар, Фуше, Давид, Лекуантр, Массье, Грегуар, министр финансов Фэпу и все пять членов Директории. Активным участником движения стал Друэ (мы публикуем в томе два письма к нему Бабефа) — популярнейший человек во Франции, задержавший в 1791 г. в Варенне Людовика XVI во время его бегства, член Конвента и его комиссар в армии, захваченный в плен австрийцами и обмененный на

---

[26] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 551—552.
[27] *В. П. Волгин*. Идейное наследие бабувизма, с. 248.
[28] См. *A. Soboul*. Personnel sectionnaire et personnel babouviste. — In: Babeuf et les problèmes du babouvisme. Paris, 1963 (на рус. яз. см. «Французский ежегодник. 1960». М., 1961).

дочь бывшего короля. Поль Баррас — влиятельнейший член Директории, политически чрезвычайно гибкий человек, вступил в непосредственную связь с бабувистами, пригласив к себе для переговоров одного из руководителей движения, неоднократно нами уже упоминаемого Шарля Жермена.

Весьма интенсивная бабувистская пропаганда (за один месяц было издано 13 брошюр и плакатов, расклеивавшихся на улицах столицы) напугала и власть имущих. Совет пятисот 22 жерминаля (12 апреля 1796 г.) по предложению депутата Майля (по странной иронии судьбы того самого Майля, которому Бабеф в 1792 г. посылал свои проекты об окончательном упразднении феодализма[29]) принял закон, устанавливавший смертную казнь за агитацию в пользу восстановления Конституции 1793 г.

Бабеф был совершенно убежден, что движение надежно законспирировано. Когда один из сподвижников сообщил ему, что, по некоторым сведениям, «правительство знает все, что делают патриоты», что среди «равных» есть предатели, которые обо всем осведомляют власти, Бабеф уверенно ответил 6 флореаля, за две недели до своего ареста: «Среди нас нет изменников. Правительство ничего не знает; у него есть только подозрения, порожденные смелостью народных писателей; оно пытается до них добраться, но все его усилия тщетны. Успокойся!»[30].

Бабеф глубоко заблуждался; измена была, и притом в самом центре движения — в его военном комитете. Предателем был Жорж Гризель, по профессии портной, в годы революции секретарь известного «клуба Массиака» (организации французских колониалистов), ушедший в армию и ставший капитаном. Вовлеченный в движение Дарте, завоевавший общее доверие, познакомившийся с руководителями движения и узнавший их нелегальные адреса, Гризель выдал всех. 15 флореаля он посетил члена Директории Лазара Карно и оставил ему донос, ставший роковым для Бабефа и его единомышленников.

В Национальном архиве в деле Бабефа сохранился этот документ, в котором Гризель между прочим сообщал: «Друэ встречается каждый день с Бабефом... Он должен произнести в Совете (500. — *В. Д.*) речь, которую ему приготовил Бабеф». Сообщая Карно адрес Бабефа, Гризель, описал свою встречу с ним на заседании. «Дарте нам заявил: вот-вот ударит набат свободы. Комитет признал целесообразным допустить в свою среду руководителей восстания и заседать с ними совместно. Вот, — сказал он, — наши достойные руководители, единственные, кого должны признавать честные патриоты и кто вскоре возглавит великое восстание. Вы их прежде не знали — узнайте же их имена: это Бабеф, Жермен и Дидье»[31].

---

29 См. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 480.
30 «Copie des pièces saisies...», v. 1, p. 308.
31 A. N., W[3] 565, art. 40. «Déclaration faite ce jourd'hui 15 floréal de l'an 4 au président du Directoire exécutif».

Едва ли Дарте мог назвать именно эти имена, но для Карно и для министра полиции Кошона это не имело особого значения. Гризель сообщил им имена основных участников заговора и места их собраний; он выдал им и самое главное — адрес Бабефа, которому уже почти полгода удавалось скрываться от преследований. 19 флореаля, через четыре дня после доноса Гризеля, Кошон во главе целого отряда полиции ворвался на квартиру Друэ, где в этот день действительно происходило совещание, но он опоздал. Зато 21 флореаля IV года (11 мая 1796 г.) полицейскому комиссару Доссонвиллю — сам Карно, военный инженер по специальности, нарисовал ему предварительно план улицы и дома — удалось по указанному Гризелем адресу, на улице Гранд-Трюандери, арестовать Бабефа и Буонарроти и захватить весь архив движения. На следующий день на квартире бабувиста — столяра Дюфура были захвачены другие «заговорщики» во главе с Друэ [32].

Карно от имени Директории представил Совету 500 доклад о том, что раскрыт «страшный заговор», угрожавший «низвергнуть французскую конституцию, уничтожить членов Законодательного корпуса, всех членов правительства, штаб внутренней армии, все установленные власти в Париже и подвергнуть столицу всеобщему разграблению и самому страшному избиению» [33]. Директория и вся преданная ей печать начали неистовую кампанию против участников «флореальского заговора» — «во Франции не будет ни покоя, ни безопасности, пока остается хотя бы один из этих так называемых патриотов; это змеи, которых нужно задушить, или, точнее, дикие животные, которых нужно уничтожить». Еще до ареста Бабефа в одной из прокламаций Директории против «заговорщиков» выдвигалось обвинение, что они хотят осуществить аграрный кодекс 93 года, провести раздел всех видов собственности, даже самых скромных хозяйств, даже самых небольших лавок. Толпе парижан, собравшихся около дома, где 22 флореаля происходили аресты, объяснили, что арестовывают воров, которые ограбили почтовую карету, прибывшую из Лиона.

Бабеф вместе с Буонарроти были заключены в башню Тампль. Это был его шестой и последний арест — больше никогда ему не пришлось быть на свободе. Как ни неожидан был для него арест, Бабеф не растерялся. Уже на второй день он обратился из тюрьмы с письмом к Кошону:

---

[32] A. N., F⁷ 4278/10. «Rapport fait par Dossonville, inspecteur général adjoint près le ministère de la Police, du 21 floréal an 4».
[33] *V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf... Paris, 1884, v. 1, p. 316.

«Париж, 23 флореаля IV года

Гражданин министр!

Я прошу вас вызвать меня к себе завтра, 24-го, утром. Я должен сделать вам заявление, которое, как я полагаю, будет чрезвычайно полезно для правительства, спасет и его, и наше Отечество.

Привет и братство

Г. Бабеф» [34].

Мы не знаем, произошла ли эта встреча Бабефа с министром полиции. Но в тот же день, 23 флореаля (13 мая 1796 г.), он обратился с письмом к Директории (оно воспроизводится в нашем томе). Это письмо Бабефа неоднократно приводилось в доказательство его «ослепления» и «самоуверенности». Утверждая, что «равные» располагают ничуть не меньшими силами, чем правительство, Бабеф предлагал Директории не давать делу широкой огласки и не возбуждать преследований.

Бабефа обвиняли позднее в чудовищном преувеличении своих сил. Сам он позднее объяснял это письмо тем, что хотел напугать Директорию и спасти от ареста тех своих единомышленников, которые остались на свободе. Конечно, Бабеф находился тогда в состоянии крайнего возбуждения, и только этим можно, например, объяснить такой совершенно необычный для него, нежного мужа и отца, тон письма к жене из той же башни Тампль: «Твое состояние, мой милый друг, в свое время, когда я мог об этом думать, доставило бы мне много огорчений, но теперь во мне, честном патриоте, любовь к Родине заглушает все иные привязанности. Будучи всегда откровенным, я признаюсь тебе, что мы, якобинцы и бешеные, вовсе не склонны к нежности, мы дьявольски тверды. Вот почему, когда ты пишешь мне, что близка к смерти, я могу тебе только ответить: умирай, если тебе этого хочется (meurs, si c'est ton plaisir)» [35]. Но в каком бы возбужденном состоянии ни находился Бабеф, в одном он был твердо убежден и тогда, и позднее: восстание имело огромные шансы на успех. Движение погубили предательство Гризеля и трусость тех руководителей, которых не коснулись аресты и которые могли и должны были продолжать начатое.

Трусость и отступничество некоторых деятелей движения чрезвычайно больно затронули Бабефа. 26 мессидора IV года (15 июля 1796 г.) он писал своему другу Феликсу Лепелетье, брату знаменитого члена Конвента Мишеля Лепелетье (убитого в январе 1793 г.): «Тебя нельзя было увидеть среди незадачливых политических макиавеллистов, которые стократно усугубили мои страдания и ускорили мою смерть... Они изображали меня жалким и безумным мечтателем... Они добились только

---

[34] A. N., F^7 4278/28.

[35] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 435. Письмо не датировано, но мы предполагаем, что оно было написано в тюрьме вскоре после 21 флореаля.

того, что сами себя опозорили и привели в замешательство революционеров и народ, которые неизбежно обращаются в беспорядочное бегство при виде отступничества своих вождей. Проявляя такую слабость, они добились еще и того, что придали смелости своим врагам». К анализу и резкой критике поведения этих уцелевших руководителей «равных» Бабеф вернулся несколькими месяцами позднее.

Директория боялась процесса «флореалистов» в самом Париже, опасаясь народных выступлений. Она воспользовалась тем, что по конституции 1795 г. дела членов Законодательного корпуса в случае их ареста подлежали рассмотрению особого Верховного суда. Так как среди арестованных находился член Совета 500 Друэ, было принято решение передать дело всех арестованных Верховному суду и перенести его заседания в небольшой городок Вандом (деп. Луар и Шер). Даже тогда, когда 30 термидора (18 августа 1796 г.) Друэ при содействии Барраса удалось бежать (арест этого популярнейшего во Франции человека вызвал большую оппозицию даже в Законодательном корпусе) и тем самым отпал предлог для передачи дела в Верховный суд, Директория настояла на своем, и все лица, арестованные в флореале и преданные суду, 9—10 фрюктидора IV года (27 августа 1796 г.) были в железных клетках перевезены в Вандом, превращенный почти в военный лагерь. В самом Париже было явно спровоцировано выступление группы бабувистов, попытавшихся организовать братание с солдатами из Гренельского лагеря. Было задержано 134 человека и 32 расстреляно по приговору военного суда, в том числе бывший мэр Лиона Бертран и три бывших члена Конвента — Юге, Кюссе и Жавог, видный якобинец.

Уже в Вандомской тюрьме, когда лихорадочное возбуждение, вызванное 40 днями деятельности «Тайной директории», подготовки восстания и тяжелой неудачей, прошло, Бабеф обратился с интереснейшим письмом к Пьеру-Никола Эзину (Hésine), убежденному якобинцу, приступившему в Вандоме к изданию газеты в защиту бабувистов — «Газеты Верховного суда, или Эха свободных, честных и отзывчивых людей» («Journal de la Haute-Cour de justice ou l'écho des hommes libres, vrais et sensibles»). В этом письме, публикуемом в нашем томе, Бабеф вновь обратился к вопросам, поставленным им в письме к Лепелетье. Он повторил ту оценку соотношения сил в флореале, которую он давал полгода назад в письме к Директории, и исключительно резко критиковал поведение руководителей «заговора», оставшихся на свободе, в первую очередь Антонелля. Этот документ свидетельствует не только о политическом мужестве Бабефа, в чем мы убеждались уже много раз на разных этапах его биографии, но и о его выдающихся качествах политического руководителя, которые как раз наиболее определенно и проявляются в тяжелых условиях неудач и отступления.

«Перед роковыми флореальскими днями, — писал Бабеф 26 фримера V года (16 декабря 1796 г.), — силы демократической пар-

тии были огромны (formidables). Успех этих дней был бы неминуем (immanquable), если бы не навеки проклятая измена, приведшая к неудаче. Но наши потери не были бы непоправимы, если бы не плохой состав штаба плебейских фаланг.

Нужно ли об этом говорить? Мы являлись частью этого штаба, но наше отсутствие показало, что только мы его вдохновляли. Наши помощники обратились в бегство, как только нас не стало, и, естественно, вслед за ними рассеялись все колонны».

Мы уже видели, как сразу же после поражения в жерминале и прериале Бабеф сумел быстро наметить новую политическую линию. Точно так же в письме к Эзину он смело набрасывает план того, что следовало делать оставшимся на свободе после флореальских арестов: «Несчастная трусость! Этих людей, которые руководили наряду с нами, оставалось еще достаточно, чтобы объединить всех наших и повести их так, как это сделали бы мы. Наше отсутствие почти и не должно было сказаться. Общественное мнение в основном было тогда превосходным. Оставалось только заявить: „Народ! Не страшись; падение нескольких солдат ничего не значит. Сомкни ряды и крепко держись; у тебя остались еще руководители. Пусть тебя не смущают крики тиранов и их рабов. . . Заставь их замолчать, заверив в том, что твои друзья хотели того, чего добиваешься ты сам, и что ты по-прежнему будешь вместе с нами, чтобы добиться осуществления этого“.

Вот что они должны были заявить 22 или 25 флореаля в номере „Просветителя народа“ или „Трибуна народа“ от имени *последователей Гракха Бабефа*, и, если бы это было сделано, большего ничего не потребовалось бы; наши плебеи сохранили бы свою энергию; не было бы никакого замешательства; все было бы быстро восстановлено, и наш триумф был бы только немного отсрочен».

Однако те, кто остался на свободе, поступили совершенно иначе. Они не только струсили, они унизились до того, что отреклись от своих собратьев по оружию и «выступили против них совместно с убийцами народа, восклицая: „Да, эти планы, эти проекты были ужасны, они отвратительны“. Самое большое, на что решились некоторые из них, это на заявление, что наше предприятие было безумием и сумасбродством».

Бабефа особенно возмущало поведение П. Антонелля. Этот бывший маркиз, заседатель парижского революционного трибунала во время террора, очень популярный демократический публицист в годы термидорианской реакции, был первым, кто выдвинул оценку предприятия «флореальцев» как проявление «безумия и сумасбродства». Но этот самый «отшельник» (под таким псевдонимом Антонелль опубликовал несколько брошюр и статей по поводу «заговора») был, сообщает Бабеф Эзину, вплоть до 21 флореаля одним из главных руководителей этого «общества безумцев и сумасбродов», членом «Тайной директории» с первых и до последних дней ее существования.

Конечно, Бабеф заблуждался и проявлял свой утопизм, утверждая, будто победа была неотвратима. Но это письмо к Эзину, полное достоинства, мужества и твердости,— еще один документ, свидетельствующий о том, что плебейская Франция имела тогда в лице Бабефа талантливого политического руководителя, способного не растеряться даже в самые тяжелые моменты поражения.

Письмо к Эзину написано 16 декабря 1796 г. Бабефу предстояло пережить еще один из самых мучительных периодов — Вандомский процесс.

* * *

Тринадцатого и пятнадцатого фрюктидора (30 августа и 1 сентября 1796 г.) двумя группами обвиняемые были доставлены в Вандом и помещены в здание аббатства бенедиктинцев, часть которого была превращена в тюрьму, а другая — предназначалась для заседания суда.

Сразу же по прибытии в Вандом Бабеф со всей присущей ему энергией принимается за организацию защиты. Чрезвычайно быстро он установил контакт с человеком, который на протяжении всего процесса оказывал подсудимым неоценимую поддержку — с уже упоминавшимся нами П.-Н. Эзином. В годы революции Эзин проявил себя как один из заметных деятелей якобинской диктатуры в деп. Луар и Шер и его центрах, Блуа и Вандоме. Арестованный после 9 термидора Эзин был освобожден только после подавления мятежа 13 вандемьера и был послан Директорией в качестве ее комиссара в Вандом. Почти сразу он вступил в конфликт с умеренной муниципальной администрацией и через шесть месяцев, 18 прериаля, был устранен со своего поста. Одной из причин этого явилось выдвинутое против Эзина обвинение в близости к «флореальским заговорщикам». Эзин не сочувствовал коммунистическим взглядам Бабефа, но, как убежденный якобинец, был возмущен флореальскими арестами, особенно задержанием Друэ. Уже 28 термидора он опубликовал проспект своей газеты «Эхо свободных... людей», в котором выражал твердое намерение «во имя спасения Родины и из ненависти к монархии» взять на себя защиту подсудимых[36]. Первые два номера его газеты вышли 20 и 23 фрюктидора (6 и 9 сентября 1796 г.).

Именно с Эзином Бабеф прежде всего установил контакт — в его квартире поселилась жена Бабефа, которая вместе с двумя сыновьями и еще с несколькими женами подсудимых пешком прибыли из Парижа в Вандом, сопровождая заключенных. Уже во втором номере газеты появился «Déclinatoire» — протест всех обвиняемых, отвергавших после побега Друэ обоснованность раз-

[36] См. *R. Bouis*. Le patriote Pierre-Nicolas Hésine. Ses luttes ardentes en Loir-et-Cher (1785—1817). II. Le premier séjour vendômois. — «Bulletin de la société archéologique, scientifique et littéraire du Vendômois», 1970, p. 67.

бора их дела Верховным судом, приговор которого не подлежал обжалованию. В отсутствие члена Совета 500 Друэ дело подлежало разбору в обычных судебных инстанциях, и передача его Верховному суду была явным беззаконием.

«Déclinatoire» — первый коллективный акт вандомских заключенных, и в его составлении активную роль играл Бабеф. Как следует из писем Бабефа к жене, публикуемых в настоящем томе, он добивался того, чтобы протест этот был опубликован в Париже и стал широко известен. В этом ему оказывал содействие другой участник Вандомского процесса, бывший член Конвента, уже упоминавшийся нами Рикор, ведший от имени якобинцев все переговоры с «Тайной директорией». Бабеф готов был даже просить свою жену съездить с этой целью в Париж: «Если бы мне не было так приятно твое присутствие здесь, я бы попросил тебя поехать в Париж, чтобы ускорить печатание, а также содействовать распространению брошюры. Я уверен, что благодаря твоим многочисленным знакомым, которые могли бы приобрести эту брошюру, и твоей опытности в распространении подобных изданий (жена Бабефа принимала подписку на «Трибуна народа» и занималась его распространением. — *В. Д.*) ты очень помогла бы нам достать средства не только для покрытия необходимых предварительных расходов, но и сверх того».

Когда адвокат Рикора Жом выдвинул возражение против предания этого протеста широкой гласности, Бабеф категорически его оспорил. Более того, он писал из тюрьмы жене 5 вандемьера (26 сентября): «Нужно, чтобы кто-нибудь, не теряя ни минуты, отправился в Париж и не выходил из типографии, пока все не будет напечатано». Бабеф указывал в своем письме имена и адреса типографов, к которым следует обратиться.

Печатание документа в Париже задержалось, и тогда возникло соображение, что, если протест появится после решения суда, он «не разойдется в достаточном количестве экземпляров и не окупит расходов». Но Бабеф возмущенно отвергал подобные «мелочные соображения». Он писал жене 11 вандемьера (2 октября): «...главной целью нашей работы была не продажа брошюры; мы готовы раздавать ее даром, если это потребуется... нам виднее, чем кому-либо другому, что нам полезно и как нам поступать; все соображения о мнимой политической целесообразности, на которые могли бы сослаться, вызывают у нас лишь презрительное сожаление».

Верховный суд 19 вандемьера (10 октября) отклонил этот протест. Обвиняемые подготовили новый протест, и одним из его авторов (а возможно, и основным) был Бабеф. На документе этом, сохранившемся в ЦПА ИМЛ, рукой Бабефа проставлена дата «27 вандемьера» (18 октября) [37]. Но и второй протест постигла та же участь.

---

[37] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 473 («Seconde requête d'appel en Cassation, pour cause de l'incompétence du jugement rendu par la Haute-Cour de

Бабеф упорно продолжал свои попытки воздействия на широкое общественное мнение, и с этой целью он стремился установить возможно более тесную связь с Эзином и его газетой.

К сожалению, из всей переписки между Бабефом и Эзином уцелели только два письма, сохранившиеся в ЦПА ИМЛ: одно из них — от Эзина к Бабефу от 21 брюмера V года (11 ноября 1796 г.)[38], и другое — уже цитировавшееся нами письмо Бабефа. Письмо Эзина явилось ответом на письмо к нему из Вандомской тюрьмы, несомненно исходившее от Бабефа и содержавшее предложения по дальнейшему изданию газеты, целиком принятые Эзином: «Я составил новый план газеты... — сообщал редактор «Эха свободных... людей». — Я почти полностью принял предложения Мемуара, который мне был по этому поводу прислан. Соответственно этому плану выйдет 7-й номер».

Очевидно, сообразно данным ему советам Эзин решил разделить газету на две части. Первая, как он сообщал, будет содержать «критическую историю... всех фактов, касавшихся заговора» — историю ареста, инцидент с Друэ, причины переноса суда в Вандом, «вероломство правительства и его агентов, макиавеллизм министра полиции» и т. д. Вторая часть газеты будет освещать непосредственно ход процесса. Эзин просил прислать ему замечания по поводу этого плана[39].

В 7-м номере «Газеты Верховного суда...» сообщалось: «Несмотря на тиранию Вандомского муниципального совета, мы установили активную переписку... и мы имеем сейчас в Вандоме усердного сотрудника (un collaborateur zélé), подлинного друга свободы».

Правда, Эзин был вскоре удален на 10 лье от Вандома (весной 1797 г., в вантозе, он был даже арестован и предан суду), но газета продолжала выходить, и ее связь с тюрьмой была достаточно прочной. В декабре того же года Бабеф именно с Эзином поделился всеми своими, достаточно конфиденциальными мыслями о поведении оставшихся на свободе бабувистов и об Антонелле. Можно поэтому не сомневаться, что наиболее тесную связь с газетой поддерживал Бабеф.

Р. Буи, биограф Эзина и историк его газеты[40], рассмотрел недавно секретные донесения Бурдона, вандомского осведомителя

---

justice le 19 Vendémiaire qui rejette le Déclinatoire proposé par les citoyens devant le Tribunal assemblé à Vendôme pour juger le contumace contre le Mandataire du Peuple, Drouet»).

[38] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 324.

[39] Там же. 7-й номер газеты вышел 1 фримера V года (21 ноября 1796 г.) и открывался изложением нового плана ее издания, в 8-м номере началось печатание «Précis historique du procès du 21 floréal».

[40] О газете Эзина в 1868 г. писал историк французской прессы Атен (Hatin). Однако позднее ни одного комплекта газеты, несмотря на все поиски, обнаружить не удавалось. Только почти через 100 лет, в 1965 г., в связи с проведением международной описи произведений Бабефа коллекция газеты была обнаружена в библиотеке Корнельского университета (США) и переиздана в Париже в 1966 г. Всего вышло 73 номера газеты.

министра полиции (Кошона), сообщавшего о том успехе, который газета имела среди солдат, размещенных в Вандоме. 14 фримера (4 декабря) Бурдон жаловался: «Эта газета, распространенная среди солдат и граждан коммуны, несогласных с действиями муниципальной администрации, имеет самое опасное влияние, вызывает презрение к местным администраторам, жалость к судьбе заключенных, опасные дискуссии между солдатами и их офицерами, всяческие планы среди узников». 1 нивоза Бурдон с тревогой сообщал, что в одной из казарм захвачено 100 экземпляров «Газеты...» Эзина и только с помощью командира части удалось их конфисковать, так как солдаты упорно этому противились. Бурдон настаивал на смене состава гарнизона и на аресте Эзина [41].

Меньше всего нам хотелось бы преуменьшить мужество и преданность революции, проявленную Эзином при издании газеты. Но нельзя забывать и того, что за его спиной стояли вандомские узники, и прежде всего Бабеф. В пользу этого предположения говорит и выписка, сделанная самим Бабефом из реакционной парижской газеты «Journal général» от 8 плювиоза V года (27 января 1797 г.); «Газета, редактируемая в Вандоме Эзином... в действительности редактируется самим Бабефом» [42].

Эта выписка из парижских газет не является единственной в архиве Бабефа. Каким-то чудом в вандомскую тюрьму в начале 1797 г. попала целая пачка парижских газет за последние числа января и начало февраля, в том числе «Journal général», «Gazette française», «Gazette nationale», «Ami des lois», «Journal des hommes libres», «Créole patriote», «Ami du Peuple», «Le Rédacteur officiel», «Courrier Républicain», «Le Père Duchêsne». Бабеф очень внимательно их прочитал и сделал ряд выписок [43]. Большей частью они посвящены оценке в печати «флореальского» заговора. Но от внимания Бабефа, так пристально и напряженно следившего все годы революции за политической жизнью Франции, не ускользнули и подробности раскрытого как раз тогда же в Париже монархического заговора аббата Бротье. Сведения об этом заговоре и о попустительстве ему со стороны правящих кругов и большинства Законодательного корпуса должны были еще больше убедить Бабефа в нарастании монархической опасности, которую он предсказывал на страницах «Трибуна народа». Именно эта угроза реставрации, представлявшаяся ему неизбежной, все больше тревожила Бабефа в последние месяцы его жизни.

Возмущение Бабефа и вандомских узников вызвал номер газеты «Le Rédacteur officiel» от 22 плювиоза (10 февраля 1797 г.),

---

[41] *R. Bouis*. Le patriote Pierre-Nicolas Hésine. Ses vingt-cinq dernières années (1796—1821). — «Bulletin de la société archéologique... du Vendômois», 1971, p. 50—51.

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 473.

[43] Там же.

где были напечатаны две исходившие от министерства полиции заметки о Вандоме. В них утверждалось, что среди обвиняемых все больше растут разногласия и что они разбились на четыре группы: к одной из них принадлежит Бабеф — «он признается во всем» (il avouera tout); к другой относится Жермен — он тоже «скажет все (il dira tout), и если он погибнет, то бывшие члены Конвента разделят с ним эшафот»; к третьей — относятся как раз бывшие члены Конвента — «они боятся всего»; в последнюю группу входят те, против кого имеется наименьшее число улик. Между этими группами все более нарастает недоверие и ненависть [44].

На эти заметки вандомцы ответили коллективным протестом, в составлении которого, конечно, участвовал и Бабеф. «Среди нас нет, — писали они, — ни разногласий, ни групп, ни споров, ни страхов; нами руководит... один принцип — жить и умереть свободными, показать себя достойными святого дела, за которое каждый из нас готов страдать». Поскольку против Бабефа было выдвинуто особо ядовитое обвинение, он не только подписал общую декларацию, но и составил свой особый протест, публикуемый в нашем томе.

Сколь бы низменный характер ни носили эти заметки в «Rédacteur officiel», одно обстоятельство подчеркивалось в них все же не без основания: по сравнению с другими обвиняемыми Бабеф действительно находился в особо затруднительном положении. На это давно уже обратил внимание М. Домманже [45].

Всего к суду в Вандоме было привлечено 65 человек; 18 из них удалось скрыться, в том числе Друэ, Ф. Лепелетье, Роберу Ленде, Россиньолю, Парену, тайным агентам Менесье, Клоду Фике, Буэну, Бодсону и др. На скамье подсудимых оказалось 47 человек. Но, по сообщению Буонарроти, 23 из них не имело никакого отношения к движению. Между тем им было предъявлено обвинение в принадлежности к «заговору», имевшему целью вооруженное восстание, ниспровержение Директории и восстановление Конституции 1793 г., что, по закону Майля от 27 жерминаля, каралось смертной казнью.

Бабеф с первого же дня своего ареста признал существование нелегальной организации, «заговора». Он это сделал и в своем письме Директории 23 флореаля. «... Я докажу, — писал он, — со всем величием души, со всей известной вам энергией, святость (la sainteté) этого заговора, своего участия в котором я никогда не отрицал». К смерти Бабеф был готов уже давно, но он рассчитывал, что на судебном процессе, даже если он и завершится вынесением рокового приговора, обвиняемые, и он

---

[44] Там же; см. также Journal de la Haute Cour de justice ou l'écho des hommes libres, vrais et sensibles (réimpression), Paris, 1966, N 28, 26 pluviôse, an V, p. 1—3.

[45] См. *M. Dommanget*. Le système de défense des babouvistes au procès de Vendôme. — In: *M. Dommanget*. Sur Babeuf et la Conjuration des Egaux. Paris, 1970, p. 347—354.

первый среди них, высоко поднимут свое знамя и объяснят всей Франции ту цель создания «общества совершенного равенства», во имя которой они бросили свой вызов Директории.

Однако большинство обвиняемых не разделяли мнения Бабефа. Те из них, а они составляли почти половину, кто не принимал никакого участия в тайной организации, естественно, отвергали это обвинение. Но и большинство участников «заговора» придерживались той же тактики. Не желая подвергать опасности смертного приговора своих единомышленников, Бабеф вынужден был изменить свою линию поведения. Но это ставило его самого в весьма затруднительное положение. Представители обвинения легко могли упрекнуть его в противоречиях: его отрицанию существования заговора они могли противопоставить его же собственные заявления Директории и министру полиции Кошону сразу же после ареста. Против него говорили десятки документов, захваченных при аресте, его рукой написанные инструкции тайным агентам, документы о восстании и т. д. Его заявлениям, что существовала не «Тайная директория», а лишь «филантропическое общество», не тайные агенты, а только распространители и корреспонденты «Трибуна народа», легко было противопоставить неопровержимые документы, захваченные при аресте.

Вот почему составление обширной защитительной речи представляло для Бабефа, вероятно, немалые трудности. Она стояла в противоречии с его собственными глубокими убеждениями и намерениями. В ней явственнее всего сказалась вся затруднительность положения, в котором очутился Бабеф вследствие тактики, принятой большинством бабувистов на процессе [46].

Начало процесса долго оттягивалось. Правда, 14 вандемьера (5 октября 1796 г.) суд начал свою деятельность и отверг протест обвиняемых («Déclinatoire»). Но перестройка зала, где должны были проходить заседания суда, затягивалась.

Эта задержка, как выяснилось из протоколов вандомского муниципалитета, связана была и с недовольством рабочих-строителей, с их стачками, вызванными требованием выдачи зарплаты в звонкой монете, а не в бумажных деньгах. Первое такое «восстание» в мастерских произошло накануне прибытия бабувистов в Вандом во фрюктидоре. Архитектор Леми сообщил на заседании муниципалитета, что в некоторых мастерских имело место «забастовочное движение». Муниципалитет решил проводить «именную перекличку рабочих и призвать их к порядку». Присутствовавший на заседании муниципалитета генерал Дюверне сообщил, что рабочие «обещали ему возобновить работу» [47].

---

[46] «Нельзя отрицать, что эта речь не соответствовала ни твердости, ни искренности, ни смелости Бабефа, ни его безупречному революционному коммунизму» (*M. Dommanget*. Op. cit., p. 347).

[47] Registre des délibérations de la commune de Vendôme, № 398 (выписки из протоколов Вандомского муниципалитета присланы нам вандомским историком Дидье Лемером, которому мы выражаем искреннюю благодарность).

Однако и на заседании 8 брюмера сообщалось, что «почти все рабочие покинули мастерские» из-за невыплаты денег; 24 брюмера архитектор Леми снова выступил в муниципалитете с сообщением, что «враги общественного порядка распространяют клеветнические слухи о присылке в Вандом 20 тыс. ливров звонкой монетой», но будто бы муниципалитет не хочет распределить эту сумму среди рабочих. По словам Леми, к нему явилось «много рабочих и солдат с требованием зарплаты». Муниципалитет выступил с воззванием «против злодеев, которые готовят мятеж», опроверг эти слухи и обещал немедленно расплатиться, как только прибудет звонкая монета [48].

Другая причина задержки состояла в том, что по закону обвиняемым представлялось право отвода присяжных заседателей. В судебном присутствии должно было участвовать 16 присяжных, 4 их помощника и 4 заместителя. Их кандидатуры выдвигались по департаментам. Состав присяжных имел огромное значение: достаточно было 4 голосов (четверти состава присяжных), чтобы сорвать зловещие замыслы Кошона и Верховного суда. Обвиняемые всячески пытались повлиять на состав присяжных. Недаром в бумагах Бабефа сохранилось несколько списков присяжных и сведений об их политических настроениях [49]. Сами Бабеф и Дарте не использовали, правда, права отвода, считая, видимо, суд вообще некомпетентным разбирать их дело. Но остальные обвиняемые это право использовали, что в свою очередь затягивало начало процесса. Между прочим, пользуясь этой затяжкой, бабувисты пытались даже организовать побег. Его план содержался в одном зашифрованном письме Бабефа к жене, сохранившемся в ЦПА ИМЛ [50].

Процесс начался только 2 вантоза V года (20 февраля 1797 г.), спустя почти полгода после прибытия обвиняемых в Вандом. Он продолжался больше трех месяцев и шел с огромным напряжением. Это был поистине процесс «последних Гракхов» революции.

* * *

Представители обвинения на первых же заседаниях с исключительной резкостью потребовали самого сурового приговора. «От имени общества, — заявил один из них, Вьейар (Vieillart), — мы требуем отомстить этим фанатикам — сектантам, сумасшедшим и безумцам, которые во имя общественного блага хотели опустошить все, перевернуть все снизу доверху, учинить резню, всеобщий грабеж». Участники заговора — люди, способные на любые крайности: «Преступная кровь бурлит в их венах. Они возвели в принцип грабеж, убийства, раздел собственности, аграрный закон... Они хотят крови, их оружие — кинжалы. Пре-

---

[48] Registre des délibérations de la commune de Vendôme, N 403 (séance du 29 Brumaire).
[49] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 473 и 491.
[50] Там же, д. 497.

ступления вошли для них в привычку... Существовал заговор, в котором крайнее безумие соперничало с жестокостью... Это преступный заговор, который законы всех наций карают смертной казнью»[51]. Другой обвинитель, Байи (Bailly), утверждал: «Речь идет о преступлении, целью которого было потрясти французское общество в самом его основании; залить республику потоками крови и слез, погрести ее под грудой трупов»[52].

Вопреки утверждениям «Rédacteur officiel» обвиняемые держали себя на редкость дружно[53]. Хотя почти половина из них и не участвовала в движении «во имя равенства», но все они были убежденными и проверенными в испытаниях республиканцами. Всеобщее восхищение вызвали два молодых солдата, Менье и Барбье, вызванные в суд как свидетели обвинения, но отказавшиеся от своих показаний на предварительном следствии, как данных под давлением обвинителей, приходивших к ним даже в камеру. К столу суда Менье подошел с пением гимна «прериальских мучеников», написанного Гужоном в тюрьме и распеваемого вандомскими узниками в конце почти каждого заседания. Взбешенный суд признал их «лжесвидетелями», и позднее они были приговорены к 20 годам каторжных работ. Но мужественное поведение молодых солдат произвело сильнейшее впечатление. Наоборот, показания Гризеля, главного свидетеля обвинения, вызвали искреннее возмущение и отвращение.

В ходе процесса среди подсудимых выделялся Филипп Буонарроти, чье поведение, полное достоинства, веские и убедительные выступления придавали ему огромный моральный авторитет. Общее внимание привлек и Шарль Жермен. Его исключительно яркое и преисполненное презрения выступление по поводу показаний Гризеля вызвало всеобщее одобрение[54]. И все же процесс недаром вошел в историю, как «дело Бабефа»[55]. Так же как Бабеф был, по справедливому определению Домманже, «душой движения», так и на самом процессе он был главной фигурой, и именно на него обрушивались основные удары взбешенных его

---

[51] См. «Journal de la Haute Cour...», N 31, p. 3—4; N 32, p. 2.

[52] См. *V. Advielle*. Histoire de Gracchus Babeuf, v. 2, p. 329.

[53] Единственным исключением был Пийе — писец, переписывавший документы «Тайной директории». Пийе оказался полусумасшедшим (или симулировал безумие); он утверждал, что каждый человек имеет «своего демона» и что демон кружил его, как ласточку, по улицам Парижа, пока совершенно неожиданно не сбросил на квартиру Бабефа, на улице Гранд-Трюандери.

[54] Известный французский писатель Шарль Нодье, присутствовавший на процессе или во всяком случае внимательно изучавший материалы о нем, с восхищением писал о «великолепных импровизациях» Жермена. Он считал Жермена одним из лучших ораторов, которых когда-либо слышал (см. *Ch. Nodier*. Souvenirs de la Révolution et de l'Empire. Paris, 1857, t. 2, p. 291).

[55] См. *Е. В. Тарле*. Дело Бабефа. — «Мир Божий», 1898, № 4; см. также в сб.: «Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения». СПб., 1903; Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981.

поведением и выступлениями председателя суда Гандона и государственных обвинителей.

Стычки Бабефа с Гандоном начались почти сразу после открытия процесса. Уже 6 вантоза Гандон предупредил, что, если обвиняемые будут прерывать ход заседаний, к ним будут приняты соответствующие меры. «Мы будем прерывать Верховный суд, — бросил с места реплику Бабеф, — каждый раз, когда он будет лгать, клеветать или прибегать к преступным действиям». Председатель в ответ на это заявил, что, если Бабеф будет так себя вести, суд вынесет о нем специальное постановление. «Что ж, объявите меня вне закона», — отвечал Бабеф [56].

Через неделю, 12 вантоза, произошел новый инцидент, вызванный протестом Бабефа против того, что в списке свидетелей значатся «только доносчики и рабы, рабы и доносчики». Прерванный Гандоном Бабеф воскликнул: «Вы хотите прерывать мои выступления; вы угрожали отправить меня в камеру и потом уже судить меня. Поступайте так — этим вы облегчите свое положение» [57].

Гандон осуществил свою угрозу. На заседании 27 вантоза, прервав выступление Бабефа, он заявил ему: «До сих пор вы вели все дебаты; заявляю вам, что с сегодняшнего дня это буду делать я... Здесь я хозяин, и я буду поступать так, как считаю нужным». По сообщению газеты Эзина, Гандон, в бешенстве стуча кулаком по столу, пригрозил Бабефу: «Мы не хотим больше ваших речей» [58]. Заседание суда было прервано. Суд удалился на совещание и принял следующее решение: «Верховный суд, считая, что речь, начатая Бабефом, имеет целью доказать, будто Конституцией 1793 года можно заменить конституцию III года, и содержит провокационные призывы, постановляет, что он должен ее прекратить, что он должен лишь отвечать на вопросы, которые ему будут поставлены, а председатель имеет право лишать его слова каждый раз, когда сочтет это нужным» [59]. Бабеф с полным правом возразил на это постановление: «Отправляйте меня в мою темницу; мое присутствие здесь бесполезно, поскольку вы лишаете меня всякой возможности защищаться; моя речь не содержала никаких мятежных призывов» [60]. Этот инцидент с трудом был улажен.

Но столкновение вновь вспыхнуло две недели спустя, на заседании 16 жерминаля, во время допроса Пийе. Когда Гандон после всех попыток зажать рот Бабефу невозмутимо заявил, что едва ли кто-нибудь из подсудимых может пожаловаться на то, что он лишает его возможности защищаться, Бабеф тут же заявил: «Я... Вы требовали от меня односложных ответов, вы запутывали меня своими вопросами, пытались загнать меня в без-

---

[56] «Journal de la Haute Cour...», N 32, p. 3.
[57] «Journal de la Haute Cour...», N 36, p. 2.
[58] «Journal de la Haute Cour...», N 44, p. 1—2.
[59] Ibid., p. 4.
[60] Ibid.

надежный тупик». В ярости Гандон снова пригрозил: «Я прошу вас замолчать, — иначе вас удалят из зала заседания». — «Вам не дано такого права», — возразил Бабеф. — «Прекрасно, я это сделаю. Жандармы, уведите Бабефа» [61], — последовало распоряжение председателя суда.

Только благодаря вмешательству главного защитника обвиняемых, Пьера-Франсуа Реаля (бывшего помощника Шометта в Парижской коммуне и будущего министра и любимца Наполеона) Бабеф был возвращен на заседание суда.

Лишенный возможности свободно высказываться на суде, Бабеф сосредоточился на подготовке своей заключительной защитительной речи. Следует указать, что все свои выступления на суде, а особенно эту речь Бабеф готовил письменно. Виктор Адвиелль, пользовавшийся оригиналом этой рукописи, сообщает, что она составляла около 200 листков. Подготовка этой речи, чем Бабеф мог заниматься в тюремной камере только ночью, по окончании судебных заседаний, сказалась на его здоровье. К тому же большую часть своей скудной тюремной пищи, в том числе хлеб, мясо и вино, Бабеф ежедневно пересылал семье. У него опухли ноги, он выглядел крайне измученным, и это очень беспокоило семью. В одном из писем к сыну (не датированном) Бабеф его успокаивал: «Опухоль на моих ногах немного спала. Я хорошо отдохнул прошлой ночью. То, что маме показалось, будто у меня очень изнуренный вид, возможно было следствием моей продолжительной усталости» [62].

Рукопись этой защитительной речи не сохранилась, В. Адвиелль был последним, кто ее видел. Он опубликовал ее во втором томе своего исследования о Бабефе [63]. Этот текст мы и воспроизводим в данном томе.

Бабеф начал свою речь, состоявшую из четырех частей, 14 флореаля, но уже 16-го он снова был прерван Гандоном. Суд удалился на совещание и принял решение: «Верховный суд, считая, что Бабеф поочередно клеветал на первичные собрания, на бывших и будущих депутатов, предписывает ему прервать свою речь, пересмотреть текст с тем, чтобы закончить ее завтра; это будет последний день, который ему предоставляется» [64]. Ни с кем из обвиняемых Верховный суд не обращался так жестко: в Бабефе он видел своего главного противника [65].

18 флореаля заседания были прерваны на один день, Бабеф закончил свою речь.

---

[61] «Journal de la Haute Cour...», N 53, p. 3.
[62] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 520.
[63] *V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf, v. 2, p. 1—322.
[64] «Journal de la Haute Cour...», N 64, p. 1.
[65] Показательно, что после речи Антонелля Вьейар заявил: «После этой речи мы на момент должны забыть свою роль национальных обвинителей и присоединиться к пожеланиям гражданина Антонелля, чтобы взаимно забыть все наши распри» (*V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf, v. 1, p. 324).

Отдельные ее части были неравноценны. В первой части, где Бабеф обосновывал свои коммунистические убеждения и ссылался на своих предшественников, он говорил с глубочайшей убежденностью. Горькой иронией звучало его упоминание о Руссо, которого, «не колеблясь», можно было бы назвать «председателем общества флореальских демократов»: «Мог ли бы он завоевать премию Дижонской академии, если бы там заседал глубокомысленный автор Доклада о флореальском заговоре? О, в наши дни... автор был бы обличен, ему предъявили бы приказ об аресте... и он оказался бы здесь, на скамье подсудимых»[66].

Две последующие части речи, в которых Бабеф опровергал обвинение в принадлежности к заговору, не сохранили, разумеется, своего исторического значения. Но конец речи произвел самое глубокое впечатление. По словам Буонарроти, Бабеф произнес его со слезами на глазах. «Его слушали, — сообщалось в отчете, опубликованном газетой Эзина, — в благоговейном молчании; мужчины и женщины, независимо от их убеждений, не могли сдержать слез умиления; присяжные заседатели были ею глубоко взволнованы, все подсудимые были тронуты, и только обвинители и члены суда оставались бесстрастными»[67]. Взволнованно и проникновенно говорил Бабеф о своей преданности делу революции и готовности отдать жизнь во имя блага народа.

Заключительные слова Бабефа были обращены к детям: «О мои дети! Только с этой скамьи вы можете услышать мой голос, ибо вопреки закону меня лишили радости свидания с вами[68]; я могу выразить вам лишь одно весьма горькое сожаление: страстно желая завещать вам свободу — источник всех благ, я вижу, что оставляю вас в рабстве, и вас ожидают все возможные беды. Я ничего не могу вам завещать!!! Я не хотел бы даже завещать вам мои гражданские добродетели, мою глубокую ненависть к тирании, мою страстную преданность делу Равенства и Свободы, мою горячую любовь к Народу. Это был бы слишком пагубный дар. Что бы вы с ним делали при королевском гнете, который неизбежно установится? Я оставляю вас рабами, и это единственная мысль, которая будет терзать меня в последние мгновения. Я должен был бы в этом случае дать вам советы, как терпеливее нести ваши оковы, но я чувствую, что на это я не способен».

И. Г. Эренбург в прекрасном очерке «Смерть Бабефа» совершенно правильно указывал, что в эти свои последние дни Бабеф

---

[66] *V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf, v. 2, p. 48.

[67] «Journal de la Haute Cour...», N 65, p. 3.

[68] 13 брюмера V года министр полиции Кошон направил письмо Вандомскому муниципалитету: «Жена Бабефа... обратилась ко мне с просьбой разрешить ее сыну, 10 лет от роду, находиться в тюрьме с тем, чтобы он получал от своего отца воспитание, в котором нуждается. Сообщите ей, что эта просьба не может быть удовлетворена» (A. N., F^7, 4278).

думал не столько о себе: он давно «уже понял, какой конец готовит ему судьба... Другое его пугает: смерть революции»[69].

Необыкновенная преданность семье, поразительная любовь и забота о детях были отличительной и характерной чертой Бабефа как человека. Мы наблюдали ее до революции, особенно в момент болезни и смерти его первой дочери[70]. Она чрезвычайно ярко проявилась в 1793—1794 гг., во время пребывания Бабефа в Париже и его длительного ареста[71]. Она сказалась и во время вандомского заключения. Несмотря на непосредственно нависшую над Бабефом угрозу гильотины, он и в эти последние месяцы своей жизни с особой заботливостью и тревогой относится к своему любимцу, старшему сыну Роберу-Эмилю. В обращении с ним особенно сказался его талант воспитателя[72].

Когда Эмиль предложил, чтобы вместо посещения школы отец сам из тюрьмы вел его обучение, Бабеф охотно согласился. Он посылал сыну уроки, которые Эмиль должен был переписывать. Правда, Бабеф сразу же предупредил, что «переписывать неплохо, это создает привычку писать правильно. Но одного переписывания недостаточно... Только правила и принципы обеспечивают прочные знания... Итак, раз ты хочешь, чтобы я был твоим единственным наставником... нам нужно будет вместе изучать основы грамматики. Ты один, по всей вероятности, не разберешься в них. Я тебе буду помогать, излагая эти правила так, чтобы они были тебе понятны». В архиве ЦПА ИМЛ сохранились отдельные уроки, которые Бабеф посылал из тюрьмы своему сыну.

Когда Бабеф узнал, что Эмиль не слишком ревностно относится к своим занятиям, он отправил ему письмо, преисполненное горечи: «...ты живешь, ты думаешь, ты дышишь в атмосфере легкомыслия и праздности!.. Ты уже большой мальчик; неужели ты не задумался над тем, что вот уже десять лет, как ты живешь на счет общества?» Однако заканчивал он свое письмо трогательными словами: «Я прощаюсь с тобой без всякого дурного чувства. Мы не поссорились. Начиная это письмо, я был несколько раздражен. Но, подумав хорошенько, я решил... что ты серьезно примешься за свое исправление, и вовсе перестал сердиться».

Это письмо было написано в сентябре. Но к весне, по мере того как все больше обнаруживалось резко враждебное отношение суда к Бабефу, а в стране нарастала роялистская угроза, тревога и за судьбы семьи, и еще больше за судьбы революции все больше овладевала Бабефом. Это и сказалось в его защитительной речи.

---

[69] *И. Г. Эренбург.* Смерть Бабефа. — «Французский ежегодник. 1960», с. 227.

[70] См. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 1. М., 1975.

[71] См. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2.

[72] См. *M. Dommanget.* Les grands socialistes et l'éducation. P., 1970. Ch. IV. Babeuf. p. 69—98; *P. Legrand.* Babeuf, précepteur de son fils aîné. Abbeville. 1976.

Прения сторон закончились 1 прериаля. Блестящую речь произнес Реаль: «Я был сначала только защитником этих людей... — закончил он ее. — Но сейчас я стал их отцом, их братом, другом — больше того, их жизнь стала моей жизнью, их кровь течет в моих жилах». Обращаясь к присяжным заседателям, Реаль призвал их: «В ваших сердцах есть справедливость и человечность, проявите же их и выскажитесь!» Как передает «Газета Верховного суда...», «Бабеф и его сын обняли Реаля — слезы умиления и признательности выступили на глазах у всех троих. Эта трогательная сцена усилила то волнение, которое уже возбудила во всех чувствительных сердцах заключительная часть речи Реаля» [73]. Вспоминал ли эту сцену Реаль, когда он стал довереннейшим лицом Наполеона, поручавшего недавнему вандомскому защитнику Бабефа самые секретные и подчас самые постыдные миссии?

Третьего прериаля перед присяжными заседателями были поставлены три серии вопросов: «Существовал ли в жерминале и флореале IV года заговор, ставивший целью вызвать волнения в Республике, вооружив одних граждан против других»; «существовал ли заговор, стремившийся вооружить граждан против законных властей»; «существовал ли заговор, ставивший целью роспуск Законодательного корпуса»?

Так как о троих присяжных было точно известно, что они противники обвинения (среди них был Биоза, член Учредительного собрания, женатый на сестре виднейшего якобинца Кутона, казненного вместе с Робеспьером), а четвертый колебался и, следовательно, вынесение приговора висело на волоске, Вьейар добился дополнительной постановки еще двух вопросов: «Имело ли место после принятия закона от 27 жерминаля устное подстрекательство к восстановлению Конституции 1793 года? И сопутствовали ли этому смягчающие обстоятельства? (По закону наличие таких обстоятельств облегчало наказание или вело прямо к оправданию. — *В. Д.*) Имело ли место подобное подстрекательство в форме печатных произведений, распространявшихся или расклеивавшихся?»

На первые три вопроса присяжные заседатели ответили отрицательно. Рушился главный пункт обвинения — и появилась надежда на оправдательный приговор. Но тогда государственные обвинители, которым угрожал полный провал, оказали максимальное давление на колеблющихся заседателей. Их хитроумно добавленные вопросы помогли. По четвертому вопросу были признаны виновными семеро обвиняемых (из присутствовавших — Бабеф, Дарте, Буонарроти, Жермен), но со смягчающими обстоятельствами. По пятому пункту заседатели признали виновными только двоих, Бабефа и Дарте, и притом без всяких смягчающих обстоятельств. Это решение было сообщено суду 7 прериаля на рассвете. Началось последнее заседание. Мы приводим

---

[73] «Journal de la Haute Cour...», N 72, p. 3.

отчет о нем, появившийся в 73-м, последнем, номере «Газеты Верховного суда...». Больше чем когда-либо этот отчет был «Эхом свободных, честных и отзывчивых людей».

«Председатель суда в отсутствие обвиняемых предписывает, чтобы оправданные были освобождены. Остальных семерых по одному в течение четверти часа вводят в зал заседания. Бабеф появляется первым, за ним Дарте и Буонарроти. Реаль по просьбе Бабефа подходит к нему. «Не скрывай от меня ничего, — говорит он, — я готов ко всему, и выражение лиц присяжных заседателей предвещает мне, что я осужден на смерть; я тебя заклинаю — не нужно никакой отвратительной предосторожности, скажи мне правду». — «Ты осужден на смерть», — ответил Реаль. — «Как, — сказал Бабеф, — они могли заявить, что заговор существовал!» — «Нет, это по пятой серии вопросов, ты осужден на основании закона от 27 жерминаля IV года». — «Но ведь он больше не существует. Могу ли я взять слово?» — «Конечно». — «Нет, я не стану говорить, присяжные заседатели не захотели быть справедливыми. Я не могу ожидать большей справедливости от судей. Они давно решили осудить меня на смерть. Я больше не буду говорить. Смерть за статьи и один год заключения для уличенных в заговоре роялистов!.. Нет, я не хочу говорить».

Суд удаляется на совещание. Он возвращается, и председатель оглашает приговор. Смертный приговор Бабефу и Дарте; ссылка семи остальным...[74] Как только приговор был оглашен, Дарте восклицает: «Да здравствует Республика!» Он пронзил себе грудь, и из раны хлынула кровь. Бабеф, ничего не говоря, следует его примеру... Он падает. Чувство восхищения перед самоубийцами и ужаса перед их палачами охватывает всех присутствующих. Часть граждан разного пола и возраста покидает зал в ужасе, потрясенная зрелищем умерщвления патриотов; часть остается в благоговейном уважении к осужденным»[75].

Пятого прериаля (24 мая 1797 г.), когда приговор суда был для Бабефа уже ясен, он обратился с двумя последними письмами к Феликсу Лепелетье и к своей семье; мы воспроизводим их в томе[76]. Со всей присущей ему искренностью и правдивостью Бабеф пишет Лепелетье о своем состоянии: «...приближение роковой минуты сковывает мой ум, а может быть, и мое сердце и не дает возможности проявиться чувствам, которые еще несколько дней назад я бы выказал. Не знаю, но я не думал,

---

[74] К ссылке были приговорены Буонарроти, Жермен, Казен, Моруа, Блондо и отсутствовавшие на процессе Менесье и Буэн.

[75] «Journal de la Haute Cour...», N 73, p. 3—4.

[76] Мы печатаем письмо к Ф. Лепелетье по оригиналу, обнаруженному Жаном Палу в Парижской исторической библиотеке и опубликованному им в «Annales historiques de la Révolution française», 1956, N 144. Последнее письмо Бабефа к семье было опубликовано в Париже сразу после его казни. Мы публикуем его по этому первоначальному изданию. Письмо было воспроизведено в книге Буонарроти.

что мне так трудно будет расставаться с жизнью. Что ни говори, но природа всегда берет свое. Философия дает нам некоторое оружие, чтобы справиться с ней, но приходится все же отдать ей дань». Однако, преодолевая все эти совершенно понятные человеческие чувства, честно признаваясь в них, Бабеф все же выражал уверенность, что у него хватит сил, чтобы достойно встретить свой последний час. «...Я думаю найти утешение в том, как я держал себя на процессе. Несмотря на одолевающую меня тревогу, я чувствую, что до последней минуты не совершу ничего такого, что не было бы достойно памяти о честном человеке».

В письме семье Бабеф снова возвращается к горьким раздумьям о судьбе революции: «Умереть за родину, покинуть семью, детей, дорогую жену — все это можно было бы перенести, если бы я не видел, что дело идет к гибели свободы и страшнейшим преследованиям искренних республиканцев. О! Милые мои дети, что с вами станет?.. Не думайте, будто я сожалею о том, что пожертвовал собой во имя самого прекрасного дела; если бы даже все мои усилия оказались бесполезными для его осуществления, я выполнил свой долг...».

Так как после попытки самоубийства Бабеф и Дарте остались живы, они были казнены 8 прериаля V года (27 мая 1797 г.).

Уже 7 прериаля V года Вандомский муниципалитет принял постановление о «Мерах предосторожности в связи с приведением в исполнение постановления Верховного суда в отношении Бабефа и Дарте» и объявил свои заседания непрерывными. В протокольной книге есть следующая запись: «Сегодня, восьмого прериаля, в V год французской единой и неделимой Республики, на заседании муниципальной администрации Вандомского кантона в составе граждан Бюшерона, президента, Жосса, Бутре и Лемуана, администраторов, Меро, комиссара Директории, и секретаря Морара один из членов сделал сообщение, что в шесть с половиной часов утра приговор Верховного суда в отношении Бабефа и Дарте был приведен в исполнение на плацдарме. Он считает, что продолжение непрерывного заседания администрации стало излишним.

Выслушав комиссара, Директория администрации объявляет о прекращении заседания» [77].

Отметим, что 16 фримера VI года, вслед за переворотом 18 фрюктидора, все члены реакционной администрации Вандомского муниципалитета по постановлению Директории были смещены в силу «отсутствия политической энергии», а 1 плювиоза новая администрация, сместив как не заслуживающих доверия секретаря и двух служащих, назначила новым секретарем не кого иного, как Эзина. Справедливость ненадолго восторжествовала.

---

[77] Registre des délibérations... pour l'An V, N 370, 371.

Вандом не забыл мучеников свободы. В 1945 г., вскоре после освобождения Франции от гитлеровцев, в присутствии Жака Дюкло на том месте в здании аббатства, служившего тюрьмой, где была дверь, через которую, как предполагается, Бабефа и Дарте вывели на казнь, была установлена мемориальная доска с надписью:

«Французы!

7 прериаля V года—27 мая 1797 г.

Гракх Бабеф и Огюстен Дарте —

Мученики свободы — вышли отсюда,

Чтобы взойти на эшафот

И отдать жизнь за свой идеал»

Великая Октябрьская социалистическая революция выполнила заветное желание Бабефа — собрать оставшиеся после него документы и представить «всем... друзьям, хранящим в сердцах наши принципы... то, что развращенные современники называют моими мечтами». На юбилейной сессии Центрального исполнительного комитета Советов в 1927 г., к десятилетию революции, было сообщено, что в Институте К. Маркса—Ф. Энгельса собран богатейший в мире ценнейший личный архив Бабефа. А сейчас, более полувека спустя, после тщательного изучения этого архива на его основе завершается научное издание сочинений Бабефа. Советский народ, первым приступивший к осуществлению великой мечты об обществе «совершенного равенства», ради которой Бабеф пожертвовал своей жизнью, воздает этим честь замечательному революционеру, оригинальному мыслителю-коммунисту, пламенному защитнику народных масс, человеку, героически прожившему жизнь и так же героически ее окончившему.

В. М. Далин

* * *

При подготовке четвертого тома Сочинений Бабефа редакционной коллегии пришлось столкнуться с целым рядом трудностей, обусловленных в первую очередь твердо установленными размерами тома. Вот почему из документов, захваченных полицией при аресте Бабефа и Буонарроти 21 флореаля IV года, изданных к процессу («Copie des pièces saisies dans le local qu'occupoit Baboeuf»), в том включены лишь никогда позднее не переиздававшиеся собственноручные письма Бабефа к агентам «Тайной директории» и наиболее важные, принципиальные письма и документы, авторство которых было тогда же признано Бабефом. А некоторые документы, носящие второстепенный характер, оказалось невозможным включить в том. Не во-

шли в него и некоторые документы, связанные с Вандомским процессом, носившие по преимуществу чисто юридический характер (так называемые «déclinatoire» — протесты обвиняемых по поводу некомпетентности Верховного суда и т. д.).

Из выступлений Бабефа на самом процессе в том вошла его обширная защитительная речь и отдельные его выступления и заявления. Текст последних приводится по газете Эзина, поскольку она была связана с самим Бабефом, который мог передавать в редакцию тексты своих выступлений, обычно подготовлявшихся им письменно.

В том включены также письма Бабефа к семье из тюрьмы, хранящиеся в ЦПА ИМЛ.

Сложным оказалось и решение вопроса о включении в том документов движения «во имя равенства», приложенных к книге Буонарроти. Редколлегия придерживалась принципа публикации (за редчайшим исключением) в томах произведений Бабефа по сохранившимся рукописям или первопечатным изданиям. Однако в бумагах Бабефа не обнаружено ни одного из документов, приложенных к книге Буонарроти. Нет никакого сомнения в том, что он участвовал в их составлении и редактировании, но его единоличное авторство не может быть точно установлено. С другой стороны, наиболее компетентный биограф Буонарроти — Армандо Саитта на основании изучения рукописей Буонарроти, сохранившихся в Парижской Национальной библиотеке, утверждает, что текст такого важнейшего документа, приложенного к книге «Заговор во имя равенства», как «Экономический декрет», целиком написан рукой Буонарроти. Это дает основание предположить, что автором и ряда других приложений к книге является скорее Буонарроти, нежели Бабеф. Мы публикуем поэтому в приложении лишь «Акт о создании Тайной директории», автором которого Бабеф, по его собственным словам, не был, но в редактировании которого не мог не принимать участие. В Приложение вошли также выписки из газет, сделанные Бабефом в Вандомской тюрьме, хранящиеся в ЦПА ИМЛ и публикуемые впервые.

В том полностью включены все номера газет «Трибун народа» и «Просветитель народа», издававшихся Бабефом в эти месяцы, в том числе и неоконченный 44-й номер «Трибуна...», рукопись которого была захвачена при аресте.

При публикации соблюдались следующие правила: все подчеркивания, сделанные Бабефом, даны разрядкой, а все примечания от редакции — курсивом. Названия и даты, данные составителями, приводятся в квадратных скобках. Документы, публикуемые впервые, отмечены в оглавлении звездочками.

Ввиду того что, ссылаясь на собственные произведения, Бабеф в ряде случаев цитирует их неточно, в тексте встречаются некоторые, как правило, незначительные расхождения с документами, опубликованными ранее.

Четвертым томом завершается публикация Сочинений Бабефа. Редакция считает своим долгом почтить память всех тех,

кого уже нет в живых и кто способствовал осуществлению этого издания, — А. З. Манфреда, члена редакционной коллегии, В. М. Хвостова и Е. М. Жукова, директоров Института всеобщей истории Академии наук СССР, Е. В. Рубинина, переводчика всех четырех томов, В. К. Покровского, переводчика части материалов четвертого тома, Н. И. Непомнящей, старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма, расшифровавшей ряд труднейших для прочтения рукописей Бабефа, Е. А. Телишевой, составившей указатель имен к первым трем томам, Мориса Домманже, помогавшего своими ценными советами.

Искреннюю признательность редколлегия выражает Е. В. Киселевой, проведшей большую работу по подготовке четвертого тома этого издания.

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ДИРЕКТОРИИ

ТРИБУН НАРОДА [1],

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 36

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека (1793 г.), ст. 1)

Чего мы достигли?

Это всегда в высшей степени важный вопрос. Революционный писатель в каждой своей речи всегда должен ставить этот вопрос и давать на него ответ.

Ибо революционное сочинение — это не что иное, как план действий, тактический план, неизменный путь всех тех в партии, кто творит революцию.

Когда же весь народ вслед за Трибуном, которому он доверяет, становится революционным, долг этого Трибуна — неустанно показывать народу, чего он достиг, что сделано, что еще предстоит сделать, куда и как надо идти и почему.

Будем отныне следовать этому принципу действий. Итак, прежде всего:

Что мы уже сделали?

В двух предыдущих номерах мы набросали душераздирающую картину страданий народа и выявили причины их.

Мы также выявили причины деморализации народа, решившись сорвать покров со зловещего 9 термидора, и положили начало реабилитации героев демократии, пораженных преступной рукой.

Мы осмелились равным образом покуситься на сомнительную святыню, уважения к которой тщетно пытались добиться от нас узурпаторы народного суверенитета; они не добились его даже от ничтожного, развращенного меньшинства, давшего лишь притворно свое одобрение [1*].

Мы сокрушили, кроме того, гнусные препоны на пути истины, на пути почитания, которое тирания тщетно пыталась обречь на вечное забвение; мы говорим о почитании, кое заслужил во веки веков демократический общественный договор, который единодушно и по доброй воле поклялись защищать 24 млн. доброде-

---

[1*] См. «Трибун народа», № 34, стр. 44 и след. [*См. Г. Бабеф. Сочинения. М., 1977, т. 3, стр. 468—470*].

тельных и преданных справедливости человек[2*]; они пролили за него свою кровь и не переставали чтить его в глубине души в течение всего периода термидорианской инквизиции, преследований и террора.

Мы дали ясные доказательства лживости иллюзий, которые коварные, злонамеренные люди внушали народу, желая уверить его, что наибольшего счастья он может достичь лишь при монархическом строе либо при системе патрициата и аристократии.

Мы доказали также, что совершенное, т. е. всеобщее, счастье можно найти, лишь осуществив подлинно совершенную систему народного правления.

Мы выдвинули поражающие как своей смелостью, так и своей новизной идеи о сущности всеобщего счастья — цели общества.

Мы долго и с неизменной смелостью обсуждали великие и исключительные меры, наилучшие пути достижения этой цели. КАКОВЫ ЖЕ НЫНЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТИХ ПЕРВЫХ ОТВАЖНЫХ ШАГОВ? Рассмотрим их.

С самого же начала на нас обрушивается всеобщая ненависть. Возникает клика, которая хулу на нас делает своим первейшим долгом. Все партии дружно набрасываются на наши принципы, но, поскольку они бессильны опровергнуть их очевидность, наименее несправедливые из них ограничиваются в своих нападках утверждением, будто не настало еще время их выдвигать. Враги народа, самых разных оттенков, сообща всячески поносят нас, но не в силах опровергнуть нашей правоты. Даже близкие к нам кричат, что мы все погубили своей неосторожностью.

Но вот наступает момент, и мы отвечаем на эти бесчисленные вопли, и тогда нашим братьям впервые начинает казаться, что мы не так уж безрассудны; наиболее горячие из них стихают и начинают думать, что, возможно, наш способ борьбы не самый худший. А вскоре появляются и сторонники, и распространители нашего учения. Наши завораживающие слова: подлинное равенство, счастье для всех, всеобщее счастье — входят в моду и становятся в порядок дня всех плебеев. Не только наши, но и другие газеты, другие сочинения приемлют эти слова, а вместе с ними и вытекающие из них другие принципы. Наш голос перестает быть гласом вопиющего в пустыне. Остаются лишь крикуны монархизма и патрициата, чье ослепление мы не можем умерить, но они мало заботят нас. И, кроме того,

> ... Безнадежно безумен тот,
> Кто старается угодить всем.

[2*] Протоколы Конвента от 9 августа 1793 г., II года Равенства: «Госсюэн [2], от имени комиссии, обязанной собрать протоколы первичных собраний, объявляет Конвенту, что 44 тыс. коммун одобрили Конституционный акт; только одна коммуна Сен-Тонан департамента Кот-дю-Нор пожелала иметь королем сына Людовика Капета».

Наша мораль принесла свои плоды: святые для нас выражения теперь у всех на устах и слетают у многих с пера[3*]. Этого нам достаточно. Мы не хотим ничего иного, кроме усовершенствования и повсеместного распространения этих настроений. Ведь мы не можем скрывать того, что пока еще они носят чересчур частный характер. Но пусть трепещет деспотизм, а лига мстителей за равенство воодушевится, видя, как уже загорелась искра, предвещая новый пламень в великом горниле независимости и народной справедливости, охватывающем 86 прекрасных департаментов! Пусть знают тираны, что восстановить мораль народа еще более легко, чем разрушить ее, ибо народ легко убедить, что всеобщее счастье — только в здоровой морали, а безнравственность неотвратимо несет с собой несчастье. Пусть угнетатели — скажем мы — трепещут... а защитники прав народа сплачиваются и собираются с силами... зная, что новый призыв к свободе, раздавшийся в Центре из уст людей самых добродетельных, уже услышан на Севере и на Юге и что они обещали откликнуться на него; что смельчаки тоже обещали и

[3*] «Ami des lois»[3] от 7 фримера: «Ужасно сознавать, что одни люди страдают от голода и холода, в то время как другие не знают, куда девать излишки, которые, строго говоря, принадлежат обществу».

«Пусть человечество никогда не мирится с несправедливым распределением предметов первой необходимости».

«Ami des lois» от 9 фримера: «Кое-кто осмеливается нагло утверждать, что пора заканчивать революцию. Да что там! Осмеливаются открыто заявлять, будто она закончена! Очень хорошо! Что до меня, то я заявляю... если бы революция была закончена... бедняк мог бы жить».

«Ami des lois» от 12 фримера: «Обязанность правительства и законодателей... гарантировать французам первую и самую священную из всех видов собственности — их жизнь, их существование».

«Ami du peuple»[4] от 12 фримера: «Употребляя слово „собственность“, оба совета не имеют в виду собственности народа... Следует уважать собственность! Но наши противники, уважают ли они первую собственность, дарованную нам природой? Уважают ли они нашу жизнь? Нет».

Обращение патриотов 89 г. к народу: «Они оклеветали и подвергли преследованиям людей мужественных, которые добились бы воцарения равенства и изобилия. — Без конца твердя о праве собственности, они лишили нас права на существование.— Народ равнодушен, когда он должен был бы кипеть, как никогда... Все те, кто ненавидит равенство и счастье для всех, не кто иные, как роялисты... Все те, кто вот уже шесть лет провозглашает и защищает ... всеобщее счастье, суть патриоты... Будем же неустанно и пылко призывать к равенству».

Мои дорогие собратья и сограждане, так и продолжайте. Я не хочу ничего другого, как только повторять ваши слова. Пусть подголоски и пособники угнетения высмеивают меня, называя плагиатором: я с удовольствием буду им, пока вы снабжаете меня мыслями, столь совпадающими с моими принципами общественного благоденствия. Я как можно шире распространю все, что вы скажете в этом роде, дабы, если то возможно, все это услыхали, все прочитали, все оценили и извлекли из этого пользу.

готовы в час, когда прозвучит набат нашего освобождения, объединить свои благородные усилия против самых преступных посягательств, которые роду человеческому еще предстоит покарать!

Вы, кому дóлжно внушить страх, равный совершенным вами преступлениям! И вы, в ком надо воскресить энергию, которая никогда не должна была бы в вас иссякнуть! Пусть нижеследующий призыв окажет это двойное воздействие на душу каждого из вас:

«Равенство, добродетель, свобода. Да здравствует демократическая республика будущего!»

Вот что пишет мне высший офицер одной из наших южных армий:

«Рази крепче, ничего не страшись. Республика рассчитывает на тебя. Трудись без устали, подготовляя счастье народа».

Вот к чему призывает меня этот храбрый солдат, который, по-моему, достоин возглавить плебеев.

Не подумают ли, что я слишком уж доверяю своему чутью, своему умению разбираться в людях, раз этих немногих слов оказалось достаточно, чтобы возбудить во мне безмерные надежды?

Но и мои сношения с северными областями укрепляют во мне эти надежды. Именно оттуда всегда исходит то, что, быть может, стóит большего, чем кипучий, но слишком часто неосмотрительный, необдуманный и скоротечный порыв Юга. Ведь именно Север всегда рождал таланты, которые размышляют, прежде чем действовать, которые умеют рассмотреть план в целом и в частностях, которые определяют конечную цель революции и неукоснительно добиваются осуществления однажды решенного. Вот что получил я из района Па-де-Кале[5]:

«Наши санкюлоты с самым пылким нетерпением ожидают и надеются, что люди 10 августа и 31 мая, передовой отряд плебейской армии, в едином порыве поднимутся против тирании душителей и убийц народа, чтобы действовать согласованно и выполнить, также и в своем округе, самую святую из республиканских обязанностей. Ты не поверишь, в каком нетерпении считают они дни, часы и минуты, отделяющие их от этого искупительного мгновения. Они глубоко прониклись идеями и принципами плебейской доктрины. Все они знают наизусть знаменитую истину, высказанную в докладе 22 флореаля II года: «Никогда не следует забывать, что гражданин республики не может сделать ни единого шага, не ступая по собственной земле, по собственному владению».

Это образец общественного мнения в департаментах. Мы могли бы привести сотни примеров в подтверждение аналогичных настроений во множестве населенных пунктов нашей замечательной страны. В самих этих настроениях заложена сила, от которой они растут и ширятся прямо на глазах. По-моему, это достаточно

верно обрисовывает ПОЛОЖЕНИЕ, В КОТОРОМ МЫ ОКАЗАЛИСЬ.

Остается определить, ЧТО ЖЕ ПРЕДСТОИТ ЕЩЕ СДЕЛАТЬ?

Тут нечего сомневаться: по мере возможности оживлять, усиливать эти проявления твердой воли, ясно выраженной решимости к возрождению в собственном смысле этого слова, к подлинному, истинному возрождению — к единственной перемене порядка вещей, заслуживающей такого названия; к такому, наконец, возрождению, которое в самом деле возрождает, которое приводит большинство людей от горя к всеобщему счастью.

«Вот они, эти люди — поклонники анархии, готовые продолжать революцию без конца!..»

Кто не знает, что именно так заявит нам Исполнительная Директория и что она, несомненно, рассчитывает сразить нас этой полуфразой (см. ее Инструкцию, адресованную национальным комиссарам).

Но это всего лишь мнение патриота Реаля, с которым мы, честно говоря, отнюдь не побоимся помериться силами, несмотря на доблести героя, любезно приписываемые ему, уж не знаю по какому поводу, и «Journal des hommes libres» [6], и даже «Ami des lois» [4*]. Но патриот Реаль обедает с Корматеном [5*], и я был бы весьма огорчен, если бы именно у этого последнего он и черпал идеи для «Инструкций национальным комиссарам» и для других официальных бумаг, составление которых поручает ему Директория. И его язвительное замечание об анархистах и людях, готовых продолжать революцию без конца, отнюдь не умаляет наших подозрений, что он черпает свои воззрения именно из этого источника. И здесь уместно привести меткое высказывание Фемистокла [8], которое позволяет сделать удачное сравнение: «Взгляните, — говорил Фемистокл своим друзьям, — вон на того ребенка, что играет и как будто ни о чем не думает; а между тем он вершитель судеб Греции: он управляет своей матерью, его мать управляет мною, я управляю афинянами, а афиняне управляют греками». Точно так же могли бы сказать и мы: «Взгляните на этого Корматена, на этого главаря разбойников и шуанов, который как будто наш пленник, наш раб? А между тем он вершитель судеб Французской Республики; он управляет Реалем, Реаль управляет Директорией, а Директория управляет нами».

Поэтому правы все французы, желающие окончания суда над Корматеном, чтобы положить конец его господству над нами. И они еще больше правы, когда удивляются и выказывают тревогу сначала по поводу секретного следствия, учиненного по

[4*] См. № 1 от 10 фримера и № 2 от 11-го.

[5*] 14 фримера IV года Республики г-да Корматен, Меэ и Реаль [7] обедали втроем в Консьержери. Я воздерживаюсь от каких бы то ни было рассуждений по этому поводу и удовольствуюсь лишь простой констатацией этого факта для истории. Сам факт засвидетельствован очевидцем — одним из заключенных.

этому делу, а затем по поводу его неожиданной приостановки. Странные ползут слухи о причинах этой приостановки. Ее приписывают наличию акта, которым был снабжен Корматен и в котором будто бы утверждалось, что лица, ведущие переговоры о почетном мире в Вандее, добились его ценой обещания восстановить королевскую власть Капетов. Я высказываю это мнение лишь на основании слухов. Я не располагаю столь очевидными, как обед в Консьержери, доказательствами его истинности[6*].

Однако вернемся к существу дела.

Мы помним, что вопрос поставлен следующим образом: «Что же предстоит еще сделать?»

— Ничего, — говорит нам Директория, или Реаль, или Корматен; ибо что могут означать горькие сетования на анархистов и на людей, готовых продолжать революцию без конца, как не то, что все уже сделано, что революция закончена.

Это словечко анархисты, которое использовали и при Лафайете[9], и при Людовике XVI, и во времена жирондистов, повторяют вновь с возмутительным упорством. Понятно, когда оно в ходу при всех королевских дворах; но наши новые властители из политических соображений должны были бы поостеречься бросать подобные слова. Им не худо бы было вспомнить, что они стали теми, кем являются ныне, только потому, что в глазах предшествовавших им королей сами были такими же анархистами, и с тех пор минуло не так уж много времени. И г-ну Реалю не следовало бы забывать, что он стал видной фигурой только потому, что в свое время был анархистом, и что ему могут напомнить время и обстоятельства, когда он кичился своим анархизмом. Но перейдем к людям, готовым продолжать революцию без конца.

Продолжать революцию — мы уже не раз говорили о значении этих слов — это значит конспирировать против негодного порядка вещей; это значит стремиться к разрушению такого порядка и к замене его новым, лучшим. И поскольку то, что никуда не годно, еще не разрушено, а то, что представляло бы ценность, еще не утверждено, я ни за что не признаю, что пора кончать революцию. По крайней мере, я ни за что не признаю, что пора кончать революцию в интересах народа.

Мне понятно, что люди, которые во всем видят лишь собственную выгоду, говорят, что хватит заниматься революциями, когда благодаря революции они уже достигли наилучшего положения, такого, при котором каждому из них лично уже нечего желать. И тогда, вне всяких сомнений, революция окончена, но только для них. Для великого султана революция в Турции полностью завершена. Для Бурбонов революция была полностью завершена уже при Людовике XIV, Людовике XV и Людовике XVI.

6* Когда этот номер был уже в печати, появилась афиша, все подтверждающая о Корматене, и она стоит большего, чем слухи.

Я согласен, что и теперь она завершена для всех мириаграммистов[10], как членов Директории, так и Законодательного корпуса, будь то старые или молодые; она завершена и для «золотого» миллиона. Но я не устану твердить, что для народа революция отнюдь не завершена.

И однако, как утверждали, революцию делали ради него одного; он сам клялся или завершить ее, или умереть. Она далека от завершения, поскольку ничего еще не сделано, чтобы обеспечить счастье народа, и, напротив, сделано все, чтобы истощать его, этот народ, чтобы вечно наполнять его потом и кровью золотые сосуды горстки ненавистных богачей. Следовательно, надо продолжать ее, эту революцию, продолжать до тех пор, пока она не станет революцией для народа. Поэтому те, кто жалуется на людей, которые хотят продолжать революцию без конца, по справедливости должны считаться врагами народа.

Сильным мира сего странно слышать слово революция, поскольку они считают, что революция у нас завершена. Но им скорее следует сказать — контрреволюция! Итак, повторим еще раз: революция — это всеобщее счастье; это то, чего у нас пока еще нет. А поэтому можно ли говорить, что революция завершена? Контрреволюция — это несчастье большинства народа; и это то, что мы имеем. А посему не торжествует ли у нас ныне контрреволюция?

Однако никто еще не осмелился бесстыдно признать и громко заявить, что итогом наших шестилетних усилий должна была стать контрреволюция! Соблюдая еще приличия, твердят, что целью этих усилий была лишь революция, и никто не говорит о революции богачей и миллиона почтенных граждан. Но уж если вынуждены согласиться, во-первых, с тем, что истинной революцией является только революция в пользу масс и что только такая нам и нужна, а во-вторых, с тем, что пока мы добились лишь революции в пользу небольшой кучки людей и что по всей справедливости ее следует именовать контрреволюцией... то из этого следует, что революцию надо делать заново, по признанию самих контрреволюционеров.

И тем не менее, поскольку мы действительно хотим сделать ее заново, нас обзывают анархистами, смутьянами, дезорганизаторами. И это в силу тех же противоречий, которые заставляют их контрреволюцию называть революцией. У этих господ сама организация называется дезорганизацией. Я же называю дезорганизацией любой порядок, который щедро осыпает всеми благами ничтожное меньшинство и заставляет чахнуть и умирать громадное большинство; а дезорганизаторами называю тех, кто содействует установлению и сохранению подобного порядка. Организацией же я называю прямо противоположный порядок, при котором обеспечено благоденствие масс; а организаторами — тех, кто старается создать и утвердить основы, обеспечивающие такие счастливые результаты. Но таков уж словарь

дворцов, особняков и замков, что одним и тем же выражениям он придает почти всегда смысл, противоположный тому, который придают им в хижинах. В Версале и Тюильри в 90—92-м годах выражения анархист, смутьян, дезорганизатор были в большом ходу; и те, кто их употреблял, были единственными истинными дезорганизаторами; а те, к кому их применяли, были, напротив, людьми, желавшими установить порядок на месте дезорганизации, созданной фанатиками роялизма. Еще и поныне ничего не изменилось. Все те же очаги порождают и пускают в ход старые слова — «анархия», «дезорганизация», и именно те, кто все дезорганизует, яростнее всех и вопят; и как раз новым организаторам или по крайней мере тем, кто высказывает человеколюбивое желание стать таковыми, с бешеным ожесточением адресуют они эти слова.

Но достаточно нам показать, чего стоят эти прозвища и оскорбления, чтобы они сегодня причинили нам не больше зла, чем в 90—92-м годах. И ныне, как и в те дни, люди здравого смысла, энергичные и пылкие друзья справедливости, станут гордиться именем дезорганизаторов. В их глазах такое звание всегда будет означать организатора, а порядок, к которому они стремятся, — организацию. Все это наглядно показывает, ЧТО ПРЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ.

Нужно, однако, поговорить и о препятствиях на нашем пути.

Известно прежде всего, что те, кто заинтересован в сохранении существующей власти, располагают, как то было и во времена Людовика XVI, поддержкой определенной армии защитников, извергающих проклятия на головы анархистов и смутьянов. Ясный и прозорливый взор патриота в любой маленькой группе с огорчением различит хоть одного из таких доносчиков, а в каждом кафе или других общественных местах — многих. Они, несомненно, чинят препятствия скорейшему торжеству всеобщего блага, потому что всегда находят какое-то число простодушных, которых им удается обмануть. Но я считаю, что тем не менее они не смогут долго оставаться опасными. Опыт научил нас, не мешкая, распознавать каждого из тех, кто играет столь презренную роль, какой бы партии он ни служил. Многие из тех, кто занимается подобными делами, уже выявлены и познали заслуженное ими презрение.

Есть еще одно препятствие, возможно более серьезное, которое возможно также, не лишено связи с первым. Дело в том, что в Париже, в этом главном очаге, где так долго сиял ослепительный свет свободы, ныне уже не заметно той решимости, которая предвещала бы преодоление всех трудностей начатого дела. Люди, во всяком случае бóльшая часть их, продолжают жить, несмотря на то что ненавистный Термидор и гнусные дни, последовавшие за 1 прериаля [11], уничтожили столь многих из них. Но уцелевшие больше не кажутся прежними. Откуда это уныние, эта явная подавленность среди лиц, некогда столь гордых, столь храбрых? Почему мне чудится, будто я все еще вижу на их ртах следы кляпа,

а на их запястьях следы наручников, сковывавших их? Почему эти стены, эти цепи и эти возмутительные оковы не послужили для них новой закалкой, не побудили их с новым пылом защищать права народа и заставлять трепетать его врагов? Что же это за постыдная робость, что из стольких мужественных борцов за народное дело не осталось почти ни одного? Есть ли еще нация, которая, вкусив, как наша, глоток свободы, не явила бы миру до последнего момента и в час грозных опасностей своих последних бесстрашных героев? У Рима были свои Кассии и Бруты [12], сумевшие сохранить в условиях упрочившейся тирании характер и достоинство свободных людей. А взгляните на Польшу. Она близка к моменту, когда почти не остается никакой надежды на сохранение национальной независимости, и тем не менее какой пылкой отвагой проникнуты слова благородного Ржевуского, обращенные им к сейму: «Мы на краю бездны! Нам предстоит погибнуть! Остался только один шаг, и мы должны будем отречься даже от слова „свобода"! Неужели нет больше ни одного гражданина, который выступил бы в защиту общего дела и отомстил бы за отечество? Неужели умерла в наших сердцах любовь к общественному благу? Разве наши великие и прославленные герои — Любомирский, Горка, Олемицкий, Замойский, не щадя своей жизни защищавшие отечество, не указали нам примера, коему должно следовать?» Положение этих людей близко напоминает сегодняшнее наше. Но там по крайней мере не стыдились, как у нас, произносить славные имена павших, великих мучеников за дело революции. Их чтили, их вспоминали не иначе, как с чувством религиозного трепета. Любомирский, Горка, Олемицкий, Замойский были польскими Лустало, Пелетье, Маратом, Робеспьером, Сен-Жюстом, Кутоном, Роммом, Гужоном, Субрани [13]. Свобода была погребена вместе с ними. Но их памяти по крайней мере воздали дань общественного уважения. Мы же не только позволяем постоянно оскорблять память самых ревностных защитников справедливости, добродетели и равенства, но чуть ли не сами трусливо присоединяемся к преступному хору хулителей этих бессмертных героев...

И не является ли еще одним неслыханным делом, еще одним огромным препятствием на пути к совершенному благу почти всепоглощающее стремление патриотов добиться для себя мест от правительства, которое они должны бы ненавидеть. Могут возразить, что будет лучше, если общественные должности займут патриоты, а не люди противоположных им взглядов. Но когда правительство столь негодно, столь антинародно, что необходимо конспирировать против него, то легко ли на это решиться тому, кто обязался служить этому правительству; тому, чьей несомненной и повседневной задачей является в известной мере его укреплять; кто незаметно втягивается в свое дело и кому вскоре становится трудно бороться с тем, с чем он связан столь прочными узами? А за обман самого себя не придется ли расплачиваться частью собственных республиканских убеждений? Не придется ли

содействовать сохранению некоего порядка вещей, сохранению последствий, вытекающих из гнусных принципов, принципов, которые вызывают отвращение у всякой честной. души? Я, например, не могу объяснить и не могу постигнуть того, что, на мой взгляд, является странным и постыдным: как может большинство этих людей, прежних представителей народа, столь гордившихся своей мнимой приверженностью демократическим принципам, столь кичившихся званием монтаньяров и даже содействовавших до известной степени великолепному сопротивлению первым атакам на народную Конституцию 93 года, как могут эти люди, чего я не в силах понять, занимать ныне государственные должности, полученные ими из рук тех, кто (в силу их же собственных принципов, за которые они в свое время имели мужество пострадать) в высшей степени преступен уже по одному тому, что они присвоили себе право раздачи должностей. Я считаю, и не могу об этом умолчать, что многие жертвы жерминаля[14] и прериаля заставили померкнуть славу, приобретенную ими в это критическое и памятное время, и я предвижу, как история заявит, что не было примеров более постыдных сделок, чем их сделка. Действительно, люди, столь великие вначале, что готовы были даже пожертвовать жизнью ради утверждения кодекса, основанного на всяческих добродетелях, затем оказываются настолько ничтожными, что соглашаются стать послушным орудием, исполнителями на службе другого кодекса, основанного на всяческих пороках и установленного на обломках первого, за который они мужественно сражались... Никто не станет спорить, что подобная противоречивость есть крайнее проявление поразительной низости[7*]. Никогда люди, игравшие какую-либо роль на

[7*] Разве хоть один из них сумел последовать примеру бессмертного и добродетельного Гужона? Его защитительная или, вернее, его оправдательная речь, только что опубликованная, речь, которую убийцы не пожелали выслушать, — но не в их власти было помешать тому, чтобы сегодня она отомстила за его память, а их самих предала вечному проклятию, — эта оправдательная речь, одновременно поучительная и возвышенная, является самой сокрушительной критикой всего последующего поведения левого крыла Конвента. Единственный отрывок, который я процитирую, показывает всю добродетель юного героя и мученика за дело демократии, изложившего в этой речи возвышенные и благородные размышления... Этот отрывок выражает также самое верное и самое уничтожающее из всех суждений об этой патрицианской конституции, о тайной подготовке которой жертвы прериаля, по-видимому, уже располагали сведениями, заставлявшими их предчувствовать ее. Насколько то, что сказал о ней Гужон, превосходит все неопровержимые истины, кои исторгло у нас негодование против этого народоубийственного пакта! До какой степени издатель сочинения, о котором идет речь, сам того не ведая, наносит этому детищу тирании удары еще более чувствительные, чем я! Так почему же наши всемогущие владыки притворяются, будто видят в нас единственных врагов пресловутой хартии, утверждающей их наглое господство и нашу постыдную зависимость? Почему же не усмотреть также преступления против патрициата в действиях человека, осмелившегося напечатать то, что Гужон посмел написать перед своей смертью? И почему столь всесильный деспотизм

общественном поприще, даже если они не придерживались столь строгих моральных принципов, какие исповедовали бывшие депутаты Горы, никогда, повторяю, ни один человек, оставивший след в анналах истории, не вел себя подобным образом. Если бы заговор Катилины удался, я сомневаюсь, чтобы Цицерон[15], который обладал лишь той долей честности, каковая пристала адвокату, — я сомневаюсь, чтобы Цицерон захотел стать его первым министром. Если бы Помпей[16] уцелел после победы Цезаря, я сомневаюсь, чтобы, обезоруженный и даже плененный, он выказал бы слабость характера и принял от Цезаря должность его помощника.

Все мужество, вся энергия, весь характер и все достоинство многих патриотов исчерпываются потоком проклятий в адрес гнусного Обри, омерзительного Ровера, чудовищного Буасси д'Англа[17]. Мне поставили в вину, что я, подобно другим, не обрушиваюсь исключительно на это трио злодеев. Признаюсь, у меня нет на это ни отваги, ни желания. Мне всегда противно бить уже поверженного врага... Для меня нет ничего прекраснее, как нападать на Роверов, Буасси и Обри, когда они могущественны и опасны. Но такая смелость сегодня не прославила бы меня. Именно это и отличает меня от толпы людей, всегда готовых проявить беспощадность к врагам, уже не внушающим страха. Не в том суть мужества свободного человека. Его воодушевляет лишь борьба с грозным и сильным злом.

Но при этом я все же считаю полезным метать громы и молнии против одного из этой ужасной троицы, которой изнемогающая Франция приписывает главным образом все свои горести.

не в силах даже мертвецам помешать воскреснуть, чтобы оценить по заслугам кодекс, которому столь щедро расточали незаслуженную хвалу? Однако мы хотели привести знаменательный отрывок [из письма] славного Гужона. Слова его будут когда-нибудь высечены на мраморной колонне, что воздвигнут в память этого славного защитника справедливости и равенства:

«Да будет Отечество счастливо после моей смерти, да не склонит оно головы под игом тирании, невинной жертвой которой мне предстоит стать! Но боюсь, что за этим днем несправедливости последует много других, ему подобных! Боюсь, как бы невинно пролитая кровь не вызвала слишком долгого отмщения! О Родина! Неужели тебе суждено истекать кровью и слезами! Эта мысль сильнее всего тревожит меня. Пусть же небо сделает мои страхи беспочвенными! Пусть французский народ сохранит Конституцию Равенства, одобренную им в первичных собраниях. Я клялся защищать ее и за нее погибнуть, я счастлив, что умираю, не нарушив своей клятвы. Я умер бы еще более счастливым, если бы был уверен, что после меня ее не уничтожат и не заменят другой конституцией, где равенство будет отвергнуто, Права человека нарушены, а большинство народа будет полностью порабощено благодаря ей кастой богачей, единственной владычицей правительства и государства. Я счастливее тех, кто остается; счастливее тех, кто склонит УНИЖЕННОЕ ЧЕЛО под это позорное иго. Я умру, не нарушив своего долга...».

Последнее письмо Гужона семье, написанное за три дня до смерти.

Тот из названной троицы, на кого, по-моему, следует особенно обрушить общественное негодование, которое он заслужил, это Буасси д'Англа; ибо зло, причиненное им нам, еще живо, раны, нанесенные им, еще кровоточат, и мы не знаем, не можем угадать, когда они зарубцуются. Робер Ленде[18], говоря о Буасси, заявил без обиняков: «Он принес Франции голод». А я добавляю от себя: «Он подарил Франции Черный кодекс». Да, именно этот человек не только обрек нас на голод, но и заковал нас в цепи. Вынашивая в глубине своей черной души план голода, он в то же время с неменьшей подлостью замышлял кощунственное покушение на народную Конституцию 93 года, закладывал основы жестокого и унизительного кодекса 95 года, того постыдного пакта, который, как мы уже говорили, не был представлен нам на утверждение, но был нам НАВЯЗАН и который содержит в себе отдельные статьи гораздо более позорные, чем статьи кодекса, навязанного жестокими колонистами неграм на наших островах[19]. Чем и когда искупит Буасси преступление, какое он совершил, дав жизнь этому кодексу угнетения, который оценили по достоинству, окрестив его именем автора? Жители Антуанского предместья называют его теперь уже не иначе, как конституция д'Англа[8*].

Есть сверх того еще одно обстоятельство, которое должно сильно мешать быстрому успеху республиканцев и наносить немалый урон их достоинству. Это удивительная легкость, с какой они сближаются с некоторыми людьми, когда им следовало бы всегда держаться от них на известном расстоянии. Дюваль и Друг законов, братающиеся с Луве, Реалем, Фрероном[23], расточающие им даже лесть, — это, как мне кажется, мало подобает людям, которых легион плебеев полагает своими предводителями и с действиями которых он соразмеряет свои действия. Ничто не представляется мне более неуместным, чем воскурение фимиама у ног Фрерона и проявление дружеских чувств к этому бывшему вожаку террора, бывшему застрельщику избиений, бесстыдному защитнику пороков и всех худших страстей патрицианской касты.

8* Я очень рад, видя, как то же название повторяется и подтверждается на 4-й стр. 9-го номера «L'Orateur plébéien»[20], читая там вообще по поводу этой конституции д'Англа вещи куда более резкие, чем те, что я только что написал или писал ранее. Ну, что ж, надо надеяться, что этому порождению дикого бреда не суждена долгая жизнь. Мы охотно отказываемся от обещания не придавать больше значения «L'Orateur plébéien»: ведь в нем пишет Антонелль[21]. Почему он не пишет в нем всегда? Тогда все его номера были бы похожи на 9-й, где нет почти ни единого слова, которое не нравилось бы Трибуну. Однако мы ответим ему, и ответ наш может, пожалуй, занять целиком следующий номер моей газеты. Я не стану ограничивать себя, во-первых, потому, что мне приятен мой собеседник, во-вторых, потому, что сама тема интересна для обсуждения и дискуссия может оказаться небесполезной для Народа; в-третьих же, потому, что всегда значительно проще выставить свои аргументы, чем отвечать на чужие: Жан-Жаку понадобился целый том, чтобы ответить на восьмистраничное послание Кристофа де Бомона[22].

Он далек от того, чтобы искупить бесчисленные злодейства, совершавшиеся по его приказу по всей Франции жестокой молодежью, и ныне его последние действия на юге по-прежнему подозрительны и вызывают сомнения. Кого не поразила реплика, оброненная им в Марселе: «Не следует думать, будто я явился сюда для покровительства террористам»? В самом деле, я ничуть не был бы удивлен, если бы все чудеса, которые рассказывают тут о его патриотическом поведении, оказались бы в сущности подобны тем, что он совершил в дни своего первого проконсульства во II году. Моиз Бейль[24], убедительно доказав десять месяцев назад, что этот человек, законченный злодей, писал, будто меч национального правосудия в Марселе и Тулоне разил по его призыву контрреволюционеров и врагов народа; истина же состоит в том, что по его варварским приказам были расстреляны тысячи рабочих и санкюлотов. Я очень опасаюсь, как бы его нынешние действия не оказались подобны совершенным в те времена; тайна и мрак, окутывающие их, только еще более подкрепляют подобные опасения. А если что-то из действий проконсула становится известным, то это лишь усиливает наши ужасные подозрения. Обратили ли должное внимание на одно письмо Фрерона, где он вновь доказывает, сколь он предан сугубо порядочным людям; сколь он чуток к их бедам; его разум отказывается верить, что их можно обвинить в совершении каких-либо преступлений? Я говорю о письме Фрерона, касающемся двух сыновей герцога Орлеанского[25]. «Этих двух юных Граждан, — говорит бывший оратор благородного миллиона, — эти две жертвы грубого произвола, вызвавшего живое возмущение против их притеснителей, обвинили в том, что они своими руками убивали заключенных Форта Жан во время избиений 17 прериаля». Но Фрерон с трудом может поверить в обоснованность подобного обвинения, брошенного двум вызывающим его симпатии юношам, воспитанным матерью, которой он расточает самые высокие похвалы и о ни с чем не сравнимых несчастьях которой сетует. Фрерон всегда остается Фрероном, и однако в адрес этого человека, о котором еще века будут вспоминать с отвращением, французские Тациты[26] обнаружат в сегодняшних газетах, кои выглядят особо патриотическими, низкую лесть, которую они сочтут, возможно, трусливыми извинениями ягненка, умоляющего волка пощадить его. Как подобное пресмыкательство недостойно людей, называющих себя свободными! Я предпочел бы погибнуть с честью, чем хитростью одержать верх, покрыв себя позором. В аристократах больше достоинства, чем в нас. Я склонен воздать некую дань уважения Галетти[27], который был по крайней мере последовательным. 12 брюмера он удивлялся, видя, как Фрерон, после того как он яростно подстрекал французскую молодежь обратить против разбойников и убийц режима децемвиров всю ту ярость, которую он старался распространить повсюду, — как этот самый Фрерон вынужден теперь карать за крайности того движения, ко-

торое сам он вызвал. Никаких сомнений! Убийство двух патриотов господами Орлеанами как раз и является крайностями движения, и главный виновник его — Фрерон! Но нельзя не признать, что Галетти рассуждает вполне здраво, утверждая, что отнюдь не Фрерону надлежит преследовать убийц, поскольку они только точно выполняли его свирепые приказы.

Мне кажется, я теперь дал вполне определенный ответ на поставленный вопрос: «Чего мы достигли?» Я показал, чего мы добились. Я наметил в общих чертах то, что еще предстоит достигнуть. Я указал на камни преткновения, на трудности. Как и обещал, я буду постоянно возвращаться к этой картине, имеющей первостепенную важность для народа. Я часто буду возвращаться к ней, выявляя все последующие изменения, которые привнесет в нее время, чтобы друзья демократии всегда могли видеть, в каком положении в данный момент находится главнейшее из дел, которым они должны заниматься; чтобы научить их самих постоянно определять и подстерегающие их опасности, и надежды, которые они могут возыметь; наконец, чтобы дать им возможность неизменно направлять свои действия на достижение наибольшего успеха этого возвышенного дела. И здесь я заканчиваю эту часть, чтобы перейти к следующей, которая опять-таки будет прямо связана с кардинальным вопросом: «Чего мы достигли?» А достигли мы того, что, вопреки конституционной свободе печати, и сейчас еще, как в революционные времена, арестовывают писателей, которые осмеливаются быть патриотами и хотят поэтому говорить народу правду.

---

14 фримера, около полудня, ко мне явился незнакомец и спросил гражданина Роша[28] (гражданин Рош — это тот, кому я прежде поручал вести подписку). Неизвестному отвечают, что гражданина Роша здесь нет. «Я подожду его», — говорит он. «В таком случае присаживайся», — предлагаю ему я. Неизвестный ждет, потом, утомленный ожиданием, выходит и через минуту возвращается... Я, ничего не подозревая, опять предлагаю ему сесть...

«Но... это вы — гражданин Рош?» — спрашивает он меня. — «Ты ошибаешься, я не Рош». Посетитель упорствует, настаивая на том, что я Рош. «Ну, допустим, я Рош, — говорю я наконец, — что тебе от него нужно?» — «Отдать ему это письмо». Я читаю: это было предписание Рошу явиться к мировому судье секции Елисейских полей. «Но я-то не Рош», — повторяю я еще раз. — «Не имеет значения, у меня приказ задержать и вас тоже». — «Где же этот приказ?» — «Вот он». Читаю. Это был ордер на арест Роша.

«Другого у тебя нет? Я с места не двинусь, ведь я не Рош».

В этом случае, отвечает сбир, он будет вынужден прибегнуть к вооруженной силе. Он выходит и спускается вниз. Через мгновение я следую за ним. Спустившись, я хотел выйти из дома.

Но альгвазил стоит у дверей и, видя, что я собираюсь выйти, хватает меня за воротник. Дело принимает дурной оборот.

Я представляю возможные последствия подобного покушения на мою свободу, в одну секунду мысленно взвешиваю все, к чему оно может привести. Я тотчас сообразил, на что способны те, кто мог предписать такую меру. Серьезность опасности удвоила мои силы. Я тут же принимаю решение свято соблюдать правило *сопротивления угнетению.*

И вступаю с альгвазилом в рукопашный бой.

Баталия длится добрых полчаса. Наконец я беру верх. И, вырвавшись из когтей агента, обращаюсь в бегство.

Народ, заслышав шум потасовки, столпился у моих дверей. Он был прекрасен, народ! Едва угадав мое намерение скрыться, он совершенно естественным движением раздался на две стороны, открыв мне широкую дорогу...

Однако подручный тирании тут же пускается за мной вдогонку с криком: «Держи вора!» В этот момент я и вправду походил на вора: без шапки, без галстука, платье разодрано сзади от подола до ворота — можно представить себе мой славный вид...

От угла улицы Революции до улицы Оноре, что напротив церкви Успения, толпа трижды останавливала меня. Но стоило мне назвать свое имя, как народ меня отпускал.

Славные грузчики Центрального рынка, работающие в продовольственном складе у церкви Успения, были последними, кто задержал меня; но они же оказались и теми, кто вел себя по отношению ко мне самым достойным образом. Я распознал, я узнал в них тех самых *Народных силачей*, которые сыграли столь славную роль в первых деяниях революции. Едва они узнали, кто я таков, как прикрыли мое отступление, обрушив сперва тумаки, а после грязь и нечистоты на моего преследователя. В конце концов под защитой толпы я был препровожден патриотом *Бонжуром*, по счастью оказавшимся там, в безопасное место.

Сохраним же для истории эту прекрасную присущую народу черту. Поведение грузчиков в подобных обстоятельствах, по моему мнению, не заслуживает забвения. Вот что я сказал им в своем благодарственном письме: «Тогда (в начале революции) вы были окружены уважением, ваша преданность Отечеству заняла должное место среди исторических традиций рождающейся свободы; тогда торжествовала добродетель, и пороку не дано было обливать презрением прекрасные деяния классов, полезных для общества и поистине единственных заслуживающих в нем уважения. Настала пора вновь воздать должное вашим добродетельным делам».

Да будет благословенно правительство! Ура так называемым патриотам, утверждающим, будто оно действует в интересах справедливости и народа. Под его покровительством Понселен и Рише-Серизи[29] спокойно разгуливают по улицам Парижа. Их неистовый роялизм не заслуживает его осуждения; оно приберегает весь свой гнев, свои темницы, а быть может, и эшафот для

тех, кто вздумает говорить народу об его ужасных бедах, о прежней его свободе, о его правах и о средствах вновь завоевать свое счастье.

Итак, пока угнетенные аплодируют нашим мужественным защитникам от угнетателей, морящих голодом, раздевающих и обирающих народ, сами эти угнетатели, которые всегда начеку, стараются вновь лишить нас возможности разоблачать их и возбуждать ненависть к их чудовищным преступлениям.

Я искренно считал, что слов конституции 95 года: «Никто не может быть лишен права высказывать, писать, печатать и распространять свои мысли»; а также других: «Те, кто творит произвол, являются преступниками», — итак, я считал, что этих статей-гарантий вполне достаточно, чтобы ничего не опасаться в стенах своего дома. Теперь же у меня есть доказательства обратного, а также того, что само правительство, учрежденное на основании конституции 95 года, не уважает ее более.

Но мне, пожалуй, все же необходим был этот урок, чтобы узнать, до какой степени можно полагаться на эти конституционные гарантии нового кодекса; до какой степени еще уважается свобода личности в *республике богатых*.

Нам надлежит сделать из этого нового опыта самые серьезные выводы. Он показывает нам, на чтó в наше время способен народ. Стало быть, теперь народ не аплодирует больше слепо, когда преследуют его друзей? Стало быть, он прозрел? Стало быть, он обдумывает как свои поступки, так и свои действия? Из этого я склонен сделать вывод, что народ стоит на пороге своего спасения.

Кроме того, мне кажется, что из моего приключения следует извлечь еще один полезный для общественного блага урок: я предлагаю всем патриотам действовать в подобных обстоятельствах так же, как я. Каждому ясно, что я сопротивлялся угнетению и тем не менее цел и невредим. Почему бы и им не поступить так же, когда *терроризм* вновь попытается подавить их? После губительного дня 9 термидора мы, как глупые овечки, позволили связать себя по рукам и ногам и обезвредить, вот почему нас так легко поработили. Не будем же больше столь глупы. Ни за что на свете не позволим больше арестовать себя. Призовем народ, если над нами захотят учинить насилие; крикнем ему, что мы его друзья, его братья, что только за это нас притесняют. Две-три серенады, подобных моей, исполненные в честь сбиров, научат их большей осмотрительности. Будем стойкими — уже самое время! Может быть, вскоре мы увидим конец нашим бедам. Мы должны уцелеть, чтобы ускорить этот конец, помочь ему. Острота кризиса дошла до крайнего предела; дальше он продолжаться не может.

Г. Бабеф, Трибун народа

Париж, 20 фримера IV года Республики [11 декабря 1795 г.]

Примечание. — Наша газета причиняет такое беспокойство властям, их внимание настолько занято ею, что все средства, способные ее задушить, помешать распространению великих истин, которые она несет, для них хороши. Им мало желания бросить ее автора в тюрьму, они еще нарушают в отношении него то право собственности, которое якобы столь глубоко уважают. Пусть знают все, что более половины экземпляров 35-го номера газеты, посланных моим парижским подписчикам, были похищены в результате низких интриг, которые у меня не хватает слов назвать. Я не знаю, как случилось, что смогли подкупить моих рассыльных, и часть номеров моей газеты, вместо того чтобы попасть к подписчикам, затерялась среди почты Совета 500. Дабы поправить случившееся, я оповестил, как мог, своих подписчиков, что вышлю им взамен другие экземпляры того же 35-го номера, если все те, кто не получил номера, уведомят меня об этом. И теперь я вновь обращаюсь к ним с этим призывом. Что касается настоящего, 36-го номера, а равно и всех последующих, то мы приняли меры, благодаря которым, как мы надеемся, потерпят провал все инквизиторские хитросплетения. Мы готовы на все жертвы и сумеем преодолеть все препятствия, чтобы наше правдивое слово дошло до каждого, кто хочет его услышать, до каждого, кто стремится к нему.

ВАЖНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Я полагаю полезным разъяснить здесь одно заблуждение, в которое, по-видимому, впали многие лица, неверно истолковав наше извещение, данное в конце проспекта и в 35-м номере. Я предупреждал, что объем выпускаемых мною номеров отнюдь не будет одинаковым: в зависимости от обилия материала в каждом из них будет больше или меньше страниц; но при этом я обязался давать подписчикам пять номеров в месяц по 32 страницы в каждом. Это совершенно ясно означает, что за месяц я должен дать пять раз по 32 страницы, т. е. 160 страниц, или, иначе, 480 страниц за три месяца. Тем не менее многие мои подписчики, по-видимому, считают, что как бы объемисты ни были выпускаемые мною номера, я все-таки должен был давать пять номеров в месяц, и жалуются на то, что за месяц я выслал только два. Пусть же они обратят внимание на то, что эти два номера содержат 108 вместо 64 страниц, которые должны были составить объем двух номеров по 32 страницы; если же они учтут еще 37-й номер, который находится сейчас в печати, то убедятся, что я почти выполню свои обязательства за первый месяц. Надеюсь, что после этого объяснения жалобы на мою мнимую неаккуратность и задержку материалов прекратятся. Сверх того я обещаю отныне по мере возможности составлять менее объемистые номера, дабы выпускать их чаще и не перегружать читателя инфор-

мацией в одном номере, обрекая его затем на долгое ожидание необходимой ему политической пищи.

Цена подписки на три месяца, включая доставку, составляет 125 ливров. Подписка принимается гражданином РОШЕМ в доме № 29 по улице Фобур-Оноре, на углу Елисейских полей.

Типография Трибуна народа

ТРИБУН НАРОДА [30],

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 37

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека (1793 г.), ст. 1)

Ответ Трибуна народа П. А. Антонеллю на 9-й номер «L'Orateur Plébéien»

Неужели мы, Антонелль и я, являемся всего-навсего гладиаторами, призванными ожесточенно сражаться из-за своих личных страстей и интересов на потеху жадной до зрелищ и злобной публики?

Тот, кто так подумает, допустит грубую ошибку. Я возражаю Антонеллю, но мы отнюдь не являемся противниками. Я начинаю полемику с ним, поскольку он пожелал высказаться по поводу моих разногласий с различными журналистами, но это вовсе не означает, что я вступаю с ним в борьбу. В том, о чем будет идти речь, нет ни грана личного, мой оппонент не дал мне для этого никакого повода, и такая борьба была бы неоправданным злоупотреблением временем людей, для которых пишем мы оба — и я, и он. Почти все мы прежде всего служим великим интересам Народа. Такова моя постоянная и исходная позиция. И хотя внешне речь здесь пойдет только об ответе собеседнику, я буду ее придерживаться. Дело в том, что мой собеседник лишь предоставляет мне новый простор для широкого и откровенного обсуждения моих взглядов. Дело в том, что я вижу в нем не столько ниспровергателя этих взглядов, сколько соратника по борьбе за прекраснейшую цель; умелого и мужественного союзника в защите наиболее важного из дел, когда-либо мной предпринимаемых, за которое я буду бороться, пока не заставлю моих судей уверовать в мою правоту; а судьи мои — они же и мои клиенты, так как со своими карающими и восстанавливающими справедливость речами я выступаю в трибунале всех обездоленных, трибунале всей Франции и всего порабощенного мира.

Вот почему мы оба, бывший мэр Арля и я, должны предстать перед общественным мнением не как противники из разных лагерей, а как соратники. Я приложу все силы, чтобы ничего не изменить в такой позиции. Она должна во многом помочь моему великому делу. Я глубоко благодарен судьбе, ниспославшей мне такую поддержку.

Когда человек столь отважен, что осмеливается коснуться вопросов, в высшей степени деликатных... осмеливается под носом властей и в момент расцвета их могущества осыпать оскорбительными поношениями те самые времена, тех людей и те обстоятельства, которые эти власти в ходе своего становления особенно стремятся заставить уважать, поскольку справедливо полагают, что само их существование зиждется именно на этих временах, этих людях и этих обстоятельствах, и потому окружают их своего рода мистическим культом... когда такой человек, борясь почти в одиночку, старается перенести требуемое властью поклонение на иные времена, иных людей и иные обстоятельства, ввергнутые в ничтожество усилиями безграничной власти, руководящей самим общественным мнением... когда этот человек делает еще больше, и, коль скоро его единомышленники впадают в бессилие или мнят себя бессильными, он отдаляется от них, находя вопреки им, что настало время действовать со всей силой, тогда как они считают такое поведение скорее неосторожным, чем благоразумным... когда такой смельчак доводит свою отвагу до предела, дерзко провозглашая принципы системы, для одних — самой опасной, а для других — самой притягательной, но которая стремится не более не менее как опрокинуть весь существующий порядок, вплоть до тех установлений, которые, казалось бы, свойственны всем режимам... когда, говорю я, подобный человек появляется на общественном горизонте, он, без сомнения, попадает в наиболее критическое из всех мыслимых положений. Чьих только интересов он не затрагивает? Какие только страсти не восстают против него? Нетрудно сообразить, со скольких сторон должно обрушиться на него возмущение. Против него поднимаются чуть ли не все партии, каждая по-своему. Партия власти яростно негодует, но скрывает все, что чувствует, из страха придать чересчур большое значение одному человеку; она предпочитает преследовать его втайне, темными и сомнительными средствами, лишь бы это преследование не стало открытым и очевидным. Партия сторонников порядка и существующих учреждений также трепещет от гнева против того, кто ни одного человека не оставляет спокойным за все, чем он располагает, и за его положение в обществе. Партия рутинеров, полагающая, будто все, что существует ныне, существовало всегда и должно существовать вечно, называет химеричным и безрассудным то, что выходит за рамки привычных им взглядов. Партия, в силу обстоятельств вынужденная соглашаться с идеями и желаниями человека, о котором я веду речь, тоже его осуждает, поскольку он действует не так и не тогда, как бы ей того хотелось. Итак, подвергаясь на-

скокам со всех сторон одновременно, наш герой еле может устоять на ногах.

Чего же, по здравому суждению, должен бы он в таком случае желать? Чтобы человек сильный, влиятельный и с устоявшейся репутацией поддержал бы его сопротивление стольким направленным в него ударам. Если бы достаточно было пожелать кому-нибудь определенной совокупности интеллектуальных и моральных качеств и это пожелание осуществилось бы, наш борец, без сомнения, захотел бы, чтобы этот человек обладал столь безупречной порядочностью, что люди всех направлений были бы вынуждены его уважать; чтобы его искренность невозможно было бы взять под сомнение; чтобы справедливость его суждений и его красноречие позволили ему не только постигать вопросы, важные для счастья всех людей, но и предлагать их ясное и бесспорное решение. Прекрасно! Сама судьба послужила мне как нельзя лучше, потому что без всяких усилий с моей стороны я получил все это прямо в руки.

Люди, облеченные властью! Возможно, вы не сочтете меня таким уж бунтарем, увидев, что не я один беру под сомнение законность власти, находящейся в ваших руках... Люди, приверженные рутине! Вы увидите, что верить в возможность уничтожения огромных злоупотреблений, существовавших испокон веков, не значит предаваться пустым мечтаниям... Люди моих взглядов! Искренние республиканцы! Вы увидите, что провозглашать в этот именно момент великие истины — это не только не преступление, но и не заблуждение, поскольку человек, которому вы не можете отказать в своем доверии, не побоялся открыто воздать им дань уважения вслед за мной... Люди, обладающие собственностью! Кажется, вы уже недолго сможете рассчитывать на безнаказанность своих воровских махинаций: вы ведь видите, что начинается изучение вопроса, по закону ли вы владеете вашей собственностью... Мы теперь уже не так одиноки в обсуждении этой важной проблемы: сцена открыта, и я постоянно вижу, как все новые и новые храбрецы устремляются к ней.

Антонелль, ты оказал мне и еще одну услугу: ревностные сторонники всех партий могли бы в конце концов уничтожить меня своими нападками. Но ты пришел и доводами разума заставил их умолкнуть; они так неопровержимы, твои доводы, что обрекут на молчание даже тех из них, кто наверняка и тобой недоволен столь же сильно, как и мной.

Я разобрал твое выступление с его моральной стороны и со стороны его политического значения. Теперь мне предстоит обстоятельно разобрать его внутреннюю ценность.

Содержание моей газеты до настоящего времени может быть сведено к шести пунктам. Ты сумел очень правильно определить их. В отношении большей их части ты полностью согласен со мной; следовательно, что касается их, ты избавляешь меня от необходимости какого бы то ни было спора.

Все же перечислим еще раз все эти шесть пунктов:

1) осуждение 9 термидора;
2) Конституция 93 года;
3) конституция 95 года;
4) суждение о праве собственности;
5) вопрос, настало ли время обо всем этом говорить;
6) мои споры с публицистами.

Первые твои четыре страницы избавляют меня от необходимости обсуждать три первых пункта. 9 термидора нашло себе в лице Антонелля историка гораздо более сурового, Конституция 93 года — защитника значительно более отважного, а конституция 95 года — судью более непреклонного, чем Трибун народа.

Поэтому перейдем сразу к четвертому пункту.

Ты соглашаешься со мной по существу моих взглядов на пресловутое право собственности. Ты согласен с моим утверждением о незаконности такого права. Ты говоришь, что это — одно из наиболее плачевных творений человеческих заблуждений. И ты признаешь, что как раз отсюда проистекают все наши пороки, наши страсти, наши преступления, наши всевозможные страдания...

Вот признание! Вы его слышали, миллион богатых мерзавцев? шайка гнусных обирателей 24 млн. полезных людей, которые в поте лица трудятся, чтобы поддержать вашу праздность и вашу жестокость? Подходите же, примите наш вызов вступить с нами в спор; опровергните своими доводами наши, с помощью которых мы доказываем, что все, чем вы обладаете сверх необходимого для ваших личных потребностей, попадает к вам неправедным путем; и что все то, чего нам не хватает, входит в этот ваш излишек, который вы сумели вырвать из причитающейся нам по праву доли все теми же неправедными средствами! Спешите!.. Но вы молчите? Как! Собственники!! на вас нападают самым беспощадным образом; борцов против вас становится все больше, на смену одним идут другие, а вы молчите! Смелее же, арена перед вами. Если от вас не выступит никто, это будет означать, что ваше дело защищать невозможно. Тогда мы заберем себе приз победителя.

А вы, бесчисленная масса ограбленных граждан, вы тоже слышали это драгоценное признание? Гнусная причина всех ваших страданий и всех ваших бед — право собственности. Право это не принадлежит к числу естественных прав, происхождение его грязно и незаконно: оно не что иное, как прискорбное творение нашего воображения и наших заблуждений; оно порождено отвратительным пороком — алчностью и само порождает все прочие пороки, все страсти, все преступления, все горести жизни, все разновидности бедствий и мук. А вам приходят проповедовать, будто в праве собственности заключено все наиболее достойное уважения! Что превыше всего необходимо почитать собственность! Что надо гибнуть под сенью этого почитания, если собственники, обладатели этого смертоносного права, вам это приказывают!!!

Но что я вижу дальше? «Ты убежден, Антонелль, что состояние общности является единственно справедливым, единственно добродетельным и одно только соответствует подлинным предначертаниям природы... что вне его не может существовать ни мирных, ни ИСТИННО СЧАСТЛИВЫХ обществ».

Но, однако... в чем же мы расходимся? Ты, равно как и я, признаешь, что собственность отвратительна в своей сущности и убийственна по своим последствиям. Ты убежден так же, как и я, что СОСТОЯНИЕ ОБЩНОСТИ является единственно справедливым и единственно добродетельным... состоянием, вне которого не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ. Так что же разделяет наши взгляды?

Я думаю, вот что:

«Мы оба с тобой опоздали родиться, раз мы явились на свет с миссией рассеять заблуждения людей относительно права собственности. Это роковое установление слишком глубоко укоренилось и пронизало абсолютно все; у великих и древних народов оно уже неискоренимо...

Возможность возврата к этому простому и мирному порядку вещей (состоянию общности), ВЕРОЯТНО, не более чем мечта...

Все, чего можно бы надеяться достигнуть, это лишь некоторой терпимой степени неравенства состояний...».

Я не согласен с мнением, будто нам лучше было раньше родиться, чтобы легче исполнить свою миссию и раскрыть людям глаза на так называемое право собственности. Кто разубедит меня в том, что как раз наше время самое благоприятное для подобной миссии? Что для такой задачи оно бесконечно благоприятнее дней тысячелетней давности? Прежде всего, разве мысль о борьбе со злом возникает раньше, чем само зло начинает проявлять себя? Ну, а люди, по обыкновению своему недальновидные, допустив установление права частной собственности, не представляли себе всех бед, которые оно с собой принесет. Уровень их просвещения, неопытность не давали им почти никакой возможности что-либо предугадать. И если бы даже кто-нибудь крикнул им: «Вы погибли, если забудете, что плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому» [31], — я сомневаюсь, что они бы его услышали, а услышав, во всяком случае не захотели бы этому поверить. Поскольку же гибельные последствия очень долгое время не давали о себе знать, то еще и через несколько сот лет никому не приходило в голову предлагать каких-либо реформ. Позднее же, когда зло стало достаточно ощутимым, оно уже незаметно просочилось повсюду, его стали считать чем-то совершенно естественным и никто уже не помнил, откуда оно взялось; все привычные обстоятельства жизни порождали представление, будто это нерушимый и неизбежный порядок вещей: невежество, суеверие и власть объединились, чтобы помешать пониманию истинной причины зла и парализовать силы, способные на борьбу с ним.

Но теперь, когда гангрена распространилась настолько, что

уже не осталось здоровых мест, когда народ сначала оказался обреченным на то, чтобы получать только по две унции хлеба в день, а потом — платить за него по 60 фр. за фунт; когда подавляющая часть народа вынуждена продавать последние лохмотья, чтобы раздобыть себе кусок хлеба, или обходиться вовсе без хлеба, коли все уже распродано; когда этот народ просвещен и способен слышать, а положение толкает его жадно ухватиться за драгоценную истину: Плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому; и когда еще Антонелль оказывается тут же и говорит ему: «Состояние общности является единственно справедливым, единственно добродетельным; вне этого состояния не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ», — тогда я не вижу, почему этот Народ, который, конечно, желает себе добра, который именно поэтому хочет всего, что справедливо и добродетельно, не мог бы торжественно заявить о своем желании жить только в мирном и истинно счастливом обществе.

Отнюдь нельзя сказать, чтобы в эпоху, когда крайности злоупотребления правом собственности достигли высшей степени, это роковое установление слишком глубоко укоренилось; мне, напротив, кажется, что оно потеряло большую часть удерживающих его корней и что эти поредевшие корни уже не служат ему надежной опорой, делая дерево чувствительным даже к самым незначительным толчкам. Создайте большое число неимущих, покиньте их на произвол ненасытной алчности горстки захватчиков — и корни рокового института собственности не будут более неистребимы. Скоро все обездоленные силой обстоятельств принуждены будут задуматься и признать великую истину, что «плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому»; что мы гибнем лишь постольку, поскольку эту истину забываем; что крайне глупо со стороны большинства граждан позволять меньшинству держать себя в рабстве и угнетении; что просто смешно не сбросить с себя подобного ярма и не избрать состояние общности, «единственно справедливое, единственно добродетельное, единственно соответствующее подлинным предначертаниям природы; состояние, вне которого не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ».

Французская революция дала нам множество доказательств того, что злоупотребления, пусть и древнейшие, отнюдь не неистребимы; напротив, как раз их крайности, отвращение, порожденное длительностью их существования, и вызывают наиболее действенное желание их разрушить. Революция дала нам множество доказательств того, что Народ Франции, будучи великим и древним народом, вполне способен тем не менее предпринять самые серьезные перемены в своих учреждениях, согласиться на самые большие жертвы ради того, чтобы улучшить их. Разве после 89 года он не изменил всего, за исключением одного лишь института собственности? Ради чего же допущено это единственное исключение, раз по справедливости следует признать, что

как раз оно-то и есть наиболее противозаконное, наиболее прискорбное из всех творений нашего воображения? Древность этого злоупотребления сохранит ли его дольше, чем древность всех других беззаконий, которые были все же уничтожены? Важность и значительность его послужат ли достаточным основанием для непоколебимости уважения к нему? Нижеследующее замечание, которое, по-видимому, ни в малейшей степени не привлекло к себе внимания Антонелля при первом чтении, оставит ли его равнодушным, если его повторить для него еще раз: «...в некоторые периоды эти убийственные социальные правила приводят в конечном результате к сосредоточению почти всех богатств в руках нескольких человек. Мир, естественно существующий, когда все счастливы, в эти периоды неизбежно нарушается; и так как большинство народа не может более существовать, будучи лишено буквально всего и встречая со стороны тех, кто все захватил, лишь безжалостность и жестокость, то все это ведет к эпохе великих революций, к достопамятным периодам, предсказанным в Книге времен, когда становится неизбежным общий переворот в системе собственности, когда восстание бедных против богатых становится необходимостью, которую ничто не может одолеть» [1*].

Если дело обстоит таким образом, если подобный переворот действительно неизбежен, я отнюдь не вижу, почему возможность возврата к состоянию общности может быть только мечтой. Правда, Антонелль, ты, мало похожий на всех тех решительных людей, которые никогда не колеблются перед вынесением окончательных суждений; правда, говорю я, ты не позволяешь себе окончательно и утвердительно высказаться по поводу этого мнения о мечте. Ты умеряешь его своим ВЕРОЯТНО. Я нахожу это вероятно тем более ценным и хорошо обдуманным, что, по-моему, для превращения мечты в действительность достаточно лишь УБЕДИТЬ народ, так же как, очевидно, ты и сам УБЕЖДЕН, что «состояние общности является единственно справедливым, единственно добродетельным и одно только соответствует подлинным предначертаниям природы... это состояние, вне которого не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ».

Обдумай хорошенько, не зависит ли сама возможность от одного этого убеждения.

Побуждая тебя к такому размышлению, я уверен, что навязываю тебе занятие, приятное для тебя. Ты ведь считаешь, что осуществление социальных планов, о которых мы говорим, — «это неизменное желание чистых сердец, самое естественное устремление честных умов... что счастьем явилось бы их достижение» и т. д.

Но почему же ты так огорчаешь меня, поддаваясь потом сво-

[1*] Трибун народа, № 35, стр. 84 [*см. Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, стр. 503—504*].

им опасениям? Что это за «допустимая степень неравенства состояний», которой ты готов удовлетвориться? Подумай, не окажется ли, что создать и сохранить ее будет труднее, чем установить строжайшее равенство? Пусть наступит великий для народа день, пусть в этот день народ пойдет на сделку с негодяями и пусть потребует у них для себя одной только полусправедливости — почти наверняка окажется, что он не получит ничего; мошенническая каста 1 млн. станет хитрить, выгадывать время и постарается кончить дело ничем. Если же народ, напротив, потребует полной справедливости, он должен будет властно выказать свою суверенную волю, проявить всю полноту своего могущества; и, когда он заговорит таким тоном и в таких выражениях, ничто не сможет противостоять, все по необходимости ему уступит, и он добьется всего, чего он желает, всего, что он должен иметь. Половинчатые же народные законы, попытки помочь делу полумерами, все эти смягчения и облегчения, которыми, как кажется, ограничиваются твои желания, лишены прочности. Закон Лициния в Риме, закон о максимуме во Франции были недолговечны, да их и нетрудно было обходить. Законы Ликурга прожили дольше, так как они выражали более насущный, повседневный и постоянный интерес и каждый гражданин чувствовал себя обязанным блюсти их.

Если бы ты сам уже не решил вопроса о том, не наступило ли время заговорить во всеуслышание об этих величайшего значения проблемах, если бы, повторяю, ты не дал уже ответа на столь серьезный вопрос, высказываясь об этих важнейших проблемах с такой свободой, с такой силой красноречия, убежденности и так доказательно, я попытался бы теперь добавить несколько полезных соображений ко всему тому, что, по-моему, я уже высказал, и тем оправдать принятие предложения. Я возобновил бы разговор о так называемой тайне патриотов, об их политике и о политике правительства. Я заставил бы еще яснее выступить превосходство тактики этого последнего. Я бы снова повторил, что лучший секрет патриотов — это не иметь никаких секретов и убедиться в том, что они и не нужны; что любые тайны, любые обходные маневры, проявления макиавеллизма могут лишь погубить их, а всякое утаивание фактов в отношении людей и событий — лишь убить Отечество. Я бы повторил, что истинная тактика защитников свободы, равенства, всех прав народа состоит в стремлении множить свои ряды и осведомлять каждого о существующем положении и о том, что еще надлежит сделать; всем говорить о нынешних бедах и средствах их искоренения и привлекать каждого человека к содействию этим средствам. Я бы попытался заставить понять, что нет ничего более ненавистного, осмелюсь даже сказать, глупого, более очевидно нелепого, как замкнуться в себе, ограничившись небольшой группой деятельных патриотов, отделить себя от народа, отказаться от его ума и его силы, вообразить себя способными делать ему добро без его участия, без этих его ума и силы, вооружась од-

ной осторожностью, той смешной осторожностью, которая подсказана самим правительством и проповедуется его эмиссарами, представляющими наиболее сильную часть маленькой горстки мнимых деятельных патриотов, задающих всей горстке тон, ведущих ее на своем поводу и проявляющих себя повсюду как самые яростные крикуны. И я бы кончил тем, что показал бы, как эта партия осторожных, так вот направляемая, становится простым орудием, которое деспотизм использует для укрепления своей силы... Я бы обрисовал, как масса народа, народа-солдата, если можно так сказать, будучи отделена от всех тех, на кого она смотрит как на своих офицеров и руководителей, облеченных большим или меньшим правом командования, видящая, что эти руководители отдалились от нее, едва ли не изменили общему делу, едва ли не вступили в полюбовную сделку и тесный союз с правительством тиранов, приняв от него должности; я бы обрисовал, повторяю, как в силу всех этих обстоятельств та часть народа, которую называют простонародьем, как эта часть, и в самом деле нуждающаяся в руководстве и без него не способная никуда двигаться, сама понимающая свою неспособность, увидя себя без вождей, предоставленной самой себе, неизбежно разбредется, падет духом, станет безразличной к свободе, покорится любому повороту судьбы, на какой-то миг забудется в своем утомлении, а потом очнется от голода и, решив, что только деспотизм может дать ей кусок хлеба, сама бросится в его объятия.

Я бы попытался внушить, что всякое промедление и безумно, и губительно, когда беды и опасности достигли крайних пределов и их опустошительная сила в полной мере способна поглотить все; что невозмутимо созерцать разгорающийся пожар и противиться действию насоса, способного утихомирить бурю пламени, пока еще жестокая стихия не превратила все в пепел, — это значит стать помощником пожара.

Я еще раз объяснил бы, что истина всегда полезна людям, а ложь всегда для них губительна; от этого положения я снова привел бы читателя к выводу, какой опасности подвергнется народ Франции, если ему позволят впасть в грубейшую ошибку и счесть предметом, достойным обожествления и поклонения, то чудовищное сооружение, которое скрывается под именем нашего основного закона: и это в то самое время, когда в силу тех же роковых причин осыпают адскими проклятиями и предают всеобщему презрению тот свод политической мудрости, который совсем еще недавно был с энтузиазмом принят и торжественно, с величественным и трогательным единодушием утвержден всей массой народа; и день, когда это произошло, отнюдь не был днем заблуждения, ибо в тот день народ сумел понять, что этот великий национальный договор был, по прекрасному выражению Антонелля, продиктован глубоким пониманием прав народа, полной преданностью его интересам и его славе, искренним желанием видеть, как

он осуществляет наконец свое истинное высокое предназначение, становясь таким, каким он достоин быть, т. е. великим и сильным.

Но, повторяю, мне нет нужды вновь перерисовывать картины, которые я уже раз набросал; я не испытываю в этом ни малейшей потребности, поскольку, в сущности, сомнение разрешено окончательно, поскольку не только Антонелль, но и множество других говорят, пишут, печатают и провозглашают то же, что и я провозгласил, напечатал, написал и высказал. Хвалил ли я когда-нибудь Конституцию 93 года в выражениях более сильных, чем те, которых я только что процитировал? Мог ли я отозваться о ней с бо́льшим благоговением, чем патриот, повторивший недавно в своем издании предсмертные слова Гужона: «Пусть французский народ сохранит КОНСТИТУЦИЮ РАВЕНСТВА, одобренную им в первичных собраниях. Я клялся защищать ее и за нее погибнуть, я счастлив, что умираю, не нарушив своей клятвы...».

Мог ли я призвать более грозное проклятие на хартию 95 года, чем то, где ее не побоялись назвать Кодексом д'Англа, внесение которого 5 мессидора III года на обсуждение, вместе с предложением заменить им закон Народа, так же как и чтение предшествовавшего ему кощунственного и в высшей степени несправедливого памфлета, осквернило трибуну национального представительства[32], причем ни один верный долгу депутат не нашел в себе смелости грозно протестовать против подобного акта неслыханной дерзости, ни один голос не прозвучал в защиту НАРОДНОЙ ХАРТИИ, «которую заговорщики вандемьера не могли бы принять, мадридский кабинет не мог бы одобрить, которую не мог бы похвалить британский парламент и которая, уж конечно, не могла бы явиться плодом сделки с заграничной партией?»

Ты лишний раз оправдываешь мою смелость, Антонелль, когда сам отваживаешься напечатать, что отсутствие свободы, крайности насилия, высшая степень тирании были в момент постановки на обсуждение конституции д'Англа столь мощными, что было бы невозможно, во всяком случае, бесполезно противиться ее одобрению: и те отважные представители народа, которые захотели бы это сделать, не добились бы ничего, кроме оков.

Ты, видимо, также не считаешь неполитичным осуждать 9 термидора, поскольку на первых двух страницах 9-го номера «Плебейского оратора», яркими красками рисуешь нам правдивую картину того, как почти все наши ораторские таланты в течение вот уже целого года самым скандальным образом служат лишь клевете и мстительным страстям... и по этой канве ты вышиваешь яркие узоры следующих подробностей: «Арена злобной клеветы, разжигания мстительного гнева, каждодневного возбуждения неумолимой ненависти. Публич-

ные призывы к погромам и убийствам. Подстрекательства — в недвусмысленных выражениях и в самом резком тоне — к истреблению миллионов граждан. Ежедневно звучащий призыв обнажить против них кинжалы; ежеминутное извержение проклятий и оскорблений. Жестокое безумие, которое превращает все это в модную форму поведения. Деморализация, вытекающая из этого; удушение чувства естественного сострадания; жестокость мщения, неутолимая жажда крови, постоянство расправ; вербовка исполнителей массовых избиений, подстрекателей убийств и палачей — вот что возводится в разряд добродетелей. И в довершение всего друзьям свободы запрещают говорить и писать, им затыкают рты, их заковывают в цепи. В результате — невообразимый гнет, предопределивший всеобщее молчание в момент, когда в сенате официально оплевывали Конституцию народа и когда формально требовали ее немедленной отмены». Само собою разумеется, что когда Антонелль произносит такие горячие речи о плачевном и печальном годе Термидора, то он не может одновременно порицать вызванные этим годом скорбные стенания Трибуна народа.

И, конечно, не мои жалобы на убивающие нас неизменные невзгоды могли бы заставить гражданина Антонелля сказать, будто я неудачно выбрал время. Его принципы строжайшего равенства, человеколюбия, отзывчивости, пронизывающие все его высказывания, слишком очевидно свидетельствуют, что он не может оставаться безразличным к народным горестям, даже если сам он в силу своего положения этих страданий не разделяет. Однако мне хотелось бы увидеть его на чердаках, разоренных 16 месяцами разбоя. Я бы хотел видеть его в этих жилищах несчастных жертв алчности так называемых «порядочных людей»; я бы хотел, чтобы, вернувшись после такого в высшей степени интересного осмотра, он бы пришел поведать нам со всей той силой выразительности, правды и чувства, на которые он способен, сколько увидал он мужчин, женщин, детей, стариков, ослабевших, падающих от истощения в их жалких углах, откуда исчезла последняя убогая обстановка! .. сколько повидал он существ, страдающих, лишенных всего; ни хлеба, ни дров, ни обуви, ни одежды, ни даже убогого ложа, чтобы предоставить отдых изможденному и обессиленному телу! (Самая жалкая койка и та продана, чтобы купить кусок хлеба по 60 фр. за фунт)... сколько повидал он детей, корчащихся от голода у иссохшей груди своих матерей! .. сколько выплакавших все слезы женщин, чувствующих, как гибнут они сами, а в чреве их гибнет плод, о появлении которого на свет они мечтали! .. сколько повстречал он на кладбищенской дороге покойников, которых уносит в могилу только голод! .. сколько заметил он на улицах пока еще живых скелетов, отнимающих у собак объедки и гнусные отбросы кухонь богачей, попавшие на улицу через сточные канавы!!! .. О нет, Антонелль,

наши с тобой негодующие вопли по поводу подобных картин не могли бы по справедливости быть оценены в настоящий момент как более неуместные, чем то, что мы говорим о Термидоре, о конституциях 93 и 95 годов, о собственности и неравенстве.

И поскольку я убеждаюсь, что во всей твоей статье о моем 35-м номере ты пишешь почти то же самое, что и я, в одно время со мной и с теми же, что и я, намерениями, я получаю основание несколько удивиться косвенным упрекам, которые ты бросаешь мне там, где говоришь о неотъемлемом праве подготовить реформу или улучшение конституции, тобой раскритикованной. Ты говоришь, что это можно сделать только посредством выражения корректных и разумных мнений, высказанных в подходящее время. Я не думаю, чтобы ты хотел сказать, будто в обсуждении тех проблем, которые я рассматривал в двух номерах, заслуживших честь понравиться тебе, ты мог бы заметить какую-либо некорректность: ты же не мог посчитать за таковую мою горячую, пылкую ораторскую речь, по-моему столь естественную для трибуна-плебея; только такой тон и приемлем для всякого человека, душа которого полна поистине страстного стремления защищать права народа; наконец, это тот же тон, который звучал в публичных речах Гая Гракха, если верить свидетельству историков, утверждавших, что не слова, а молнии и громы вылетали из его уст.

Я несколько обеспокоен словом «разумный», не желая усматривать в нем неблагоприятного для себя смысла. Дело в том, что ты не только не нападаешь на мои рассуждения, но и признаешь двумя страницами выше, как мало твои принципы отличаются от моих, а страницей дальше ты удостаиваешь меня похвалы за то, что, выступая в защиту столь прекрасного дела, я способен хорошо постоять за него и что я превосходно его отстаиваю со всех точек зрения. В этих словах — я совершенно уверен — нет ни капли иронии. Твоему характеру совершенно чужды такие жалкие приемы.

Слова: высказанные в подходящее время — дают мне меньше всего поводов для возражений. Я уже неоднократно показал, что все предлагаемое мною и ты предлагаешь одновременно со мной, и я отнюдь не думаю, чтобы мы оба ошибались.

Я обещал ответить тебе еще по одному пункту — МНЕНИЕ О ЛИЧНОСТЯХ. Ты не разделяешь моего отрицательного отношения к ряду лиц, которое я высказал в своем 35-м номере. Ты, конечно, не обязан по всякому поводу ввязываться в мои ссоры и ни с того ни с сего создавать себе врагов. Но перед лицом собственной совести я должен признать, что отнюдь не в силу раздражения я выразил то, что ты называешь неуважением. Ты не сумел понять моих мотивов, но я думаю, что своих читателей я заставил это сделать. Я никого не старался лишить уважения. На меня нападали, меня

провоцировали публично; старались подорвать доверие ко мне: я отвечал, я защищался публично же, и естественно было мое старание доказать, что несправедливо лишать меня доверия. Если о ком-то я и говорил с чувством едкого презрения, то это только было ответом на такое же едкое презрение, да к тому же я очень соразмерял степень своего презрения. Я не ставил редакторов газеты 1789[2*] на одну доску с редакторами газеты Свободных людей. Больше того, я считаю, что показал разницу между первой из этих газет и «Часовым» Луве, как и разницу между «Часовым» Луве и «Плебейским оратором», а равно и разницу между этим последним и Дювалем с его Другом народа. Я настаиваю, что в отношении двух последних я не выражал никакого презрения.

Теперь мне остается только сказать о гадком слове ПОВЕШЕННЫЙ. Антонелль обвиняет меня в том, что я приписал ему это слово, чтобы дело выглядело так, будто он выступал против кодекса, чего он вовсе не делал. Я глубоко раздосадован, причинив ему неприятность такой ошибкой; это была именно ошибка, а вовсе не уловка. Я совсем не хочу скрывать, что в суете редакторской работы я просто не подумал или не обратил внимания, что цитата, которую я хотел привести из поразившего меня отрывка в работе Антонелля, не принадлежит непосредственно этой работе, а сама является цитатой, которую он привел. Мне следовало сказать, и я говорю это сейчас, чтобы исправить свою ошибку[3*] (так как, по моему неизменному убеждению, любое недоразумение должно быть разъяснено): «Все оценивают это замечательное творение 11-ти так же, как и мы; и когда узнаешь, к какому гнусному доводу прибегают их печатные органы, чтобы его узаконить, доводу, с таким мужеством и негодованием опровергнутому автором „Замечаний о праве гражданства“ [33] на странице 4-й, — чувствуешь сильное искушение повернуть этот мерзкий довод против его преступных авторов: „Мы подчиняемся этому НАВЯЗАННОМУ нам пакту лишь с тем, чтобы нарушить его, КАК ТОЛЬКО СМОЖЕМ, ИЛИ ЧТОБЫ БЫТЬ ПОВЕШЕННЫМИ, ЕСЛИ НАС НА ЭТОМ ПОЙМАЮТ“».

Г. Бабеф, Трибун народа

Париж, 30 фримера IV года Республики [21 декабря 1795 г.]

ВАЖНОЕ ДОБАВЛЕНИЕ К ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ СТАТЬЕ

Кажется, завязавшаяся борьба, достигнув той точки, которую мы только что отметили, чревата определенными последствиями. Те, которые уже проступили, представляются мне столь значительными, что их следует отметить и оценить.

2* *В оригинале явная опечатка — 189.*

3* Трибун народа, № 35, примечание на стр. 80. [*См. Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, стр. 499*].

Я уже закончил статью, помещенную выше, когда узнал, что относительно сочинения, ответом на которое она служит, пять Директоров Республики вынесли следующее решение: 1. Антонелль, прежде считавшийся достойным редактировать «Bulletin», который, по-видимому, должен ежедневно освещать деятельность правительства, больше такого доверия не заслуживает; 2. Владелец «Orateur Plébéien», допустивший публикацию этого сочинения в своей газете и, следовательно, выказавший тем самым свое одобрение и сочувствие излагаемым там принципам, отныне перестанет получать от Директории три тысячи подписок.

Это натолкнуло меня на кое-какие размышления и заставило прийти к трем выводам.

Для меня было новостью, что Плебейского оратора удалось, таким образом, подкупить, причем за цену, вполовину меньшую той, которую пытались предложить мне, чтобы добиться от меня подобных же услуг.

Я смог наконец объяснить себе один уже известный мне, но вызывавший определенные сомнения факт: Антонелль должен был редактировать бюллетень, оплачиваемый правящей Директорией. Зная, что неизменное и, как показывает опыт, не имеющее исключений правило гласит: правительственный бюллетень не может быть не чем иным, как изданием, продавшимся власти, которая его оплачивает; но, будучи тем не менее твердо уверенным, что у Антонелля не имелось ни потребности, ни *способности* продаваться, я отсюда вывел первое следствие, а именно: он мог взять на себя редактирование листка директоров для того, чтобы не дать ему попасть в дурные руки... никто, безусловно, не решился бы оскорбить его всем известную честность, навязав ему свои условия и сковав независимость его политических убеждений... его могла прельстить возможность делать хотя бы какое-то добро на таком посту, если предположить, что он смог бы сохранить на нем полную свободу действий, — а я думаю, что у него постеснялись сразу же отнять всякие гарантии такой свободы... но при этом, не полагаясь полностью на одну видимость, он захотел, вероятно, свою статью из 9-го номера «Плебейского оратора» *по поводу 35-го номера «Трибуна»* сделать пробным камнем для директоров.

Из факта такого легкого согласия редактора «Плебейского оратора» на публикацию статьи в своем листке я сделал второй вывод: он мог испытывать некоторые угрызения совести, позволив себя подкупить, оставшись «плебейским» только по имени, отняв у газеты даже прежний эпиграф, чтобы переменить его на совершенно ничтожный, позаимствованный у весьма патрицианского Цицерона; желая примирить три тысячи подписок со всегда привлекательной возможностью свободно писать все, что хочешь, он сделал попытку снова взлететь, придав своему «Оратору» оттенок народности и проверив, не захочет ли Директория все-таки заплатить за номера, увенчанные заголовком: «Вы погибли, если забу-

дете, что плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому».

Третий мой вывод: невзгоды Директориального оратора могли бы ему помочь снова стать Плебейским; перестав получать содержание от правительства, изведав тщету и ненадежность его милостей и тяжесть цены, которую приходится за них платить, он мог бы возвратиться к санкюлотам и снова оказаться в наших рядах.

Все, ставшее мне известным впоследствии, убедило меня в справедливости двух первых моих выводов, но не третьего. Антонелль действительно подверг Директорию испытанию; Оратор захотел поступить так же, с той только разницей, что, в отличие от первого, результат испытания его не утешил.

Антонелль только что сообщил («Газета Свободных людей» от 22 фримера), что ему настойчиво предлагали, но он пока отнюдь не давал согласия, и не приступал к редактированию «Бюллетеня», и не перебрался в помещение его редакции; поэтому у Директории не было ни малейших оснований принимать постановление о лишении его должности редактора этого «Бюллетеня», а также права руководить им и об освобождении помещения, отведенного для редакции. В то же время Антонелль утверждает, что Директория, чье недовольство, по-видимому, основывается на мыслях, выраженных в 9-м номере «Плебея», вмешивается тем самым в сферу идей и, следовательно, выходит за рамки своих полномочий.

Редактор псевдо-Плебея предпочел совершенно иное поведение. Он выразил директорам свое искреннее сожаление, что причастен к ошибке; это его раскаяние казалось столь глубоким и искренним, что приказ об отмене подписок был аннулирован; и, чтобы напрочь осушить его слезы, ему предоставили вместо трех четыре тысячи подписок.

Справедливый итог: ведь этот так называемый Плебейский оратор должен будет теперь по крайней мере на четверть увеличить свои усилия на службе Директории.

Только что появилось еще одно небольшое произведение Антонелля, под несколькими углами зрения тесно связанное с великими политическими истинами, изложенными им в сочинении, ответом на которое стала наша первая статья. Это новое добавление представляет собой аналитическое изложение защиты Гужона.

Отдавая должное этому анализу, мы тем не менее удовлетворяем настойчивое пожелание некоего человека — несомненного и истинного патриота, просившего нас выделить в этом отрывке место, которое кое в чем его огорчило. Ему показалось, будто именно его имеют в виду там, где содержится пылкая тирада, направленная против «безрассудных пасквилянтов, писателей-фанфаронов, которые, будучи похожи на Ахилла лишь дерзостью и гневом, поминутно готовы

сеять раздор и погубить Республику лишь за одно то, что погиб их Патрокл, или за то, что уязвлено их самолюбие». Этот гражданин поручает нам заметить автору анализа, что ежели этот последний подразумевает здесь и его, то в другом месте он говорил о нем нечто совершенно противоположное эпитетам безрассудный, дерзкий и сеятель раздоров; противоположное также понятиям плачевные крайности, лихорадочная энергия или ложная энергия. Он замечает дальше, что всегда защищал не Патрокла, но одни только принципы, а если и нападал на его убийц и поражал Гекторов[34], то только потому, что видел в них врагов этих принципов. Его, возможно, упрекают за слишком простые и заурядные обороты, за отсутствие изящества в манере полемизировать, но он не отказался бы от них, даже если бы и мог, так как считает их единственно верным способом дать народу понятие о тактике, вызвать в нем желание ее изучить, внушить ему любовь к частым в ней упражнениям. Он тоже использовал бы, и возможно не без успеха, ловкие обходные пути, тонкие манипуляции, с помощью которых, почти без риска кого-нибудь задеть или скомпрометировать себя, обозначают, не называя, характеризуют, не слишком уточняя, и деятелей термидорианской и жирондистской клик, и их преступления. Но подобный стиль хорош для образованного класса: тем, кто не имеет образования, такой язык непонятен. Впрочем, человек, о котором идет речь, поручает нам заявить автору анализа, что независимо от того, какие мотивы понудили его на резкие выпады, пусть даже вовсе не горячность, чем можно бы объяснить всю пылкость выражений, и даже не чисто отвлеченные соображения, — все равно наш человек не питает злобы к автору, которого он всегда слишком уважал для того, чтобы какой-то пустяк мог его с ним поссорить.

P. S. Моя газета, состоящая из 30 листов, или 480 страниц в триместр, выходит НЕРЕГУЛЯРНО несколько раз в месяц. Объем номеров неодинаков; в зависимости от важности материалов в каждом из них будет больше или меньше страниц. Все разумные читатели понимают, что столь серьезная и зрелая работа не может измеряться аршином и выполняться наспех, подобно тому как делают свою рутинную работу газетчики, охотящиеся за новостями, и торговцы всякой пустой болтовней.

Подписка принимается в Париже, у гражданки Лангле[35], в доме № 29 по улице Фобур-Оноре, на углу Елисейских полей.

В письме, напечатанном в 92-м номере «Moniteur», я обещал дать в этом, 37-м номере подробные разъяснения по поводу клеветнических измышлений, официально распространяемых обо мне. Я откладываю их до 38-го номера.

[Следует список опечаток к 34, 35, 36-му номерам.]

Типография Трибуна народа

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 38

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека (1793 г.), ст. 1)

Последние удары, нанесенные свободе печати. В связи с этим Трибун народа подвергается нападкам с разных сторон. Его письмо министру Мерлену.

Первый процесс. **Возобновление старинной распри греков, прежний предлог для вечных декламаций; наконец, давнишнее, выдвинутое шуанами обвинение, которое было опровергнуто, что прекрасно известно Мерлену, поскольку он сам и помог его опровержению.**

Трибун доказывает непричастность Директории к постановлению, сфабрикованному одним только Мерленом с целью возобновить это дело. Редкостная недобросовестность министра, сказывающаяся во всех обстоятельствах этой истории. Причины его личной ненависти к Трибуну.

Беглая обрисовка великих талантов Мерлена по части толкований, комментариев и интерпретаций. Его подвиги на Севере в разгар реакции. Ловкость, с какой он, прогоняя от родных очагов членов зловещей секты, заставляет их носить при себе знак, подставляющий их под нож «порядочных людей», знак, равносильный клейму на лбу раскаленным железом; террорист. **Отменное поведение того же человека по отношению к дерзким якобинцам, заключенным в форт Скарп, которым он сумел преподать хороший урок, приказав их перевести в подлинную темницу в Дуэ. Как он осуществлял закон об амнистии. Возможность того, что великий Мерлен найдет способ** пересмотреть дела всех амнистированных.

Письмо Трибуну из Антуанского предместья. Великое просветление в умах народа. Его прекрасное поведение в уголовном суде во время первого процесса Друга народа Лебуа. Как было встречено в клубе Пантеон коварное предложение принести клятву верности кодексу 1795 года. Настроение предместий в связи с распространением слухов о предполагаемом волнении роялистов. Настроение в группах. Речи, звучащие во всех народных кружках. Единодушные суждения по поводу термидорианской реакции. Искренняя и более не скрываемая скорбь народа о лучших его друзьях, принесенных в жертву.

Оборотная сторона медали. Второй процесс **против Трибуна народа. Новый Трибун, желающий занять его место. Этот Трибун — Трибун патрицианский, это Руфус Жиронды.**

Третий процесс. Г-н Труве, редактор «Moniteur», **нападает на Трибуна: в первую очередь — на название его газеты, но в то же время и на его имя, а затем — на его доктрину подлинного Ра-**

венства. Новое рассуждение на эту важную тему. Связанный с этим необычный факт. Редактор «Moniteur» признает невиновность Робеспьера.

Четвертый процесс. **Мерлен, сам тоже издававший анархические газеты и не обладающий никаким определенным законом против печати, находит способ сразу настигнуть и Друга, и Трибуна народа; он делает это на основании закона 15 вандемьера против писателей — виновников роялистского мятежа 13-го числа.**

Пятый и последний процесс. **Трибун поставлен рядом с Рише-Серизи. Суд департамента Сены оправдывает Серизи и обвиняет Трибуна. Распоряжение Директории, которое аннулирует такое двойное решение и предписывает провести новое разбирательство по всему делу в целом. Планы защиты Трибуна. Размышления о важности этого процесса. Приглашение патриотам принять в нем надлежащее участие.**

Утешение, обращенное к демократам. Новости с двух противоположных концов Республики. Явные настроения в пользу демократии, подлинного равенства, всеобщего счастья.

Слово к солдатам и народу. Петиция Пантеона в пользу защитников Отечества. Присяга 10 августа 93 года.

Одобрительный отзыв о последних действиях Директории.

Когда же дадут нам возможность не говорить больше о самих себе? И когда равным образом позволят нам не говорить больше и о других? Постоянно твердят, и совершенно справедливо, что периодические издания становятся особенно несносны, когда допускают ошибку, рассуждая о людях, а не о вещах, и когда автор превращает свой листок в поле битвы всех против всех. Никто, я думаю, лучше меня не понимал этих истин и не старался упорнее меня избегать неудобств, ими порождаемых.

Однако возникают обстоятельства, когда писатель обязан прежде всего отразить некоторые из наносимых ему ударов. Подобные обстоятельства возникают тогда, когда он неизбежно был бы выведен из строя, если бы перед лицом всего народа позволил себя поразить и не показал, что способен одержать верх над теми, кто на него нападает.

Именно таково мое положение. Мои враги — они же и враги Родины — рассчитали, что, поскольку я, выступив в качестве защитника народа, сумел заслужить на этом посту определенное доверие, единственным средством подорвать это доверие остается клевета на меня, ибо даже наилучшие речи, произносимые человеком, которого удалось окружить презрением, не произведут более никакого впечатления.

Сначала они сказали себе: мы не можем нанести удар по исходным принципам этого человека; как бы дерзки ни были его предложения, они всегда подкреплены доводами столь бесспорными, что невозможно отвергнуть их, следовательно, с этой стороны мы бессильны. Мы накинулись на него с тяжкими

оскорблениями — он посмеялся над нами. Мы поочередно обвиняли его то в безумии, то в роялизме, то в безрассудстве — он успешно опроверг наши обвинения, патриоты не покинули его, и народ остался на его стороне. Мы попытались подкупить его — он оказался неподкупным. Что же остается сделать еще для уничтожения его влияния? Оклевещем его! Пусть это средство до сих пор не приносило успеха — может быть, теперь оно оправдает себя? Ныне народ не тот, что был во времена Марата. Тогда, чем сильнее пытались унизить Марата, тем больше народ привязывался к этому дерзкому проповеднику. Возможно, с Трибуном дело пойдет по-другому? Попытаемся!

Вы знаете, о мои сограждане! в какие гнусные, отвратительные цвета была разукрашена моя репутация вследствие подобного рассуждения. Да! Я был лишен возможности говорить с вами о великом общественном деле, не убедив вас предварительно, что злобные и жестокие обвинения, которые на меня обрушились, незаслуженны и вы по-прежнему можете доверять мне как проповеднику равенства и свободы.

Прежде чем двигаться дальше, я по их милости вынужден доказывать вам, что проповедь плебейской доктрины, исходя из моих уст, не превращается в профанацию.

Трибун понял, что и в самом деле необходимо сначала заставить вас признать в нем истинного и честного собрата, а потом уже требовать, чтобы вы внимательно и с интересом слушали изложение проповедуемого им возвышенного учения, даваемые им наставления в демократической тактике и его спасительные советы, направленные против козней врагов общества.

Все это показывает, что в известном отношении дело одного человека не всегда безразлично обществу в целом. Дело одного человека далеко не всегда резко отграничено от самых важных дел. Дела свершаются людьми; поэтому я и утверждаю, что заниматься людьми — значит заниматься делами. Без сомнения, народу не безразлично, есть ли у него пламенные защитники или нет таковых; как не безразлично ему, сохранит он их или потеряет. Такие защитники не являются просто-напросто людьми, по крайней мере обычными людьми. Подобные личности суть часть народного дела, притом наиболее существенная часть. Следовательно, споры, разворачивающиеся вокруг вопроса, лишить ли народ этих людей, оставить их ему или нет, вовсе не недостойны внимания народа. Ах! Сколько совсем недавних примеров показывают наглядно все, чего лишился народ, потеряв некоторых людей; к каким чрезвычайным переменам повели подобные потери. Столь же много видели мы затем свежих примеров всего того зла, которое способны причинить некоторые люди, занимающие определенные посты, и изучать подобных людей в занимаемых ими положениях — значит изучать события. Займемся же немного людьми и не станем думать, будто мы за ними забываем и дела. Займемся сейчас нынешним министром юстиции и Трибуном народа.

Гракх Бабеф — Мерлену, министру юстиции[36].

Париж, 30 фримера IV года Республики.

Я приписываю только вам, гражданин министр, и идею, и составление постановления Директории от 20 этого месяца, касающегося меня.

И вам в особенности приписываю я смехотворную и крайне неприглядную уловку, вследствие которой это постановление попало на страницы услужливых газет: без этого оно не показалось бы никому достойным столь широкой огласки[1*]. Невозможно было не подивиться усердию в афишировании акта, лишенного всякой связи с общими политическими интересами; акта, касающегося одной только личности Бабефа и, следовательно, по природе своей не могущего привлечь внимания всей Франции, которую тем не менее всю целиком с ним ознакомили.

Очевидно, лишь пристрастие или партийный расчет вынудили вас на подобный поступок, столь же нелепый, сколь и злобный. Совершить моральное убийство — вот, по-моему, единственная цель, стоявшая перед вами.

Вы, конечно, позволите мне исследовать моральность и благородство мотивов, которыми вы руководствовались в этом дебюте вашей карьеры как министра юстиции. Я не думаю, будто окажется трудно доказать, как многие публицисты уже и отметили, что вся эта искусственно возрожденная распря есть всего-навсего злополучная кляуза, затеянная бывшим прокурором.

Вы, конечно, помните, министр, как год тому назад, когда мои сочинения также раздражали всемогущие власти, по отношению ко мне придерживались такой линии поведения, которой нынешнее является лишь жалкой копией. Никто не хотел, чтобы могли сказать, будто в моем лице нападают на свободу печати; однако использовался любой предлог для попытки уничтожить меня. Первую гадкую кляузу на меня распространили также через газеты в связи с тем старым процессом, о котором говорится в постановлении от 20-го числа. Безумие несправедливой и слепой ненависти дошло до того, что по требованию Фрерона и за его счет по всем стенам Парижа расклеили свирепый приговор, осуждавший меня. На этот злобный и коварный выпад я ответил в форме, исключающей, по-видимому, всякие возражения[37]. Вы ведь знаете мой ответ, министр. Вскоре после этого я был арестован и на 8 или 9 месяцев посажен в тюрьму как проповедник *терроризма*. Но почему же за это время ни один человек

[1*] Не было ни одной газеты, куда министр Мерлен не отправил бы копии этого постановления. «Moniteur» и «Ami des Lois» оказались его наиболее покорными и преданными слугами. Не знаю, может быть, нашлось и еще несколько малоизвестных листков, последовавших их примеру. Но я должен отдать справедливость большинству публицистов: отнюдь не многие из них рабски приняли это министерское кривлянье. Даже среди тех газет, которые никак нельзя назвать народными, имелись такие, что прекрасно поняли его ничтожность и смехотворность.

на свете не побеспокоил меня в связи с тем делом? И почему после 13 вандемьера мне возвратили свободу? И вовсе не по амнистии, не в силу закона в пользу всех заключенных, арестованных по делам, связанным с событиями революции[38]... я вышел из дверей темницы вовсе не в толпе других заключенных: это произошло в силу специального постановления Комитета общественной безопасности, чему предшествовало тщательное изучение дела и доклад по поводу всех обвинений, кропотливо собранных против меня аристократией и роялизмом.

Вы знаете и следующее, министр Мерлен. Если бы с тех пор я показал себя менее несговорчивым, менее стойким в своих обязательствах по отношению к народу, менее преданным своему долгу, своему непоколебимому решению писать исключительно для блага родины и сохранять полную независимость, то, по всей вероятности, никому не пришло бы в голову снова нападать на меня.

Однако, и я на этом настаиваю, нынешняя выходка против меня — дело только ваших рук, хотя вам, по-видимому, хотелось бы приписать эту честь Директории. Я сейчас докажу, что она к этому непричастна. Моя честность и беспристрастность никогда не позволяли мне возлагать на кого бы то ни было ответственность за проступки и ошибки, в которых он в действительности неповинен.

Прежде всего Директория, заваленная и перегруженная сверх всякой меры, перегруженная, говорю я, множеством великих дел великой Республики, пораженной всеми возможными болезнями, не в состоянии выбрать свободной минуты, чтобы снизойти до какого-либо рядового гражданина. И если даже предположить, что личная неприязнь настигает человека повсюду, то я напомню, что никогда не мог вызвать личной вражды у кого бы то ни было из членов Директории. Я нападал на учреждение, которое всегда считал и теперь считаю дурным. Но я никогда не терял веры в людей и даже считал, что сами эти люди способны помочь ликвидации дурного учреждения, отнюдь не подходящего для Франции, ставшей свободной и демократической. Я равным образом не считал их неспособными последовать высокому примеру Агиса и Клеомена...[2*] или неспособными найти в себе достаточно добродетели, чтобы разрушить свое собственное установление[3*]. Я даже призывал их не поддаваться влиянию Реаля, поскольку он сам, как я полагал, находится под влиянием Корматена[4*]. Во всем этом я усматриваю лишь основание для благосклонности Директории ко мне, если только ей свойственно чувство справедливости.

Перехожу теперь к особым мотивам, заставляющим меня приписывать вам, Мерлен, это возвращение к старому обвинению,

---

[2*] Трибун народа, № 35, стр. 83. [*См. Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, с. 502.*]
[3*] Там же, стр. 82. [*См. там же.*]
[4*] Там же, № 36, стр. 114. [*См. настоящий том, стр. 43*].

с помощью которого вы рассчитывали по меньшей мере запятнать мою безупречную репутацию и тем лишить меня доверия народа.

Зачем ставить меня перед необходимостью еще раз доказывать народу уже и без того прекрасно известное ему, а именно, что вы являетесь одним из тех, кто всегда умеет и говорить, и действовать соответственно требованиям времени и согласно господствующим настроениям? Но теперь вы показали свое уменье пойти в этом отношении дальше всех остальных. На IV году Республики вы разрушаете созданное вашими собственными руками на II году.

Что подумает и скажет о вас народ, когда узнает, что отмененное во II году решение суда, восстановления которого вы ныне добиваетесь, было тогда отменено именно в результате ваших усилий и ваших требований.

О! Причины этого совсем нетрудно объяснить. Вступаясь за Бабефа во II году, вы старались угодить правящей партии. Проявляя к Бабефу вражду в IV году, вы снова стараетесь угодить правящей партии.

Из всего сказанного легко вывести, что никто лучше вас не знает дела, о котором идет речь. Попробуйте оспорить хотя бы одно слово в разборе этого дела, который я здесь проведу. Я провожу его уже второй раз. Год тому назад, отвечая на подобные же нападки, исходящие из таких же оснований, среди обстоятельств, совершенно подобных нынешним, я точно таким же разбором заставил замолчать всех моих тогдашних клеветников (смотрите «Трибун народа», № 29, стр. 184 и 185 [*см. Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, стр. 333—335*]).

Шесть лет тяжких трудов на благо революции[5*] и в качестве рядового гражданина, и в качестве должностного лица стоили мне истовой и глубокой ненависти со стороны контрреволюционеров моего департамента (департамента Соммы). Первый дерзкий удар, нанесенный вольному и пылкому республиканцу людьми, зараженными шуанским духом, относится не далее как к 23 августа 93 года, т. е. дню жестокого приговора, вынесенного мне[89].

Приговор этот основывался на сфабрикованном обвинении в мнимом подлоге, соответствующем обвинениям во взяточничестве, злоупотреблении властью, растратах и притеснениях, которые стали столь обычными после 9 термидора по отношению к государственным служащим-террористам. Вы хорошо поняли причины такого обвинения, Мерлен, поскольку горячо поднялись на мою защиту. Тогда подобное поведение приносило славу. Мы жили под властью Робеспьера. В то время считалось делом чести стать на защиту преследуемого патриота.

[5*] Эти труды, конечно, не столь блистательны и необычны, как подвиги Геракла. Но по существу они, быть может, стоят не меньшего. Смотрите их перечисление на 184 и следующих страницах «Трибуна» в № 29. [*См. Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, стр. 333—335*].

Следовательно, только благодаря вашим стараниям и появились как декрет Национального конвента от 24 флореаля II года, так и постановление кассационного суда от 21 прериаля, которое аннулирует и упраздняет обвинительный акт, судебное расследование и постановление суда департамента Соммы [40].

Вы сами редактировали декрет. Стало быть, на нем лежит печать вашего умонастроения тех дней, как на постановлении Директории от 20-го сего месяца лежит печать вашего нынешнего умонастроения. В то время вы были свободны от предубеждений и от страстей; последний же мной упомянутый акт показывает, что ныне вы находитесь во власти и тех и других.

В декрете вы выражались так: *судебное разбирательство* ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО *при исполнении служебных обязанностей*. А в постановлении Директории мы читаем: *судебное разбирательство* ПО ПОВОДУ ПОДЛОГА, СОВЕРШЕННОГО *при исполнении служебных обязанностей*. Этот второй вариант показывает, что беспристрастность первого судьи, которая может служить примером полной объективности, сменило слепое и чудовищное озлобление, заранее выносящее осуждение на основании одной лишь своей пристрастности.

В постановлении Директории записано: *отменяется вследствие нарушения формы*. Декрет и кассационное решение содержит не только одно это, они содержат еще: *в связи с нарушением справедливости*.

В постановлении Директории вы написали: *кассационный суд переслал материалы дела* УГОЛОВНОМУ СУДУ *департамента Эна*. Вот это как раз и есть подлог! Но этот подлог совершили вы, как и два предыдущих. Истина заключается в следующем, и вина ваша тем больше, что вы это прекрасно знаете: «*кассационный суд переслал материалы дела* ОБЩЕСТВЕННОМУ ОБВИНИТЕЛЮ УГОЛОВНОГО СУДА *департамента Эна*. Это совсем не одно и то же.

Но что вы особенно тщательно постарались скрыть, так это продолжение последней фразы, которую я теперь восстанавливаю в точности: *чтобы этот последний* (т. е. общественный обвинитель) *составил новый обвинительный акт*, ЕЖЕЛИ НА ТО ЕСТЬ ОСНОВАНИЕ.

Но ведь вы, министр, вы были адвокатом, вы-то понимаете нерушимость правила: *только общественный обвинитель департамента Эна* может один согласно закону решить, *имеется ли основание составить новый обвинительный акт*. А общественный обвинитель департамента Эна *не нашел такого основания*. Именно так утверждает решение от 30 мессидора, приведенное в вашем постановлении; и именно это побудило комиссию администрации по гражданским, полицейским и судебным делам, на чье рассмотрение дело было в конце концов передано в термидоре, постановить, что Я ПОЛНОСТЬЮ ОПРАВДАН.

Все это вы отлично знаете, Мерлен. Но было бы большой ошибкой думать, будто вы всерьез задумали вновь возбудить этот процесс против меня лично. Для вас речь шла — скажу еще раз — о моральном убийстве. Именно это задумали вы осуществить.

Ведь решилась же юстиция наших дней, возглавляемая вами как министром, устроить повторный суд над Нантским комитетом, коль скоро решение первого суда пришлось не по вкусу «порядочным людям». Так же, как когда-нибудь восторжествовавшие патриоты смогут еще раз судить контрреволюционных роялистов 13 вандемьера, которых вы или ваши друзья оправдали сами или допустили их оправдание.

Признавая, что и одного желания угодить правящей партии было бы вполне достаточно, чтобы побудить вас обрушиться на дело ваших собственных рук, созданное два года тому назад тоже из желания угодить, но уже другой правящей партии; полностью признавая это, я нахожу еще и иной мелкий мотив вашего поступка. Вы были недовольны тем, что после 9 термидора я, посвятив себя карьере журналиста, не пожертвовал своим долгом ради признательности вам. Из-за того, что в те времена вы сумели проявить справедливость по отношению ко мне, должен ли я был щадить вас более других и обходить молчанием то, что в вашем политическом поведении казалось мне достойным осуждения? Я неоднократно восставал против вашего проекта закона о клевете, который вы столько раз пытались протащить. Не это ли заставило вас нанести мне тот убийственный удар кинжалом, каким явилось ваше постановление от 20-го числа?

Знаете ли вы, сколь многих людей все это пугает? Все признают ваши таланты в области законодательства; все знают, сколь щедро умеете вы во все времена плодить законы, сколь непринужденно вы истолковываете те, что уже существуют, и как умеете вы выворачивать и изгибать по своему усмотрению их смысл. Подобная сноровка делает вас опасным на посту главы юстиции. Вспоминаются к тому же еще и ваши подвиги в департаментах Нор и Па-де-Кале в разгар реакции. Существует ли что-нибудь более поучительное, чем ваше постановление, изданное в Лилле 26 прериаля III года? Начав в ст. 1 и 2 с запрещения лицам, подвергшимся разоружению, носить национальную форму, как и появляться на улицах и в общественных местах с тростями, палками и подобными предметами, способными служить оружием; предписав этим «гнусным личностям» являться в свои муниципалитеты два раза в декаду... вы приказываете в ст. 3, «чтобы в случае отъезда им выдавали документы, действительные только на определенное время и в определенном месте, и чтобы в паспорте было отмечено, что их владельцы подверглись разоружению на основании закона от 21 жерминаля». Что означает это последнее распоряжение? О, это всего лишь скромное указание для кинжалов «порядочных людей»! Великий Боже! Какова же, министр Мерлен, разница между вами и Шамбонами, Кадруа и

Мариэттами[41]? Для убийств вы сделали не меньше, чем они, и не ваша вина, если жители департамента Нор не захотели быть столь же кровожадными, как жители Юга[6*].

Что можно добавить по поводу некоторых других ваших подвигов во время этой же вашей миссии?

Что сказать о перемещении 12 террористов, изгнанных из Парижа? Что сказать об их переводе по вашему распоряжению из форта Скарп в своеобразный ледник, в подземную темницу прежнего фландрского парламента в Дуэ? Где они по вашей милости не только были обречены на хлеб, воду, гнилую солому и самый ужасный мрак, на страшную жизнь в течение многих месяцев в этом подземелье, пол которого на целый фут покрыт застоявшейся и загнившей водой... но и оставались целыми днями совсем без пищи и вместо слов утешения вынуждены были слушать лишь оскорбления и угрозы смерти, которые щедро раздавали им солдаты когорты Иисуса из коммуны Дуэ!!!

А что сказать о вашей безжалостной и варварской медлительности при исполнении закона о так называемой амнистии? Прошло более полутора месяцев, прежде чем вы обязали мировых судей обойти тюрьмы, чтобы толпы несчастных, забытых там, могли воспользоваться этим законом!.. и журнальные льстецы преподнесли эту запоздалую меру как акт отеческой доброты, по меньшей мере как патриотический поступок! А ведь этим своим патриотическим поступком вы больше чем на месяц продлили страдания бесчисленного множества патриотов, отцов семей, уже давно бесчеловечно и несправедливо брошенных в темницы[7*].

6* После сказанного выше я уже и не говорю о ст. 4 этого постановления: она не больше как скромное добавление к резким указаниям статьи, ей непосредственно предшествующей. В этой 4-й статье всего-навсего говорится: «Каждый человек, подвергшийся разоружению, который в момент мятежа или запрещенного сборища не укроется у себя дома или не останется в том доме, где находился в это время, БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ УЧАСТНИКОМ МЯТЕЖА, НЕСУЩИМ ПОЛНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОИСШЕДШИЕ СОБЫТИЯ».

7* Кто исчислит, сколько их осталось еще и теперь? Почему темницы в департаментах еще и поныне заполнены патриотами, принесенными в жертву? Почему, среди прочих мест, в Аррасе граждане Найе и Буше все еще томятся в тюрьме, называемой Боде? Почему Эрон[42] не на свободе? За какой проступок, не имеющий отношения к революции, он осужден? По словам «порядочных людей», он был главным агентом режима, созданного первым террором; именно он руководил разоблачением всех контрреволюционеров. Жаль, что он не смог их всех предать мечу народного правосудия — тогда не было бы 9 термидора; все преступления против нации, совершенные после этого гнусного дня, все беды, из него проистекающие, были бы предотвращены; варварская и смертоносная безнравственность была бы поражена в самом зародыше; все колоссальные состояния — продукт постоянного разбоя, того налога, которым беспрестанно облагают каждую работающую руку, — были бы разрушены и уничтожены путем справедливого распределения среди всего народа; тогда народ, который ныне обязан Эрону избавлением от части своих врагов, был бы обязан ему сполна.

Эх, министр, уж не надеялись ли вы, что этот закон об амнистии будет отменен вместе с законом от 3 брюмера? Нетрудно заметить: ваша благосклонность к патриотам столь велика, что, если бы это зависело только от вас, именно так бы и произошло. А в таком случае вы бы добрались до всех этих террористов, ускользнувших от суда друзей Шаретта[43] и Корматена, подобно тому как добрались вы до меня. Впрочем, я хочу еще раз вернуться к вашим талантам, которые могут быть уподоблены только талантам того волшебника, чье имя вы носите. Я хочу вернуться к вашему непревзойденному искусству комментатора. Все эти ваши способности вы призываете себе на помощь. Если нация позволит вам состариться в должности министра, вы сможете, даже не прибегая к отмене какого-либо декрета, дать вещам такой оборот, чтобы обосновать пересмотр дел всех этих амнистированных, и тогда все эти террористы, притеснители, взяточники, растратчики, воображавшие, будто после 13 вандемьера их преступления полностью преданы забвению, все снова попадут под власть закона. Они увидят, как воскреснут все предъявленные им обвинения, которые, по сути дела, с точки зрения класса «порядочных людей», никогда и не заслуживали ни оправдания, ни прощения.

Что до меня, гражданин Мерлен, то вот вам мое заключение. То, что вы сделали, равнозначно объявлению меня вне закона. По вашему представлению, по смыслу ваших действий я был заранее осужден. Доведись мне попасть в ваши руки, я уверен, что, используя всю полноту вашей власти, вы посмеялись бы над любым из моих разумных доводов и отдали бы меня на произвол судей, которых подобрали бы по собственному усмотрению, и это ваше правосудие означало бы для меня то же, что и правосудие, осуществленное по отношению к жертвам Прериаля, представшим перед Военной комиссией. Следовательно, с моей стороны было бы тройным безумием отдать себя на произвол вашей злобы. Я десятикратно, если понадобится, очищусь от пятна, которым вы меня запачкали, когда вы перестанете быть министром и когда подлинные, честные патриоты займут скамьи в суде. А пока смиритесь с тем, что я останусь неуязвим для глаз и рук ваших наемных убийц и, подобно осужденному и преследуемому Марату, я не сверну со своего пути. Рассматривая ваши нападки только с их моральной стороны, я не нахожу, что бы они были очень опасны. Такое же нападение на меня, предпринятое вашими друзьями в прошлом году, не принесло успеха; оно не отвратило от меня сердца патриотов и не лишило меня их доверия. Окажется ли более успешным это, коль скоро все увидят, что используются старые средства?

Г. Бабеф

ПОСТСКРИПТУМ

Письмо Трибуну из Антуанского предместья

Первое нивоза

«...Мы с удовольствием наблюдаем за поведением Мерлена. Совершенно очевидно, на чьей он стороне, этот министр! Но преступники, которые нападают на тебя, будут сражены первыми. Друг принципов! Ни число, ни могущество твоих врагов не значат ничего, число и могущество твоих друзей — это все. Твои друзья — это весь народ. Всегда говори ему только правду... и правда победит.

Санкюлоты Предместья». Следуют подписи.

И после этого говорят, будто энергия народа не возрождается? После этого говорят, будто, доведенный до крайности продолжительными страданиями, народ потерял стремление поддерживать тех своих отважных друзей, которые бросаются в гущу опасностей, чтобы положить предел его мукам?.. Что до меня, то я отдаю ему должное. Я доволен его настроением. Он снова становится тем, чем он должен быть, этот народ! Не станем требовать, чтобы он единым махом поднялся на высоту, откуда коварство и все мыслимые преступления заставили его сойти. Достичь той степени достоинства, величия, которой он добился в дни блеска Республики, — это дело времени. Люди здравого смысла! Чего большего вы можете требовать от него сегодня? Если его защитники попадают в лапы священной германдады, грузчики с рынка не дремлют и освобождают их. Если министр неправосудия, неутомимый сутяга, изобретает какую-либо уловку с тем, чтобы запутать этих защитников в сетях лживой Фемиды, тут же появляются молодцы из знаменитого предместья и обещают, что не преминут выполнить свой долг по отношению к последователю всех и всяческих толкователей текстов, непревзойденному мастеру среди тех, кто придумал кодексы и пандекты, среди тех, кто, нагромождая, объясняя, изменяя, подразделяя, пересоставляя, затемняя законы, ввергает их в хаос, в котором невозможно разобраться. Пусть достопочтенные шуаны, друзья Корматена, накануне его торжества, накануне отправки его в Вандейское королевство вознамериваются вызвать моего собрата Лебуа[44] в уголовный суд[8*] и там потребовать от него, обвинявшего их в том, что именно они повинны в массовых убийствах патриотов, представить им в качестве доказательства кости этих несчастных... и что же происходит? Аудитория заполняется террористами обоего пола; она представляет собой собрание, которое воплощает образ демократического народа; каждый проявляет самое живое участие к Другу народа; каждый осыпает проклятиями его противников, имевших бесстыдство явиться сюда с руками, на которых еще не высохла кровь

[8*] Заседание первого дня декады, первого нивоза.

наших убитых братьев, и требовать ответа от того, кто только вел учет преступлениям и преступникам; наконец, каждый предается законному веселью, видя торжество писателя-патриота, общее торжество всех патриотов, позор, который падает на виновного, терзающий душу страх — предвестник неизбежного наказания — и всеобщий ужас, охватывающий всю секту душегубов; потому что именно таковы были результаты решения о передаче письма, изобличающего убийства, из уголовного суда в обвинительное жюри. Пусть, с другой стороны, в собрание граждан[9*], обсуждающих обращение к народу, в котором речь пойдет о его бедах и способах их облегчения, проникнут подлые лакеи конституционной аристократии и, прикрываясь маской плебеев, попытаются воздействовать на собравшихся, чтобы протащить в этот адрес самую постыдную из всех клятв, а именно клятву умереть, защищая Кодекс д'Англа; тогда справедливое и гордое негодование овладевает душой всех собравшихся, слышится общий ропот, затем следует яростное возмущение, проявления которого покрывают позором подлых инициаторов этого гнусного и постыдного предложения, и оно с ужасом отвергается. Пусть двумя днями позже[10*] роялисты вознамерятся прощупать республиканцев и с этой целью распространят слух, что на этих последних будет совершено нападение в кафе или в любом месте, где они собираются... и вот что из этого выходит. Патриоты решают сохранять полное спокойствие и ждать противника без страха. Антуанское предместье не дремлет. Вечером оно высылает вооруженную группу разведать, что происходит, и в случае надобности вернуться за подкреплением. Но, без сомнения, благодаря принятым предосторожностям ни один из фанфаронов не осмеливается высунуть даже кончика носа. Наконец, пусть послушают, как на *рынках*, в *порту*, в очередях, в любой *группке*, в любом *народном скопище* без стеснения повторяют все то, что мы пишем, а именно: нельзя больше скрывать ни от других, ни от самих себя, что со времен 9 термидора свершилась контрреволюция; что в этот роковой день были убиты лучшие друзья народа; что до этого дня народ был счастлив и Республика торжествовала; что враги ее, как внутренние, так и внешние, успешно подавлялись; что каждый день был шагом вперед по пути к укреплению всеобщего счастья; что с тех пор совершалось обратное; что были возвращены и осыпаны милостями все враги отчизны, а ее друзья изгнаны или замучены; что 1 млн французов жестоко угнетает остальные 24 млн.; что он превратил их в притчу во языцех и посмешище всего света; что с каждым днем их унижение и их позорная нищета все возрастают; что Конституция, небывало прекрасная, достойная великого, сильного и добродетельного народа, повержена и уступила место кодексу узурпации, рабства

9* В Пантеоне[45] 2 нивоза.
10* 4 нивоза.

и уничтожения всех Прав человека и гражданина; что нация не может дальше терпеть подобного бесчестья, подобного упадка, подобной системы угнетения и подлых мук, что пора вспомнить мужей доблести, павших жертвами страшных дней Термидора, прославить их память, которую мы имели недостойную слабость проклинать в согласии со множеством злодеев, использовавших это как средство нас поработить... вспомнить о добродетелях этих славных мучеников, чтобы воспитать себя в демократическом духе, и испросить прощение у их душ за нанесенные им оскорбления... окинуть мысленным взором все свидетельства их деятельности, которые нам остались и которые ясно показывают, сколь велика, искренна и чиста была их любовь к народу... воззвать к природе, несомненно скупо рождающей подобных людей, и заклинать ее родить еще нескольких подобных... поклясться, что впредь мы послужим им более непоколебимой, более надежной опорой... поклясться, что мы вместе с ними добьемся торжества единственной системы, к которой, как признано, они стремились, системы, способной уничтожить злодейство и разложение со всеми отсюда вытекающими бедствиями и установить царство добродетели, справедливости и общего благоденствия.

Такова подлинная картина сегодняшнего состояния общественного мнения, и я ручаюсь, что тиранам и их друзьям не под силу это опровергнуть. Общественное мнение правит миром. Пусть же народ поддерживает и укрепляет свои нынешние убеждения: он заставит их восторжествовать и сам восторжествует с ними вместе.

Я было решил на этом и закончить настоящий номер, но, пока он печатался, произошли события, слишком живо меня затрагивающие и слишком тесно связанные со всем содержанием этой газеты, чтобы я мог остановиться здесь, не упомянув о них.

Смехотворность старого судебного дела, которое собирался воскресить Мерлен, сделала такие попытки чересчур жалкими в глазах общественного мнения, чтобы из этого можно было еще что-нибудь извлечь. Поэтому я и вижу, что против меня готовят иное оружие и разрабатывают новые планы атаки.

Прежде всего мне почти одновременно бросают вызов господа Труве[46], редактор «Moniteur», и Бонвилль[47], называющий себя старым Трибуном.

И я уже приготовился отвечать им:

«Господа, вы найдете меня готовым к бою. Я не знаю, существует ли между вами договоренность напасть на меня одновременно. Но, по-видимому, вам не безызвестно, что я несколько самонадеян. И действительно, я отнюдь не побоюсь отвечать вам обоим сразу. Воспользуйтесь же для этого тем коротким временем, какое я намерен уделить подобным стычкам, которые ведутся вокруг меня бесконечно. Я не хочу давать на-

роду, свидетелю этих событий, повода задаваться вопросом, не выродился ли я в профессионального дуэлянта и не сводится ли теперь моя роль к демонстрации искусства фехтования то на таких, то на иных шпагах. Но вы, господа, вы ведь не рядовые забияки. Бой, в который я вступаю и против таких воителей, как вы, должен быть очень интересен народу. Это далеко не тот случай, когда его внимание, будучи приковано к подобному зрелищу, возбуждалось бы одним любопытством да желанием поразвлечься. Напротив, наша баталия относится к числу тех, его присутствие на которых было бы весьма желательно, и я по чистой совести считаю, что наблюдать за ней было бы полезно всем французским санкюлотам, дабы они почувствовали ее значение, живо заинтересовались бы ее исходом и поклялись увенчать наградой победителя... Ах! Если бы мы стали победителями, народ был бы спасен! Он был бы счастлив! Его награда стала бы наградой, присужденной именно ему, и он сам распорядился бы ею в свою пользу; и что это была бы за награда? Об этом я писал уже повсюду: наградой было бы его счастье».

Ну, что ж! Хотя другие нападки, еще более настойчивые, более упорные, призывают нас защищать себя с других флангов, покажем все же, что мы не напрасно провозгласили, будто эта битва по своему значению уподобляется битве Горациев с Куриациями. Начнем же ее.

Когда Бонвилль выпустил свою газету под названием «Старый трибун» и с горечью заявил, будто я у к р а л у него название, он преследовал, очевидно, две цели. С одной стороны, он стремился затмить истинного Трибуна народа, навязывая народу ошибочное мнение, что поскольку существовало два Трибуна, то наиболее с т а р ы й есть и наилучший. Другая цель вытекала из первой и сводилась к тому, чтобы внушить мысль, будто новый Трибун вдвойне достоин презрения, так как он еще и в о р. В целом вся эта мелкая махинация, как мне кажется, проистекает не столько из авторского соперничества, сколько из правительственной интриги, из проекта уничтожить ужасную газету «Трибун народа», дискредитировав ее путем подобных жалких и лживых приемов.

Если допустить, что подобная чепуха может оказать какое-либо воздействие и общественность всерьез станет обсуждать вопрос: какой из двух Трибунов наилучший, то будет нетрудно доказать, что Бонвилль никогда не являлся Трибуном народа. Кого следует по справедливости признать таковым? Тех, о ком я совсем недавно (в номере 34-м [11*]) подробно говорил, т. е. людей, которые всегда оставались стойкими и мужественными проповедниками и хранителями плебейской доктрины. Но есть среди трибунов и другие, те, кто, на словах кичась этим званием, на деле его профанировал, действуя только как трибуны Патри-

---

[11*] *Опечатка, не замеченная Бабефом. Следовало напечатать — в номере 35-м.*

циата, трибуны Жиронды, трибуны «порядочных людей». Такого рода трибунат не имеет ничего общего с прекрасной деятельностью внуков Сципиона. Но почему же эти последние подвергаются нападкам со стороны первых? Потому что трибуны, являющиеся представителями черни, мешают трибунам, представляющим чистую публику. Так Опимий [48] заставил убить Гракхов, чтобы остался лишь гнусный трибун Руфус Минуций, который подло продался ему и всей партии богачей Рима. Но могли ли мы подумать, что так скоро увидим Руфуса Бонвилля? Мы ведь пока еще не убиты. Правда, нынешние Опимии к этому страстно стремятся. Но пока они не добились своего, поспешим высказать еще несколько суждений, полезных для народа. Прежде всего скажем ему, что полностью сбылись два пророчества Священного писания: о появлении лжепророков среди людей и о волках, которые облекутся в овечью шкуру, чтобы легче обмануть народ. Но что же означает неразумная дерзость Руфуса? Не должен ли он был предугадать, что при виде его каждый демократ воскликнет: «Средь нас явился лжетрибун!» Не думает ли он, что забыто хоть одно из его выдающихся революционных деяний? Они все навсегда запечатлены в вечно живых творениях знаменитого Социального кружка, в таких, как «La Bouche de fer», «Le Patriote français», «Les Annales de la Confédération universelle des Amis de la vérité», «La Chronique du mois» и др. Эти бессмертные творения прочно приковали к себе Руфуса Бонвилля с конца 89 года до несчастной эпохи 31 мая и заставили его отречься от обязанностей трибуна, исполнявшихся им в течение всего нескольких недель 1789 г., по его собственному признанию, в рабской зависимости от Мирабо и других патрициев сената. Как же осмеливается он сегодня после шестилетнего отказа [12*] от исполнения должности трибуна вновь потребовать ее для себя, причем для себя одного? Почему с конца II года он позволил мне открыто исполнять эти функции и ждал до IV года, чтобы потребовать их назад? Да, впрочем, полномочия трибуна никогда не объявлялись ни должностью исключительно одного человека, ни должностью несменяемой и пожизненной; это тем более относится к такому трибунату, который опирается только на силу общественного мнения.

Но перейдем к критике моего учения. Поскольку критика Старого трибуна мало отличима от критики г-на Труве, редактора «Moniteur», то неудивительно, что и в упреках, которые они оба находят нужным мне адресовать, они согласны между собой. Поэтому я вполне могу позволить себе отвечать им обоим вместе. Г-н Труве недолго задерживается на мелочах, которые занимают Минуция Бонвилля, но все же он задерживается на них. Первой моей серьезной провинностью он считает сохранение мною вопреки закону неприятного имени Гракх, что в со-

[12*] В тексте Бабефа ошибочно напечатано «шестимесячного».

единении со званием Трибун наводит на нежелательные мысли и свидетельствует о необычных притязаниях. Г-н Труве, не отказывающийся от труда читать меня, должен бы, однако, помнить, что год назад я на первой странице каждого номера моей газеты помещал следующее примечание: «Если кому-нибудь не нравятся принятое мною имя и название моей газеты, таковых я отсылаю к моему номеру 23 и предлагаю опровергнуть сказанное мною о причинах, побудивших меня их выбрать. Чтобы убедить меня отказаться от них, потребуются аргументы, не допускающие возражений» [13*].

Но поскольку мой 23-й номер вышел уже довольно давно и поскольку г-н Труве не может больше скрывать своего возмущения, я напомню некоторые из моих оправданий против пресловутых обвинений. Прежде всего этот сомнительный, невежественный, коварный и, во всяком случае с точки зрения республиканской, безнравственный закон, запрещающий избирать себе в покровители честного человека, аннулируется законом о свободе культов; ведь последний дает право на перемену имени, которое дается при крещении. Вот вам присваивают имя святого Антония с тем, чтобы вы подражали его добродетелям и добродетелям его поросенка. Но если, обладая или не обладая свободой культов, вы знаете, что и этот поросенок, и этот человек, пусть и озаренные святостью, являлись мерзкими ничтожествами, вам становится стыдно носить имя, связанное со столь презренными существами, стыдно чувствовать, что вы как бы должны постоянно им подражать. И если вы приняли религию друзей равенства, то вы ни минуты не должны колебаться, чтобы избрать себе покровителя из семьи Гракхов, которая одна стоит всех героев церковных преданий, и я в целом мире не знаю человека, который был бы вправе такой поступок осудить. Вот вам ответ на первый пункт вашего обвинения. Что же до второго, т. е. до присвоения себе звания Трибуна, то он потребует гораздо меньше рассуждений. Я лишь повторю некоторые из тех, что уже приводил в качестве предуведомления в упомянутом номере, первом, где принял это название. Я скажу, что, пользуясь им, я отнюдь не выказывал нелепых притязаний на какую-то должность, а всего лишь хотел заявить, что собираюсь выступать с народной трибуны.

Дальше мне придется придерживаться более серьезного тона, поскольку так поступает сам г-н Труве. Его речь в 92-м номере «Moniteur», направленная против 36-го номера «Трибуна», — подлинный обвинительный акт в духе Сегье [49]. Заявив, будто преступный 36-й номер угрожает и законам, и отечеству; что он изменил бы своему долгу честного республиканца, если бы не указал бдительному и неусыпно строгому правительству на эти подстрекательские страницы, на этот листок, зовущий к беспорядку, грабежу и

[13*] *См. Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, с. 291 и др.*

анархии; что его автор сам дерзостно раскрывает всё опасности, он обнаруживает в приводимых мною отрывках из писем с Севера и с Юга бесспорные доказательства самого широкого заговора; он видит мораль Мандренов и Картушей[50] в утверждении, будто «гражданин республики не может сделать ни единого шага, не ступая по собственной земле, по собственному владению»[14*]. Он считает кощунственным утверждение, что контрреволюция свершилась и революцию надо делать наново; он считает непростительными наши проклятия Термидору; еще более непростительным он считает наше благоговейное поклонение погибшим мученикам и героям свободы вплоть до жертв Прериаля: «Замираешь от ужаса, — пишет он, — перед этим списком, который будит воспоминания о палачах Франции; возмущаешься, видя, как пытаются обожествить тигров!» Правда, среди этих тигров и палачей встречаешь имена Гужона, Ромма, Субрани, юридическому убийству которых г-н Труве немало посодействовал; прочитайте в газетах того времени его показания, именно они должны были произвести наибольшее впечатление; г-н Труве все видел, все слышал; от него не ускользнули ни одно слово, ни одно движение, ни один шаг обвиняемых. Но, конечно, нет ни малейшего основания опасаться, что беспристрастная история присудит г-ну Труве звание тигра и палача Франции.

В ожидании этого последуем за его гремящей обвинительной речью, направленной против нас. Он говорит, что через два месяца будет покончено с Директорией, с Республикой, если оставить без внимания наши козни. Свобода печати — это Палладиум общественной свободы; но нельзя тем не менее допускать, чтобы ее использовали для выступлений против той конституции, которую одобрили и народ богачей, и патрициат, и миллион достопочтенных граждан, что бы об этом ни говорили, добавляет г-н Труве, заговорщики, которых всего-навсего 24 миллиона.

Наконец, обвинитель вплотную подступает к нашему главному преступлению. Мы осмелились призывать и стремиться к подлинному равенству. Но ни Марат, ни Робеспьер, говорит г-н Труве, никогда не могли установить его. Да, это конечно так, поскольку вы их убили, когда они уверенно шли к своей цели, и раньше, чем они успели достичь ее. Но тут я ловлю вас на прелестной откровенности. Так, стало быть, по-вашему, Робеспьер стремился к подлинному равенству? Стало быть, он не рвался ни к короне, ни к диктатуре, как его обвиняли? Но значит его убийство было великим преступлением!

Однако не будем отвлекаться. Г-н Труве заверяет своим честным словом, будто подлинное равенство — это химера.

[14*] *См. настоящий том, стр. 42.*

Но нынче это вовсе не совпадает с общим мнением; нынешнее общее мнение, напротив, сводится к тому, что равенство перед законом, т. е. единственное, которое вам было угодно нам оставить, единственное, которое вы сами признаете возможным, справедливым и священным, оно-то как раз и есть не что иное, как химера, метафорическое понятие, в котором нет ничего подлинного и реального.

Однако вы берете на себя смелость утверждать, будто «всякое иное равенство есть анархия, разбой и убийство». С неменьшей же смелостью вы провозглашаете, что положение: «Истинный республиканец не может сделать ни единого шага, не ступая по собственной земле, по собственному владению» — это грабеж, возведенный в принцип. Вы не колеблетесь даже добавить, что, «исходя из этого положения, грабитель, не желающий работать сам, может отобрать у деятельного и умелого работника орудие труда, с помощью которого тот зарабатывает себе на жизнь».

Вы будете несколько удивлены (если только ваши жалкие рассуждения исходят из искреннего убеждения), когда мы вам сейчас покажем, что наше подлинное равенство единственно справедливое, единственно священное, что именно оно-то и возможно, и, напротив, ваши узаконенные твое и мое как раз и означают анархию, разбой, убийство; что они-то и возводят грабеж в принцип и только через их посредство «грабитель, не желающий работать, отбирает у деятельного и умелого работника орудие труда, с помощью которого тот зарабатывает себе на жизнь».

ЛЮДИ РОЖДАЮТСЯ РАВНЫМИ В ПРАВАХ. Вы, разумеется, согласитесь с непреложностью этого исходного положения. Если я сюда прибавлю: и остаются, — то, надеюсь, вы согласитесь и с этим; и тогда все общественное право окажется выраженным в этих немногих словах: люди рождаются и остаются равными в правах. Следовательно, всякое законодательство должно соотноситься с таким положением? А значит, все должно быть направлено на предоставление людям возможности оставаться такими, какими они родились, иначе говоря — равными в правах, поскольку они неизменно равны в потребностях? Любой закон, который позволяет или не препятствует им утерять равенство в правах, явится, следовательно, антиобщественным законом? В обществе все совершается согласно воле закона. Следовательно, тысяча и один способ, предоставляемый мне законом для того, чтобы я нарушил равенство с большинством моих братьев, чтобы я один мог захватить себе столько прав, иными словами, столько материальных благ, сколько имеют сто тысяч мне подобных; тысяча и один способ, позволяющий одному миллиону наглецов, вроде меня, захватить себе девяносто девять сотых из тех вещей, которые необходимы и должны принадлежать двадцати пяти миллионам, суть преступные нарушения основного закона,

преступление против человечества. Закон, позволяющий мне интриги и всякого рода уловки, чтобы, ничего не совершая настоящего и подлинно полезного, заглотать в течение четверти часа дневной заработок двухсот на общую пользу трудящихся рук, — что же это такое, как не возведение грабежа в принцип? Не это ли как раз тот самый случай, когда, как очень удачно выразился г-н Труве, «грабитель, не желающий работать, отбирает у деятельного и умелого работника орудие труда», с помощью которого тот зарабатывает себе на жизнь? И когда губительное действие таких жестоких законов приводит к изъятию этих столь необходимых орудий труда у громадного числа работников, еще более необходимых обществу; когда после этого почти все они умирают с голоду, то что же все это означает, как не самую плачевную анархию, худший из возможных разбоев, самый гнусный способ убийства?

Доказав вам справедливость и священные основы учения о подлинном равенстве, мы предложим вам в качестве гарантии его осуществимости мнение таких людей, познания которых отнюдь не химеричны и которые как раз сейчас заняты этим вопросом, причем столь серьезно, что никак не дают повода думать, будто они к нему относятся, как к химере. Мы предложим вам совсем простые взгляды того самого Мабли, который принадлежит к числу людей здравого смысла, черпающих знания только у природы, и говорит почти то же, что сказано на 105-й стр. 35-го номера нашей газеты: «Уничтожить частную собственность; установить общее управление; прикрепить каждого человека соответственно его дарованию к мастерству, которое он знает; обязать его сдавать в натуре плоды своего труда на общий склад и создать простую администрацию распределения, администрацию продовольствия, которая, ведя учет всех сограждан и всех изделий, распределит последние на основе строжайшего равенства и распорядится доставить их по месту жительства каждого гражданина» [15*].

Возможно, помимо моих доводов, вам понадобятся еще и другие, чтобы принять такую систему; но ведь и для меня — и это вам известно — недостаточно ваших для признания бесспорности совершенно противоположной системы, которую поддерживаете вы. Поэтому в качестве небольшого дополнительного аргумента вы со всей скромностью обращаетесь к виселицам и эшафотам. Это вполне рядовой довод, обычный прием угнетателей народа по отношению к мстителям за него. «Незачем, — говорите вы власть имущим, — отыскивать былые низкие поступки (былые низкие поступки! Ах, г-н Труве... хорошо посмеется тот, кто в последнюю очередь, но наилучшим образом очистится от обвинений в собственных низких поступках!), незачем отыскивать былые низкие поступки, когда совсем недавно совершены преступления, за которые следует покарать». И, оче-

[15*] *Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, стр. 522.*

видно, этот самый вопль — бей его! — и послужил прелюдией к новым наскокам, которые готовятся против нас. И если обвинение, рассмотренное нами, действительно явилось черновым наброском обвинительного заключения против нас, то и мы, отвечая на него, набросали черновик нашего оправдания. В любом случае мы не потеряли зря ни минуты нашего времени, потому что мы выступили в защиту Равенства, а его дело может только выиграть, когда за него выступают открыто и в полный голос. Совсем недавно, бросая вызов собственникам (№ 37, стр. 133), мы выразили желание услышать самые решительные возражения нашим взглядам, поскольку торжество нашего дела зависит лишь от того, сколь широко сумеем мы развернуть свои силы еще до начала сражения. Однако со стороны собственников мы не услышали ничего, кроме шутовских выходок от имени некоего г-на Бонвю, часовщика, заявившего, что, владея садом и часами, он боится потерять и то и другое в результате системы строгого равенства (см. «Le Bonhomme Richard» от 17 нивоза). Но вот за всех собственников вступаются и правительство, и суд. Это будет еще более показательно. Посмотрим, как возьмутся они за покарание недавних преступлений, если воспользоваться выражением из доноса г-на Труве.

Было бы большой глупостью со стороны обеих палат тратить время и силы, грезя о репрессивных законах против печати. Пусть предоставят это дело Мерлену[16*]. Ему так и не удалось осуществить свои проекты закона о клевете. Это ничуть не помешало ему прикрыть последнюю оставленную писателям нынешней, третьей французской конституцией лазейку, через которую они еще как-то ухитрялись провести свои взгляды. Марат, этот одержимый, считавший Неккера великим жонглером, не сумел вполне оценить таланта того, кто, в сущности, был его коллегой. Прочитайте, патриоты, прочитайте постановление Исполнительной Директории от 3 нивоза[17*], относительно которого один из посвященных поклялся мне всеми святыми, что оно есть дело рук одного только Мерлена; вы увидите, что к закону 15 вандемьера, который направлен исключительно против виновников роялистского мятежа от 13-го, он чрезвычайно ловко сумел припутать Лебуа, Друга народа, за написанные им уже позднее, 29 фримера, слова, что, по его мнению, революция свершилась ради того, чтобы отнять у людей, захвативших все для себя, то, что они имеют в избытке, и возвратить это тем,

---

[16*] Кто бы мог поверить, что этот человек сам выпускал анархические газеты? Теперь он обуздывает их. Такова жизнь. Каково время — таковы нравы. И тем не менее правда, что в 92 году г-да Фрерон, Камилл Демулен и Мерлен из Дуэ были террористами, каких не часто встретишь. «La Tribune des patriotes», выходившая тогда, издавалась в духе этих опасных людей. Она поистине была самым разрушительным из предприятий, на которые демон смуты мог вдохновить своих наиболее яростных приспешников.

[17*] № 19 «Rédacteur», или «Bulletin du Gouvernement».

кому они не оставили ничего. Кроме того, Мерлен находит того же Лебуа виновным в том, что он участвовал в «подстрекательстве к мятежным действиям», опубликовав письмо, где я рассказывал о моем граничащем с чудом избавлении от рук насильника, служащего всем тюремщикам мира. Если бы «Газета свободных людей»[18*] с великим старанием, прозорливостью и законной строгостью не рассмотрела и не оценила бы этого распоряжения против Друга народа, мы бы сами проанализировали его во всех его деталях. Но взгляните только, к чему это привело? Вызвало к жизни новую защитительную речь в пользу славного дела равенства!.. Да еще доказали, что как Руссо, так и Мабли, и оба раньше, чем Лебуа и я, заслужили гильотины, поскольку проповедовали злополучную доктрину о необходимости взять у того, кто владеет излишком, чтобы отдать тому, кто не имеет ничего. Однако что выйдет из подобного процесса? Этого я не знаю, но буду знать, так как мое участие в нем неизбежно. Именно на меня в первую очередь падает главное обвинение в «подстрекательстве к мятежным действиям». Лебуа — тут только вторая скрипка. Вне всякого сомнения, это я вызвал движение, поскольку моему перу принадлежит письмо, которое, как предполагается, послужило к нему толчком: Друг народа всего лишь участвовал в подстрекательстве к мятежным действиям, которые произошли или могут произойти. Следовательно, он является лишь соучастником; я же творец дела. Несомненно, мы все лучше поймем впоследствии.

Этот способ добраться до меня казался вполне надежным. Однако он, как видно, не считался достаточным теми, кто взял на себя обязанность уничтожить меня, чего бы это ни стоило. Распоряжение Директории, целиком приведенное в «Монитере» от 16 нивоза, извещает Францию, Европу, а одновременно и меня о следующем: все то же обвинительное жюри уголовного суда департамента Сены постановило 10 нивоза, что нет оснований для обвинения против писателя Рише-Серизи и что существуют основания для обвинения против писателя Бабефа. Сам Бабеф до этого момента и не подозревал, что он, как писатель, предстал непосредственно перед обвинительным жюри уголовного суда департамента Сены.

То же распоряжение от 16 нивоза в двух столбцах пустой болтовни, наглядно демонстрирующей, что оно, как и все прочее, является делом рук неутомимого Мерлена, доказывает, что оба постановления суда — и за Серизи, и против Бабефа — недействительны, так как постановления эти приняты обычными судами, в то время как их должны были принимать суды специ-

---

[18*] № 65 от 12 нивоза. Эта газета с некоторого времени приобрела определенный характер. Она отбросила всякую осторожность, всяческие мелочные расчеты. Она освещает серьезные и важные вопросы. Из республиканской, какой она была всегда, она стала демократической.

альные. И они были возвращены для пересмотра. Я думаю, что в части, касающейся меня, результат останется прежним. Желаю г-ну Рише-Серизи, рядом с которым я имел честь быть поставлен, оказаться столь же удачливым во втором испытании, как это было в первом.

И вот наконец на меня нападают так, как я бы того желал. Следуя совету мудрого Труве, позабыли о былых слабостях, чтобы показать преступления недавних дней.

Мы увидим, суждено ли этому процессу прогреметь и не ему ли предстоит окончательно решить вопрос о судьбах свободы. Но прежде всего он должен недвусмысленно показать, уничтожено ли во Франции окончательно священное право свободы печати.

Но насколько этот процесс станет более памятным, более достойным привлечь к себе внимание Республики, целой Европы, будущих поколений, если обвиняемый, во всеуслышание признавая свою вину, провозглашая, что он полностью принимает все пункты обвинения, заявит в то же время, что он гордится этим, ставит это себе в заслугу, а затем откроет торжественную дискуссию с целью доказать следующее: он только выполнил свой долг гражданина и члена великой семьи, когда с горячим рвением и с полным бесстрашием отстаивал общественный и естественный договоры, одновременно нарушенные.

Ну, что ж — да! Трибун народа, будучи обвинен, станет оправдывать себя не иначе, как утверждая и доказывая, что он лишь выполнил свой долг, сделал лишь то, что должен был делать ранее и обязан делать сейчас каждый француз, пробуждая всеобщую энергию, способную извлечь величественный кодекс народа оттуда, куда преступление осмелилось его сбросить, и ввергнуть в бездну вечного проклятия тиранический кодекс патрициата, святотатственно подменивший собой этот первый священный закон... что он, кроме того, совершал лишь то, что обязан совершать всякий друг человечества, всякое чувствующее существо, всякий член общества, верный делу справедливости и любящий своих братьев, восставая против всех гнусных душегубов и расхитителей общего достояния, которым в наши злополучные времена удалось установить свою неслыханную систему.

Я надеюсь, что мое дело станет делом народа, делом революции, делом, которое, возможно, решит, утвердится ли навсегда ужасающий деспотизм, угнетающий нас в настоящее время, или же он будет наконец обуздан, как следовало бы сделать. Это дело должно дать повод с новым пылом поставить великий вопрос об общественном пакте; оно должно положить начало откровенному обсуждению проблемы: управляются ли французы согласно тому пакту, который увенчал их желания, тому, к которому они стремились в течение шести лет напряженных усилий, трудов и жертв. Теперь или никогда необходимо громогласно и неустанно выступать с требованием прав человека, столь недостойно поруганных и отвергнутых, за восстановление чести преданной и униженной нации. И для всех

ясно: при этом подвергается нападкам вовсе не один только Трибун народа, а дело в самом факте, что кто-то осмеливается настойчиво требовать прав народа, ибо мысль о сильном впечатлении, которое этот факт может произвести, и о его неожиданных следствиях вызывает трепет у нынешних властей. Поэтому естественно, что власть идет на крайности, лишь бы отдалить от себя то, чего она страшится. Но это единственный случай показать ей мощь противодействия, способного парализовать ее преступления, доведенные до предела. Они окажутся последними, если их безнаказанно стерпят, так как деспотизму больше ничего не понадобится делать, чтобы неколебимо утвердить свою ненавистную систему.

Поэтому я приглашаю всех энергичных людей вмешаться в этот великий процесс. Наглядные объяснения важных вопросов, лежащих в его основе, могут оказаться самыми благотворными и послужить общественному мнению живым толчком к возбуждению желания скорее вернуться к режиму, более соответствующему целям революции.

Французы! Да, он придет, этот режим. Газета свободных людей (14 нивоза) вам тоже говорила об этом: «Наши дети получат народную конституцию от своих несчастливых отцов; это самое драгоценное благо, которое мы сумели им завещать и которое дойдет до них, чего бы это ни стоило».

К этому утешению, о мои читатели, пусть присоединятся еще несколько других, прежде чем я вас на сегодня покину. Я сообщу вам от себя еще несколько новостей. Я хочу дать вам для прочтения вот эти два письма, пришедшие ко мне с двух разных концов Франции, и пусть весь патрициат содрогнется в страхе и тревоге.

Вот первое — из Рейнской и Мозельской армии:

«Патриоты, которые составляют громадное большинство нашей армии, не читают твою газету, а с жадностью поглощают ее. Они сражаются за демократию и равенство, а вовсе не за то, чтобы жить под унизительным гнетом богачей».

А вот это — с противоположного конца Республики:

«Рабочие-оружейники, как и другие, в числе более 800 человек вошли в общество нашей коммуны. Они воспламеняются, когда слушают там чтение номеров твоей газеты. Они прекрасно понимают ее мораль. И они неустанно повторяют как пароль: всеобщее счастье или смерть!»

Солдаты! Рабочие! Все вы, плебеи, ограбленные, но полные добродетелей, мужайтесь! .. Вы получите ту демократию, то равенство, то всеобщее счастье, о которых так страстно мечтаете. Шесть лет ваших героических трудов не пропадут даром. Ни вы, ни мы не станем игрушкой и посмешищем бездельников, которые пока еще угнетают нас. Все, что есть чистого, честного и доброго, тайно трудится над уничтожением этого угнетения. Дошли ли уже до вас, о великодушные защитники Родины, слухи о существовании петиции Пантеона [51] — петиции, требующей,

чтобы был выполнен закон, который обеспечивает каждого из вас земельным участком — законной данью вашей храбрости и вашей верности? Обратите на нее внимание! Цель ее не забыта. Она только первый шаг к удовлетворению справедливых требований спасителей Республики, заставить уважать которые должны все честные люди. Общество Пантеона! Думай о своей славе, думай обо всем том благе, которое ты можешь принести. Остерегайся изменников в своей среде, следи за ними. Скоро мы займемся этим важным делом — назовем их, отметим их клеймом на лбу, чтобы при встрече с ними не ошибиться. Но пока остерегайся, как бы они не толкнули тебя на бесчестные и губительные поступки. Уже, используя момент, когда их партия была сильна, а партия людей, верных принципам, слаба, они обманом добились постыдной клятвы верности патрицианской конституции и этим как бы лишили всякого значения тот прекрасный отпор, который вы сумели оказать на другом заседании, о чем мы как-то говорили. Но клятвы! Что значат они? Существует лишь одна клятва, та, которая была дана в порыве полного единодушия во всех 44 тыс. пунктов Республики 10 августа 93 года, ее результаты и ее длительность вечны.

Г. Бабеф, Трибун народа

Было бы невозможно и даже несправедливо не отметить с одобрением акты Исполнительной Директории от 18 нивоза[52]. Как много хорошего успела сделать в этот день Директория! Приказ министру внутренних дел представить отчет о мерах, принятых им для прекращения резни на Юге и для исполнения закона от 3 брюмера; приказ ни на одном спектакле не исполнять больше других песен, кроме республиканских «Ça ira» и «Марсельезы» и т. п.; предписание не исполнять впредь человеконенавистническую песню Пробуждение народа.

Мы думали об этом уже давно и даже старались провести такое различие: у нас есть квинтемвират, но, быть может, мы еще имеем право сказать, что у нас нет квинтемвиров. Учреждение дурно — люди хороши. То плохое, что я видел в их действиях, говорю это по чистой совести, я уверен, что оно и их самих поражало неожиданностью. Однако отнюдь не следовало бы приучать их, подобно королям, становиться недосягаемыми для всякой критики, перекладывая все ошибки собственного управления на министров. Нет ничего проще, как твердить: «Его Величество был обманут». Надо, чтобы все величества неустанно мешали злу совершаться; они ответственны за все то зло, которое не предотвратили. Впрочем, мы, возможно, не отдаем себе отчета в том, что делаем, когда рукоплещем нескольким сносным действиям правительства, которое не зиждется на законных основаниях. Всем, кто хоть сколько-нибудь разбирается в общей тактике руководства народами, известно, что нет ничего более губительного для дела свободы, как короли, заставляющие забывать

о королевской власти, или тираны, заставляющие забывать о тирании. Превозносили Траяна и Генриха IV. Но ни один деспот не способствовал больше них укреплению оков на теле нации. Они на много столетий отдалили освобождение человеческого рода. Если иго королей, императоров, диктаторов, протекторов или директоров легко и почти нечувствительно, то народы впадают в вялость и апатию. Они терпеливо выносят слабую узду. Ловкий тиран, сумевший тяжесть скипетра сделать почти неощутимой, чудодейственно укрепляет свое господство; а его преемник, вступая после него на более прочный трон, проявляет власть короля, императора, диктатора, протектора или директора во всей ее силе. Все же не станем забывать то добро, которое хотят нам сделать. Как знать? Возможно, Директория захочет осуществить его сполна? Возможно, ее цель — снискать себе славу спасительницы Республики и свободы? Быть может, пример Агиса, единственного из королей, кому можно простить его титул, возбуждает ее честолюбие? Сколь было бы похвально подобное честолюбие. Что ж, поживем — увидим. Какая разница, откуда приходят Родине добро и спасение? Она должна принимать их от любого, кто только сможет и захочет их ей предоставить. Тогда долгом патриотов, даже самых щепетильных по отношению к антидемократическим властям, станет идти бок о бок, в едином строю со всеми людьми, использующими власть как орудие освобождения. У меня не было бы иных желаний, как всеми средствами способствовать им, ни в чем не препятствовать усилиям, направленным к столь благотворной цели. Члены Директории! Страшные своим всемогуществом правители! Люди, обладающие властью творить в своей стране добро или зло! Станьте достойными того, чтобы Трибуну народа оставалось лишь следовать за вами, рукоплескать вам, а не критиковать вас... Что лучшего можете вы сделать? Необходимо высказать вам еще одну великую истину: вы стоите между двумя партиями, перед обеими вы серьезно виноваты и у обеих должны заслужить прощение; но одна из них неумолима, другая — нет. Попадите в руки роялистам — они скажут каждому из вас: «Негодяй! На тебе кровь Капета!» — и без снисхождения отправят вас на казнь. Патриоты также обвинят многих из вас в том, что вы сыграли важную роль в день 9 термидора; но они будут государственно мудры и справедливы и положат на весы и ваши добрые, и ваши дурные дела! .. Они зачтут вам и спасение Республики, которому вы так много содействовали 13 вандемьера. Ромму и Дюкенуа также приходилось искупать свои ошибки, совершенные в термидоре!! Но их возвышенные усилия ради торжества равенства очистили их еще до их героической смерти, и теперь лишь она одна и сохраняется в нашей памяти, вызывая у нас слезы живейшей благодарности. Француз не столь непреклонен в своей суровости, менее страшен и злопамятен, нежели римлянин, и он не сбросит с Тарпейской скалы тех, кто спас Капитолий.

Я извещаю подписчиков о том, что у меня нет больше денег. Я прошу их снабдить меня деньгами, если они хотят, чтобы я продолжал печатать для них свою газету. Всех тех, кто не внес полностью 125 ливров, которые я просил внести за триместр (а обязательства по нему будут выполнены, когда я выпущу 480 страниц), я особенно прошу возместить задолженность. Сравнивая эту сумму со стоимостью всех других газет, они поймут, что она недостаточна. Вскоре я окончательно определю, сколько мне еще нужно. Так как для меня это не вопрос коммерческой выгоды, я стану просить патриотов о денежной помощи лишь по мере того, как буду в ней нуждаться. Они слишком заинтересованы в торжестве истины, чтобы дать погибнуть изданию, провозглашающему ее полностью и без утайки. Поэтому мне нет никакой нужды стеснять их, и, в сущности, мне безразлично, хранятся ли эти средства у них или у меня. В настоящий момент и на некоторое время впредь мне хватит и того, что я сейчас прошу у них.

Типография Трибуна народа

ГРАКХ БАБЁФ К ПЛЕБЕЮ СИМОНУ[53]

Париж, сего 25 нивоза IV года [15 января 1796 г.]

Пишу тебе, мой дорогой равный, чтобы поощрить твое перо, коего силу и смелость ты нам уже доказал. Приходи, будь нашим храбрым помощником в борьбе. Мы нуждаемся в помощи. Нам нужно показать врагу, что у священной лиги равенства и всеобщего счастья не один мужественный и бесстрашный руководитель.

Полагаю, что ты узнал от Дарте, кто и каким образом издавал газету «Друг народа». Некий негодяй, именуемый Питу, бывший аббат, наперсник и закадычный друг Мерсье 73-го[54], был тем, кто постоянно фабриковал эту продукцию с тех пор, как она выпала из рук Шаля. Я никогда не знал и не слышал о мерзавце более безнравственном, чем сей Питу, и я никогда не знал более возмутительной мерзости, нежели эта его работа по изданию «Друга народа». Ты это узнаешь. После 9 термидора Питу издавал «Картину Парижа в водевилях», периодическое издание, вероятно тебе известное, предел официального неистовства. Еще не закончив эту работу, он одновременно взялся издавать «Друга народа». Этот прощелыга обладает бойким пером. Когда закончилось издание «Картины Парижа», он занялся другой аристократически-термидорианской газетой, которую он непрерывно сочинял для двух противоположных партий. Нам точно известно, что роялистское сочинение «Тимон Афинский», опубликованное приблизительно год тому назад под именем Мерсье, и вторившее «Наблюдателю» Делакруа[55], в действительности написал Питу. И Питу, чтобы сбить с толку шпионов, дал в своем «Друге народа» критический разбор «Тимона Афинского». В той же газете Питу выступил с апологией сентябрьских событий, как раз в момент крайнего ожесточения фреронистской молодежи, явно намереваясь довести до предела возбуждение и подтолкнуть сторонников массовых репрессий к кровавому мщению. И тот же

Питу после контрреакции в вандемьере выступил в том же «Друге народа», подогревая воспоминания о сентябрьских событиях и вопреки тому, что писал раньше, осуждая эти революционные события.

О событиях в вандемьере Питу опубликовал небольшое сочинение, озаглавленное «Преступления Конвента против народа и преступления народа против Конвента», в котором высказывается в пользу вандемьерских мятежников. И тот же Питу в «Друге народа» опять-таки не стесняется выступить с критикой этого сочинения.

Ясно, что этот гнусный Протей сделал себе игру из проповеди патриотизма и что газета Лебуа была всего лишь трубою для стока кощунственных нечистот этого подлого пройдохи. Почему же патриоты в какой-то мере увлекались этими фальшивыми катилинариями, не содержащими ничего, кроме чисто внешней пылкости? О, как они дали себя одурачить! Если бы, как это сделал человек, которого я знаю, все они могли бы ближе познакомиться с этим продажным хамелеоном, они бы постоянно слышали, как, приступая к своей работе для народной газеты, он восклицает: «Эх, что за несчастье быть вынужденным ради куска хлеба писать то, чего не думаешь, обращаясь к этим негодяям-республиканцам! Ладно, раз нельзя обойтись без обеда, отмерим еще один локоть демагогии». И чего же стоили, по существу, эти мнимые филиппики! Безвкусная и пошлая сатира, вовсе не тот тон, который подобает для выражения республиканского негодования, не тот, в котором подобает выступать против Аппиев и тиранов. Действие этих холодных сарказмов, этих унылых каламбуров ограничивалось удовлетворением той скотской толпы, которая смеется надо всем, иллюзией отмщения, которую испытывали, услышав циничную эпиграмму на крупного преступника и крупное преступление. К тому же надо еще иметь в виду, что все эти выпады Питу представлял на просмотр своему другу Мерсье и получал от него и его клики указания насчет дозы дозволенной едкости. В конечном счете секрет заключался в том, что дух и тон «Друга народа» диктовали Жиронда и группа 73-х. Этой газете давали жить, пока это было необходимо, чтобы сохранить некую видимость свободы печати. Когда же решено было упразднить ее, в ней поместили то, что требовалось для обоснования ареста Лебуа, и этот бедняга, бывший всего лишь подставным лицом, постоянно оставался в дураках во всей этой игре. Его простодушие было таково, что, выйдя из тюрьмы после событий вандемьера, он снова попал в те же сети.

Но для чего мы рассказываем все это гражданину Симону? Мы сейчас ему это поясним. Во-первых, он видит, что газета Лебуа никогда не была тем, чем должна была быть. Единственное, что в ней хорошо, — это три* слова, составлявшие ее за-

* *По-французски: «L'Ami du Peuple».*

главие. Она была лишь погремушкой, которую партия негодяев дергала за веревочку, забавляя до поры до времени доверчивую и наивную толпу.

Питу, устав играть роль, в которой ему так много приходится притворяться, только что окончательно покинул редакцию «Друга народа». Лебуа, по-видимому, до сих пор не нашел никого взамен, и два последних номера заполнены чем попало.

Чем же именно? Письмами и уже тысячу раз повторявшимися разглагольствованиями, направленными против некоторых личностей. Я заявляю, что это газета, по-прежнему плохо отвечающая своей цели и своему заглавию.

Не получается ли так, что спасение народа зависит только от наказания нескольких негодяев и что говорить надлежит исключительно о них? Разве только это интересует народ? И разве преследования некоторых патриотов, лишение должностей нескольких других и то, что они претерпели от Термидора до Вандемьера, — разве все это должно быть на первом плане и стереть из памяти всеобщее угнетение народа голодом, постоянным систематическим ограблением и установлением чудовищных и убийственных для плебеев учреждений?

Говорят, надо возбуждать жалость к жертвам и ненависть к тем, кто умерщвляет; чтобы достигнуть таких же успехов, как термидорианские реакционеры, надо в точности копировать их поведение. Но я скажу патриотам: «Бедные люди, неужто вы хотите быть лишь жалкими подражателями? Неужели вы думаете, что в революции можно дважды достигнуть успеха одним и тем же путем? Если вы действительно так думаете, постарайтесь по крайней мере стать сносными обезьянами. Пока что вы очень плохие обезьяны. Ваши длинные речи безвкусны, они усыпляют, а не возбуждают. Вы воспроизводите в ваших газетах письма, многословные и полные ненужных подробностей. Не то делал когда-то Фрерон. Возьмите пример с его „Оратора“. Вы найдете у него неослабный жар, неистовство, живость, опору на факты и размышления, продуманные рассуждения, логику, хотя и фальшивую, но ловкую, обсуждение всех вопросов, касавшихся интересов той касты, в защиту которой он выступает, слезливые проповеди обо всем, для нее дорогом и ею потерянном, высокопарные увещания, указания его раззолоченной публике, как ей поступать и как себя вести. Вам гораздо лучше делать то же самое для санкюлотизма, раз вы беретесь писать в его защиту. Делайте же это».

Наконец, вот мое заключение. Я говорю Симону-плебею, что ему надлежит овладеть лучшим, что есть в редакции газеты Лебуа, и не дать ей попасть опять в дурные руки. Это предотвратило бы великое несчастье, а взамен принесло бы великое счастье. Ему надлежит придать этой газете тот характер, который она должна иметь, побольше говорить там о всеобщем счастье, о подлинном равенстве, о подлинно плебейских учреждениях, о такой демократии, какой еще никто не видел, о притягатель-

ности такого, единственно законного, порядка вещей, о способах достижения этой цели и т. д.

Сочиняйте же статьи, много статей, а мы пустим в ход всю свою ловкость, чтобы добиться от старины Лебуа согласия на их публикацию: мы постараемся мало-помалу закрепить* тебя на этом посту «почетного» главного редактора. И я считаю это немаловажной выгодой для тех 24 млн. бедняков, которым 25-й млн. причиняет столько зла. Ты знаешь, что нам уже удалось ввести в редакцию «Армейского курьера» одного неплохого сторонника народного дела[56], заявившего в своем проспекте, что он исходит из следующей основной истины: «Революция означает счастье большинства». Постараемся увеличить сообщество проповедников этой доктрины, только таким образом она может пробить себе дорогу. Чтобы побудить тебя поддержать это сообщество, я в первой же беседе, письменной или устной, сообщу тебе, сколько уже в нем членов.

Братский привет. Привет в равенстве, Г. Бабеф.

ПИСЬМО П. БАРРАСУ

25 нивоза IV года [15 января 1796 г.]

Гражданин!

Я писал вам вчера. Я настойчиво прошу дать мне сегодня ответ, который я до сих пор не получил. Будем говорить ясно, в четырех словах я изложу вам мою просьбу.

В тот момент, когда исполнительная власть предпринимает шаги, которые, кажется, должны успокоить самый бдительный патриотизм, и не оставляет даже самым ревнивым сторонникам полного торжества общественной свободы никакого другого разумного и продуманного пути, кроме того, чтобы идти рука об руку с высшей национальной властью... я спрашиваю, могу ли я рассчитывать на то, что меня не будут преследовать или, скорее, на то, что Директория не будет поддерживать и прекратит дрязги и интриги министра Мерлена, который, преследуя меня, беспокоится не столько об общественных делах, сколько об удовлетворении своей личной злобы.

Привет и братство Г. Бабеф

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 39

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека (1793 г.), ст. 1)

Критико-аналитическая картина действий правительства и замечания о ходе революции после 13 вандемьера.

Влияние событий 13 вандемьера на общественное мнение.

---

* В оригинале «encrer». Явная опечатка. Нужно «ancrer». (*Примеч. пер.*).

Оценка сегодняшней энергии народа. Прискорбная и ужасная истина: чудовищное коварство патрициата делает врагами свободы патрициев, правительство и большинство народа. Нет иного средства спасти свободу, кроме завоевания на ее сторону этого народного большинства. Средства к тому.

Цель предложенной Трибуном исторической хроники действий трех властей, постановляющей, утверждающей и исполнительной, после 13 вандемьера; из нее следует, что народ не может ждать для себя добра ни от существующих учреждений, ни от государственных должностных лиц.

Определение места, которое должно принадлежать 13 вандемьера среди важных событий революции. Чем этот день должен был стать, и чем он стал. Рассмотрение и изучение того, как он готовился и проводился. Обращение к террористам. Отмена закона о разоружении. Поразительные странности поведения некоторых деятелей обороняющейся партии, позволяющие предположить их сговор с партией нападающей. Настроения народа и солдат. Гнусное поведение Конвента. Его смогло спасти только чудо. Удивительное здравомыслие патриотов, сумевших понять, что для спасения Республики следовало спасти главных врагов народа. Священный легион: его прекрасное поведение. Недостойное поведение по отношению к нему.

Взгляд на текущий момент. Пристрастие и увлечение — две старые болезни французов, по-видимому неизлечимые. Доказательства их живучести с первых дней революции и того, что сейчас они возобновляются с новой силой. Их плачевные свойства. Несчастья, которыми они грозят.

Эта повальная зараза была занесена Патриотами 89 года, которые в вопросах свободы являются настоящими детьми. Патриотам 92 и 93 годов, людям более разумным и более зрелым в вопросах революции, следует потребовать, чтобы они уступили им инициативу и руководство делом, завершить которое предстоит нам. Твердость их принципов Равенства, их непреклонная, неистощимая и неугасимая неприязнь к любым учреждениям, освящающим человекоубийственное Неравенство.

Сопоставление Патриотов 89 и Патриотов 92 и 93 годов. О клятве верности правительству, данной первыми.

Оценка последних действий Исполнительной Директории. О принудительном займе. О постановлении насчет патриотических песен. О постановлении по поводу массовых убийств и о выполнении закона от 3 брюмера.

О драгоценном сочинении Лекуантра из Версаля насчет текущих событий. Автор раскрывает в нем преступные намерения правительства и показывает глубокую пропасть, разверзающуюся под ногами Франции.

О новом Пробуждении раззолоченного народа. Празднование годовщины смерти последнего Капета.

Об обществе Пантеона. Разоблачение нескольких интриганов, бесчестивших его.

Интересное письмо одного из Равных. **Секта** Равных **растет. Неофиты доктрины** Равенства **из департамента** Вар.

Портрет порядочных людей, **набросанный Мишелем Лепелетье.**

Обратимся теперь к истории или, вернее, продолжим ее изложение оттуда, где остановились[1*]. В 34-м номере мы дошли почти что до кануна 13 вандемьера. Бросим же теперь взгляд на сам этот день. Оценим его. Посмотрим, каковы его важнейшие действующие лица и что с ними стало... Посмотрим, в каком положении они находились тогда и где оказались ныне; что они делали тогда и что делают сегодня. Посмотрим, какие опасности грозили нам в этот пресловутый день 13-го, что благоприятствовало нам и что несло нам несчастья... Посмотрим, чем должен был стать этот день и чем он стал... Посмотрим, далеко ли продвинулся народ, завершив события этого дня... Посмотрим, не грозят ли народу и сейчас те же опасности, что и тогда, и не следует ли ему остерегаться нового нападения со стороны тех, кто эти события замыслил... Посмотрим, следует ли народу опасаться или желать повторения таких событий... И в заключение рассмотрим вопрос, в самом ли деле устойчиво все то, что со времен Вандемьера объявили твердо установленным; попытаемся выяснить, может ли все это послужить на благо народу, а в противном случае еще тверже укрепимся в решении отдаться делу осуществления лучшего порядка вещей.

Несмотря на признаки выздоровления, наблюдаемые ныне в состоянии общественного организма[2*], несмотря на свидетельства, дающие реальную надежду на скорое возвращение крепкого здоровья, следует признать, что предстоит еще многое сделать, многое оживить, увеличить и укрепить твердую волю и несомненную решимость способствовать полному возрождению[3*].

Да, конечно, некоторые признаки силы, проявляющиеся то здесь, то там, как будто бы позволяют честным гражданам питать серьезные надежды. Но когда подумаешь о том, в скольких местах тело нации еще тяжко поражено; когда представишь себе, что рубцующихся ран в тысячу раз меньше, чем ран открытых и воспаленных... естественно приходишь к выводу, что преодоленные опасности ничто по сравнению с теми, которые еще предстоит преодолеть.

И столь же естественно приходишь и к другому выводу: необ-

1* Я, правда, еще не закончил необходимых разъяснений по поводу всего, чем мне докучают. Но, поскольку эти разъяснения не столь существенны, как то, что непосредственно касается общественных дел, я сделаю их позднее.

2* См. наш № 36, стр. 113 [*см. настоящий том, стр. 42—43*].

3* См. там же.

ходимо либо увеличить число лекарств, либо выбрать среди них такие, действие которых было бы резче, сильнее и сказывалось на всем организме в целом.

Не станем скрывать, что целительные средства, употребляемые до сегодняшнего дня, нисколько не соответствовали ни серьезности, ни характерным особенностям нашей политической болезни, как они проявились именно со времен Вандемьера.

Положа руку на сердце, спросим, какие силы у нас еще остались? Признаемся прямо — это выгоднее, чем составлять себе ложное представление, способное увлечь нас на путь ошибок. Вся наша Республика подобна лагерю Порсены, посреди которого свободу защищают лишь Муций да три сотни юных римлян, давших вместе с ним клятву уничтожить тиранов, угнетателей их страны[57]. Во Франции патриотов больше трех сотен. Но я лишь хочу сказать, что в пропорциональном отношении это число решительных противников рабства совершенно подобно тому, чем для римлян были триста героев в дни Сцеволы.

Эта наша слабость не осталась незамеченной нашими врагами. Оглушенные крахом революционного дня, с которого мы начинаем рассказ, они проявили страх, укрепивший в нас, может быть сверх разумной меры, чувство безопасности. Стало очевидно, что шуанам придется приостановить свою деятельность. Это, казалось, заставило нас поверить, будто самые критические дни нашей общественной болезни миновали. Сегодня на этот счет ошибаться больше нельзя. Мнимое успокоение было лишь приступом летаргии; и тот злокачественный вирус, который непрерывно разъедает нас после Термидора, заставил непросвещенное большинство принять эту летаргию за восстановление здоровья. Проницательный врач всегда сумеет определить истинную ценность такого мнимого улучшения. Тщательно наблюдая лжесон, он улавливает в нем дрожь конвульсий. Ныне легко предугадать, что они закончатся лишь новым кризисом, который, по-видимому, не так уж и далек.

Следует ли удивляться этому, коль скоро мы убедимся в том, что заговор вандемьера ни на одно мгновенье не прекращал своего существования и что все, сделанное с тех пор, было только его прямым и верным следствием?

Следует ли удивляться этому, если настроение подавляющего большинства народа почти нисколько не изменилось по сравнению с тем, каким оно было до Вандемьера, и все так же благоприятствует целям патрицианской и роялистской каст?

Я показал в 34-м номере, что патрициат и роялизм, губя народ, одновременно в полном единодушии стремятся привлечь его на свою сторону и внушить ему ненависть к системе республиканского правления. Я показал, как сторонники этой двойной коалиции успешно сумели использовать неуменье масс рассуждать, чтобы внушить им представление, будто все зло исходит от учреждений народного режима, а вовсе не от развращенных людей, завладевших руководством общественными делами... и что таким

образом патриции и роялисты сумели привлечь в свои ряды и тех, кто действительно к ним принадлежал, и множество санкюлотов, хотя этих последних они душили и морили голодом.

Есть ли мысль более грустная, чем мысль о том, что мы все еще остаемся почти в том же положении!

А что бы означало, если бы в момент, когда я это пишу, я собрал бы достаточно сведений и фактов для утверждения, что обе палаты и новый квинтемвират почти целиком состоят из патрициев и роялистов? Из этого следовало бы, что и правительство, и порядочные люди, и простой народ единодушно не желают более свободы!

Ей в таком случае неизбежно суждена была бы гибель... В самом деле, если бы горстка потомков Сцеволы, сохранивших верность принципам, задумала бы добиться их торжества теми же средствами, к которым прибегнул их покровитель, это было бы не только невозможно, но и бессмысленно; ведь их пришлось бы применить и к правителям, и к чистой публике, и к простонародью.

Как бы ни уважал я здоровое ядро, которое могло еще сохраниться в народе, я никогда не был и теперь не являюсь до такой степени кровопийцей, чтобы думать, будто это ядро стоит подобных жертвоприношений. И если бы стало вполне очевидно, что большая часть человеческого рода испорчена и развращена, я предпочел бы предоставить ее собственной ее судьбе, чем спалить огнем или потопить, подобно тому как поступил Бог евреев, оставив в живых лишь добродетельного Лота в Содоме или безгрешного Ноя в его ковчеге.

Пусть только не вздумают тут же предположить, будто я хочу отказаться от своего дела, обескуражить патриотов и внушить им мысль: «Мы признаем, что слишком слабы для сопротивления».

Люди благородного происхождения имели бы случай посмеяться!..

Вот что следует сказать им:

«Благородные сеньоры! Вы совсем заморочили голову „черни"; но это лишь потому, что возле не оказалось нас, чтобы открыть ей глаза. Несмотря на ваши уловки, на лживые ваши увертки, она все еще не до конца верит вам; она не решается полностью положиться на людей вашего круга: вы чересчур часто злоупотребляли ее доверчивостью!.. Вы долго говорили с нею; только вы и были в состоянии с нею говорить. Но теперь мы намерены в свою очередь беседовать с нею, пусть и одновременно с вами. Мы уже обращались к ней и успели заметить, что ей пришлись по душе наши речи, что она находит их более естественными, чем ваши, более честными, более способными внушить ей доверие. Она уже услышала от нас, и мы не перестанем ей это повторять, что вы никогда не принесете ей счастья. Мы постоянно будем указывать ей тот путь к счастью, который, как она без труда поймет, явля-

ется более верным; и мы надеемся, что вскоре мы перехватим у вас все эти легионы простого люда.

Такой перехват — необходимое предварительное условие. Только осуществив его, можно ожидать что вновь завяжется борьба между двумя партиями, но уже отличающимися от тех, которые я только что описал, т. е., с одной стороны, партии, состоящей из горстки стойких и энергичных республиканцев, а с другой — КОАЛИЦИИ правительства, чистой публики и простого народа.

Теперь картина изменится, и нам предстанут, с одной стороны, большинство народа вместе с твердыми и несгибаемыми патриотами, а с другой — люди достопочтенные вместе с представителями власти.

Вот тогда и будет сделан самый значительный шаг на пути осуществления того важного соображения, которое было высказано некоторыми членами Конвента на его последних заседаниях: раз уж депутаты неспособны спасти народ, надо, чтобы он спас себя сам.

Общественное мнение давно уже считало Конвент неспособным на это. С еще большими основаниями оно сочло неспособным на это и новый Законодательный корпус, едва только стал известен его состав; а первые его шаги окончательно утвердили всеобщее убеждение.

Таким образом, только ради усиления нашей аргументации восстанавливаем мы теперь цепь событий, сопровождавших 13 вандемьера и последовавших за ним, — рамки, в пределах которых мы собираемся подвести итоги и последним действиям Конвента, и последующим деяниям трех властей, его сменивших.

Для нас не составит ни малейшего труда показать в ходе нашего рассказа, что тот сенат, который закончил свое существование, так же как и тот, который его сменил, придерживались одной и той же системы; что их деятельность — и до и после Вандемьера — была лишь цепью преступлений и заговоров против народа; что виновники этих преступлений и заговоров никогда не будут способны ни на что иное, кроме новых преступлений и заговоров; что, следовательно, народ не должен больше полагаться на них, а должен подумать о том, чтобы спасти себя самому.

Сделать это всеобщим убеждением — такова цель, которой я намереваюсь достичь в этом моем историческом очерке.

Поэтому никто не может ждать, чтобы я использовал совершенно те же краски, что и патриот Реаль в его «Очерке событий 12 и 13 вандемьера»; но ведь я и не намереваюсь стать правительственным историографом. Говорят, впрочем, будто этот труд Реаля все еще расхваливают. Он в самом деле дает внешне очень тщательный обзор всего происшедшего на поле битвы. Но я напрасно искал бы там хоть одну истину, носящую моральный характер и объясняющую сущность и причины событий. Рассказ, который я собираюсь представить здесь, ни в чем не будет подо-

бен и донесениям генералов, но другую сторону вопроса он осветит значительно лучше.

Наши первые предположения[4*] о признаках страшного кризиса, который и разразился 13-го, не были, очевидно, лишены некоторого основания, поскольку развитие кризиса во многом совпало с нашими предсказаниями.

Очень многие поставили 13 вандемьера в один ряд с 14 июля, 10 августа и другими достопамятными народными днями. Мне такое уподобление никогда не казалось справедливым; и хотя в тот вечер действительно было истреблено несколько тысяч именитых негодяев, он, на мой взгляд, ни на секунду не заслужил столь высокой и почетной оценки.

Я говорил уже 14-го: не надо торопиться провозглашать какой-либо день днем славы. Одно только время может обессмертить как эпохи, так и людей. Если порядочные люди изгнали Марата из Пантеона[58], то патриоты уже давно вынесли осуждение 9 термидора. Есть много героев и героических событий, окончательному суждению о которых — к их славе или забвению — еще предстоит устояться.

Горько видеть, как народ не получил ровно ничего из того, что он должен был бы ожидать от событий 13-го числа. Но видеть, как и того малого, чего он все же добился, он почти тут же лишился, еще горше.

Так что же получил народ от дня 13 вандемьера? Всего-навсего следующее.

Отсрочку окончательного уничтожения остатков Республики, старательно подточенных лигой, в которой поверхностный взгляд усмотрит лишь слабый вражеский отряд, мы же покажем, что она широко разветвлена и обладает огромной силой.

Кроме того, народ освободился от блистательного авангарда «золотого» миллиона, добился еще одного спасительного терроризирования всего шуанства, вернул себе хоть небольшую долю достоинства и право на некоторую защиту против возмутительных унижений, против невыносимых оскорблений со стороны чистой публики.

Вот, собственно, и почти все плоды победы 13-го числа. Это были лишь первые шаги на пути к более крупной победе. Но для этого надо было, чтобы республиканцы сумели сохранить эти первые достижения; чтобы они сумели использовать их для движения вперед.

Я бы желал назавтра после 13 вандемьера оказаться во главе отважных людей, одержавших в этот день победу, и иметь возможность сказать им:

«Французы! Если вы считаете, будто вчерашний день выполнил свое назначение, то я вас предупреждаю, что вы обеспечили победу правительства, а не свою. Вы действительно сделали все,

---

[4*] Предположения, помещенные в 34-м номере.

но только для него, а не для себя. Вы оказались лишь его покорными подручными, но отнюдь не достойными мстителями за свободу. Берегитесь, оно очень скоро вышвырнет вас подобно бесполезному орудию; вам это уже отчасти и показали. Да что говорить! Едва успели умолкнуть ваши победоносные пушки, как это уже начали осуществлять с бесстыдной и скандальной наглостью. Успокойтесь, впадите в апатию — и вас тут же начнут преследовать как гнусных свершителей убийств и расстрелов, как людей, преступно и безжалостно проливавших невинную кровь».

В подкрепление этих слов напомним о нашем анализе роялистских газет, заранее предсказавших проницательным умам характерные особенности заговора, те самые, которые день развязки сделал очевидными даже для тугодумов. Чрезвычайная дерзость авторов этих листков ясно показывает, что они пользовались тайной поддержкой высоких покровителей, более могущественных, чем благородные князья и сеньоры, находящиеся и по ту сторону Рейна, и по ту сторону Луары, и здесь, и повсеместно; хотя и они, без сомнения, направляя действия главных вдохновителей этих бесноватых, вдохновляли тем самым и их самих. То, что правительство позволило им пользоваться полнейшей безопасностью вплоть до самого осуществления заговора, дает повод для серьезнейших предположений.

Но вот время взрыва наступает. Он был подготовлен не только газетами, ему одновременно способствовали и визгливо-громогласные образцы патрицианского красноречия в первичных собраниях, и прокламации, адреса, афиши, памфлеты, пасквили — устные, письменные и печатные. Все неясные намеки приурочивали великий день к 15-му числу. То ли оттого, что все необходимые приготовления сочли вполне законченными на 48 часов раньше и трудно было сдержать кипящую энергию юного французского дворянства; то ли оттого, что разглашение срока осуществления заговора заставляло опасаться, как бы еще до намеченного дня не были предприняты карательные меры, — только к действиям приступили 13-го числа. Суть плана нападения и методы защиты стоят того, чтобы уделить им внимание.

Истребление сенаторов, за исключением семи или восьми праведников, о которых говорил Рише-Серизи, было делом первостепенной важности, которое следовало осуществить роялистским когортам. Для успеха этого важного шага не пренебрегли ничем. Нет ничего более ужасного в своем совершенстве, как мероприятия, задуманные ради этого первого успеха. Чтобы ни единый член Конвента не смог ускользнуть, применили чрезвычайно ловкий маневр: распустили слух о будто бы принятом восставшими секционерами решении арестовать каждого из депутатов прямо у него на дому. Этим обеспечили присутствие всех членов Конвента в зале заседаний; им дали увидеть в этом единственном месте не последнее свое надежное убежище, но по край-

шей мере последний оплот, где на несколько лишних минут можно продлить свою жизнь, на несколько лишних мгновений укрыться от смертельных ударов восставших. Уверенные в действенности жуткого своего расчета, солдаты Капета разделились на четыре группы: одна колонна заняла вход на Елисейские поля; вторая появилась на Тюильрийском мосту; третья завладела улицей Никез, а также Большой и Малой площадями Карусель и подходами к Комитету общественной безопасности; наконец, четвертая заполняла улицу Оноре и дефилировала по улице Конвента. Ничто не препятствовало осуществлению намеченного, напротив, было сделано все возможное, чтобы благоприятствовать увеличению патрицианской армии и обеспечить ее успех; и в то же время были приложены все старания, чтобы, во-первых, ослабить численно батальоны, призванные защищать сенат и народ, а во-вторых, парализовать их действия.

Кажется едва ли не чудом, что Собранию наших законодателей удалось тем не менее быстро сформировать армию, готовую успешно сражаться против их убийц. Поистине является искушение увидеть тайный перст гения — покровителя свободы в той небывалой удаче, которая доставила представителям народа защитников в то самое время, когда все способствовало тому, чтобы они не могли их найти.

Настроения народных масс ни в чем не благоприятствовали правительству, так как народ только ему одному приписывал и угнетение, и голод, и вечную нищету, и все несчастья, конца которым не видно. Часть народа перешла на сторону роялистов, поскольку после безуспешного восстания в жерминале против них и против деспотизма сената она не видела иного выхода, как присоединиться к любым силам, способным избавить его от невыносимого правительства. Дальше этого народ не заглядывал, а, может быть, чрезмерность его страданий заставила его отбросить все другие соображения, кроме одного, — ускорить падение тех, в ком он видел единственных виновников своих мучений. Внутренне народ ненавидел роялизм; но те, про кого говорили, будто они хотят его восстановить, прямо не проявляли своих намерений, и народ охотно позволял вводить себя в заблуждение на их счет, видя их смелые старания разбить механизм ненавистного режима: ведь он хотел любой перемены, воображая, будто худшего она принести не сможет.

Солдаты регулярных войск не были искреннее в своей преданности власти сената, имея к нему те же претензии, что и народ, как и он, приписывая режиму свою нужду, свои лишения, разделяя с народом его стремление к иному порядку вещей, менее тяжелому, менее безжалостному и жестокому.

Недвусмысленная позиция Конвента в тот самый момент, когда он должен бы был искать примирения с теми, кого звал на помощь в минуту самой большой опасности, была столь возмутительна, столь способна оттолкнуть и окончательно восстановить против него всех, кто должен был послужить ему оплотом, что

очень трудно понять, каким образом Конвент не оказался в самом жалком одиночестве.

Это последнее обстоятельство примыкает к двум фактам, немаловажным для истории и находящимся в ряду примечательных фактов, предшествовавших развязыванию событий 13-го числа.

Республиканцы, еще с роковых дней термидора столь униженные и притесняемые, преданные и убиваемые на виду у народных представителей, с их ведома и согласия; республиканцы, под именем патриотов 89 года — наименование весьма неудачное, подсказанное правительством и тем более неприемлемое, что оно как бы исключает патриотов 92, 93 и 95 годов, стоящих гораздо выше первых; республиканцы, повторяю, под именем патриотов 89 года повиновались, без сомнения, какому-то сигналу, когда явились 11 вандемьера многочисленной делегацией к барьеру Конвента и заявили, что телом и душой отдают себя на защиту тех, чьи дни оказались под угрозой и кто с давних пор проявлял самое горячее стремление прервать нить их собственных дней.

Я отнюдь не хочу оскорбить большинство представителей Франции утверждением, будто они не сумели оценить по заслугам эту самоотверженность патриотов. По всей вероятности, члены сената понимали, что если бы речь шла только о них лично, добродетельные демократы, которых они заставили выпить до дна чашу унижений и бесчестья, спокойно предоставили бы им дождаться на своих курульных креслах кинжала или веревки друзей Тарквиния; но, защищая сенаторов, патриоты защищали Республику, прекрасно понимая, что последняя погибнет, если первые, все до одного, найдут трагическую смерть под ударами роялистских мечей.

Как бы там ни было, но едва только в тот самый день оказалась уничтоженной гнусность, известная под именем закона о разоружении от 21 жерминаля, как с той чудодейственной быстротой, которая отличает все дела, совершаемые истинными и честными патриотами, сразу изо всех, кто ускользнул от термидорианских кинжалов или, находясь в темнице, взрастил в своей душе твердую решимость бороться против всего, готового стать на пути свободы, начала складываться многочисленная фаланга. Множество помеченных мелом жертв, предназначенных мщению патрициев гнусными приказами об аресте, которого то хитростью, то удачей они сумели избежать, вышли тогда из своих подземелий, пещер и убежищ и пополнили ряды с в я щ е н н о г о л е г и о н а — имя драгоценное и поистине подходящее назначению вооруженного отряда, принявшего его. Больше трех тысяч смелых офицеров, элиты наших армий, укрепили его еще больше: здесь особенно примечательным оказалось то, что эти три тысячи героев, замененные на своих постах тремя же тысячами парижских шуанов, именно на это число ослабили роялистскую армию, усилив в той же пропорции армию, которая должна была спасти Республику.

Тут я подошел к суровым испытаниям, через которые предстояло пройти этой армии не только до начала сражения, но даже и до того, как она успела окончательно сформироваться.

Продолжение в следующем номере

ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Картина, к описанию которой я приступил, касается дел и событий, уже далеких от нас. Однако они до такой степени преемственно связаны со всем, что происходит сегодня, что было бы желательно рассказывать о событиях непрерывно, день за днем, вплоть до текущего момента. Тогда бы прояснилось сцепление причин и следствий, обусловленность одних явлений другими. Но я чувствую, сколь необходимо прервать хронологию моего повествования, чтобы незамедлительно перейти к обзору дел нынешнего дня и к оценке нашего настоящего положения.

Увлечение и пристрастие — вот два неизлечимых недуга французов. С самого начала революции я уже вижу их господство, неизменное и постоянное. Менялся лишь их объект, и оба эти недуга концентрировались то в одном, то в другом месте нашего политического организма. Такая повальная зараза обладает огромной силой, охватывая и увлекая за собой все без исключения слабые существа. И она разъела бы все вокруг, не будь целительного бальзама разума и размышления, который людям просвещенным и благодетельным удавалось успешно применять.

Я видел, как увлечение и пристрастие воздвигали алтарь божеству Неккеру с его финансовыми проектами; герою Лафайету и его подвигам в обеих частях света; великим деятелям Учредительного собрания и их кодексу 91 года; генералу убийц Фрерону и термидорианской реакции. Но я видел и то, как разум и размышление поочередно сокрушали эти ненавистные монументы, предавая их и стоящих на них идолов вечному презрению.

Теперь я вижу, как те же увлечение и пристрастие окружают абсурдным и жалким почтением мнимую конституцию 95 года и тех божков, которые служат ей опорой и украшением; живых мумий, кого их бредовая гордость столь смехотворно разрядила, столь тщеславно и скандально перегрузила позолотой, пышностью, символами деспотизма и безграничной власти; этих людей из низов, избранных чернью из своей среды ради ее интересов, чтобы обеспечить ей сохранение равенства и всех ее прав, и которые позволили себе превратиться в азиатских султанов, приняли огромный цивильный лист, все внешние атрибуты двора с его рабами, формами прислужничества, с тысячью и одним правилом этикета. Но я надеюсь еще увидеть, как разум и размышление заставят рухнуть это нечистое сооружение; но только на этот раз, благодаря настроениям, замечаемым мною во всем обществе, благодаря совершенному пониманию, приобретенному им, как мне кажется, об истинно хорошем установлении, должен-

ствующем заменить собою все антиобщественные постройки, я рассчитываю увидеть возведение такого здания, которое, строжайшим образом соблюдая должные пропорции и потому соответствуя интересам большинства, будет всеми защищаться и окажется недосягаемым для любых превратностей, столь обычных для прочих творений человека.

Но начнем с точного определения этого главного национального порока, который мы назвали пристрастием и увлечением. Разберем его характерные особенности и посмотрим, как он зарождается; посмотрим, в чем он сказывается в настоящий момент и к чему это может привести.

Я разумею под увлечением слепую склонность, напоминающую повальное помешательство, которая тянет ослепленную толпу отдаться в рабство тем или иным людям либо явлениям, без меры их превозносить, восхвалять их мнимые совершенства, низко им льстить и обожествлять их; и все это не потому, что дали себе труд внимательно присмотреться к истинной ценности этих явлений и людей, но лишь из духа подражания и легковерия, только в силу того, что первые проповедники, состоящие на службе у этих объектов постыдного поклонения, сумели сделать их популярными и ввели в моду.

Под пристрастием же я разумею то упрямство, которое не позволяет человеку отказаться всецело от преданности людям или вещам, коль скоро однажды он слепо связал с ними свою любовь. Тщеславие заставляет такого человека упорствовать в своем заблуждении и не дает ему прислушаться к доводам, которые могли бы подсказать ему, как он ошибается, и побудить его освободиться от своей ошибки. Бездумность, дитя лености, и глупость, ее товарищ, заставляют все принимать без рассуждений; порожденное гордостью упрямство, брат невежества, объединяется с леностью, заставляя цепко держаться за ложные и губительные идеи, усвоенные раз и навсегда.

И вот с огорчением слышишь, как целая толпа честных людей начинает механически повторять: «Нам необходимо сплотиться вокруг Исполнительной Директории; одна только Директория может спасти народ; она уже сотворила благо; она уже проявила себя самыми высокими актами патриотизма».

Легковерная толпа наивных людей! Что вы подумаете, когда я скажу вам, что каждое слово здесь — ложь?

Народ не должен сплачиваться вокруг кого бы то ни было, кроме самого себя; для своего спасения он не должен ни на кого полагаться. Если спасти его могут только подобные люди, то он рискует никогда не найти спасения.

Лишь патриоты 89 года могли провозгласить странное и пошлое утверждение: «Народ может спастись только с помощью Директории». Твердящие эту нелепость правы, когда образуют особую касту, исключительно себе присваивающую звание «патриоты 89 года». Только патриот того времени, дитя в вопросах свободы, способен уверовать в подобную пошлость. Кем были патриоты

89 года в 89 году? Людьми, которые считали, что свобода незыблема, коль скоро они разрушили Бастилию и повесили ее главного тюремщика; людьми, которые считали, что наряду с этой свободой надо сохранить могущественного и утопающего в роскоши короля, окруженного всеми погремушками своего величия. Хорошо! А кто они, эти же патриоты 89 года, в 95 году? Люди, верящие или делающие вид, будто верят, примерно в то же, что и в 89 году; верящие, что свобода утверждена еще более непоколебимо, поскольку их с известного момента уже не сажают в тюрьмы, а в тех краях, где еще сохранилась привычка убивать их братьев, с большим опозданием решили, по-видимому, все же положить конец подобным жестокостям... они верят в то, что оплот этой мнимой свободы — в существовании всемогущего квинтемвирата, который сегодня поддерживает их, поскольку ему выгодно это делать, и который завтра, если его интересы изменятся, не будет делать для них никаких исключений из общего правила; он раздавит их с той легкостью, с какой все владыки и сильные мира сего без колебаний жертвуют всем, что, по их мнению, способно помешать сохранению их власти.

Патриоты 92 и 93 годов несколько иные. Далекие от мысли, будто для спасения нации нужна помощь людей, являющихся в конечном счете лишь чуть переряженными носителями королевской власти, они уверены, что спасение народа можно осуществить только через свержение любых тронов, только начертав повсеместно слово «равенство», что они и сделали в прекрасный день 10 августа, и только установив порядок, соответствующий этому слову, т. е. обеспечив каждому человеку права, принадлежащие всем людям. Эти патриоты 92 года не потерпели бы, чтобы, отдавая ложью и насмешкой, продолжало существовать священное слово *равенство*[5*], в то самое время как поневоле обязательная для всех государственная хартия, установленная коварством и силой и только силой и сохраняемая, требует от французов *богатства* и *учености*, чтобы получить право считаться гражданами.

Когда у патриотов 89 года спрашивают, что они понимают под *спасением народа*, возможным и осуществимым только с помощью Директории, тогда оказывается, что в вопросе о свободе они рассуждают, как подростки. Они готовы вступить в сделку с узурпаторами и тиранами. Под спасением народа через Директорию, говорят они, мы подразумеваем, что Директория будет творить благо и облегчит участь массы граждан. Трусы! они согласны терпеть подобное учреждение и смириться с гнетом, лишь бы им обещали, что он не будет слишком тяжким. Они ни во что не ставят наше славное завоевание 10 августа 92 года, нашу возвышенную и торжественную присягу Конституции ра-

[5*] Его еще не выбросили из герба и не вычеркнули из формул, помещаемых в начале почти всех официальных бумаг. Но не значит ли это присоединять ко лжи самую оскорбительную насмешку над народом?

венства 10 августа 93 года. Они забывают, что ведь именно ради этого священного равенства, ради независимости и счастья для всех сыновья 24 млн. плебеев сражаются и умирают в течение пяти лет. Они готовы одобрить пакт, который их даже и не позвали подписывать[6*], но который устанавливает, что мы, простонародье, т. е. большая часть граждан, не будем ставиться в обществе ни во что; мы окажемся в нем лишь презренным стадом, находящимся в полной власти кучки патрициев и богачей. Во мне кровь кипит от негодования при виде этой постыдной сделки. Радует и утешает то, что она не может обрести силы закона. Отойдите в сторону, жалкие и трусливые люди! ничтожная кучка патриотов 89 года! Уступите место патриотам 92 и 93 годов; не пытайтесь обогнать их вы, столь далекие от всякой возможности сравняться с ними и по энергии, и по численности! Вы уже узнали, на что они способны; вы и дальше увидите это, но сгиньте при их появлении; умерьте ваш голос и покиньте первые ряды среди тех, кто правит колесницей революции: настало время указать каждому его истинное место; всем стало ясно: оставь вас в первом ряду, которым вы успели завладеть, и вы тут же провалите все дело[7*].

[6*] «Преследования и несправедливости (читаем мы в Адресе патриотов 89 года, собравшихся в Пантеоне) помешали нам голосовать за Конституцию, но мы одобрили ее!»[59] — См. «Друг народа», 20 нивоза.

[7*] «Когда правительство нас призовет (читаем в том же Адресе), мы всегда будем готовы сражаться с его врагами». Гнусные рабы! А народ — его кто защитит? Кто предохранит его от посягательств на последние его права, ведь опыт всех предшествовавших узурпаторов слишком явно учит нас, что правители приложат все силы, чтобы отнять и их. Как! Люди, смеющие называть себя патриотами, самым недвусмысленным образом превратились теперь в рабских прислужников тех, кто в силу своего положения ежеминутно готов завладеть правами народа и уже обладает всеми возможностями для полного успеха такого замысла!.. Правители — и эта истина запечатлена повсеместно — прирожденные враги управляемых. Правительства не нуждаются ни в какой защите, они всегда достаточно сильны против народа. Это народу постоянно требуется защита от действий тех, кто правит. И я спрашиваю снова: кто предоставит ему эту защиту? Он сам и еще патриоты 92 и 93 годов. Эти последние тоже были жертвами и преследований, и несправедливостей, но они никогда не жаловались, будто бы все это им и помешало голосовать за патрицианскую конституцию. Напротив, они сами себя поздравляют с тем, что ни в чем, ни в дурном, ни в хорошем, они не содействовали ей. Они поздравляют себя с тем, что верны лишь одному — тому, за что голосовали на Марсовом поле в 93 году. Уж они-то, конечно, не станут ныне выступать с объяснениями по поводу поработительского кодекса 95 года и заявлять устно, письменно и печатно, что, хотя их преследовали, бросали в тюрьмы и подставляли под ножи убийц, хотя их лишили принадлежащих им гражданских прав, т. е. возможности рассмотреть этот кодекс, обсудить его и высказаться за или против него, они тем не менее его одобрили. Вы его приняли! Прекрасно! Это показывает, насколько недостойны вы были этих преследований, казематов, этих ножей наемных убийц. Это показывает, что правительство термидорианских тиранов оказалось и слабым, и беспомощным; показывает, что оно напрасно вас боялось. И, стало быть,

Именно патриотам 92 и 93 годов надлежит обсуждать и оценивать последние акты правительства, которые патриоты 89 года превозносят и расхваливают с таким пафосом.

Особенно восхищаются тремя мероприятиями: принудительным займом[60], постановлением о патриотических песнях[61] и распоряжением о прекращении массовых убийств[62] и исполнении закона от 3 брюмера.

Самый пылкий друг свободы, посвятивший всего себя делу ее торжества во имя интересов всех своих сограждан, почувствует себя обескураженным и готовым отказаться от взятой на себя задачи, коль скоро народ убедит его в своей неспособности достичь этой драгоценной свободы или сохранить ее, даже если он ее достигнет. Надо признать печальную истину, прискорбную мысль, что с самых первых дней революции мы видели лишь примеры ошибочности наших скороспелых суждений о мероприятиях тех, кто нами правил, и еще то, что, хотя эти примеры беспрестанно множились, они ничему нас не учили. Мы прошли через опыт тысячи ситуаций, при которых, не дав себе времени на размышления, мы со смехотворной поспешностью приветствовали то, что вскоре были вынуждены признать частью антинародного заговора всех, кто нас предал. Ничто не исправляет нас, ничто не учит осторожности. В глупом тщеславии мы считаем себя фениксами от политики; думаем, что с первого взгляда сумеем безошибочно разобраться в самых тонких вопросах законодательства. В действительности же мы являем собой вечно живое утверждение великой истинности старого правила: «Невежество самонадеянно». Говоря со всей откровенностью, мы оказались самым недальновидным, самым безумным, самым неразумным из всех народов. Деспотизм всегда водил нас за нос; обуздывая нас, он так ловко пользовался при этом нашей покорностью и простодушием, что мог по собственной воле выбирать между тремя способами делать это: 1) обуздывать нас так, что мы сами этого не замечали;

нет вашей заслуги в том, что вы разделили с мучениками равенства их славные страдания и благородные опасности. Вы одобрили ее, эту конституцию «золотого» миллиона... Это значит, что вы поставили свою подпись под бесчестьем и позором, под несчастиями 24 млн. санкюлотов, к числу которых принадлежите сами. Это значит, что вы подписались под собственным унижением, под актом о своем падении и своем жестоком порабощении; под договором, объявляющим, что вы — ничто, что вы — нули в обществе, ставящем вас под ферулу ничтожной клики собственников и богачей и отдающем вас во власть их прихоти; под договором, дающим им право распоряжаться вашей жизнью и вашей смертью, право морить вас голодом, выгонять из жилищ, лишать одежды; право превращать всех вас в своих раболепных слуг и т. д. и т. д. Стыдитесь, несчастные, перед лицом Республики! Она никогда не поверит, будто памятник подобной низости мог быть создан Обществом, которое сравнивали с прежним Обществом якобинцев. Но, к счастью и к чести множества достойных членов этого Общества, мы знаем, что омерзительный Адрес, нами здесь разобранный, это лишь творение горстки гнусных интриганов, захвативших Общество врасплох. — См. «Трибун народа», № 38, стр. 175 [*см. настоящий том, стр. 95*].

2) обуздывать нас так, чтобы мы могли это почувствовать, но не давая нам возможности даже пошевелиться, сделать малейшее движение, чтобы этому помешать; 3) обуздывать нас, заставляя считать, будто бы, напротив, с нас снимают узду, вследствие чего мы и кричим: *Браво! Да здравствуют наши освободители!* Я мог бы отыскать в анналах революции тысячи доказательств этих унизительных истин. Ограничусь небольшим числом примеров. 3 брюмера и 22 нивоза III года[63], по докладам Мерлена из Дуэ, были приняты явно контрреволюционные декреты; они недвусмысленно призывали эмигрантов вернуться и вступить во владение своим имуществом; они, следовательно, явились тем источником, откуда проистекали все наши несчастья: резня, обесценение ассигнатов, голод, поголовное разорение чуть ли не всего народа, потеря им и свободы, и всех его прав. И что же? Эти декреты были проведены втихомолку, украдкой, их без всякой огласки разработали умелыми руками пресловутого Законодательного комитета, так же тихо подсунули их на одобрение реакционного сената, ловко провернув все это дело как совершенно незначащее и пустое... Народ не обратил на них ни малейшего внимания!!! И когда год тому назад я попытался показать ему, что законы о возвращении эмигрантов и восстановлении их прав на имущества действительно существуют; когда я говорил о естественных последствиях этих законов и без труда предсказал все чудовищные бедствия, к которым они приведут; когда, наконец, я во всеуслышание заявил о неизбежном и крайне близком наступлении полной контрреволюции, меня назвали обманщиком, безумным и злостным паникером; вот это я и называю примером *обуздания народа так, что он и не замечает этого.*

Далее, если я вижу, как посреди изобилия организуется ужасный голод; как создается чудовищная система, в силу которой подавляющее большинство не может даже подступиться к предметам самой первой необходимости и в то же время неизбежно подвергается ограблению и должно лишиться последней движимой собственности, последних обносков и последнего тряпья, вырванных из рук у бедняков; если я вижу, как с бесстыдной дерзостью разрушают все законодательство, призванное оберегать независимость, суверенитет, благоденствие и все права народа; если я вижу, как все это совершается, и народ это терпит, не отваживаясь даже на малейший ропот... то вот это я и называю примером *обуздания народа так, чтобы он мог это почувствовать,* но с уверенностью в том, что он примет все с покорностью ягненка, которого приносят в жертву, не опасаясь ни малейшего сопротивления с его стороны. И, наконец, примером того, как мы подкрепляем веру наших хозяев в их способность *обуздывать нас, заставляя нас при этом думать, будто они делают нечто прямо противоположное и потому кричать: да здравствуют наши освободители!* — таким примером я назы-

ваю нашу манеру поведения и наши суждения в вопросе о принудительном займе.

Сейчас я поясню это.

Еще не дав себе труда ни поразмыслить, ни рассчитать, каковы могут быть окончательные результаты принудительного займа, принялись немедля и повсюду во всю глотку орать: «Эта мера спасет Республику!»

Однако, как мне представляется, достаточно просто более внимательно взглянуть на все, чтобы разглядеть в законе о займе два губительных и неизбежных последствия, чтобы убедиться, что ими исчерпается его действие.

Стоит только взглянуть на название закона и сразу же поймешь эти губительные последствия. Его назвали: Закон о принудительном займе у богачей. Я утверждаю, что подобное наименование столь же лукаво, сколь лживо. Истинным было бы другое: Закон о принудительном займе у бедняков; закон, гарантирующий дополнительное расхищение остатков имущества обездоленных; закон, наносящий последний удар, подрывающий доверие к деньгам Республики.

Обложите богача, как вам угодно, но, поскольку он держит в своих руках все средства пропитания, он всегда найдет способ отыграться на бедняке: разве только вы сумели предусмотрительно поставить его алчности препоны, которые она окажется не в силах преодолеть. А это именно то, чего вы не сделали 17 фримера, когда декретировали ваш закон о принудительном займе. Что же произошло? Цена на мясо, стоившее прежде 20—25 франков за фунт, сразу же подскочила до 100 франков и выше; в такой же пропорции поднялись цены и на все другие продукты. Бессовестные льстецы правительства осмелились напечатать в газетах, будто после этого закона произошло заметное снижение цен на отдельные товары. Они возмутительно лгали. Могло ли так быть, когда владельцам всего того, что составляет наши насущные потребности, позволили с убийственной, неограниченной свободой произвольно устанавливать цены на все предметы? Когда им предоставили неограниченную свободу губительного разбоя и захвата? Что значит для этих вампиров тот налог, которым вы их обложили? Они лишь авансируют те деньги, которые вы с них стребовали, ибо им прекрасно известно, откуда они смогут полностью их себе вернуть. Чем более значительной окажется дань, которую вы потребуете от порядочных людей, тем сильнее вы приблизите полное исполнение их желаний. Они только и мечтают о возможно более скорых способах уничтожения плебеев. Потребуйте 1200 млн. Потребуйте 1200 млн. звонкой монетой вместо 600 млн., иными словами, 120 млрд. бумажных денег вместо 60 млрд. — вы вдвое увеличите свирепую радость врагов человечества. Они рассудят так: теперь у нас есть способ вдвое быстрее добиться полного уничтожения этой черни.

Таково первое следствие закона. Рассмотрим второе. Нет

нужды в долгих рассуждениях для доказательства: раз декрет официально устанавливает, что фактическая стоимость ассигната в сто раз меньше его нарицательной стоимости по отношению к стоимости металлических денег, то это означает, что ассигнаты обречены на полное обесценение; это означает единодушие со всеми контрреволюционерами, эмигрантами, чужеземными королями, со всеми врагами народа; означает, что обеспечение этого денежного знака, а именно национальные имущества, является для нации лишь ненадежной и нетвердой гарантией; это означает пытать счастья, имея один шанс против девяноста девяти; это равносильно открытому признанию, что право собственности Республики на эти имущества равно нулю, так же как оказалось равным нулю якобы приобретенное нами после марта 93 года право собственности на те имущества всех осужденных заговорщиков и всех бежавших из страха перед революцией эмигрантов, которые были тем не менее возвращены превосходным гражданам — их прежним владельцам или их достойным наследникам; это означает, наконец, недвусмысленно поставить под вопрос как продолжительность, так и само существование Республики. И это-то теперь превозносят как закон, призванный спасти Республику! И каждый шаг авторов этого закона сопровождается оглушительным браво, тысячью возгласов: да здравствуют наши освободители! [8*]

[8*] Лоран Лекуантр, бывший член Конвента, разделяет мое мнение. Он выпустил брошюру под заглавием «Отчет», где приходит к подобным же выводам относительно принудительного займа. Эта брошюра содержит много других тонких соображений по самым важным вопросам современной жизни. Ее чтение компенсирует нам трату времени на большое количество пустячных и ошибочных писаний, топящих нас в океане лжи и глупости. Лекуантр выражает в ней решительность своего характера. Он доказывает, что, даже не занимая более трибуны национального представительства, смелый сенатор может продолжать службу народу и защиту его правого дела. Более того, он не боится поставить и даже дать утвердительный ответ на следующий важный вопрос: Не являются ли декреты, изгнавшие из Конвента часть его членов и осудившие их на бездействие, актами самой наглой тирании, нарушением и преступным пренебрежением правами народа? И должны ли депутаты, которых один только народ может лишить их звания и которых он его не лишал, считать себя по-прежнему облеченными этим званием? Он без колебаний высказывает глубокое сожаление о Народной конституции, так же как и искреннее возмущение в адрес ее преступных осквернителей. Он совершенно откровенно говорит далее о прекрасных и более чем оправданных народных выступлениях в жерминале и прериале; он предает проклятию низости, последовавшие за ними в результате прискорбного успеха угнетателей народа. Он косвенно отрекается от слишком известных своих термидорианских заблуждений, к сожалению послуживших мощными рычагами самых крупных из наших несчастий; он достаточно ясно дает понять, что сам больше всех страдает от того, что был обманут порочными людьми и стал их слепым орудием; но он показывает, что сердцем всегда был чист, что он искренне считал, будто неизменно служит Отечеству, и как только понял, что

Мы критикуем постановление о республиканских песнях совсем не по той причине, что глашатаи роялизма или патрициата. Конечно, если говорить о том, что оно, несомненно, должно ожи-

совершил ошибку, он приложил все усилия, чтобы эту невольную ошибку исправить. Мы могли бы еще добавить в его защиту, что в истории революции он был единственным. кто искренне и смело отказался от своих прошлых поступков и ради исправления своих ошибок отважно готов сложить голову на одном из эшафотов, воздвигнутых преступлением: именно такому примеру должны были бы ныне последовать люди, у которых, как мы неоднократно говорили, нет иного пути к тому, чтобы искупить их огромную вину перед народом. Но вернемся к сочинению Лорана Лекуантра. Он без каких-либо церемоний обнажает перед нами все вероломство и жестокость тех намерений, которые питало правительство накануне Вандемьера; а установленная этим правительством система продолжает осуществляться и ныне, причем теми же самыми людьми. Он приводит рассказ о в высшей степени интересной конфиденциальной беседе с одним из доверенных лиц этого позорного правительства. Из этой беседы вытекает, что последние созидатели наших законов как раз и хотели создать царство одних только порядочных людей и богачей; даже золотой миллион они собирались сократить на девять десятых, т. е. и его свести только к 100 тыс. богачей; можно добавить, что в силу существующей системы, как показывает опыт, состояния, основанные на земельном владении, уже поднялись в такой пропорции: старый доход в 15 тыс. ливров возрос сегодня до 1 млн. 27 тыс. ливров; но на этом никто вовсе не собирается останавливаться: надо, чтобы счастливая система обесценения ассигнатов привела к опустошению и обезлюдению больших городов, всегда внушающих и тревогу, и страх правителям, поскольку крупные массы народа облегчают его сплочение, а это порождает грозные восстания; когда все пойдет по указанному руслу, это опустошение и обезлюдение городов неизбежно приведут к тому, что собственники городских домов, получая квартирную плату, будут возмещать лишь сотую часть своих расходов на их содержание и увидят, что гораздо выгоднее отдать их на слом, ибо, не говоря уже о громадной стоимости полученного таким образом материала, простое возделывание картофеля на освободившемся месте принесет в 6—7 раз больше дохода, чем сдача в наем находившегося здесь дома; и вот тогда, заключает свою беседу с Лекуантром посвященный в дела его собеседник, «наступит конец большим городам, конец восстаниям, и мы спокойно начнем господствовать над деревнями». Лекуантр признает возможность, даже заметное и естественное движение к такому порядку вещей. Он признает, что и теперь девяносто девять сотых французов как в деревнях, так и в городах начисто ограблены и умирают от всеобщей нужды, в то время как жестокая и ненасытная сотая купается в избытке; что в конечном счете богатства и исключительное право на существование сосредоточатся у 50 тыс. французских семей, которые безжалостно обрекут всех остальных на гибель от нищеты, отчаяния, голода, а если этого будет мало, они добавят к этим бедствиям еще и убийства: ведь давно уже известно, что все эти ужасы, вместе взятые, унесли у нас больше человеческих жизней, чем война и вражеское оружие! Средства, предлагаемые Лекуантром, — это восстановление максимума и учреждение своего рода огненной палаты, чтобы заставить всех притеснителей народа вернуть награбленное ими. Я уже слышу, как толпа осмотрительных людей и патриотов 89 года кричит: вот два воистину кровавых мероприятия. Я же возражаю, а со мной и патриоты 92 и 93 годов, что, напротив, это лишь слабые паллиативы. Лекуантр правильно оценивает серьезность болезни, но ничего не смыслит в лечении. При подобных острых кризисах не следует прибегать к полувозбудителям: нужны рвотное, ртуть, шпанская муха, адский камень. Да, да, мы пропишем именно их!

вить общественное мнение, впавшее в полную летаргию, пробудить его энергию, то здесь мы можем лишь преклониться перед этим постановлением. Но, если мы начнем рассматривать его под иным углом зрения, этот первый душевный порыв быстро угаснет. Когда все правительственные подголоски беспрестанно твердят, что политика правительства должна заключаться в сдерживании и роялизма, и терроризма одного посредством другого[9*], иначе говоря, в том, чтобы сталкивать их друг с другом, попеременно покровительствуя каждому из них в зависимости от интересов данной минуты; когда на наших глазах этот коварный план претворяется в жизнь... когда, притворно оказывая высокое покровительство гимнам, чтимым народом, и делая вид, будто со всей решительностью изгоняются песнопения убийц, одновременно допускают своего рода новое Пробуждение народа... угнетателей, весьма неумело переряженное в одежды «Гимна братству»... когда, мирясь с этой песней, где братство равносильно стремлению уничтожить разом все, что не хочет смириться с волей патрициата, и это стремление со всей откровенностью выражено в последнем куплете:

Анархисты в заговорах истину
Ищут, угрожая нам бедой;
Роялисты — смелостью неистовы...
Дерзость их недрогнувшей рукой
Уничтожим. Пусть падут убийцы —
Чтоб ни короля, ни якобинцев...

когда, наконец, глава Директории Ребель, выступая на Марсовом поле в день годовщины смерти короля Конституции 91 года[64], вставляет в свою речь красочное выражение, будто прямо вышедшее из головы Камай-Обена[10*]: «Да не будет более ни якобинцев, ни короля...»[11*]; так вот, когда я сопоставляю все это, я испытываю

[9*] См. «Монитер» от 28 нивоза, статья «Смесь», подписанная Ленуаром де ля Рошем. См. также «Редактор», «Часовой», газету Реаля.

[10*] Камай-С. Обен — имя, некогда известное в литературе терроризма. В 93 году увидела свет и много раз шла в театре Палэ-Варьете пьеса, возвеличивающая Марата и принадлежащая перу этого поэта, ныне ставшего Гомером патрицианской республики. Пьеса эта называлась «Друг народа».

[11*] Как следует понимать этот возглас проклятия? Осуждает ли он всех якобинцев и всех королей прошлого, настоящего и будущего? Ребелю следовало бы поостеречься. Если проклятию предаются короли прошлого времени, включая Капета XVI, то в добрый час: глава Директории делает тем самым исключение для самого себя; но если проклятию предаются и якобинцы прошлого времени, то он может подвергнуться куда более серьезной опасности, и интересно было бы узнать, сможет ли он представить свидетельство, которое бы удостоверило, что он никогда не являлся членом парижского Клуба якобинцев. Если же формула проклятия распространяется на настоящий и будущий роялизм и якобинизм, то Ребель рискует попасть в двойную западню и так или иначе, а вынести приговор самому себе. Пусть он берет на себя обязательство никогда в жизни не быть более якобинцем; но вот слова проклятия всему, что было, есть или будет связано с понятием

громадное искушение признать в высшей степени справедливыми рассуждения, которые я сейчас предложу читателям и которые отнюдь не принадлежат мне. Они принадлежат одному из патриотов 92 года [65], который, не будучи таким льстецом, как те из пантеонистов, что служили выездными лакеями при Исполнительном дворе [66] на церемонии по случаю годовщины смерти последнего короля, находит постановление о песнях весьма ловким проявлением макиавеллизма; он считает, что оно полностью отражает сущность книг, где предлагаются уроки деспотизма, и что его можно сопоставить с разделом «Об искусстве приобретать популярность». Вот эти рассуждения:

«Ты поступил совершенно правильно, Гракх, напечатав в своей газете, которая является подлинными и при том единственными анналами совершенного равенства, что нынешнее правительство — одно из самых коварных правительств. В самом деле, именно на его примере будут совершенствовать короли, султаны, дожи, вся гнусная каста деспотов Вселенной адское искусство обуздывать и угнетать народы.

Люди доброй воли! Честные патриоты! Демократы! Вы, кто таким невероятным чудом ускользнул от кинжалов беспощадных наемников деспотизма, которые они занесли над вами после ужасающей катастрофы, после роковых дней Термидора... Друзья Равенства! Вы, кто был столь велик своей священной энергией и спасительным подавлением всех преступлений, опустошающих вашу несчастную Родину, а ныне именно потому ввергнутые в бескрайнюю пучину несчастья и позора... Вы, кто вынужден влачить убогое и ненадежное существование посреди властвующих разбойников: о, разумеется, та маска, которой они прикрывают черты своих свирепых и омерзительных лиц, запятнанных кровью наиболее твердых, наиболее преданных ваших защитников... те коварные речи, что сменили в их устах призывы к смерти и опустошению, которые с давних пор неслись из их вертепов, и, достигая ушей оплачиваемых ими чудовищ, вы-

---

королевской власти, он не сможет произнести без некоторой внутренней дрожи. Говоря вообще, до тех пор пока у нас не будет по-настоящему установлена демократия, всегда будет трудно выступать с речью в годовщину смерти последнего тирана из Капетов, не компрометируя себя, поскольку в подобной речи непременно должна звучать глубочайшая ненависть к тирании, и оратор, обязательно кто-нибудь из первых лиц — носителей власти, окажется в постоянном противоречии с самим собой, коль скоро эта власть не примет характера народной. Я вспоминаю еще, как в минувшем году (и тогда я отметил это в № 31 моей газеты, на стр. 318 [*см.: Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, стр. 363*]) Ровер, председатель Конвента, в такой же день обосновал и собственный приговор, и всех иже с ним, когда заявил: «Французский народ поклялся быть свободным, он объявил смертельную войну всякого рода тирании; его всемогущая воля смела интриганов и безумцев, пытавшихся оказать сопротивление... Его правосудие сумеет поразить всех людей, облеченных большими полномочиями и большим доверием, которые злоупотребили бы этим, какие бы посты эти люди ни занимали».

звали неслыханные и бесчисленные бедствия... то подлое лицемерие, с которым они осуществляют свою поработительскую политику... все это не совратит и не обманет вас!

Они отлично знают народ! Они знают, что он все связывает с дорогими ему словами Республика, Равенство, Свобода! что ради них он готов на любые жертвы! что он выносит и забывает любые бедствия! что звучание этих прекрасных слов возвышает, поднимает его душу и придает ему ту силу мужественности, которая в течение целых двух лет заставляла объединенную Европу бояться и уважать его!!. И они осмеливаются, эти святотатцы! эти бесстыдные осквернители всего самого прекрасного, самого высокого на земле; они осмеливаются — какое ужасное извращение! — говорить народу о Республике, Равенстве, Свободе!.. возбуждать в нем великодушные порывы, творящие столько чудес, ослепляя его ложным энтузиазмом, сбивая его с толку и губя его!.. Они подобны разгневанным богам, которые беспрестанно вызывают перед взором доверчивого Улисса образ столь желанной Итаки, бесчеловечно уводя его в сторону от нее и заставляя скитаться по безбрежному простору морей.

Молчите, безумцы, глупейшим образом твердящие и на своих собраниях, и в кафе, и в театрах, и на всех перекрестках, будто правительство хочет дать и даст вам свободу, мир и изобилие... Молчите, глупцы, не знающие или не желающие знать, что принесет с собой союз, заключенный львом, козой и оленем... самому сильному, самому мощному нужно порой присутствие слабого и робкого, чтобы сначала заставить его служить себе, а потом в удобную минуту сожрать его.

Зачем отыскивать доказательства истины в притчах, когда вы так недавно извлекли их из рокового опыта?

Эти юноши, виновные в том, что стали главными орудиями контрреволюции и массовых убийств; эти шуаны в локонах, разве они не были вооружены и натравлены на вас их Оратором, тем самым Фрероном, поведением и резкими поступками которого вы, по-видимому, так восхищаетесь и который однажды вам докажет так же ясно, как он это уже раз сделал, что он изо всех сил поддерживал порядочных людей и яростно боролся против террористов! Разве термидорианское правительство не окружило себя бандами этих убийц? И барон де Мену, достойный Ага этих янычар, которые были бы просто смешны, если бы не прославились жестокостями, разве не добился он от правительства полной защиты потому, что хотел пролить кровь народа?

Жерминаль! Прериаль! Нужно ли снова раздирать сердца подлинных друзей человечества страшным описанием скорбных картин той эпохи? Но кто творил их, эти ужасы? Правительство и роялисты, которых оно призвало. А против кого они были направлены? Против подлинных демократов. Их необходимо было погубить. Добродетель, безупречная жизнь этих людей чересчур

ярко оттеняли бесчисленные злодеяния правительства вкупе с роялистами. Тогда все общественные места, места народных гуляний, дворцы, сам зал Конвента, где до 9 термидора помещалось высшее святилище законности и храм демократии, сотрясались от злобных песнопений, призывавших к мести и к убийству граждан. Сами законодатели (впрочем, что я говорю! они никогда не обладали качествами, необходимыми законодателям; лишь время от времени они опоясывались шарфом законодателей, чтобы иметь возможность истреблять нас, будучи облаченными в костюмы, которые бессилие и глупость превратили в плащ неприкосновенности), сами законодатели аплодировали этим зловещим песням. Преступление никогда не знало границ. Нашлись люди, у которых достало смелости предложить узаконить эти песнопения торжественным декретом, иными словами, санкционировать убийства, к которым они подавали сигнал.

Но ведь люди, правящие сегодня, правили и тогда!..

Станет ли у них бесстыдства снова провозглашать и объявлять, будто они оказались порабощены мощной группировкой, которой бессильны были противостоять? Мы, сумевшие по достоинству оценить это объяснение еще тогда, когда они впервые, в силу своей неслыханной подлости, предложили его своему раззолоченному народу; мы, знающие, что они отнюдь не были порабощены могучей группировкой, а сами были ее столпами и руководителями... мы, чьи глаза не ослеплены, а мнения свободны от авторитетов, мы с презрением отвергаем их объяснения!

Сегодня они изгоняют песню Пробуждение народа! А всего несколько месяцев тому назад они не только с удовольствием слушали ее, но и обеспечивали безнаказанность злодеям, которые с этой песней на устах изничтожали республиканцев. Мало того, эти злодеи так и не понесли наказания!! Так-то они доказывают, будто республиканцам оказывается полное и надежное покровительство?.. Так-то они доказывают, будто народу хотят вернуть свободу, мир и изобилие? будто к преступлению относятся с глубоким негодованием? будто ненавидят его проявления, а, напротив, чтят и уважают проявления гражданственности и преданности отчизне?

Предатели! И они еще отыскивают столь низко павших людей, которые соглашаются стать их апологетами... Подобно всяким Лакруа или Корматенам, они находят себе и Реалей. Наемники, низкие рабы! и большая часть из вас называет себя патриотами 89 года! осмеливается даже признавать таковыми лишь тех, кто униженно целует плеть, которая их хлещет и повергает ниц. Ну что же! Пусть будет так. Патриоты 89-го! но и только 89-го! ведь никогда ваши души не горели живым пламенем, зажженным чистой любовью к *равенству* и *полной свободе*. Вы не можете жить без господ. Они необходимы вам. Если вашим господином не станет чурбан, как это случилось в 89-м, им станет гидра[12*]. Но неужели вы думаете, что те, чье неколебимое

[12*] Гидра — чудовище о семи головах.

мужество уничтожило тот чурбан и заложило первые основания демократии; неужели вы думаете, что они отдадут себя на съедение губительной пасти этого чудища? И не надейтесь на это! подобно преданным слугам Молоха, приносите себя сами в жертву ненасытному идолу. Но звать с собою и нас, предлагать и нам самим принести себя в жертву — такого мы не желаем, такого мы никогда не стерпим.

Так замолчите же, замолчите, проповедники лжи и безрассудства. Все ваши софизмы, ваш вой, равно как и лживые обещания вашего правительства или низкие интриги кого-нибудь из его лакеев-писак не могут и не смогут предпринять ничего против принципов, в верности которым мы торжественно поклялись, — принципов Абсолютного Равенства, безусловно возможного и осуществимого, раз Дону [13*] и Буасси д'Англа это отрицают.

Вот тот режим свободы, мира и изобилия, который все искренние друзья своей страны должны всеми силами стараться утвердить. Народ благословит этот режим, и его не потребуется к тому принуждать ни хитростью, ни политикой каких-нибудь директоров, ни воплями дурака и шарлатана Ферю [14*], ни скромными обедами кладовщика Луи. Для этого нужна лишь добродетель, а те люди никогда не знали, что это такое. И потому нам совершенно безразлично, станут ли они под блестящие знамена мириаграммизма». Подписано Ш. Ж. ... Равный.

Такова манера суждения некоего равного, человека 92 года. Она стоит низких пошлостей, трюизмов, малодушия, увerток, глупостей, низкопоклонных аргументов и подхалимских выходок рабов, мелких людишек 89 года. Пусть они скроются, так опозорив себя. Пусть все те, кто в день 1 плювиоза

[13*] Антонелль желает Абсолютного Равенства (говорил некий журналист по столько-то за строчку), а Дону [67] считает его невозможным.

[14*] Продажный хамелеон, суетливый и сварливый южанин, начиненный бахвальством, лишенный смелости, но за большую плату прикидывающийся дерзновенным, человек беспринципный и неумный — вот кто такой этот Ферю [68], попеременно служивший всем политическим группировкам. Его видели и 9 термидора, и в дни Жерминаля и Прериаля, и 13 вандемьера. Он разыгрывал роль гонимого в дни реакции, никогда при этом не разделяя с патриотами тяжести их оков. Нынче он главный организатор всяческих интриг в клубе Пантеон. Он да еще некий Русийон [69] — это главные наемные болтуны, которых правительство ввело в этот клуб, чтобы укрепить там свою репутацию и руководить всем, что там происходит. Это те два деятеля, чье рвение обеспечило триумф пресловутой клятвы верности правительству и конституции порядочных людей. Для чести клуба и бесчестья обоих интриганов полезно сказать здесь, каким образом эти последние достигли своих целей. Потерпев неудачу на двух заседаниях, но не падая духом, они созвали заседание внеочередное, на которое собрались только их сообщники, готовые вместе с ними погрязнуть в трясине рабства. Однако эти развратители знают, до какой степени их поступок возмутил всех, кто одарен живой душой, ибо с тех пор они не без основания боятся подымать на людях свои презренные голоса.

выполнял роль выездных лакеев у карет исполнительного двора, краснеют при встрече со свободными людьми[15*]. Такие пока еще существуют и их более чем достаточно, чтобы обратить в ничто всю эту лакейскую свору. Для такого оздоровляющего дела мы созываем всех равных 92 года; и отныне для наставления нашим братьям, для укрепления их мужества, для их просвещения, для самого широкого распространения наших священных докт-

---

[15*] Пусть Франция, узнав еще и про эту постыдную черту, не приписывает ее всему Обществу патриотов Пантеона. Она — принадлежность лишь низкой клики Ферю и Руснйона. Да, он бесспорен, этот имевший место акт низости и лакейства. Пантеонисты отправились к Люксембургскому дворцу, чтобы впрячься там в колесницу верховной власти; они окружили там кареты квинтемвиров, при которых и остались почетным эскортом вплоть до Марсова поля. Такая подхалимская выходка положила достойное начало другим событиям этого так называемого республиканского праздника. Этот праздник ничем не напоминал тех, что проводились во времена, когда мы с бо́льшим правом пользовались словом Республика. Все старые приверженцы монархии могли упиваться радостью, наблюдая многочисленные формы ее воскрешения. Все, что я мог прочесть об этом пресловутом празднике, — ложь; вот единственный правдивый и нельстивый рассказ одного демократа-философа: «Что больше всего поразило меня в этих пышных официозных торжествах? Золотой ковер на балконе Военной школы, по всей видимости, призванный привлекать общие взоры к пятерым лицам, также разряженным в золото, блистающим роскошью и окруженным свитой, затмевающей даже свиту владык всех мастей... Все подступы к Марсову полю заполнены штыками... Народ, которому вход сюда был воспрещен и который гнали, рубили саблями, опрокидывали, топтали, если он пытался сюда проникнуть... Мертвое молчание и полная неподвижность в течение всего праздника, вместо мнимых единодушных приветствий, так ярко расписанных правительственными газетами... Справедливое и нескрываемое негодование при виде отвратительных эмблем, соединяющих оскорбительную ложь с жестокой насмешкой: два рога изобилия — символ нашего общественного процветания! пеликан, отдающий птенцам свои жизненные соки — образ того, что делает для народа нынешнее правительство!.. Нужно было слышать чересчур справедливые реплики униженного и оскорбленного народа: «Эта позолота, это великолепие — они не дадут нам хлеба. Сегодня нам велят праздновать казнь короля; хорошо, однако, что нам не забыли объяснить, будто те пять человек, которых мы видим там, отнюдь не носят этот титул; ибо во всем остальном сходство очень велико и можно подумать, что для чествования конца одного монарха мы привели с собой несколько новых». Чтобы показать, сколь обосновано такое рассуждение, может быть, будет полезно сообщить, что в этот самый момент в Совете 500 председатель Трейяр[70] отчитывал депутата Андре-сына за неосторожное добавление к клятве в ненависти к монархии еще и клятвы в ненависти ко всякой тирании. Трейяр дал понять всей Франции, что подобная клятва недопустима и что закон запрещает ее. Мы предупреждены. Не станем же отныне противиться тирании всякого рода: по-видимому, существуют такие ее формы, которые закон разрешает.

Отважный Друэ![71] Ты, в особенности ненавидевший королей, где и когда явишься ты вновь? Патриоты, не возмущайтесь... мы не говорим здесь языком порядочных людей. Существуют истины, одинаковые как для них, так и для нас, они не могут перестать быть таковыми в устах какой бы то ни было партии. Только аристократия может делать из них свои выводы, а мы — свои. Этим мы и отличаемся друг от друга.

рин, для устрашения всех врагов всеобщего счастья мы обязуемся не упустить ни одного случая, свидетельствующего о согласии с нашей доктриной, об укреплении рядов ее последователей, о росте священной лиги. Прежде всего процитируем постскриптум приведенного нами письма Равного:

«Таково, мой друг, а также дорогой и верный друг народа, мое мнение о постановлении Директории. Я расцениваю его как значительный шаг на пути к порабощению, которое нам готовят. Сейчас не время создавать себе иллюзии насчет поведения наших правителей; вернее сказать, такие иллюзии были бы сейчас и опасны, и убийственны. Когда эти правители своими действиями достаточно ожесточат патриотов против роялистов, они затем немедленно станут натравливать последних на первых. А Макиавелли, чьими верными ревнителями они являются, их учит, что именно так и правят[16*]. Только Макиавелли со своей политикой, правительство со всеми своими коварными уловками попадут впросак. Продолжай просвещать народ: «Будь уверен: твое учение ему по душе; и тот пыл, который он вкладывает в чтение твоих газет, причиняет беспокойство мириаграммистам. Не зря они испытывают его, эти захватчики всей власти, всех богатств, эти главные спекулянты и душегубы: друзей Абсолютного Равенства в самом деле немало! Что же до меня, то мне ты можешь поверить: до конца жизни я горячий поклонник твоего возвышенного учения, преданный защитник Равенства!»

Приведем затем письмо всей колонии наших единомышленников из департамента Вар:

«Мы получили, Гракх, номера твоих газет, как и множество проспектов, и не замедлили их огласить, обнародовать и распространить по всей нашей округе. Мы даже переправили их в Генуэзское государство и на правый фланг Итальянской армии, чтобы герои-плебеи, ее составляющие, ободренные голосом их

[16*] Все это становится особенно похожим на правду, когда узнаешь, что директор Карно[72] всякий раз, едва его просят за кого-либо, задает обычно один и тот же вопрос: «А он не террорист?» Все это становится особенно похожим на правду, когда на Марсовом поле директор Ребель во всеуслышание грозит терроризму! Все это становится особенно похожим на правду, когда через министерские газеты грозят распустить клуб Пантеона (см. «Moniteur», 28 нивоза) под тем предлогом, будто имеются основания подозревать его в замыслах, враждебных конституции 95 года и правительству; и это в то самое время, когда часть членов этого клуба заявляет о своем намерении в дни всех больших праздников впрягаться в кареты Директории! Все это становится особенно похожим на правду, когда, вопреки постановлению от 18 нивоза о прекращении убийства и о выполнении закона от 3 брюмера, я ежедневно вижу, что перечни в «Journal des hommes libres» по-прежнему бесконечны, и читаю все те же перечисления убийств на Юге и те же горькие жалобы на то, что злодеи по-прежнему занимают общественные должности! Все это становится особенно похожим на правду, когда столь прославленные подвиги Ревершона в Лионе оказываются не чем иным, как минутным триумфом в час приезда, а вскоре вслед за тем убийства возобновляются.

Трибуна, нагнали одновременно страху и на итальянских тиранов, и на черные банды Юга.

Здесь, как и в Париже, тебя считают *поджигателем* и *анархистом*, но ведь это *порядочные люди*; поэтому звание анархиста, присвоенное тебе подобными господами, — венец гражданственности равно и для тебя, и для нас, с самого 89 года разделяющих с тобой этот почетный титул, долгое время принадлежавший бессмертному Марату.

Но в то время как члены черных банд величают тебя злодеем, ты становишься утешением для всех друзей *всеобщего счастья и общественного благоденствия*, и благодаря нашим стараниям каждый день растет число твоих последователей. Будь же постоянно тверд и неколебим вопреки всяким Клавдиям Аппиям наших дней. *Народ ценит твое учение*, а истина не нуждается в истолкователях.

Ах! Какое желание испытывали мы, читая в 36-м номере твоей газеты о твоем приключении 14 фримера, разделить славу твоих защитников, оказаться на месте отважных рыночных грузчиков и самим оберечь тебя от когтей приверженцев современного Опимия.

Твое бегство после схватки с полицейскими сыщиками напоминает отчасти бегство Кая Гракха с Авентинского холма, но с той разницей, что там народ покинул Кая — тебя же он защитил. Отсюда мы заключаем, что французы больше заслуживают свободы, чем римляне, поскольку первые заступаются за своего Трибуна, а вторые предали своего — гневу патрициев и злобе консула.

Поистине твое поведение при столкновении с сыщиком достойно похвалы; о, если бы богам было угодно, чтобы и жертвы ужасного термидорианского заговора поступили в свое время подобно тебе. Нет сомнений, тогда бы *Общественный пакт* не оказался бы нарушен, столько доблестных людей не погибло бы и мы не попали бы в положение, в каком находимся теперь. Патриоты всей Республики, пусть опыт служит вам уроком!

Что касается нас, то нас никто не упрекнет, что мы не соблюдаем свято священного завета — сопротивляться насилию.

Ибо в первые дни прериаля, когда господа администраторы дистрикта Фрежюс вознамерились издать приказ об аресте некоторых из нас, мы собрали все свое оружие (которое святая инквизиция намеревалась отнять у нас, чтобы передать его в руки гнусных солдат Иисуса) и укрылись в безопасном месте, чтобы защищаться. Мы укрепились так надежно, что, хотя г-н Кьяп, правая рука Кадруа, распорядителя убийств на Юге, хотя человечный г-н Кьяп, проезжавший через Фрежюс 14 мессидора, отдал приказ начать на нас охоту, открыть по нам стрельбу, доставить нас живыми или мертвыми, никто не осмелился на нас напасть, даже не осмелился подойти к месту, где мы находились. Благодаря этому мы избегли цепей и существуем до сего дня. *Сопротивление насилию* было и навсегда останется на-

шим девизом. Да здравствует всеобщее счастье и будущая Демократическая Республика!!» Подписано К. и Р.

Сколько народа вскоре окажется замешано в процесс[73], начатый против Лебуа и против меня! Сколько сторонников у порядка, требующего забрать у имеющего излишек, с тем чтобы отдать не имеющему ничего! Я заранее угадываю имя того прославленного адвоката, который согласится выступать на стороне порядочных людей. Это будет Дюмолар[74]. Выступив 20 нивоза на стороне эмигрантов против нации на заседании Совета 500 во время обсуждения доклада об отмене закона от 9 флореаля, Дюмолар высказал все существенное, что можно было высказать в пользу нерушимого уважения к правам собственности. Он сказал так: «Выгоду, спасение, славу и счастье народа я видел и всегда буду видеть только в абсолютном господстве справедливости и в глубочайшем уважении к правам и к собственности каждого гражданина». Если бы Мабли еще был жив, мы смогли бы просить его выступить в нашу защиту против порядочных людей и их адвоката Дюмолара: возможно, он произвел бы некоторое впечатление, повторив следующую тираду из одного из своих сочинений: «Раскройте любую историю, и вы увидите, как все народы всегда страдали из-за этого неравенства состояний. Граждане, гордящиеся своим богатством, считали позором для себя смотреть как на равных на людей, обреченных работать для того, чтобы жить. Это тут же приводило к возникновению правительств, несправедливых и тиранических, законов, пристрастных и угнетающих, — одним словом, всех тех бедствий, под тяжестью которых стонут народы! Вот картина, представляемая нам историей всех наций. И я утверждаю, что, добравшись до первоисточника этого неустройства, вы найдете его только в земельной собственности». Если бы еще был жив Мишель Лепелетье, мы могли бы и его попросить вступиться за нас. У него тоже имелось в запасе немало сильных доводов против порядочных людей, и он нисколько не разделял милые их сердцу принципы. Вот набросанная им картина, изображающая этих людей вместе с их убеждениями в манере, по-нашему, столь же яркой, сколь и подтверждающей высокие истины, проповедуемые нами: «Мы высказываем наши мнения о событиях, — писал он в 91 году, — не ради нескольких кружков, претендующих на свою привилегированность, не ради групок, не столько избранных, сколько узких, целиком составленных из существ, скованных древними предрассудками или идущих на поводу у своих старинных привычек; людей, относящихся к революции с бессильной враждебностью или холодным безразличием; тщеславно считающих себя элитой нации, но на самом деле являющихся пеной на ее поверхности; ничтожной частицей народа, едва различимой для нас и вовсе не существующей в глазах будущих поколений... Только в людях, насущно необходимых об-

ществу, людях, живущих трудами своих рук... только в этих полезных классах населения видим мы народ Франции; вот его-то мнениями мы и дорожим; вот посреди таких-то людей революция и находит сердца, способные ее любить, и бесчисленные руки, способные ее защищать». Но поскольку ни Лепелетье, ни Мабли больше нет в живых, то кого же мы, Друг народа и я, пригласим себе в официальные защитники? Пусть это будет депутат Тальен. Вспомним, что он сказал («Друг санкюлотов», № 71): «Переобременить налогами богатых, облегчить положение бедных, уничтожить бедность, используя опасные излишки богатых, — вот весь секрет революции» [75].

Гракх Бабеф, Трибун народа

Париж, 10 плювиоза IV года Республики [30 января 1796 г.]

Я извещаю подписчиков о том, что у меня нет больше денег. Я прошу их снабдить меня деньгами, если они хотят, чтобы я продолжал печатать для них свою газету. Всех тех, кто не внес полностью 125 ливров, которые я просил внести за триместр (а обязательства по нему будут выполнены, когда я выпущу 480 страниц), я особенно прошу возместить эту сумму. Сравнивая ее со стоимостью всех других газет, они поймут, что она недостаточна. Вскоре я окончательно определю, сколько мне еще нужно. Поскольку для меня это не вопрос коммерческой выгоды, я стану просить патриотов о денежной помощи лишь по мере того, как буду в ней нуждаться. Они слишком заинтересованы в торжестве истины, чтобы дать погибнуть изданию, провозглашающему ее полностью и без утайки. Поэтому мне нет никакой нужды стеснять их, и, в сущности, мне безразлично, хранятся ли эти средства у них или у меня. В настоящий момент и на некоторое время вперед мне хватит и того, что я сейчас прошу у них.

Подписка принимается у гражданки Лангле, в доме № 29 по улице Фобур-Оноре, на углу Елисейских полей, четвертый этаж.

[Следует список опечаток к 38-му номеру]

Типография Трибуна народа

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека [76], Гракха Бабефа

№ 40 [1*]

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека (1793 г.), ст. 1.)

Продолжение критического и аналитического обзора действий правительства и наблюдения за ходом революции после 13 вандемьера.

Трусливая и пагубная капитуляция, предложенная 13-го мятежным секционерам самим Конвентом. — Условия постыдного

1* Говорят, будто в департаментах появился фальшивый 40-й номер, распространяемый там бесплатно и в большом количестве; будто он составлен с таким расчетом, чтобы вызвать ненависть ко мне и моим

соглашения: предложение принести террористов в жертву мятежникам.— Презрительный и горделивый отказ матежников. Этому отказу патриоты обязаны своим спасением.

Измена генерала, бывшего барона де Мену. — Почему она осталась безнаказанной? Она совпала с первыми попытками преступного сената вступить в сделку с мятежниками.

Баррас — генерал. — Фрерон в Антуанском предместье. Поведение Конвента до и после победы. — Военные трибуналы для суда над участниками мятежа. — Уголовный кодекс, специально составленный в пользу мятежников.

Роспуск Священного легиона и разоружение патриотов после одержанной победы. Сохранение на своих постах лиц, избранных шуанами. Отношение к террористам, заключенным в тюрьмах.

Существующее положение. — Обзор всех контрреволюционных действий министра внутренних дел. Директория полностью его оправдывает. Выводы, которые из этого следуют. — Другие, не менее важные выводы, вытекающие из того факта, что оголтелым проповедникам роялизма даровано прощение. Макиавеллистские мотивы, побудившие включить в это дарованное прощение и Лебуа, Друга народа. Отсюда становится понятной и судьба всех других писателей-демократов, заранее включенных в проскрипционные списки вперемежку с опозорившими себя защитниками трона.

Это означает целый переворот в наших законах о печати. Отныне, по-видимому, ей будет в равной мере дозволено выступать и в пользу королевской власти, и в пользу всеобщего счастья: вновь провозглашенная ничем не ограниченной [2*], она лишается только права на прямые подстрекательства к убийству и поджогам.

Ободренный этой новой свободой действий, Трибун говорит с меньшей, чем обычно, сдержанностью о преступлениях правительства. — Резкие выпады против бесстыдства и наглости, с которыми оно оказывает доверие и поручает важные миссии величайшим мерзавцам, вроде Фрерона, главного распорядителя массовых убийств, фигляра Ферю и прочих проходимцев.

Мелкие ухищрения, к которым прибегают наши великие люди, дабы преодолеть страх, внушаемый им партией демократов. — Грубейшие по лживости обвинения. — Попытка совратить

принципам, и усердие, с которым распускается слух о громадных средствах, якобы затраченных мною на его широкое распространение, должно помочь его подлинным авторам добиться того, чего они хотят, а именно убедить всех, будто я полностью подкуплен мощной партией заговорщиков. Такая выходка — самая коварная и гнусная из всех, какие могли придумать. Однако эта дьявольская хитрость в конечном счете не будет иметь успеха, и уже приняты меры к тому, чтобы наши братья в департаментах не попали в сети ложных Трибунов.

[2*] Второе и более веское доказательство вы можете найти в последней статье настоящего номера, рассказывающей об аресте моей жены.

одного из вернейших защитников народа, чтобы отвлечь его от защиты правого дела.

Роковое доказательство вредоносных установлений патрицианской конституции. То, каким образом 250 узурпаторов народного вето только что использовали это право применительно к проекту закона о праве наследования родственников эмигрантов, наносит последний удар общественному достоянию, а также достоянию самого многочисленного класса граждан.

Процесс предполагаемых участников сентябрьских дней: Трибун становится их официальным защитником. Он доказывает, что эти дни были неизбежны и необходимы для торжества Революции и Свободы; доказывает справедливость акций, которые им сопутствовали, и утверждает, что нападать на них — значит начинать процесс против самой Революции.

Жестокое покушение правительства на свободу жены Трибуна народа и на жизнь его детей.

Пышный расцвет крохотного ростка надежды, зародившегося посреди этого страшного распада. Древо Равенства растет на глазах. Изо всех уголков Республики поступают сообщения от равных: из Мозеля, Монблана, Па-де-Кале, Ла-Манша, Вара, из Западной, Альпийской, Рейнской и Мозельской армий и из Парижа.

Вопрос: Осуществима ли система совершённого равенства?

Уединение Трибуна для разработки практического способа осуществления совершенного Равенства.

Тень Сен-Жюста обращается к солдатам Родины. Она напоминает им об их правах и обо всем, обещанном им Революцией.

Брошюра Вилена д'Обиньи, бесчестящая Робеспьера и обеляющая Дантона. — Вмешательство Трибуна. — В чем состояла доктрина Дантона? В чем состояла доктрина Робеспьера? Неопровержимые доказательства стремления Робеспьера к совершенному Равенству.

* * *

Священная армия[77] воистину состояла из террористов. Национальный Конвент почувствовал необходимость вновь обратиться к тому терроризму, направленному против преступления, без которого, как сказал Армонвилль[78], правительство видит вокруг себя лишь несправедливость и голод, тиранию и порабощение, подобные тем, что существуют с тех пор, как никого более не устрашают[3*]. Конвент понял, что его личное спасение зависит теперь только от великодушия и энергии этих добродетельных террористов, единственных, кто способен вызвать мощное движение, противостоящее самому дерзновенному заговору врагов Республики, забыть свои обиды и личные предубеждения, коль скоро речь пойдет

3* См. Трибун народа, № 34, стр. 50 [*см. Г. Бабеф. Соч., т. 3, стр. 474*].

о судьбе свободы. Но надо ли было Национальному Конвенту, решаясь ради собственного спасения, ради того, чтобы не запятнать свою память несмываемым позором, который навлекла бы на него гибель вместе с ним и Республики; решаясь, повторяю, на этот довольно унизительный для себя шаг — обратиться со звучным призывом к террористам... броситься в их объятия... выпрашивать жизнь у тех, кого он сам предавал на муки, издавна подставлял под ножи убийц... надо ли было Конвенту в тот момент, когда он обращался к ним с этим неотложным призывом, самым неразумным образом стараться смягчить впечатление от этого призыва, продолжая оскорблять тех, в ком он не мог не видеть своих спасителей?

Оскорбление, которое я имею в виду, содержится в том самом воззвании к «Гражданам Парижа», которое было расклеено по городу 13 вандемьера и одобрено сенатом накануне. «Агитаторы, — говорилось там, — распространяют в секциях слухи, будто Конвент снова вооружает *террористов*. Нет, мы никогда не протянем им руки. Пусть суждено нам погибнуть под ударами убийц или палачей, но *даже ради утверждения царства добродетели мы не призовем на помощь преступление*».

Кто же не увидит в этих словах явных и несомненных условий трусливой капитуляции, предложенной мятежникам? Кто они, эти *граждане Парижа*, кому адресовано воззвание? Наверняка, это отнюдь не патриоты, поскольку давно стало несомненным, что патриоты и террористы одно и то же. А ведь этот официальный документ направлен именно против террористов! И обращаются в нем к самым ожесточенным их противникам! Но тогда эти противники, эти *Граждане Парижа* суть не кто иные, как мятежные роялисты? Но тогда именно с ними правительство и предполагает договариваться? «Нет, — говорит оно, — мы никогда не протянем руки террористам. Пусть нам суждено погибнуть, но даже ради утверждения *царства добродетели* мы не призовем себе на помощь *преступление!..*» Это совершенно очевидно означает следующее: «*Порядочные люди!* Сторонники *добродетели*, которую и мы, и вы понимаем одинаково! Из-за чего нам враждовать? Какие важные вопросы нас разделяют? В чем так рознятся наши взгляды? Не в террористах ли дело, не они ли вас страшат, и не их ли гибели вы хотите? Но ведь и мы тоже! *Никогда мы не протянем им руки, пусть нам и суждено погибнуть.* Мы готовы выдать их вам, если одного этого не достает для нашего обоюдного согласия. Если мы и призвали их под ружье и если наши приготовления якобы угрожают поставить их лицом к лицу с вами, то все дело только в нашем желании припугнуть вас ими на тот случай, если бы вы потребовали чего-то иного, нежели согласие на наше господство и дележ с нами его выгод. Неужели вы в самом деле окажетесь столь неразумными и захотите чего-то большего? Разве наше государство не стоит целиком

на вашей стороне? Разве вы можете не признать всех наших усилий сделать его возможно более благосклонным по отношению к вам? Мы разделяем ваше желание заковать в цепи и раздавить чернь и тех, кто ее поддерживает, и мы готовы на это хоть сейчас. Но коль скоро мы пришли к согласию в этом вопросе, почему же нельзя установить мира между вами и нами? Какое еще ваше заблуждение мешает этому? Может быть, вам не хочется нашего правления? Какого еще господства могли бы вы пожелать? Мы считаем, что добились его, преодолев слишком тяжкие опасности, чтобы теперь отказаться от удовольствия вкушать его сладость. Мы хотим править и не согласимся, чтобы правил кто-то другой, помимо нас. Если вы думаете иначе, вот тогда мы и впрямь поссоримся не на шутку. Но у вас есть еще время признать ваше заблуждение, будь на то ваше желание Пойдите нам навстречу — мы готовы вас выслушать. Предложите нам все, что угодно; мы согласимся, буде окажется нужным, скрепить наш прекрасный и великий мирный договор, уничтожив ради вас столько этого сброда, столько террористов, сколько вы сами пожелаете, ведь ради утверждения царства добродетели мы никогда не призовем на помощь преступление. Мы ваши друзья в большей мере, чем вы полагаете. Достопочтенные граждане Парижа, говорите, скажите одно лишь слово — и положим конец взаимному стремлению бороться друг с другом; придите к нам, объяснимся с откровенной душой; ваша судьба и ваш покой находятся в ваших собственных руках».

Таков совершенно недвусмысленный язык Конвента в его прославленном воззвании 13-го числа. Как видим, он почти что пал на колени перед кастой порядочных людей и показал себя при этом столь же жалким, трусливым и предательским, столь же недостойным доверия народа, как и тогда, когда унизился до такой степени, что первым поспешил навстречу вандейским разбойникам, чтобы вести с ними переговоры, как с равноправной державой. Но падающий чересчур низко в первую очередь вызывает презрение как раз у того, перед кем он пресмыкается. Парижские разбойники пренебрегли предложением столь унизившей себя сенаторской компании. Они, несомненно, сочли, что раз члены Конвента унижаются, то значит чувствуют себя слабыми — и дерзость их возросла. Такой ход рассуждений был вполне логичным; однако события показали, что никогда не следует безусловно полагаться на последствия, казалось бы неизбежно вытекающие из определенных причин. К счастью для народа, порядочные люди полностью доверились этому столь естественному рассуждению. Именно это окончательно определило их дерзкое поведение, а последнее-то как раз и спасло нас. Все патриоты немедленно оказались бы жертвами класса достопочтенных людей, пожелай только он поставить свою подпись под чудовищным соглашением, предложенным преступным правительством.

И только благодаря рыцарскому высокомерию партии шуанов, благодаря пьянящей гордыне, заставляющей их цепляться за чувство своего мнимого превосходства, наши шансы на то, чтобы быть принесенными им в жертву, несколько поубавились. Конвент понял неизбежность для себя клятвопреступления; он увидел необходимость «протянуть руку преступлению ради утверждения царства добродетели»; и он взаправду окружил себя террористами, предпочтя вопреки клятвам, данным порядочным гражданам, скорее поступить так, чем погибнуть. Правда, подобное клятвопреступление по отношению к достопочтенной части общества стоило ему не слишком дорого, поскольку он давно привык совершать его по отношению к народу.

Однако неприкосновенность патрициата, казалось, оставалась по-прежнему нерушимой. Нам пока что не было позволено сразу же разделаться с ним. Верный системе снисходительности, которую мягкосердечный Конвент проявил в своем декрете от 11 вандемьера, он не хотел ее нарушать. Надо вспомнить, что этот декрет от 11-го, представленный от имени правительственных комитетов Дону[79], содержал в себе распоряжение первичным собраниям, занимавшимся не только выборами, немедленно положить конец подобным нарушениям закона; что позднее тем собраниям, которые еще не завершили эти выборы, был дан срок до 15-го; что воспоследовало также запрещение собранию выборщиков департамента Сены созывать заседания до 20-го числа; что, наконец, было объявлено прощение всем, кто совершал такого рода нарушения до опубликования этого закона. Подобный закон мог породить только то, что произошло. Власть, выказавшая себя столь обессиленной, что простила бунтовщикам все презрение и все оскорбления, которыми они ранее ее осыпали, могла лишь придать им смелости и увеличить их наглость. Так и случилось. Закон оказался втоптанным в грязь. Секционные собрания продолжали заседать и, действуя крайне дерзко, предложили в качестве откровенной меры подготовки к мятежу создание Повстанческих комитетов. Сам собой возникает вопрос, который выглядит странно, но положительный ответ на который представляется весьма правдоподобным: не являлось ли это явное пренебрежение к закону прямым результатом и намерений, и желаний тех, кто его принял? Это бы объяснило, почему некто Пошоль на заседании 12-го числа столь энергично восстал против возвращения оружия террористам... почему некто Делоне из Анже в тот же самый день был уличен во лжи Перреном из Вогезов, когда он от имени Правительственных комитетов принялся уверять, что секция Лепелетье, центр восстания, была окружена и что мятежники там были подавлены республиканцами, в то время как Перрен уверял, будто колоннам был дан приказ немедленно отступить; а Пультье и Ж.-Б. Луве свидетельствовали, что генерал, бывший барон де Мену, вместо выполнения полученного им от правительства приказа преследовать и атаковать мятежников самовольно медлил и вступил с ними в переговоры; что он вел

эти переговоры в тоне, не имевшем себе равных по низости; и, хотя перед ним были несомненные мятежники, он собственной головой поклялся, что им ничего не сделают; и что, наконец, его поведение 12-го числа сделало очевидной и совершенно бесспорной самую гнусную измену с его стороны.

Но эта изменническая сделка — могла ли она вызвать особенное удивление, если являлась не чем иным, как следствием действий самого Конвента? А эта амнистия, накануне дарованная шуанам за все преступления против закона, за все их прошлые мятежи, а это воззвание к достопочтенным гражданам Парижа, где опровергались распускаемые агитаторами слухи, будто Конвент собирался «снова вооружить» террористов, и утверждалось, что он «никогда не протянет им руки, пусть ему суждено погибнуть»... поскольку Конвент не способен так низко пасть, чтобы «ради утверждения царства добродетели призвать на помощь преступление»; все это, спрашиваю я, не согласуется ли полнейшим образом с капитуляцией барона де Мену, головой ручавшегося порядочным людям, открыто восставшим против суверенитета народа с оружием в руках, что «им ничего не сделают»?

И после этого удивляются, что измена де Мену осталась безнаказанной!..

Но ведь измена Конвента также осталась безнаказанной. Можно ли было не понять, что, карая за одну, придется карать и за другую? А ведь самого себя обычно не преследуют.

Мне могут сказать: но ведь имелась же все-таки в Конвенте и партия, не причастная к измене? Например, Луве, столь живо выступавший против де Мену, без сомнения, ясно доказал своим поведением, как чужд он был всем актам трусливого попустительства, всем заговорам, которые замышлялись тогда против свободы народа между сенатом и патрициями? Поиски ответа на этот вопрос заставляют меня провести отчетливое различие, которое, невзирая на разные роли, исполнявшиеся всеми действующими лицами событий Вандемьера, не позволит впредь никакой партии, никакой личности, никакому доводу одурачить нас.

Большинство Сената соглашалось на примирение с порядочными людьми, если о нем можно было бы договориться на условиях сохранения за этим большинством государственной власти: этим объясняется и крайняя мягкость, на редкость снисходительный характер всех действий Конвента, предшествовавших взрыву 13-го числа; этим объясняется и готовность простить прошлое, и заверения, что «ради утверждения царства добродетели ни в коем случае не призовут на помощь преступление», как и обещание «никогда не протягивать руки террористам... пусть даже под угрозой гибели»: во всем этом без труда угадываются воля и согласие большей части наших сверхдостойных уполномоченных.

Но была еще и другая партия, значительно более слабая по численности, но имевшая основания считать себя более сильной

по своим возможностям: дело в том, что к ней относилось большинство членов Правительственных комитетов. Эта партия сочувствовала капитуляции на условиях, подходивших лишь ей одной да еще мятежникам, но она совершенно не желала считаться с нашим сенаторским большинством. Эти условия, как я сказал, были выгодны лишь меньшинству да орде бунтарей, поскольку позволяли последним достигнуть венца их желаний, а именно восстановления королевской власти, предваренного истреблением всех членов Конвента, за исключением семи или восьми праведников, которым была обещана жизнь и вдобавок должность виночерпия при дворе нового Навуходоносора за великодушное принесение в жертву своих прежних недостойных сотоварищей. Статьи подобного договора не могли быть беспрепятственно утверждены более чем 700 лицами, которых они глубоко затрагивали и которые отнюдь не были себе врагами. Едва они ясно поняли, к чему клонится дело, и увидели, на какую высоту «чистая публика» вознесла свои претензии, превосходящие все, с чем проявлял готовность согласиться сенат, их охватил страх, а страх пробудил их рвение. Вот чем, помимо всего прочего, объясняется благородная горячность стоящего на страже Луве с несколькими его товарищами, едва по некоторым признакам они убедились в измене сеньера барона де Мену.

Вторую причину, позволившую де Мену избежать наказания, мы сейчас раскроем. Что ни говори, а она тесно связана с доказательством того, что все мы, сенаторы, преступны, хотя и на разный манер в зависимости от того, к какой из двух партий каждый из нас принадлежит. Ни для кого не секрет, что все мы опустились до сделок с мятежниками, только на разных условиях.

Что могли мы сказать Мену? Что могли мы сказать друг другу? Щадить мятежников позволил Мену наш общий пример. Да в придачу, несомненно, и совместные наши инструкции. Только развязка дела дала возможность разглядеть, что среди нас были изменники как большего, так и меньшего масштаба и что генерал Мену находился в числе первых. Но к чему бы повело, если бы те, кто вышел победителем, предали его суду? Только выявилась бы великая истина, что изменниками были все мы, причем большинство из нас было изменниками по отношению к народу, а некоторые вдобавок и по отношению к своим сообщникам по этому большинству. Но открытие такой истины оказалось бы чересчур скандальным, может быть, чересчур опасным. Достаточно было того, что опасность самой главной измены миновала; так не благоразумнее ли было пренебречь мелкими слухами насчет такого-то или такого-то человека и стараться укрыть плащом взаимного снисхождения злодеев как большего, так и меньшего значения?

Именно так и поступили: 13-го числа, в 4 с половиной часа, осторожный и неутомимый Мерлен из Дуэ, не занимаясь пустыми нападками на старого генерала, просто явился предложить на его место нового. Это был Баррас [80] из партии большинства, который

действовал вполне удачно, поскольку ни у него, ни у его друзей больше не было времени подумать о переговорах с достопочтенными людьми. Множество людей не понимало, как герой Термидора мог стать героем 13 вандемьера, поскольку в последних событиях он боролся, по-видимому, за санкюлотов, против раззолоченного народа, в то время как в первом случае он так отважно выступал на стороне людей «одетых и обутых», против голытьбы. Эта загадка становится понятной, если вспомнить, что Баррас ясно отдавал себе отчет в том, что и он окажется в толпе жертв почтенного сословия, забывшего о его прошлых заслугах перед ними. Он изменил тем, в ком угадал изменников себе, так как увидел в этом единственное средство спасти собственную голову. Большинство людей сделали бы все, что угодно, ради такой цели, и вот вам вполне разумный мотив действий Барраса на благо плебеев во время его командования в Вандемьере, вот каким причинам обязаны мы тем, что он стал защитником нашего дела.

Подобные же причины и в подобных же обстоятельствах объясняют усердие генерала могильщиков, презренного Фрерона. Можно ли думать без негодования, что именно он был послан в то же утро 13-го в Антуанское предместье, чтобы поднять дух санкюлотов и побудить их взяться за оружие и идти в центр Парижа сражаться с порядочными людьми, поднявшими мятеж. Это был тот же самый Фрерон, который четырьмя месяцами раньше, в прериале, явился в то же самое предместье против тех же самых санкюлотов, во главе тех же самых порядочных людей, во главе своей мерзкой молодежи, этой кровожадной, пропитанной пороками и развратом молодежи, сердца и души которой он до конца растлил! той самой молодежи, которую он наставлял в течение чуть ли не целого года; той самой молодежи, для которой он создал свою школу злодеяний! той молодежи, которую он один осмелился обучать страшным догмам убийства, уничтожения самых добродетельных людей, ненависти ко всем принципам добра и чистой морали! Это был тот самый Фрерон, который, благодаря такой своей гнусной роли, стал первым и главным виновником только что разразившихся ужасных потрясений. Какими глазами должны были смотреть на него обитатели предместья? Они узнавали в нем главного убийцу 1 прериаля в частности и главного убийцу народа вообще. Могли ли они без страха идти под знамена подобного человека? Не предаст ли их снова тот, кто всегда предавал народ? По крайней мере, не на этот раз, доблестные санкюлоты, поскольку этому гнусному человеку, которому вы с полным основанием не доверяете, ныне невыгодно приносить вас в жертву. Богатый народ не оценил важных услуг этого жестокого отступника. В том всеобщем истреблении, которое замышлялось, для Фрерона не было сделано исключения, и спастись он мог только с вами и через вас. В тот момент обстоятельства сложились так, что вам самим пришлось использовать безвыходное положение негодяев: они были вынуждены, спасая себя, спасать и народ, не дав ему по крайней мере попасть

под деспотическую власть одного человека. Вот что заставило вас стать под знамена одного из самых жестоких людей. Ах! Какую гадливость приходилось подавлять в себе, чтобы преследовать преступление под руководством подобного преступника! Но, поскольку такая жертва приносилась ради спасения народа, любое средство казалось хорошим. И все же наш Конвент должен был бы послать нам руководителя, менее отвратительного и менее ненавидимого: пользоваться услугами подобного чудовища — это несмываемое пятно на правительстве. Но, видно, судьбе угодно, чтобы все его действия, все поступки по отношению к народу были отмечены печатью позора и бесстыдства; причем даже тогда, когда это совсем не вызывалось его собственными интересами.

Позор и бесстыдство — вот тот круг, из которого сенату никак не выйти в своих действиях по отношению к народу. И весь яд коварства и низости бьет непрерывным фонтаном прежде всего из логовищ Правительственных комитетов. Достаточно выслушать любого из их членов. Вот некто Гамон, предлагающий в 4 часа вечера (все того же 13-го числа) выступить с публичным заявлением, что «как только минуют опасности, грозящие Отчизне, у террористов будет отнято оружие»; предложение столь же коварное, сколь и бесчестное, которое, несомненно, привело бы к тому, что патриоты утратили терпение и мужество, а мятежникам была бы продемонстрирована крайняя степень слабости и страха. Вот Шенье, который, требуя отказаться от обсуждения столь постыдного предложения, тут же проявляет подобное же малодушие, обещая, что-де Конвент, одержав победу, всегда сумеет отличить ошибку от преступления. Вот Мерлен из Дуэ в 6 часов с глазами, полными слез, является оплакивать первое поражение золоченых батальонов; правда, он при этом оправдывает поведение санкюлотских отрядов, уверяя, что они строго придерживались приказа ни в коем случае не стрелять первыми и только отвечали на удары. Вот целая орава сенатских ротозеев, дружески преданных порядочным людям, которых возмущают нечестивые аплодисменты каких-то простаков на трибунах, имеющих смелость радоваться, узнав из иеремиад этого кудесника о плачевном поражении шуанских отрядов. Вот достойные депутаты, примешивающие и свои слезы к слезам чувствительного Мерлена и кричащие о том, что «сейчас не время предаваться радости, а скорее время скорбеть о пролитой крови». Вот Кавеньяк[81], сообщающий, что солдаты, пушечными выстрелами оттеснив противника к самым дверям церкви святого Роха, взломали бы ее двери и перебили бы всех благородных людей, нашедших в церкви убежище, если бы генералы и депутаты с большим трудом им бы не помешали. Вот, наконец, Баррас, который тоже заявил, как грустно для чувствительных сердец обречь на смерть столько славных рыцарей Франции; что до него, то сам он сделал все возможное для их спасения; что он позволил, чтобы защитники республики выдерживали бесчисленные ружейные залпы, не отвечая

на них; и только когда ничего нельзя было больше сделать, на силу ответили силой.

Однако такая мягкость, такое виляние, порожденное отчасти хитростью, а отчасти трусостью, как будто исчезли, едва победа оказалась предрешена. Предложенный Ж.-Б. Луве проект обращения к французам, сообщающий Республике об этой победе, был триумфаторским и по стилю, и по тону; побежденных осмелились расценивать в нем как разбойников; провозглашалось намерение наказать всех их приверженцев и принять спасительные меры, чтобы подавить любую попытку им подражать; в нем, наконец, официально объявлялось об измене сеньера де Мену. Но надо было быть свидетелем услужливого рвения, проявленного его другом Тибодо[82] в защитительной речи, пылкое красноречие которой заставило изменить проект обращения силой неотразимого аргумента: «нельзя объявлять изменником генерала, пока суд еще не высказал по этому поводу своего мнения».

Великолепное замечание и так кстати приведенное: оно избавляет от тревоги, а может быть, и бед бесчисленное множество виновных. Вряд ли было бы легко оправдать Мену, раз объявив его изменником торжественным актом сената перед лицом всей Республики. А если Мену не оправдают, то кто гарантирует, что он не поднимет всенародного скандального крика: «Не один я изменник. Многие стали изменниками прежде меня, а я лишь разделял их стремления и содействовал им. Я докажу это тысячью фактов, я потребую, чтобы были вызваны и в моем присутствии выслушаны такой-то, такой-то и еще вот этот, которых я уличу в соучастии». О! сколько негодяев было бы уничтожено, со скольких были бы сорваны маски! Так не благоразумнее ли было задушить опасность еще в зародыше и создать (15 вандемьера) те военные суды, члены которых назначались при участии и под руководством многочисленных заинтересованных лиц; вследствие чего данные суды должны были быть безгранично преданными этим лицам, а кроме того, в их распоряжение решили предоставить самый удобный для них уголовный кодекс. И действительно, нет сил сдержать своего восхищения, читая этот самый декрет от 15-го числа, где изложен упомянутый уголовный кодекс; восхищение мягкосердечием сената, который, правда, потребовал было смертной казни для главарей мятежа, но затем установил столько исключений, что нельзя не воздать должного его беспредельной гуманности. Приговоры о высылке были вынесены единственно против второстепенных бунтарей, не проживавших в Париже и взявших на себя труд явиться сюда лишь для того, чтобы пополнить ряды роялистов. То же наказание постигло и тех, чье участие состояло всего лишь в стрельбе из окон по народу и солдатам. Да еще той же каре подверглись и служащие комитетов Конвента и комиссары исполнительной администрации, замешанные в мятеже; подобное снисхождение оказалось тем более необходимым, что без него пришлось бы наказывать слишком много виновных, поскольку,

как уверяют, почти все чиновники Конвента и министерских комиссий сами себя превзошли храбростью, чтобы отличиться в блестящих рядах людей благородного происхождения. Но и это наказание высылкой оказалось совершенно смехотворным, как и приговор к двум годам тюрьмы, предусмотренный статьей 9-й закона против лиц, обнаруженных в Париже через 24 часа после вынесения им приговора о высылке[4*]. В статье 10-й содержалось постановление, что всякий, захваченный в качестве пленника, наказывается тремя месяцами тюрьмы. И каждый может безо всякого труда устроить так, чтобы быть привлеченным именно по этой, наименее строгой статье, и таким образом ускользнуть от всех прочих. В конечном счете и эта статья была не больше чем пугалом, и большинство порядочных людей отделывались простым испугом. Вдобавок и деятельность военных советов продолжалась только десять дней. Вся задача сводилась к тому, чтобы не попасться в течение этих десяти дней, а уж на одиннадцатый каждому отпускались его грехи.

В силу таких мероприятий как главных, так и второстепенных преступников почти не потревожили.

По существу результат всего происшедшего не был для них неблагоприятен. Само ослабление преследования заговорщиков дает им преимущества, которые будут вдохновлять добиваться новых.

Все их последующее поведение неопровержимо свидетельствует о предварительной договоренности, основанной на следующих подлых рассуждениях:

Не представится ли возможность подстроить роспуск и даже разоружение Священного легиона, составленного из ненавистных террористов, имевших наглость взять над нами верх; нет ли надежды заставить их впоследствии в этом раскаяться?

И нельзя ли также рассчитывать на сохранение на своих постах лиц, избранных нашими друзьями-шуанами; ведь их выбор целиком пал на испытанных антиреспубликанцев, чьи способности и чей пыл обещают нам быстрый успех контрреволюции?

Наконец, существует еще и третье обстоятельство, о котором следует поразмыслить. Те архитеррористы, что заполняют Бастилии, что ускользнули от грозного гнева наших палачей, продолжают там искупать свою непростительную вину великой любви к свободе. У сената хватило здравого смысла не снизойти к просьбам, адресованным ему этими несчастными, просившими, как милости, права защищать его от секционеров при великодушном условии, что они вернутся затем в свои тюремные ка-

[4*] До чего же жалок законодатель, столь мало считающийся с собственными законами! Никогда и не возникало вопроса о применении этого закона к тем, кто не подчинился первому распоряжению о высылке. Зато вскоре к нему прибавили множество других, куда более мягких, не взяв при этом на себя труда отменить первоначальный.

зематы[5*]. Сенат не пожелал их и слушать, и Сенат прав. Ведь речь здесь идет о важных заложниках, нужных на случай переговоров с порядочными людьми; кроме того, это добыча, отданная на их милость на все время переговоров; и если бы эти последние восторжествовали, то кровопийцам сразу же пришел бы конец. Но, поскольку счастливая звезда этой якобинской орды еще раз избавила ее от всех этих опасностей, используем по крайней мере то обстоятельство, что ее не выпустили на свободу. Сплотим все наши силы против ее освобождения.

Продолжение в следующем номере.

СУЩЕСТВУЮЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Перед нами двойная задача: подточить основы беззакония и заложить фундамент истинной справедливости. Сеять ненависть к правящим властям, без устали обнажая их непрестанные преступления, и внушать пламенную любовь к системе подлинного равенства, все ярче показывая его привлекательные стороны. В качестве средства ободрения мы добавим к этому волнующее изображение множества пылких прозелитов, которые будут один за другим вставать под наши священные знамена.

Если бы задача погубить в общественном мнении захватчиков всех прав народа, его душителей и кровопийц, его тиранов и его палачей не являлась бы совершенно необходимым предварительным условием великих мероприятий, призванных заменить этот ужасный режим режимом всеобщего счастья, — мы бы не стали копаться в омерзительных злодействах наших угнетателей. Мы бы шли прямой дорогой к храму всеобщего блаженства. Нам могли бы сказать, что действия наших высших властителей говорят сами за себя и не нуждаются в комментариях; что постоянные испытания, обрушиваемые ими на народ, сами собой возбуждают в нем живую ненависть и чувство недвусмысленного отвращения. Я отвечу, что тем не менее необходимо стимулировать гнев народа и разоблачать перед ним скрытые мерзости, которые без нашей помощи он не заметил бы. Прежде всего, естественные порывы священного гнева оскорбленной нации сдерживаются апатией и своеобразным огрублением, в которые ее погрузил избыток страданий; следовательно, нужно пробудить, вызвать к жизни те пламенные порывы, что в первые дни революции позволили нам так легко сокрушить 15-вековую тиранию. Затем, остатки страха скорее, чем стыда, заставляют наших повелителей постоянно окутывать все свои посягательства туманом притворства, так что большая часть доверчивых, простых и добрых душ не может с первого взгляда разгадать все значение и все последствия их преступных замыслов, поэтому

[5*] Такого рода петиции были направлены Конвенту всеми заключенными-патриотами из тюрем Бурб, Катр-Насьон и Плесси[83]; к ним остались глухи.

важно кому-нибудь из выразителей народных интересов неустанно обнажать истинный смысл и истинные размеры постоянных преступлений наших угнетателей.

Так будем по-прежнему излагать одновременно и омерзительную историю этих преступлений, и тот великий план спасения, который мы предлагаем всему миру. Что ж! ведь именно так и составляются все манифесты!

Они содержат, с одной стороны, обвинительный акт против той власти, на которую нападают, а с другой — изложение основ лучшего порядка вещей, а также тех мер, которые уже приняты и которые еще предстоит принять для обеспечения его торжества.

Можно ли еще заблуждаться относительно духа правительства, о котором мы уже писали в нашем последнем номере, духа, который само оно недвусмысленно проявило в продавшихся ему газетах и сущность которого сводится к тому, чтобы поочередно подавлять и покровительствовать то роялизму, то патриотизму, чтобы деспотически властвовать как над обеими партиями, так и над находящейся между ними бездеятельной массой? Возможно ли еще, спрашиваю я, не распознать этого духа после того, как наши августейшие владыки своими самыми последними актами ясно обнажили его истинный смысл?

Постановление о песнях и высокая честь сопровождать придворные кареты на Марсово поле, чтобы образовать там лакейский кортеж при обитателях Люксембургского дворца, довели до экстаза гордость глупцов 89 года и той части пантеонистов, которые служат под блистательными знаменами Русийона и Ферю. Предвидя, что все эти прихвостни много возомнят о себе, раз они добились подобной милости; сообразив, что в своем опьянении они решат, будто им беспредельно покровительствуют, и потому они могут без стеснения совершать один полуреспубликанский поступок за другим, а подлинные патриоты, славные люди 92 года, включатся в эту деятельность и благодаря тому, что примут в ней участие, смешавшись с другими, и как бы анонимно, сумеют извлечь из нее пользу... сообразив все это, наши проницательные властители пришли к выводу, что необходимо показать — у свободного правительства нет любимчиков. И вот каким способом они угомонили тогда эту горячку простофиль 89 года. Г-н Бенезек[84] — министр предостопочтенный, напичканный знаниями и обходительный, человек вполне светский и рассудительный по отношению к *порядочным людям*, магистрат, полностью находящийся на высоте своего ранга и пренебрегающий многочисленным сбродом, именуемым *народом*; г-н Бенезек, говорю я, в течение долгого времени подвергался наскокам со стороны банды демагогов, которой он имел несчастье не угодить единственно тем, что слишком нравился патрицианской касте, людям благородного происхождения, друзьям короля и удостаивался постоянных похвал на страницах их газет. Демагоги поверили, что хотя бы только в память их выдающихся заслуг в Вандемьере никто не осмелится отказать им в отставке

его с поста министра. Глупость ни о чем не хочет слышать. Ей не известна и древняя истина: нет на свете ничего короче памяти монархов и ничего неблагодарнее их совести. Те же самые люди, чьи головы лишь четыре месяца назад едва не упали под яростными ударами роялизма и патрициата, приняли решение, не понравившееся их избавителям, но преисполнившее радостью и патрициат, и роялизм. Директория объявила в официальном документе и опубликовала во всех листках, которые она содержит: «Исполнительная власть Французской республики удовлетворена мудрой деятельностью г-на Бенезека». Также были удовлетворены и все достопочтенные люди! Так что Директория заявила лишь то, о чем заявляли они... Вот что должно заставить вас замолчать, люди, утверждающие, будто невозможно угодить двум партиям одновременно! Сколь велика ваша ошибка! Теперь вы явились свидетелями того, как в равной мере приветствуют правительство и террористы, и мюскадены. Первые до потери голоса хвалят его за то, что оно даровало им «Марсельезу»; другие благословляют его за то, что оно столь справедливо выдало удостоверение в патриотизме их ревностному защитнику. Его деятельностью удовлетворены! Удовлетворены, стало быть, тем, что министр первоначально запретил то, что Директория потом разрешила, а именно исполнение в театрах гимна марсельцев. Удовлетворены письмом Бенезека от 21 брюмера на имя администрации департамента Буш-дю-Рон, где он честил «разбойниками», «заговорщиками», «анархистами» и «амнистированными преступниками» все жертвы термидорианской реакции, жаловавшиеся на резню и массовые избиения на Юге, которые он, стало быть, не только допускал. Удовлетворены тем, что 28 фримера Бенезек писал администрации почт об освобождении от мобилизации многочисленных лоботрясов, там укрывшихся [6*]. Удовлетворены тем, что он назвал клуб Пантеон «сборищем бандитов», возглавляемым головорезом Журданом, давно уже умершим, и антитермидорианцем Дюэмом, с давних пор проживающим в Голландии. Удовлетворены, конечно, и тем, что он по примеру добродетельного Ролана приставил к себе женщину-адъютанта, г-жу баронессу Белль [85], близкую ко многим деятелям Кобленца и известную как их весьма рьяный агент-посредник. Удовлетворены мерами, принятыми министром в отношении патриотов Арля, тем, как он урезал, насколько смог, закон, называемый амнистией 4 брюмера. Удовлетворены его письмом Фрерону, в котором он сообщает, что убийцы в Форте Жан подпадают, по его мнению, под закон об амнистии. Удовлетворены отталкивающим этикетом и совершенно королевскими порядками, заведенными как в доме у министра, так и в его канцелярии. Удовлетворены нагоняем, данным им администраторам департамента Нижний

6* См. письмо, направленное Кустилье, главному инспектору почт. «Journal des hommes libres», 8 нивоза.

Рейн за их строптивость по отношению к пожеланиям Бенезека, чтобы заставить их впредь проявлять бо́льшую уступчивость в вопросе об исключении из списков эмигрантов. Удовлетворены тем, что несколько патриотов, назначенных Исполнительной Директорией ее комиссарами в департамент Иль и Вилен, через два месяца после назначения так и не могли приступить к исполнению своих обязанностей, поскольку документы, удостоверяющие их полномочия, остались неотосланными. Удовлетворены и тем, что Бенезек остался глух к многократным требованиям патриотов Авиньона, писавших ему еще в середине нивоза о том, что до сих пор в департаменте Воклюз не прекращается резня. Удовлетворены и т. д. и т. д. Но почему-то, Исполнительная Директория, это удовлетворение не звучало в твоем письме Бенезеку от 18 нивоза, предваряющем посланное ему тобой распоряжение о быстрейшем и строжайшем исполнении закона от 3 брюмера. В этом письме ты не старалась скрыть, что причина и продолжающихся убийств, и разрастания мятежных настроений у роялистов и патрициев — в его преступной небрежности, его губительном бездействии. Но не станем углубляться в тайные подполья всевластия. Оно открыто учит нас тому, что «в Республике, подобной нашей, стараться подорвать нескромными разоблачениями доверие к руководителям учреждений — великое зло... Писатели должны их критиковать лишь с величайшей осмотрительностью» [7*].

Итак, они порядком устарели, эти вот истины: «Критика действий установленных властей разрешена» [8*]. — «Гласность — это страж народа» [9*]. — «Непримиримая война между писателями и представителями исполнительной власти — необходимое условие для сохранения свободы, всех прав народа и его благоденствия» [10*]. — «Конституция гарантирует всем французам... неограниченную свободу печати... Необходимость провозглашать это право свидетельствует о существовании деспотизма или о свежей памяти о нем» [11*]. Нет, эти истины не кажутся устаревшими. Разве только что им не воздали новую честь, возвратив свободу моему дорогому брату, моему сотоварищу по проповеди плебейской доктрины Лебуа, Другу народа, а также тем пяти роялистским борзописцам, которых по распоряжению Мерлена, прикрытому именем Директории, преследовали вместе с ним и со мной? Это освобождение, произведенное Обвинительным жюри Уголовного суда департамента Сены, мотивировано отсутствием иного закона против свободы печати, кроме статьи уголовного кодекса, карающей за подстрекательство к убийству, к поджогам и прочим преступле-

---

7* Газета Директории, озаглавленная «Le Rédacteur», 3 плювиоза, специальная статья о министре Бенезеке.
8* Конституция 91 года.
9* Изречение 89 года.
10* Мнение Лустало.
11* Конституция и Декларация прав человека 93 года.

ниям подобного же рода. И вот ясно, что и мы очень довольны, и шуанские газеты тоже. Что до меня, то вот я и избавлен от всего этого сутяжничества, которым я вынужден был так много заниматься в 38-м номере. Я никогда не буду призывать ни к убийству, ни к поджогу. Я достаточно убежден в чистоте своего сердца и могу уверить, что никогда не напишу подобно Френону: «Выжди благоприятный случай и сотнею ударов кинжалом пронзи всех террористов» [12*]. Вот какие люди заслужили наибольшее доверие нынешнего правительства, вот какие действия принесли им это доверие. И такое же доверие подобные поступки продолжают приносить и сейчас. Я не знаю, в какой департамент отправлен этот невежественный и раболепный Ферю (чьи подвиги мы недавно описывали) [13*], чтобы получить заслуженное вознаграждение вместе с почетным титулом проконсула. О, стыд! О, общественная мораль! Но можно ли чему-нибудь удивляться, когда знаешь, что Баррас, один из директоров, всегда был лишь послушным учеником, покорно подчинявшимся руководству возвышенного и доблестного Фрерона? В их совместной миссии во времена террора[86] Баррас весьма доверчиво и легкомысленно подписывал все вероломные распоряжения, порождаемые гнусным умом сикофанта Фрерона, равно как и письма, посредством которых они обманывали Комитет общественного спасения, заставляя его думать, будто и в Тулоне, и в Марселе они расстреливали сотнями порядочных людей; а ведь это были не кто иные, как несчастные санкюлоты, что и сам Фрерон год назад, в разгар реакции, не побоялся признать, отвечая на письмо Моиза Бейля. Взгляните заодно на писания Моиза Бейля. Удивительно ли после этого, что Баррас, который и в дни Термидора, и после них оставался не кем иным, как совершенно безвольным помощником Фрерона; что этот человек, постоянно подчиненный другому, способный позволить этому

[12*] О Боги! Эта страшная фраза напечатана черным по белому в № 59 «L'Orateur du peuple»; она послужила сигналом резни по всей Республике! И чудовище, чья рука начертала ее, осталось безнаказанным! И это зверство, кажется, теперь забыто! Более того, автора этой фразы нынешнее правительство посылает в те самые области, которые он залил кровью! И можно не сомневаться, что он снова осуществляет там свои прежние страшные принципы! И, несмотря на это, решаются восхвалять его поведение, не обосновывая это ни единым фактом! И даже патриоты не стыдятся присоединяться к его панегиристам!.. О безумие! О слепота глупости! В какой мы живем стране? Посреди каких зверей протекает наша жизнь? Простить предводителя убийц! Петь ему хвалы! Позабыв, что и года еще не миновало с того дня, как он опубликовал Манифест, главную фразу из которого я только что привел; Манифест, призывы которого выполнены самым точным образом, продолжают выполняться и заглавие которого гласит: «Призыв к французской молодежи проснуться от летаргического сна и отомстить за смерть стариков, женщин и детей путем ИСТРЕБЛЕНИЯ убийц и душегубов». См. «Трибун народа», год 3-й, том 1, № 31, с. 299 [*Опечатка в тексте Бабефа. Следовало указать — № 30 (см. 3-й том Сочинений, стр. 346)*].

[13*] № 39, стр. 206—207 [*см. настоящий том, стр. 123*].

другому взять над собой такую власть, — удивительно ли, говорю я, что он оказался порабощенным этой властью? Что он сделался не только услужливым посредником, через которого презренный Фрерон, отвергнутый и проклятый всей Францией, добился чести выполнять важную для Республики миссию; но что, помимо прочего, Баррас, кажется, продолжает ходить в чужой узде и во всем руководствоваться принципами обмана и кривых обходных путей, перенятыми у бывшего своего наставника в искусстве глубочайшего лицемерия и жестокого злодейства?

Что за предложение о какой-то миссии в департаментах, которое сделали Лебуа от имени Директории? Кто не разглядит здесь все тот же план уничтожить немногочисленные народные газеты? На мой взгляд, это предложение есть не что иное, как заговор, как преступное покушение на последние устои, поддерживающие класс плебеев. К счастью, Друг народа всегда сохранял стойкость и в достаточной мере понимал важность своей роли, чтобы не поддаться на такое обольщение. Вам угодно доверить ему миссию?.. Но существует ли более благородная миссия, чем та, что он выполняет?! И если в ваших глазах она ничего не стоит, то и дело народа ничто для вас? Но если, напротив, вы ее цените достаточно высоко; если вы превосходно понимаете значение задачи, которую Лебуа возложил на себя, и именно поэтому хотите отвлечь его от ее выполнения, то тогда защита истины и интересов большинства народа внушает вам опасения? Тогда вы отнюдь не друзья этого большинства? Стремиться во что бы то ни стало заставить нас покинуть свой пост; склонять к дезертирству первых часовых са́мого угнетенного, са́мого многочисленного и са́мого полезного класса — это значит, не побоимся слов, содействовать контрреволюции. Мне горько употреблять это сильное слово! Но я не могу заменить его другим, раз я убежден, что оно точно выражает истину. И мы бы очень ошиблись в оценке здравого смысла Директории, если бы допустили, что она неспособна взвесить неприличие своих предложений нашему собрату. Нет, нет, ни одна власть не заставит нас покинуть позиций, которые мы занимаем: они лучше всяких других соответствуют нам, и наш долг — суметь погибнуть, не оставив их.

И в какую минуту Друг народа покинул бы свой пост? В минуту высшего торжества народного дела. Да, в глазах всех тех, кто умеет здраво мыслить, его освобождение является самой блестящей победой принципов. Судебные власти, оправдавшие его, может быть не отдавая себе в этом отчета и вопреки своим намерениям, под носом патрициата и его апостолов, перед лицом деспотизма богачей, невзирая на их блестящие аргументы, их решительные высказывания и их сильных пособников, — торжественно провозгласили, что проповедь доктрины всеобщего счастья отнюдь не составляет преступления. Значит, они узаконили нашу войну бедняков против богачей, плебеев против

патрициев, тех, кто не имеет **ничего**, против тех, кто владеет **всем**. Стало быть, они предоставили нам полную свободу открыто проповедовать самую важную и самую необходимую для всех народов истину... истину, к которой немногие из философов осмелились лишь робко подступиться, лишь слегка ее коснуться? Стало быть, они позволили нам показать и во всеуслышание объявить, что брать повсюду, где есть **избыток**, чтобы восполнять повсюду же, где существует **недостаток**, — дело, согласное с изначальной справедливостью, основополагающей и вечной? Мы воспользуемся их разрешением. Мы примем это к сведению и сумеем использовать это драгоценное признание законодателей нынешнего правительства. Мы сумеем припомнить, как перед лицом патрицианской тирании и без сопротивления с ее стороны было признано, что справедливость принципа **подлинного равенства** бесспорна.

Но мы спросим, почему шуанские газеты выбрали именно этот момент для распространения вот какой басни: будто бы Директория конфисковала у Друга народа станки и рукопись сочинения, где доказывается, что правительство Робеспьера куда лучше правительства Директории. Для того чтобы наш конгломерат из пяти человек можно было обвинить в самом суровом деспотизме, ему не хватало только подобного способа демонстрировать прямо противоположное тому, что он намеревался доказать. Даже допуская, будто нам пришло бы в голову доказывать перед Директорией, что правительство Робеспьера было предпочтительнее ее правительства, похищение и запрещение нашей работы не означало бы ошибочности нашего мнения; оно подтвердило бы лишь одно: ведя себя одинаково в одинаковых обстоятельствах, все тирании пользуются в подобных случаях одним аргументом — аргументом силы.

Увы! при этом злосчастном патрицианском правительстве почти все принято доказывать именно так. Разве не видели мы только что разительного тому примера при обсуждении закона о передаче нации прав эмигрантов на наследование имущества их родственников [87]? В Совете молодых [14*] эти презренные враги Республики имели меньше защитников, чем сама Республика. Иначе обстояло дело в Совете старейших. Друзья короля из Вероны нашли здесь почти столько адвокатов, сколько оказалось членов в этой палате 250 узурпаторов Народного **вето**. И они применили его, это опасное **вето**, против единственной меры, которая еще могла удержать от краха как общественную казну, так и большинство частных состояний. Было совершенно очевидно, что справедливая конфискация возможных наследств убийц своего Отечества оставалась единственным серьезным национальным фондом, которым страна еще могла располагать. Он являлся солидным обеспечением ассигнатов и, следовательно, укрепил бы доверие к ним. Поэтому и государство, и частные лица,

---

[14*] *Бабеф имеет в виду Совет 500.*

обладая ими, владели бы чем-то; в то же время без такого обеспечения, с бесконечными исключениями из списков эмигрантов деньги Республики получают гарантию лишь на клочке бумаги, из чего неизбежно проистекает то, что мы и видим: они уже ничего не стоят, их совсем не принимают в деревнях, а завтра то же самое произойдет и в городах. Именно это предвидела верхняя палата, что и определило ее действия. Наши развращенные старейшины показали, что они закоренели в преступлениях. Кощунственно ссылаясь на необходимость ни на йоту не уклониться от справедливости, эти престарелые борцы, издавна искушенные в пороках, сочли справедливым принести в жертву весь народ Франции кучке негодяев, которые вот уже шесть лет сражаются против него с оружием в руках; они сочли несправедливым возлагать на этих врагов своей страны компенсацию убытков, причиненных их мятежами. И чему тут удивляться, если на протяжении 18 месяцев их постоянно старались за этот мятеж вознаградить, жертвуя теми, кто пытался им противостоять? Использование вето в данном случае естественно воспоследовало из всего, дотоле предпринятого. То, как распорядились правом вето 250 узурпаторов, тоже с этим связано и вполне логично: ведь ясно, находись право санкции в руках народа, он при обсуждении проекта закона, о котором мы вели речь, не прибегнул бы к такому убийственному для себя применению этого права, как это сделал Совет старейшин.

Взглянув на дело с другой стороны, мы опять-таки не увидим ничего, кроме поводов для сокрушения о судьбе патриотизма. Вот уголовный суд департамента Сена развязывает процесс против предполагаемых участников сентябрьских дней 92 года[88]. Что должна нам предвещать подобная затея в данный момент? По всей вероятности, стремление умерить пылкую энергию санкюлотов, хотя и понемногу, но заметно оживляющуюся. Очевидное желание успокоить «порядочных людей», показав им, что, если илотам и оставили «Марсельезу», это отнюдь не означает отказа от намерения заставить их строго выполнять свои обязанности и дать им в этом отношении несколько таких уроков, которые им запомнятся надолго. Но мы, кроме того, легко угадываем в этом судебном деле еще и воскрешение процесса против революции, подобного тому, что происходил после Термидора. Мы догадываемся, что, завершись это мероприятие в пользу тех, кто торопит его развязку, и снова станет трудно рассчитать, где они захотят остановиться. Как будет вестись это судебное дело? Захотят ли припомнить все обстоятельства? Может, существует намерение рассматривать это дело с точки зрения холодного рассудка и по нормам спокойных и обычных эпох? Пожелают ли прислушаться и принять к сведению следующие многочисленные соображения: что успешное вторжение врага на территорию Шампани вселило ужас и смятение в души патриотов; что все плебеи Парижа, толпами вступая в армию для его отражения, боялись за безопасность

своих детей и жен посреди злодейского сброда контрреволюционеров, как арестованных, так и находящихся на свободе, которые, возгордясь своей безнаказанностью и очевидным покровительством Орлеанского суда, больше не скрывали ни своей дерзкой наглости, ни мрачных проектов отмщения всему народу, только что низвергнувшему трон; что уже ходили слухи, причем из самых авторитетных источников, будто бы заговорщикам, сидящим по тюрьмам, то ли уже передано, то ли должно быть передано оружие; что те же парижские плебеи, составившие победоносные фаланги, которым предстояло вскоре освободить землю Республики от мерзкого присутствия приспешников иностранных королей, отнюдь не пожелали покинуть город, не очистив предварительно его пределов от всех их внутренних сообщников, для борьбы с которыми меч закона стал слишком тупым; что этой ценой, столь же справедливой, сколь и законной, было куплено торжество Республики и само ее существование; что, следовательно, процесс десяти или двенадцати лиц, якобы принимавших активное участие в истреблении изменников, есть не что иное, как процесс против Республики и революции; что как мы показали выше, это преступление общее для тех легионов, которые образовались в результате славного дня 10 августа; что, таким образом, нет никаких оснований не включать их всех в начатое судебное дело; что это было также преступлением и всех секций Парижа, из которых каждая послала комиссаров выявить среди заключенных тех, кого они считали невинными, и указать народу, самостоятельно осуществляющему правосудие, преступников, заслуживающих, по их мнению, его мщения; что, поскольку это все означало их участие в этом важнейшем мероприятии и его одобрение, все парижские секции являются в равной мере соучастниками, и нет ни малейших оснований не привлекать и их к процессу; что с точки зрения республиканской справедливости это сотрудничество комиссаров парижских секций со множеством людей, которые, что бы там ни говорили адвокаты заговорщиков, были подлинным трибуналом, это их сотрудничество, говорю я, узаконило все решения, которые в действительности предваряли казни; что только выученики монархии и патрициата в силу своей недобросовестности могут заявлять, что надо было соблюдать больше формальностей и проявить бóльшую выдержанность при вынесении этих решений, и наоборот, принципами народа, единственными подлинными принципами признается народное правосудие, не торопящееся высказаться, порой запаздывающее, но великое и могущественное, как и сам народ, быстрое и неумолимое, когда наконец оно пробуждается; причем быстрота, с которой оно осуществляется, не наносит ущерба справедливости, поскольку природное чутье народа всегда надежно и безошибочно и народ по верным признакам узнает своих жестоких, своих неисправимых, своих вечных и наследственных врагов; что ежели в самом деле решено начать процесс против закладывания основ Республики, успеху

которой немало содействовали сентябрьские дни, то ведь ужасно преследовать лишь нескольких несчастных, бывших просто незаметными участниками событий, осуществленных и одобренных тысячами людей, почитаемых тогда необходимыми для спасения всех, руководимых и настоятельно предписанных лицами, облеченными в то время полнотой власти; что чудовищно было бы предположение, будто десять или двенадцать человек, на которых теперь падает обвинение, были в состоянии одни совершить то жертвоприношение, которое рассматривают ныне как великое преступление, а тогда признавали полезным, необходимым для умиротворения народного гнева, для укрепления фундамента Республики и для вечного торжества Равенства и Свободы; и что, следовательно, было бы не менее чудовищно ограничиться этими десятью или двенадцатью исполнителями и не привлечь вместе с ними тех крупных деятелей, которые всем руководили, которые живы и поныне и в политической жизни по-прежнему остаются на первом плане...

Патриоты! Вероятно, такие соображения должны лечь в основу защитительной речи в пользу деятелей сентябрьских дней, которых теперь хотят представить народу как палачей и которые являлись лишь жрецами справедливого жертвоприношения, требуемого тогда делом общественного спасения! Объединитесь и защищайте их с этих позиций! Образуйте вокруг них тройной барьер! Пусть нищий люд, пусть голодные толпы окружат трибунал, назначенный для суда над этими людьми! Внимательно следите за ходом этого важного процесса. Присутствуйте на всех заседаниях, заполняйте залы суда и не давайте богачам ни в чем захватить преимущество! Заглушите их ожесточенный враждебный вой, их кощунственные антинародные речи, их коварные и злобные доводы! Пусть звучат вместо них призывы к справедливости и национальному правосудию! Заявите бестрепетно, что истребления, осуждаемые сегодня, были законны и настоятельно необходимы ради общего блага. Заявите также, не колеблясь и не стыдясь, что вы видите в участниках тех политических событий действующих лиц необходимой и неизбежной трагедии! А необходимой и неизбежной ее сделали постоянные преступления клики богачей! И события 9 термидора лишний раз это доказали: после этого дня вся злобная клика в полной мере поставила в порядок дня голод, разорение, ограбление, уничтожение народа! А значит, истребители вожаков этой ужасной секты оказали важную услугу большинству своих сограждан! И ежели и следует о чем-то сожалеть, то только о том, что какое-нибудь новое 2 сентября, более мощное и более всеобъемлющее, не уничтожило полностью всех душегубов, всех грабителей и убийц, которые с тех пор позволили своей жестокости распуститься пышным цветом и не побоялись отважиться на убийство целого поколения!.. А вы, свободные писатели! еще оставшиеся смелые люди! еще не подсеченные косой преступления демократы! объединяйтесь и поддерживайте эти суждения народа, которые,

что бы ни говорили по этому поводу злодеи, одни только выражают истину и справедливость, одни только сообразуются с логикой Равенства, Свободы, всеобщего права и всеобщих интересов! В противовес этому ожесточению против так называемых сентябрьских убийц разжигайте вместе с нами в душах всех республиканцев возмущение той снисходительностью, которая обеспечивает покой и полную безнаказанность подлинным убийцам, чудовищам с Юга, организаторам термидорианской бойни! Подумайте, ведь если мы окажемся побежденными в этом новом выступлении, то трудно даже сказать, где остановится отступление революции. И новый подъем реакции несомненен. А наши противники, наши внутренние враги, разве они прекратили свои контрреволюционные происки? Сентябрьские дни так недалеки от событий 10 августа. Если патрициат, если роялизм выйдут победителями в одном случае, что помешает им перейти в наступление во втором? Смерть, постигшая в тюрьмах приверженцев королей, духовенства и дворянства, в их глазах не более преступна, чем гибель рыцарей кинжала и тюильрийских прихвостней 10 августа. Мстя за одних, придется также отомщать и других. А вслед за этим очень скоро заведут речь о процессе против тех, кто появился вооруженным перед замком тирана в тот памятный день. Потом состоится процесс против вас, всех вынесших его смертный приговор 21 января. Потом — против бандитов 5 и 6 октября и 14 июля[89]. А потом — и против всех мятежников, уличенных в том, что они сражались с порядочными людьми и с владыками всего мира на наших границах.

И не будем заблуждаться! Этот всеохватывающий процесс, эта война против народа, эта смертельная охота за каждым, кто принял хоть какое-нибудь участие в революции, это тройное преступление — оно что, только угрожает нам? его только готовятся совершить? Нет, его ведут уже давно, и в настоящую минуту отнюдь нельзя сказать, что его умеряют. Можно ли думать иначе, когда истребление самых добродетельных патриотов Юга не прекратилось и продолжается повседневно? Можно ли думать иначе, когда наши армии, как и весь народ, гибнут от голода и лишений? Можно ли думать иначе, когда принудительный заем, якобы предназначенный для того, чтобы удушить пиявок, сосущих народную кровь, распределяется таким образом, что истощает и осушает последние источники существования обездоленного класса? Можно ли думать иначе, когда закон 3 брюмера, этот слабый паллиатив против язвы реакции, ежедневно подтачивается в своей основе почти без всякого противодействия? когда закон этот почти совсем не применяется? когда он подвержен постоянным изменениям? когда под близкой угрозой полной отмены он скоро предоставит все административные должности в распоряжение врагов народа, самых активных деятелей контрреволюции? когда, наконец, все ежедневные распоряжения, относящиеся к этому закону, парализуют

и ввергают в оцепенение небольшое число республиканцев, еще оставшихся на общественных должностях после Вандемьера? Можно ли считать, что смягчается преследование, угнетение народа, когда с каждым днем его существование становится все тяжелее, благодаря постоянно возрастающему покровительству ненасытной алчности, а также системе обесценения бумажных денег? Можно ли считать, что смягчается преследование и угнетение народа, когда народ Парижа совсем недавно довели до последней крайности, нанесли ему смертельный удар, решив отнять у него те три четверти фунта хлеба в день и полфунта мяса раз в пять дней, которые в свое время в виде оскорбительной благотворительности соблаговолили даровать каждому из нас, чтобы мы не умерли с голоду! Теперь этот скудный паек соглашаются предоставить лишь самым неимущим. Увы! при нашем режиме неимущими стали все, кроме горстки спекулянтов и мошенников, которым правительство покровительствует. Но при составлении нового списка для оказания благотворительности число неимущих окажется, конечно, весьма незначительным.

Что же ожидает нас в результате последних выдумок народоубийственного ожесточения? Природа! хвала тебе, если это именно они подвели нас к точке, откуда мы можем только непрестанно катиться под откос. О Свобода! Какие времена!.. Я не могу думать об этом без самой горькой скорби. А какой была бы скорбь друга Родины, видевшего на заре того рокового дня Свободу в момент ее торжества, если бы он заснул тогда, а проснулся бы сегодня? Друэ! Я уже взывал к тебе! Твоя история как раз подобна этой[90]. Чего бы ты ни испытал, окажись теперь посреди нас? Сколько сравнений мог бы ты сделать между тем, чем мы были, когда ты покинул нас, и тем, чем мы стали ныне. Возвращаясь к нам, ты, должно быть, чувствовал себя свалившимся с неба. Где они, самые прославленные, самые добродетельные, самые пылкие деятели революции? что сталось с благодетельными демократическими законами, которые были приняты благодаря им? где те формы жизни, те народные нравы, которые сложились при них? кто заметит теперь следы того трогательного равенства, того всеобщего счастья, которые таким чистым блеском светились в глазах восхищенного народа? что стало с республиканской моралью? где многочисленные семена самых чистых добродетелей? куда девалась всеобщая энергия, сулившая несравненное будущее рождающейся республике? этот кодекс плебеев, эти подлинные Права Человека, где, в какой могиле похоронены они? и что это за новое здание феодализма, воздвигнутое на их месте? что за пережившие самих себя люди поддерживают его? Что это? обычаи рыцарских времен? воскрешение древних предрассудков? кичливое выставление напоказ роскоши и общественных различий? презрение и равнодушие, потоками обрушенные на головы массы граждан? самый возмутительный деспотизм, бесстыдный эгоизм тех, кто правит! их

нежная любовь к одному только классу богачей! их губительное покровительство этому классу, помогающее ему обирать полезные классы! бесстыдно развращенные законы, ставшие ненавистным орудием самого ожесточенного разбоя... Но каково же посреди всех этих руин положение народа? Боги! Он умирает с голоду! он гибнет вследствие всевозможных лишений! И это бедственное положение еще называют Республикой? Чудовища! Вы, кто так изуродовал, сделал столь неузнаваемой нашу прекрасную страну, перестаньте по крайней мере кощунствовать... не присваивайте ей имени, которого она больше не заслуживает, после того как вы, распространив повсюду свое тлетворное влияние, все в ней разложили и извратили!.. Республика! существует ли она там, где я вижу беспримерное горе? где я вижу торжество всевозможных преступлений? где я вижу прежнюю тиранию, только под другим именем? Что же я свершил, помогая свергнуть тирана? О, ничего, раз на его место пришли новые, еще более злобные и безжалостные!.. О добродетель! О справедливость! О свобода! О всеобщее счастье! Быть может, вы, хочется мне воскликнуть, на самом деле тоже лишь пустой звук?..

Вот каковы, по моему мнению, должны быть печальные мысли того, кто вернулся на эту несчастную землю после изгнания, длившегося весь период мрачной контрреволюции...

Но в заключение утешимся же, как мы привыкли это делать. Под грудой страшных обломков, адских развалин постараемся разглядеть, как прорастает и величественно развивается древо Равенства! Да, мы заметим его бросающийся в глаза рост вопреки патрицианским варварам, глупым рутинерам и всем врагам человеческого рода. Ежедневно оно станет крепнуть у них на глазах, чтобы затем наказать их за длительные преступные попытки задушить его ранние побеги. Люди-братья, дорогие Равные, устремляйтесь сюда! Смотрите, как оно растет и набирает силу на глазах. Его корни укрепляются во всех концах Республики. Пусть ширится и крепнет наша пропаганда. Мы сейчас покажем, что мы укрепились уже на земле *Мозеля*, *Монблана*, *Па-де-Кале*, *Ла-Манша*, *Вара*, в *Западной армии*, *Альпийской армии*, *Рейнской* и *Мозельской армии* и в *Париже*.

МОЗЕЛЬ. *Письмо Трибуну*. «Демократия или смерть. — Было бы очень хорошо, если бы все искренние друзья Республики узнали твои идеи, твои принципы, мораль, которую ты проповедуешь. Ничего! еще немного — и голос Оратора, патриота и демократа, прозвучит на весь мир, возвестив торжество свободы, *всеобщее счастье*».

Еще одно. «Подлинное равенство, свобода, *всеобщее счастье*!» Накопец-то сегодня вечером, 5 плювиоза, в демократическом кружке были провозглашены основные принципы и утверждены нужные мероприятия. Постановление содержит среди прочих и такие положения: «Повиновение законам и подчинение

плебеев правительству при условии, что оно пойдет по демократическому пути. Ненависть к королевской власти и патрициату. Преданность делу всеобщего счастья». Но вот что стараются внушить здесь коварные интриганы: Будто бы слова твои справедливы, ты прав во всем, но учение твое неосуществимо[15*].

[15*] В настоящее время это излюбленный конек врагов подлинного Равенства. Когда мы начинали открыто проповедовать эту теорию, они, по-видимому, вообразили себе, что это не более как бесплодное философствование, а следовательно, самое правильное вовсе не пускаться в рассуждения по такому деликатному вопросу. Но, увидев, что мы всерьез обсуждаем ее, поняв также, что она привлекает всеобщее горячее внимание, они тоже были вынуждены вмешаться. Кажется, мы довольно убедительно изложили основу наших взглядов; во всяком случае, никто из наших противников не взялся их опровергать. Однако они возмещают неудачу вопросом об их осуществлении. Последнее невозможно, утверждают они; это означает, что природе, в одинаковой мере наделившей все виды животных средствами процветать и благоденствовать, суждено видеть, как все они этим пользуются, и лишь один-единственный вид животных, называемый человеком, ей сопротивляется. Это означает, что одному только ему надлежит безоговорочно отвергнуть мудрую волю природы, спабдившей необходимым и достаточным всех без исключения представителей этого вида живых существ. Это означает, что весь разум, которым нас одарила природа и который мы оцениваем значительно выше, чем разум всех прочих живых существ, не способен сделать нас столь же мудрыми, как они, и создать такой порядок, чтобы обжоры не могли бы захватывать себе доли большинства стада. Это означает, что большинство обречено на голод, на скудную и несчастную жизнь; что счастье, равно уготованное природой для всех, навсегда похищено меньшинством, захватившим высшую власть. Мелкие твари! разве вы не такие же создания, вышедшие из рук природы? Тогда что же это за вечное желание воспарить над нею? Вы еще раз окажетесь лжецами. Воля природы свершится. Режим Равенства вполне осуществим, хотите вы этого или нет. И мы предупреждаем народ, что на некоторое время уединимся, чтобы выработать тому доказательства. Итак, демократы не должны тревожиться за нас, если в течение какого-то времени мы не будем подавать признаков жизни. Причина тому то, что мы приступим в тиши к разработке плана осуществления этого благодетельного режима. Мы появимся вновь и перед глазами всех друзей справедливости и добродетели развернем наш план, блестящий и чарующий. И мы принудим всех порочных сторонников губительного неравенства отречься от их притворного неверия и не смущать более простые умы своим фальшивым скептицизмом, потому что мы заранее гарантируем самое убедительное доказательство легкой выполнимости замыслов природы. Что тогда останется говорить хулителям практической системы Равенства? Уже вынужденные признать справедливость самого принципа, что смогут они сказать, увидя ясное свидетельство, сколь менее усложнена эта система, сколь она доступнее пониманию и проще в осуществлении, чем тот антиобщественный механизм, в соответствии с которым мы ныне управляемся и который требует почти столько же приводных ремней, сколько у нас семейств? Что останется им говорить, когда большинство, с неизбежностью признав собственную выгоду в новом режиме, присоединится к восклицанию Мабли[91]: «Мы не только далеки от взгляда на состояние общности как на неосуществимую химеру, но нам трудно понять, как могли люди прийти к установлению частной собственности?» — Принципы законов, книга 1-я, глава 3-я.

МОНБЛАН. «Равенство, добродетель, свобода! Здесь читают твои номера с невыразимым увлечением и удовольствием. Мы питаем наши сердца принципами, которыми ты вдохновлен. Только тебе, Гракх, дано излагать эти великие истины, бросающие в дрожь врагов народа. Никакой другой писатель пока не проявил того подлинно республиканского характера, который подрывает устои аристократизма всюду, где они обнаруживаются. Поэтому у нас все плебеи рассчитывают на тебя, на твое энергичное и искреннее перо, на твою неизменную преданность вечным принципам, чтобы поднять общественное мнение, отвоевать права народа, разоблачить его врагов и наконец восстановить Демократическую Республику».

ПА-ДЕ-КАЛЕ. — «Ты созываешь, Трибун, в своем 39-м номере на стр. 208 всех Равных 92 года и обязуешься во имя наставления всех твоих братьев, для их ободрения и их просвещения, для самого широкого распространения твоих священных догм, для устрашения всех врагов всеобщего счастья сообщать обо всем, что может послужить свидетельством принятия твоего учения, укрепления рядов твоих последователей, роста священной лиги... Мы посылаем тебе для включения в анналы Равенства два напечатанных документа, которые докажут тебе, что уже во II году Республики твоя религия была знакома нам. Истинные патриоты ничуть в том не изменились; и если этот культ не проповедовался открыто, он жил в сердцах и дожидался такого отважного, как ты, пророка, чтобы воздать ему все то высочайшее уважение, которого он заслуживает. В ожидании более значительных даров благоволи положить на свой алтарь вот эти первые плоды:

Выписка из мнения Ж. Б. Дешана, высказанного в народном обществе Сен-Омера, 16 прериаля II года... «Что ответите вы вашим братьям, если, вернувшись с границ, они спросят у вас, где земля, которую они завоевали для себя своей доблестью? Что вы ответите им, если они упрекнут вас за то, что вы заглушили голоса патриотов, высказывавшихся в их пользу? и объявили их контрреволюционерами? За то, что вы не поддержали благодетельных намерений Конвента и воспрепятствовали законам, предусматривающим защиту интересов солдат? Как! — скажет кому-нибудь из вас любой из этих доблестных воинов. — Мы сохранили для тебя твое имущество, а ты у нас отнял наше? разве поле, которым ты владеешь, не окрашено моей кровью? а вот на этом не я ли убил варвара, намеревавшегося умертвить тебя? И что ж? За то, что я сражался за тебя, ты обо мне позабыл! Но и мой отец, и моя жена, и мои дети, и слух о моих подвигах — все это разве не заставляло тебя вспомнить обо мне? И за то, что я старался завоевать для тебя независимость, ты собирался превратить меня в раба? Ты хочешь, чтобы и я, и мои дети стали твоими данниками? Ты хочешь,

Чтобы мы влачили в зависимости от тебя жалкое существование? Ты хочешь лишить нас права собственности, самого прекрасного из всех прав, коими обладает республиканец, поскольку оно служит залогом его независимости?» [16*]

[16*] Как подобает такая речь нашим солдатам в настоящий момент! Удивительно, что они еще не говорят в один голос то же самое!.. Спасители Республики! Неужели вашей неустрашимости и храбрости хватает лишь для победоносной борьбы с миллионами наемников нашего общего внешнего врага? Откуда берутся это бессилие и это видимое равнодушие к внутренним врагам, в тысячу раз более омерзительным, чем первые? Разве вы не замечаете, как осуществляется то печальное предвидение свободного человека 92 года, которое мы только что процитировали? Не закрываете ли вы глаза и на проницательное предостережение одного из ваших лучших друзей, уничтоженных в страшный день Термидора? Сен-Жюст сказал вам 8 плювиоза II года [92]: «Не для того ли народ проливает на границах свою кровь и каждая семья оплакивает своих детей, чтобы оберегать владения тиранов народа?» Он предвидел все, этот герой, этот достойный мученик Равенства. Казалось, в предстоящих днях он читал вашу беззаботность к собственным интересам, к интересам всех угнетенных. Прислушайтесь к нему, прислушайтесь к его добродетельным сотоварищам по славе и несчастью. Из глубины своих могил они кричат вам: «Солдаты народа! Ради кого и ради чего сражались вы? Ради чего и ради кого столько ваших мужественных товарищей доблестно погибали бок о бок с вами? Ради утверждения Республики захватчиков и спекулянтов, Республики кучки угнетателей? Ради того чтобы, вернувшись, мучиться от голода и нищеты под их ярмом? Ради того, чтобы уже сейчас, пока вы еще находитесь под ружьем, испытывать тяжкие страдания в воинских лагерях? Что говорить! Те из вас, кто избегнет смерти в боях, огня и железа, тягот и болезней, вернутся израненными, изувеченными лишь для того, чтобы среди бессовестных людей, накипи Республики, влачить жалкое и беспомощное существование, задавленное гнетом тяжелых страданий! Нет, вы не опуститесь до подобной трусости! Герои, приводившие в трепет Европу и всех королей мира, не согласятся терпеть в награду за их подвиги унижение и нищету, свою и своих сограждан, своих отцов и детей, всех своих семейств! Те, кто не боялся громов Вселенной, объединившейся против их свободы и счастья, тем более не склонятся в своей стране перед жалкой горсткой людей, вся сила которых заключается в их испорченности. Дети Равенства! приостановите на мгновение свои славные битвы против чужеземных врагов!.. По примеру римлян откажитесь с ними сражаться, пока не разобьете врага, стоящего рядом с вами. Обратите свое неизменно победоносное оружие против тех, кто внутри страны столько сделал для вашего порабощения! Обратитесь к Дюбуа-Крансе. Потребуйте у него выполнения закона, гарантом которого он сделался, пожелав стать его докладчиком; или лучше обратитесь сразу ко всему национальному представительству, обратитесь к самой нации, которая вся целиком так охотно приняла справедливый и памятный декрет от 23 февраля 93 года, гарантировавший всем вам пенсии, пропорциональные числу лет, проведенных каждым из вас в битвах за свободу! Спросите сенаторов, где те имущества эмигрантов на сумму в 400 млн., которые они предназначали для обеспечения этого священного долга!.. [*Подстрочное примечание Бабефа:* Последующий декрет того же года предназначал в обеспечение 1 млрд.]. Мужественные воины! Скажите им так: 400 млн. 93 года означают ровным счетом 40 млрд. в 96. Вот, следовательно, каков ваш долг нам. Эта сумма превосходит общую стоимость ассигнатов, пущенных вами в обращение. Следовательно,

Мнение Тулота[93], **высказанное на том же заседании.** Всякий деспотизм мне ненавистен. Любой человек, стремящийся к богатству, мне подозрителен. Он препятствие на пути демократического правительства. Он умеет льстить народу, но не может любить его. Он задыхается от избытка и излишеств, в то время как добродетельный человек, работая на своем поле, лишен необходимого. Стол богача заставлен изысканными блюдами, но он один жалуется на общественную нищету. Бесстрастными глазами взирает он на положение несчастных, на тяготы угнетенных. Он глух к голосу сирот, и если одной рукой он предоставляет помощь молодой вдове, то другой покушается на ее добродетель. Я вовсе не считаю его дары благодеянием: лишь показное хвастовство раскрывает его бумажник. Он ценит то, чем обладает, лишь поскольку другие этого лишены. И если бы вдруг не осталось несчастных, он был бы недоволен. Он неизбежно сам развращен и развращает других; и общество еще ни разу не потребовало, чтобы праздные богачи были заклеймены позором!.. Народ, я предоставляю тебе решить: *предпочтешь ли ты тех, кто хочет, чтобы муки нищеты облегчались богачами, тем, кто пускает в ход все поли-*

наш кредит превосходит достояние государственной казны, и государству нечем расплатиться с нами, даже если бы у него не было никаких иных обязательств, кроме этого. Как же это случилось? О, это нетрудно угадать! Вероломные уполномоченные! Вы обманули общественное доверие, нарушили святость самого торжественного из обязательств великой нации по отношению к своим защитникам, сделав невозможным выполнение условий этого достопамятного договора! Вы подняли святотатственную руку на залог справедливого вознаграждения, обещанного всем, кто самоотверженно посвятил себя делу защиты Родины. Вы передали этот залог в руки изменников и врагов народа, у которых он был столь справедливо отобран; вы его передали им под позорным условием поделиться им с вами! Негодяи! Вот как вы наживались за наш счет! Вот почему теперь оказывается, что общественного достояния не хватает, чтобы покрыть святой долг перед нами, гарантированный нам всем народом! Но чего стоят ваши договоры, чего стоят все ваши частные соглашения с мошенниками, подобными вам! Могут ли они превосходить значением акты, которыми народ берет на себя какие-нибудь обязательства, если он намерен их сдержать? Что ему, как и нам, до вашего преступного возвращения имуществ всем врагам Родины? Кто помешает нам, а вместе с нами и всему народу, ему — со своими пиками, которые он легко сумеет снова взять в руки, нам — с нашими саблями и нашими пушками, пойти и отвоевать то, что нам по праву принадлежит, у трусливых мошенников, готовых разбежаться при нашем первом появлении?..

Солдаты Франции! Вот с какой речью могла бы обратиться к вам из-за гроба тень прославленного мученика плебейской доктрины. Если вы позволите и моему голосу присоединиться к его, то приготовьтесь порой прислушиваться и ко мне. Я обещаю вам, что отныне все мои даже самые обычные слова будут постоянно звучать среди вас, чтобы пробудить ваши сердца, готовые на них отозваться; я буду делать это для того, чтобы в конечном счете победу одержали не наши и ваши враги, а вы и весь народ, частью которого вы являетесь и ради которого вы держите в руках оружие.

тические пружины ради того, чтобы больше не существовало неимущих?.. Нет...»

ЛА-МАНШ. «В нашем краю день ото дня все шире распространяются народные принципы. По мере увеличения опасностей все живее дает себя чувствовать желание пользоваться Святым Равенством... Патриотизм располагает еще множеством сторонников. Нас здесь по меньшей мере две или три сотни отважных патриотов, и значительная часть жителей — также несомненные патриоты... Нужно, чтобы истина, провозглашенная смелыми людьми, распространилась повсеместно. Тогда станет возможным рассчитывать на большинство населения департамента Ла-Манш».

Другое письмо. «Равенство! Братство! Свобода или смерть!.. Мы тебе многим обязаны, дорогой Гракх. И в то время как из многих мест Республики патриоты шлют тебе выражения доверия и уважения, мы оказались бы неблагодарными, если бы не выразили тебе нашей признательности.

Мы читаем сами и с величайшим старанием распространяем номера твоей газеты. Они поднимают дух всех истинных друзей демократии. Их мужество возрастает от твоих сочинений, основанных на принципах вечной и неколебимой истины.

Да, достойный Трибун народа, ты возвращаешь нам все надежды, которые уже были готовы оставить нас. Продолжай свое возвышенное дело вместе со своими мужественными соратниками Антонеллем и Лебуа. Будьте уверены — результат ваших усилий не пропадает, и ваше учение находит многих сторонников в нашей коммуне. Остерегайтесь новых Шарлотт Корде и Волшебников [17*], не теряйте уважения к народу Франции; знайте: он сумеет разбить позорные оковы, которыми его сковали жестокие термидорианцы, и рано или поздно достигнет поставленной цели, т. е. всеобщего счастья.

Приветствие, единство, братство и нерушимая дружба!» Следует лист подписей.

ВАР: Тулон. «Гракх, праздник 30 фримера в память об отвоевании этого города у англичан ничуть не был похож на праздник по случаю годовщины казни Людовика XVI, отчет о котором ты поместил в своем 39-м номере. Его отмечал народ и сопровождала демократическая речь главы муниципальной администрации гражданина Барри. Мы посылаем тебе печатный экземпляр этой речи: от тебя не ускользнут, конечно, многие очень приятные для тебя места, совпадающие с твоими чистыми принципами, а между ними и то, где оратор-магистрат обращается к тем жителям Тулона, замешавшимся в толпу слушателей, которые в свое время приняли участие в измене II года. „А! — сказал он им,— если бы, искренне примкнув к сторонникам и защитни-

---

[17*] *Намек на Мерлена, фамилия которого по-французски пишется так же, как имя волшебника Мерлина, одного из героев средневековых романов цикла Круглого стола.*

кам свободы, вы бы, как и все мы, не замышляли своих потаенных заговоров, не препятствовали бы ходу революции, а помогли бы его ускорить, то триумфальная колесница свободы была бы теперь у цели, к которой направляют ее наши желания и наши усилия. . .“»

Или вот другой отрывок, завершающий эту интересную речь: «Даровав мир всему миру, мы насладимся под знаменами добродетели драгоценными плодами свободы и Равенства; уверенные в нашем суверенитете, усердно пользующиеся своими правами и выполняющие свои обязанности, мы явим восхищенным народам великолепное и трогательное зрелище народа Братьев, увенчанного славой и наслаждающегося полным счастьем».

ЗАПАДНАЯ АРМИЯ. «Ненависть к тиранам! свобода! равенство! — Я страстно жажду узнать, продвигается ли наше дело и скоро ли осуществиться уход на Священную гору. Каждый день промедления... это преступление против суверенитета народа. Чего же медлят? О! если уж в этой битве суждено погибнуть, то лучше умереть, чем по-прежнему носить цепи и прозябать в нищете. Но что я говорю? погибнуть? Это немыслимо. Партия наших угнетателей имеет на своей стороне одних трусов, купленных обещанием денежных наград. А все французы — против них. Все, вплоть до роялистов, готовы дать им хороший пинок.

Во множестве департаментов, дорогой мой Гракх, думают только о том, как применить твои идеи на практике. Я недавно совершил длительную поездку и повсюду видел всеобщее отвращение ко всему, что случилось за последние 18 месяцев. Народ, истерзанный нищетой, преследуемый, униженный классом порядочных людей, восклицает при виде ассигнатов, которых не принимает ни один торговец: „18 месяцев назад это были деньги! Видно, у Робеспьера хватало таланта и заслуг, раз он поддерживал их ценность на должном уровне?“ А потом расценивают по их делам всяких Тальенов, Фреронов, Роверов, победителей Прериаля, и т. д. ... Правда, роялизм, который всегда изворотлив, старается внушить мысль, будто все нынешние лишения коренятся только в одной Революции. Дураки этому верят и воображают, что были бы счастливее под ярмом одного господина. Но масса прекрасно знает: выгоднее снова поставить на ноги Республику, чем вновь возвести на трон тирана. Поэтому, дорогой Трибун, если только удастся разбудить парижан, то за департаменты и особенно за армии я отвечаю. О, за армии — да! да! — я отвечаю за них; кого угодно, но доблестных защитников Родины никто не заставит поверить, будто нынешнее правительство лучшее из всех. Когда они сравнивают уважение, оказываемое им при режиме террора, заботу об их благополучии, проявляемую тогда, благородные цели, которые перед ними ставили, наконец, их моральное состояние в те дни; когда, говорю я, они сравнивают все это с нынешним униженным положением, они готовы в один голос воскликнуть: „Верните нам правление Ро-

беспьера!“ [18*] Действительно, нет ничего более жалкого, чем жизнь военных. Их ассигнаты торговцы не принимают, а звонкой монеты им не хватает даже на табак. За всякий пустяк их позо-

---

[18*] И этот момент, когда у нас, так же как в Риме после гибели Манлия и обоих Гракхов, на всех перекрестках горестно оплакивали убийство славного плебея; и этот момент, говорю я, услужливый проповедник из термидорианской партии специально выбрал для того, чтобы излить потоки желчи и яда на память о бессмертных жертвах этого рокового дня. Человек, которого мы тут имеем в виду, — это Вилен д'Обиньи [94], приобретший громкую известность бывший помощник военного министра. Он составил объемистую брошюру в реакционном духе еще в те времена, когда модно было восхвалять «славную» термидорианскую революцию. Это можно было бы ему еще простить, удовлетворись он лишь этим первым выпуском. Но новое издание, которое он только что распространил в громадном количестве, свидетельствует об особых его намерениях. Очевидно, было желательно отвлечь народ от более чем справедливых слез, проливаемых им над могилами своих лучших и самых верных друзей. Было желательно ввести его в заблуждение, стараясь заставить его сожалеть о Дантоне [95]. Но какое различие между Дантоном, этим покровителем всех ревностных сторонников Республики богачей, и теми, чьи дела и речи дышали только любовью к подлинному народу и к Равенству! Дантон любил Республику на манер своего закадычного друга — мясника Лежандра [96]. Он хотел ее, чтобы посадить революционеров на места принцев и вельмож, чтобы Ренси предоставить Мерлену из Тионвилля, а Мессалину-Конта — вышеупомянутому мяснику. Чем мы хуже д'Артуа и Орлеанов, говорили вслед за своим вождем и промеж себя эти негодяи. Да! — без устали повторял Дантон, — каждому свой черед. Революция — для тех, кто ее совершил. Надо, чтобы революционеры заняли места тех, кого они низвергли; чтобы, подобно им, революционеры имели бы теперь и деньги, и имущество, и земли, и дворцы, и красивых наложниц, и всевозможные наслаждения. Таково ли было учение философа из Арраса? Вспомним его возвышенную речь, произнесенную 17 плювиоза II года; нельзя не увидеть, что он совсем иначе обрисовал цели, стоящие перед Революцией: «М ы х о т и м, — говорил он, — т а к о г о п о р я д к а в е щ е й... когда Отечество обеспечивает благоденствие каждого человека, а к а ж д ы й ч е л о в е к с г о р д о с т ь ю н а с л а ж д а е т с я п р о ц в е т а н и е м и с л а в о й О т е ч е с т в а». И вот такой-то человек, в тот самый момент, когда вся нация целиком осознает свою ошибку по отношению к нему, в которую была так гибельно вовлечена, подвергается нападкам какого-то Вилена д'Обиньи, доверенного лица наших нынешних прожигателей жизни. Какие же обвинения выдвигает он! Какие справедливые упреки может сделать он юному и мудрому Сен-Жюсту, о котором он также всячески злословит! Что выставляет он против того и другого? Жалкое повторение задов все той же злобной клеветы, распространявшейся в ближайшие за Термидором месяцы и, казалось бы, с тех пор совершенно вышедшей из употребления. Прах Робеспьера! Драгоценные останки! Восстаньте и приведите в замешательство жалких клеветников. Впрочем, нет, презрите их, покойся мирно, драгоценный прах! Весь французский народ, которому ты желал счастья и для которого только твой гений сделал больше, чем кто-либо иной, поднимется, чтобы отомстить за тебя.

А вы, автор святотатственного памфлета, привлекшего наше внимание, научитесь лучше уважать память мудреца, друга человеческого рода, великого законодателя! И не оскорбляйте того, кого будет почитать потомство. Вы же, патриоты, кому чуть ли не силой всучили гадкий пасквиль, который я здесь опровергаю, что должны вы сделать с ним? Уверен, что вы, не колеблясь, бросите его в сток нечистот.

рят, осмеивают и отдают под суд. Так пусть же обратятся к солдатам с призывом, и каждая армия станет очагом Республиканской Вандеи». Подписано: Б..... Капитан саперов.

АЛЬПИЙСКАЯ АРМИЯ. «Вспомним, для того чтобы поколебать эту Революцию, потребовались самые мощные удары, и надо будет бить еще сильнее, чтобы ее прикончить... Все патриоты, которые тебя знают, объединятся вокруг тебя во имя всеобщего счастья. Постоянно говори правду... Когда бодрствует порок, добродетель не может спать... Учение о Равенстве поддерживается и распространяется здесь большинством офицеров, отчисленных в результате реформы г-на Обри. Все это люди, покрытые шрамами, преданно служившие Родине с самого 14 июля и в награду за свою преданность посаженные в тюрьмы, попавшие под надзор, уволенные, разжалованные, отчисленные, отрешенные от должности, однако все это стоящие люди; это, говорю я, люди, чьи принципы — твои принципы, люди, прекрасно знающие, какова цель революции, и, когда наступит время, они сумеют сделать все, чтобы обеспечить ей полное торжество».
Подпись: Ф.

РЕЙНСКАЯ И МОЗЕЛЬСКАЯ АРМИЯ. «Истина, равенство, демократия по-прежнему находят здесь многочисленных и горячих сторонников. Их дух крепнет и воспламеняется от трудностей и опасностей и особенно от преступлений аристократии». Подписано: Ж.

ПАРИЖ. Мнение одного Человека[97] о странном процессе, возбужденном против Трибуна народа и против нескольких других писателей-демократов[19*].

«Трибун!

Дело, которое ты отстаиваешь так умно, с таким пылом и отвагой, не ново. Уже 18 веков тому назад мудрый Страбон, невзирая на все суды Тиберия, чьим современником он был, упоминал о той нации, с которой, не зная того, ты сталкиваешься сейчас. Ведь тебе не хватает досуга рыться в библиотеках, книги, по которым ты учишься, — это природа и твое сердце; и они стоят многих других.

Итак, иберийцы Азии, уставшие от преступлений, порожденных неравенством состояний, в один прекрасный день собрались, чтобы предпринять передел их земель. Каждое семейство получило свою долю, соответственно числу рук и ртов, а на глав семей было возложено общественное управление и справедливое распределение плодов земли. Следовательно, твоя, Трибун, возвышенная теория получила частичное применение уже больше двух тысяч лет назад.

Те же иберийцы Азии пришли к этому не сразу. По рассказу Аристотеля, они сначала произвели опыт (De Mirab. auscult., стр. 707. Камю, ко-

---

[19*] Эта статья была уже напечатана без имени автора. Но важные и яркие истины, содержащиеся в ней, доказывают, что принадлежит она перу настоящего Равного. Одного этого признака достаточно, чтобы она была полностью опубликована газетой плебеев. И отнюдь не ради содержащейся в ней, лестной для нас, нашей личной защиты, а ради величественной защиты извечных прав человечества.

торый охотнее занимается переводом Аристотеля, чем разработкой законов, проверит цитату). То же иберийцы издали закон, запрещающий употребление золота и серебра, чем обеспечили себе и внутренний, и внешний мир.

Но и это не все. Николай Дамасский и Стобей (Serm., XXXVII) рассказывают нам о народе, питающемся только молоком, подобно нашим соседям швейцарцам, и из-за этого носившем имя галактофагов; опасаясь порчи нравов, как следствия неравенства состояний, они все сделали общим и обрели благополучие.

И это не все. Тот же Страбон (стр. 296) рассказывает нам об одном скифском племени — он называет его абиены (Abiens), — которое обходилось вообще без всяких конституций; и географ-историк добавляет: «Из всех народов они были самыми справедливыми и самыми счастливыми».

Слова, не сходившие с уст афинского законодателя Солона, стоившего всех Сиейесов и Буасси д'Англа, гласили: Друзья! Равенство никогда не породит войны.

Почти что все города великой Греции, принявшие на какое-то время принципы Равенства, проповедуемые и внедряемые знаменитой италийской сектой Кротона, были и счастливы, и мудры, пока сохраняли верность этому возвышенному учению.

Ямвлих, хотя и следовал учению философской школы, известной своими метафизическими абстракциями, на деле не признавал правительства; напротив, он хотел строжайшего и подлинного равенства, которое не было бы фиктивным или ложным: „Ergo pares non fictam aecquabilitatem", — писал он в главе XVI.

Древность, не будучи в общем более последовательной в проведении своих принципов, чем люди нашего времени, умела по крайней мере быть более терпимой. Аристотель ни разу не привлекался к ответственности за сочувственные отзывы об азиатских иберийцах, а Тиберий никогда не вынуждал Страбона скрываться из-за его похвал практической демократии абиенов.

Французская Директория, не пользующаяся, как видно, большим с твоей стороны уважением, все же приходит к единению с тобой, несмотря на дистанцию, отделяющую ее блестящую резиденцию от погреба, где скрываешься ты. Борясь, по-видимому, только с тобой самим, она осуществляет твои планы. Принудительный заем мог бы быть расценен как предварительный опыт твоего Манифеста. Придираясь к каждому твоему слову, принимают по крайней мере твои предложения. Крупные состояния урезаются республиканской косой. Остается лишь узнать, совпадают ли ваши намерения и цели. В этом я сомневаюсь.

Но хватит учености и шуток, пора перейти к вопросам разума и справедливости. Пора обратиться к ним, несмотря на тысячелетия и народы, не знавшие их.

Нет! Трибун! Кровь 3 млн. человек лилась не напрасно на протяжении шести лет. Самая замечательная из всех политических революций свершилась отнюдь не для того, чтобы вернуть нас в точно такое же положение, в каком мы находились до нее. Святое слово Равенство прозвучало не зря. Права человека долгое время оставались лишь фикцией закона, призванной произвести впечатление на народ, наподобие костюмов Директории и двух Советов, как выразился г-н Шенье, заслуживающий кары, на которую в древнем Марселе обрекали скверных поэтов. Да! Трибун! Прикажи г-ну Шенье собственным языком стереть свои слова, отмеченные нами выше.

Возбудить уголовный процесс[98] против Трибуна и Друга народа, против Газеты свободных людей за то, что они снова провозгласили старую истину: солнце светит для всех!.. Потомство не захочет поверить подобному. Оно поверит, если ему скажут, что речь шла не о солнце — о земле. Никто не станет оспаривать общих прав на солнечный свет, потому что нет ни Конституции, ни законов, способных

отнять у кого-нибудь это общее достояние, находящееся за пределами власти патрицианской касты. Однако Революция не может быть осуществлена, пока все люди не будут делить между собой плоды земли так же, как разделяют они солнечные лучи.

Жил некогда один добрый отец семейства, который повторял на всех перекрестках: солнце светит для всех. Сначала мудрец этот слыл за сумасшедшего. Дальнейшее показало, что он им не был. Начали с насмешек — кончили страхом перед ним. Умники из национального института страны повторяли, пожимая плечами: солнце светит для всех! Кто же станет это отрицать? Кто этого не знает! — Богачи шептали: что солнце светит и для нас, и для наших слуг — в добрый час... лишь бы только одно солнце оставалось общим и для раба, и для господина.

Ни сенат города, ни правительство не принимали никаких мер против нашего мудреца. Но однажды некий Сеньер поднялся на трибуну патрициев и заявил: Какой-то человек бродит по городу, твердя всем, кто соглашается его слушать: солнце светит для всех. Уважаемые коллеги! Несомненно, эта мысль столь же ясна, как то светило, которое она имеет в виду; но она может получить опасное применение. Вызовем мудреца и намылим ему шею.

Я отнюдь не разделяю такого мнения, — сказал один седеющий законодатель. — Мы связали спящего слона — горе нам, когда он проснется. Народ не замечает тайного смысла изречения, о котором здесь идет речь. Тем лучше. Остережемся привлечь к нему внимание и заставить народ задуматься над столь деликатной проблемой.

Но разве у нас, — ответил другой, еще безбородый законодатель, — мало пушек, чтобы заткнуть рты толпе? Немедленно и как можно строже накажем нашего мудреца, чтобы внушить страх черни.

Почтенный отец семейства, действительно, был арестован. Его допрашивали при закрытых дверях. Что подразумеваете вы под словами: солнце светит для всех?

Я буду отвечать, — отозвался арестованный, — только в присутствии солнца и народа.

Закон был на его стороне; пришлось выполнить желание обвиняемого. Трибунал собрался на открытом месте.

Тогда обвиняемый громогласно сказал: Целый год я твержу всем, у кого есть уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть: Да! Солнце светит для всех: О вы, подобные мне, равные мне! Нужно ли вам говорить все? Есть ли нужда добавлять: а земля не принадлежит никому. Командир, отдающий приказы, владеет ею не в большей мере, чем простой солдат, который этим приказам повинуется...

Его немногие слова были подобны озарению: Равенство! — раздались крики со всех сторон, — подлинное равенство!

Трибун! Мы уже знакомы с твоим прекрасным Манифестом. Истинный Оратор народа прочел его вслух, и Революция была завершена. Всех несогласных выпроводили вон. Со следующего дня земля, как и солнце, стала общей и не принадлежала никому; и лишь ее плоды в равных количествах были переданы в руки отцов семейств.

Увы! Это всего-навсего притча, равно как и твой Манифест не больше как проект универсального закона. Но с чего-то же надо начинать. Вековой дуб, господствующий над лесом, триста лет назад был всего лишь жалким желудем, которым пренебрегла бы и свинья, если бы не была голодна.

К тому же, нужны ли длинные рассуждения, чтобы понять всю истинность, всю глубину и всю важность тех трех принципов, к которым сводится твой текст:

Отнять у владеющего избытком, чтобы отдать не владеющему ничем.

Цель общества — всеобщее счастье.

Плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому.

На этом тройном основании, на этом краеугольном камне покоится святой Ковчег Равенства как в правах, так и на деле. Мэр Арля обсудил каждый элемент этих истин так, что ни одного возражения не оставил без сокрушающего ответа. Его сочинения, весьма убедительные, имели один недостаток: они не были доступны достаточно большому числу читателей. Те, что лучше всего их поймут, это как раз люди, которые меньше всего способны исправиться. И все-таки я отсылаю их к Газете свободных людей, содержащей эти серьезные сочинения.

Трибун! я опять возвращаюсь к моей притче, чтобы меня услышали все. Зачем тебя не было в Париже в 1789 году! Следующий за 14 июля день был бы еще прекраснее, если бы кто-нибудь отважился возгласить голосом свободного человека: Братья! Только сегодня мы можем сказать: солнце светит для всех.

В то время как собравшееся третье сословие нечистыми устами Мирабо красноречиво воссылало Людовику XVI сетования на его янычар и просьбы отозвать их, — Народ сокрушал Бастилию; в то время как г-н аббат Сиейес и монсеньер епископ Отенский шлифовали Права Человека, — Народ, если бы им руководил Трибун, не похожий на Бонвилля, сумел бы без единого выстрела осуществить то, что г-н Труве, один из учеников г-на аббата Сиейеса, называл химерой. Трибун! Почему ты не исполнял тогда эту должность, почему у нас не было твоего Манифеста! Граждане, в полной мере осознававшие тогда все свои права и ощущавшие всю свою силу, в течение трех дней могли бы создать эту чистую демократию, это совершенное Равенство — предмет твоих вожделений и горе честных, но бездеятельных душ. Народ мог бы начать с Версальского дворца, ставшего потом ареной событий и не столь прекрасных, и не столь полезных для народа. Трех дней хватило бы, чтобы избавить страну от всех войн, от всех преступлений, от всех бедствий, последовавших за первым движением, использовать которое Париж не сумел, а злой гений успел нейтрализовать. К чему ведут самые страшные потрясения? Да! Трибун! Если бы 15 июля посреди дымящихся руин разрушенной Бастилии, ты, и мэр Арля, и автор Газеты свободных людей, и автор нового Друга народа, и другие граждане, близкие вам по духу, воспитанные гением Ликурга и Ж.-Ж. Руссо, если бы вы тогда объединились ради прекрасного дела, за которое вы ныне выступаете с таким пылом! Оно было бы совершено! И у нас не было бы тогда ни конституций 1791, 1793 и 1795 годов, ни Конвента, ни двух Советов, ни Директории, ни прочих редкостных выдумок подобного же рода. Тогда бы, и посейчас, и вовеки веков мы представляли бы изумленному миру зрелище единой семьи из 20 млн. человек, одинаково равных, одинаково мудрых, одинаково счастливых; мы разработали бы законы Ликурга так, как они были задуманы этим великим человеком, а не так, как осуществили их после его смерти.

Трибун! Ты подводишь фундамент под прекрасное здание, столь долго существовавшее лишь в наброске проекта. Отважной и смелой рукой ты закладываешь опоры, или, лучше сказать, ты очищаешь их от отбросов, которые за столько веков и даже в совсем недавнее время скопились на основаниях, заложенных самой природой. Продолжай свое дело, возвышенное и почтенное, тяжелое и опасное. И если ты нуждаешься в поддержке и ободрении, рассчитывай на сочувствие множества честных душ.

Следуй своим путем и не распыляй сил, отвечая кучке мелких противников, которые цепляются к тебе. Привлеченный к суду, ты признаешь благой и высокий проступок, который ставят тебе в вину! Какое прекрасное преступление — заговор ради общего счастья! Как сладостно и почетно принять обвинение в анархизме и устройстве смут, когда черпаешь из того же источника, откуда черпали Ликург, Солон, оба Брута, оба Гракха и Ж.-Ж. Руссо. Ты взываешь к энергичным людям; ты предлагаешь им вмешаться в этот громкий процесс. Но у тебя нет нужды в этом. Каких это суровых противников тебе предстоит опровергать? Какого-то г-на Труве, какого-то аббата Сиейеса, какого-то г-на Женгене? Не трать времени на ответ им. Скажи им одно: пигмеи, считающие

себя великими, потому что вскарабкались на кучи исписанной вами бумаги! И вы, новейшие законодатели, являющиеся всего лишь законоведами! И вы, правители, не умеющие управлять самими собой! Падите во прах, со всей вашей смехотворной заносчивостью, едва ваши ослиные уши поразят имена Ликурга и Ж.-Ж. Руссо! Двух Брутов и двух Гракхов! К земле! Ползите по колеям, проложенным колесами кареты Исполнительной Директории.

Не марай страниц твоей газеты именами этих продажных журналистов, старающихся за плату заставить народ думать, будто солнце светит не для всех.

Все эти господа думают, будто они чего-то стоят, потому только, что играют роль современных Тарквиниев. Но есть ли среди них хоть один Валерий Публикола? Трибун! Облей равной долей презрения и короля из Вероны, и эмигрантов с Киберона, и правителя Иль-Дьё, и правителей Иль-де-Франса. Все они одинаково далеки от срединной точки, от того прямого пути, который ведет к подлинному Равенству и всеобщему счастью.

Откажись также от всяких предпочтений, от всяких предубеждений. Ты справедливо хулишь тех, кто, заседая в Пантеоне, поклялся в верности конституции 1795 года. Но Конституция самого Эро де Сешеля[99] была лишь чуть демократичнее хартии Буасси д'Англа. Идеи и той и другой ровно ничего не дали бы тебе для составления твоего прекрасного Манифеста. Природа и собственное сердце тебя обогащают, несомненно, куда более, нежели все права человека и гражданина, выработанные лицемерами и невеждами. Иди только под собственным знаменем*.

---

* Весь этот отрывок выдержан в духе самых строгих принципов. Но в настоящий момент для многих это, быть может, слишком острая пища, которую нелегко переварить. Демократы отнюдь не любят неуважительного тона по отношению к Конституции 93 года, на которую, впрочем, они не смотрят как на творение одного лишь Эро де Сешеля. Полностью соглашаясь с автором «Мнения», что этот кодекс и не устанавливал, и не гарантировал еще наивысшей степени общественного благоденствия, следует тем не менее признать, что он был крупным шагом на пути к нему. Это было то твердое основание, тот краеугольный камень, который уже заключал в себе план построения идеального здания Равенства: все составные части этого здания, все возможности усовершенствования содержались и указывались в этом проекте; и именно потому, что наши враги это ясно видели, они были готовы на любые жертвы, лишь бы уничтожить его. В замысле этого прекрасного творения можно увидеть воплощение того великого, смелого и человеколюбивого намерения, которое Максимилиан Робеспьер издавна питал в своей душе. В одном из номеров своей бесценной газеты он осуждает Солона, создавшего для народа «всего-навсего наименее плохие из законов, с тем чтобы они могли быть приняты народом, которому он предназначал их»; и он добавляет, что «истинные законодатели отнюдь не должны приспосабливать своих законов к испорченным нравам народа, которому они дают их; что, напротив, они должны уметь посредством законов поднять нравственность народа: сначала создать законы на основе справедливости и добродетели, а затем суметь преодолеть все трудности и заставить людей их принять». Это намерение, повторяю, можно увидеть в Конституции 93 года, принципы которой, даже в дни ее обнародования, были во много раз чище принципов самого народа Франции, ее одобрившего. Однако составители этой хартии не осуществили в полной мере упомянутую мысль Робеспьера. Несомненно, они поступили так из чистой осторожности, считая более надежным подходить к вершинам справедливости постепенно. Но я уверен, что именно к этому они стремились всей душой, и я никогда не соглашусь считать их «невеждами» или «лицемерами». Их продвижение маленькими шажками могло бы оказаться совсем не таким плохим. Они продвинулись уже далеко. Правда, у их врагов оказалось достаточно времени, чтобы присмотреться к тому, куда они идут, и перерезать им дорогу. Но можно ли ручаться, когда гонишь свою карету во весь опор, что не слетишь вместе с нею в пропасть?

Говорить с народом о его нищете — это тактика, недостойная твоего гения, Трибун! Сейчас используются все средства, принимаются все меры, чтобы дать массам немного больше хлеба. Добившись этого, правители совершенно успокоятся: управляемые ничего более от них не потребуют.

Людям нужен не один только хлеб. Равенство на деле — их первейшая потребность, и только бессмысленные существа могут обходиться без него. Трибун! Тебе предстоит поддержать во всех сердцах эту первую потребность свободного человека — полноту Равенства.

Ты хвалишь членов Исполнительной Директории за разрешение петь одни песни, а не другие. Такие мелкие полицейские уступки не должны бы тебя занимать, даже доходить до тебя. Неужели все наше дело сводится лишь к песням?

Ты поставил им в пример Агиса. Подожди же, пока они последуют этому примеру, — тебе долго придется ждать. Оставь это! пятеро наших директоров, как и остальные наши правители, обладают лишь посредственными душами и вульгарным разумом. Они и не чувствуют возвышенности роли, которую ты им предлагаешь. Согласятся ли подлинные демократы разместиться во дворце, когда у их братьев нет над головой простой соломенной кровли? Поистине не знаешь, чего здесь больше — смешного или возмутительного. Предоставим их самим себе, да их льстецам, еще более низким, чем они сами. Они хотят Республики для себя: так царедворцы и роялисты хотят восстановления трона, чтобы под его сенью творить свои гнусности.

Отвернись с презрением и от тех, и от других! Не унижай людей, которые сами себя достаточно унизили. Не принимай против них никаких мер предосторожности. Если они окажутся сильнее, подчинись закону, позволяющему волку пожирать ягненка. Но помни, что вечные правила справедливости и равенства с тобой не погибнут. Твоя семья и твои друзья отомстят за тебя.

Итак, продолжай осуществлять свою миссию, прекраснейшую из всех, какие можно себе представить. Призывай людей к всеобщему счастью!

Увы! Мы еще далеки от него. Наша Великая революция на одно мгновение дала нам прикоснуться к нему. Явился злой гений и отдалил нас от правильных принципов. Наша отчизна на короткий миг подня-

---

Не станем оскорблять тех, кто стремился к благу, но рассчитывал достичь его отличным от нашего путем. Когда Мишель Лепелетье предложил свой план общественного воспитания, он тоже стремился к равенству. К нему же стремился и Робеспьер, когда 21 апреля 1793 г. в Клубе якобинцев был награжден аплодисментами и заслуженно горячими приветствиями подлинного народа, после того как представил там свою Декларацию прав человека, где собственность определялась как «право каждого гражданина пользоваться тою долею имущества, которая гарантирована ему законом; это право ограничивается обязанностью уважать права всех других сограждан и не наносить ущерба их безопасности, их свободе, их СУЩЕСТВОВАНИЮ и их СОБСТВЕННОСТИ» [100]. Это определение было моим Манифестом и такая формулировка прав человека и гражданина отнюдь не творение лицемера. Этот эпитет может относиться только к тем, кто переиначил подобное определение, подменив его весьма двусмысленной формулой: «Собственность есть право располагать по своему усмотрению плодами своего труда» и т. д. Это было единственное существенное изменение, которое претерпела робеспьеровская Декларация прав; после чего она почти буквально была воспроизведена в начале Конституции 93 года. Разумеется, с таким искажением она уже не была моим Манифестом. Но это не причина, чтобы мне честолюбиво оспаривать у Максимилиана Робеспьера первенство в создании за время революции плана подлинного Равенства, к которому, как доказывают сотни мест из его произведений, он только и стремился. Таков долг справедливости, которую я считаю себя обязанным воздать этому «тирану»; недавно государство велело продать все оставшиеся после него вещи, и цена за них (начиная с плювиоза) достигла 30 тыс. франков бумажными деньгами, т. е. 300 ливров звонкой монетой! ..

лась, чтобы затем рухнуть, обливаясь кровью и покрытая язвами. Бальзам Равенства, только он один может залечить все раны.

Трибун! Ты начинаешь революцию, подготовленную множеством великих людей и древности, и нашего времени. На твоей стороне мнение лучшей части человечества. Против тебя продажные души и злонамеренные умы. Справа от себя ты можешь постоянно созерцать Ликурга, обоих Брутов, обоих Гракхов, Мабли, Ж.-Ж. Руссо и множество других возвышенных умов. Налево — вряд ли ты снизойдешь до того, чтобы разглядеть призраков монархии и пиявок Республики, наемных газетчиков и правителей, которые, подобно авгурам Цицерона, не могут, видя один другого, удержаться от смеха над собственным блестящим маскарадом; это — актеры, нанятые для увеселения черни. Отстрани от себя всю эту наглую нечисть и иди к Равенству прямым путем! Изобрази все его привлекательные черты! Скажи гражданам, что они не могут льстить себя надеждой добиться счастья посредством какой-либо крайности: ведь крайности сходятся. В самом деле, монархия Людовика XVI и республика Буасси д'Англа имеют не одну точку соприкосновения. Они совершенно схожи в том, что при одной из них мы не стали ни свободнее, ни рассудительнее, ни добродетельнее, ни счастливее, чем при другой. Только названия поменялись; ради этого не стоило производить столько шума, лить столько крови, разорять столько земель. Прибавь, что средство против нового беспорядка — отнюдь не в возвращении к старому; такое попятное движение оказалось бы во много раз хуже того, что произошло. Скажи им, что этот роковой опыт, возможно, был бы небесполезен, чтобы показать нам полную негодность обоих режимов, и монархического, и аристократически-республиканского, — для мыслящих существ, для свободных людей. Это хороший повод заговорить с ними о чистой демократии или о совершенном Равенстве, одинаково ненавистном как Высокой Порте, так и Венецианской инквизиции. Посвяти все страницы своего Трибуна подробному изложению идей твоего возвышенного Манифеста. Терпеливо возводи Храм Равенства между неуклюжим сооружением Конституции и обломками трона! Тысячи ничтожных насекомых станут жужжать вокруг тебя. Злые гарпии отравят воздух своим зловонием. Но дыхание разума восстановит справедливость, невзирая на все газеты и все постановления об аресте.

Трибун! По моему мнению, нет ничего более жалкого, более смешного, более возмутительного, одним словом, более схожего с монархией, чем та республика, которой недавно клялись в верности на Марсовом поле. Душа Людовика XVI должна ликовать, видя возрождение тех же деспотических и раболепных порядков, которые народ поначалу заставил сгинуть. По моему мнению, не может быть никакой свободы, никакого счастья, никакого спасения вне Равенства! Без него народ будет просто чернью, а республика — тиранией. По моему мнению, революция свелась лишь к низвержению династии Капетов; и народ Франции будет достоин проклятия своих современников и потомства, если, приведя все в движение, принеся в жертву десятки тысяч людей, он, вместо того чтобы своим примером принести освобождение всему человеческому роду, сам не сумеет стать ни свободнее, ни счастливее своих соседей. А ничто, кроме господства Равенства, не сможет предотвратить установления тирании. Ничтожества, рожденные в придворной клоаке, не радуйтесь раньше времени, слыша подобные речи демократов. Вы улыбались, читая в «Moniteur», будто бы Равенство — это химера. Вы рукоплескали вероломным мероприятиям директоров и министров против пылких апостолов Равенства. Гнусные, трусливые роялисты! Поймите же, что Революция не закончена. Знайте, что ежели Равенство — это химера, то друзья Равенства — не призраки, и что те же самые руки, которые сокрушили Бастилию и трон, могут захотеть довести свое дело до конца. Тогда отчаяние охватит вас всех — от г-на Серизи до г-на Труве; от аббата Сиейеса до аббата Понселена; потому что все эти господа относятся к Равенству вполне одинаково. Тогда придется им покориться и снизойти до общего уровня.

ЖЕСТОКОЕ ПОКУШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СВОБОДУ МОЕЙ ЖЕНЫ И НА ЖИЗНЬ МОИХ ДЕТЕЙ

Весь Париж знает уже, весь честный Париж возмущен этим бесчеловечным поступком, антиобщественным и безобразным. Британские газеты заполнены в настоящий момент рассказами о факте, несомненно вопиющем, но не идущем все же ни в какое сравнение с тем, подробности которого я намерен явить Европе. «Джеймс Уелдон[101] (сообщают «Дублинские новости»), обвиненный в том, что был членом общества, называвшего себя клубом защитников, чьи принципы воплощались в пропаганде системы свободы народов и Равенства граждан, только что бдительными стараниями г-на Питта был осужден: его сначала должны повесить, затем полуживого вынуть из петли, вырвать у него внутренности, сжечь их у него на глазах, затем отрубить ему голову, тело его разрубить на четыре части, а потом уже и голову, и тело предоставить в распоряжение короля Георга». Волосы, конечно, встают дыбом у каждого услышавшего это жуткое сообщение, и невольно спрашиваешь себя, может ли французский деспотизм допустить подобные действия. Боги! Его жестокость не похожа на эту, она совсем другого свойства и окрашена иными тонами.

Пусть бы правительство задумало меня наполовину удушить, вырвать мои кишки, сварить их у меня на глазах, отсечь мне голову, затем четвертовать меня, чтобы потом, совершив все это, преподнести мои дымящиеся останки Директории, — это было бы понятно. Все неограниченные правители схожи между собой. Что делает один — все другие тоже считают себя способными сделать. Джеймс Уелдон, Трибун Шотландии, отмечен теми же преступлениями перед тиранией, что и я: он проповедовал Равенство! он заслужил свой жребий от своих законодателей. Я бы не стал жаловаться, если бы мне была уготована та же участь, что и ему; но я жалуюсь на то, что, будучи виновным не более, чем он, я подвергаюсь значительно более суровой каре: чтобы наказать меня, карают членов моей семьи, никогда не принимавших участия в моих преступлениях!

Действительно, из английских газет не видно, чтобы, прежде чем арестовать Джеймса Уелдона, схватили бы его жену; чтобы ее заставили предстать перед мировым судьей, подвергнув самому тяжкому, чрезвычайному допросу, не давая ей есть в течение почти 48 часов; чтобы при помощи подобной жестокости у нее пытались вырвать губительное для матери признание, способное выдать во власть разъяренным угнетателям отца ее детей; чтобы затем бросили ее в тюрьму, решив оставить ее там до тех пор, пока она не отречется от законов природы ради своего благополучия! А тем временем покинули на произвол судьбы, на милость общественной благотворительности ее малолетних детей, слабых и неспособных позаботиться о себе... Нет, ничего подобного не было предпринято против мученика Равенства Джеймса Уелдона.

Душа г-на Питта, сколь бы черствой и злобной ни была она, и то бы дрогнула перед чередой столь жестоких поступков.

Зато французская гуманность сумела свыкнуться с подобными поступками. Все то, о чем я сейчас рассказал, было совершено по отношению ко мне 16 и 17 плювиоза[102].

Для осуществления этого насилия правительство воспользовалось услугами г-на де ла Мэньера, мирового судьи секции Елисейских полей, человека Вандемьера, известного той удалью, которую он проявил во время этих великих событий, когда он, председательствуя в своей секции, прославил свое председательство вот таким великолепным ответом депутации секции Лепелетье: «Секция Елисейских полей, разделяя мнение секции Лепелетье, с удовольствием созерцает агонию этого вероломного Конвента». Две тысячи свидетелей, членов секции Елисейских полей, подтвердят этот факт.

И именно г-н де ла Мэньер 16 плювиоза заставил привести к себе мою жену, оторвав ее от двоих малолетних детей, из которых один был тяжело болен, и, кроме матери, некому было за ним ухаживать. Именно г-н де ла Мэньер не давал потом этой женщине есть до вечера 17 числа. Именно он с помощью такой восхитительной уловки надеялся успешно провести допрос и добыть драгоценное признание о месте, где я укрываюсь. Именно он, убедившись в безрезультатности подобного способа, отправил вечером 17 числа свою жертву в тюрьму Птит-Форс по обвинению в соучастии в заговоре против правительства.

А эта великая заговорщица не умеет ни читать, ни писать!

Все люди доброй воли, сочувствующие мне и возмущенные неслыханным поведением властей, наперебой задают мне многочисленные вопросы: «Что ответила твоя жена на этом оскорбительном и позорном допросе? Что сталось с твоими детьми? Что сталось с тобою самим?» Моя жена, моя сообщница отвечала так, как и следовало отвечать: в духе самого глубокого возмущения и презрения, которые добродетель испытывает к оскорбляющему ее преступлению. Дети мои отнюдь не погибли голодной смертью и не оказались брошенными на произвол судьбы, как тигры того желали: эти невинные создания стали детьми Родины или во всяком случае детьми патриотов: повсюду они нашли себе отцов и матерей. Сам я остаюсь под защитой всех друзей Равенства и Свободы; все теперь оказались моими сообщниками, все стали моей охраной. И я сам, и моя жена, и мои дети — мы с твердостью и терпением дожидаемся конца страданий — не наших (наши мы переносим с гордостью во имя общего прекрасного дела), а страданий всего народа. Мы дожидаемся конца той лихорадочной активности, с какой враги Отчизны копают глубокую яму, чтобы похоронить в ней самих себя.

Общество Пантеона, с тех пор как мы предали публичному позору его проправительственных заправил, стало гораздо лучше по духу. Здесь вновь припомнили старую истину: «Все общество

подвергается угнетению, когда угнетен хоть один из его членов». Правда, несколько интриганов все еще хотели, чтобы члены Пантеона отнесли ко всему Обществу в целом суровые слова, которые я в 39-м номере своей газеты адресовал лишь прислужникам, втершимся в их среду и вводившим в заблуждение неискушенных людей. Пожелание этих подонков не было выполнено, и клуб Пантеон сохранил свое уважение и сочувствие ко мне. Его члены доказали это тотчас после ареста моей жены, объявив сбор и организовав складчину в своей среде, чтобы помочь прославленной заговорщице, находящейся в тюрьме. Я от души благодарю патриотов Пантеона[103] за их братский поступок; не столько за то, что он несколько смягчил страдания жертвы (моя соучастница легко перенесла бы жизнь на хлебе и воде), сколько за убийственную насмешку над действиями правительства, откровенно проявившуюся в этом акте братской солидарности. По таким поступкам двор может судить, насколько его любят и как одобряют его поведение; и по ним же он может увидеть, что люди доброй воли спешат объединиться, дабы облегчить страдания, которые несет с собой его бесчеловечная тирания.

В то время как я стараюсь поразить громом тысячу преступлений, теснящихся на кончике моего негодующего пера, две тысячи новых преступлений следует за первыми, и молний моих слов, поражающих несправедливости, оказывается недостаточно для того, чтобы поразить их все. О, мой 41-й номер! Как бы мне хотелось увидеть твое появление одновременно с этим! Сколько событий не помещается тут, хотя здесь их настоящее место! Чем дальше мы продвигаемся, тем наглее становится угнетение, тем стремительнее влечет оно нас в бездны нищеты и рабства. Какой страшный комментарий сам напрашивается к воззванию Директории от 24 плювиоза, которое, объявляя жителям Парижа о том, что скоро у них не будет хлеба, одновременно старается доказать, что они от этого станут только счастливее! Нет ни единой фразы в этом поистине историческом документе, изложение которой на языке чистой и обнаженной истины не обнаружит не менее четырех низостей в каждой. Затем придет очередь максимума на мясо. Затем будут приняты новые меры, чтобы как можно более ускорить всеобщее разорение; чтобы оказать величайшее покровительство всякого рода спекуляциям и всепоглощающей алчности; чтобы сделать предметы первой необходимости совершенно недоступными для всего класса плебеев; наконец, чтобы привести к окончательному краху республиканские ассигнаты. Затем появится предложение Роже-Мартена (1 вантоза), воскрешающее предложение Буасси д'Англа, направленное против свободы печати, которой ни Директория, ни волшебник Мерлен не могут удержать в достаточно тесных границах для вящего спокойствия «порядочных людей» и всех безупречных служителей народа. Затем... и т. д., множество и т. д. ... Куда все это нас ведет?

Терпение! Может быть, скоро мы это и узнаем. Я говорю не просто терпение, я добавляю — надежда. Да, да! благо стремительно приближается, его породят сами эти крайности. Тираны! у вас нет ни одного друга! вас ненавидят все партии! негодование стало всеобщим! Не надо ждать суда потомства, чтобы увековечить ваши преступления! Современники запечатлевают их в пугающих образах! И делается это еще при вашей жизни и у вас на глазах, несмотря на ваш бесстыдный деспотизм и сотни тысяч ваших инквизиторов. Они приносят нам это первое вознаграждение, дав нам возможность заранее увидеть, какое омерзение будут испытывать к вам все грядущие века! А вы все считаете, что царство ваше долговечно? ..!!!

Подписная плата окончательно определена в 500 ливров за настоящий, второй том, который будет содержать 480 страниц. Но, поскольку мое бюро по подписке было разгромлено по воле нашего свободного правительства, я прошу моих подписчиков не посылать мне туда ни писем, ни денег, так как столпы нашей Республики решили их присваивать. Я извещаю своих подписчиков, что временно могу, не стесняя себя, выпускать номера авансом, а впоследствии укажу им, каким образом они могут вносить мне деньги. Могущественные властители узна́ют, что все их строгие меры бессильны помешать нам и что у них нет никаких средств остановить наше дело провозглашения истины. Нам не стыдно признаться, что, если мы не пожелали состоять на содержании властей, мы охотно пошли на службу к санкюлотам, которые отдают нам свои последние лохмотья; и мы не стесняемся ими распорядиться, ибо вырученные за них деньги отдаем делу освобождения санкюлотов от страшного гнета, убивающего их. Что же до рассылки газеты по департаментам, нам нужно только выбирать один из тысяч способов контрабанды. А для всех новых читателей, которые хотели бы получать «Трибун», сделать это очень просто — обратиться в Париж к любому из патриотов 92 года, весьма многочисленных, стараясь только ни в коем случае не спутать их с патриотами 89 года. (Всем известно, что под последними подразумеваются сторонники правительства, число которых заметно убывает с каждым днем).

Гракх Бабеф, Трибун народа.

Париж, 5 вантоза IV года Республики.

Типография Трибуна народа

ПИСЬМО Ж. БОДСОНУ [104]

9 вантоза IV года [28 февраля 1796 г.]

Мне очень приятно, друг мой, что ты так откровенно говоришь со мной в твоем вчерашнем письме. Я буду так же откровенен с тобой и не пожалею времени, чтобы оправдать в глазах такого человека, как ты, некий оттенок в направлении моих действий, вызвавший твое удивление, что для меня не является неожиданностью. Мое отношение к принципам нисколько не изменилось, но изменилось отношение к некоторым людям. Ныне я чистосердечно признаю, что упрекаю себя в том, что некогда чернил и революционное правительство, и Робеспьера, и Сен-Жюста, и других. Я полагаю, что эти люди сами по себе стоили больше, чем

все остальные революционеры, вместе взятые, и что их диктаторское правление было дьявольски хорошо задумано. Все, что произошло с тех пор, как уже нет ни этих людей, ни правления, в достаточной мере оправдывает это утверждение. Я отнюдь не согласен с тобою, когда ты говоришь, что они совершили большие преступления и погубили немало республиканцев. Не так много, мне кажется: это термидорианская реакция погубила многих республиканцев. Я не вхожу в рассмотрение того, были ли невинны Эбер и Шометт. Если это так и было, все равно я оправдываю Робеспьера. Он имел полное право гордиться тем, что он один способен привести колесницу революции к ее *истинной цели*. Путаники, люди половинчатых средств, по его мнению, а пожалуй, и в действительности, такие люди, алчущие славы и полные самомнения, вроде какого-нибудь Шометта, могли быть заподозрены нашим Робеспьером в желании оспаривать у него управление колесницей. Тогда тот, кто владел инициативой, кто чувствовал, что он один на это способен, должен был увидеть, что все эти смехотворные соперники, даже при добрых намерениях, будут мешать и все испортят. Представляю себе, что он мог сказать: «Уберем с дороги этих путающихся под ногами пигмеев вместе с их добрыми намерениями». По-моему, он поступил правильно. Спасению 25 млн. человек нельзя противопоставить заботу о нескольких сомнительных личностях. Возродитель нации должен видеть вещи в широкой перспективе. Он должен косить на своем пути все, что ему мешает, что загромождает этот путь, все, что может затруднить скорейшее достижение цели, которую он себе поставил. Будь то плуты, или дураки, или самонадеянные, алчущие славы люди, все равно, тем хуже для них. Зачем они стоят поперек дороги? Робеспьер понимал все это, и отчасти это и вызывает мое восхищение. Поэтому-то я и вижу в нем гения, носителя подлинно спасительных идей. Правда, осуществление этих идей могло смести и нас с тобой. Но какое это имеет значение, если результатом было бы всеобщее счастье?

Не думаю, друг мой, чтобы после таких объяснений позволительно было честным людям, подобным тебе, оставаться эбертистами.

Привязанность к эбертистским идеям сужает кругозор этих людей. Она позволяет им помнить лишь об участи нескольких человек, тогда как самое главное — великие судьбы Республики — ускользает от их внимания.

Я не разделяю также твоего мнения, будто излишне и неполитично напоминать о смерти и о принципах Робеспьера и Сен-Жюста для обоснования нашей доктрины. Во-первых, мы лишь воздаем должное великой истине, без чего мы не проявили бы подобающей скромности. Истина эта заключается в том, что мы лишь вторые Гракхи Французской революции. А, кроме того, разве не полезно показать, что мы не придумываем ничего нового, что мы лишь следуем за первыми великодушными защитниками народа, до нас указавшими ту цель справедливости и благоденст-

вия, которой народ должен достигнуть? И, во-вторых, воззвать к Робеспьеру — значит разбудить всех энергичных патриотов Республики, а с ними и народ, некогда слушавший только их и следовавший только за ними. Они ничтожны и бессильны, они, так сказать, мертвы, эти энергичные патриоты, эти ученики того, кто, можно сказать, основал у нас свободу. Они, повторяю, ничтожны и бессильны с тех пор, как память этого основателя запятнана несправедливой клеветой. Верните ему ту законную славу, которой он блистал ранее, и все его ученики поднимутся и вскоре одержат победу. Робеспьеризм снова сразит все партии; робеспьеризм не похож ни на одну из них, он отнюдь не является чем-то искусственным и ограниченным. Эбертизм, по сути дела, существует только в Париже, и приверженцы его малочисленны, да и то он держится только на помочах. Робеспьеризм же распространен во всей Республике, среди всех разумных и проницательных людей и, естественно, во всем народе. Причина тому простая; робеспьеризм — это демократия, и два эти слова совершенно тождественны; стало быть, восстанавливая робеспьеризм, вы уверены в том, что восстанавливаете демократию.

Пришли мне свои заметки [105], я уверен в том, что они будут мне полезны: мы с тобою столько рассуждаем о той важной проблеме, которую я ныне ставлю в порядок дня, что я нисколько не сомневаюсь в том, что твой ясный ум породит нечто ценное по этому вопросу.

Привет равного.

Г. Бабеф

P. S. Ввиду того, что я незаметно для самого себя сделал, как мне кажется, несколько ярких и интересных замечаний, заслуживающих, пожалуй, некоторого распространения, я даю тебе мое письмо только для прочтения. Пожалуйста, отошли мне его сразу же, чтобы я мог использовать его первую часть в своей газете. Нет надобности говорить тебе, что я там не укажу, что оно было адресовано тебе; для тебя, наверно, это будет не такая уж большая жертва, потому что ты, вероятно, все равно не сохранил бы это письмо, если бы я не попросил тебя вернуть мне его.

ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАРОДА,

или Защитник 24 миллионов угнетенных, С. Лаланда, солдата Отчизны

№ 1 [106]

(вместо проспекта)

> Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают
>
> (Сен-Жюст)

Сколь возвышенны были цели нашей революции! сколь жалки оказались ее итоги! Она была призвана обеспечить счастье народу Франции, послужить всему миру сигналом к освобождению, но козни и честолюбие привели к тому, что она вылилась в сплошную череду смут и бедствий. Она была призвана на обломках тирании основать господство народа, слишком долго отвергаемое; отомстить за человечество, а человеку вернуть всю полноту его прав; но кучка тиранов все подчинила власти нового деспотизма.

Несомненно, большинство французского народа желает блага, но не знает ни путей, ведущих к подобной цели, ни препон на этих путях. Руководимое людьми, чуждыми его интересам, оно бредет, разрозненно и неосмысленно, отданное на произвол самых низменных страстей, и если ему удается ускользнуть из рук одних интриганов, то только затем, чтобы тут же оказаться во власти кучки других мошенников. Таков порочный круг, в котором с начала революции неизменно вращается народ, если не считать 18-месячного промежутка, когда его судьбами руководила небольшая группа друзей человечества.

Но, кажется, французский народ под руководством этих умелых вождей достиг такой степени славы только для того, чтобы вслед за тем впасть в состояние еще большей приниженности, чем под властью королей. Оглядываясь на рубеж, где остановилась колесница революции, можно сказать, что наш народ обречен навечно остаться жертвой тирании и что деспотизм королей он разбил лишь ради того, чтобы подставить голову под ярмо аристократии. Напрасно было бы пытаться скрывать это дальше; повсюду видно, как на обломках трона поднимается новая тирания; все свидетельствует, что возвышенная цель революции — всеобщее счастье — подменена жестоким лозунгом: благоденствие немногих, основанное на нищете народа. Мы уже испытываем гибельные результаты подобного порядка вещей, но беды наши будут и далее возрастать.

Основа этих преступлений против человечества коренится в невежестве народа, в тех могучих средствах, какие находятся в руках его врагов. Помимо золота, которое они расточают, чтобы

L'Éclaireur du Peuple,

OU

LE DÉFENSEUR DE 24 MILLIONS D'OPPRIMÉS.

Par S. LALANDE, *Soldat de la Patrie.*

N°. 1er. servant de PROSPECTUS

> Les malheureux sont les puissances de la terre, ils ont le droit de parle en maîtres aux gouvernements qui les négligent.
>
> *S. Just*

QUE notre révolution étoit sublime par son but! qu'elle est chétive par ses effets! elle devoit assurer le bonheur du Peuple français, donner le signal de la liberté au monde; l'intrigue et l'ambition l'ont fair dégénérer dans un état perpétuel de troubles et de calamités. Elle devoit fonder, sur les débris de la tyrannie, la puissance du Peuple trop-long-tems méconnue venger l'humanité, rendre à l'homme la pleine jouissance de ses droits; et quelques tyrans l'ont absorbée dans un despotisme nouveau.

Sans doute la majorité du Peuple francais veut le bien, mais elle ne connoît ni les moyens d'atteindre à ce but, ni les obstacles qui l'arrêtent. Guidée par des hommes étrangers à sa cause, elle erre sans principes, sans concert, et toujours au gré des passions les plus viles; si elle échappe à quelques intrigants, c'est pour tomber dans les mains de quelqu'autre ligue de frippons. Tel est le cercle vicieux qu'elle parcourt depuis le commencement de la révolution; si l'on n'en excepte un espace de dix-huit mois, pendant lequel un petit nombre d'amis de l'humanité présidèrent à ses destinées.

A

Первый номер газеты «Просветитель народа»

посеять разложение, они заимствуют у патриотов их лексикон, чтобы поддержать заблуждение, распространить ложные принципы и сбить с толку общественное мнение. Каждый раз, когда эти пособники тирании готовили какое-нибудь очередное посягательство на свободу, во Франции не оставалось уголка, где не звучали бы злобная ложь, ловкие софизмы, демагогические словопрения, с помощью которых им удавалось обмануть народ, толкнуть его на действия, противные его интересам. Таково было поведение патрицианской клики, задумавшей подменить демократический пакт 93 года гнусным кодексом Буасси д'Англа. Наемные писаки отдавали свои продажные перья на службу этому кощунственному замыслу. Республика оказалась наводненной омерзительными творениями, исполненными злобы, клеветы, еретических измышлений и святотатственной хулы, направленных против разума и суверенитета народа, и вскоре заговорщики добились своего — им удалось развратить общественное мнение.

Сегодня картина несколько изменилась. Большинство главных вожаков, наиболее успешно потрудившихся над выработкой этого кодекса порабощения, объединились против собственного детища. Ущерб, нанесенный правам человека свержением Конституции 93 года, был лишь ступенью к более тяжким преступлениям. Злоумышленники, не имея возможности открыто бороться за возврат тирании одного, решили, что наделение немногих правами большинства явилось бы значительным шагом к цели, которую они себе поставили. Могли ли они не преуспеть? Две мощные партии нашли тут выгоду для себя. В первую очередь честолюбивые интриганы, богачи усмотрели в подобном порядке вещей почести, достоинства и полноту власти. Выгода роялистов заключалась в том, что это разрушало могущество народа, единственное, что для них могло бы стать роковым. Но обе эти партии недолго оставались объединенными. Роялизм, видя, что гибель общественного мнения даст ему возможность действовать исключительно в своих интересах, причем с большой надеждой на успех, захотел воспользоваться этим. Отсюда и проистекли события 13 вандемьера. Достаточно перечислить главных вдохновителей конституции 95 года, чтобы не осталось никаких сомнений относительно намерений ее авторов, чтобы стало ясно: этот кодекс был ими выработан только ради возможности незаметно привести народ к монархии. Это прежде всего Ланжюине, член комиссии 11-ти[1*]; Буасси д'Англа; а за ними — все те, кто высказался с самым пылким энтузиазмом в пользу их кодекса. После 13 вандемьера обе партии совершенно явственно отделились друг от друга. Даже наименее проницательный взгляд без труда различает, с одной стороны, роялизм, поднимающий голову в законодательных советах, на

[1*] Это та самая комиссия, которая сфабриковала конституцию 95 года.

спектаклях — повсюду; а с другой стороны, патрицианскую касту, изо всех сил старающуюся сохранить свою власть. Обе эти клики оплачивают толпу писак, чьи отравленные перья изливают ложь и обман, развращая сознание народа. Газеты на содержании правительства (или патрициата, что одно и то же) с давних пор не перестают уверять нас, будто Директория принесет благо, будто таково ее самое заветное желание, как будто благо можно воздвигнуть на гнилом фундаменте! как будто опыт истекших веков не доказал, что цель любого развращенного правительства всегда противоположна целям народа! как будто кто-то не знает, что притягательная сила власти непреодолима и что, раз испив из волшебной чаши власти, человек лишается всех желаний, кроме желания сохранить ее!

Свобода была бы навсегда потеряна, если бы Отечество — жертва этих двух чудовищ — не имело бы иной опоры. Но в Республике существует еще и третья партия, состоящая из всех друзей человечества, выступающая под знаменами Равенства, руководствующаяся только великими законами природы и разума и не имеющая иной цели, кроме ВСЕОБЩЕГО СЧАСТЬЯ. Этот священный союз более могуществен, чем обе остальные партии, вместе взятые. Он опирается на 24 млн. угнетенных. И он восторжествовал бы без труда, если бы сияние истины смогло рассеять мрак, в который тирания погружает народ.

В этом положении нам остается одно средство спасти Республику, вырвать ее из когтей любой тирании, снова вывести колесницу революции на верный путь и наконец направить ее к цели, предуказанной природой и разумом: надо разжечь факел справедливых принципов ярче тех тусклых огоньков, которыми тирания старается затмить их; пренебрегая грозной мощью инквизиции, надо возглавить непобедимую силу народа, просветить его, поддержать его стремления и, вопреки любым препятствиям, сплотить всех обездоленных (а их число так велико!) вокруг доктрины всеобщей пользы; надо поднять их мужество, ослабленное гнетущими их несчастьями, доказывая им, что их благоденствие зависит только от них самих; надо указать им дорогу, по которой следует идти, направлять их шаги, разоблачать перед ними все уловки тирании, используемые для их порабощения, разбирать у них на глазах поведение людей, способных повлиять на судьбу свободы, освещать одной рукой извилистые пути роялизма, а другой — срывать маску патриотизма, которой прикрывается патрициат.

Мне кажется, что газета, соответствующая этим принципам, разворачивающая перед народом всю широту его прав и все величие его возможностей, достойна внимания всех друзей человечества. И я осмелился взять на себя задачу составления такой газеты.

Все газеты, которыми столь изобилует Республика, куплены или правительством, или роялистами; народного в них нет ни-

чего, одно только название[2*]. Для народа настала пора иметь свою газету, которой он мог бы полностью довериться, которая не льстила бы ему и не обманывала бы его, но была бы независима, презирая одинаково как золото роялистов, так и преследования патрициата.

Я считаю себя достойным этого почетного начинания. Преследования ничуть меня не пугают: они только увеличат число приверженцев. Что выигрывает деспотизм, разя апостолов истины и справедливости? Земля породит новых. Поскольку мои раны не дают мне более следовать за моими храбрыми товарищами по оружию на поля славы, я начинаю карьеру журналиста и вложу в нее и мужество, и самоотверженность, которые вели меня некогда в бой со сторонниками королей. Такой род битвы не менее славен. Тот, кто объявляет себя критиком пороков, защитником человечества, должен быть не менее храбр, чем герой, не страшащийся смерти на границах. Я буду счастлив, если, лишившись руки, смогу послужить своей стране хотя бы пером.

Робеспьер! ты, кого твои современники, отказавшись от заблуждения, в которое ввергли их несколько изменников, провозглашают теперь мстителем за человечество; ты, кого потомство поставит в один ряд с Гракхами и Сиднеями[107], — по твоему примеру я стану преследовать торжествующее преступление, стану защищать угнетенную добродетель, стану отстаивать дело народа; вдохновленный вечными принципами, провозглашенными тобой, я воскрешу те устрашающие истины, которые, исходя из твоих уст, столько раз приводили в трепет тиранов и честолюбцев. Если я восхищался твоими добродетелями, твоим горячим стремлением к счастью родной страны; если, презирая ужасную клевету, которую враги свободы потоками изливали на твою могилу, я, несмотря на проклятья со стороны заблудшего народа, сохранил в своем сердце то восхищение, которое внушают добродетель, любовь к отечеству, преданность его священному делу, — то почему же мне стыдиться обращения к тебе в момент, когда имя твое нельзя назвать перед этим же народом, не исторгнув у него слез раскаяния; рано или поздно, но голос истины бывает услышан. О! Могли ли презренные люди, отправившие тебя на эшафот, долго маскировать совершенное ими убийство! Они сами выдали себя гнусными делами, превратившимися в постоянный заговор против народа. Их самых незначительных поступков было довольно для оправдания тех, кого они изображали нам как тиранов; все в конце концов показало нам, сколь непорочны были жертвы, погибшие 9 термидора. Дорогие священные тени! Ваши имена, сами по себе способные

[2*] Из их числа я исключаю лишь Трибуна народа, поистине достойного славного названия, которое он для себя избрал. Если бы это издание получило достаточное распространение среди народа, то нагромождение софизмов, возведенное тиранией, очень скоро рухнуло бы.

устрашить тиранов, будут часто украшать мои слабые писания, а мои принципы, заимствованные у природы, всегда будут водить моим независимым пером.

Вот кто я такой. Теперь у меня нет нужды разъяснять мораль, которую я собираюсь проповедовать. Я не скажу вместе со сбродом продажных или малодушных писак, будто революция закончена. Я покажу, что она едва-едва началась; я покажу, что если бы революция должна была привести к тем результатам, которые мы имеем сегодня, то ее следовало бы признать величайшим преступлением против человечества. Равным образом я не скажу вместе с прислужниками Директории, будто последняя принесет спасение отчизне; напротив, я докажу, что Директория и не намеревается спасать ее, и вот каков будет ход моих рассуждений. Сама тактика Директории с момента ее учреждения показывает мне, что спасать родину она и не хочет. Ее тактика напоминает козни двора, когда последний, теснимый народной партией, будучи бессилен нанести решительный удар свободе, положил в основу своих действий общеизвестные принципы Макиавелли. Чем занимался тогда австрийский комитет Тюильри? Он разжигал ссоры между отдельными партиями; он натравливал друг на друга горячих приверженцев свободы, так называемых анархистов, и тех нерешительных или злонамеренных людей, которых называли умеренными; а пока патриоты грызлись между собой, двор укреплял свое пошатнувшееся могущество и собирал силы, способные обуздать свободу. Вот такова и тактика наших директоров. Взойдя на трон, они оказались вынуждены протянуть руку демократам; они делали вид, будто берут бразды правления лишь для того, чтобы вернуть колесницу революции на правильную дорогу. К концу деятельности Конвента распространился слух, будто существует громадная партия, борющаяся за принципы Равенства; будто во главе ее стоят те самые члены сената, которые ныне облачены в пурпур; патриоты оказались достаточно простодушными, чтобы свято уверовать во всю эту ложь. Но вот Директория была учреждена, и тогда глаза у всех раскрылись. Сейчас же обнаружилось, что воскресли все махинации прежнего двора. По его примеру Директория стравила республиканцев с роялистами. С момента своего возникновения она не переставала разжигать вражду между двумя этими партиями. Чуть было ссора начала затухать, как приказ распевать «Марсельезу» вновь раздул ее [3*].

[3*] Пусть никто не думает, что я против исполнения этого гимна в наших театрах. Я помню, как я шел в атаку на австрийцев, распевая: «Вперед, сыны Отчизны!» Я здесь имею в виду лишь дух, продиктовавший эту меру. Опросите сколько угодно патриотов, предложите им вопрос, в каком состоянии находятся общественные дела, и они ответят вам, что все идет как нельзя лучше, поскольку они добились повторения патриотической песни; они вам скажут: родина спасена, вот мы вчера поколотили одного шуана в театре на улице Фейдо. Поговорите с ними о нищете народа, о его порабощении, о процветании коррупции,

Директория уравновешивает преимущества обеих сторон так, чтобы ни та, ни другая из них не одержала бы полной победы. Вместо того чтобы нанести роялистам смертельный удар, она втихомолку покровительствует им, дабы иметь возможность противопоставить их подлинным республиканцам. Существование обеих этих партий, видимо, обеспечивает и ее существование; и единственный вывод, который можно из этого сделать, тот, что Директория отнюдь не желает спасать Отечество, а стремится лишь сохранить самое себя и основать свое могущество на обломках прав народа.

Таков путь любого неправедного правительства; каждое из них может держаться лишь среди смут и раздоров, очагом которых они сами и являются.

Среди всех этих бед самой большой является распад общественного мнения, которому ежедневно наносятся все новые чувствительные удары, деморализация народа и опасность, как бы свобода не оказалась вскоре изгнанной оттуда, где тирания каждый день набирает все больше силы. Поспешим же возвести преграду, вокруг которой сплотятся все честные люди; зажжем перед взорами народа светоч великих принципов общественного благоденствия; просветим народ; направим его силы — тогда Отечество будет спасено.

Париж, 12 вантоза IV года Республики

Примечание. Эта газета будет выходить три раза в декаду.

ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАРОДА,

или Защитник 24 миллионов угнетенных,
С. Лаланда, солдата Отчизны

№ 2

Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают

(Сен-Жюст)

В моем первом номере я коснулся политики Директории: разъяснил, как она лжива и нелепа; закончим же ее обзор и покажем, что она неминуемо ведет Директорию к гибели.

Тайные заигрывания Директории с роялизмом нам совершенно очевидны; ее лицемерные нападки на роялизм объясняются лишь нежеланием полностью лишиться сочувствия республиканцев. В тех случаях, когда она не отступает перед роялизмом, удары ее робки, неуверенны и наносятся так, чтобы не

о гибели свободы; спросите их о средствах исцеления от всех этих бед — они предложат вам «Марсельезу». Спросите их, кто самые опасные враги свободы, они ответят: те, кто препятствует пению «Марсельезы». До каких же пор нас будут тешить песнями!

принести никакой пользы делу свободы. Если Директория окажется вынужденной арестовать какого-нибудь контрреволюционного журналиста, тотчас же подобная участь постигнет и патриотического публициста, дабы утихомирить партию роялистов; и в конечном счете выигрывает последняя; ибо что значит для нее утрата одного из ее писак? У нее достаточно золота; она без труда купит новое продажное перо взамен потерянного. Если Директория выступает против агентов эмиграции, она с двойной энергией начинает преследовать друзей свободы. Лион готовился водрузить знамя Людовика XVIII. Чтобы остановить заразу, которая не преминула бы перекинуться в соседние департаменты и ускорила бы гибель Директории, последняя вынуждена была прибегнуть к репрессивным мерам. Пока Ревершон преследует роялистов Лиона, которые без труда находят средства ускользнуть, в Париже пересматривают историю революционного кризиса: там объявляют, что народ не соблюдал юридических формальностей, наказывая своих врагов, сам верша над ними суд, предопределенный трудными и неотложными обстоятельствами, — и вот граждан отдают в руки трибуналов по обвинению в уничтожении защитников Капета, чудовищ, проливших кровь народа на площади Карусель. Так ничтожный урон, нанесенный контрреволюционерам, компенсируется процессом против революции и самого народа.

Однако покровительство, оказываемое Директорией роялистам, поистине смехотворная борьба, которую она организует между ними и республиканцами, все эти уловки, о которых мы уже говорили, не удовлетворяют ее. Она еще сеет раздоры среди самих республиканцев. Клички «анархисты», «изуверы», придуманные при королевском дворе, теперь снова воскрешены, их приклеивают преданным друзьям свободы. Проворные агенты снуют среди патриотов. Они внушают слабым, что жаловаться не следует, что Директория идет правильным путем, что долг друзей Отечества — льстить ей и поддерживать ее; они приписывают коварные намерения тем, кто, оставаясь верен своим клятвам, осмеливается провозглашать великие принципы общественного блага; они изображают их существами более опасными, чем даже роялисты; и введенные в заблуждение люди, обольщенные речами этих холопов, сами того не сознавая, изменяют делу свободы, чтобы отдаться делу кучки проходимцев. Скажите этим гнусным проповедникам, что лесть недостойна свободного человека; обрисуйте им нищету народа, состояние гнета, под которым он прозябает; покажите им постоянную безнаказанность и успехи роялизма, страдающую родину; осмельтесь утверждать перед ними, что революция не закончена или что цель ее не достигнута, — вас тотчас же заклеймят как «анархиста»; против вас восстановят всех тех, кто нетверд в своем патриотизме, а если интриги не смогут задушить ваш голос, то вашей наградой за мужество и любовь к Отечеству станет открытое преследование.

Куда Директория думает прийти, следуя такой кривой дорогой? Я сказал об этом в первом номере моей газеты; ей надо, чтобы колесница революции прочно увязла в той трясине, которая уже вынудила ее остановиться. Неоспоримые доказательства тому я вижу во всех дальнейших действиях Директории: ни одно, на мой взгляд, не основано на принципах свободы и Равенства, находящих отклик в каждом чистом сердце, ни одно не направлено к общественному благоденствию. Напротив, каждый ее шаг служит мне свидетельством существования партии, преданной исключительно собственным частным интересам. Поэтому грубо заблуждается каждый, кто рассчитывает, что Директория будет прилагать усилия к тому, чтобы воздвигнуть великое здание общественного благоденствия.

Любое правительство, если оно не покоится на великих принципах природы и разума, вынуждено, чтобы поддержать себя, прибегать к описанным мною выше ухищрениям, которые именуют при этом выспренным названием политики, тогда как они являются только низкой интригой. «Хорошая политика, — говорит Мабли, — ничем не отличается от здоровой морали»; поэтому было бы большой ошибкой думать, будто управлять свободным народом можно с помощью придворных интриг. Директория заблуждается, полагая, что, следуя принципу Макиавелли «разделяй и властвуй», достигнет поставленной перед собой цели. Не надо обладать особой проницательностью, чтобы видеть, как этот принцип влечет ее к неизбежной гибели. И действительно, раздоры, которые она сама возбуждает, нанесут в итоге лишь новые удары общественному мнению; а поскольку Директория может властвовать только посредством общественного мнения, то очевидно, что все ее действия принесут ей отнюдь не пользу; напротив, они увлекают ее в бездну, которой она, как кажется, и не замечает.

Директория хочет сохранить двух смертельных врагов — роялистов и республиканцев; ей хочется, чтобы обе эти партии, соблюдая строгое равновесие, обеспечили бы ей спокойное обладание высшей властью. Но каковы ее средства? После уничтожения общественного мнения в чем ее сила? Где пружины, способные привести машину в действие? Явно гордящаяся тем, что сумела просуществовать до сегодняшнего дня, она полагает, будто сделала все для сохранения своего господства; но она не знает даже, кому она обязана своим временным торжеством. Так пусть же она узнает, что это дело рук республиканцев, тех отважных людей, которые решили объединиться вокруг нее, убежденные, что она на самом деле разгромит роялистов, и тогда, раздавив этого врага, они пойдут бок о бок с нею к конечной цели революции; пусть она узнает, что, отделяя свое дело от дела народа, от дела патриотов, она роет себе могилу; потому что народ может восторжествовать без Директории; но на что способны пять человек, предоставленные самим себе?

Желание надеть оковы сразу на обе столь мощные партии: партию народа и партию роялистов, не нанося им смертельного удара, — это чересчур дерзкая затея. Термидорианская клика действовала с большей ловкостью. Для удержания власти она призвала на помощь себе всех врагов свободы: она открыла двери тюрем и призвала эмигрантов. Стремясь подавить народ, она поняла необходимость создать себе оплот в лице всех контрреволюционеров; именно так она и поступила. А наши директоры куда менее предусмотрительны. Хотя они и не пожелали действовать в пользу народа, но начали свое господство унижением роялистов, сделав их своими непримиримыми врагами. Потом они решили преследовать народную партию и потеряли единственную поддержку, на которую могли бы рассчитывать; и вышло, что все партии стали их противниками.

Вот подходящий момент высказать всю правду. Исполнительная Директория, смотрящая на все вокруг только глазами своих льстецов, по-видимому, не знает нынешнего состояния Республики, или, возможно, ее ослепляет блеск носимого ею пурпура. Я, никогда никому не льстивший, скажу ей со всей откровенностью, что она сама готовит собственную погибель. Я скажу ей, что народ стонет от самой чудовищной нищеты и что он справедливо обвиняет ее во всех претерпеваемых им муках; я скажу ей, что народ требует не только хлеба, но и своих похищенных у него прав; я скажу ей, что роялисты изо дня в день накапливают силы; я скажу ей, что народ повсюду устал от позорной борьбы, которую она заставляет его вести с преступлением; я скажу ей, что она не сумеет долго сохранить равновесие между ними, потому что все партии день ото дня восстают одна против другой, и они начнут открытую борьбу друг с другом, едва только соберут силы; я, наконец, скажу ей, что падение одной из этих партий повлечет за собой и ее собственное.

Допустим, восторжествуют роялисты. О! наши директоры знают, какая судьба ожидает их; я не считаю их столь безрассудными, чтобы они надеялись на какую-либо жалость. Но нет, восторжествует свобода, победителем станет народ; мне в том порукой его мужество и сила. И тогда горе честолюбцам, полагавшим, что можно его угнетать!

Говорят, что Директория опирается на силу штыков. Что за ужасные речи! Гнусные люди, принижающие наших героев, вы что же считаете их подручными Директории! Нет, эти славные воины, столько раз проливавшие кровь за дело свободы, отнюдь не вооруженные автоматы, которые неправедная власть может направлять по своему усмотрению. Они не солдаты пяти ничтожных субъектов, они солдаты Отечества. Напрасны попытки приравнять их к гнусным рабам, которых тирания использует для удушения народов. Наши воины — свободные люди, они часть французского народа, его дело — их дело; они не погубят собственными руками ни своих жен, ни своих детей, ни своих отцов, ни свои обездоленные семьи; они не вонзят в грудь От-

чизны того священного меча, который взяли в руки, чтобы покарать тиранов. Да, конечно, они пойдут против роялизма, если его нечестивая дерзость побудит его совершить какой-нибудь акт насилия; как и 13 вандемьера, они встанут под знамена подлинного народа; но после победы они вместе с тем же народом потребуют счастья, отобранного у них несколькими изменниками.

Пусть же Директория не надеется, что после того, как равновесие окажется нарушенным, т. е. после победы народа, наши республиканские фаланги поддержат ее власть. Пусть она обратит взгляд на первые дни Революции: она увидит, как солдаты, привыкшие повиноваться по малейшему знаку, отвернулись от дела деспотизма, чтобы стать на сторону дела свободы. Пусть она содрогнется, вспомнив этот пример, и пусть она прозреет наконец. Если французские гвардейцы, составлявшие тогда, можно сказать, чуждую народу корпорацию, восстали против королевской власти[108] и стеклись под знамена народа, то как же поступят солдаты-граждане, умудренные пятью годами революции? Ах, разве эти герои страдают меньше, чем сам народ? Разве они не испытывают тех же мук голода? Разве они равнодушны к бедам Отчизны? Разве будут они, наконец, безучастно созерцать, как на обломках народных прав поднимается самая постыдная из всех тираний — деспотизм богачей и мошенников? О! Перестаньте оскорблять добродетель наших воинов такими гнусными подозрениями; перестаньте, извращенные люди, омрачать их славу, отводя им роль королевских приспешников.

Таково положение, в котором находится ныне Исполнительная Директория; она желала поочередно потворствовать и подавлять и роялизм, и республиканизм, но этим только восстановила против себя все партии. Патриоты, скрепя сердце, еще держали ее сторону, несмотря на ее недобросовестность и постоянное вероломство; но акт варварского угнетения, свидетелями которого они стали 17 плювиоза, этот поступок, подобие которого можно отыскать разве что в анналах первых лет инквизиции, возбудил в их душе самое глубокое негодование и порвал тонкую нить, которая, казалось, еще соединяла их с Директорией. Я имею в виду гражданку Бабеф. Я должен отметить здесь этот акт директориального деспотизма столько же ради того, чтобы обрушить гнев общества на головы чудовищ, отдавших подобный приказ, сколько и ради того, чтобы открыть глаза толпе слабых людей и укрепить их колеблющийся дух.

Бабеф, автор Трибуна народа, первый писатель, осмелившийся после убийственных событий 9 термидора провозглашать великие принципы свободы и общественного счастья; первый, кто поспешил на арену решительной борьбы с патрицианской тиранией и под знамена которого я ныне становлюсь в качестве простого солдата, — этот Бабеф поныне остается жертвой преследований Директории за то, что пренебрег ее растленным золотом и предпочел дело справедливости и человечности делу деспотизма. Подобно своим предшественникам, он вынужден был

похоронить себя заживо, чтобы избежать гибели от рук врагов истины.

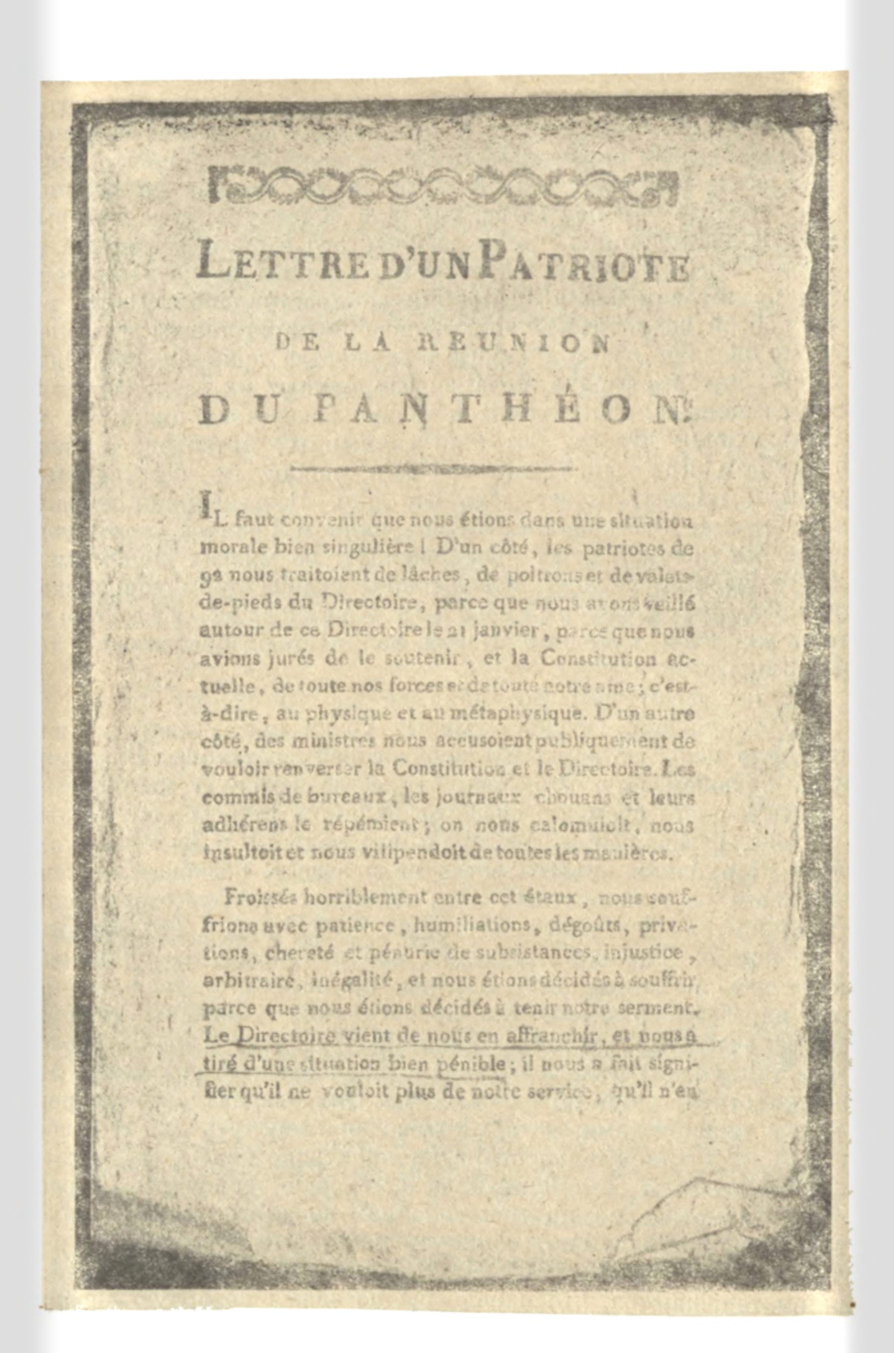
17 плювиоза один отряд из той армии сбиров, которая была пущена по его следу, отправился к нему домой, где нашел лишь его жену с двумя детьми. Рассвирепев оттого, что упустили жертву, эти достойные холопы тирании отрывают гражданку Бабеф от ее детей и тащат ее к мировому судье секции Елисейских полей. Тут приводятся в действие все хитроумные пружины, чтобы заставить ее открыть убежище, где скрывается ее муж. Видя, что она избежала всех их ловушек и пренебрегает их угрозами, чудовища, руководившие всей операцией, сочли возможным использовать пытку голодом, лишь бы вырвать у нее признание, которого она не хотела давать. Они тут же осуществили свой жестокий план; гражданку Бабеф на двое суток лишили всякой пищи. Потом ее, полумертвую, истощенную, потащили в тюрьму Ла Форс по обвинению в заговоре против правительства. Ее старший десятилетний сын тоже разделил бы ее участь, если бы только палачам удалось его найти.

Вот каково поведение тирании. Она прикрывает свои антинародные действия благовидным предлогом общественной пользы.

Западня оказалась чересчур грубой. Кто не разглядит в этой скандальной мере стремления угодить роялизму, а в способе ее выполнения — акта ужасной мести? Кто тот наивный человек, который даст себя обмануть?.. Гнусные поработители народа Франции! Так вот какова награда, предназначенная вами апостолам свободы! Вы бессильны поразить их самих, так вы разделываетесь с ними, поражая их близких! Я уж не говорю о попрании законов, как бы ни было оно преступно само по себе. Я говорю об оскорблении чувства человечности. Варвары! Стало быть, вы хотели, чтобы эта женщина изменила самым священным и самым дорогим ее сердцу обязанностям. Вам хотелось, чтобы жена стала орудием гибели мужа, орудием вашего мщения? И к какому ужасному средству вы прибегли! Голод! Самые жестокие тираны с успехом изобретали пытки, но устрашенная природа никогда не позволяла им прибегнуть к этой, или, по крайней мере, история не решилась рассказать нам о подобном злодеянии. Итак, честь изобретения такого мучительства, одна мысль о котором приводит человечество в содрогание, принадлежит тиранам наших дней. Гений Директории, стало быть, превзошел гений Бузирисов, Диомедов, Фаларисов, Неронов и всех прочих чудовищ, память о которых ненавистна человеческому роду.

Таково преступление, которое окончательно провело широкую демаркационную линию между Директорией и всеми патриотами и лишило ее единственной опоры, которая, казалось, у нее еще оставалась [1*].

[1*] См. примечание в конце номера.

LETTRE D'UN PATRIOTE

DE LA REUNION

DU PANTHÉON.

IL faut convenir que nous étions dans une situation morale bien singulière ! D'un côté, les patriotes de 92 nous traitoient de lâches, de poltrons et de valets-de-pieds du Directoire, parce que nous avons veillé autour de ce Directoire le 21 janvier, parce que nous avions jurés de le soutenir, et la Constitution actuelle, de toute nos forces et de toute notre ame ; c'est-à-dire, au physique et au métaphysique. D'un autre côté, des ministres nous accusoient publiquement de vouloir renverser la Constitution et le Directoire. Les commis de bureaux, les journaux chouans et leurs adhérens le répétoient ; on nous calomnioit, nous insultoit et nous vilipendoit de toutes les manières.

Froissés horriblement entre cet étaux, nous souffrions avec patience, humiliations, dégoûts, privations, cherté et pénurie de subsistances, injustice, arbitraire, inégalité, et nous étions décidés à souffrir parce que nous étions décidés à tenir notre serment. Le Directoire vient de nous en affranchir, et nous a tiré d'une situation bien pénible ; il nous a fait signifier qu'il ne vouloit plus de notre service, qu'il n'en

Листовка, выпущенная бабувистами ко времени закрытия клуба Пантеон

Искренние республиканцы, пылкие друзья свободы, бескорыстные защитники прав народа, оставьте Директорию погрязать в преступлениях и рыть себе могилу. Раз уж она отделила свое дело от дела справедливости и человечности, порвите связь между ее и вашим делом. А вы, слабые, но чистые сердцем люди, откройте наконец глаза. Вы лишь инструмент, за которым она ухаживает сегодня, чтобы разбить его завтра; взгляните на ее злодеяния и покиньте ее знамена, если вы не хотите, чтобы народ посчитал и вас участниками ее преступлений. Пусть все люди доброй воли объединяются, сплачиваются теснее и теснее. Все они желают счастья Родины, торжества прав народа. Один и тот же интерес и одно желание объединяют их всех; если они были разобщены, это случилось только вследствие интриг, а не из-за различия чувств. Вот уже священный батальон, идущий под стягом *всеобщего счастья*, поднятым бесстрашным Трибуном народа, растет день ото дня. Возвышенная мораль, проповедуемая этим достойным соперником Гракхов, поминутно привлекает к нему новых приверженцев; во многих департаментах все чистые сердца, избежавшие ударов термидорианских кинжалов, призывают *подлинное равенство, всеобщее счастье или смерть*. Народ начинает одобрять эти вдохновляющие речи.

Честные французы! Объединимся же все вокруг этого спасительного учения. Ободрим слабых среди нас, указав им возвышенную цель, которую мы перед собой поставили. Вразумим народ, покажем ему, что Республика, за которую мы боремся со столь давнего времени, вовсе не является строем, основанным на голоде, развращении, раздорах; что величие и благоденствие нашей Республики кроется вовсе не в золоте, роскоши и внешнем блеске ее должностных лиц; покажем народу, столь долго остававшемуся несчастным, что наша Республика — это вершина благоденствия. Тирания трепещет: она напрягает все силы, желая не дать воссиять свету истины; но истина сметает все помехи, вдребезги разносит все преступления и огненными буквами запечатлевает великие принципы свободы. Тираны грозят нам устами своих газетных писак; пренебрежем угрозами: это свидетельствует лишь об их слабости. Они твердят о союзе роялистов с террористами, который призван свергнуть их. Я в восторге от их проницательности! Они прекрасно знают, что террористами называют республиканцев и что дело террористов и роялистов диаметрально противоположно; но этим смехотворным уподоблением они думают обмануть некоторые доверчивые умы. Мужественные республиканцы! Ответьте им, что вы гордитесь званием террористов, что народ еще не забыл позорную сделку, которую сами они заключили с роялистами после Термидора. Напомните им еще и совсем недавний союз 13 вандемьера [2*]

[2*] В ту минуту, когда слова столь законного негодования скатывались с моего возмущенного пера, у нас не было еще против этой узурпатор-

с теми же роялистами, которых они ныне навязывают в товарищи вам. Они кричат о мятежниках, о заговорщиках; скоро,

---

ской, жестокой и наглой власти обвинения, ни в чем не уступающего покушению на жену одного из самых мужественных защитников прав народа: 9 вантоза было закрыто патриотическое объединение Пантеона [109]. Удар этот готовился заранее. Еще 17 плювиоза и позднее в письмах из Меца нам сообщали, что, по слухам, распространявшимся в департаментах, Общество уже закрыто. Почти одновременно и правительственные газеты призывали к этому. Почему же? Да потому, что оно больше не соответствовало духу правительства. Последнее само его учредило, во всяком случае служило ему покровителем и гарантом в силу двусмысленности статей конституции д'Англа, которая не посмела отнять хотя бы видимость права объединяться в народные общества. И как мы только что сказали, Директория в некотором роде сама учредила клуб Пантеон. Ее агенты провели первоначальную организацию и сумели занять там ведущие места. Поэтому сначала это Общество отвечало пожеланиям основателей. Они же намеревались сделать его своей опорой против любых возможных атак врагов замечательного правительства квинтемвиров. Поначалу возникли настроения, вполне соответствующие этому духу. Почти что монастырская дисциплина, постыдные, унизительные правила, предписанные тиранической конституцией, неукоснительно соблюдались на первых порах. Строго придерживались всех ограничений, благоразумно предусмотренных кодексом 11-ти драконов [110], под ферулой которых, как говорят, мы должны жить еще некоторое время. Общество являло собой пример совершенно ничтожного объединения, бездеятельного и беспредельно скучного для самих его членов, не имевших иной возможности развлечься, кроме выступлений на низменном поприще лести и рабского прислужничества. На этом презренном поприще они и подвизались. К Директории обратились со своего рода *исповеданием веры*, где обещали стать ее в конец обесчещенными рабами. Действительно, вскоре после этого они впряглись в ее колесницу на общественном празднике. Тогда в глазах Директории не было ничего более возвышенного, чем этот Пантеон. Но суровые цензоры, друзья республиканских нравов и добродетелей, строго распекли участников столь позорной сцены. Они устыдились и решили исправиться. Вскоре на собраниях этого Общества выявилась большая группа свободных людей; а вместо раболепных или пустых выступлений зазвучали речи, полные энергии и духа свободы. Место пошлого угодничества и директориального пустозвонства заняли рассуждения обо всем, что связано с благоденствием народа и его независимостью, обо всем, что сковывает его и служит ему помехой. Тогда вполне естественно тирания завопила, будто *воскресли якобинцы*! Ее подголоски не говорили ни о чем другом. Одновременно и сословие шуанов, которому якобинизм внушал такие же опасения, как и деспотам, подхватило этот припев, поскольку, конечно, не предполагало, что тот же удар поразит и его собственные тайные сборища. О нет, патриции! Не заблуждайтесь, Директория верна своему слову. *Она отнюдь не хочет, как ее в том обвиняют, чтобы роялизм и терроризм взаимно сдерживали друг друга, она хочет разом сокрушить их обоих.* Иначе говоря, она хочет уничтожить всех и царствовать одна. Это будет весьма удобно. Или мы увидим, как она достигнет этого, или она увидит, как того же добьются другие. Однако не станем отвлекаться. Общество Пантеона, заявила Директория, стало опасным. Вот оно снова в полном своем составе и единодушно приняло живое участие в судьбе жены этого Трибуна Бабефа, которую мы посадили в тюрьму и подвергли пытке, чтобы она выдала нам своего мужа — живым или мертвым. Общество, кроме того, осмелилось проявить интерес к нуждам солдат и потребовало для них вознаграждения, обещанного им в дни *террора*.

конечно, они завопят о кинжалах, поскольку их сила будет убывать день ото дня. Пренебрегите этими тщетными воплями; я

Больше того, оно осмеливается обращаться с посланиями в Законодательный корпус и высказывать ему самые суровые истины; оно осмеливается заявить, что именно он, Законодательный корпус, убивает народ, разоряет его, создает страшную его нищету своими губительными декретами об ассигнатах и другими антинародными распоряжениями, которым присваивают название законов. Это уж чересчур... Но где нам отыскать средство, позволяющее закрыть эту мастерскую, кующую стрелы, с помощью которых нас хотят принудить к справедливости? Где?.. Да в конституции! Разве в ней, равно как в Коране или Евангелии, нельзя отыскать всего, что надобно? Да, да, в ней сосредоточены все «за» и все «против». В самом деле, ее открывают, перелистывают; и в этом кодексе д'Англа рядом со статьей, разрешающей открывать клубы, если они будут состоять из евнухов и лакеев Великого Визиря; рядом, повторяю, с упомянутой статьей находят и другую, предоставляющую возможность закрывать клубы, как только они начнут проявлять независимость и намерение разорвать связывающие их путы. На этом основании 9 вантоза издается постановление Директории, в силу которого все парижские клубы закрываются. Правда, сохраняются еще клубы в департаментах. О, должно быть, среди них встречаются составленные таким образом, что они могут быть только полезны властям... И потом — таково уж правило. В подобных делах действуют постепенно. Вспомните прошлый год, когда так отважно, так величественно и так законно закрыли клуб якобинцев; вспомните, поначалу его закрыли только в Париже. Но очень скоро г-н Майль [111] поднялся на трибуну Конвента и предложил поступить со всеми обществами в провинции так же, как было сделано с центральным Обществом, поскольку все они, сказал он, исповедуют одинаковые, антитермидорианские принципы, противоречащие справедливому и гуманному плану резни, голода, разорения большинства народа и его глубочайшего порабощения. Г-н Майль жив поныне и выступает в нашем почтенном сенате. Он в любой день может подняться на трибуну и повторить свое прошлогоднее предложение. Кто знает, может, именно ему поручат сделать и доклад, который должен стать логическим следствием послания от 9 числа и в котором, помимо прочих важных вопросов, будет содержаться предложение издать законы против тех, кто вздумает призывать и к ликвидации конституции, одобренной народом, и к восстановлению Конституции 93 года (так и есть, именно он вместе с мерзостным Мерленом из Тионвилля и прочими, столь же порочными людьми, входит в комиссию, которой поручено изменить конституцию д'Англа во всем, что касается народных обществ). Гнусные тираны! Именно Конституция 93 года и была одобрена народом. Раскройте ваши собственные протоколы. Они вам покажут, что она собрала девять десятых голосов, поданных совершенно свободно и с энтузиазмом, в то время как за другую была подана только одна десятая голосов, причем часть этих голосов была вырвана принуждением, а часть — хитростью, за которой крылись тайные замыслы. И что даст ваше новое законодательство? 5 жерминаля [112] вы уже создали такое для гарантии Конституции 93 года. Вы осудили на ссылку каждого, кто выступит против нее. А тремя месяцами позже, день в день, 5 мессидора, вы с преступной дерзостью на глазах народа, который вы поразили ужасом и заковали в цепи, замучили голодом и умертвили, вы, повторяю, со злобной дерзостью растоптали на свежих могилах его самых верных и самых ревностных защитников этот священный кодекс, этот благословенный пакт, это освящение счастья и спасения для всех, за которое народ сражался в течение шести лет и которое он неизменно чтит в душе. Вы считаете, будто ваши новые законы, придуманные ради того, чтобы заставить уважать вашу гнусную конституцию д'Англа,

им уже ответил за вас, что они сами давным-давно замышляют собственную погибель.

Париж, 19 вантоза, IV года Республики

С. Лаланд

внушат нам больше уважения, чем вам внушил ваш же собственный закон от 5 жерминаля, который вы декретировали лишь притворно, ибо он был направлен против вас самих и должен был противостоять тем дурным намерениям, в которых вас тогда справедливо подозревали. Это был настоящий обман, и вы прибегли к нему, чтобы успокоить и усыпить народ, с полнейшим основанием встревоженный вашими намерениями совершить неискупимое святотатство по отношению к хартии 93 года. Народ, будучи честным, будучи неспособным к коварству и вероломству, не прибегнет, борясь с вами, к обману. Моим голосом он во всеуслышание предупреждает вас, что опрокинет все ваши несправедливые карательные законы. Нет, кровопийцы! Закон может предписать лишь то, что полезно. Он может запретить лишь то, что губительно. Любое распоряжение, нарушающее этот принцип, не может быть законом. Вопреки всем вашим мерам, всем вашим тираническим установлениям, у нас будут клубы, как будут у нас и газеты. С помощью тех и других мы совершенно открыто станем подготавливать заговоры против вас, против ваших свободоубийственных конституций и смертоносных законов. Мы ничего не потеряли от закрытия Пантеона. Что могли мы предпринять в рамках общества, где всякая свобода, где все наши возможности были скованы? Ваши заговоры, тираны, и здесь обернутся против вас самих. Демократы! Вот как следует разрушить замыслы деспотизма. Вы удалитесь каждый в свою секцию, вы расчлените Пантеон на 4800 частей. Вы создадите в каждой секции примерно по сотне собраний. Вы будете их созывать в каких-либо кафе, но преимущественно у себя дома. Там без принуждения, без каких бы то ни было помех вы сможете выразить всю вашу ненависть к угнетателям Республики. Там вы станете читать наши газеты, наши жгучие проповеди о бедствиях нашей Родины. И пусть попробуют наемники их инквизиции проникнуть туда, чтобы помешать вам. Если они посмеют препятствовать свободному циркулированию наших обвинительных листков на улицах, у них не хватит сил помешать нам доставлять их в ваши жилища. Пусть эти наглые угнетатели попробуют поставить по шпиону у очага каждого патриота. Пусть, наконец, они попробуют обнаружить мои революционные архивы и конфисковать в них все то, что обличает или критикует их гнусное управление. А без всего этого они не смогут погасить священного огня. Итак, братья! Придерживаясь указанного плана, вы сумеете легко расстроить адские происки тирании. Неуклонно и с доверием следуйте линии, которую мы вам только что наметили. Верьте, что Пантеон, разветвленный так, как мы сказали, будет значить не меньше, чем Пантеон единый. Мы все же найдем способ собирать в нем голоса и в конечном счете выявлять общее мнение. Во главе его встанут ваши руководители, ваши наставники, ваши просветители: именно они выработают повестку дня, предложат вопросы для обсуждения, огласят результаты голосования, составят центр, к которому все вы будете тяготеть. Они станут направлять ваше движение, постепенно использовать рост вашей энергии. И таким путем вас вскоре приведут к тому, что грянет день народа, когда вы освободите и народ, и себя от ненавистного рабства, под гнетом которого он стонет. Напрасны усилия наших угнетателей! Им не избежать справедливой кары за неисчислимые преступления, лежащие на их совести.

Типография Просветителя народа

ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАРОДА,

или Защитник 24 миллионов угнетенных, С. Лаланда, солдата Отчизны

№ 3

> Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают
>
> (Сен-Жюст)

Второе выступление по поводу закрытия патриотических обществ.

Доказательства наличия большей свободы в Англии по сравнению с Францией, а также и того, что Питт, король Георг и верхняя палата больше уважают свободу печати, чем это делает Директория.

Спасительный совет моим братьям по оружию; на какие унижения обрекает их Директория.

Серьезное предупреждение шпикам Мерлена.

Чем дальше мы идем, тем больше мы видим злодеяний. Дерзость тиранов возрастает день ото дня; безнаказанность прошлых преступлений побуждает их совершать новые; еще вчера они прикрывали свои посягательства на народ непроницаемой завесой интриги, а нынче заговоры против его свободы они плетут, не скрываясь. Вчера остаток стыда сдерживал руку деспотизма; сегодня он открыто попирает все права граждан.

Исполнительная Директория наконец-то сбросила маску. Не сумев подкупить добродетельных граждан, собиравшихся в Пантеоне и в некоторых других местах, она сочла своим долгом начать против них преследования, потому что любая добродетель внушает ей страх. Своим высочайшим распоряжением от 9 вантоза она закрыла все эти общества и запретила гражданам впредь обмениваться своими мыслями. Одновременно она приказала друзьям Отечества спокойно взирать на то, как подавляется свобода, а самому народу — безропотно позволить заткнуть себе рот. Наглость такого мероприятия Директории не имела бы ничего себе равного, если бы не существовало еще ее циничного послания Совету 500.

Что же это? Неужели в Англии больше свободы, чем у нас? Неужели англичане, на которых в 93 году мы смотрели так презрительно, лучше сберегли свободу, чем мы, столь глупо гордившиеся тем, что стали якобы первым народом в мире? Да, наглость наших правителей только что дала нам печальное тому доказательство. И в Лондоне, и во многих других городах Англии существуют друзья свободы, сумевшие посреди всеобщего разложения сохранить свой республиканский характер. Эти люди ежедневно собираются в каких-нибудь **т а в е р н а х**. Там они бесе-

дуют об общественных делах, обсуждают действия властей и обмениваются сведениями; кажется, будто свобода укрылась в этих невзрачных убежищах, откуда порой вылетают стрелы такой критики, которая заставляет трепетать королевский деспотизм. И что же? Ни король Георг, ни Питт, ни верхняя палата ни разу не осмелились разогнать эти собрания. Английские республиканцы постоянно могут собираться в своих тавернах и говорить там о своих правах, а нам правительство, которое называет себя республиканским, запрещает собираться даже просто для того, чтобы оплакать гибель нашей свободы.

Конечно, от чудища, именуемого Директорией, мы должны были ожидать всех мыслимых злодеяний; ее первый шаг на пути преступлений должен был раскрыть, на что она окажется способной впоследствии, и показать, до какой крайности она дойдет в своей злобе. Но кто бы мог вообразить, что она, столь шаткая и готовая рухнуть в пропасть, которую сама же вырыла у своих ног, решится нанести такой чувствительный удар свободе, осмелится накинуть траурный покров на священный свод Прав человека! Возможно ли было предположить, что почти уже доведенная до необходимости умолять французский народ о жалости и милосердии, она осмелится повести себя как азиатский деспот!.. Что же, нет больше ни свободы, ни Отечества? Подставляет ли уже французский народ послушную голову под ярмо тирании; наступило ли уже время, когда гибельное правительство может безнаказанно угнетать свою Родину? Не венецианская ли деспотия утвердилась ныне в Люксембургском дворце?

О позор! О вершина унижения французского народа! Стоит только выслушать послание Исполнительной Директории Совету 500, и мы получим ясное представление о наглости наших тиранов и о бесчестии, которым они нас покрывают. Прислушаемся на мгновение к языку деспотизма, и мы убедимся в собственном порабощении.

После длинной преамбулы в термидорианском духе, где лучшие республиканцы приравнены к роялистам, где щедро выдвинуты смехотворные и лживые обвинения против патриотических объединений, где самое черное коварство смешано с последней степенью бесстыдства, вот какое заключение делает Директория: «Мера, принятая нами, есть пока еще лишь просто предварительный правительственный акт, результат которого оказался бы эфемерным без последующего постановления Законодательного корпуса, каковое окончательно определит статус политических обществ или объединений граждан, разрешенных конституцией: вопросами наибольшей важности представляются те, что касаются количества членов, из которых они могут состоять, не представляя угрозы для безопасности правительства; те, что касаются места и времени, когда они могут собирать свои заседания, не нанося ущерба авторитету органов национальной власти; или наконец, те, которые касаются мер наказания для тех, кто нарушит ... и т. д.».

Итак, впредь будет установлено, какое число граждан может собираться. Итак, французскому народу будет запрещено собираться для обсуждения его насущных дел. Итак, число кандидатов, которые могут принять участие в собраниях, разрешенных нашими ГОСПОДАМИ И ПОВЕЛИТЕЛЯМИ, будет сведено к количеству, достаточному для того, чтобы все слуги тирании могли войти в него, но сверх них — никто. Несомненно также, что в коммунах, которые соседствуют с правительством, нельзя будет создавать сообществ из боязни, как бы туда не просочилось несколько мужественных республиканцев, способных во всеуслышание заговорить языком правды и разоблачить преступления деспотизма. Итак, граждан, пожелавших воспользоваться самым естественным из прав — правом собираться и обмениваться своими мыслями, будут подвергать наказаниям! В какой стране мы живем? Не тень ли Капета требует проведения подобных мер?.. И среди 500 уполномоченных нашелся лишь один-единственный человек, выступивший против таких унизительных речей! Единственный, кто осмелился воскликнуть: позор! — но его голос был тут же заглушен святотатственным ропотом заговорщиков[113]. Бесстыдный Шенье[1*] простер свою наглость до того, что сумел превзойти кощунства, содержащиеся в послании. В конце концов Совет, вместо того чтобы с глубочайшим негодованием отвергнуть этот акт закабаления народа, постановил, что специальной комиссии будет поручено изучить требования Директории и предложить свои меры[2*].

Но в этом послании, достойном занять место в анналах Азии, есть несколько отдельных мыслей, заслуживающих внимания друзей свободы; народный публицист не может на них не указать. Таково, к примеру, следующее место: «В глазах Директории существуют в политическом смысле лишь два класса людей: сторонники конституции (95 года) и противники ее». Отсюда делается заключение, что все те, кто находит эту конституцию негодной, поскольку она нарушает все права граждан, являются рояли-

---

[1*] Шенье безосновательно пользовался репутацией патриота во времена, предшествовавшие 13 вандемьера, когда он выступал в паре с романистом Луве против роялистов. Множество патриотов, оценивающих общественных деятелей только по их поступкам в данный момент, свято уверовали в добрые намерения обоих этих лиц. Что до меня, то я никогда не давал им себя одурачить. Я знал, что эти господа выступают против роялизма, только защищая свои кровные интересы. Я помнил доклад Шенье о первых убийствах в Лионе, где он высказался за предание суду тех несчастных патриотов этой коммуны, которые избежали кинжалов убийц: это означало выдать их на растерзание когортам Иисуса. Я рад, что его поведение при обсуждении послания Директории оправдало составленное мной о нем мнение. Что касается Луве, человека известного своей близостью с первым мошенником Старого и Нового Света, с Бриссо[114] даже более, чем своими обвинительными выступлениями против Робеспьера, то о нем я не скажу ничего: картина столь мрачна, что мне уже нечего добавить.

[2*] Во 2-м номере моей газеты я уже говорил о том, как была составлена эта комиссия.

стами. Какой фарс! Конечно, роялисты желают ниспровержения конституции, но затем чтобы заменить установленный порядок вещей монархическим правлением; затем чтобы восстановить единоличную власть. Но, поскольку истинные друзья свободы и сам народ мечтают о правительстве, основанном на нерушимых правах человека; поскольку они не приемлют вашего режима, наименьшими пороками которого являются голод, всеобщее разложение, гражданская война и убийства, — следует ли из этого, что они роялисты? Неразумные правители! Неужто вы забыли, что те самые люди, которых сегодня вы называете роялистами, сражались за вас против подлинных друзей королевской власти и спасли вас от эшафота 13 вандемьера? Если роялисты находят, что наша конституция слишком медленно ведет к осуществлению их целей, то неужели из этого следует, что республиканцы должны считать ее совершенной? Обойдите все рынки и общественные места, посетите семейные очаги, опросите любого гражданина — вы от каждого услышите проклятия вашему господству, обвинение вас в тирании, в преступлениях против гуманности, требования хлеба, одежды, своих прав и счастья, которые вы у всех отняли. По-вашему выходит, будто все эти люди — роялисты. Но, стало быть, весь народ — сплошь роялисты! Что за оскорбление наносят магистраты благородной нации, любимице свободы, которая обуздывает и карает королей?

Директория осмеливается также, говоря о кодексе 95 года, называть его конституцией, одобренной народом. Подобная наглость приводит меня в восторг. Неужели они забыли, что в то время, когда проводились первичные собрания, роялизм осуществлял полную власть над всей Францией? Разве забыли, что подлинный народ был изгнан силой из этих самых собраний, что он отнюдь не высказал своей воли? Разве они забыли, как, одобряя их по венецианскому образцу разработанную конституцию, эти самые первичные собрания сносились с находящимися в Базеле эмигрантами и открыто замышляли восстановление монархии? И кто осмелится опровергнуть мое утверждение, что именно роялисты одни и одобрили эти унизительные законы? Нет, народ Франции не одобрял конституции 95 года; больше того, он не мог ее одобрить, так как права народа неотчуждаемы.

Но ничто не сравнится по смехотворности со следующим местом. О самой себе Директория говорит так: «Правительство, которое является и навсегда останется по сути своей и по исходным принципам другом народа[3*], самим народом[4*]...». Подоб-

[3*] Это напоминает мне многозначительные слова, слетевшие с уст чрезвычайно важной и высокопоставленной дамы, г-жи Ребель, жены директора. В разговоре с кем-то из придворных льстецов, рассыпавшихся в похвалах ее супругу, она промолвила: «Уверяю вас, мой муж, директор, чрезвычайно расположен к своему народу...». Французский народ! Вот ты и стал славным народом г-на Ребеля! Капет тоже называл тебя своим славным народом!

[4*] «Самим народом». Хорошо известно, что это выражение не принадлежит Директории; оно украдено из речи то ли Робеспьера, то ли Сен-

ное бесстыдство заставляет мое перо остановиться. Во мне вскипает кровь, когда я слышу, как Директория, отмечающая этапы своего господства количеством совершенных ею преступлений против человечества, называет себя другом народа; когда я слышу, как эта самая Директория, разукрашенная золотом и дорогими нарядами, утопающая в азиатской роскоши, оскорбительной для нищеты, которая терзает ее сограждан, называет себя самим народом. Разве не сущая правда, что Исполнительная Директория, не довольствуясь тем, что она нас угнетает, еще и издевается над нами с высоты своего трона?

Но чаша терпения переполняется день ото дня. Поминутно во всех уголках Республики все больше голосов повторяют: «Горе тиранам Франции! Горе угнетателям Свободы!» Несчастный народ, еще совсем немного — и здание тирании рухнет само собой. Свою последнюю надежду она возлагает на наших воинов; но я уже предупреждал ее, что ей нечего рассчитывать на солдат свободы для продления своей ужасной власти: ведь истина вот-вот блеснет перед ними и развеет чары, под воздействием которых стараются их держать.

Да, солдаты Отчизны! Вы не сможете оставаться глухими к голосу истины. Если тираны до сегодняшнего дня поддерживали ваши заблуждения, то я уверен, ваши глаза откроются, когда перья, несущие слово правды, во всех подробностях опишут вам их преступления. Вы прислушаетесь к голосу своего старого товарища, вместе с вами сражавшегося при Вальми, при Жемаппе, при Флерюсе [115], вместе с вами делившего лавры победы в сотнях других сражений, отмеченных вашей доблестью.

Товарищи, чем обернулись заманчивые обещания, данные нам от имени Родины? Где они, те земли, что Республика предназначала нам в вознаграждение за длительные и тяжкие усилия и которые должны были обеспечить нам спокойное существование? Их возвратили эмигрантам, их до сих пор возвращают этим чудовищам, принесшим нашей Родине войну, залившим ее границы кровью наших братьев по оружию. И не нам, а этим чудовищам предназначены ныне все благодеяния Отечества. В то время как какой-нибудь прислужник королевского двора вновь вступает во владение своими бесчисленными угодьями, брошенными им ради того, чтобы последовать за своими господами, сотни тысяч храбрых воинов, покрытых боевыми шрамами, изувеченных вражескими штыками и пулями, неспособных добыть себе средства к существованию, получают на жизнь по 30 су ассигнатами, иными словами — по одному денье в день. Вот плоды деятельности Директории! Вот судьба, ожидающая вас. Возвратившись к своим очагам, вы не найдете даже камня, чтобы преклонить на нем голову. Те земли, что были обещаны вам в более

Жюста, из речи, произнесенной от имени тогдашнего правительства, вполне заслужившего подобную характеристику.

счастливые времена, станут добычей эмигрантов, избегнувших ваших ударов; а наградой вам станет самая страшная нищета.

Патриотические объединения выступили было в защиту нашего дела. Они потребовали исполнения законов, изданных в нашу пользу во времена, когда еще были живы такие люди, как Робеспьер, Сен-Жюст, Леба[116]. Они потребовали исполнения и тех законов, которые были изданы тогда же в пользу несчастных наших семей. И что же? Директория закрыла эти общества, и главное обвинение, выдвинутое против них, состояло как раз в том, что они-де уделяли чересчур большое внимание нам и нашим семьям. Бабеф, Трибун народа, осмелился также потребовать выдачи вознаграждения, которое было нам обещано, — и Директория стала его преследовать, и Директория вот-вот назначит награду за голову этого мужественного писателя, поскольку он доказал, что она возвратила имущество такому множеству эмигрантов, что она до такой степени обесценила ассигнаты, что она столько их истратила на подкуп, что наша Родина теперь неспособна платить нам и четвертую часть того, что она нам должна. Как видно, достаточно попросту проявить интерес к нам, чтобы заслужить преследования со стороны Директории. И ведь это та самая Директория, которая имеет наглость заявлять, говоря о нас: *наши солдаты нас защитят*; ведь это та самая Директория, которая смеет отвечать на просьбы наших семей о хлебе и свободе: *берегитесь наших штыков*.

Товарищи! Вы чувствуете, как унижают вас такие речи Директории? Слыша их, можно подумать, будто Директория купила вас: она говорит о вас, как тиран говорил бы о своих рабах; она ставит вас в один ряд с наемниками королей, которых вы повергли в прах. О, я вижу, как краска заливает ваши лица. Нет! Герои, разбившие всех королей Европы, освободившие Бельгию и Батавию, не смогут встать в ряды угнетателей собственной Родины; напротив, они примкнут к своим близким, к народу, чтобы свергнуть деспотизм и основать на принципах Равенства первую Республику в мире.

Товарищи! Настало время завершить ваше дело. Настал наконец момент доказать Директории, что вы не ее подручные, а солдаты Отчизны. Настал момент решить, хотите вы пользоваться плодами пяти лет жертв и сверхчеловеческих усилий или вы предпочтете оставить их пяти презренным шарлатанам, запятнанным множеством преступлений и ненавидимым всей Францией. Чтобы воздвигнуть препятствие на пути наших тиранов, во весь голос потребуем обещанных нам земель. Откажемся воевать, пока мы этого не добьемся, или лучше примкнем к своему народу и покараем тиранов, завладевших нашей собственностью: ведь эти земли наши, раз Родина присудила их нам. Вот первый шаг, который мы должны сделать. Если внешний враг снова призовет вас на границы, вы помчитесь туда: ваши семьи, пока вас нет, станут пользоваться данным вам имуществом, а по возвращении вы обретете обеспеченное существование.

Директория, чтобы ввести вас в заблуждение, чтобы обмануть вас, твердит вам через посредство многочисленных своих агентов, что с существованием конституции 95 года связаны надежды на близкий мир. Гоните от себя саму мысль об этом. Директория вскармливает ее только для того, чтобы продлить свое владычество. Пока неправедная власть будет угнетать друзей свободы; пока великие принципы равенства не восторжествуют среди нас; пока голод, коррупция, гражданская война будут раздирать Отечество; пока первопричина всех этих зол (а она коренится в Директории) будет сохраняться, наши враги ни за что не заключат с нами мира. Объединившиеся против нас чужеземные короли слишком хорошо сознают свои интересы, чтобы вести переговоры с народом, страдающим от подобных бедствий; они знают, что наша внешняя сила зависит от торжества свободы внутри страны; их надежды на успех основаны на уничтожении священных прав народа; а Исполнительная Директория слишком верно способствует исполнению их намерений, чтобы эти надежды ослабели.

О моей газете уже сообщено всем мировым судьям, всем главным и второстепенным осведомителям, которых Директория щедро оплачивает из общественных денег. После выхода в свет 1-го номера газеты, одновременно являющегося проспектом, наши тупоумные директоры испугались тем сильнее, чем меньше ожидали они встречи с такой кометой, и я заслужил честь стать жертвой таких же преследований, как и все мужественные писатели, посвятившие себя священному делу народа. Один из моих друзей сообщил мне о том, что целый взвод сбиров пустился по следам разносчиков газеты, чтобы выведать через них сведения о гражданине Себастьяне Лаланде, о том, где он живет, о местах, где распространяется его газета; и он посоветовал мне позаботиться о своей безопасности. Подобная линия поведения внушала мне отвращение, ибо я считал ее проявлением трусости. Я хотел открыто противостоять тирании и в благородном порыве уже видел себя привлеченным по приказу Директории к суду, защищающим перед лицом судей и большого числа граждан дело народа, излагающим гораздо подробнее, чем я мог это сделать в своем небольшом листке, великие принципы свободы, разоблачающим преступления тирании и показывающим шрамы, испещряющие мою грудь, как свидетельство моего права проповедовать истину; но мой друг заметил мне, что противопоставлять величие души глухим интригам деспотизма — чистое безумие; и с помощью неопровержимых доводов он доказал мне, что мои расчеты ложны и что единственно возможным плодом моей неправильно понимаемой преданности делу явится прекращение выхода моей газеты и утрата нескольких истин, которые я мог бы предать гласности. Тогда, убежденный доводами моего друга, я последовал его советам; и вот я заживо похоронил себя. Вследствие всего этого я предупреждаю шпиков Директории, что нахожусь в надежном месте и

что все попытки, которые они смогут предпринять, чтобы обнаружить скрывающее меня мрачное убежище, будут совершенно напрасны.

Я приглашаю своих друзей, а ими являются все патриоты 92 года, стать разносчиками моей газеты и распространять ее, раз Директория запрещает мне делать это обычным путем.

Себастьян Лаланд

Типография Просветителя народа

ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАРОДА[117]

или Защитник 24 миллионов угнетенных, С. Лаланда, солдата Отчизны

№ 4

Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают

(Сен-Жюст)

Новые посягательства со стороны Директории. Отданные ею приказы об аресте множества Патриотов. Отвратительное преследование Трибуна народа; Директория предлагает 600 тыс. ливров тому, кто доставит его голову.

Карно уличен в измене Республике. Гнусный прислужник Солиньяк, виновный в намерении обесчестить Внутреннюю армию, заслуживает за это проклятия и народа, и солдат.

Гонор, известный доносчик, главный шпик правительства, внесен в черный список патриотами 92 года, наряду с Ферю и Русийоном.

Предупреждение моим братьям по оружию.

Раскрытые и преданные широкой огласке планы террористов.

Директория так стремительно идет по пути преступлений, что, если бы моя газета выходила даже дважды в день, этого все равно было бы мало, чтобы все их разоблачить. Столь велики бедствия и гнет, под которым томится французский народ с момента установления этой узурпаторской власти, что каждый спрашивает себя, скоро ли наступит счастливый день ее падения[1*].

[1*] Важное предупреждение патриотам. Горячее желание увидеть, как совершится это падение, не должно, однако, привести к поспешности, способной все погубить. Отлично известно, что наши угнетатели сами стараются возбудить движение, которое они намереваются в конечном счете превратить в подобие прериальских событий и таким образом погубить последних еще сохранившихся истинных республиканцев. Народ! Ты не дашь себя этим обмануть, твои часовые предупредят тебя обо всех коварных происках. Оставайся спокойным до тех пор, пока они тебе не скажут; ход событий и число преступлений сами породят благоприятный момент, о котором они тебя и известят.

Что до меня, то я начинаю уставать, постоянно рисуя столь мерзкие картины; я тоже задаю себе вопрос, скоро ль наступит мгновение, когда, оставив тягостную и невеселую обязанность без конца перечислять лишь преступления, я смогу целиком посвятить себя проповеди великих принципов свободы; пока такой момент еще не настал. Раньше, чем обнародовать принципы общественного благоденствия, нужно подорвать здание тирании; а для того чтобы разбить железный скипетр, перед которым Директория заставляет нас склонять головы, недостаточно только провозглашать принципы, потому что бесчисленные перья, подкупленные ею, легко опорочат их. Единственное оружие, которое можно ей противопоставить, — это раскрыть перед народом ее злодеяния, разоблачить перед всей нацией ее ужасный деспотизм, ее кощунственные происки, ее человекоубийственные преступления. Продолжим же выполнение взятой на себя задачи.

Можно было подумать, что Директория после мучений, которым подвергли гражданку Бабеф, после закрытия патриотических объединений на какое-то время успокоится, удовлетворенная уже нанесенными свободе ударами; можно было подумать, что она позволит забыть свои нападки, прежде чем предпринять новые; ну, так в этом ошиблись. Едва я указал на них, как Директория, ревностно стремящаяся продолжать подобную деятельность, отдала приказ об аресте многих членов общества Пантеона; и среди других — на арест гражданина Жермена, гусарского офицера, изгнанного из армии термидорианской кликой. Видимые мотивы преследования Жермена приведены в докладе некоего Гонора, главного шпика на службе у кади Мерлена [2*]; но истинная причина нового

[2*] Мы не знаем, является ли этот Гонор [118] тем же самым лицом, что и другой перворазрядный доносчик, с которым важно познакомить демократов. Этот последний выдвинулся с тех пор, когда ему пришлось заменить Ферю и Русийонов, включенных в черный список патриотами 92 года. Отныне мы включаем в этот список и Гонора, а следовательно, относим его к числу тех, кого следует пинками вышибать из любого места, куда они сумеют затесаться между честными людьми. Основания: лицо, о котором идет речь, является давней креатурой мерзкого Ровера. Этот ставленник Ровера оказался среди арестованных в Антуанском предместье нескольких предполагаемых участников событий Жерминаля. Впоследствии Гонор находился среди тех террористов, которые были отправлены в город Аррас. Его товарищи сразу поняли, что он арестован и посажен вместе с ними только как подсадная утка: Жермен оказался в числе его сотоварищей. И он совершенно ясно дал понять человеку Ровера, насколько тот достоин презрения из-за принятой им на себя роли. Таково, несомненно, одно из главных оснований, почему теперь Жермен подвергается укусам этого ядовитого насекомого. А последний отличился в Аррасе и другими милыми выходками. Некая девушка, по имени Жозефина, находилась в одной с ним тюрьме, будучи осуждена на 12 лет заключения за воровство; в ее руках еще сохранялась сумма в 30 тыс. ливров, добытая ею с помощью своих особых талантов. Гонор их все у нее промотал; потом он вышел из тюрьмы благодаря высокому покровительству маркиза Ровера; он еще больше двух месяцев оставался в Аррасе; тут он занимался фабрикацией доносов шуанским властям на своих несчастных товарищей, остававшихся

покушения на свободу Жермена — это его несгибаемый республиканизм, столько раз заставлявший умолкнуть презренных болтунов из Люксембургского дворца. Таким образом, Директория не удовлетворяется запрещением республиканцам собираться, она их еще и преследует, и я не удивлюсь, если увижу, что тюрьмы превратятся в приют республиканцев [3*].

Но даже этого оказалось недостаточно: Директория захотела еще яснее показать, до чего она может дойти в своей кощунственной дерзости; и вот она назначает цену за голову народного писателя; она обещает 600 тыс. ливров [4*] рабу, который доставит ей Бабефа — живым или мертвым. Такой редкостный произвол, на который никогда не отваживался даже двор во времена своего могущества, не нуждается в комментариях; он до конца обнаруживает всю черноту души наших тиранов, а заодно доказывает, что они находят весьма достойное применение государственной казне [5*].

в заключении, а позднее указывал на них и устроителям массовых избиений. Этот негодяй носил форму драгунского офицера; ныне он удостоен звания помощника инквизитора при нашем волшебнике Мерлене! Вот уж истинная метаморфоза! Что бы ни говорили, а я остаюсь при моем прежнем мнении: он заслуживает лишь того, чтобы его спустили с лестницы или выкинули из окна отовсюду, где бы его ни обнаружили.

[3*] Пока это печаталось, догадка превратилась в действительность. Изданы приказы об аресте Револя и Шаля [119], а также, как уверяют, и Антонелля. Распространяется, очевидно с единственной целью запугать и обуздать демократов, ложный слух о всеобщей на них облаве; ибо известно, что осуществление столь серьезной угрозы ныне невозможно. И те, на кого посмели напасть, и те, кто прослышал о неминуемом нападении, — все, за исключением несчастного калеки Шаля, благоразумно ускользнули от преступной руки и укрылись в надежном месте. Но этого недостаточно. В соответствии с принципом, гласящим, что «тот, кто подвергается незаконному нападению, имеет право любыми средствами сопротивляться насилию, которое пытаются над ним совершить», теперь пришло время нагнать страх на отродье тюремщиков. Пусть отважные люди учинят свой суд над теми, кто осмелился поднять руку на них. Пусть они сделают больше: едва лишь негодяев распознают, пусть начнут на них охоту, как на диких зверей. Есть два способа поразить этих скотов: один — посредством общей облавы, другой — устраивая засаду в назначенных местах, где они имеют обыкновение проходить. Итальянский способ так же хорош, как и любой другой. Чтобы сокрушить злодейство и тиранию, хороши все способы.

[4*] См. «Le Messager du Soir», N 140.

[5*] Директория истощает государственную казну не только для того, чтобы лишить народ его самых ревностных защитников. Наши конституционные тираны сохраняют часть средств этой казны, чтобы окружить себя такой роскошью, которой никогда не щеголяли французские короли, начиная с Фарамона и кончая последним Капетом. На днях они распорядились, опираясь уж не знаю на какую статью конституции, чтобы самые искусные вышивальщицы Парижа вышили для каждого из них восемь дюжин носовых платков; одна работа может стоить от 27 тыс. до 30 тыс. ливров.

Этого мало: в Люксембургском дворце все покрыто вышивками. У пяти императриц — рубашки с вышитыми подолами. Като Ребель, та, которая публично заявила что ее королевский супруг так любит свой

Но не следовало ли нам заранее подготовить себя к такого рода королевским замашкам? Нравственность наших директоров, их открытые посягательства на свободу в Национальном Конвенте должны бы были предостеречь патриотов против того увлечения, которое они выказывали во время назначения членов Директории. Вот одна черточка, характеризующая политическую карьеру человека, за которого высказались почти все патриоты и чье восхождение на Люксембургский трон заставило их сказать, что теперь Отечество спасено; я имею в виду пресловутого Карно. Так вот, этот Карно еще до 9 термидора преданно служил королям, объединившимся против Республики. Очевидное предательство со стороны этого человека поставило Родину на край гибели. И не ему мы обязаны тем, что австрийцам не удалось проникнуть в глубь Франции, после того как они разгромили армию Самбры и Мезы и Мозельскую армию. Только благодаря военному таланту одного из мучеников свободы, а также доблести наших республиканских фаланг свобода была еще раз вырвана из рук изменников, желавших ее погибели.

Сен-Жюст и Леба были посланы в армию Севера, где Ле-Кенуа, Ландреси и другие города, расположенные на этой границе, находились в руках врага. Мобёж был блокирован; генералы и делегаты Конвента совместно решили атаковать Шарлеруа и овладеть этим важным пунктом. Спасение и армии, и Родины зависело от взятия этого города; но для организации правильной осады не хватало тяжелой артиллерии. Сен-Жюст и Леба отправили в Комитет общественного спасения специального человека с просьбой прислать артиллерию и необходимое снаряжение. Карно был членом Комитета; он руководил военными делами, и посланный обратился именно к нему. Кто поверит, что негодяй Карно отвечал: «В этом нет необходимости, там хватит штыков». Штыки, чтобы взять укрепленный, ощерившийся пушками город! Агент возвратился, не достигнув цели своей миссии; и делегаты Конвента были принуждены обходиться для осады легкими полевыми орудиями; доблесть наших воинов сделала все остальное.

Но это было далеко еще не все. В день взятия Шарлеруа Сен-Жюст получил от Комитета общественного спасения приказ, написанный рукой Карно, им же подписанный и обманом вырванный у Комитета; в силу этого приказа надлежало отправить

народ, отдает расшивать верх его штанов, края его карманов и т. п. Я уж и не знаю вещей, которые не вышивали бы: на салфетках вышивают лик свободы, и наши султаны вытирают свои бороды свободой; правда, это лишь осязаемый образ среди сотен более существенных способов, которыми они профанируют и оскорбляют ее. Те, кто передал нам это сообщение, добавляют, что наши владыки сопровождают употребление очаровательных салфеток со свободой всякого рода насмешками и жестами, подчеркивающими эти насмешки.

Баррас, который, став директором, не может более пить бургундского, распорядился конфисковать 50 ящиков лучшего вина Бордо. Этот драгоценный груз находился уже на пути в Люксембургский дворец; но — о, немилость судьбы! — ящики стали добычей разбойников.

18 тыс. солдат из армии Самбры и Мёзы в Мозельскую армию, которой ничего не угрожало; таким образом, изменник Карно оставлял на Самбре всего 15 тыс. человек, не больше, и это против всех сил врага, т. е. 70 тыс. австрийцев. Сен-Жюст более не сомневался в измене Карно; понимая, что посылка 18 тыс. человек равносильна гибели Отечества, он предпочел ослушаться приказа Комитета. Это благотворное неповиновение юного героя на следующий же день принесло Родине спасение. В тот день враг атаковал нашу армию при Флерюсе, и наших сил, которые были бы подавлены его численным превосходством, если бы Сен-Жюст подчинился приказу, инспирированному Карно, оказалось достаточно для победы. Одержав ее, Сен-Жюст возвратился в Конвент, чтобы обличить измену Карно; но заговорщики уже готовились нанести делу свободы еще более страшный удар: наступил ужасный день 9 термидора, и в вознаграждение за все заслуги Сен-Жюст вместе с другими друзьями свободы сложил на эшафоте свою голову, еще увенчанную лаврами недавней победы.

Скажи, Карно, какой наградой отметили тираны, объединившиеся против Республики, то рвение, с которым ты содействовал тогда их планам? Скажи, не золоту ли Англии и Австрии, не милости ли иностранных деспотов обязан ты пурпуром, который сегодня носишь? Скажи, не для того ли ты угнетаешь ныне французский народ, чтобы расплатиться за эти благодеяния?

Чем же должны быть прочие члены Директории, если Карно, всегда считавшийся лучшим из них, тот, кого называли патриотом из патриотов, уличен в измене Республике?

Есть еще один человек, заслуживающий упоминания в моей газете, которого я считаю тем более опасным, что он владеет искусством вводить в заблуждение некоторые неустойчивые умы. Это — Баррас. Каждый день я вижу, как толпа его лакеев крутится вокруг республиканцев, уверяя их, будто Баррас полностью предан народной партии, будто он ждет только благоприятного момента, и тогда он поддержит усилия друзей равенства; они уверяют даже, что пусть только народ захочет стряхнуть с себя иго, давящее его, и Баррас тут же готов стать во главе народа. До чего гнусная интрига! Однако же, есть люди, дающие себя поймать в ее сети; они, конечно, не знают, что из всех директоров Баррас является самым злобным преследователем друзей равенства, защитников народа; они, конечно, не знают, что этот самый Баррас собственной рукой начертал приказ об аресте Жермена и многих других патриотов, изданный на днях. Но существует тайная причина, побуждающая этого человека действовать подобным образом, и, мне кажется, то, что говорят нам агенты Барраса, это все попытки завлечь нас в западню, расставленную нам Директорией. Баррасу хочется завладеть нашим доверием, подкупить нас обещанием поддержки в правительстве, чтобы толкнуть нас потом на какой-нибудь необдуманный поступок: он покинет нас в самый критический момент, примкнет к нашим противникам, и все наши усилия разбить оковы народа обер-

нутся на пользу тирании[6*]. Таково, и это не подлежит сомнению, побуждение, толкающее и Барраса, и Директорию к подобной интриге. Но макиавеллистский замысел рухнет, раз уж он разгадан. Друзья свободы, 24 миллиона страждущих не подумают рассчитывать на помощь Барраса в усилиях свергнуть деспотизм; они сумеют обойтись без него.

Чтобы остановить неизменные успехи святой доктрины равенства, наши тираны начинают теперь действовать по-новому. Поскольку они прекрасно знают, что у Робеспьера не было иной цели, кроме подлинного равенства, или всеобщего счастья, т. е. именно такого порядка вещей, которого мы добиваемся ныне, они всеми доступными воображению средствами стараются извратить образ этого великого мученика за свободу и восстановить умы против его принципов. Они снова повторяют нелепую клевету, которая выставляет на посмешище и ее авторов, и сам Национальный Конвент, в стенах которого она прозвучала. Некто Вилен Добиньи первым отважился вступить на этот путь; он опубликовал объемистую брошюру, полную отвратительной лжи и отличающуюся редкостным бесстыдством, свойственным ее автору. Многие другие деятели подобного же рода пустились по стопам первого. Но вот Корматен-Реаль захотел выделиться из числа всех прочих воителей и напечатал в своей «Газете патриотов 89 года», которая является стоком всех нечистот Директории, целый ряд самых злобных и абсурдных клеветнических выдумок. Но народ с негодованием отказался слушать кощунственные голоса этих апостолов тирании. Их тирады, направленные против Робеспьера, лишь напомнили угнетенному народу о том счастливом времени, когда этот великий человек, этот мститель за человечество, руководил его судьбами, и придали новую силу принципам, которые он провозгласил[7*].

[6*] См. примечание к первой странице этого номера; на него следует обратить особое внимание.

[7*] Каких только затруднений не испытывает наше бедное правительство, желая задержать новый, могучий расцвет этих принципов? Для этого можно бы найти способ: распустить снова узду, сдерживающую «порядочных людей»; возобновить во всей ее полноте систему Термидора; наконец, снова выдать убийцам грамоты на безнаказанность. Патрициат и роялисты через посредство своих газет стараются подольститься и к Директории, и к сенату в надежде вновь добиться для себя подобных милостей. На этот раз они обещают ограничить свои планы убийств, больше не увлекаться, как это случилось в вандемьере, когда они пожелали предать избиению в качестве террористов и всех сенаторов, и само правительство: они предпримут истребление всех, кроме них. Но они дают слово, что дальше не пойдут. Уверяют, будто ни сенат, ни Директория не желают на это слово положиться. Они неправы. Что до меня, то я советую им броситься очертя голову в объятия золотой молодежи, раз уж она им дает столь торжественное обещание. Потому что ведь нужна же какая-то опора. Нельзя одновременно отталкивать от себя и якобинцев, и господ. И без того уж чересчур огорчили последних в деле о свободе печати.

Счастье, если настроение, вызванное у них обсуждением этого вопроса, оказалось мимолетным; счастье, если они забыли его вследствие

Да, вопреки Директории и ее прислужникам свобода восторжествует. Народ уже причастился святой доктрины Равенства; ежедневно читая наши плебейские газеты, он все более проницательным взором смотрит вокруг, а число его просветителей растет по мере роста преследований: дело всеобщего счастья поминутно привлекает новых приверженцев; складывается общественное сознание — не такое, как этого хотелось бы Директории, а такое, которое соответствует духу народа, поклявшегося в вечной ненависти ко всякого рода деспотизму, поклявшегося уничтожить роялизм и патрициат, пожелавшего стать поистине свободным и счастливым. Тот важный класс общества, который держали до сегодняшнего дня в полном неведении своих прав, теперь знает всю их широту: мы открыли ему глаза, мы показали ему цель революции, и вот 24 млн. обездоленных поднимаются во всех концах Франции и требуют своей доли плодов земли, предназначенных им самой природой. Свершилось, возвышенное стремление ко всеобщему счастью зародилось в душе каждого; и Директории столь же трудно остановить это стремление, сколь трудно помешать распространению истины посредством наших газет [8*].

благоприятного порядка дня, которого они добились. Общеизвестно, что он благоприятен не для всех: благодаря особым полномочиям, которыми наделен Сартин из Дуэ [120], этот порядок дня не для нас, бедных горемык, несчастных изгоев! А потому мы целиком предоставляем его «порядочным людям». Они будут писать, осуществляя право свободы печати, а мы — осуществляя наше право на подпольную печать.

[8*] В самом деле, это настолько трудно, что и великий Мерлен-Сартин становится в тупик. Прочитайте его письмо от 18 вантоза в центральное бюро Парижского кантона («Journal des Patriotes de 89», N 211). «Он полагает, что дела идут все хуже и хуже. Памфлеты вожаков Пантеона и злобные листки Бабефа распространяются открыто и безнаказанно... сам Бабеф находится в Париже, все об этом знают, а он все еще на свободе!.. Начальник полиции подавлен таким количеством бед...» Ты, Сартин, не договариваешь. Другие договаривают за тебя, что мы даже среди муравейника твоих агентов сумели организовать отряд разносчиков наших антидеспотических газет. И это правда. Даже в твоих бюро есть множество храбрецов, которые получают деньги от тебя, а служат нам или, вернее сказать, которые получают от тебя деньги Республики и служат Республике, потому что нет более верной службы Республике, чем распространение истины, срывающей покров с ваших злодеяний и навлекающей на вас справедливое возмездие. Храбрецы, помогающие нам, правы во всех отношениях; они видят, что удача теперь сопутствует нам, а не вам, и у них хватит ума встать на нашу сторону. Горе тем, которые останутся вам верны! Мы ведем учет и словам, и делам всех, кто изменил народу: они поплатятся за это в день Воздаяния! Да, предатели! Бабеф в Париже, и он на свободе! Но ведь это потому, что нет охотников на ваши 600 тыс. ливров, обещанных за его голову! Это потому, что его оберегают 600 тираноубийц, готовых отомстить вам за первое же покушение на него. Добродетельный Бернар! Пусть имя твое украсит список избранных: ведь у тебя достало благородства отказаться от места, нужного тебе, поскольку оно обеспечивало тебе насущный кусок хлеба, но ненавистного, ибо обязывало тебя обнаружить убежище Трибуна народа. Да войдет этот прекрасный поступок в анналы человеческих добродетелей. Мерлен, приготовь себе веревку или трепещи, как трепе-

Скоро тираны не смогут более устрашать нас штыками: истина начинает громко звучать в сердцах наших воинов. Пусть не унижают их верой в то, будто они таковы, какими нам их представляет Директория. Эти герои, увенчанные лаврами, обессмертившие себя таким множеством побед; эти герои, столько раз теснившие объединенные батальоны чужеземных деспотов, отнюдь не губители собственной Отчизны, как нас уверяет Директория. Я знаю их; я много раз был свидетелем их восторга при звуке священного имени Родины; я сам разделял этот восторг. Тот благородный огонь, который с такой силой горит ныне в моей душе, не думайте, безрассудные директоры! — что он угас в их душах.

Директория недавно расклеила повсюду манифест, который она назвала «пожеланиями военных, составляющих первую дивизию внутренней армии»; на самом деле это лишь творение некоего низкого льстеца тирании. Автор этого манифеста вкладывает в уста свободных воинов речи, едва ли свойственные даже рабам короля Георга...

Нет, товарищи, это отнюдь не ваш язык, он слишком раболепен. Вас заставляют говорить, что вы смиренные слуги Директории; что вы готовы повернуть штыки против народа, если только он осмелится потрясти ярмо угнетения. Хуже того, в наши уста вкладывают следующие постыдные слова: «Наши штыки направляет не кто иной, как наши командиры»; это значит, что нас приравнивают к скотам, лишенным чувств; у нас нет дара мыслить, за нас думают наши начальники; если они прикажут нам вонзить меч в грудь наших отцов, или матерей, или наших детей, мы слепо им подчинимся; каким же бесчестием покрывает вас Директория!

Но, мои братья по оружию, я вовсе не нуждаюсь в многочисленных заверениях с вашей стороны в том, что ни один солдат не подписал этот постыдный документ; я без того убежден в этом. Я знаю: единственный, кто поставил под ним свою подпись, — это прислужник Солиньяк [122]; ему подходит подобный язык. Раз уже природа отказала ему в чувстве собственного достоинства, пусть он раболепствует перед Директорией; лишь бы, по крайней мере, он не пытался привлечь вас к собственному пресмыкательству, приписывая вам свое творение. При этом я полагаю, что вам совершенно нет нужды опротестовывать это сочинение. Если бы я ду-

---

тал ты в тот день, когда пришли сказать тебе, что весь Париж увешан плакатами: «Солдат, остановись и прочти» [21], — и, несмотря на тысячи твоих Аргусов, никто не знает, кем это было сделано. Неужели ты думаешь, будто у нас нет своих шпионов даже внутри твоего кабинета! Они следят за каждым твоим движением и о каждом из них доносят нам; доказательством этому служит правдивое сообщение об этом твоем трепете. Попробуй опровергнуть его. Тебе потребуются новые шпики, чтобы шпионить за прежними шпиками. Набери этих новых шпионов из рядов шуанов; но может статься, что они сыграют с тобой иного рода шутку! Признайся, ведь очень трудно управлять, опираясь на преступление?

мал, что хоть один француз не уверен вместе со мной в том, что этот манифест создан отнюдь не вами, что его обнародовали, не сообщив вам о нем, что ваши мысли и чувства диаметрально противоположны тем, которые вам приписывают, — тогда бы я призвал вас разоблачить его; но ваша слава выше всех ударов, которые прислужники тирании пытаются ей нанести.

Я знаю, Директория пускает в ход буквально все, лишь бы обмануть вас; но я знаю и то, что достаточно зажечь перед вашими взорами факел истины, и все ее попытки рассыплются в прах; а потому, желая предупредить самую возможность ошибки, в которую кто-либо захотел бы вовлечь хоть одного из вас, я открою вам наш секрет.

Террористы, анархисты — это имена, которыми все враги свободы называют защитников народа, стараясь опорочить священное дело, которому они служат; эта секта отважных людей, которую роялизм преследовал с такой злобой после навеки проклятого убийства Робеспьера и которая еще и поныне готова во имя свободы на гибель от ножа убийцы или руки палача, видит, что цель революции не достигнута; что народ в результате шестилетних сверхчеловеческих усилий и жертв получил лишь самую страшную нищету. Она видит, как все достижения революции свелись к тому, что пятеро субъектов, составляющих Директорию, получили громадные богатства, великолепные одеяния, прекрасные кареты, красивые дома и даже носовые платки стоимостью в 40 тыс. ливров каждый; это в то самое время, когда 24 миллиона французов лишены хлеба и доведены до крайней нужды. Как и мы, эта секта, называемая анархистами и террористами, сражалась на протяжении шести лет за торжество Республики; как и мы, она уже считала, что достигла этой цели, когда депутаты-предатели, открыто изменив французскому народу, создали конституцию, установившую аристократию богатства, иначе говоря, тиранию мошенников, нарушившую все права народа и ставшую источником всех бедствий. Директория называет этот режим Республикой, потому что он обеспечивает ей богатство, власть и право безнаказанно угнетать свободу. Но секта террористов по праву называет такой порядок вещей тиранией, потому что громадное большинство французского народа находится в подчинении у маленькой кучки негодяев. Ни эта секта, ни народ не желают республики Директории; они хотят республики, где подавляющее большинство главенствует и является суверенным; где любой гражданин обладает правами наравне со всеми; где не существует разнузданной роскоши, оскорбительной для беспросветной нищеты; откуда изгнаны нужда и общественное разложение; где существование каждого члена общества обеспечено и не зависит от капризов судьбы или какого бы то ни было человека; где чтят добродетель и карают преступление; где, наконец, царит подлинное равенство, т. е. всеобщее счастье. Вот какова та Республика, за которую мы все поклялись умереть, но которой Директория не позволяет нам иметь.

А ведь именно такова и единственная цель революции. Чтобы достигнуть ее, террористы требуют Конституции 1793 года, обеспечивавшей часть этих преимуществ, а не той, которую мы имеем сейчас и которая упразднила их все. Затем они желают еще и вот чего: «отнять у тех, кто владеет избытком, и дать тем, у кого нет ничего, так, чтобы каждый обладал достатком». Еще они желают отдать воинам, победившим чужеземных деспотов, и семьям тех, кто со славой пал на поле чести, земли, которые им были обещаны от имени Родины и которые стали добычей шайки мошенников. Но ничего этого не желает Директория.

Таковы планы террористов. Такова цель, к которой они стремятся. Судите же, солдаты Отчизны, сами судите по этому наброску, какова разница между ними и Директорией. Я предоставляю вам решать, какая из двух партий — партия террористов, иначе говоря партия народа, или же партия Директории — заслуживает удара ваших штыков.

Себастьян Лаланд

Типография Просветителя народа

ПИСЬМО РЕДАКТОРАМ «ГАЗЕТЫ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ» [123]

Париж, 28 вантоза IV года Республики
[19 марта 1796 г.]

Ваша газета, граждане, составляется многими писателями-патриотами. Если бы даже это не объявлялось в заглавии каждого ее номера, я, немного в этом разбираясь, был бы в этом глубоко убежден. Вообще говоря, я, как и все честные люди, одобряю этот выбор сотрудников. Полное сходство их строго республиканских принципов, постоянство, с которым они их отстаивают, их абсолютное согласие по всем вопросам доктрины — все это, бесспорно, заслуживает уважения всех добродетельных и справедливых французов, являющихся читателями вашей газеты. Думаю, никто из них не имеет оснований жаловаться на нее; и я, должно быть, представляю довольно странное исключение.

Хочу предупредить одно ваше возражение: причина, побуждающая меня жаловаться, все же не столь сугубо личная, чтобы мое письмо не имело некоторого права на место в газете, служащей общественным интересам; вы скоро рассудите сами.

Возвращаюсь к тому, с чего начал: как я уже сказал, у вашей газеты несколько редакторов. По крайней мере, четверо из них по-разному высказались на мой счет, давая Франции различное представление обо мне.

Правда, ни одно из этих мнений не похоже на те, которые повседневно провозглашаются разносчиками новостей патрициата и роялизма. Но именно потому, что те и другие высказывания не

схожи между собою и что почти все представляются мне неточными, я, как человек, ныне активно выступающий на арене общественной борьбы, полагаю небесполезным попытаться внести в эти суждения некую долю справедливости.

Верно: монархистские, патрицианские, правительственные газеты не устают поднимать шум вокруг моего имени; но они не дают ясного представления о моей персоне. Они утверждают, будто я неистовый роялист. Им приходится утверждать это совершенно голословно, потому что они, да и никто другой, не могут найти ни малейшего доказательства в моих сочинениях. Но ведь невозможно, чтобы кто-нибудь им поверил, ибо очевидно, что они не гневались бы так сильно, если бы я был таков, как они утверждают. Таким образом, получается, что, хотя вся Франция слышит обо мне, она по этим газетам шуанов и роялистов совершенно не может понять, что я собою представляю. Если, желая это узнать, она обращается к патриотическим газетам, то в ее распоряжении оказывается почти одна только «Газета свободных людей», распространение которой пока что не слишком затруднено. «Газета свободных людей» неоднократно заявляла о грубой абсурдности предъявляемого мне обвинения в роялизме, но, не знаю почему, говоря обо мне, она почти постоянно оставляла впечатление чего-то двусмысленного и туманного, что опять-таки не давало никакого четкого представления обо мне самом и о моих принципах.

Некогда Калиостро был человеком, не поддающимся определению. Все говорили о нем как об удивительном человеке, и никто не мог точно сказать, что он собою представляет. Праздное любопытство того времени старалось в нем разобраться. Люди соперничали друг с другом, изощряясь в поисках. На случай, если желание охарактеризовать меня ныне равно тому, которое зеваки испытывали по отношению к тому шарлатану, я постараюсь уберечь многих людей от подобных затруднений и облегчу Республике решение того, что для многих ее граждан еще остается трудною загадкой: что я за человек?

Один из вас, граждане, написал в номере вашей газеты от вчерашнего дня, 27 вантоза, следующий абзац, который я считаю необходимым воспроизвести полностью:

«Последние послания министра полиции явно направлены к тому, чтобы вызвать преследования писателей, коих упрекают за их заблуждения, но которых нельзя, не отступая от здравого смысла, смешивать с роялистами; и в то время, как строгость полиции направляют против Бабефа, по-видимому, с уважением относятся к Рише-Серизи: неужто существует система преследований исключительно для патриотов?»

Все, кто в других местах читал, будто я известный роялист, поймут из приведенного отрывка, что это грубая ложь. Из него явствует также, что я один из патриотов, в отношении которых, по-видимому, существует особая система преследований. Но вместе с тем они узнают, что я один из тех писателей,

коих упрекают за их заблуждения. Кто именно упрекает за эти заблуждения? Обоснованны ли эти упреки? Это «Газета свободных людей» оставляет в тумане.

Я, однако, предполагаю, что есть определенные причины, по которым вы не воздаете мне полностью ту справедливость, какую, по моему мнению, вы хотели бы мне воздать. Но я полагаю, что, по крайней мере заручившись моей подписью, вы можете позволить себе сказать обо мне всю правду, отказавшись от всех тех оговорок, прибегнуть к которым вас, конечно же, заставила только сложность вашего положения. Однако мне кажется, что вы могли бы и что вы можете впредь не давать повода для всевозможных лжетолкований, способных подкрепить суждения злонамеренных людей, направленные против человека, чья репутация, пожалуй, небезразлична для дела, коему вы так хорошо служите. Вы можете сильно повредить этой репутации, выдавая меня за заблуждающегося патриота. Вы доставили бы мне большое удовольствие, если бы обосновали этот упрек, тогда как вы уподобились моим ожесточенным гонителям, которые бьют меня только эпитетами. Иногда они имеют несчастье цитировать меня, и при этом себя конфузят, потому что у меня нет ни одной фразы, которая не была бы строго обоснована и не опиралась бы на бесспорные принципы. Если бы вам больше повезло в этом отношении и вы смогли бы указать мне хоть одну фразу, составленную иначе, я бы охотно и искренне признал себя виновным.

Вначале я сказал, что насчитал в вашей газете четырех сотрудников, высказывавшихся обо мне по-разному. Сейчас я обосную это утверждение. Например, Антонелль и Феликс Лепелетье были далеки от того, чтобы считать меня «заблуждающимся патриотом», когда один в 9-м номере «Плебейского оратора» подкреплял столь убедительными рассуждениями мою доктрину всеобщего счастья, а другой, великодушно защищая мою жену, столь же мужественно заявлял, что нельзя осудить принципы ее мужа, не осуждая в то же время книги Руссо, Мабли и Гельвеция. А ранее в вашей же газете другой автор называл первые страницы, написанные мною после событий Вандемьера, неосторожными и необъяснимо безумными. Правда, мне кажется, что этот сотрудник, навсегда оставивший свидетельство о себе в другом месте, с тех пор у вас больше не писал. Наконец, четвертый сообщил неверные сведения о Ферю и обо мне в номере от 10 вантоза: первый якобы получил запрещение печататься, а я оказался человеком заблуждающимся, даже сочинителем клеветы. Согласитесь, граждане, что все эти отзывы не похожи друг на друга и даже логически не сходятся.

Надеюсь, всем, кто не имеет возможности читать «Трибуна народа», этого письма, напечатанного в вашей газете, вместе с уже опубликованным вами моим письмом к монаху Галле будет достаточно, чтобы уяснить, кто я такой, чтобы распутать эту проклятую загадку в духе Калиостро и чтобы немного восстановить мою бедную репутацию, которую шуаны исказили до неузнавае-

мости. Я не прошу вас о напечатании моего письма как о милости. Вы не можете мне в этом отказать, ибо моя репутация, репутация революционера, не принадлежит ни вам, ни мне. Она принадлежит Родине. Нас, защитников истинных принципов, совсем немного. Не будем же ослаблять себя, оставляя неясности относительно характера каждого из нас. Братский привет.

Гракх Бабеф

ГРАКХ БАБЕФ В «ГАЗЕТУ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ»

в ответ на статью, подписанную Антонелль, напечатанную в 144-м номере [124]

Париж, 4 жерминаля [25 марта]

Я знаю Антонелля только по его сочинениям. Это преимущество я разделяю с доброю частью читающей их Франции. Я не льстец, это известно. Но я скажу, что он тот из публицистов, который приобрел почти исключительное право возбуждать во мне интерес. Не думаю, чтобы кто-либо из читателей восхищался больше меня его открытой душой, его логикой, глубокой, чистой и прямой, его тонкими и смелыми оборотами, его гордой, энергичной, независимой и свободной манерой, и только ему, пожалуй, дано сочетать это с учтивостью, изяществом стиля и счастливым даром разить противника столь искусно, что пострадавший почти не может жаловаться. Но более всего я воздаю должное его горячей любви к человечеству, его патриотизму, ставшему пламенною страстью, человеколюбию, делающему его способным на величайшее самопожертвование, и тому подлинному демократизму, который не довольствуется сносным, но заставляет стремиться к наилучшему в области общественного устройства.

Однако второй уже раз гражданин Антонелль заставляет меня выступить против него, поскольку я вижу, как он, смею сказать, противоречит сам себе при обсуждении важного вопроса, привлекающего мое особое внимание.

А если он и не противоречит самому себе, то во всяком случае он, мне кажется, стоит не на высоте тех правильных выводов, которые следует сделать из великих принципов, им же самим очень удачно сформулированных и являющихся, по собственному его мнению, бесспорными.

Антонелль, письмо, опубликованное тобою в «Газете свободных людей», подтверждает то, которое ты поместил более трех месяцев тому назад в 9-м номере «Плебейского оратора». Признавая в первом письме неоспоримую справедливость моей доктрины подлинного равенства, ты оспариваешь возможность его установления у нас. Я целиком посвятил 37-й номер моего «Трибуна народа» ответу на те аргументы, которые ты приводишь в обоснование своего мнения. Ты, со своей стороны, меня не опровергал. Я сделал из этого вывод, что мне удалось тебя убедить.

Я ошибся, ибо ныне ты повторяешь и то же утверждение о полной и даже исключительной справедливости моей системы, и те же сомнения относительно средств осуществления ее у нас.

Прежде чем выступить с таким тезисом, как тот, что я отстаиваю, я много над ним размышлял. Ты знаешь, я дал обет защищать его решительно против всех. Я совершил бы преступление перед людьми, если бы, подняв такой вопрос, без всякого сопротивления позволил бы подвергать нападкам вытекающие из него наиболее важные следствия, хотя я считаю, что в состоянии одержать в этом споре победу.

Здесь речь идет о деле весьма немаловажном, поскольку надо решить, предложил ли я миру предельно достижимое общественное благоденствие или только прекрасную мечту.

Во всяком случае, приятнее защищать это дело перед судом мудрецов, которые выслушивают, изучают и размышляют, нежели перед судом инквизиторов и цензоров, которые заранее осуждают, клевещут и подвергают гонениям. Ведь приговор убежденного общественного мнения обладает гораздо бóльшим влиянием, чем сила принуждения. Поток философии увлекает нации и века; влияние штыков и полицейских ограниченно и быстротечно.

Я сказал, что Антонелль только повторил в 144-м номере «Газеты свободных людей» приведенное им в 9-м номере «Плебейского оратора» доказательство бесспорной справедливости социальной системы с о в е р ш е н н о г о р а в е н с т в а. Я добавил, что как в первом, так и во втором случае он приходит к выводу о невозможности ее осуществления у нас; что я, со своей стороны, выдвинул аргументы против тех, коими он обосновывал свое мнение, и он меня не опровергал. Я сейчас сопоставлю выдержки из обоих сочинений и, в свою очередь, повторю мои прежние аргументы, ибо пока их не опровергли, они остаются в силе.

«Право собственности есть наиболее плачевное творение нашего воображения... Я убежден, что состояние общности является единственно справедливым, единственно добродетельным и одно только соответствует подлинным предначертаниям природы; что вне его не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ». Антонелль в 9-м номере «Плебейского оратора».

«Бесконечно много людей разделяют мнение, что объединенные в общество люди могут найти счастье только в общности имуществ. Это один из вопросов... по которым поэты и философы, чувствительные сердца и суровые моралисты, люди с живым воображением и люди со строго логическим ходом мысли, изощренные умы и простодушные существа всегда были и будут единодушны как в чувствах, так и в мыслях». Антонелль, № 144 «Газеты свободных людей».

Отлично, до сих пор мы согласны.

«Но (Бабеф и я) мы оба опоздали родиться, раз мы явились на свет с миссией рассеять заблуждения людей относительно права собственности. Это роковое установление слишком глубоко

укоренилось и пронизало абсолютно все; у великих и древних народов оно уже неискоренимо...» Антонелль, № 9 «Плебейского оратора».

«Это, конечно, не значит, что надо сегодня же высказаться за действительную отмену собственности и за установление общности имуществ, ибо к этому, очевидно, можно идти только через разбой и ужасы гражданской войны, и такие методы прежде всего чудовищны, не говоря уже о том, что они способны лишь уничтожить собственность, но никак не создать общность имуществ. В самом деле, как возродить те добродетели и простоту, которые необходимы для возвращения и сохранения естественного и чистого порядка вещей, коего прелестей мы уже не способны оценить?.. Эта застарелая язва стала неизлечимой». Антонелль, № 144 «Газеты свободных людей».

Вот мой ответ: «Я не согласен с мнением, будто бы нам лучше было раньше явиться на свет, чтобы легче исполнить свою миссию и раскрыть людям глаза на так называемое право собственности. Кто разубедит меня в том, что как раз наше время самое благоприятное для подобной миссии? что для такой задачи оно бесконечно благоприятнее дней тысячелетней давности? Прежде всего, разве мысль о борьбе со злом появляется раньше, чем само зло начинает проявлять себя? Ну, а люди, недальновидные по обыкновению своему, допустив учреждение права частной собственности, не представляли себе всех бед, которые оно с собой принесет. Уровень их просвещения, неопытность не давали им почти никакой возможности что-либо рассчитать. И если бы даже кто-нибудь крикнул бы им: «Вы погибли, если забудете, что плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому!» — я сомневаюсь, что они бы его услышали, а услышав, во всяком случае не захотели бы этому поверить. Поскольку же гибельные последствия очень долгое время не давали о себе знать, то еще и через несколько сот лет никому не приходило в голову предлагать какие бы то ни было реформы. Позднее же, когда зло стало достаточно ощутимо, оно уже незаметно просочилось повсюду, его стали считать чем-то совершенно естественным, и никто уже не знал, откуда оно взялось: все привычные обстоятельства жизни порождали представление, будто это нерушимый и неизбежный порядок вещей; невежество, суеверие и власть объединились, чтобы помешать пониманию истинной причины зла и парализовать силы для борьбы с ним. Но теперь, когда гангрена распространилась настолько, что уже не осталось здоровых мест, когда народ сначала оказался обреченным на то, чтобы получать только по две унции хлеба в день, а потом — платить за него по 60 франков за фунт; когда подавляющая часть народа вынуждена продавать последние лохмотья, чтобы раздобыть себе кусок хлеба, или обходиться вовсе без хлеба, если все уже распродано; когда этот народ просвещен и способен слышать, а положение толкает его жадно ухватиться за драгоценную истину: «Плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому»; и когда еще Антонелль

оказывается тут же и говорит ему: «Состояние общности является единственно справедливым, единственно добродетельным; вне этого состояния не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ», — тогда я не вижу, почему этот народ, который, конечно, желает себе добра, который именно поэтому хочет всего, что справедливо и добродетельно, не мог бы торжественно заявить о своем желании жить только в «мирном и истинно счастливом обществе». Отнюдь нельзя сказать, чтобы в эпоху, когда крайности злоупотребления правом собственности доведены до последней степени, «это роковое установление слишком глубоко укоренилось»; мне, напротив, кажется, что оно потеряло большую часть удерживающих его корней и что эти поредевшие корни уже не служат ему надежной опорой, делая дерево чувствительным даже к самым слабым толчкам. Создайте большое число неимущих, покиньте их на произвол ненасытной алчности горстки захватчиков — и *корни рокового института собственности не будут более неистребимы*. Скоро все обездоленные силой обстоятельств принуждены будут задуматься и признать великую истину, что «плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому»; что мы гибнем лишь постольку, поскольку эту истину забываем; что крайне глупо со стороны большинства граждан позволять меньшинству держать их в рабстве и угнетении; что просто смешно не сбросить с себя подобного ярма и не избрать состояние общности, «единственно справедливое, единственно добродетельное, единственно соответствующее подлинным предначертаниям природы», состояние, вне которого «не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ». Французская революция дала нам множество доказательств того, что злоупотребления, пусть и древнейшие, отнюдь не неистребимы; напротив, как раз их крайности, отвращение, порожденное длительностью их существования, и вызывают наиболее действенное желание их разрушить. Революция дала нам множество доказательств того, что народ Франции, будучи *великим и древним народом*, вполне способен тем не менее предпринять самые серьезные перемены в своих учреждениях, согласиться на самые большие жертвы ради того, чтобы улучшить их. Разве после 89 года он не изменил всего, за исключением одного лишь института собственности? Ради чего же допущено это единственное исключение, раз по справедливости следует признать, что как раз оно-то и есть наиболее противозаконное, *наиболее прискорбное из всех творений нашего воображения*? Древность этого злоупотребления сохранит ли его дольше, чем древность всех других беззаконий, которые были все же уничтожены? Важность и значительность его послужат ли достаточным основанием для непоколебимости уважения к нему? Нижеследующее замечание, которое, по-видимому, ни в малейшей степени не привлекло к себе внимания Антонелля при первом чтении, оставит ли его равнодушным, если

его повторить для него еще раз *? «В некоторые периоды эти убийственные социальные правила приводят в конечном результате к сосредоточению почти всех богатств в руках нескольких человек. Мир, естественно существующий, когда все счастливы, в эти периоды неизбежно нарушается; и так как большинство народа не может более существовать, будучи лишено буквально всего и встречая со стороны тех, кто все захватил, лишь безжалостность и жестокость, то все это ведет к эпохе великих революций, к достопамятным периодам, предсказанным в Книге судеб и времен, когда становится неизбежным общий переворот в системе собственности, когда восстание бедных против богатых становится необходимостью, которую ничто не может одолеть». «Трибун народа», № 37.

В «Плебейском ораторе» Антонелль заявил: «Возможность возврата к этому простому и мирному порядку вещей (состоянию общности), ВЕРОЯТНО, не более чем мечта! ..»

Я ему ответил:

«Если я доказал, что подобный переворот в системе собственности действительно неизбежен, я отнюдь не вижу, почему возможность возврата к состоянию общности может быть только мечтой. Правда, Антонелль, ты, мало похожий на всех тех решительных людей, которые никогда не колеблются перед вынесением окончательных суждений; правда, говорю я, ты не позволяешь себе окончательно и утвердительно высказаться по поводу этого мнения о мечте. Ты умеряешь его своим ВЕРОЯТНО. Я нахожу это ВЕРОЯТНО тем более ценным и хорошо обдуманным, что, по-моему, для превращения мечты в действительность достаточно лишь УБЕДИТЬ народ, так же как, очевидно, ты и сам УБЕЖДЕН, что „состояние общности является единственно справедливым, единственно добродетельным и одно только соответствует подлинным предначертаниям природы... это состояние, вне которого не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ“. Обдумай хорошенько, не зависит ли сама возможность от одного этого убеждения. Побуждая тебя к такому размышлению, я уверен, что навязываю тебе занятие, приятное для тебя. Ты ведь считаешь, что осуществление социальных планов, о которых мы говорим, — „это неизменное желание чистых сердец, самое естественное устремление честных умов... что счастьем явилось бы их достижение“ и т. д.» «Трибун народа», № 37.

Мне кажется, что в этих своих последних высказываниях ты выступаешь уже не совсем так, как в 144-м номере «Газеты свободных людей». Возможность возврата к совершенному равенству ты уже не ставишь в зависимость от какого-то «вероятно»; ты решаешь вопрос напрямик. «Очевидно, — говоришь ты, — к действительному уничтожению собственности и установ-

* Трибун народа, № 35, стр. 84 [*см. Г. Бабеф. Сочинения, т. 3, стр. 503—504*].

лению общности имуществ можно прийти только путем РАЗБОЯ И УЖАСОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, т. е. с помощью методов, которые прежде всего чудовищны, а кроме того, способны лишь уничтожить собственность, но никак не создать общность имуществ. В самом деле, как возродить те добродетели и простоту, которые необходимы для возвращения и сохранения естественного и чистого порядка вещей, коего прелестей мы уже не способны оценить?»

Что ты имеешь в виду, говоря, что к завоеванию подлинного равенства можно было бы идти только через РАЗБОЙ? Неужто Антонелль определяет разбой так же, как это делает патрициат? Но в том смысле, который в это слово вкладывают справедливые люди и дети природы, что такое разбой? Это сто тысяч методов, коими наши законы открывают дверь неравенству и разрешают ограбление большинства маленькою кучкой. Любое движение, любая операция, которые бы отняли хоть часть у тех, кто имеет слишком много, в пользу тех, кто не имеет достаточно, отнюдь не были бы, мне кажется, разбоем: это было бы началом возвращения к справедливости и подлинно хорошему порядку вещей.

Ты добавляешь, что это движение к завоеванию подлинного равенства возможно осуществить также лишь через ужасы ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. Гражданская война! Хотел бы я тебя спросить, есть ли более ужасная гражданская война, нежели та, что беспрестанно продолжается с тех пор, как возникла собственность; под ее воздействием каждая семья стала отдельной республикой, одержимой страхом быть ограбленной и вечной тревогой очутиться в нужде, что побуждает ее непрестанно замышлять ограбление других. Дидро, которого ты охотно цитируешь, говорит как раз в своем сочинении «Кодекс природы» [125], коего разбор почти целиком заполняет твое письмо, что «дух собственности и выгоды располагает каждого отдельного человека к истреблению ради своего счастья всего рода человеческого... собственность — это главная и постоянная причина всех раздоров...». Я цитирую то же, что цитировал ты: «Из-за нее все оказывается устроенным наихудшим образом, вернее приведенным в расстройство, так что во множестве обстоятельств возникает необходимость ГРУБЫХ И НЕОБУЗДАННЫХ ВСТРЯСОК... Лишив половину людей естественных благ, эти мнимые мудрецы, коими по глупости мы восхищаемся, открыли дверь ВСЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ. Они ЗАЖГЛИ ПОЖАР великой алчности: они породили ненасытную страсть к стяжательству; их безумные конституции постоянно подвергают человека риску лишиться всего; надо ли удивляться, что стремление отвести подобную опасность заставляет страсти накаляться до предела? Можно ли было придумать что-либо более действенное, чтобы заставить это животное ПОЖИРАТЬ СЕБЕ ПОДОБНЫХ?.. Посредством ряда правил и установлений приходилось затыкать постоянные прорывы плотины,

неразумно противопоставленной мирному течению ручья, который от этого препятствия вздулся и, выйдя из берегов, превратился в БУРНОЕ море». Все это, мне кажется, ясно доказывает, что, идя по пути к равенству, отнюдь не следует опасаться гражданской войны, подобной тем войнам человека с человеком и народа с народом, к которым непрестанно приводит нынешнее положение вещей. Ах, природа! Если люди, не колеблясь, вели бесчисленные и постоянные войны ради того, чтобы увековечить грубое нарушение твоих законов, то можно ли дрогнуть перед необходимостью священной войны во имя их восстановления? Да и верно ли, что непременно начнется война, едва мы станем достаточно мудрыми, чтобы решить учредить равенство? Я этого не думаю, и никто этого не подумает, если найдет бесспорным мое доказательство на странице 201 в 39-м номере «Трибуна народа», где я устанавливаю, что во Франции на 1 человека, имеющего излишек, приходятся 99 человек, не имеющих достатка.

Далее, ты утверждаешь, что можно было бы добиться только разрушения собственности, но никогда не удалось бы организовать общность имуществ. Я и здесь не совсем понимаю, что ты хочешь сказать. Говоря, что возможно одно только разрушение собственности, ты, вероятно, имеешь в виду, что если 99 человек, лишенных собственности, объявив войну сотому, захватившему их долю, отнимут у него его излишки, то это приведет лишь к перемене владельцев, что, по правде говоря, уже было бы благотворно, поскольку обездолило бы немногих, имеющих значительно больше, нежели им нужно, чтобы облагодетельствовать огромное большинство, имеющее намного меньше, нежели ему необходимо; но что за этим никогда не сможет последовать то великое возрождение общего управления, которое, как ты признаешь, только и способно стать основой полного и длительного благоденствия.

В подтверждение ты приводишь следующие мотивы:

«В самом деле, как возродить те добродетели и ту простоту, которые необходимы для возвращения и сохранения естественного и чистого порядка вещей, коего прелестей мы уже неспособны оценить?»

Дидро был более оптимистичен: «Все дело лишь в том, чтобы КАК СЛЕДУЕТ ОБЪЯСНИТЬ обиженному большинству, что этот новый порядок установит между нами столь совершенную взаимную помощь, что НИКОГДА никто не будет лишен не только НЕОБХОДИМОГО и ПОЛЕЗНОГО, но и ПРИЯТНОГО».

Это, несомненно, совпадает с тем, что я сказал: надо лишь суметь УБЕДИТЬ ограбленное большинство, как ты, по-видимому, сам УБЕЖДЕН, что «состояние общности является единственно добродетельным, единственно справедливым, единственно соответствующим подлинным предначертаниям природы... и вне его не может быть мирных и истинно счастливых обществ».

Еще раз повторяю, я уверен в том, что одной этой убежденности достаточно, чтобы гарантировать возможность. И я не верю, чтобы надо было обладать некими чрезвычайными ДОБРОДЕТЕЛЯМИ, дабы принять порядок вещей, относительно коего доказано, что только при нем можно обрести ВЫСШЕЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ, nec plus ultra СЧАСТЬЯ. Вполне достаточно той добродетели, которая сводится к любви к самому себе, любви к своему покою, к длительному и полному спокойствию во всех отношениях; к стремлению пользоваться абсолютно всем в возможно большей мере; подобную добродетель природа позаботилась привить всем людям. И именно потому, что люди крайне сильно ко всему этому привязаны, ослепление страсти увлекло их на ложный путь, и любовь к самому себе заставила каждого прилагать усилия к тому, чтобы безмерно увеличивать свое имущество: можно было думать, что это и есть единственный способ помочь большинству достигнуть счастливого состояния. Покажите людям, что они ошиблись. Убедите каждого, что есть другой способ привести большинство людей к вершине счастья, и вы увидите, что масса, не нуждаясь ни в какой другой добродетели, кроме любви к самому себе, не заставит себя упрашивать, чтобы принять предлагаемый вами путь.

Дидро также придерживался того мнения, что таким убеждением можно достигнуть всего. «Я указываю, куда надо нанести удар, чтобы поразить корень всех зол. Люди, способнее меня, сумеют, быть может, в этом убедить». Итак, ты видишь, он ни в чем не отчаивался.

Он так был далек от того, чтобы отчаиваться, он так сильно рассчитывал на великое средство УБЕЖДЕНИЯ, что говорил несколькими строками ниже: «Смертные, призванные управлять нациями... хотите ли вы заслужить благодарность рода человеческого, создав самое счастливое и самое совершенное правление?.. Начните с предоставления истинным мудрецам полной свободы критиковать ошибки и предрассудки, лежащие в основе духа собственности... и скоро вам будет нетрудно убедить ваши народы принять ЗАКОНЫ, ПОХОЖИЕ НА ТЕ, которые я изложил здесь в соответствии с тем лучшим, что, на мой взгляд, разум может подсказать людям».

Сказанное мною только что относительно твоего возражения о добродетели равным образом применимо и к моральной простоте. Опять-таки простоты эгоизма вполне достаточно, чтобы вызвать у девяносто девяти сотых, лишенных того, что им нужно, стремление пользоваться тем благосостоянием, при котором, согласно Дидро, никогда ни один из них не будет лишен не только НЕОБХОДИМОГО и ПОЛЕЗНОГО, но даже и ПРИЯТНОГО. Я тебя спрашиваю, прав ли ты был, заявляя, будто мы уже не способны оценить прелестей этого порядка вещей? Как! Неужели ли-

шены этой способности наши 99 человек из 100, страдающие и лишенные всего!

Мне остается рассмотреть, какое же решение ты принимаешь после того, как ты признал: 1) «что состояние общности является единственно справедливым, единственно добродетельным, единственно соответствующим подлинным предначертаниям природы, тем, вне которого не может существовать ни мирных, ни истинно счастливых обществ»; 2) «но что это, однако, не значит, что надо сегодня же высказаться за действительную отмену собственности и за установление общности имуществ...».

«Все, чего можно бы надеяться достигнуть, это лишь некоторой допустимой степени неравенства состояний...» Антонелль, «Плебейский оратор», № 9.

«Это значит, что все наши законы должны быть направлены на борьбу с честолюбием и жадностью, этими постоянными причинами всех наших бед, созданными и беспрестанно разжигаемыми дурными людьми и отвратительными нравами, порожденными и укоренившимися в нас под действием системы неограниченной индивидуальной собственности. В том, что эта система, неразрушимая, если угодно, к тому же и не поддается исправлению, позволительно усомниться... Из того, что эта застарелая язва не поддается удалению, не следует, что надо предоставить ей разрастаться и все пожрать. Наоборот, из этого следует, что надо ее ограничить со всех сторон, а если невозможно удержать ее в самых узких границах, то по крайней мере бороться с нею с помощью успокоительных средств, которые остановят ее опустошительное действие». Антонелль, «Газета свободных людей», № 144.

Как! Гражданин, ты предлагаешь паллиативы!.. Позволь мне подвергнуть сомнению их эффективность. Я призываю тебя прежде всего ответить на то, что я написал по этому вопросу в «Трибуне», № 37: «Что это за допустимая степень неравенства состояний, которой ты готов удовлетвориться? Подумай, не окажется ли, что создать и сохранить ее будет труднее, чем установить строжайшее равенство? Пусть наступит великий для народа день, пусть в этот день народ пойдет на сделку с негодяями и пусть он потребует у них для себя одной только полусправедливости — почти наверняка окажется, что он не получит ничего; мошенническая каста одного миллиона станет хитрить, выгадывать время и постарается кончить дело ничем. Если же народ, напротив, потребует полной справедливости, он должен будет властно высказать свою суверенную волю, проявить всю полноту своего могущества; и, когда он заговорит таким тоном и в таких выражениях, ничто не сможет противостоять, все по необходимости ему уступят, и он добьется всего, чего он желает, всего, что он должен иметь. Половинчатые же народные законы, попытки помочь делу полумерами, все эти смягчения и облегчения, которыми, как кажется, ограничиваются твои желания, лишены прочности. Закон Лициния в Риме, закон о максимуме во Франции были недолговечны, да их и не-

трудно было обходить. Законы Ликурга прожили дольше, так как они выражали более насущный, повседневный и постоянный интерес и каждый гражданин чувствовал себя обязанным блюсти их.

Но обратимся к авторитету и аргументам, которые, несомненно, ценнее моих.

«Вместо того чтобы отменить порочные обычаи и предрассудки, на коих они основываются, вместо того, чтобы изыскивать способы приблизиться к первоначальному общественному устройству, продиктованному природой, и попытаться его возродить, реформаторы и основатели республик, чтобы поскорее сделать свое дело, принимая вещи и людей такими, какими они их находили, применяли тут и там кое-какие ПРОТИВОВЕСЫ, кое-какие подпорки, которые могли бы ХУДО-БЕДНО поддерживать готовую распасться общественную организацию. Итак, подобно тому, как, обратившись к происхождению и физическим причинам ослабления чувства кровной связи, я обнаружил происхождение всех неурядиц, точно так же, обратившись к п р о и с х о ж д е н и ю л ю б о г о о б щ е с т в а, т. е. к учреждениям, давшим им какую-то форму, мы увидим, что законы, содержавшие только паллиативные лекарства от бед человечества, могут считаться главными виновниками печальных последствий подобного скверного лечения; их можно также считать косвенной причиной тех бедствий, которым они по неосторожности способствовали или которые не сумели предотвратить. Часто те, кто составлял эти законы, принимали злоупотребления за нечто справедливое и правильное и старались, так сказать, упорядочить и усовершенствовать само несовершенство, все то, что полностью несовместимо с должным порядком вещей».

Это опять-таки говорит Дидро.

Нет, нет, Антонелль; не теперь, в конце XVIII в., когда мы обладаем опытом и знанием философии, не теперь станем мы пытаться ПОДПИРАТЬ, подкреплять слабыми ПРОТИВОВЕСАМИ, поддерживать ХУДО-БЕДНО это старое здание индивидуальной собственности, которое на протяжении веков оставалось логовом хищных разбойников, отнимавших средства к существованию у подавляющего большинства населения; оно было прибежищем только для чудовищ, ревниво охранявших доступ к нему, и давало пропитание лишь им самим и их рабам, без которых они не могли обходиться; вне этого логова могли существовать лишь те, кому удалось ускользнуть от опустошительных набегов этих свирепых хищников. Ныне хитростью и коварством они сумели стянуть в свое логово все средства пропитания; смертным, блуждающим за его пределами, уже нечем прокормиться, и они оглашают воздух тщетными стенаниями. Голод толкает их на большее: они хотят штурмовать то здание-колосс, которое уже и само готово рухнуть под тяжестью нагроможденного в нем изобилия. Именно такое положение вещей Дидро и называет о б щ е с т в е н н о й о р г а н и з а ц и е й, б л и з к о й к р а с п а д у. Позволь же, Антонелль, тем несчастным, что выброшены из об-

щества чудищами, обитающими в разбойничьем логове, ускорить неизбежное крушение этого колосса. Не старайся установить свои подпорки и противовесы. Не старайся УПОРЯДОЧИТЬ И УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ САМО НЕСОВЕРШЕНСТВО. Предоставь двадцати четырем миллионам Геростратов разрушить на твоих глазах гнусный храм, где приносят жертвы демону нищеты и убийства почти всех людей.

«А что они будут делать после этого разрушения? — скажешь ты. — Будут ли они тогда способны воздвигнуть величественный храм Равенства?». Да, я ручаюсь. Они прочтут в том же «Кодексе природы» Дидро: «Что очень малое значение имеют те частные трудности, которые им встретятся при применении на практике законов, касающихся распределения основных занятий, способов должным образом удовлетворять все общественные и частные нужды, а также без раздоров и путаницы осуществлять равное распределение между гражданами предметов первой необходимости; что все это сводится к простому проведению переписи вещей и лиц, к простой операции подсчета и расчетов и, следовательно, вполне может быть осуществлено, причем в полном порядке; что нашим составителям проектов, старинным и современным, доводилось задумывать и выполнять замыслы, несравненно более трудные, ибо, кроме случайностей непредвиденных, им приходилось сталкиваться со случайностями естественными и с бесчисленными препятствиями, порождаемыми ошибками; что если чему-то удивляться, то тому, что эти неосторожные люди в чем-то все же преуспели».

И я воображаю, что эти слова прозвучат большим ободрением для наших мудрых Геростратов.

Помимо этого, разве я им уже не обещал в последнем номере моей газеты, что я буду работать над планом практического осуществления, который от меня требуют со всех сторон? Я действительно над ним работаю. Знаю, что другие, столь же и более способные, чем я, со своей стороны тоже над этим работают. А наш мудрец, наш главный предшественник, наш Дидро уже проторил нам дорогу с помощью того самого проекта, первый раздел которого ты переписал. Ты должен согласиться, что люди, которые стремятся заменить самый отвратительный беспорядок величайшим порядком, не могут потерпеть неудачу.

Надеюсь, партия честных людей найдет, что в ходе этой дискуссии наши позиции несколько сблизились. Но я отнюдь не надеюсь на то, что наши обычные опровергатели, журналисты-шуаны и правительственные писаки, исправятся под влиянием нашего примера и что, непрошенно вмешавшись в обсуждение этой проблемы, они откажутся от своей отвратительной и подлой привычки заменять ответы бранью, а обоснованные возражения — глупостями и оскорблениями. Они по-прежнему будут все искажать, передергивать и лгать. Братский привет.

Гракх Бабеф

ДВИЖЕНИЕ ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

ТРИБУН НАРОДА,
или Защитник прав человека, Гракха Бабефа
№ 41

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека (1793 г.) ст. 1)

Обращение Трибуна народа к армии

Солдаты!

В одной республике прежних времен, много лучшей, чем наша нынешняя, армия и народ обладали тем, чего нет у нас. В Риме были и свои Трибуны народа, и свои Военные трибуны. Это были должностные лица, которые в силу закона становились постоянными защитниками и народа, и армии. Трибуны народа избирались народом и были обязаны неизменно стоять на страже народных прав; они должны были неустанно укрощать честолюбие сената и патрициев, а также богачей, удерживать их всех от совершения несправедливостей, и они имели право противиться любому закону, если только он, по их мнению, противоречил общим интересам и общему благу. Военные трибуны, равным образом избираемые самими солдатами, тоже обязаны были следить за соблюдением их интересов, защищать их права, неизменно противостоять любому притеснению, измене, обману.

Во Франции подобная священная должность трибуна официально установлена не была. Но тот, кто обращается к вам, почувствовал, сколь было бы полезно, чтобы она существовала, хотя бы только в одном моральном смысле. И с помощью периодического издания я сам сделал себя Трибуном народа. Это всего лишь отдаленное и слабое подобие римского трибуната. Я обладаю единственным правом, да и оно постоянно оспаривается, — правом наблюдать и следить за действиями правительства и предупреждать моих сограждан о мероприятиях, которые, на мой взгляд, нарушают справедливость и противоречат общественным интересам. Мне не хватает права *противодействия*. Я пользуюсь лишь долей влияния на общественное мнение, и доля эта измеряется степенью доверия, которое я внушаю.

Если я не ошибаюсь, то разительная очевидность, с которой мне удалось доказать все истины, изложенные мною народу, привлекла ко мне значительную часть этого народа, часть самую главную, важную и полезную; это тот слой народа, откуда вышли вы, солдаты! Это те, кто носит имя плебеев; и, таким образом, независимо от официальных установлений согласие и одо-

брение народа делают это мое звание Трибуна отнюдь не иллюзорным. А значит, во Франции, как и в Риме, народ имеет свой трибунат. Я решаюсь утверждать, что это настоящий трибунат, такой же, каким он был у римлян при лучших их трибунах: при Луции-Юнии, Висцеллине, Арсе, Дентате, Канулее, Столоне, Гракхах[1]. Как и они, я горжусь тем, что заслужил ненависть изменников, доверие и уважение большинства моих сограждан.

Пользуясь подобным доверием, я могу в значительной мере осуществлять то право на противодействие, которым не обладаю по закону, ибо народ по большей части разделяет мое неодобрение тех действий правительства, которые я обличаю как противоречащие его подлинным интересам и его правам. Народ, осведомленный о несправедливостях, которые ему приходится испытывать, отменяет решения своих неправедных депутатов; открытое и всеобщее выражение им своего негодования значит ничуть не меньше, чем узаконенное противодействие, так как даже для самой искушенной тирании невозможно сохранить то, чего не принимает вся нация в целом.

Почему же, располагая преимуществами, почти что равными тем, какие были у трибунов Рима, я до сих пор не добился успехов, которых обычно добивались они? О братья! Вы должны бы были это предвидеть. После всего сказанного мной вы могли понять, чего еще не хватает нам, чтобы уподобиться римлянам. Я всего лишь Трибун народа, но ведь Военного трибуна у вас нет.

Если судить по высказываниям некоторых лиц, этот изъян весьма ощутим. По их мнению, ваше общественное сознание, ваша осведомленность в революционных делах вообще не находятся на той же высоте, какой достигли просвещенность и общественное сознание прочих граждан... эти лица хотят уверить всех, что вы своим поведением при случае оправдали бы слова, вырвавшиеся у кого-то из правителей: «Наши солдаты нас защитят». Я понимаю, однако, что для этого крайне необходимо... чтобы все вы оказались бы замкнуты... в тесном кругу раболепных идей и мнений.

И все-таки нельзя скрыть от себя факта, что значительная часть простодушных людей из вашей среды может поддаться гибельным заблуждениям, будучи недостаточно знающими и осведомленными. Я просвещу и наставлю вас и одновременно предлагаю вам себя в качестве Военного трибуна. Это звание так естественно соединяется со званием Трибуна народа! Разве вы тоже не народ?.. Разве ваши интересы отличны от интересов ваших братьев, составляющих гражданское общество? И тот, кто пользуется их доверием, разве не заслуживает и вашего? Прислушайтесь же к нему, послушайте, как он смело станет защищать ваше дело! отстаивать ваши самые прекрасные права! говорить о том, что предстоит вам сделать... для самих себя и для народа, частью которого вы являетесь и к которому принадлежите...

Для чего вы собраны в таком большом количестве вокруг города городов, города Революции! колыбели свободы?.. С какой целью вы призваны сюда? Разве его обитатели мятежники? Разве речь идет о том, чтобы их укротить?.. Вот вопросы, которые немаловажно осветить!!!

Ведь отнюдь не в интересах подлинного народа вы образуете вокруг наших стен это грозное кольцо. Этот подлинный народ, народ трудолюбивый, рабочий народ... обречен здесь на издевательства! угнетен! презираем! голоден! разорен народом спекулянтов и мошенников!.. Стало быть, эта последняя разновидность народа в действительности и находится в состоянии самого преступного мятежа против истинного народа!!! Но разве тройной ряд ваших штыков, опоясавший весь Париж, предназначен для того, чтобы заставить покориться партию угнетателей и защитить партию угнетенных? Нет! Совсем наоборот... С помощью вашего оружия и вашей силы хотят помочь угнетателям окончательно поработить угнетенных! хотят закрепить омерзительное господство первых, а народ обречь по-прежнему страдать и прозябать! О, если бы хотели защищать народ, разве стали бы отвлекать тех его братьев, чье предназначение — сражаться с внешним врагом! Народ обошелся бы собственными силами!! Но когда хотят большинство принести в жертву меньшинству, тогда возникает нужда в сторонней помощи... тогда рассчитывают отыскать ее среди людей, для которых главная обязанность, как говорят, безусловное повиновение... И вот когда правительство и та развращенная каста, которой оно единственно и покровительствует, теряют всякий стыд; когда открыто и без зазрения совести они вступают в гнусный сговор и освящают свирепыми уставами, которые осмеливаются называть законами... всякого рода несправедливости! самую ужасающую нищету! самое возмутительное рабство!! когда мера их злодеяний доведена до такой степени и такой очевидности... что лопается долготерпение народа и иссякает его легковерие!.. вот тогда и обращают свои взоры на вас!! тогда в ваши руки вкладывают оружие, желая сохранить и увековечить подобное угнетение!! тогда учреждают военное правление, чтобы принудить народ подчиниться режиму, при котором его хотят заставить жить... без пищи! без одежды! без свободы!.. и хотят, чтобы отцы... мужья... сыновья... братья... родственники... навязали бы такой режим, а в случае необходимости даже готовы были сразить своих детей! жен! отцов! братьев! сестер!.. друзей! родственников! И вас, которые сами являются народом! Вас — солдат Республики! Вот так выставляют против другой части народа!.. вашими руками хотят упрочить это состояние рабства, унижения и голода... в тысячу раз худшее, чем прежнее рабство... против которого мы восстали шесть лет тому назад?!

Нет! Вы никогда не станете гнусными подручными, слепым и жестоким орудием в руках врагов народа!.. а следовательно, и ваших врагов!.. Я повторяю, лишь в тех случаях, когда власть

стала преступной... когда она готова совершить новые преступления, лишь тогда она окружает себя штыками... Когда же власть справедлива, она всегда сильна силой народа! Капет перед 14 июля укреплял свои силы с помощью армии... известно, каковы были его намерения и за какое множество преступлений он хотел таким путем обеспечить себе безнаказанность. Так разве это преступление — исследовать, нет ли подобных же мотивов и у тех, кто ему теперь подражает???

Вспомните, солдаты! Эта армия Капета, хотя и прошедшая школу монархической дисциплины, вела себя в высшей степени достойно! Она вспомнила, что вышла из народа! Французские гвардейцы... склоняющие свои знамена перед санкюлотами... вот пример, который всегда будет вызывать восхищение грядущих веков...

Увы! К чему нам вспоминать совсем недавние и менее славные времена? 12 жерминаля и 1 прериаля батальоны... рожденные Республикой... и прославившиеся в сражениях против королевских приспешников... запятнали свои лавры, повинуясь двум титулованным рабам по имени Пишегрю[2] и Мену!.. преследуя с ними народ, голодный и оборванный!.. Ах! Поведи они себя не столь роковым и постыдным образом, наше унижение и наша нищета не затянулись бы!! Эта битва против народа... причинила ему больше зла, чем все победы, выигранные его именем, принесли ему пользы. Французским армиям... предстоит многое совершить, чтобы исправить это зло. Им благодарны за 13 вандемьера, потому что, если, вообще говоря, оружие солдата всегда обязано склоняться перед лицом истинного народа, то к раззолоченному народу это не относится. Но сколько потребовалось бы Вандемьеров, чтобы искупить постыдные дни прериаля? В Вандемьере вы победили! Вы повергли в прах патрициат и роялизм! Это безусловно хорошо. Все, что поражает этих двух чудовищ, полезно и достойно похвал. Но надо еще и знать, чего добиваются, нанося удары! Достаточно ли просто победить? Нет, нужно еще уметь использовать победу. И именно этого-то вы в вандемьере и не сделали. Вот какие слова содержатся в обращении Солиньяка, которое он только что выпустил от имени первой дивизии Внутренней армии: «Люди 13 вандемьера сражались за правительство». Это горькая истина и, может быть, вообще единственная истина, содержащаяся в этом презренном сочинении. Гнусный прислужник Солиньяк был столь же достоин высказать эту истину, как и совершить неслыханный подлог, связывая имя Внутренней армии со своим раболепным творением. Да! К несчастью... в вандемьере вы и сражались, и победили только ради правительства... Вы могли бы сделать свою победу плодотворной, решающей для народа и для самих себя: вместо того правительство, ради которого вы ее одержали, выразило вам свою признательность, полностью поработив и народ, и вас. Сумеете ли вы, когда представится случай, оказаться умнее? Не за народ ли станете вы сражаться на этот раз?.. Я не

могу не верить этому. Не может быть, чтобы те унизительные речи, то низкопоклонство, которые вам навязывает бесчестный Солиньяк, выражали ваши чувства! .. Да что там! Разве сказали бы вы: «Цель нашим штыкам указывают наши командиры! .. Оружие вложено в наши руки для того, чтобы защищать носителей национальной власти! .. Мы — защитники... Правительства»...[1*] Боги! Да разве могли бы солдаты Республики говорить подобным языком, достойным лишь рабов! Разве они могли бы осквернить свои уста подобным смертельным для свободы святотатством! .. Разве могли бы вы сказать: «Правители! Узурпаторы всех прав народа! Будьте покойны, не бойтесь ничего... пренебрегите единодушным воплем, поднятым против вас этим негодующим народом и его смелыми трибунами! Не слушайте его жалоб; растопчите его назойливые протесты против вашего угнетения: в конце концов он и создан для того, чтобы терпеть... Тираны, мы — ваши солдаты! Мы поддержим и ваш деспотизм, и весь ваш разбой! Если понадобится, мы раздавим и уничтожим наших отцов и братьев!! Мы изрубим наших сестер и наших матерей!! Мы истребим собственных сыновей. . .

. . . .

чтобы сохранить ваше невыносимое и беспримерное господство!!! Мы должны помочь вам укрепить порабощение Отчизны! Наши цепи должны быть выкованы нашими собственными руками! .. Да что там! Разве мы не движущиеся механизмы, не живые куклы, не бесчувственные марионетки, обязанные слепо повиноваться любому желанию наших руководителей? Для чего нам нужны руки, головы, способность суждения, если не для того, чтобы, подобно флюгеру, вертеться по прихоти наших начальников! Цель нашим штыкам указывают наши командиры... — Мы защитники правительства. Да сверх всего, разве нам плохо платят за все это? На что нам жаловаться? Разве с некоторого времени не получаем мы двойной и даже тройной порции водки? А есть ли что-нибудь дороже этого? Какое значение имеет то, что за эту неоценимую милость от нас требуют заковать в цепи наших современников и потомков? Что значит даже и хлеб? Какое имеет значение, что скоро, через месяц, через неделю, уже завтра, наши семьи и сами мы лишимся его совсем? Зато сегодня у нас есть водка! Когда-то нам обещали и даже заверяли торжественными декретами, что мы будем обладать собственностью... землями... пенсиями... но разве мы созданы для подобных благ? Разве не глупость верить, будто революция делалась для нас? Она служит на пользу нашим командирам. Разве не должны мы чувствовать себя польщенными, видя, как Директория дает нашему генералу Буонапарте 800 тыс. франков на устройство его дома?[3] А нашему на-

---

[1*] Вы прочтете эти гнусные выражения в 206-м номере газеты Корматена-Реаля, в обращении Солиньяка, нагло приписываемом им всей 1-й дивизии внутренней армии.

чальнику штаба, Дювиньо[4] — одну из великолепнейших карет покойного герцога Орлеанского и т. п.[2*]? Все это прекрасно. Все это должно было радовать взоры солдата; и, разумеется, ему вполне хватало того, что он вдоволь насмотрелся на подобные зрелища; чего мы можем еще хотеть? Мы, по большей части жалкие крестьяне, сыновья рабочих и тому подобных неотесанных простолюдинов? Наши отцы были тем самым сбродом, который почитал себя безмерно счастливым, если его допускали лицезреть изящество своих господ и сеньеров. Сама возможность посмотреть вблизи на людей из общества уже была для них милостью. Их счастье сводилось к праву работать за четверых, оставаясь полуголодными, и с радостью узнавать, что плоды их тяжких трудов наполняли чашу удовольствий и наслаждений немногочисленных бездельников, погрязших во всех возможных пороках. Чего же нам еще? Не потомки ли мы этой самой черни? Не она ли родила нас голыми и босыми? Так смеем ли мы претендовать на большее, чем имела она? Что это толкуют нам о землях? о пенсиях? хотят вознаградить нас за наши подвиги в борьбе с врагами революции? Нет и нет! Эти награды не для нас. Такие обещания даются, когда надо побудить нас вступить в армию, чтобы отбиться от тех, кто собирался предать Францию огню со всех четырех сторон; но не следует думать, что они давались всерьез. Возвращаясь домой, к нашим нищим отцам, мы должны быть готовы стать такими же нищими, как и они! Мы так же, как они, обязаны пресмыкаться перед наглым господством богачей! быть каторжниками у них на службе! работать за ничтожную плату с первого до последнего своего часа! и только собственным потом смачивать кусочек черного хлеба, высохшего на солнце!.. И еще счастливы те, кто сможет такой ценой продлить свое существование. Остальные... отправятся просить подаяние. Множество калек, увечных на деревянной ноге, людей с перебитой челюстью и сломанными руками и т. п. заполнят улицы и дороги; они будут тащиться от порога к порогу, стучась в двери тех, кто не знает, куда девать свое богатство; они повторят свои униженные мольбы сотне таких богачей, чтобы стерпеть 99 оскорбительных отказов и только у сотого порога получить один обол, тысячную часть

[2*] Говорят, будто подобными методами пытались подкупить и Журдана[5]. Добавляют, что, стараясь соразмерить эффективность выбираемых средств со степенью того противодействия, которого следовало ожидать со стороны этого генерала, выбрали несколько более соблазнительную приманку, чем во всех прочих случаях. Рассказывали о шести породистых лошадях с полным оснащением, о великолепии торжественных обедов у барона Бенезека; о блестящих приемах, устроенных этим обожаемым (Директорией) министром в честь жены героя Северной армии; о совершенно исключительной привилегии, предоставленной гражданке Журдан, — праве пользоваться каретами Люксембургского двора. При этом уверяют, будто Журдан, весьма мало чувствительный к подобному заискиванию, все-таки остался генералом свободы и по-прежнему заслуживает доверия со стороны народа и солдат.

того, за что можно купить себе немного хлеба... Но, солдаты Республики, стоит ли обращать на это внимание? Ведь правительство сегодня поит нас водкой, забудемся же с ее помощью, не станем заглядывать в будущее. Не станем даже задаваться вопросом, почему правительство нам ее дает, эту водку. Удалим от себя тех скучных проповедников, что твердят нам, будто все это делается только для того, чтобы запутать нас в тенетах рабского послушания и так привести революцию к результату, совершенно противоположному тому, ради которого ее начинали. Они говорят, будто все это делается для того, чтобы заставить нас сдерживать народ, который хотел бы отвоевать и свои, и наши права у правительства, узурпировавшего их все. Они говорят, что, кроме того, все это должно обернуться в первую очередь против нас же самих; что все это делается для того, чтобы обеспечить и гарантировать возврат эмигрантам и контрреволюционерам их законным образом конфискованных имуществ, которые были предназначены нам в вознаграждение и возврат которых прежним владельцам уже привел к краху ассигнатов и к разорению народа... Они говорят, что, поддерживая правительство в подобных действиях, мы, некогда способствовавшие революции, вершим ныне контрреволюцию, поскольку заставляем революцию служить интересам ее врагов; поскольку мы помогаем им вернуть себе имущества, которые стали нашими и от которых мы должны теперь не просто отказаться, а еще и содействовать тем, кто вырывает их из наших рук... Вот как говорят люди, стремящиеся быть более дальновидными, чем другие. Но не станем их слушать. Нам преподносят водку — вот это нам и надо: будем же притеснять народ, наши семьи и самих себя, будем смотреть только на наших командиров, слушать только их; они одни должны указывать цель нашим штыкам. Сами мы — лишь автоматы, скоты и варвары; мы не способны ни размышлять, ни чувствовать, ни судить. Равнение направо, равнение налево — вот все, что нам следует знать. Целься, огонь — мы не должны и спрашивать, кто это там стоит перед нами».

Вот какие жестокие и безумные мысли приписывают вам, солдаты Республики. Счастье, что эти мысли — не ваши мысли. Нет, вы никогда не станете убийцами Отечества и своими собственными палачами. Вы так же любите народ, как он любит вас; вы будете постоянно охранять его, как и он вас. Если бы вдруг случилось, что вы позабыли о своих интересах, перестали поддерживать свои неотъемлемые права, перестали бы требовать их для себя, народ потребует их за вас. Вы уже могли заметить, сколь он не безразличен к вашей судьбе, сколь неизменно печется он о вас с поистине братской заботливостью. Его заботы о вас, его тревоги о вашей будущей судьбе подобны нежности отца к собственным своим детям. О, они, действительно, таковы и есть. А Родина, эта любящая мать! Она ни на секунду не сводит с вас взора; с душой, полной любви к вам, она неустанно и тревожно

следит за вами и в минуты опасности, и на путях славы; а когда козни сторонников тирании оказываются сильнее, чем ее неизменная благожелательность, и вам приходится терпеть всякого рода лишения и дурное обращение, она воздает вам дань своего сердца, громко стеная и плача о вас. Эта нежная мать постоянно думает о вас. И уж, конечно, вы не будете ей неблагодарными сыновьями. Вслушайтесь в то, что она твердит вам голосами народных писателей. Вслушайтесь также и в ее призывы, прозвучавшие на последних собраниях патриотических обществ, распущенных, разогнанных, и главным образом потому, что они требовали для вас всего того, что было вам обещано в славные дни Республики в 93 году! Общество Пантеона, конечно, оказалось виновным в глазах деспотизма, поскольку оно в обращении к Совету 500 осмелилось произнести такие слова:

«Общественному достоянию был нанесен ущерб в силу того, что семьям изменников без разбора возвращали... те имущества, которые были справедливо конфискованы; можно сказать, что нацию отдали на поток и разграбление торговцам и только богачу обеспечили такую привилегию, как право на существование...»

«Все декреты, исходящие от Законодательного корпуса, носят на себе отпечаток той системы, которой придерживалась предшествующая сессия; они увеличивают предубеждения и недоверие, вместо того чтобы уменьшить их. Упрочив разницу между стоимостью металлических денег и ассигнатов, сведя пропорциональное отношение их как 100 или 150 к одному, вы сами нанесли им смертельный удар...» [3*]

Пантеон! Солдаты Родины... При этом слове, как и при слове *якобинцы*, те из вас, кто заражен предубеждениями, посеянными аристократами, отшатываются, охваченные каким-то отвращением. Те же, кто судит более здраво, кто не подвержен заблуждениям, знают, что оба эти названия суть синонимы понятия *лучшие друзья народа*. И они задают себе вопрос: где они, эти якобинцы и эти люди Пантеона? Успокойтесь, друзья, они не погибли. Отступающее войско — это не разбитое войско. Каждый продолжает втайне трудиться для народа, составляющего гражданское население, как и для народа, находящегося на военной службе. Пантеон имеется не в одном Париже. Он существует и во многих других концах Республики. Нам, Трибуну всей Республики, нам, почетному члену всех этих академий подлинного республиканизма, нам, запечатлевающим итоги их самых высоких дел, — нам надлежит оповестить о них наших братьев, показать им, кто служит им самой надежной опорой. Воины! Ступайте на Север; ищите истинных защитников ваших прав в том климате, где температура формирует умы не столько блестящие, сколько глубокие; не столько увлекающиеся порывом, сколько устойчивые в своей твердости; не столько способные

[3*] См. «Газету свободных людей» от 7 вантоза.

поверхностно рассуждать о благе, сколько горячо пекущиеся о нем. Ступайте в город, где родился герой демократии и где ваш Трибун познал изгнание. В Аррасе тоже имеется Общество Пантеона, не менее плебейское, чем то, которое неограниченная власть нашла нужным развеять в прах в столице. Это там и вы, солдаты Республики, и народ еще отыщете энергичных и мужественных друзей. Прочтите теперь то, что они написали для вас, и скажите, не служат ли они вам (во всяком случае, стараются служить) так же хорошо, как сами вы могли бы это сделать?

Обращение, подписанное патриотами Арраса, к Совету 500

«ЗАКОНОДАТЕЛИ!

Национальный Конвент, издавая свои декреты от 4 и 6 июня 93 года, от 16 вандемьера, 5 нивоза, 21 плювиоза, 24 флореаля и 13 прериаля II года, несомненно, руководствовался стремлением обеспечить семьи беззаветных защитников отечества, оказать им помощь, способную удовлетворить их насущные нужды! .. Крайняя дороговизна продуктов, полное обесценение ассигнатов, которыми приходится за них расплачиваться, нехватка работы или ничтожный заработок, получаемый за нее, — все это должно вам с очевидностью доказать, что суммы, предоставленные им до сих пор, не только не достаточны, но еще очень малы для достижения справедливой цели, которой хотели добиться! .. Законодатели! Теперь вам надлежит устранить злоупотребления столь же гибельные для человечества, сколь бесчестящие Республику. Вам предоставлена честь привести в исполнение законы, принятые некогда в пользу отважных и мужественных солдат Свободы! .. Декрет предусматривает, что национальные имущества на сумму в 800 млн. будут резервированы для последующего распределения небольшими участками каждому из них по их окончательном возвращении из армии. Постановление, принятое вами недавно, ясно указывает, что из продажи национальных имуществ будут исключены и зарезервированы с этой целью имущества на сумму в один миллиард в звонкой монете[4*]. Эти распоряжения, без сомнения, хороши, но их недостаточно, чтобы успокоить и наших солдат, и друзей Равенства в отношении возможных колебаний Законодательного корпуса. Почему бы не распорядиться о безотлагательном принятии всех мер, способных поднять мужество наших братьев-солдат, помочь им легче переносить тяготы и опасности войны? Почему бы в ожидании их возвращения не позволить их семьям, которые почти все оказались в страшной нищете, воспользоваться наградой, обещанной

[4*] Миллиард в звонкой монете! По нынешнему курсу — 300 к одному — это 300 миллиардов ассигнатами. Ради этого стоит предъявить свои требования. Но только где они, национальные имущества на эту сумму, оставленные в резерве?

их близким за проявленную доблесть? Почему бы им не жить на этой земле и не возделывать ее: ведь за право обладать ею столько героев уже пролило и продолжает еще и теперь ежедневно проливать кровь на границах?.. — Законодатели! Не скроем от вас, мы боимся, как бы не попытались лишить наших солдат и этой награды, столь дорого оплаченной ими! Положите же конец злобной клевете врагов Республики! Поспешите доказать демократам, что обещания, данные нашим воинам, ничуть не иллюзорны! прикажите немедленно распределить эту часть национальных имуществ, которую вы предназначили солдатам в награду за их храбрость! доставьте их обездоленным близким радость уже сейчас воспользоваться плодами их воинской доблести! дайте им всем возможность возвести на этих участках жилища, достойные принять наших воинов после окончания их славных битв! пусть найдут они здесь счастье и изобилие и пусть им останется лишь одно — от души желать процветания государству, славе которого они столь сильно способствовали!»

Следуют подписи:

Солдаты! Вот так подлинный народ выступает с речами в вашу пользу; вас же пытаются расположить отнюдь не в его пользу. Не ради того, чтобы возбудить в вас желание служить ему, вас осыпают лицемерными ласками и опаивают наливками и водками, а только ради того, чтобы побудить вас за эту жалкую цену продаваться его врагам. До чего плохо они знают вас, предатели, желающие вас совратить. Они мерят вас на свою мерку. Поскольку они сами подписали уже столь позорный пакт, они думают, будто и вы, подобно им, способны на низость, подчиняясь этому пакту. Нет, нет. Останьтесь навсегда людьми из народа. Поклянитесь на ваших саблях умереть только за народ. Вы уже видели и увидите впредь: он тоже готов умереть с вами и за вас. На сегодня я прощаюсь с вами; иначе я привел бы вам множество других его высказываний, продолжающих и повторяющих, в сущности, пожелания демократов из Арраса. Откладывая их изложение до другого раза, я хочу лишь предупредить деспотизм, что сторонники Свободы и Равенства наблюдают за всеми человекоубийственными заговорами. Пусть же ныне он попытается задушить их голос вкупе с энергией тех, из чьих уст он раздается!.. Наученные горьким опытом, возмущенные воспоминаниями о продуманных, изощренных, неоднократных предательствах, жертвами которых они были; знающие заранее о том, что станется с ними, если они не устоят, они все готовы к сопротивлению новым затеям, они знают, сколько им потребуется силы и уменья, чтобы противостоять тем, кто осмелился бы снова вызвать их на бой. И вы, великодушные воины! Просветившись, тоже не захотите стать сообщниками сторонников угнетения; не удастся им и обмануть вас. Понапрасну вла-

стители пускают в ход все свои хитрости: ни одна не принесет им удачи. Они стараются постоянно обновлять состав внутренней армии; они удаляют вас, едва им покажется, что, убежденные нами, вы перестаете видеть в нас своих врагов. Колонны, держащие нас в состоянии осады, поминутно сменяются новыми колоннами. К чему приведут все эти манипуляции? К тому, что французские армии пройдут поочередно обучение в нашей школе, прочтут наши пылкие сочинения, один за другим разорвут покровы, скрывающие от них истину, и распознают негодяев, которые обманывают и их, и нас.

P. S. Лживые и вероломные эмиссары тирании воспользовались моим молчанием после выхода в свет № 40[6], чтобы распустить всевозможные абсурдные слухи на мой счет. То они говорили, будто я струсил и меня больше нет в Париже; то будто правительство отправило меня с официальной миссией в провинцию и больше я писать не стану; когда же поняли, что Директория и я — это такие же разные стихии, как огонь и вода, то стали говорить, будто я вступил в соглашение с Баррасом, который возглавит партию, стремящуюся к осуществлению моих принципов.

По всей вероятности, мне совершенно излишне опровергать все эти сообщения, поскольку почти невозможно допустить, чтобы хоть одному слову из них кто-нибудь поверил. Временное прекращение выхода в свет моей газеты не должно было никого удивить, так как об этом было объявлено — с указанием причины — в последнем моем номере, в примечании на 243-й странице[5*]. Что же до сообщения, касающегося Барраса, то я рад возможности уничтожить всякую мысль об этом раз и навсегда. Я заявляю, что Баррас никогда в жизни не будет пользоваться моим доверием и что я приложу все усилия, чтобы не позволить ему заручиться доверием патриотов. Я заявляю, что там, где окажется он, я никогда не буду заниматься революционной деятельностью.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Поскольку судейские чиновники, которым было поручено изучить дело моей жены, заявили, что нет оснований выдвигать против нее обвинение, хотя она сама признала себя виновной в том, что вела все дела, связанные с изданием моей газеты, я делаю из этого вывод, что руководство моим бюро не может считаться преступлением. Поэтому я объявляю, что вновь открываю это бюро. Патриоты Парижа и департаментов могут отныне подписываться у гражданки ЛАНГЛЕ, улица Фобур-Оноре, близ Елисейских полей, № 29. Подписная

[5*] *См. настоящий том, стр. 153.*

плата на этот второй том, содержащий 480 страниц и открывающийся № 35 [6*], составляет 500 ливров. Того, кто не внес этой суммы полностью, мы просим это сделать.

Гракх Бабеф, Трибун народа.

Париж, 10 жерминаля, IV года Республики

Типография Трибуна народа

ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАРОДА,

или Защитник 24 миллионов угнетенных, С. Лаланда, солдата Отчизны

№ 5

> Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают
>
> (Сен-Жюст)

Призыв ко всем искренним патриотам объединиться вокруг Конституции 1793 года.

Настал момент, когда друзья свободы должны еще плотнее сомкнуть свои ряды и серьезно взглянуть на грозящие Родине заговоры. Настал момент наметить план наших действий в ходе грядущих великих событий. Наглость, проявляемая с некоторых пор роялистами, постоянный и опустошительный голод, день ото дня распространяющийся все шире, состояние угнетения, нищеты и унижения, под бременем которых изнемогает французский народ, критическое и постине тревожное положение, в которое народ поставлен человекоубийственными посягательствами Директории, полное расстройство государственной казны — все это предвещает близкий кризис, тем более страшный, что все клики, раздиравшие Республику после термидора II года, объединили свои усилия и ждут, что именно этот кризис раз и навсегда предрешит, кто же окончательно возьмет верх — свобода или тирания. Объединившиеся против нас короли с нетерпением ожидают этой последней схватки угасающей свободы с коалицией всех преступных сил. Венский кабинет принял предложенное ему нашими злодеями перемирие лишь для того, чтобы направить все свои силы на действия внутри страны и интригами добиться того, что не удалось ордам его вооруженных прислужников. В то время как бесчестные агенты иностранных деспотов, затесавшись среди нас, готовят тот смертельный удар, который должен поработить нашу Родину; в то время как эти чудовища под покровительст-

---

[6*] *Опечатка в тексте Бабефа. Следует читать — № 34. В последующих двух номерах «Трибуна народа», где повторялось это «Извещение», номер газеты указан правильно.*

вом Директории, Законодательного совета и роялистской полиции министра Мерлена с яростной энергией роют могилу Республике, вражеские армии пополняют свои истощенные батальоны, копят новые силы и тоже готовятся к решительному удару; в итоге свобода, теснимая со всех сторон, подвергающаяся извне нападению бесчисленных армий и раздираемая изнутри ордами заговорщиков, не сможет, по всей видимости, уцелеть средь подобных потрясений.

И только Союз Равных, эта священная лига честных и мужественных людей, один способен еще раз спасти Отечество, вырвав его из рук всех клик, плетущих против него заговоры. Они многочисленны! Возможности их огромны! Однако все их усилия окажутся тщетными, если друзья свободы будут руководствоваться в своих действиях осторожностью. Я имею в виду не ту осторожность, которую восхваляют лакеи Директории и которую я считаю трусостью и низостью; но то благоразумие, какое должно направлять шаги граждан, ответственных за судьбы свободы. Победа увенчает добродетель также и при том условии, если свободные люди станут наносить свои удары в полнейшем согласии друг с другом.

Кажется, будто эти истины известны всем, только не все им следуют. Вместе с тем я совершенно далек от мысли, высказываемой отдельными лицами, будто бы среди патриотов существуют резкие расхождения. Напротив, я считаю, что подобные разговоры о расхождениях ведутся ради того, чтобы представить наши силы меньшими, чем они являются на самом деле, и тем устрашить некоторые слабые души. Тем не менее существуют люди, хотя и стремящиеся всемерно к той же цели, но пока еще бредущие окольными путями политики, ложность которой так ясно показал Трибун народа. Эти люди (правда, их число с каждым днем все сокращается) тоже хотят торжества равенства, уничтожения аристократии 1793 * года и роялизма, хотят счастья для французского народа. Их отличает от основной массы Равных лишь их суждение о том, каким путем следует идти к достижению этой цели; одни из них введены в соблазн коварными рассуждениями каких-то подкупленных рабов; другие обмануты ложными доводами. До сих пор это легкое различие не могло повести ни к каким печальным последствиям, поскольку решительная битва казалась очень отдаленной. Ныне оно становится гибельным. Прикрываясь им, как маской, пособники преступления проникнут в наши ряды, овладеют нашим доверием и успешно послужат кощунственному делу, которое они защищают. К тому же патриотизм недоверчив; когда после двух лет непрерывных интриг дело близится к развязке, необходимо, чтобы те друзья свободы, которые до сих пор брели извилистыми тропами, высказались со всей чистосердечностью. Нет больше места для угодливой уклончивости из соображений так называе-

---

* *Явная опечатка. Следует читать — 1795 года.*

мой благоразумной политики; ее должен заменить грозный клич: «Да сгинет тирания и все угнетатели народа!».

Мы уже давно указали центр, вокруг которого должны объединиться все истинные республиканцы: это Конституция 93 года, одобренная народом. Любой, кто при теперешних обстоятельствах отстранится от этого центра, может быть только врагом свободы. Пусть же все патриоты сплотятся вокруг этой Конституции. Пусть она станет знаменем, под которым соберутся все люди доброй воли. И как только кризис разразится, пусть со всех сторон раздастся единодушный клич во славу Конституции 1793 года.

Таков совет, который я считал своим долгом дать всем друзьям свободы, чтобы предостеречь их против любых гибельных измышлений, чтобы противопоставить роялизму волю нации и обеспечить свободе блестящий успех. И совет этот я считаю настоятельно необходимым. Дерзость, проявляемая роялистами с тех пор, как правительство оказывает им открытое покровительство и вместе с тем с ожесточенным безрассудством преследует друзей народа; злорадство, с некоторых пор проявляемое всеми героями Вандемьера, — все это служит бесспорным доказательством их веры в скорое осуществление их планов. Мощная поддержка, оказываемая им в Законодательных советах, во всех частях государственной администрации, в руководстве армией, не оставляет никаких сомнений насчет их огромных возможностей. А друзья свободы до сих пор не добились того единства взглядов, которое одно только и даст им силу. Самолюбие одних, слепая вера других в каком-то смысле отвлекают часть из них от основной цели. Они теряют из виду то главное, что их объединяет, и сосредоточиваются на мелочах, их разделяющих. Однако чаша терпения переполнена. Преступления Директории, удары, наносимые ею народу, довели негодование всех граждан до предела; всеобщее недовольство дает себя знать уже давно. Государственная казна истощена; денежная система уничтожена; наша армия осталась без хлеба, без обмундирования, абсолютно без всего; поставщики отказываются выполнять свои обязанности, так как Директории нечем им платить; кажется, что все части государственного аппарата готовы развалиться; гроза надвигается; ничто не в силах остановить ее. Безрассудные патриоты, вы что же хотите позволить роялизму одержать легкую победу? Что предпримете вы во время бури? Разрозненные, несогласные друг с другом, осмелитесь ли вы на бесполезное сопротивление? Погибнете вы сами, и с вами вместе погибнет свобода; а единение принесло бы вам легкую победу. Обратите свои взоры к роковой эпохе нашей революции; вы увидите, что разобщенность была самым страшным орудием, которым пользовались честолюбцы, чтобы подавить защитников народа. Обратите взоры на горькие следствия того дня; и вы опять-таки увидите печальный результат разобщенности. Не обвиняйте врагов Республики в бедствиях, претерпеваемых свободой. Вы сами являетесь их главной причи-

ной. Пока вы наносили удары в полном согласии друг с другом, все беды таились по углам; и только после того, как вы раздробили наши силы, они дерзко выступили на свет.

Однако этот союз не исключает справедливого недоверия закалившегося в испытаниях патриотизма по отношению к некоторым личностям, чьи намерения по праву внушают подозрения, особенно если эти люди могут влиять тем или иным способом на судьбы свободы. Дело в том, что я отнюдь не считаю, будто люди ничего не значат; напротив, я убежден, что в революции именно люди решают все: потому что от людей зависят все события. Слепое доверие к таким людям было бы, таким образом, преступным и могло бы лишь повредить нашему делу. Можно даже сказать, что все честные граждане обязаны быть настороже в отношении их возможных интриг. Я особенно поостерегся бы доверять тому, кто как бы одним ударом пожелал добиться популярности, которую он никогда не старался заслужить и которой, напротив, всегда был недостоин. Я не доверял бы человеку, наделенному громадной властью и ею отъединенному от класса граждан, который принялся бы поминутно призывать нас примкнуть к нему. Такой человек не может исходить из чистых побуждений. Средства, которыми он воспользовался бы для завоевания нашего доверия, сделали бы его вдвойне подозрительным в моих глазах. Если кто-либо собирается добиться популярности, идя кривыми путями, значит он лелеет коварные замыслы. Дело, которому мы все себя посвятили, настолько благородно, что каждый желающий служить ему должен быть чистосердечным до конца. Я не люблю, когда прибегают к услугам презренных парламентеров для выражения своих намерений; это напоминает мне договоры королей и козни, лежащие в их основе. Впрочем, патриоты находятся ныне в таком положении, что они могут объединяться только вокруг принципов. Конституция 93 года — вот что должно возглавить их партию; не говоря уже о том, что было бы в высшей степени смехотворно искать себе вождя среди тех, кто поклялся до последней капли крови сопротивляться ее установлению, доказано, что каждый раз, когда принципы не направляют действия друзей свободы, их самые большие старания неизбежно оборачиваются к выгоде интриганов. Поэтому мы должны объединиться не вокруг отдельного человека, а только вокруг указанного мною центра: Конституции 93 года.

Чем справедливее и закономернее недоверие по отношению к людям, только что мною изображенным, тем естественнее предположить, что если бы они стали действовать на благо народа, то смогли бы завоевать и доверие патриотов, и их уважение; а уж друзья свободы, которых революционные бури, как может показаться, разбросали в разные стороны, тем более должны стремиться друг к другу, должны укреплять узы, привязывающие их всех к одному делу. Было бы смешно беспрестанно ставить в вину гражданам, что в момент какого-то кризиса мимолет-

ное заблуждение совлекло их с истинного пути. Такие ошибки неотделимы от политических бурь. Иной из патриотов, сбитый с толку коварными речами заговорщиков, послужил их делу, будучи убежден, что служит Отечеству. Изменники не были бы изменниками, если бы не владели искусством маскировать свои замыслы. Каждый кризис отделял от массы республиканцев известное число людей честных, связанных со священным делом народа и своими принципами, и своей любовью к нему. Но злонамеренные люди, искусно играя на самолюбии или наивной доверчивости, сумели превратить простые разногласия или вполне естественные зачастую заблуждения в закоренелую ненависть, так что люди, объединенные общими интересами и стремлениями, становились врагами.

Ныне тирания особенно стремится воспользоваться подобными ошибками революционеров; она искусно воскрешает прежние заблуждения, желая противопоставить одних патриотов другим, так как ей отлично известно, что, только разделяя их, она сможет погубить и их самих, и вместе с ними дело свободы. Вот такие-то козни я и вывожу на чистую воду. Да, в среде патриотов Директория держит своих гнусных эмиссаров, обязывая их расколоть ряды борцов за свободу. Одним они напоминают их поведение при таких-то и таких-то обстоятельствах, уверяя их, что в случае торжества патриотизма они будут принесены в жертву. «Бойтесь мщения патриотов», — твердят эти опасные эмиссары. Других они убеждают, будто первые являются изменниками, недостойными находиться в рядах друзей свободы; ошибки они превращают в преступления. Результат подобных козней тут же дает себя знать.

Ну что ж! Нанесем последний удар роялизму и патрициату. Пусть все друзья Свободы и Равенства, пусть все защитники народа, которых удалось совлечь с истинного пути, но которых голос Родины призывает теперь вернуться на него, — пусть все они станут в ряды священного Союза Равных. Пусть те, кого обстоятельства или бóльшая просвещенность постоянно вели правильным путем, теперь с чистой душой встретят их. Забудем наши прежние ошибки; какому революционеру не в чем упрекнуть себя? Пусть каждый, кто считает себя врагом роялизма и аристократии 1795 года; каждый, кто хочет торжества Равенства, счастья для народа, установления Республики, основанной на великих принципах природы и разума, позабыв взаимные обиды, помнит об одном лишь Отечестве и станет под знамя Конституции 1793 года.

Она должна быть центром объединения того полезного класса, который представляет собой большинство нации, иначе говоря — подлинный народ. Только через нее можно достигнуть Республики и счастья, потому что в ней — гарантия его прав, и через нее лежит путь к самому совершенному порядку вещей.

В этом пункте сходятся все люди доброй воли. Он объединяет народ, как объединяет он наши армии. Если когда-то уда-

валось ввести в заблуждение солдат Родины, то потому лишь, что они не знали никакой точки объединения. Роялисты уже надеялись, видя разобщение патриотов, что наши колеблющиеся воины — а среди них тоже не было согласия относительно того, по какому пути следовать, — окажутся во власти интриг, которыми их не переставали опутывать, что роялистам удастся создать в их среде различные партии и они погубят себя во взаимных раздорах. Этот план удалось расстроить. Патриоты покажут солдатам Республики пример самого совершенного единения. Мои братья по оружию, которых тирания ради укрепления своего ужасного владычества ввела в город, ставший колыбелью Революции, просвещенные нашими плебейскими газетами, поклялись в глубокой ненависти к угнетателям французского народа. Ни Директория, ни роялисты не изменят более направления их ударов; бок о бок с подлинным народом они сплотятся под знаменем Конституции 1793 года.

Да, товарищи, таким должен стать наш центр объединения, потому что он принадлежит народу и всем его защитникам. На любого, кто скажет что-либо противное этому, смотрите как на предателя — вы не ошибетесь. У ваших братьев на границах нет другого желания. Они требуют упразднения постыдной конституции 1795 года и утверждения Конституции 1793 года. Я не боюсь, что вероломным командирам удастся когда-нибудь обмануть вас. Я — ваш часовой на передовых позициях. Я разоблачу перед вами все их кощунственные козни. Правда, они прилагают все усилия, лишь бы не допустить до вас моих сочинений. По примеру Директории они готовы на самые крутые, деспотические меры, которые в своем бесстыдстве называют воинской дисциплиной, лишь бы не дать вам узреть истину. Покажите себя, Солдаты Свободы; противьтесь угнетению, так унижающему вас. Ваши командиры не имеют права управлять вашими занятиями в часы досуга. Вне военной службы они равны вам. Если кто-нибудь из них, застав вас за чтением моей правдивой газеты, захотел бы лишить вас права на это, заявите ему: «Я стоял на часах, я нес свою службу; как солдат, я подчинялся тебе, находясь в строю; как свободный гражданин, я воспользуюсь моими правами и никогда не подчинюсь власти какого бы то ни было лица». Такой ответ должен дать солдат свободы местному деспоту; таково средство познать истину. И тогда враги народа не сумеют ввести вас в заблуждение и направить ваши удары против вас самих.

Соберемся все вокруг святого ковчега, вокруг Конституции 93 года. Пусть и народ, и солдаты, и все друзья свободы сольются в едином стремлении; тогда планы роялизма и патрициата окажутся расстроенными, а народ победит.

Себастьян Лаланд

Париж, 17 жерминаля IV года Республики

* * *

P. S. После страшного шума, поднятого инквизицией по поводу нескольких неортодоксальных сочинений, дерзко распространенных в последнее время по всему Парижу непокорными подданными, вызывает удивление ее молчание по поводу гражданской песни, которую мы помещаем после этого постскриптума. А ведь для подметальщика Мерлена появление этой песни, расклеенной в громадном количестве на стенах предместий, должно было бы стать поводом для особого гнева и изумления. Мне, не имеющему ничего общего с Сартином, она сразу бросилась в глаза. И я признаюсь, что на меня она произвела впечатление совершенно иное, чем, по моему представлению, она должна была произвести на министра сточных канав и уличных перекрестков. Мое любопытство было приятно возбуждено, едва я прочитал на красивой афише действительно новый, написанный большими буквами заголовок: «Новая песнь». Мне пришлось пробиться сквозь толпу, стремящуюся прочитать песню, и вместе со многими другими я переписал ее. Теперь она стала страшно модной. Ее напевают повсюду. И правильно делают, потому что содержание ее поистине революционно. Известна обычная судьба хороших песен. Думаем, что, сколько раз ни печатай эту песню, все будет мало.

НОВАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ ПРЕДМЕСТИЙ [7]

(На мотив: «Вот, что меня огорчает»)

Народ, лишенный прав своих,
Ты, мучим голодом, притих
И только стонешь, бедный,
Меж тем как наглый мироед,
Тобой щадимый столько лет,
Возносит клич победный.

Мошны набившая орда,
Ни сил не тратя, ни труда,
Жрет мед, забравши улей,
А ты, трудящийся народ,
Попробуй — может, впрок пойдет —
Глотать, как страус, пули.

Тень Гракхов, Брута призови,
Народной баловней любви,
И дрогнут богатеи.
Трибун, услышь наш скорбный стон,
Святого равенства закон
Нам начертай скорее [1*].

[1*] См. извещение «Трибуна народа», примеч. к стр. 243 и 244 его 40-го номера и Постскриптум к его 41-му номеру [*см. настоящий том, стр. 153, 230*].

Все привилегии долой!
Пусть Люксембург перед тобой
Склонится и Верона [8].
В стране, где граждане равны,
Султаны пышные смешны [2*] —
Пусть делят участь трона.

Ел долго желуди народ [3*]
Под властью тяжкою господ,
Он стал теперь умнее.
Шуанов люксембургских нам
Не надо, как и тех, что там
Бесчинствуют, в Вандее.

[2*] Султаны на шляпах, пурпурные одеяния, шитые золотом плащи неизбежно должны были вызвать воскрешение старых дворянских знаков отличия, пусть с некоторыми изменениями. Это уже происходит на наших глазах. Взгляните на старшие офицерские чины. Теперь они должны в зависимости от звания носить пояса разных цветов, что так напоминает прежние синие или красные ленты. Возникает новое рыцарское сословие, если только старое, которое постоянно его теснит, не займет его место. Все внешние признаки указывают на это, и я уверен, что «новой знати» покровительствуют не ради нее самой; соблазняя ее внешним блеском, угождают ее эгоизму: опьянев от гордости, что ее неожиданно украсили всеми этими побрякушками, она носит их и выставляет напоказ по поводу и без повода; это приводит к тому, что взор привыкает к подобному зрелищу и тем самым расчищается дорога для славных изгнанников, которые по праву рождения одни только и достойны подобных почестей. И вот уже можно видеть, как наряду с самозванным сословием всадников возникает и подлинное, начинающее его вытеснять. Пока что еще не французские рыцари осмеливаются открыто показываться в пестрых нарядах и в сопровождении ливрейных лакеев — первые шаги делают чужеземные вельможи. Как жалко выглядят ленты наших старших офицеров рядом с геральдическими украшениями маркиза дель Кампо, посланника короля Испании и обеих Индий, когда он со всей своей свитой появляется в Люксембургском дворце или в наших театрах! Лакеи этого первого лакея мадридского короля затмевают блеском своих ливрей скромные пояса наших главных военачальников. Совершенное бесстыдство со стороны дель Кампо так оскорблять республиканскую простоту и страшную нищету, в которую ввергают нас друзья его повелителя! Такое же наглое желание унизить нас, привнести к нам развращенность двора, он проявил, раздав 30 луидоров погибшим созданиям, которых расставили по пути его следования. Что должно означать такое поведение, если не желание сопоставить королевскую роскошь со скудостью республик? Рабы! Настанет момент, когда мы покараем подобную наглость. Мне случилось видеть министра одной Республики, существование которой связано с существованием нашей; в глазах благородного глупца он мог бы показаться ничтожным по сравнению с этим кастильским фанфароном; но я ясно видел, как он был шокирован спесью последнего. Сколько должно было у него возникнуть печальных и мрачных предчувствий относительно судеб и своей страны, и нашей при виде того, как последняя позволяет, чтобы в ее пределы проникали те формы жизни, которые неотвратимо повлекут за собой королевскую власть?

[3*] Это не выдумка. Известно, что в окрестностях Парижа существуют мельницы, где в самом деле перемалываются желуди для подмешивания их в хлеб, который мы, жители славного города Парижа, едим каждый день.

Вы, мудрых планов мастера!
Спасти их от огня костра
Напрасны все усилья.
Оставьте же в покое нас,
Сумеет равенство без вас
Создать в стране обилье.

Нам Директорией писать
Запрещено, на нас печать
Наложена молчанья.
Так в братский заговор молчком
Для счастья общего войдем,
Собратья по призванью.

Двойной Совет, ценимый в грош,
Директора, которых в дрожь
Приводит слово «пика»,
Кормимый ласками солдат
И ущемленный демократ —
Вот лик республики великой.

Солдаты! Королевский трон
Был нами вместе сокрушен,
Нам святы ваши раны,
Но — ах! — вас нынче не узнать:
Ужель вы согласитесь стать
Дворцовою охраной?

Когда с войсками шел народ,
Он трона сокрушил оплот
И с ним Бастильи узы.
Тираны новые! Солдат
Поймет, что бедняку он брат,
Страшитесь их союза!

Себе пою я на беду:
За эту песню попаду
В узилище, я знаю;
И все же говорю я: пусть!
Ее заучит наизусть
Народ родного края.

[*Перевод О. Румера*]

Типография Просветителя народа

ПИСЬМО ДРУЭ [9]

Париж, 17 жерминаля [7 апреля 1796 г.]

Я обещал писать тебе во время твоего отпуска. Но, будучи очень занят и не видя большой пользы в этой переписке, я не сдержал своего обещания. Теперь, когда ты опять на своем посту, полагаю сношения между нами более необходимыми. Скажи гражданину, подателю сего послания, когда ты хочешь со мной встретиться: кто-нибудь зайдет за тобою в условленный час и приведет тебя туда, где я буду. Время не ждет; тебе важнее, нежели ты думаешь, сблизиться с самыми храбрыми. Подумай, хочешь ли ты избежать общего проклятия. Не дай себя провести, или ты погиб; тебе можно встречаться лишь с очень узким кругом людей; не вздумай также показывать это письмо женщинам; будь человеком, все поведение которого достойно врага королей. Мне сообщают, что ты приготовил речь для выступления в большой дискуссии о Народных обществах. Добавляют, что ты собираешься покинуть поле битвы, если не одержишь победы в этой борьбе. Я не советую тебе принимать такое решение; это невеликодушно и неполезно. Когда Бруту изменили его собственные дети, он отнюдь не отказался из-за этого от защиты интересов Республики. Друэ, мы окружены новыми Тарквиниями, пришло время их устранить. Тираноубийцы требуют, чтобы ты им помог, иначе они причислят тебя к сторонникам предателей. Если ты решишь удовольствоваться твоим смелым поступком в Варенне и твоим трехлетним тюремным заключением в Германии, твоя слава будет весьма ограниченной и твое место в истории революции и свободы — очень маленьким. Твоя речь не имеет никакого значения, она недостойна тебя, если она не отражает тех чувств, которые, по-моему, ты должен испытывать и которые я постарался выразить на страницах 241—242 в 40-м номере «Трибуна народа». Тебе следует пересмотреть эти две страницы и перенести их суть в твой проект резолюции о патриотических обществах: они, несомненно, произведут большое впечатление, а все, что ты напишешь вместо этого, не произведет никакого. Да, твоя роль в том, чтобы сказать: «Что я видел и что вижу? Какою была родина, когда я ее покинул? И какова она сейчас, когда я вернулся?» и т. д. Если у тебя не хватит мужества обратиться с такой речью к нашим угнетателям перед лицом внимающей тебе Франции, ты не выполнишь своего долга. Ламарк [10] говорил как слабый человек. Посмотрим, окажешься ли ты лучше его. Не думай, будто это все, что от тебя потребуют, — тебе предназначены и другие лавры, подобные тем, которые и мы собираемся пожать в ближайшее время.

С демократическим приветом.

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа[11]

№ 42

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека (1793 г.) ст. 1)

НЕОТЛОЖНОЕ обращение к патриотам

Друзья! Я совсем не должен был говорить с вами сегодня. Я прерываю другую работу, требующую большего времени и сил, ради того чтобы спешно сказать вам несколько слов исключительной важности. Послушайте их: они в высшей степени существенны для вас.

Истина торжествует. Все угнетатели трепещут: друзья народа открыли ему глаза. Армия тоже прозрела. Ни одна плотина не в силах более остановить потока энергии. Наши властители увидали все это и меняют тактику в надежде избежать падения, ожидание которого утешает нас и приводит в отчаяние их.

Десять-двенадцать дней тому назад они поняли, что преследование и оскорбление лучших граждан — далеко не самое надежное оружие в их руках. Они заменили его хитростью и омерзительной лестью. Бешеные волки превратились в лисиц, ласковых и услужливых. Не попадайтесь в эту западню. Это те же хищные звери; они не изменили своей природы и никогда не изменят ее. Сегодня они гладят вас бархатной лапкой — завтра они сожрут вас.

Вот от чего я должен вас предостеречь.

Эмиссары Тальенов, Лежандров, Баррасов и сами эти «порядочные люди» хлопочут и прикладывают много усилий, стараясь заманить вас в одну из своих самых гнусных ловушек. Они используют ваш гнев против всех преступных виновников ваших несчастий, среди которых сами они занимают первые места; но у них хватает бесстыдства притворяться, будто это были совсем не они или, по крайней мере, будто ныне они отделяются от толпы преследователей, которая действовала па самом деле лишь по их приказам и по их указаниям; они осмеливаются уверять вас в своей готовности стать мстителями за злодеяния, которые сами они совершали или заставляли совершать. Необходимо вам показать, к чему они стремятся и что замышляют, какую новую глубокую бездну роют они под вашими ногами; но прежде надо познакомить вас с ходом их интриг.

К Ферю и его прежней компании они присоединили новых мошенников, полный список которых мы могли бы здесь поместить; но сегодня мы назовем лишь двух человек, чьи дела особенно откровенны. Ришар и Сулес (последний называет себя литератором) вот уже несколько дней заняты обработкой людей, собирающихся в Тюильри. Они превосходно справляются с поставленной перед ними задачей — возбуждать до предела горяч-

ность народа. Они твердят здесь любому, кто хочет их слушать, что оба Совета состоят исключительно из одних злодеев; что Баррас и Карно — превосходные республиканцы, и им одним дано положить конец народным горестям и спасти Отечество; что именно поэтому существует гнусный заговор, имеющий целью убить их; что вследствие этого необходимо примкнуть к ним и к их друзьям, безотлагательно вооружиться и бить в набат.

К названным фактам мы от себя прибавим следующие подробности.

Один истинный демократ, к которому эмиссар Ришар привязался на днях на террасе Тюильри, желая внушить ему взгляды этих вступивших в сговор мошенников, высказал некоторые возражения против странной спешки, которую, по-видимому, старались внести в столь важное дело. Тем временем они повстречались с Лежандром, у которого Ришар спросил, что слышно нового. Прериальский мясник отвечал, что не способен понять, как патриоты могут следовать призывам Трибуна народа, нападающего, по-видимому, главным образом на самых безупречных республиканцев, таких, как Баррас и Карно; что надо было лишь изо всех сил обрушиться на тех, кто и по его мнению принес много зла, т. е. на таких, как Инар[12] и его клика; что патриотам следует объединиться и уничтожить подобных людей; но необходимо, чтобы с обеих сторон были забыты мелкие ошибки, которые и те и другие могли совершить, и т. д.

В нескольких шагах оттуда другой сикофант тоже приступил с расспросами к некоему демократу, не видал ли он такого-то человека, который пользуется влиянием в одном из кварталов Парижа, что-де надо передать ему добрые вести от Тальена: и в заключение интриган добавил: «Ты ведь патриот, ты не посторонний; нужно, чтобы через несколько дней произошел взрыв; нужно, чтобы ударили в набат. Я ищу такого-то, чтобы ввести его в курс дел».

Козни сплетены весьма ловко, приманка приготовлена не хуже многих других, на которые вы попались; но возможно ли, чтобы вы стали жертвами обмана и на этот раз?

Замыслы тех, кто ни на минуту не прекращал уничтожать вас, обрекать на голод, душить железными кольцами цепей, совершенно ясны.

Прежде всего, им нужно спасти свои головы: ведь они знают, что великий суд народа, изобличившего их в бесчисленных и беспримерных преступлениях, готовится привести в исполнение ужасный приговор, вынесенный им уже давно. Они считают, что не смогут этого добиться иначе, как сделав вид, будто бросаются в объятия демократов; и они льстят себя надеждой, что сумеют с легкостью снискать их расположение, постаравшись внушить им, будто народ может спастись только при помощи кого-нибудь из тех, кто обладает сейчас властью.

Но из чего можно вывести заключение, что их цель именно такова — спасение собственных голов? А достанет ли у патрио-

тов благодушия поверить, будто их действия продиктованы стремлением честной службой демократии искупить гнусность, которую они совершили, уничтожив ее самыми злодейскими способами, и тем заслужить их великодушное прощение? Достанет ли у патриотов благодушия поверить, что они добровольно откажутся от власти, от господства и первенства как на время революционного потрясения, так и после него, ради мирной жизни под сенью безыскусных демократических законов и под покровом святого прощения со стороны снисходительной нации? Нет, нет, их план отнюдь не таков. Все эти угнетатели увидали, что ныне торжествуют принципы демократии, что трон их поколеблен, что они больше не пользуются ничьим доверием, которое все целиком отдано теперь не им, а защитникам народа. Они решили, что требуется разработать какой-то новый ход, который позволил бы уловить в одну и ту же сеть и тех, кому отдано доверие народа, и их приверженцев, и всех способных играть активную роль в защите народного дела. Они хотят разыграть своего рода последний акт в трагедии массовых жертвоприношений; они хотят разделаться с последними оставшимися патриотами. Они говорят себе: подпустим им лести, умаслим этих патриотов, пообещаем им все, что они просят. Что произойдет? Благодаря нашему положению, мы неизбежно полностью овладеем инициативой всего движения и таким путем навсегда избавимся и от них самих, и от всех прочих наших врагов. Мы предупредим всякие враждебные действия с их стороны; мы парализуем все благоприятные для их дела результаты их влияния на умы простых людей; мы сами сделаемся их вожаками и навечно укрепим нашу власть. Вот каким способом: мы, Баррас, Фрерон, Лежандр и Тальен, станем во главе. Наши обесчещенные имена не соберут вокруг наших знамен всей массы народа; большая его часть с ужасом отшатнется и откажется идти под нашим флагом. Но это именно нам и нужно. Мы объединим одних лишь нами оплачиваемых наймитов, а вместе с ними и то ядро пылких, но безрассудных патриотов, которым наши шпионы успешно сумеют затуманить головы; это будут те, кто руководствуется не доводами и не чувством справедливости, а нетерпеливым желанием броситься в любое предприятие, которое, как им кажется, сулит их делу спасение. Таким способом мы завербуем лишь немногих, но это как раз нам и нужно. У нас не будет оснований бояться, что они нас низвергнут, и в то же время они дадут нам возможность предпринять первый шаг — гарантию всех последующих успехов. Этой небольшой группы нам хватит, чтобы поразить кинжалами тех, кто тоже является роялистом, но отличного от нас образца. Роверы, Инары, Ланжюине, Буасси и другие хотят иметь королей из прежней династии; что же до нас, то мы предпочли бы им королей новоявленных: мы сами хотели бы ими стать. Прекрасно, вместе с нашими глупыми демагогами мы отправимся истреблять защитников Людовика XVIII; и едва их вожди падут, роялизм,

противоположный нашему, перестанет существовать; тогда и укрепится наш трон. Правда, демагоги, как и в вандемьере, потребуют у нас после успеха нашей дерзкой вылазки совсем иного, но снова, как и в вандемьере, нам будет нетрудно привести их к молчанию и бездеятельности. Мы скажем им: хватит на сегодня, пока больше ничего делать не следует; отдыхайте до той поры, когда вас пробудят. Долго спать мы им не дадим. Поскольку нам останется разделаться только с одной партией, мы совершенно спокойно устроим этой партии анархистов Варфоломеевскую ночь, и она переживет роялистов лишь на несколько дней. Мы устроим единую большую резню, а затем без помех будем господствовать над стадом рабов.

Друзья! Таков их заговор; такова их ужасающая тайна. Но, после того как она открыта, позволит ли им кто-нибудь одурачить себя самым жалким образом?

Нет, никакого частичного выступления у нас не будет. Конечно, большинство патриотов и народа и так не последовало бы губительному призыву таких людей, как Баррас или Тальен; но после моего предупреждения им, смею надеяться, не удастся обмануть и двух человек. Да, да, их антихристы, их лжепророки зря потеряют время. Жалкие лакеи! Что ж, осаждайте республиканцев повсюду, где их только можно встретить; задерживайте их на прогулках, на улицах; оскорбляйте повсеместно их взоры своим мерзким видом — ваша смертельная отрава бессильна против нашего надежного противоядия. Они отвергнут и вас. и ваши лукавые речи с тем презрением, какого вы достойны. Я объявляю вашим хозяевам, что отныне деньги, которые они вам платят, выброшены на ветер.

Народ поднимется не иначе, как всей массой и только по зову своих истинных освободителей, чей сигнал он распознает по верным признакам. А до этого зова он пребудет спокойным: он не захочет потерять все из-за губительной поспешности. Сумев столько вынести страданий, он сумеет прождать несколько лишних мгновений, чтобы надежнее обеспечить себе собственное освобождение; он поверит своим друзьям, когда они будут говорить ему: момент для спасения родины еще не наступил.

И мы тоже хотим освободиться от рокового влияния роялистских вождей; но мы в то же время желаем избавиться и от влияния дожей. Мы не станем выбирать между двумя тираниями. Мы бесконечно ненавидим откровенных приверженцев Людовика XVIII, но наша ненависть к лицемерным угнетателям, которые прячут предназначенное нам ярмо посреди цветущих роз, еще сильнее. Спешите же под знамена Фрерона и Лежандра, Барраса и Тальена. Простите же всем этим людям их «мелкие ошибки». За ними нет ничего, кроме «грешков»: Тальен всего лишь предопределил великую эпоху наших страданий, неустанно укреплял затем дело своих рук, с рвением руководил реакционными меро-

приятиями, постепенно лишившими народ всех его прав и отдавшими его во власть нескончаемых мук. Баррас был всего-навсего диктатором в дни Термидора, Жерминаля, Прериаля и Вандемьера; и его диктатура в эту последнюю эпоху оказалась тем более преступной, что он обманул патриотов, которым обещал повести их на борьбу за возвращение их прав, после того как они спасут Конвент. Лежандр всего лишь шел в нескольких случаях с саблей в руке против народа; а после торжества реакции он свирепствовал как истый мясник каждый раз, когда дело доходило до избиения и истребления народа любым способом. Что же до Фрерона, то тут и вовсе не о чем говорить; он всего лишь вложил кинжал в руки убийц; он всего лишь организовал и направлял тысячи убийств наиболее добродетельных патриотов, неоднократно и недвусмысленно призывая к этому в широко распространяемой и ежедневно выходящей газете; кровь этих патриотов заливает землю Франции вот уже 18 месяцев. Вот почему вам надлежит пасть на колени перед этими «в высшей степени порядочными людьми», умоляя их стать вашими освободителями, и отдать им все ваше доверие. Поспешите же встать в их ряды, когда эти страшные люди распорядятся пробить сбор, чтобы вести вас на битву с их врагами; а уж потом, одержав победу, они вознаградят вас по-прериальски. В революции совершалось много плачевных нелепостей; но эта к ним не добавится; ее просто-напросто не будет. Трибун народа этого не потерпит. Нет, народ ни за что не поднимется, чтобы сражаться по приказу своих неизменных убийц. Я ему запрещаю это делать!!!

Заговорили об объединении, о примирении, о забвении ошибок и заблуждений; снисхождение к ошибкам и заблуждениям — да, но к нескончаемым преступлениям — нет. Мы примем в свои ряды всех, кто был обманут, кто был лишь орудием в чужих руках; тех, кто согрешил с чистыми намерениями, кто, нанося Родине удары, считал, что служит ей. Но мы не падем так низко, чтобы позволить главным и сознательным виновникам бесконечного ряда преступлений, которые продолжаются по сей день и губительные последствия которых причиняют нам такие ужасные страдания; мы не падем так низко, чтобы теперь, когда предстоит излечить зло, причиненное нам этими людьми, позволить им снова нас возглавить. Мы не совершим такой глупости и не поверим им, даже если они нам скажут (а они вовсе этого и не говорят), что готовы искупить свои злодейства, положить конец их ужасным результатам. Мы не должны допускать даже того, чтобы эти мерзостные существа с ружьем в руках, как простые солдаты, стали бы в одном с нами строю. Если бы французский народ по-другому отнесся бы к ним, он стал бы самым трусливым из народов; он не заслуживал бы более, чтобы хоть один сильный и разумный человек старался во имя его интересов добиться торжества дела свободы.

Граждане, выслушайте внимательно следующую истину. Не слишком бойтесь роялистов в сенате; они служат н а м. Мы в со-

стоянии пресечь зло, которое они, конечно, намереваются причинить нам; их борьба с противоположной партией приносит нам только пользу. Если бы все правители объединились в одну партию, у них оказалось бы куда больше сил в борьбе с Народной партией.

Надо, чтобы Народная партия смогла сама победить и тех роялистов, чей кумир находится в Вероне, и тех роялистов, чьи кумиры обитают в Люксембургском дворце, не испытывая нужды в помощи ни с той, ни с другой стороны. Было бы безумием пытаться скрыть от них обеих наши враждебные намерения из боязни заблаговременно их насторожить. Эти наши намерения давно не представляют тайны для них, и они уже сделали все возможное, чтобы помешать их осуществлению. Они больше не могут добиться этого ни силой, ни с помощью общественного мнения; вот почему они и прибегли ныне к хитрости. Но и последнее их средство мы выбьем из их рук. Я совершенно открыто занимаю боевые позиции. Глупцы и простофили из партии «осторожных», возможно, скажут мне, что стоило бы их как-нибудь да замаскировать. Я заявляю: теперь абсолютно необходимо, теперь настало время, чтобы вся армия санкюлотов пришла в боевую готовность, а кроме того. повторяю, ее существование нельзя больше скрыть от врага. Отныне мы можем и хотим одержать победу не путем неожиданного удара, а способом, более достойным народа. Я имею в виду открыто действующую силу. Отвергнем то малодушие, которое заставляло нас думать, будто сами по себе мы ни на что не способны и нам всегда нужно, чтобы с нами шел кто-то из правителей. Правители совершают революции только затем, чтобы остаться у власти. Мы же хотим наконец совершить такую революцию, которая навеки обеспечит счастье народа через подлинную демократию. Санкюлоты! Отвратим наши мысли от простой неприязни к отдельным людям; хлеб, достаток, свобода — вот ради чего мы встаем на борьбу. Не позволим обмануть себя, не станем отвлекаться от истинной цели, к которой мы стремимся. Я вам говорил и повторяю снова: неверно думать, будто сами по себе вы ничего не можете и ни на что не способны. Все великое, все поистине достойное народа всегда создается самим народом, и только им одним. Начинайте же действовать лишь тогда, когда увидите, что поднимаются и выступают люди из народа. Не попадитесь в ловушку; нигде более не ищите себе освободителей; не признавайте никаких иных знамен. Не дайте обмануть себя и другим софизмом шпионов — распространителей всех лживых суждений наших врагов: они говорят, будто на их стороне солдаты. Они лгут; солдаты не с ними, они с нами. Они с нами уже по своему происхождению и тем более с нами по своим сегодняшним настроениям. Да, солдат пойдет только с нами и только ради нас. Тем лучше, если злодеи, притесняющие нас, привели к нам большую армию. Они сделают еще лучше, если увеличат ее: от этого мы станем еще сильней. Дело сделано — наша проповедь пустила глубокие корни среди

наших братьев, стоящих под ружьем; они, как и мы, вышли из народа, и наше дело — это и их дело; тираны сами подрывают свое положение, постоянно перемещая их с места на место; новички обучаются у тех, которые пришли сюда раньше их, а те, которых переводят в другое место, несут туда основы нашего учения; таким образом наша народная зараза проникает повсюду. Нет, нет, теперь ни гражданская, ни военная инквизиция больше не в силах помешать нашим солдатам и рабочим читать наши сочинения: они жадно поглощают их и черпают в них ферменты самой сильной и упоительной демократической отравы. Народ! Итак, ты видишь: тебе достаточно твоих собственных людей, потому что весь ты — с ними, а теперь с ними уже и добрая часть солдат-санкюлотов, которых власти вознамеревались было ввести в заблуждение и противопоставить тебе. И в день Народа мы все пойдем к верной победе только под руководством людей из народа и вслед за ними, едва они назначат нам этот счастливый день.

Гракх Бабеф, Трибун народа

Париж, 24 жерминаля IV года Республики [14 апреля 1796 г.]

Примечание. Подписка принимается у гражданки Лангле, улица Фобур-Оноре, № 29, на углу Елисейских полей. Подписная плата за 2-й том, содержащий 480 страниц и начинающийся номером 34-м, составляет 500 ливров. Тех, кто не внес полностью этой суммы, просят это сделать.

Типография Трибуна народа

ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАРОДА,
или Защитник 24 миллионов угнетенных, С. Лаланда, солдата Отчизны[13]

№ 6

Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают

(Сен-Жюст)

В моем номере 5-м я указал центр, вокруг которого должны объединяться все люди доброй воли (это Конституция 1793 года); я показал совершенную необходимость сплотиться под этим знаменем, чтобы противопоставить роялизму и патрициату волю нации и вырвать свободу из рук двух этих чудовищ; теперь мне предстоит разъяснить образ действий наших тиранов и вскрыть новые злодеяния, которые они замышляют.

Не без оснований я говорил в моем предыдущем номере, что роялизм с каждым днем набирает новые силы. Свое утверждение я обосновывал злобной радостью, которую проявляли герои Вандемьера, вернувшиеся эмигранты, наконец, все приверженцы королевского деспотизма; но сегодня я располагаю вещественными

доказательствами того, что раньше только предполагал; законодательные советы снабдили меня неопровержимыми фактами. Все эмигранты, избранные в законодательные органы и исключенные оттуда законом от 3 брюмера, толпами возвращаются к исполнению своих обязанностей. Каждый владеет теперь свидетельством с места жительства, удостоверяющим, что он никогда не покидал территории Франции, хотя, когда их исключали, никто из них не мог такого свидетельства представить; Совет 500 даже не подумал обсудить вопрос о правомочности подобных свидетельств. Докладчик поднимался на трибуну, утверждал, что изгнанный никогда не являлся эмигрантом, — и декрет о восстановлении его прав уже был готов. И изо дня в день можно было наблюдать, как на сенаторские кресла возвращаются агенты принцев, люди, которые, находясь в Англии, Швейцарии или Вероне, замышляли вместе с деспотами, объединившимися против нас, гибель нашей свободы. Напрасно хотят ввести нас в заблуждение этим новым маневром, представляя свидетельства с места жительства; кому не известно, как роялисты Тулона, сдавшие этот порт англичанам, бежали на английских и испанских судах после победы наших республиканских войск; кому, спрашиваю я, не известно, как эти же люди вернулись после 9 термидора, снабженные свидетельствами с места жительства? Кому, наряду с этим, не известно, что после гибельных дней Термидора эмигранты, в течение двух лет жившие в Швейцарии и Германии, возвращались без всякого труда; что вслед за возвращением они получали все необходимые свидетельства, в том числе и удостоверение о гражданской благонадежности? Наконец, можно ли было предполагать, будто для кого-то является тайной, что эмигрантам так же просто было добиться свидетельства с места жительства, как и возвратиться? Впрочем, достаточно было и подобия таких свидетельств, чтобы депутаты, изобличенные в том, что они были эмигрантами, и уж не знаю, в силу какой счастливой случайности изгнанные из законодательных советов вернулись к исполнению своих обязанностей вопреки негодованию многих департаментов. Что же можно вывести из подобного поведения советов? .. А! Я не в силах об этом писать; это так легко себе представить. Я могу лишь сказать, что отнюдь не следует удивляться постоянным ударам, наносимым свободе, полному падению курса республиканских денег [14], всем бедам, раздирающим нашу Родину. Если торжествуют защитники Капета, конечно, друзья свободы обречены на молчание. И вот совсем недавно можно было слышать, как бесстыдный Майль в своем докладе о политических объединениях пытался доказать, что народ не имеет права собираться, спокойно извергал кощунственные слова, оскорблявшие суверенитет нации, устанавливал, в каком количестве отныне гражданам разрешено собираться, предлагал подчинить все эти собрания надзору полиции и, наконец, совершенно обнаглев, требовал наказаний для тех членов этих обществ, кто посмел бы заговорить о Конституции 93 года и осуждать презренный кодекс 11-ти. Разве Совет не

одобрил кощунств Майля, проголосовав за раздачу его членам по шести экземпляров этого доклада? Когда Совет, которому общественный ропот показал, что он зашел слишком далеко, на следующий день вернулся к вопросу о количестве экземпляров и постановил, что вместо шести каждый член получит лишь по одному экземпляру, я слышал, как некоторые патриоты, считавшие себя просвещенными людьми, называли это решение блистательной победой свободы; я видел, как некоторые члены Совета, считающие себя друзьями народа, безмерно гордились тем, что только благодаря им проект, представленный Майлем, не был принят сразу же [15]. Что до меня, то я просто скрежетал зубами, видя, как подобный вопрос вообще осмеливаются обсуждать, я скрежетал зубами оттого, что никто не решился стащить с трибуны бесстыдного Майля, я скрежетал зубами, не видя ни единого депутата, который решился бы энергично восстать против всех этих отвратительных кощунств. Я мысленно переносился к тем временам, когда чтили величие французского народа; когда ни у кого из представителей народа не хватило бы дерзости посягнуть на него; когда подобное преступление было бы немедленно наказано; когда смешно было бы доказывать законность такого наказания; *когда показалась бы преступной любая попытка поставить себе в заслугу простое порицание выходок против народа*; я сожалею об этих временах, и мне больно, что я не вижу ныне ни одного представителя, вооруженного всей силой правды и принципов, который целиком посвятил бы себя защите дела народа и призвал бы гнев нации на головы пособников тирании. Какая низость! В то время как по приказу Директории вновь открывается театр на улице Фейдо, это мерзкое логово разврата и роялизма, где статую Свободы уже тысячу раз подвергали оскорблениям, где так часто звучали голоса в защиту королевской власти, — намереваются погасить порыв патриотизма, растоптать основные права граждан, лишив их возможности собираться; хотят заранее определить содержание политических дискуссий; хотят лишить республику способности рассуждать, чтобы тем легче поработить ее. Разве это не значит открыто служить делу тиранов, объединившихся против нас?

Преступления роялистской клики, которая, по-видимому, господствует в законодательных советах, этим не ограничиваются. С ожесточением, похожим на безумие, она защищает также дело всех эмигрантов. Члены этой клики посмели заявить с трибуны, что конфискация имуществ этих чудовищ была посягательством на право собственности; они голосовали за то, чтобы эти имущества остались во владении родственников бежавших, с тем, без сомнения, чтобы сын, сражающийся с оружием в руках на стороне англичан или австрийцев или заодно с агентами иностранных деспотов плетущий сети заговоров в Швейцарии, получал бы помощь от своих родителей, только ради того и оставшихся во Франции. И когда же подобные контрреволюционные речи звучат

с трибуны законодательного совета? Когда истощение государственной казны делает неизбежным новый выпуск бумажных денег; когда эти новые бумажки уже в самый момент своего появления почти так же мало стоят, как и ассигнаты, которые они призваны заменить. И разве перед лицом таких явлений не смешно издание уголовных законов против тех, кто подрывает доверие к мандатам [16]? Разве не имуществом эмигрантов они обеспечены? И если граждане ежедневно наблюдают, как гибнет это обеспечение, можно ли требовать малейшего доверия к подобным деньгам? И я обвиняю в дискредитации наших ассигнатов не столько спекулянтов, сколько Национальный Конвент. Именно он в дни, последовавшие за 9 термидора, обесценил их своими контрреволюционными действиями. Главной причиной их дискредитации явилось возвращение имений осужденных их родственникам, возвращение этих имений неисчислимой толпе эмигрантов, хлынувшей со всех сторон; и если мандаты, как меня уверяют, уже потеряли 80% своей стоимости, то причина этого кроется в вопросе о передаче имуществ эмигрантов их родственникам, столь скандальным образом поднятом в Совете 500.

Из всего мною сказанного можно вывести еще одну гнетущую истину: роялизм гораздо могущественнее, чем это себе представляют; и творцы конституции 95 года, видя, что этот тиранический кодекс слишком медленно ведет нас к возврату королевской власти, наскучив брести обходными тропами, открыто направляются к желанной цели — погибели республики и восстановлению монархии.

Среди всего этого нельзя забывать и об Исполнительной Директории. Было бы ошибкой заключить, что, поскольку роялизм столь силен, мы должны обратить все свое внимание на него. Роялизм и Исполнительная Директория идут рука об руку; обе эти силы опираются одна на другую; они взаимно поддерживают друг друга; не будь Директории, роялизм был бы уничтожен. Эта истина понятна самым темным людям. Сначала Директория довольствовалась тем, что стравливала между собой республиканцев и роялистов; но, не сумев с обычной своей неловкостью воспользоваться раздорами, которые породила такая дьявольская политика, и видя, что она лишь отвратила от себя обе эти партии, Директория предпочла открыто провозгласить себя покровительницей одной из них и гонительницей другой; и она выбрала в качестве своей подопечной ту, что по своей природе была более близка ей. Постановление от *вантоза свидетельствовало о таком повороте дела. Роялизм устами своих газетных писак с давних пор протестовал против назначения многих республиканцев на административные должности; эти государственные чиновники останавливали кинжалы убийц, подкупленных Питтом или королем из Вероны; Директория прислушалась к подобным протестам. Вследствие этого она декретировала разрешение всем роялистам

---

* *Пропуск в тексте.*

Франции направлять ей любые доносы, какие только они сочтут нужным, с правом полного и безусловного воспроизведения в них той мерзкой клеветы, которую в свое время они уже извергали в адрес республиканцев; и Директория обещала принимать эти доносы. Принятое решение послужило сигналом для новых убийств. Роялисты, увидав в этом мероприятии знак благосклонности к себе со стороны Директории, вновь взялись за кинжалы, уже запятнанные кровью многих тысяч республиканцев; едва это решение стало известно в Лионе и в нескольких других коммунах, как там с небывалой доселе яростью возобновились убийства; а Директория при известии об этих совсем недавних преступлениях велела в знак одобрения снова открыть в Париже театр на улице Фейдо. Она молча дала понять убийцам: вы исполнители моих тайных желаний; ничего не бойтесь; продолжайте свои *славные* труды.

Отсюда следует, что нам надлежит быть начеку одновременно и по отношению к Директории, и по отношению к роялизму, так как обе эти клики сливаются, можно сказать, в одно целое. В данный момент задача у них одна — обе они хотят уничтожить всех и вся, что хоть как-то связано с подлинным республиканизмом; объединенными усилиями они стараются заклепать цепи на теле народа, и лишь потом, осуществив свои гнусные замыслы, они станут оспаривать друг у друга добычу. Кто, бросив хотя бы беглый взгляд на листки, оплачиваемые, как известно, из-за границы, может усомниться в том, что между роялистами и Директорией существует отвратительный сговор? Со времени известного постановления от * вантоза — свидетельства ее слабости и вероломства — Директория с ног до головы осыпана похвалами, расточаемыми ей в этих *английских* листках. Эти роялистские издания открыто и громогласно выражают свою признательность.

Но, чтобы наши директоры вызвали общественное негодование, была ли нужда еще и в этом пункте обвинения? Нет, конечно; их прежние преступления достаточно озлобили большинство народа и против ненавистного режима 1795 года, и против носителей этой узурпаторской власти. Однако они впали в заблуждение. Надеясь создать себе мощную поддержку в лице роялистов, они лишь увеличили возмущение всех добрых граждан. Их преступления разбудили ту энергию нации, тот дух свободы, который всегда предшествовал решающим моментам нашей Революции. Успехи тирании, угрозы свободе вывели народ из глубокого оцепенения, в которое он был погружен двумя годами нищеты и унижения. Директория надеялась разобщить граждан, закрыв патриотические объединения, и тем укрепить свой омерзительный деспотизм, но и эта мера обернулась против нее. Ныне люди 14 июля, 10 августа, 31 мая и 13 вандемьера, т. е. самый значительный класс, представляющий собой истинный народ, стали встречаться на городских площадях. Именно тут, под от-

* *Пропуск в тексте.*

крытым небом, друзья свободы собираются вместе, разъясняют друг другу и обсуждают друг с другом свои нарушенные права; тут они напоминают один другому преступления Директории, не боясь стаи шпиков; тут выражают они свою глубокую ненависть ко всякого рода тирании. Ах, как действенно служили свободе в первые времена революции такого рода группы! Сколь роковым оказался для Капета и его двора свет истины, блеснувший народу из таких собраний. Стоило Исполнительной Директории тех времен принять какие-то меры, посягающие на свободу, стоило ей подвергнуть угнетению одного-единственного гражданина — это преступление тут же разоблачалось такими группами; сотни голосов громко возмущались деспотическим актом; уже на другой день все граждане были о нем извещены; негодование, вспыхнувшее на этих собраниях, становилось всеобщим, и порой преступлению не давали совершиться. Точно то же происходило и по отношению к национальным собраниям. Когда представители народа, бесстыдно изменяя своему долгу перед Отечеством, принимали декреты, выгодные аристократам, тысячи граждан, собравшись в национальном парке, встречали их при выходе из храма закона, оскверненного ими, оскорбительным гиканьем и свистом; любой изменник тут же разоблачался перед общественным мнением; влияние его сразу же сводилось на нет; а его трусливые сообщники, опасаясь подобной же участи, не смели более открыто нападать на дело свободы. Напротив, представители, верные делу народа, получали законную дань всеобщей признательности. Ободренные братским и трогательным приемом той же толпы граждан, они чувствовали, как их душа еще более возвышалась; на другой день они с новыми силами вступали в борьбу с преступлениями. Я не могу без душевной боли вспомнить тот горячий интерес ко всему, что касалось общественных дел, который в первые дни революции жил в сердце каждого гражданина. Любой вопрос, обсуждавшийся в Национальном собрании, возбуждал все умы; вокруг святилища законов скапливались сотни людей; народ сам обсуждал этот вопрос: каждый нетерпеливо ждал результата, зная, какие меры были бы самыми благотворными. Мне пришлось даже видеть, как депутаты-патриоты покидали зал заседаний, чтобы обойти собравшиеся вокруг многочисленные группы граждан и в возникавших там дискуссиях почерпнуть ценные идеи.

Если нескольким изменникам удалось нарушить священные права народа и на обломках народной Конституции 1793 года воздвигнуть тиранический кодекс, под гнетом которого французский народ стонет сегодня, то произошло это потому, что они сумели погасить в душе почти всех граждан этот живой интерес, некогда их вдохновлявший. Я не знаю, какими изощренными уловками сумели они погрузить народ в бездну равнодушия, приведшую его на край пропасти; но должен сказать, что это самый страшный удар, какой только можно нанести свободе. Именно на это оцепенение рассчитывала Директория, стараясь упрочить посреди

Одно из парижских кафе, где собирались «Равные»

нас власть аристократии; она была уверена, что то воодушевление свободой, то спасительное беспокойство, которые волновали умы в первые дни революции, не смогут больше разгореться. Тираны осмеливались утверждать, будто французский народ утомлен революцией; возможно, они в это и верили; отсюда они делали вывод, что будет нетрудно заковать его в цепи уже навсегда. Думаю, теперь они глубоко разочарованы. Да, неразумные директоры, ваши ожидания обмануты, народ пробудился от летаргического сна, в котором он позорно прозябал после 9 термидора — навеки постыдного дня, лишившего народ его защитников и вождей. Тот самый народ, который вы, в своей дерзости, а может быть в своем безумии, считали лишенным энергии, сегодня вновь

думает о своих интересах. Возникло общественное мнение; многочисленные группы собираются на площадях города и в национальном парке; мужественная энергия — характерная черта народа, любящего свободу, — крепнет с каждым днем. Уже открыто говорят о вашей тирании, о ваших гибельных действиях; оплакивают память жертв 9 термидора. Напрасно ваши бесчисленные агенты пробираются в ряды народа, пытаясь увести его с верной дороги; их кощунственные голоса тут же замирают, заглушенные ропотом негодования.

Да, у меня возрождается надежда. С тиранией покончено, раз тот священный огонь, который наши тираны сочли навсегда погасшим, вновь горит в душе граждан; раз общественные дела теперь не являются больше для них безразличными. Люди из народа, рабочие всех профессий, объединяйтесь, создавайте группы — это единственное оставшееся вам средство вырваться из тенет рабства и нищеты, которыми вас опутали. Только так вы сумеете уяснить себе ваши подлинные интересы, обрести истину, получить все те представления, которые необходимы для свержения гнета тиранов 95 года, для утверждения среди нас царства свободы и равенства. Не верьте слугам Директории; их легко распознать по их речам; гоните прочь всех этих опасных посланцев, едва они начнут уверять, будто Директория желает счастья народу. Предметом ваших обсуждений должна быть Конституция 1793 года, без которой свобода немыслима; акты законодательных советов; замыслы Директории, направленные против свободы; уже совершенные ею многочисленные преступления; кодекс, названный кодексом д'Англа, который освящает и вашу нищету, и ваше порабощение. Читайте наши плебейские газеты; они укажут вам путь; они предостерегут вас от всех происков тирании *.

Себастьян Лаланд

Париж, 27 жерминаля [IV года (16 апреля 1796 г.)]

---

* Легко понять, что это написано до пресловутого закона от 27-го, вызывающего в памяти и королевский двор, и Лафайета, и Байи, и красное знамя, и убийства на Марсовом поле [17]; закона, о котором можно столько сказать, но говорить о котором сегодня я не стану, поскольку вопрос этот слишком важен и потребовал бы отдельного номера; я ограничусь тем, что сообщу патриотам, как я доволен их поведением, а также и впечатлением, которое произвел на них этот новый закон о чрезвычайном положении; на мой взгляд, подобный закон — самое верное доказательство слабости наших врагов, доказательство, убедительнее которого они бы ничего не могли придумать; я призываю патриотов проявить благоразумие и своим осторожным поведением сорвать тот удар, который патрициат готовит против народа. Создавать в настоящее время группы означало бы отдать себя на милость тирании. Она убеждена, что более чем справедливое возмущение друзей свободы и народа толкнет их на какое-нибудь необдуманное действие и даст ей повод к новым убийствам; но она ошибается. Народ, сохраняй спокойствие. Твои стражи бдительны. Они дадут тебе знать, когда настанет время подняться. Сохраняй ту энергию, которую ты проявлял в эти последние дни; твои угнетатели заставляют тебя накапливать ее в молчании, что ж, тем ужаснее

ПИСЬМО ДРУЭ [18]

1 флореаля IV года [21 апреля 1796 г.]

Ввиду того, гражданин, что вы ничего не делаете с моею речью; ввиду того, что вам угодно заменить истины и реальные вещи пустяками и болтовней; ввиду того, что вы осторожны; ввиду того, что вы всего только сенатор, такой же, как другие; ввиду того, что вы позволяете, чтобы вами руководили фразеры и пустобрехи; ввиду того, что вы не хотите занять позицию, которая позволила бы вам вступить в ряды тех, кто освободит от гнета порабощенную родину; ввиду того, что винегрет, который вы начали сдавать в печать, означает, что вы не просто терпите, но молчаливо одобряете и, следовательно, являетесь соучастником тех, кто в ваше отсутствие соорудил ужасное здание тирании; ввиду того, что вы не пожелали сыграть роль, предназначенную одному лишь вам — чем вы, возможно, обязаны только своему тюремному заключению, которое в этом случае оказалось бы для вас удачным и принесло бы вам славу, ибо вы явились бы, по крайней мере, тем человеком, вокруг которого можно было бы объединиться, поскольку он имел бы право провозгласить, что он незапятнан и непричастен к преступлениям своих гнусных коллег; ввиду того, что вы отвергли предложение со славой избегнуть той всеобщей ненависти, которую внушает ужасное сообщество, чьим членом вы являетесь, — я прошу вас передать подателю сего доверенную мною вам рукопись. По крайней мере, я всегда смогу документально подтвердить, сколько шагов я предпринял и сколько усилий приложил, чтобы спасти вас от позора.

ТРИБУН НАРОДА [19],

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 43

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека (1793 г.) ст. 1)

Комментарии к постановлениям Директории, или к сверхчрезвычайным и в высшей степени карательным законам от 27 и 28 жерминаля против групп, сборищ, речей, авторов, издателей, разносчиков газет, хулителей конституции 95 года и апологетов Конституции 93 года.

будет взрыв. В особенности не забывай Конституции 1793 года, которая должна стать тем единственным, что объединяет твои силы. А вы, мои отважные братья по оружию, также томящиеся под гнетом наших общих тиранов; вы, бесстрашные воины, которые принесли свободе торжество по ту сторону границ, не забывайте, что вы и есть народ. Помните, что Родина вручила вам оружие не для того, чтобы защищать тиранию, а для того, чтобы с ней сражаться. Остерегайтесь вероломных подстрекательств ваших начальников; и будьте готовы встать под знамена народа, едва он поднимется, чтобы разбить свои оковы.

Удвоенная твердость патриотов перед лицом этих сверхтеррористических мероприятий и этих кровавых законов. — — — Предупреждение исключительной важности насчет поведения, которого им надлежит придерживаться, и насчет гнусной западни, которую им готовят.

Свершилось. Террор против народа поставлен в порядок дня. Больше не разрешается ни разговаривать друг с другом, ни читать, ни размышлять.

Больше не разрешается говорить о своих страданиях; больше не разрешается повторять, что мы живем под властью самых страшных тиранов.

Больше не разрешается кричать от боли, когда палачи раздирают щипцами твое тело, когда рвут на части твои трепещущие члены; больше не разрешается выпрашивать у этих варваров менее жестоких пыток, менее утонченных способов мучения, не столь тягостной и не столь медленной смерти.

Больше не разрешается повиноваться природе, которая предусматривает судорожные сокращения мускулов, искажение черт лица, когда ты превозмогаешь боль от самых ужасных терзаний.

Больше не разрешается выкрикнуть, что законодательство турецкого султана необычайно мягко и демократично в сопоставлении с распоряжениями властвующих над нами сенаторов.

Больше не разрешается выражать желание, чтобы Дракон явился управлять нами и заменил наших сегодняшних тиранов, больше не разрешается воздавать справедливость этому суровому греку, который, что ни говори, разработал свой правовой кодекс лишь для устрашения истинных злодеев: в то время как современные его подражатели грозят мечом направо и налево лишь для того, чтобы поразить каждого, кто еще остался чист и сохранил в себе добродетель.

Приказано, не чиня правительству ни помех, ни препятствий, безропотно позволить ему морить народ голодом, обирать его, унижать, заковывать в цепи, мучить, губить.

Приказано восхвалять, превозносить, благословлять это угнетение и повсюду провозглашать, что нет на свете ничего более прекрасного и достойного любви.

Приказано одобрять все, что чудовищно и губительно, и предавать хуле и проклятию то, что в глазах праведных людей всех времен и народов заслужит почет и уважение; приказано падать ниц перед жестоким кодексом 95 года и называть его *святым и глубоко почитаемым*; и в то же время приказано проклинать священный и возвышенный пакт 93 года, его-то и называя *жестоким*.

Приказано униженно склонять голову перед любой клеветой, которую правительству будет угодно распространять и в адрес всего народа, и в адрес его верных и мужественных защитников; и в то же время приказано, чтобы никто из этих последних не смел отвечать на отвратительные наветы, а ежели бы кто и от-

важился на это, то даже сам народ в силу одного уже того, что осмелился читать сочинения, где его оправдывают и где воздают по заслугам его могущественным клеветникам, будет считаться виновным.

Скоро ли мы устанем от всех этих гнусных злоупотреблений? Поскольку мы не в состоянии представить себе предела, где бы наши властители остановились сами, мы спрашиваем себя, где тот предел, которого мы не дадим им переступить?

Презренные угнетатели! Зачем снова отвлекать меня от моего главного и чрезвычайно важного дела — составления полного обвинительного акта против вас? Понимаете ли вы, что эта работа необъятна? Что она потребует не одного тома? Впрочем, надо ли мне собирать столько фактов, свидетельствующих о вашей виновности? Какая в том нужда? Вы и сами знаете: чтобы предать вас суду, в этом вовсе нет необходимости. Ваши деяния одного дня, наудачу выбранного из тысячи, четырежды достаточны для обоснования справедливого приговора. Народ, истерзанный страданиями, которым они тебя подвергают, я покамест избавлю тебя от непосильного труда. Я имею в виду необходимость выслушивать длинный список преступлений, которыми они успели запятнать себя с тех пор, как я прервал свой перечень. Но странное положение, в которое тебя ставят недавние их черные дела, делают для тебя абсолютно необходимым правильное представление обо всех этих злодеяниях и их последствиях; к тому же надо еще изложить несколько правил поведения, необходимых нам в этом новом положении.

Друзья! Все это ничего не значит. Я предписываю вам не терять мужества.

Возможности свободы неисчерпаемы. Свобода пустила глубокие корни во множество сердец; свобода во Франции бессмертна.

Деспотизм со всем своим бесстыдством и всеми своими коварными и злобными методами напрасно станет бороться против безыскусных побуждений добродетели. Деспотизм сам потопит себя в своих собственных крайностях. Мы же поднимемся на вершину мужества, необходимого нам; мы соотнесем его со степенью грозящих нам опасностей; мы победим.

Вы видели мою правоту. Мои предсказания не замедлили осуществиться. Вы видели, чем закончились пошлые ласки, которые тираны расточали вам руками своих верных слуг. «Сегодня они гладят вас бархатной лапкой, — говорил я в последнем номере моей газеты, — завтра они сожрут вас».

И это не заставило себя ждать. Они решили отнять у вас даже свободу собираться вместе на форуме, в общественных местах; они решили объявить преступлением такое естественное и законное действие, как совместное обсуждение ваших страшных бедствий.

Они еще не решились объявить, что, дозволяя нам жить, они бы хотели отнять у нас воздух, которым мы дышим. Только это преступление теперь и осталось совершить тирании.

Это роялизм, дерзнули они заявить, подтолкнул нас на ропот и негодование против всевозрастающего и все более нетерпимого гнета; это роялизм диктует нам наши жалобы на голод, со все более устрашающей быстротой уничтожающий нас; это роялизм заставляет нас метать громы и молнии против чудовищного режима, который без конца поставляет кладбищам новых и новых обитателей.

Они не ошиблись. Это сделал роялизм Люксембургского дворца и обеих палат; это самый жестокий вид роялизма, и он продолжает внушать нам все те же пагубные намерения.

Какие мнимые преступления это ненавистное чудовище сделает предлогом, чтобы постараться заглушить наши стоны, последнее утешение всех замученных? Оно уже обвинило нас в желании ниспровергнуть конституцию раззолоченного народа, свергнуть правление «порядочных людей», ввести в действие народный Кодекс 93 года и обеспечить благосостояние массам, разоренным, изнемогающим от голода и истощения в результате политики общественного грабежа и разбоя.

Поистине с точки зрения юриспруденции злодеев такие преступления не могут быть прощены. Всякий, кто нападает на маленькую кучку счастливцев, стремясь помочь огромному числу обездоленных, в их глазах — исчадие ада, величайший из преступников.

Сколько шарлатанства, сколько коварства, сколько грубой лжи, сколько неуклюжих софизмов, избитой клеветы и банальностей в этом воззвании Директории о так называемых мятежных речах, писаниях и сборищах! Людям стараются внушить, будто мы требуем разграбления даже самой мелкой лавчонки и самого скромного хозяйства[20], как будто честь осуществлять такое разграбление, и при том с исключительной ловкостью, не принадлежит самому правительству. Как будто, осуществляя свой режим голода, оно не открыло секрет, как заставить бедняков самих перетащить к спекулянтам и другим раззолоченным мошенникам все, что только было в их «скромных хозяйствах» и «мелких лавочках». Как будто после этого там еще осталось, чтó грабить, как будто мы в противоположность тому, что нам приписывает правительство, не заявляли всегда, со всей определенностью, что хотим восстановить, укрепить «мелкие лавчонки и скромные хозяйства», заставив вернуть им по меньшей мере столько же, сколько было у них отнято путем узаконенного грабежа. Как будто владельцы имущества, не выходящего за рамки обычного, не должны были быть успокоены нашими чистосердечными заявлениями. Как будто мы не твердили всегда, что мы стремимся к ликвидации только громадных состояний и укреплению всех остальных.

С помощью этого воззвания Директория хотела внушить мысль, будто нас «оплачивают из-за границы». Но можно ли более абсурдно злоупотреблять именами Питта и Кобурга? Как будто Директория, увенчивая свои высказывания этой пошло-

стью, навязшей у всех в ушах, не должна бы была опасаться, что я ее побью ее же оружием, обнародовав истину, которая ничуть не теряет в своей силе оттого, что пока никому еще не пришла на ум: я хочу сказать, что ни Питту, ни Кобургу нет ни малейшей необходимости оплачивать кого бы то ни было, коль скоро они уже оплатили создателей правительства, пришедшегося по душе всем деспотам и так неотличимо похожего на то, которое они сами поддерживают всеми средствами, доступными тирании[1*]. Как будто неизвестно, что Директория постоянно готова была сама платить нам ради того, чтобы сделать нас своими сообщниками, и дать нам возможность спокойно существовать под ее покровительством. Как будто неизвестно, что ради освобождения народа от ее варварского владычества мы неизменно предпочитали ежедневно испытывать нужду и опасности, пренебрегая угрозами множества ее наемников и риском гибели на эшафоте.

С помощью этого воззвания Директория хотела внушить мысль, будто она сделала чрезвычайно много доброго (о да! разумеется! — для себя...), что она самый горячий друг патриотов и Отечества. Ну что ж, на это нет ответа более меткого, чем известный каламбур: «Она поддерживает и тех, и других, как веревка поддерживает повешенного».

В воззвании Директории утверждается, что «все великолепные обещания, столько раз дававшиеся народу тиранами, рядящимися в тогу борцов за народ, неизменно приводили к одному и тому же результату — их личному обогащению и нищете общества». Лучшее доказательство этой истины — пример членов Директории и их друзей[2*]: Мерлена из Тионвилля[3*], Тальена[4*], Фрерона[5*], Лежандра[6*] и стольких еще других.

В воззвании Директории содержится призыв к крупным богачам, к виднейшим собственникам, к могущественным ворам. Как будто мы можем опасаться их. Как будто мы сами не в состоянии обратиться с призывом к громадному числу людей, состоящему не только из тех, кто уже лишился всего, но также и тех, кто еще владеет скромным состоянием, и тех, у кого еще сохранились какие-то его обломки, кто разорен или ежедневно подвергается разорению из-за нынешней гнусной системы.

1* См. новую работу Дюмурье, где он восторгается кодексом 95 года, с наивной откровенностью заявляя, что считает его, по крайней мере, столь же монархическим, сколь и кодекс 91 года.

2* Посмотрите на прекрасные земли и поместья виконта Барраса.

3* Посмотрите на замки и земли Ренси, так же как на 300 тыс. фр., ежемесячно выплачиваемых им своей любовнице.

4* Взгляните на его блестящий союз с королевским двором Испании.

5* Взгляните на приданое, полученное им от республики по случаю его женитьбы на сестре генерала Буонапарте[21].

6* Взгляните на огромные деньги, потраченные этим кровавым законодателем на содержание Конта.

Перейдем от анализа этого преступного документа к другим, появившимся вслед за первым и созданным тиранами, вступившими между собою в сговор:

Смерть тому, кто заявит устно, что обе палаты составлены из тиранов, роялистов и контрреволюционеров, вследствие чего обе они должны быть распущены.

Смерть тому, кто подобное мнение выскажет относительно Директории.

Смерть тому, кто письменно выразит ту же мысль.

Смерть тому, кто ее опубликует.

Смерть тому, кто скажет, напишет или напечатает, что такой-то законодатель или член Директории совершил столько доказанных и всем известных тяжких преступлений, что заслуживает смерти.

Смерть тому, кто произнесет, что Конституция 93 года основана на добродетели, человеколюбии, справедливости и т. д.; подобный поступок будет расцениваться как призыв к ее восстановлению.

Смерть тому, кто осмелится сказать, что Конституция 95 года представляет собой кодекс гнусный, построенный на злодействах и на самой омерзительной тирании; такой поступок будет расцениваться как призыв к ее ниспровержению.

Смерть также и тому, кто призывает к монархии.

Первый же встречный может арестовать любого человека, которого он объявит виновным в подобных призывах; ничто не может помешать самым отъявленным роялистам арестовывать честных патриотов при каждом удобном случае; для этого будет достаточно обвинить их в том, что они говорили о Конституции 93 года. Правда, у последних в руках остается средство возмездия — они могут обвинить первых в предложении возвести на трон Людовика XVIII; и, возможно, в дальнейшем будет совсем нелегко разобраться, кто же из них кого арестовал. Несомненно лишь одно: этот закон обеспечивает беспрестанную борьбу партий между собой. О возвышенный дух наших законодателей!

Подлежат расстрелу люди, собравшиеся вместе и не разошедшиеся по первому же приказу полицейского офицера или воинского начальника. О, насколько этот чрезвычайный закон более совершенен по сравнению с тем, что применялся на Марсовом поле; правда, последний оказался причиной смерти Байи и еще нескольких других.

Кандалы для части тех, кто уцелеет от расстрела, ссылка для других, а для третьих — опять-таки смерть. И, однако, эти три вида наказания назначаются за одинаковые преступления: разница определяется лишь личными качествами замешанных в них лиц. Это — возмутительное нарушение Декларации прав 95 года, которую нас хотят заставить уважать и в которой четко сказано, что все граждане равны перед законом.

Те же кандалы, а при смягчающих обстоятельствах — тюрьма для разносчиков и расклейщиков газет, не снабженных двой-

ным поручительством — именем автора и адресом типографии.

Таковы статьи двух инквизиторских и смертоносных хартий от 27 и 28 жерминаля.

Согласно этим мерзким распоряжениям уметь читать — несчастье; уметь разговаривать — несчастье; уметь писать — несчастье. Любая из этих способностей отныне становится гибельной, поскольку каждый поставлен перед выбором: или проституировать их, подчинив тирании, или подставить себя под ее удары, нарушив ее произвольные и преступные приказы. Но что значат опасности! Мы предпочтем этот второй путь. Для человека, не теряющего чувства собственного достоинства, иного пути нет. Один из преданных и ревностных заступников народа указал нам, как следует поступать в подобном случае. «Когда те, — сказал он, — кто должен поддерживать законы, первыми их нарушают, что остается делать мирным гражданам? Презреть этих лжевождей, припасть к столпам, на коих покоится храм Свободы и похоронить себя под его развалинами». Кому неизвестно ныне, что законом является все то, что благоприятствует свободе и счастью, все, что защищает их, что служит им основой и опорой; но любое установление, которое угнетает и подавляет, — это не закон, и ни оно само, ни его творцы не заслуживают ничего иного, кроме самого глубокого презрения со стороны добродетельных людей. Граждане! Я считаю необходимым заявить вам, что все эти антиконституционные и гибельные для свободы мероприятия властей не запугают, не смутят нас. Может ли оказаться, что я тверже духом, чем вы? Нет и нет. Последние бесчинства дошедшей до отчаяния тирании бессильны сразить нас. Ее произвол свидетельствует больше о ее слабости и страхе, чем о дерзости. Кто теряет голову, тот способен на все. Власть, запятнавшая себя преступлениями, знает, что продлить свое существование она может лишь путем новых преступлений. Когда нарушены почти все законы, что стоит нарушить еще один? Однако наступает время, когда чаша преступлений переполняется. Я объявляю тиранам, что я на посту — я еще не побежден. Плебеи! Братья мои! Вы в том же положении, что и я. Мы растопчем их наглые предписания, мы пренебрежем их угрозами жестоких кар. Друзья! Будем тверды, настойчивы, непобедимы! И тем не менее все эти прекрасные качества надо сочетать с крайней осторожностью. Угнетатели замыслили ужасную интригу, желая окончательно вас погубить. Мы поможем вам этого избежать. Сегодня я даю вам два важных совета. Первый — пусть каждый из вас, находясь в состоянии непрестанной готовности к действию, ни в коем случае не позволяет в то же время себя арестовать; будем тайно трудиться не покладая рук, *но все как один поставим себя в такое положение, чтобы угнетатели оказались не в состоянии наносить нам удары*. Второй — следует расстроить козни наших врагов, все время будучи настороже против следующего макиавеллистского проекта:

«Около 40 женщин должны собраться в назначенном для этого месте. Они поднимут крик против скупщиков и спекулянтов; они заявят, что эти люди давно уже морят народ голодом и будет справедливо, чтобы по доброй воле или по принуждению они отдали свои запасы. Эти женщины распалят своих слушателей, станут подстрекать их к действиям и в конце концов дадут выход негодованию, силой ворвавшись к нескольким торговцам. Специально подобранные для этого люди разойдутся по всему Парижу и будут говорить, что эти негодяи-якобинцы привели наконец в исполнение свой страшный замысел ограбить порядочных людей, добрых граждан. Этот слух получит широкое распространение. Будут приведены в действие средства подавления. Газеты разнесут по всему Парижу, по всей Республике весть об этом новом преступлении террористов. Отсюда — негодование против них, продолжение и окончательное торжество реакции и, наконец, обоснованное преследование и полное уничтожение этих ужасных людей».

Народ! Свободу печати задушили в немалой мере для того, чтобы этот гнусный план не стал тебе известен. Будь спокоен. Мы разобьем все цепи и не дадим тебе пасть жертвой тех, кто в течение 20 месяцев мучает, обирает и угнетает тебя.

Гракх Бабеф, Трибун народа

Париж, 5 флореаля IV года Республики.

Примечание. Подписка принимается у гражданки Лангле, улица Фобур-Оноре, № 29, на углу Елисейских полей. Подписная плата за 2-й том, содержащий 480 страниц и начинающийся номером 34-м, составляет 500 ливров. Тех, кто не внес полностью этой суммы, просят это сделать.

Типография Трибуна народа [7*]

[7*] По зрелом размышлении я не могу считать себя закононарушителем. Ст. 1 закона от 28 жерминаля составлена так, что ее формулировка, по-моему, избавляет меня от необходимости сообщать адрес моей типографии. Она требует этого только от журналов, газет и периодических листков. Таким образом, издание, озаглавленное «Трибун народа», формально, как нам кажется, не попадает под действие этого закона. И я весьма признателен его авторам за это благодеяние. Вот что я имею в виду. Нет никаких оснований причислять мое издание к числу газет или журналов. Оно не является также и периодическим. Словари так определяют понятие «периодический» — то, что появляется регулярно в назначенные сроки. Я ничуть не следую подобному порядку. Мои сочинения — это критические и исторические записки о Революции. Закон же, по букве своей, применим лишь к журналам, газетам и периодическим листкам. Он отнюдь не применим к другим политическим или литературным произведениям, абсолютно выпадающим из такой категории изданий.

ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАРОДА[22],

или Защитник 24 миллионов угнетенных, С. Лаланда, солдата Отчизны

№ 7

Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают

(Сен-Жюст)

Трибун! Все способствует святому делу, которое мы защищаем. Злободневность твоего 42-го номера явилась громовым ударом для поработителей свободы. Днем раньше он мог бы вызвать среди массы патриотов, слишком мало, к сожалению, проницательных, споры, а они дали бы прислужникам Директории повод кричать о разногласиях среди патриотов, твердить о благих намерениях того самого Барраса, который ныне столь же опасен для дела свободы, как некогда Лафайет, и кое-кого ввести в заблуждение; случай или, скорее, добрый гений свободы пожелал, чтобы твои катилинарии попали в руки народа на следующий день после злобных речей одного из их главных вожаков, направленных против друзей принципов, против апостолов Равенства, против самого народа. Потому-то так горячо и был принят этот 42-й номер! Я слышал, как множество граждан, читая его, восклицали, что ты, должно быть, приготовил его в течение одной ночи! Они не могли постигнуть, как ты сумел проникнуть в самую душу этих протеев; как удалось тебе раскрыть новые злодеяния, которые они замышляли в глубокой тайне. Те, кто удивлялся этому, не знали, что пылкая любовь к Отчизне как бы открывает душам, охваченным ею, великую книгу грядущего; что перед ними спадают все маски; что напрасно лицемерный предатель старался бы скрыться от них под тогой гражданина: они все равно легко разглядят его гнусную наготу.

С давних пор я был убежден в том, что остатки мерзостной орлеанской клики могут еще причинить немало зла делу свободы; и когда я в 4-м номере приподнимал некую завесу, я хотел предотвратить это зло. Я сделал в нем предостережение против интриг Барраса, которого его положение члена Директории делает вождем клики; мне было горько убедиться лишний раз, слыша ропот, вызванный моим отзывом о Баррасе, в силе влияния, ежедневно оказываемого вождями этой партии на умы некоторых людей. В результате деятельности их эмиссаров патриоты громко обвиняли меня в желании внести раздор в ряды друзей свободы, забыв при этом, что Фрерон организовал когорты Иисуса и Солнца; что он вложил в руки этих чудовищ кинжалы, которые позже окрасились кровью многих тысяч рес-

публиканцев; забыв убийства, организованные в прериале Лежандром; забыв неисчислимые преступления, совершенные Тальеном; забыв, что сам Баррас, закадычный друг этих каннибалов, был участником стольких неслыханных злодеяний. Они — друзья свободы! Великие боги! Но что же они для нее сделали? Можно ли по-прежнему превозносить поведение Барраса в день 13 вандемьера как самоотверженную преданность делу свободы? Что он сделал большего по сравнению со многими другими гражданами, которым не приходилось в отличие от него прежде всего спасать тем самым собственную голову? И разве это Баррас победил? Или победителями были защитники Отечества, поддержанные патриотами, ускользнувшими от кинжалов приспешников Фрерона? Лишите Барраса того немногого, что он сделал 13 вандемьера, когда защищал свою жизнь, находившуюся под угрозой; лишите его этих поступков, столь скандально превознесенных его многочисленными агентами, — сразу же его революционная деятельность окажется сотканной из преступлений. Поначалу — гнусный раб герцога Орлеанского, службе которому он посвятил первые свои военные подвиги; потом — один из главарей той клики, которая после Термидора запятнала Францию кровью и погрузила ее в траур; в вандемьере — преступный лицемер, обманувший доверчивость патриотов обещанием помочь им отвоевать права народа; ныне — стократный преступник, облеченный узурпированной властью, один из носителей самого страшного деспотизма, деятельное орудие разорения и унижения французского народа — таким Баррас был, таким он остается сейчас, этот гнусный злодей, которому существа, еще более гнусные, чем он, а также полные глупцы не стыдятся присваивать славное имя друга свободы. Кто они, его друзья, его сторонники, эти Тальены, Лежандры, Фрероны и столько еще других личностей того же сорта? Соучастники его прошлых и настоящих преступлений. И они-то намеревались вести народ к завоеванию для него Свободы, Равенства, Счастья! Они — убийцы народа, убийцы свободы! До выхода в свет моего 4-го номера я не мог верить в существование патриотов, до такой степени лишенных здравого смысла, чтобы хоть в малейшей степени поверить в то, что эти предатели искренне переменились, не мог представить, будто есть на свете такие сверхъестественные существа, которые, совершая одни лишь преступления, способны завоевать доверие добродетельных людей; и признаюсь, мне больно видеть подобное ослепление. Для того чтобы у всех раскрылись глаза, одному из главарей опаснейшей интриги, замышляемой против свободы с целью окончательно сразить ее, понадобилось сбросить с себя маску патриота, до того скрывавшую его лицо; понадобилось безумие законодательных советов в день 27 жерминаля. Без такого стечения обстоятельств, которое в настоящих условиях я рассматриваю как громадную удачу для дела свободы, нам снова пришлось бы прибегнуть к тысяче извилистых обходных путей, чтобы возжечь наш факел

истины перед глазами чересчур доверчивых патриотов, не боясь их ослепить.

Трибун народа в своем 42-м номере раскрыл планы Баррасов, Тальенов, Фреронов, Лежандров и всей этой клики, стремящейся захватить инициативу движения, одновременно направленного и против их личных врагов, и против наиболее ревностных защитников народа, что должно привести, как в прериале, к убийству множества истинных республиканцев и к верной победе тирании; мне необходимо объяснить внезапное изменение в поведении этих вожаков, которое нетрудно заметить. Еще свежи, без сомнения, в памяти попытки примирения с друзьями свободы, предпринятые Тальеном, Лежандром и самим Баррасом вкупе со всей деятельно им услужающей массой эмиссаров; не забыт и разговор, произошедший в Тюильри [1*] между Лежандром и одним из демократов; памятно и бурное выступление Тальена в Совете 500, то патриотическое выступление, которое, казалось, означало его отречение от дня 9 термидора. Помнится также, как этот самый Тальен, тремя днями позже, внезапно изменив стиль поведения, выступил против защитников народа и против самого народа, который незадолго перед тем он призывал примкнуть к нему, к его друзьям. Подобная противоречивость поступков удивила всех; но изумление пройдет, едва только станет известно, что все усилия этих бывших прислужников Орлеанского дома сколотить партию, обманув патриотов и народ льстивыми обещаниями, не имели никакого успеха. Все припомнили их прошлые преступления, которые они имели дерзость именовать ошибками, и никто не дал себя обмануть их новыми махинациями. Такова причина ярости, проявленной Тальеном в Совете 500 по отношению к народу и его друзьям, обмануть которых он не сумел. Такова же и причина молчания этого роя агентов, не перестававших до небес превозносить чистосердечие, искренний возврат к принципам Баррасов, Тальенов, Фреронов, Лежандров и прочих мерзавцев того же толка, и утверждать, будто для народа и демократов нет спасения вне союза с ними. Благодаря неосторожности этих предателей, благодаря твердости республиканцев и тому отвращению, которое всегда испытывал народ при виде преступления, мы наконец освободились от их губительного влияния. Теперь мы не опасаемся, что они увлекут слабые умы; мы больше не опасаемся задеть доверчивость одних, ошибочную политику других; изменники сами сбросили с себя маски; ни Баррасы, ни Тальены, ни Лежандры, ни Фрероны, ни их приспешники теперь уже не являются больше привилегированными заговорщиками; как и со всеми остальными, мы будем бороться с ними в открытую.

Теперь, когда эти опасные лицемеры разоблачены, когда они бессильны нанести ущерб священному делу народа, взглянем на поведение законодательных советов и Директории. Поговорим

[1*] См. «Трибун народа», № 42.

немного о воззвании Директории, в таком изобилии развешанном на стенах Парижа; поговорим о заседании обоих советов 27 жерминаля, которое по праву может считаться nec plus ultra злобы и бешенства и одновременно свидетельствует как о безумии, так и о низости наших законодателей.

В то время когда я писал, будто Директория заключила кощунственный союз с роялизмом, я не ожидал, признаюсь, что уже через день она сама даст этому столь очевидное доказательство. Ее деспотическая власть до такой степени шатка при всей воинской силе, поддерживающей ее, что свободный голос одного только человека повергает ее в тревогу и отчаяние. Можно себе представить, какое впечатление должны были произвести на души наших пяти тиранов проявления народной энергии в последние дни жерминаля. Видя, как многочисленные группы людей всех состояний собираются в общественных местах, открыто возмущаясь их бесчеловечными преступлениями; кощунственной узурпацией ими власти; унизительным кодексом 95 года; а также громко требуя народной Конституции 1793 года и священных прав народа, присвоенных кучкой предателей и разбойников, они содрогнулись от страха: им показалось, будто великий День народа наступил, будто новое 10 августа опрокинет ныне Люксембургский трон. Что же предпринять в столь критическом положении? Призвать к себе на помощь защитников Родины?.. Но Директория не удостаивает их более своего доверия с тех пор, как эти отважные воины вздумали размышлять; с тех пор, как в нарушение всех ее верховных постановлений они стали читать наши правдивые издания, которые посвятили их в великие тайны революции; с тех пор, как они возымели дерзость поклясться не стрелять по народу, по своим родным, по своим друзьям, по своим согражданам. Как же ждать от Директории, чтобы она безусловно доверилась солдатам, расквартированным в пределах города, раз она сама считает их мятежниками, анархистами, разбойниками и говорят даже, что она собирается вызвать сильные подкрепления из армии Самбры и Мёзы, чтобы привести их к повиновению, равно как и народ! Так что же делать? Призвать на помощь роялистов? Времена Вандемьера еще недалеки; однако Директория мудро сочла, что всякий раз, когда речь пойдет об истреблении народа, роялисты окажутся с ней в одних рядах и отложат час возмездия. Поэтому тотчас же было сфабриковано пространное воззвание, и в нем наши тираны, льстя бедному народу, в то же время умоляли друзей покойного Капета помочь им в действиях против того же народа. Эта прокламация произвела именно тот эффект, которого от нее ожидали. И на следующий же день можно было увидать бывших солдат Фрерона, разгуливающих по городу в их прежней униформе, с косичками и зелеными воротниками. Уверяют даже, будто в течение ночи в Люксембургский дворец явились многочисленные депутации от имени всех роялистов Парижа и департаментов и заверили наших директо-

ров в безграничной преданности. Было нечто забавное в этом воззвании. Кто мог допустить, что Директория предпримет попытку доказать народу, будто с момента своего учреждения она с чисто отеческим попечением все дни и ночи посвящала заботам о его благоденствии? Невозможно удержаться от презрительной улыбки и при чтении грубой брани в адрес Конституции 93 года, которую Директория называет омерзительной, гнусной и т. д. Один гражданин нашел, что Директория в этом права: ведь имей мы Конституцию 93 года, мы не имели бы Директории, а тогда г-да Ребель, Карно, Баррас, Ларевейер-Лепо, Летурнёр из Манш[23] лишились бы своих великолепных расшитых нарядов, своих блестящих карет, сотен своих выгод и привилегий, а также возможности, пусть и кратковременной, мучить и душить голодом французский народ. Короче говоря, все воздействие этого пространного воззвания свелось к следующему: деятельность роялистов несколько оживилась; однако и народное возмущение соответственно возросло, а сама Директория являет нам теперь картину крепости с разрушенными укреплениями.

Пока граждане Парижа занимались чтением пресловутой афиши, в Совет 500 поступило из Люксембургского дворца послание[24], целью которого было побудить Совет принять меры против скопления граждан в общественных местах. Еще накануне депутаты громко роптали по поводу этого стремления собираться в группы, поскольку депутаты не меньше, чем Директория, боятся просвещенности народа и его энергии. Добавьте сюда злобные нападки Тальена на друзей свободы; все это предвещало нечто ужасное; так и произошло. На этот раз гора родила отнюдь не мышь. Комиссия, которой было поручено изучить послание Директории, представила свой доклад уже на следующий день. По ее предложению Совет постановил, что все граждане, которые соберутся на городских улицах, площадях или в любом другом месте и откажутся разойтись по первому требованию, могут быть преданы смерти. Мимоходом стоит отметить, что тот чрезвычайный закон, который был принят Учредительным собранием и принес гибель стольким гражданам, не идет ни в какое сравнение с этим последним постановлением. Тогда надо было трижды потребовать от толпы, чтобы она разошлась; эти требования должны были исходить от официальных должностных лиц; и закон можно было применять только в том случае, если людей собралось больше определенного, твердо установленного числа. Постановление же, о котором идет речь, дает право любому офицеру, заметившему трех или четырех граждан, обсуждающих, быть может, свои частные дела, тут же по собственному усмотрению расстрелять их, предварительно приказав им разойтись.

2. Может быть предан смерти любой, кто осмелится выступать в пользу Конституции 1793 года.

3. Может быть предан смерти любой, кто «дурно отозвался, будь то устно или письменно, о ком-либо из членов обоих советов или Директории», и т. д. и т. д. и т. д.

Я перерыл анналы и королевского, и церковного, и военного деспотизма — и нигде не отыскал наглости, бесстыдства, безумия, равных тому, о чем я сейчас говорю[2*].

Есть ли такая страна, где бы существовал указ о предании смерти подданных, не говорящих о тиране в тоне священного трепета? Где в древности или в новое время отыщется другой такой деспот, который лишил бы своих подданных права остановиться посреди улицы, встретившись с друзьями или знакомыми, заговорить с ними, будь их хоть 400 человек? Что я говорю! Разве французский народ — раб собственных уполномоченных? Разве слугам присвоено право предписывать своим господам линию их поведения? О, Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, Леба, как жестоко вы отомщены! — воскликнет какой-нибудь циник, прочтя этот тиранический указ. Что до меня, то я утверждаю: депутаты, издавшие подобный декрет, нездоровы рассудком; я утверждаю: это свидетельство чистого безумия; я утверждаю: только будучи не в своем уме, можно дойти до такой крайней наглости. Как поверить, что разум наших законодателей находится в добром здравии, когда они хладнокровно выслушивают Мерлена из Тионвилля, вещающего с трибуны, что каждый представитель — это Аристид, а Совет 500 — это средоточие всего возвышенного и чистого, что есть в Республике. Если римский оратор поражался, как могут два авгура смотреть друг на друга без улыбки, мне тем более простительно, я думаю, удивляться, как эти речи Мерлена не вызвали всеобщего хохота. Не будь декрета, карающего смертью тех, кто непочтительно отзывается о депутатах, я легко бы опроверг утверждения Мерлена. Я бы прежде всего начал с отрицания его сходства с Аристидом. Я повел бы разговор о Майнце[25]; моя военная должность там во время осады давала мне возможность многое знать. Та же самая история позволила бы мне разоблачить лживую добродетель директора Ребеля, который разделил со знаменитым Мерленом как славу сдачи этой крепости, так и золото прусского короля; заодно стало бы ясно, что Фридрих обладает не меньшим искусством захватывать города, чем король Георг. Я спросил бы у Мерлена (из Майнца), не на золото ли прусского короля купил он Ренси и исключительное право охотиться в коммунах, окружающих его земли; не на него ли содержит

[2*] Меня уверяют, будто решается вопрос о предании смерти каждого гражданина, читающего «Трибуна народа» или моего скромного «Просветителя». Секретарь Лагард занят составлением вдохновенного послания по этому поводу. Это заставляет меня призвать во имя человеколюбия, чтобы в Люксембургский дворец и Тюильри прислали смотрителей за помешанными.

он стольких нимф из оперы, всегда осыпанных брильянтами и разъезжающих в роскошных экипажах [3*]?

Сколько бы еще и других вещей порассказал я без этого злополучного декрета, осуждающего меня на молчание под угрозой смертной казни. Не будь этого декрета, я рассказал бы о том, как наши законодатели делятся на три различные партии: роялистов, *чей кумир*, по словам Трибуна, *находится в Вероне*, *роялистов*, *чей кумир находится в Люксембургском дворце*, и небольшое количество представителей, сохранивших верность делу народа, но слишком слабых, чтобы обеспечить ему победу. Я бы сказал, что обе эти разновидности роялистов заключают между собой перемирие, объединяют свои силы, едва заходит речь о том, чтобы окончательно поработить народ. Я бы сказал, что Роверы, Ланжюине, Буасси д'Англа, Мерлены из Тионвилля, Андре Дюмоны [26] и т. д. и т. д. и т. д. — это роялисты Вероны; а Тальены, Фрероны, Луве, Лежандры и т. д. и т. д. и т. д. и т. д. и т. д. и т. д. — это роялисты Люксембургского дворца. Я бы повторил то, о чем уже говорил много раз: наши пятеро директоров запятнаны преступлениями, злодеяниями, посягательствами всякого рода; они — узурпаторы. Я бы снова повторил: Конституция 95 года — это не закон французского народа, она не утверждена им, она нарушает все естественные и политические права граждан и обеспечивает существование Республики не больше, чем это делала королевская конституция 91 года. Я бы сказал: Конституция 93 года — это подлинный закон французского народа, а те неверные его представители, которые не сохранили ей верности и подменили ее кодексом 95 года, являются изменниками, повинными в тягчайшем из преступлений. Но, поскольку нельзя говорить ни о законодательных советах, ни о Директории, не подвергая себя величайшей опасности, оставим их в покое и займемся другими вещами.

Я встречал людей, называющих себя друзьями свободы, которых известие о постановлении законодательных советов от 27 жерминаля привело к убеждению, будто все потеряно. Посмотрите, говорят они, сколь могущественны стали враги народа, раз они обращаются с ним, как с кучкой озорных школяров. Такие речи являются скорее признаком малодушия этих людей, чем силы наших противников. Для меня же, чей взор не затуманен страхом, все в их поведении служит, напротив, доказательством их очевидной слабости. То, что Директория и советы сделали в эти последние дни, по существу, вовсе не означает принятия суровых мер. Правда, все это свидетельствует о сильной озлобленности, но и о весьма ограниченных возможностях. Они никогда не заберутся так высоко, чтобы испытать участь несчастного Икара. Поэтому я не только не огорчаюсь,

---

[3*] Во времена, когда народные представители посылались в миссии, Мерлена (*из Майнца*) называли представителем народа при Опере.

подобно некоторым робким людям, а, напротив, радуюсь, видя, что все маски теперь сорваны. Как на великую победу народа смотрю я на тот факт, что все его враги не только высказались откровенно, но и в столь чудовищно смехотворной форме. Однако отсюда не следует делать вывода, что теперь можно себе позволить необдуманные поступки. Хотя народные силы по сравнению с силами наших противников то же, что Геркулес рядом с пигмеем, я уверен, что теперь более чем когда-либо мы должны соблюдать осторожность. Если тирании начнут наносить мелкие и разрозненные удары, свобода может быть погублена; а для нанесения последнего, решающего удара момент еще не наступил. В ожидании момента, когда этот счастливый день взойдет над Францией, и чтобы ускорить его приход, необходимо единение всех друзей свободы, всех честных людей и общее, дружное движение к великой цели; пусть народ с презрением отвергнет коварную ложь прислужников тирании; пусть он безоговорочно доверится людям, преданным его делу, и пусть каждый станет под знамя Конституции 1793 года.

Себастьян Лаланд

Париж, 8 флореаля [IV года Республики (28 апреля 1796 г.)]

Типография Просветителя народа

[ДОКУМЕНТЫ ТАЙНОЙ ДИРЕКТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ[27]]

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 19 жерминаля IV года Республики

Тайная директория общественного спасения

Главным революционным агентам муниципальных округов

Мы дополняем, граждане, первые полученные вами от нас инструкции следующими рекомендациями:

1. Вы сообщите нам сведения о складах и хранилищах продовольствия, оружия и амуниции, существующих в вашем округе.

2. Вы нам дадите также сведения о находящихся в вашем округе мастерских, о числе занятых в них рабочих, о роде их работ, что известно об их взглядах и т. д.

3. Вы произведете перепись патриотов, располагающих определенным достатком и способных принять и приютить у себя братьев из департаментов, которых Тайная директория собирается вызвать для помощи парижанам в деле свержения трона тиранов.

4. Вы призовете тех же патриотов, располагающих достатком, устроить складчину, чтобы покрыть огромные расходы по

печатанию, которые приходится нести революционерам. С другой стороны, предложите всем образованным патриотам заняться сочинением различных энергичных произведений, рукописи которых пересылайте нам, а мы берем на себя их печатание.

5. Вы доставите нам список проживающих в вашем округе полицейских шпиков, которых вы обнаружите. Шпионы есть и среди тех, кто кричит о своем патриотизме; вы сумеете их различить и сообщите нам о них.

6. Вы организуете отряды людей, вокруг которых будут собираться группы; эти люди должны будут ежедневно отправляться преимущественно в Тюильри, а иногда и в другие места, где обычно собирается народ. И, как мы отметили в первой инструкции, вы им внушите, чтобы все, что они говорят, было выдержано в духе последних номеров народных газет, т. е. звучало не резче и не мягче.

8*. Вы сами будете ходить в эти группы, когда сможете, и будете нам ежедневно сообщать, какое там настроение и в каком направлении оно изменяется, как по вашим собственным наблюдениям, так и по донесениям ваших руководителей групп.

7*. Вы также организуете отряды людей, которые будут расклеивать сочинения сторонников свободы; одновременно им следует рекомендовать срывать сочинения сторонников роялизма и патрициата.

Ваша деятельная преданность является для Директории общественного спасения гарантией рвения, с которым вы будете исполнять эти предписания.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 26 жерминаля IV года Республики

Тайная директория общественного спасения

Главным революционным агентам муниципальных округов

Граждане!

Остерегайтесь сами и предостерегите патриотов от двух уготованных нам ловушек, которые одинаково опасны.

Народ обманывают двумя способами, и оба они в равной мере препятствуют установлению подлинной демократии, к которому мы стремимся; мы дадим вам возможность сорвать эту двойную махинацию, разоблачив ее перед вами.

С одной стороны, эмиссары Тальенов, Лежандров и Баррасов осаждают патриотов с целью внушить им, будто эти три реакционера, эти люди, постоянно изменявшие народу, ныне готовы служить ему и стать во главе движения, чтобы помочь отвоевать обратно те права, которые они самым активным образом

* *Нумерация пунктов перепутана в оригинале.*

разрушали. Легко разглядеть намерения этих презренных людей. Они видят как растет сила просвещенного общественного мнения, они видят, что эта сила составляет страшную угрозу для всех угнетателей. Чтобы спасти свои головы, они хотят захватить руководство тем движением, возникновение которого, как они прекрасно понимают, близко и неизбежно. Они хотят лишь одного — обернуть его себе на пользу, укрепить с его помощью свое господство. Оказавшись между двух огней, между коалицией роялистов, с одной стороны, и демократами, с другой, — они сознают свою крайнюю слабость, даже неспособность оказать длительное сопротивление. Они рассчитывают значительно укрепить свое положение, расправившись с партией роялистов, потому что тогда им останется бороться только с нашей партией. Вот почему они хотели бы сначала использовать нас для того, чтобы уничтожить тех: они стараются повернуть внимание народа только на роялистов. Они хотели бы, чтобы из-за одного этого мы забыли о завоевании наших прав и об уничтожении других наших угнетателей. Они нас прогонят так же, как в вандемьере после поражения роялистов: они представили бы это как спасение нации, а это было бы лишь их спасением. Это было бы лишь частичною мерой, после чего им осталось бы только истребить нас, и они бы это сделали без долгих колебаний. Они достаточно коварны, чтобы говорить во весь голос, будто мы хотим их уничтожить, использовав их предварительно в движении против роялистов. Эта грубая ложь вводит в заблуждение ограниченных людей, и следовательно толпу. Но коварные люди, выступающие с этой ложью, знают, что на самом деле об этом думать. Они знают, что, благодаря занимаемым ими постам, благодаря влиянию и средствам, которые дает им их положение, благодаря также их талантам и опыту в искусстве восстаний, они и на этот раз не будут отодвинуты на второе место. Они захватят инициативу, как они это делали и во всех других подобных ситуациях. Они полностью захватят руководство, любая другая руководящая сила будет оттеснена, нейтрализована. Они знают также, что нелегко уничтожить главных руководителей такого рода операций. Они также знают, что народ быстро увлекается теми, кто хотя бы только внешне что-то для него делают, и что он тогда забывает все, в чем мог их упрекать ранее. Все это, граждане, надо стараться объяснить народу, чтобы он не обманывался насчет мнимой помощи, которую лукавые пособники наших главных предателей обещают ему от имени этих негодяев; мы должны сорвать этот новый заговор — в группах нужно настойчиво распространять эти объяснения. Разъясните народу, что он никогда не свершит ничего великого, никогда не свершит революции для себя, для своего подлинного счастья, если будет принимать в свое движение каких-либо правителей. Он должен избавиться от недоверия к своим собственным силам, он должен уверовать в то, что он, народ, и люди из народа способны сами осуществить это великое дело.

Итак, в том деле, которое мы подготовляем, давайте позаботимся о том, чтобы устранить все, что не от народа. Все, только что сказанное нами вам, может и должно быть доведено до сведения народа. Эта первая из двух махинаций, о которых шла речь в данном письме, является наиболее опасной и не может быть сорвана одними вами. Нужно, чтобы к вам присоединился весь народ; вот почему 42-й номер «Трибуна народа», выходящий в одно время с настоящим циркуляром и посвященный исключительно этому важному вопросу, но с более подробным его изложением, которое, быть может, окажется для вас еще более убедительным, может рассматриваться как инструкция всему народу по этому вопросу. Рекомендуем вам позаботиться об оказании ему поддержки и о широком распространении его идей: очень важно лишить этих опасных людей популярности.

Второй подводный камень, коего вы должны остерегаться, несколько менее опасен. Речь идет о том, чтобы воспрепятствовать усилиям другого повстанческого комитета[28], который задумано создать наряду с нашим, но который не может, просто не в состоянии совершить что-либо хорошее, хотя мы вовсе не думаем, чтобы у его деятелей были определенно плохие намерения. В этот комитет собираются включить таких людей, как Амар, Вадье, Лэньело, Жавог, Шудье, Рикор и другие; все это лица, уже вкусившие власти, и одни из них вследствие того, как они ее применяли, другие — из-за слабости характера, которую они проявили, позволив ей ускользнуть из своих рук, внушают нам обоснованные сомнения, вынуждают нас отмежеваться от них, тем более что мы сильно сомневаемся в том, чтобы они ставили себе точно такую же конечную цель, как мы, т. е. величайшее торжество демократических принципов и счастье всех. Однако члены этого дополнительного повстанческого комитета уже, говорят, имеют нескольких эмиссаров, выступающих за них и старающихся создать партию их сторонников. Во всяком случае, вы понимаете, какой вред неизбежно последует от существования двух соперничающих руководящих центров, которые, действуя несогласованно, будут мешать друг другу и нанесут ущерб всему делу. Этому также надо противодействовать, и, если вы что-либо подобное заметите, отвращайте от них общественное мнение, внушая к ним недоверие с помощью тех аргументов, которые мы вам изложили. Вы сможете добавить к этому все аналогичные факты, которые неизбежно будут вытекать из обстоятельств. Эти люди испили из чаши власти; не все они и не всегда проявляли себя безупречными демократами. Нужны новые люди. Нужны санкюлоты в полном смысле слова — подлинные люди из народа. К тому же эти люди столько раз проявляли склонность поддаваться коварнейшим инсинуациям под ложным предлогом общественного блага, что следует опасаться, как бы они опять не оказались игрушкою или орудием какой-нибудь ужасной махинации правительства.

Но, как мы уже сказали, они не внушают нам особенно сильных опасений, потому что у них нет почти никаких возможностей. У них нет газет, они не пользуются ни популярностью, ни доверием, и они не в состоянии что-либо совершить: поэтому достаточно, чтобы наблюдение за ними осуществлялось втайне, и никто, кроме нас с вами, об этом не знал. Ваших сил достаточно, чтобы их нейтрализовать, и мы не будем говорить о них в наших печатных изданиях.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 27 жерм[иналя] IV года Респ[ублики]

Дир[ектория] общ[ественного] спас[ения]

Главным агентам 12-ти округов

Граждане!

В первой статье нашего циркуляра от 19 сего месяца мы запросили у вас сведения о складах оружия, амуниции и продовольствия, существующих в каждом из ваших округов. Как явствует из донесений некоторых из вас, это было понято так, что мы имеем в виду только общественные склады, принадлежащие нации. Считаем нужным разъяснить вам, что мы желаем получить также списки складов или хранилищ скупленных товаров всякого рода, имеющихся у множества так называемых господ негоциантов. Просим вас сообщить нам их фамилии и домашние адреса, а равно и род и количество товаров, коими, по вашим сведениям, они обладают; вы присоедините к ним такой же список оружейных мастеров, с подобными же данными.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 27 жерм[иналя] IV года Респ[ублики]

Дир[ектория] общ[ественного] спас[ения]

Главным агентам 12-ти округов

Срочное дело, граждане, к которому мы привлекаем ваше внимание, сводится к тому, чтобы составить и прислать нам список наиболее явных врагов революции, имеющихся в вашем округе. Вы добавите к их фамилиям их общественное положение и домашний адрес с замечаниями о характере и моральных качествах каждого из них, и о том, какие их поступки позволяют считать их несомненными контрреволюционерами. Вы особо постараетесь отметить тех, кто особенно сильно проявил себя во время реакции, кто особенно ожесточенно выступал против патриотов после Термидора на секционных собраниях. Сюда, разумеется, не

следует включать тех, кто в результате временного заблуждения, порожденного этим пагубным периодом, из чувства патриотизма совершили некоторые поступки и действия, коими они как бы одобрили эту реакцию, но, разобравшись во всем и убедившись, что этот роковой день был могилою свободы и ее самых твердых защитников, не побоялись неизбежных преследований и, рискуя не только своим спокойствием, но и самой жизнью, поспешили покинуть ряды тех порочных людей, которые воспользовались этим событием, чтобы объявить жестокую войну республиканцам и всему человечеству; когда же эти преследования обрушились на них, они перенесли их героически и с мужественной твердостью.

Мы также настоятельно просим вас составить список преданных патриотов, на содействие которых можно было бы рассчитывать во время спасительного кризиса и вслед за ним. Обрисуйте нам также их интеллектуальные возможности и укажите, какие функции они могли бы выполнять. Не забудьте указать их точные адреса, дабы, когда придет время, можно было знать, где их застать. Постарайтесь также доставить нам полный список канониров, проживающих в вашем округе, с замечаниями о патриотизме каждого из них.

Сообщите нам, куда отправлены пики секций вашего округа.

С демократическим приветом

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 29 жерминаля IV года Республики

Директория общественного спасения

Агентам 12-ти округов

Мы это предвидели, граждане, мы это предвидели с того момента, когда еще только приступали к нашему делу: «Быть может, окажется необходимым, — говорили мы, — скорее умерять, нежели усиливать рвение свободных людей».

Именно поэтому в нашей первой инструкции мы призывали вас сдерживать, насколько это будет возможно, слишком сильное возбуждение народа, дабы иметь время выдвинуть все наши батареи и воспламенить дух солдат до такой же степени, как дух наших сограждан. Нетрудно было прийти к выводу, что если у нас не будет этого времени, то может случиться, что санкюлоты слишком рано обнаружат свои желания и насторожат правительство; боязливое, как все тираны, оно примет тогда устрашающие превентивные меры.

Мы хорошо знаем, что не от вас зависело сдержать лихорадочное возбуждение народа, утомленного своими слишком длительными страданиями. По тону сочинений наших плебейских журналистов он видел, что мы работаем для него. В порыве ликования он решил, что близок день, когда кончатся его страдания.

Он решил, что теперь надо только показать свою готовность; показать, что одного слова, одного сигнала будет достаточно, чтобы он выстроился под знаменами тех, кто выступит в качестве его освободителей. Этот порыв показал нам, чего можно и в дальнейшем ожидать от народа, который его подлые хулители объявили столь апатичным и совершенно неспособным к мощным усилиям, необходимым для его освобождения.

Итак, эта первая народная демонстрация была нам бесспорно полезна. Мы скоро увидим, что она полезна общему делу тем, что толкнула правительство на эксцессы. Проводимые им репрессии обернутся в нашу пользу. Если бы ничто не остановило движения патриотов, их энергия нашла бы выход во вспышках активности, которые могут быть полезны лишь в момент, непосредственно предшествующий взрыву. Они вынудили бы нас, вопреки нашей воле, выступить тогда, когда мы еще не были готовы, когда, как вы знаете, мы еще не привлекли на свою сторону все элементы, способные обеспечить верный успех. Произошли бы разрозненные выступления. Нам пришлось бы, возможно, их поддержать, и это могло бы привести нас к гибели.

Но то, что произошло на самом деле, оказало на патриотов сдерживающее воздействие, которое в данных обстоятельствах было спасительным. Они отступили без единого выстрела, без потерь и дали своим генералам время полностью разработать планы наступления.

Итак, давайте спокойно наблюдать последние судороги одержимой страхом тирании, которую мучают не угрызения совести, а предчувствие неизбежного возмездия. Мы держались бы другой линии поведения, будь это возможно. Нам вовсе не трудно было бы прорвать гигантские плотины, сооруженные деспотизмом против свободы. Но надо притвориться слабыми и со смущенным видом проглотить новую обиду. Пусть демократы отступят с яростью и жаждою мести в сердцах — вот все, что нам нужно. Мы будем поддерживать эти чувства, и мы приурочим их взрыв к нужному моменту. Патриотизм может существовать не только на форуме и не только в общественных местах. Сейчас те, кто проявил его публично, скрыли его в четырех стенах. Но мы уверены, что вновь увидим его в великий день нашего освобождения. Там (в жилище каждого гражданина) нам будет легче сдержать лихорадочное возбуждение, остановить пагубные крайности. Все, что сейчас мы особенно настоятельно вам рекомендуем, это ускорить доставку нам всякого рода сведений, затребованных нами от вас, совершенно не беспокоясь о том, что происходит кругом. Сейчас деспотизм мечет громы и молнии; эта буря пройдет и не должна тревожить никого из нас. Мы сумеем обернуть в свою пользу даже его грозные приготовления. Мы сочли долгом обратиться к вам с этими успокоительными заверениями, которые, рисуя вам наше положение после всего, что произошло, убедят вас, пожалуй, в том, что не все потеряно и что мы даже не понесли поражения. Мы не думаем, чтобы нам нужно было встретиться

с вами, ибо считаем, что ваше мужество равно нашему. Но теперь, когда террор против патриотов поставлен в порядок дня, мы призываем вас, руководствуясь изложенными нами мыслями, опровергать те неверные аргументы, которые могли бы запугать наиболее слабых людей из их числа.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, [...] жерминаля IV года Республики

Д[иректория] общ[ественного] с[пасения]

Агентам 12-ти округов

В настоящее время маскирующиеся интриганы опаснее всякой чумы. Мы вам укажем сейчас одного из них, относительно коего вы должны предостеречь патриотов, прежде чем мы сможем в ближайшем номере газеты заклеймить его так, как он заслуживает. Это некий Фурнье, по прозвищу Американец[29], уверяющий, будто он один был самым большим героем 10 августа, но в действительности — это знают все патриоты — гораздо более отличившийся на командных должностях тем, как он конвоировал заключенных из Орлеана, над которыми народ учинил расправу в Версале. Этот ловкий человек прилагал все усилия к тому, чтобы их спасти. И когда в Версале он не смог воспрепятствовать тому, чтобы народ и его собственная армия расправились с ними своим судом, он вел себя как человек нейтральный и пассивный и в дальнейшем использовал это, чтобы избежать мести «порядочных людей», которые не преминули бы уничтожить его, если бы он им не доказал своей «невинности». Ему простили то, что он только ограбил свои благородные «жертвы». И это ему весьма пригодилось вдобавок к сумме, полученной им от правительства для оплаты воинской части, которой он командовал в этом походе и которой не заплатил. Затем он занялся распространением клеветы на Марата. Перед Термидором он был арестован и выпущен из тюрьмы только через два месяца в награду за то, что отдал Фрерону список лиц, подлежащих истреблению, уверяя, что этот список был дан ему гражданином, чье имя дорого патриотам и кто после Вандемьера пал жертвою беспощадной мести богатого класса. Однако Фурнье оставался на свободе не больше месяца. Он был снова посажен в тюрьму и снова прощен в дни Вандемьера под обещание, публично данное «порядочным людям», не мешаться больше ни в какие дела и поселиться в весьма недурном сельском доме, который он приобрел в Верней, близ Парижа, на накопления, сделанные во время революции. Этот весьма двусмысленный революционер ныне, нарушая данное им обещание, опять вернулся на общественную сцену. Он посещает кафе патриотов и изображает себя там бо́льшим демократом, чем кто бы то ни было. Очень похоже на то, что он играет эту роль по приказу касты «порядочных людей», с которою он никогда не терял

связи и которой он тем лучше может служить, что его гибкость помогает ему втереться в доверие к санкюлотам. Эти существа-амфибии, владеющие искусством проникать одновременно во все партии, всегда были нашими самыми опасными врагами. Поэтому дайте всюду указание отталкивать и гнать этого человека, на которого мы сочли необходимым специально обратить ваше внимание. Честные люди, введенные в заблуждение насчет него, говорят, что его мнимая смелость может быть использована. У нас не будет недостатка в людях, по-настоящему мужественных, одаренных военными талантами и желающих только счастья народа.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, жерминаль IV года Республики

Д[иректория] о[бщественного] с[пасения]

К Б[ертрану] из Лиона[30]

Прилагаемый документ осведомит тебя о существовании и намерениях одного учреждения, которое должно положить конец долгой и жестокой войне преступления против добродетели. Инструкции, содержащиеся в этом документе для агентов парижских округов, послужат тебе как агенту—наставнику патриотов, бежавших из Лиона и находящихся в Париже. Если среди них есть такие, кто не обеспечен жильем и не имеет средств к существованию, или если ты знаешь таких в городе, где ты родился, кто из-за постоянных преследований мог бы решиться на переезд в Париж, привлеки их и дай нам знать об их числе. Мы по-братски их приютим и разместим до тех пор, пока не настанет великий день народа. Между тобой и нами будет находиться агент связи, через которого будет вестись теперь наша переписка.

Твердость, смелость, соблюдение тайны.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 6 флореаля IV года Республики

Директория общественного спасения

Агентам 12-ти округов

Граждане, успокаивая вас нашим циркуляром от 29 жерминаля относительно последствий недавно принятых тиранией мер, мы предоставили вашему благоразумию выбор средств для поддержания в сердцах пламени негодования и энергии. Ныне мы считаем своим долгом несколько подробнее изложить вам наши взгляды на этот счет.

Мы сказали, что сосредоточенная ненависть и отвращение к угнетению дадут подземному огню более активную пищу и неизбежно вызовут, когда пробьет час, более сильное извержение,

более широкое возмущение. Это должно быть именно так. Однако необходимо также, чтобы вернее обеспечить успех, постоянно поддерживать этот тайный огонь, постоянно питать его горючим материалом, и специальные люди должны неустанно следить за тем, чтобы не дать ему погаснуть. Будем придерживаться и другой признанной нами истины. «Патриотизм, — сказали мы, — существует не только на форуме; он мог там проявляться лишь потому, что уже ранее жил в сердцах граждан. И тираны, уничтожившие форум, не уничтожили патриотизма, потому что те, кто проявлял его в общественных местах, уносили его с собой, в свои дома. Там он сейчас и пылает. Там мы можем вновь его найти. Туда и должны мы следовать за ним».

В самом деле, патриотизм — такое растение, которое душит тиранию. Поэтому тираны заинтересованы в его уничтожении, а повстанцы заинтересованы в том, чтобы он процветал. Патриотизм — это оружие, обеспечивающее успех повстанцев; он же является смертельным бедствием для тирании. Стремление способствовать его процветанию, с одной стороны, стремление его уничтожить, с другой — таков смысл войны между освободителями народа и его угнетателями. Вот каково наше положение. Мы ведем войну со сторонниками угнетения, стремящимися изо всех сил вредить насаждению и возделыванию этого растения — патриотизма, мы же прилагаем все силы к тому, чтобы оно цвело пышным цветом. В ходе недавно минувших событий тирания оказалась бессильной вырвать это растение полностью, но достаточно сильной, чтобы оттеснить его с земель, наиболее удобных для его произрастания. Мы со своей стороны оказались бессильны сохранить за ним эту плодородную почву. А значит, мы должны показать себя умелыми садоводами, чтобы своим искусством возместить те естественные преимущества, которыми обладают эти благодатные края. Своим мастерством и активностью мы должны обеспечить самый большой урожай, о котором только можно мечтать.

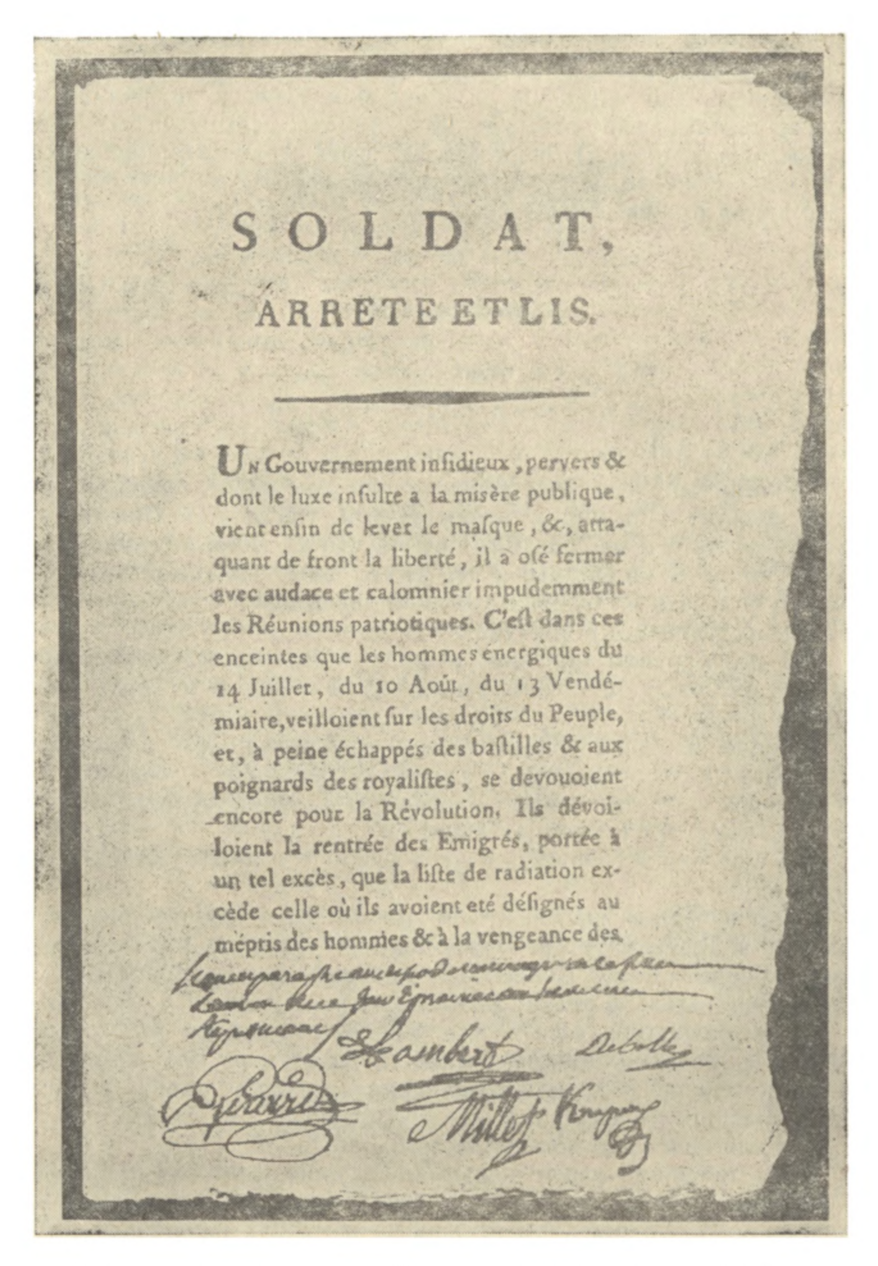
Мы прекрасно понимаем, что места, где постоянно собирался народ, и были теми благодатными краями, которые наиболее подходили для быстрого продвижения дела нашего освобождения. Благоприятное время года делало особенно ценными эти клубы под открытым небом, куда все привлекало, и они, несомненно, восполнили бы пробел, созданный закрытием Пантеона. У них, однако, был один недостаток — и с ним вы не встретитесь в тех объединениях, которые следует создать вместо них и о которых главным образом и пойдет речь в этом письме. Этот недостаток состоял в том, что они открывали доступ всяким прислужникам тирании, которые, искусно маскируясь, приходили туда с намерением извратить дух этих собраний лживыми сообщениями, рассуждениями и инсинуациями и отвлечь их участников от подлинной цели, к которой только и следовало им стремиться.

Но, поскольку нечего больше и думать о подобном способе поддерживать огонь возбуждения, мы должны серьезно заняться

вопросом, как это сделать иными средствами. Повторяем, патриотизм не угас, его лишь заставили свернуть на другой путь. Последуем за ним, разыщем его там, где он пребывает, и поддержим, оживим его. Патриотизм — наше драгоценнейшее достояние. Это — оружие, которого нам никогда нельзя терять из виду, ибо без него мы ничего не можем сделать. Наконец-то мы знаем, где его искать. Изгнанный из своих последних укреплений, мест, где встречался народ, он накапливает силы в убежищах своих ревнителей. Что же! Туда-то мы и должны за ним последовать, чтобы поддержать и воодушевить его.

Мы таким образом возвращаемся к нашим домашним клубам, к этим маленьким собраниям, идею которых мы выдвинули перед вами еще в первой нашей инструкции. Стихийное образование групп могло позволить вам в какой-то мере отступить от этих наших указаний, во всяком случае отнестись к ним несколько небрежно. Но теперь необходимо к ним вернуться. Поэтому мы снова предлагаем вам приложить усилия к созданию и возможно большему увеличению числа небольших собраний. Мы повторяем, что их надо устраивать в частных домах, а не в кафе, потому что в дома не проникает дух разложения и сыска. Увеличение числа этих объединений предпочтительнее скопления слишком многих людей в нескольких объединениях. Пусть каждый топчан, каждый чердак станет местом собрания. Пусть это будут множество незаметных точек, «малых котерий», по удачному выражению Майля, а не сборища, которые могут привлечь настороженное внимание тирании. К тому же этот план легче осуществить, вам почти ничего не нужно делать для этого. Стараясь проникнуть в жилище каждой подлинно патриотической семьи, вы и найдете эти кружки, которые образовались сами собою. Каждая такая семья — готовый клуб. Единственное, что вам надо делать, это направлять туда один за другим наши революционные документы. Больше ни о чем не беспокойтесь. Чтобы читать их, безусловно, соберутся соседи, знакомые. Вот, повторяем, и клуб. Вот и общественное мнение, которое само себя питает и поддерживает, которое само себя формирует; вот вам и группы, которые *самый свирепый закон о чрезвычайном положении* не в состоянии рассеять. В соответствии с нашими предыдущими инструкциями вы организовали отряды руководителей групп, которые должны были действовать в общественных местах. Используйте их теперь для распределения наших газет по маленьким клубам, о которых мы говорим, и нам кажется, что для осуществления наших намерений почти ничего больше не потребуется.

Мы несколько подробно на этом остановились, потому что это вопрос первостепенной важности. В революции нет ничего важнее, чем найти верный способ, как направлять и поддерживать правильное общественное мнение; ибо с помощью общественного мнения можно все привести в движение. Мы уверены, что вопреки подлым преградам, воздвигаемым деспотизмом, нашли этот верный способ. Удвоим нашу энергию и рвение; мы все должны

SOLDAT,

ARRETE ET LIS.

Un Gouvernement insidieux, pervers & dont le luxe insulte a la misère publique, vient enfin de lever le masque, &, attaquant de front la liberté, il a osé fermer avec audace et calomnier impudemment les Réunions patriotiques. C'est dans ces enceintes que les hommes énergiques du 14 Juillet, du 10 Août, du 13 Vendémiaire, veilloient sur les droits du Peuple, et, à peine échappés des bastilles & aux poignards des royalistes, se devouoient encore pour la Révolution. Ils dévoiloient la rentrée des Emigrés, portée à un tel excès, que la liste de radiation excède celle où ils avoient eté désignés au mépris des hommes & à la vengeance des

«Солдат, остановись и прочти!» — одна из прокламаций «Равных»

быть воодушевлены, видя, как тирания не может разобраться в наших действиях, как она обманывается, как она бросается на крайние меры, которые ясно показывают ее странные заблуждения и, следовательно, ее слабость; наконец, как она не делает при этом ничего, что могло бы внушить нам тревогу, поскольку мы еще не готовы; зато есть основания думать, что, когда мы будем готовы, она (тирания) будет считать свои страхи химерическими и, стыдясь этих смешных предосторожностей, быть может, как раз в это время от них откажется.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 7 флореаля IV года Республики

Директория общественного спасения

Агентам 12-ти округов

Граждане!

Тирания умирает. Она теряет голову и не знает, какое ей принять решение. Она видит опасность там, где ее нет. Она принимает меры, никак не связанные с тем, что ей действительно угрожает. Она даже не догадывается, кто ее действительный враг. Это должно радовать и ободрять нас, ибо доказывает, что между нами нет ни предателей, ни болтунов.

Мы подтвердили правило: важная тайна может быть сохранена даже большим числом людей, когда каждый в этом горячо заинтересован.

Пришло, пожалуй, время извлечь большую пользу из ошибок, совершенных деспотизмом, и повернуть к нашей выгоде все, что он намерен сделать, чтобы спастись от гибели, которую он сам предчувствует и считает неизбежной.

Мы вам хотим сообщить о двух важных делах, стоящих в порядке дня:

1. Вы наверное знаете, что постановлением Директории, заседающей в Люксембургском дворце, приказано покинуть Париж семи бывшим членам Конвента [31], которых она, по-видимому, подозревает в заговоре против правительства.

Но вы, возможно, еще не все знаете, что, помимо этой открытой меры, недавно принята также и секретная. Все комиссары полиции недавно получили предписание задержать наряду с этими семью бывшими депутатами еще 14 патриотов.

Полный список их мы прилагаем.

Наше послание имеет целью предложить вам внушить всем патриотам, которых вы знаете в своем округе, чтобы они остерегались ареста, но при этом отнюдь не покидали Парижа.

Вы понимаете, что это предложение продиктовано одним только политическим соображением — не допустить ничего, что могло бы обескуражить массу патриотов. Наше благоразумие в том, чтобы противостоять любым актам произвола со стороны

деспотизма, всюду опровергать его, всегда одерживать верх над его посягательствами, ибо только такое поведение сохранит в нашей среде доверие, энергию и сознание силы нашей партии; придерживаться этой точки зрения в отношении бывших депутатов — это все, что требуется в данном случае. Не придавайте им никакого особенного значения и не внушайте ни им, ни кому бы то ни было, что если ими интересуются, то потому, что в них нуждаются. Мы вам повторяем здесь сказанное в циркуляре от 24 жерминаля: мы в них не нуждаемся; люди из народа могут сделать что-либо великое для него, они могут его спасти только с его собственной помощью. Они должны отстранить все, что причастно к правительству или было причастно к нему.

2. Второй вопрос, по которому мы настоятельно просим вас действовать в строгом согласии с нами, касается солдат полицейского легиона[32]. Этих особенно важно убедить не уезжать. Конечно, каждый из вас был поражен тем, какие непредвиденные преимущества открываются перед нами с этой стороны. Мы знали, что в этом полицейском соединении есть элементы, придерживающиеся добрых принципов, но мы явно недооценили их значение. Тем решением, которое тираны недавно приняли, они помогли нам лучше оценить предоставляющиеся здесь возможности. Мы не должны их упустить. Воспользуемся этими ценными людьми. Пусть те, кого мы считали трусами, укрывшимися в этом соединении от опасностей, таящихся на границах, станут для нас отныне доблестными солдатами.

Пусть каждый, кто связан с этим городом тысячью нитей, у кого здесь есть любовница, отец, родственники, жена, дети, друзья, приготовится драться за то, чтобы остаться около них. Пусть всякого рода мрачные предположения, картины опасностей, коим его хотят подвергнуть, удаляя его отсюда, раздуваются и преувеличиваются и т. д. и т. д.! Проявим к ним внимание, пообещаем им помощь и поддержку, если они, в свою очередь, выступят на стороне народа, и будем с уверенностью ждать плодов такого рода заботливости. Быть может, совсем недалек тот день, когда мы откроем перед народом врата Равенства, Свободы и Счастья.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 8 флореаля IV года Республики

Директория общественного спасения

к агентам 12-ти округов

Друзья!

Давайте поспешим, обстоятельства подталкивают и увлекают нас. День освобождения нашей страны, возможно, не так далек, как мы думали. Ускорьте работу по доставке важнейших сведений, затребованных нами у вас. Особенно поторопитесь со списком канониров, проживающих в вашем округе, списком всех демократов, способных исполнять высшие должности, как воен-

ные, так и во временной повстанческой администрации, с сообщением о складах пороха, амуниции, оружия, продовольствия и т. д. и т. д. Нельзя терять ни одного мгновения.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 9 флореаля IV года Республики
12 час. 30 мин.

Директория общественного спасения

Агентам 12-ти округов

Пришел час покончить с тиранией. Будь готов и приведи в состояние готовности всех патриотов твоего округа. Мы неустанно печемся о деле свободы и не замедлим передать тебе приказы, которые должны спасти народ.

Немедленно распорядись об изготовлении из картона плакатов, укрепленных на палках. На этих плакатах должны быть написаны от руки очень крупными буквами следующие слова:

КОНСТИТУЦИЯ 1793 ГОДА
РАВЕНСТВО, СВОБОДА
ВСЕОБЩЕЕ СЧАСТЬЕ

Распорядись изготовить некоторые другие плакаты; на одних надо написать следующие слова:

«Узурпаторы суверенитета должны быть преданы смерти свободными людьми», —

а на других:

«Когда правительство нарушает права народа, восстание является для народа и для каждой части народа самым священным долгом».

Ежечасно посылай санкюлотов брататься с полицейскими легионерами в казарму Куртий.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 10 флор[еаля] IV г[ода] Р[еспублики]

Д[иректория] о[бщественного] с[пасения]

Агентам 12-ти округов

Граждане!

Обстановка изменилась. На повестке дня стоит уже не то, что было вчера. Наша тактика должна соответственно измениться.

Наше вчерашнее настойчивое письмо было продиктовано возбуждением, проявившимся утром в обоих батальонах полиции. Зная настроения народа, зная, какое повстанческое брожение существует в большинстве воинских частей, расположенных в различных лагерях около Парижа, мы подумали, что сможем воспользоваться несомненными волнениями в двух легионах для сфор-

мирования вооруженного ядра, которое будет расти, и что одновременно мы сможем вызвать восстание народа. Мы вчера делали все, чтобы поддержать состояние брожения в течение всего дня. Мы послали в казармы вожакам рукописные копии двух воззваний, из коих одно было повстанческой декларацией со стороны легиона, а другое — ответом от имени народа, объявляющим, что народ немедля придет в состояние готовности поддержать своих защитников. Однако мы должны иметь уверенность в том, что не подвергнем народ опасности необдуманными действиями. Поэтому мы решили понаблюдать, прежде чем ринуться в бой. Мы решили, что наши эмиссары будут поддерживать брожение в течение всего дня 9 флореаля. Мы надеялись на то, что это брожение вызовет к вечеру более сильное сопротивление, и за этим могло бы последовать (кое-что указывало на это) присоединение к восставшим частям тех войск, что были посланы для усмирения. Если это бы свершилось, мы сегодня утром обратились бы с воззванием к народу и сейчас мы бы уже погибли или победили. Но все произошло не так. Волнения оказались всего лишь проявлением неповиновения. И те солдаты, на которых мы возлагали надежды, были воодушевлены гораздо больше своими мелкими личными интересами, нежели любовью к родине. Как только с ними заговорили о том, чтобы их отправить по домам, они запели песни, трусливо позволили себя разоружить и отправить в Военную школу, где они сейчас и размещены. Таковы люди, которые уже вступили на путь славы и вызвали тревогу у тирании своим явным намерением отказаться служить ей дальше.

Что же теперь делать? Мы полагаем, что надо дать улечься волнению охваченного страхом деспотизма. Он окружает себя устрашающими мерами предосторожности. Он расточает вино и милости тем, кого он возводит в ранг своих янычаров. Но действие этих мер не будет ни сильным, ни длительным. Речи наших демократических миссионеров проникают во все лагеря и циркулируют там. Их горячо принимают, ими увлекаются, их жадно читают. Повсюду людей влечет к ним: пройдет еще несколько дней, и те, кого пришлют заменить полицейские легионы, так же, как и вся расположенная вокруг Парижа армия, будут по меньшей мере не хуже этих легионов. Тогда-то мы ударим наверняка.

Во всяком случае, мы можем радоваться тому, что мы и наши люди действовали в этих обстоятельствах столь осмотрительно, что деспотизм, вместо того чтобы нас подозревать, приписывает вчерашнее неподчинение влиянию мюскаденов первого призыва.

Активно действуйте на благо нашего общего дела. Доставьте нам все те сведения, которых вы нам еще не прислали. Они нужны для обеспечения полного успеха нашего прекрасного начинания. Под давлением обстоятельств мы бы вчера обошлись без них. Но, возможно, недостаток указаний, которых мы ждем от вас, поставил бы нас в трудное положение и остановил бы нас в ряде

мест. Будьте уверены, мы не упустим первого же случая, который представится, чтобы разбить сковывающие народ цепи. Но ни вы, ни мы не хотим, чтобы этот случай был сомнительным, чтобы мы дали повод для бесполезного истребления наших сограждан и для того, чтобы нас навсегда заковали в цепи. Мы хотим идти к несомненной или почти несомненной победе, и мы сообразуем все наши меры с достижением этой цели.

Не заказывайте тех плакатов, о которых шла речь во вчерашнем циркуляре, мы их сами изготовим по единому образцу и тотчас же распределим по всем округам. Те, кто уже закупил материалы для изготовления этих плакатов, могут передать эти материалы агенту связи для доставки их нам. Их стоимость будет возмещена.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 14 флореаля IV года Республики

Директория общественного спасения

Агентам 12-ти округов

Будьте готовы, граждане. Предупредите тех людей, которым вы больше всего доверяете. Держите начеку всех остальных. Позаботьтесь, однако, о том, чтобы никто не проговорился. Подготовьте все плакаты: вы получили или получите надписи, которые надлежит наклеить на них. Равным образом вы получили или вскоре получите манифест восстания. Мы сочли излишним указывать вам, что это надо хранить в величайшей тайне: приступить к распространению манифеста следует *только в тот час*, который вам будет указан. Ждите этого часа, мы вам его назовем в нашем первом сообщении.

Оставайтесь у себя, чтобы получить это сообщение и те, что за ним последуют. Это очень важно.

---

16 флореаля

Агентам

Если мы, гражданин, не писали тебе ни вчера, ни позавчера, то лишь потому, что все наше время было поглощено длительными подготовительными работами. Дело в том, что прежде, чем указать тебе линию поведения, коей должно следовать в этих трудных обстоятельствах, мы хотели все предусмотреть, все обдумать, точно рассчитать все средства нападения и всю силу сопротивления, с которым мы можем столкнуться. Пусть наше молчание тебя не беспокоит. Мы трудимся для дела свободы, и мы хотим спасти ее или погибнуть вместе с нею.

Мы не можем еще назвать тебе точно момент, когда надо будет бить в набат. Этот момент недалек. Но благоразумие не позволяет нам заранее установить его. Будь готов получить извещение об этом и, что особенно важно, внушай патриотам, что

надлежит терпеливо ждать, не растрачивая того пыла, который недавно привел тиранов в отчаяние.

С разных сторон мы узнаем, что патриоты уже выражают нетерпение и даже называют предательством то, что во время роспуска и разоружения полицейского легиона мы сделали все, чтобы поддержать спокойствие. Такая подозрительность простительна людям, пылающим нетерпением помериться силами с тиранией. Но пусть они подумают о том, что это последняя борьба между свободою и деспотизмом. Если последний победит, то кончено с Республикой и с республиканцами. Каков бы ни был ропот, быть может нарочно возбуждаемый агентами правительства, чтобы нас погубить, мы будем тверды и дадим сигнал к бою лишь тогда, когда будем уверены в победе. Твое дело в данных условиях — подкреплять надежды республиканцев, убеждая их не предаваться безудержному нетерпению, которое могло бы несвоевременными вспышками насторожить тиранов и все раскрыть.

Вместе с тем ты должен осторожно, не допуская опасных увлечений, поддерживать состояние возбуждения в группах и собраниях, держащих народ настороже и могущих стать опорною точкою общего движения.

Париж, 18 флореаля IV года Республики

Директория общественного спасения

к агентам 12-ти округов

Граждане!

Никогда заговор не был таким святым по своим мотивам и по своей цели, как наш. Никогда также не было заговора, деятели которого показали бы себя столь достойными доверия, им оказанного. Никогда не вели тайную работу против коварного правительства столь долго и столь удачно, как это делали мы. Его тревожная бдительность тщетно изощрялась в мучительных усилиях и исчерпала все средства жесточайшей инквизиции, ему не удалось обнаружить ничего определенного.

Эти результаты наглядно подтверждают, что мы были правы, выбрав вас, и дают нам величайшую гарантию того, что мы можем оказать вам еще большее, если это возможно, доверие, чем до сих пор. С такими людьми, как вы, мы не должны думать ни о каких оговорках. Вы должны читать в наших сердцах, как мы сами, а мы должны вам говорить всю правду.

В течение ряда последних дней переписка с вами стала с нашей стороны менее активной. Ее тон стал менее твердым, менее решительным, более колеблющимся, чем ранее. Вы, наверно, заметили в нашем поведении явный отпечаток небрежности, вялости, неуверенности. И в такой момент! Когда, казалось, энергия должна быть удвоена, когда патриоты и большинство народа громко кричали «на бой!» и обстоятельства как будто давали им много шансов на победу. Однако у вас будет возможность судить, может ли наше поведение быть оправдано: если нет, то сначала

вы, а затем и все те патриоты, которые идут за вами, осу́дите навсегда, даже накажете тех, кто взялся ими руководить.

Мы могли бы попросту вам сказать, что, обозрев те силы, с которыми нам пришлось бы пойти в атаку, мы с полным основанием сочли их недостаточными, и это, безусловно, обязывало нас остановить тот патриотический порыв, который мог стать сигналом к истреблению демократов, тем более что страшные уроки жерминаля и прериаля должны постоянно быть перед глазами республиканцев и еще одного подобного урока было бы достаточно, чтобы погубить их навсегда.

Но нас остановило не одно только это соображение. Мы знаем, что в восстании надлежит дерзать, что надо, так сказать, быть более чем смелым. Вот в основном что вызвало с нашей стороны кажущуюся медлительность.

Как вы знаете, мы хотим, чтобы это восстание стало последним, чтобы оно наконец осуществило счастье народа. Мы обязаны были принять все меры предосторожности, способные обеспечить этот результат. Мы хотели, чтобы манифест, провозглашающий восстание, гарантировал в качестве первого благодеяния, в качестве предварения того счастья, которое мы намерены обеспечить народу, чтобы этот манифест, повторяем, гарантировал сначала распределение между бедными имуществ всех заговорщиков; чтобы затем там было сказано, что бедные получат жилье и мебель в домах заговорщиков, и т. д. и т. д. Для того чтобы эти перемены и другие, столь же благотворные, могли быть осуществлены, надлежит быть уверенным в том, что власть, уйдя из рук негодяев, владеющих ею, перейдет в руки подлинных, чистых и абсолютных демократов, людей из народа, его истинных и единственных друзей. Как им передать эту власть? Вот затруднение, которое нас остановило, как и все еще останавливает: именно обсуждение этого непростого вопроса и вынудило нас упустить некоторые преимущества, которые могли быть для нас очень ценными и определить успех предстоящей нам битвы.

Выиграть битву — это еще ничего не значит, если мы не сумеем воспользоваться плодами победы.

Вот почему мы распорядились напечатать в количестве 30 тыс. экземпляров первый манифест, где мы провозгласили, что Директория общественного спасения заменит существующую тираническую власть Национальным собранием, в которое от каждого департамента войдет по одному депутату, выбранному из числа самых энергичных и самых испытанных демократов; список таких людей, подлежащий одобрению народом, представит она сама. Задачей как этого собрания, так и Повстанческой директории будет завершение революции и обеспечение счастья всех.

В дальнейшем множество соображений привело нас к убеждению, что мы станем сильнее и увереннее в успехе, если призовем обратно осужденных депутатов, принадлежавших к бывшей Горе, которые были изгнаны только насилием и непричастны к наруше-

нию Конституции 1793 года. Мы поняли, что в глазах демократов эти люди составляли законную власть, которой народ отнюдь не смещал и которая, следовательно, продолжает существовать. Мы, однако, не закрывали глаза на то, что эта часть членов Конвента была почти столь же преступна и столь же нарушала закон, как и другие; прежде всего потому, что после 9 термидора они участвовали в попятном движении и позволяли ему свершиться; потому, что они без сопротивления допустили полное разрушение здания демократии; потому, что они не сказали ни единого слова 5 мессидора, когда подлый Буасси д'Англа поднялся на трибуну и добился одобрения своего губительного для народа кодекса; потому, что в дальнейшем они трусливо воздержались от протеста против этого отвратительного преступления; наконец, потому, что в большинстве своем они не остановились перед из ряда вон выходящей подлостью, приняв назначения от узурпаторского и угнетательского правительства. Но соображения огромной важности, которые мы позднее изложим вам, а равно и народу, заставили нас на время закрыть глаза на эти обстоятельства и пойти на жертвы, дабы использовать людей, без чьей поддержки, как мы видели, было бы, пожалуй, невозможно освободить Родину от рабства, под гнетом которого она изнывает [33]. Итак, мы решились использовать их; но вместе с тем мы хотели уберечь народ от опасности опять оказаться в их руках, под игом новой тирании. Мы договорились тогда, что призовем обратно наименее запятнанную часть Конвента, т. е. тех, кто подвергся проскрипции, примерно 68 человек; что в качестве противовеса им мы введем по одному дополнительному депутату от каждого департамента, избранных нами и восставшим народом, что составит фронт оппозиции численностью более 100 демократов, самых энергичных и непоколебимых; не говоря уже о том, что до тех пор, пока весь народ не будет совершенно счастлив и спокоен, мы сохранили бы за собой как наименование, так и власть Повстанческого комитета общественного спасения.

Обо всем этом мы договорились с бывшими монтаньярами. Они приняли все условия и обещали помочь нам всеми своими средствами. В соответствии с этим был напечатан новый манифест в количестве 50 тыс. экземпляров, и мы готовились к приведению его в исполнение.

Поверите ли вы, граждане? Эти деятели Конвента передумали и пришли сказать нам, что они уже не хотят дать патриотам гарантии против перспективы их тирании. Они пришли сказать нам, что не согласны на то, чтобы к ним прибавили по демократу от каждого департамента, т. е. что они требуют уничтожения одного гнета, чтобы заменить его другим, свержения нынешнего гнета для установления их гнета.

Они обосновывают свои притязания самыми жалкими софизмами и ни во что не ставят то единственное соображение, которое, по нашему мнению, перевешивает все прочие: мы хотим

свергнуть царство плутов только для того, чтобы прочно утвердить власть народа.

Вот, друзья, вполне откровенное изложение того, что нас остановило. Мы все еще на этой точке. Эти честные монтаньяры не дают нам хода. Увлеченные своим честолюбием или своей спесью, они не беспокоятся о том, что, пока они торгуются о цене, Родине угрожает гибель. Беда в том, что в силу обстоятельств, которых мы вам не можем сейчас объяснить, мы не в состоянии обойтись без них.

В заключение мы вам заявляем, что, если мы сможем, мы все же обойдемся без них, а если не сможем, придется направлять народ таким образом, чтобы предотвратить зло, которое они могут нам причинить, и противопоставить им, вопреки их воле, тот противовес, который они отвергают.

Народ обвиняет нас в инертности. Как мучительно, что мы не можем объяснить ему, так же как мы объяснили вам, что́ нам мешает! Наши народные писатели не могли бы этого сделать, не подвергая риску важнейшие вещи. В этом крайне для нас печальном положении постарайтесь по крайней мере вывести из заблуждения патриотов, но не посвящая их во все подробности, сообщенные нами исключительно для вашего сведения, а заверяя их в том, что их руководители по-прежнему заслуживают доверия, и призывая их быть терпеливыми и сохранять свою энергию, которую так или иначе теперь уже недолго придется сдерживать.

Надо умереть или победить. Лучше погибнуть в доблестном бою, нежели дожидаться того, чтобы тебя убили одним из тысячи способов, которые наши тираны применяют и будут применять.

Итак, с минуты на минуту ждите решающего момента. Никоим образом не тревожьтесь ни в том случае, если увидите рядом с нами остатки Горы, ни в том случае, если вы их не увидите. Но считайте одним из важнейших полученных вами указаний поручение окружить большою массою вооруженного народа ваш Повстанческий комитет, когда ему, возможно, придется отправиться на заседание воскресшего Конвента, чтобы продиктовать тому волю народа и обеспечить благоприятные результаты восстания, а также все, что, по мнению народа, должно быть сделано немедленно, и все, что он решит насчет того, кто должен быть поставлен рядом с остатками Конвента, чтобы гарантировать осуществление того полного возрождения, которое надлежит произвести.

P. S. Сообщи нам немедля, приготовил ли ты плакаты, это деталь, но существенная.

NB. 18 флореаля, 9 час. вечера. Мы только что узнали, что монтаньяры вняли настоятельным аргументам, которые мы им многократно излагали. Они окончательно соглашаются со всеми нашими требованиями: итак, мы чрезвычайно ускорим ход событий. Заключение этого письма относительно сопровождения повстанческого комитета большой массой народа — это заключение, повторяем, остается в силе, и на ту меру, которой оно от вас требует, следует обратить особое внимание.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 19 флореаля IV года Республики

Д[иректория] о[бщественного] с[пасения]

Агентам 12-ти округов

Граждане, множество дел не позволило нам послать каждому из вас отдельную копию прилагаемого при сем циркуляра. Прочтите его сразу же в присутствии агента связи, которому верните ее для того, чтобы он мог немедленно передать ее другим главным агентам.

Однако, поскольку этот циркуляр является для нас особенно важным, с него будут сняты копии, и каждый из вас получит одну из них.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

Париж, 19 флореаля IV года Респ[ублики]

Директория общественного спасения

Агентам 12-ти округов

Вы уже, наверно, знаете это, граждане: вчера вечером наши братья-добровольцы и солдаты полицейского легиона разобрались в гнусной ловушке, устроенной против тех и других. Они разобрались в том, что ссора белых воротников с красными воротниками, приводившая их ко взаимному истреблению, была результатом тактики коварного правительства. Эта ссора кончилась братаньем между обеими сторонами, собравшимися вместе в Пале-Рояле в количестве 1800 человек, и к ним присоединилось много патриотов-примирителей. Одновременно другие братья из легиона обратились к Директории с требованием освободить их товарищей, находившихся в заключении. Директория обещала им это, но, следуя обычной для нее недостойной жестокости, вместо того чтобы сдержать свое обещание, ночью распорядилась о том, чтобы оба батальона были заперты в казармах в ожидании скорого приказа об отправлении. Они там продолжают сопротивляться. Мы послали к ним нескольких патриотов, которые должны внушить им, чтобы они продолжали это сопротивление, и обещать, что вскоре им будет оказана более серьезная помощь. Надо сдержать это обещание и воспользоваться наконец этим случаем. Пришел час довести дело до конца. Прежде всего пошлите возможно большее число патриотов от каждого из ваших округов в две казармы: на ул. Муфтар, в предместье Антуан, и на ул. Верт, в предместье Оноре. Дайте им наказ брататься с легионами, поддерживать весь день дух возбуждения, увлечь красные воротники за собою, установить несколько сборных пунктов, вроде вчерашнего в Пале-Рояле, где будет обсуждаться вопрос о том, чтобы пойти к легионерам и принять участие в новом братании. Если это подготовительное движение будет проведено, крупная

сумма будет послана на место собрания и участников угостят вином; затем будут приняты меры к тому, чтобы взрыв произошел завтра рано утром. Приготовьте плакаты. Приготовьте все и держитесь в готовности.

ОТНОСИТЕЛЬНО СЛУХОВ О НОВОМ 31 МАЯ И О НОВОМ 13 ВАНДЕМЬЕРА *

ТРИБУН НАРОДА [34]

и т. д.

№ 44 **

Второе обращение Трибуна народа к внутренней армии. Трибун изображает ей Париж, блокированный ею и находящийся под угрозой осады с ее стороны; он рассматривает, почему (*одна строка и еще два слова зачеркнуты*)**; он рассматривает причину, по которой запрещены всяческие сношения между осаждающими и осажденными; он берет на себя обязанности первого парламентера от народа санкюлотов к солдатам-санкюлотам, которых хотят противопоставить этому народу; он излагает причины** (*два слова зачеркнуты*)**.**

И он предлагает способы прийти к соглашению.

Несмотря на тройную стену и на железные барьеры, несмотря на виселицы, отделяющие вооруженный народ от угнетенного народа, вопреки подлым приказам, запрещающим вам всякое общение с вашими несчастными братьями, ваши несчастные братья будут говорить с вами. Солдаты, вы услышите по крайней мере выразителей их мнения. Их проникновенный голос, этот голос, который найдет тысячу путей, одолеет все препятствия, презирает и попирает все смертоносные декреты, которые, подобно грому и молнии, мечет жестокая тирания; этот энергичный и искренний голос достигнет ваших ушей, несмотря на гнусный визг ваших начальников, низких лакеев тирании (*восемь слов зачеркнуто*), которую они имеют основание защищать, ибо их ждет та же судьба, что и ее, как только вы победите, и мы с вами.

---

* *Этот документ полностью воспроизведен Бабефом в его Защитительной речи перед Верховным судом в Вандоме. См. настоящий том, стр. 518—520.*

** Множество лиц выражают мне свое нетерпение по поводу того, что я не заполняю большого пробела, создавшегося между моим 40-м номером и следующими, вплоть до настоящего. Они справедливо и точно замечают, что с тех пор я работаю лишь урывками, бессистемно. Неужели, говорят они, это уже не тот Трибун, который преследовал по пятам все преступления, от которого ни одно не ускользало, который схватывал их на лету, показывал их связь с великим и вечным заговором врагов народа, давая нам тем самым цельную историю нашего угнетения; и, не имея возможности на деле и немедленно покарать угнетателей, по крайней мере собирал и предавал гласности сведения об их действиях, подготовляя суд над ними?

(*На обороте написано:*) Какое сходство и какое различие в зрелище, являемом нами и римским народом, когда он удалялся на Священный холм! Он был тогда оскорблен; как мы, голодный, ограбленный, порабощенный; как мы, под ярмом горсти эгоистов и узурпаторов. Но он по крайней мере сохранил возможность удалиться, отделиться от своих убийц. Центурии и легионы отнюдь не были расположены лагерями на равнинах вокруг Тибра, чтобы быть готовыми обрушиться на народ, если бы, доведенный до крайности нищетою и всеми унижениями, он решился на какие-либо выступления около Капитолия или Авентинского холма. Ему никто не запрещал под страхом смерти оглашать воздух своим справедливым ропотом на площади. Тем более никто бы не посмел запретить солдатам под страхом смерти обращаться с речью к другим гражданам. И никто не рискнул бы запереть, как пленных, в лагере целую армию римских солдат.

ПИСЬМО ГРИЗЕЛЮ [35]

[21 флореаля IV года — 10 мая 1796 г.]

Не будем посвящать в тайны слишком многих, их и так уже достаточно. Если твои помощники тебе доверяют, они не усомнятся, когда ты им сообщишь о существовании комитета, который освободит народ и отомстит за угнетение: если у них все же появятся сомнения, это письмо их в этом убедит. Впрочем, можно устроить им встречу с одним из наших, но не со всеми. Это свидание мне кажется до некоторой степени излишним.

Если эти храбрые солдаты хотят сообщить какие-либо сведения, они могут передать их через тебя. Сбор у столяра Дюфура [36], ул. Папийон, № 331.

ПИСЬМО МИНИСТРУ ПОЛИЦИИ [37]

Париж, 23 флореаля IV года [12 мая 1796 г.]

Гражданин министр!

Я прошу вас вызвать меня к себе завтра, 24-го, утром. Я должен сделать вам заявление, которое, как я полагаю, будет чрезвычайно полезно для правительства, спасет и его, и наше отечество.

Привет и братство.

Г. Бабеф

Париж, 23 флореаля IV года Республики

Г. БАБЕФ К ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИИ

Сочтете ли вы, граждане члены Директории, ниже своего достоинства вести со мною переговоры на равных основаниях, как сила с силою? Вы убедились воочию, каким широким доверием я окружен! Вы убедились воочию, что моя партия вполне равносильна вашей! Вы убедились воочию, сколь велики ее разветвления! Я более чем уверен в том, что это повергло вас в трепет.

В ваших ли интересах, в интересах ли родины предать огласке заговор, который вы раскрыли? Не думаю! Я вам докажу, что мое мнение заслуживает доверия.

Что будет, если это дело получит огласку? То, что я в нем сыграю самую блистательную роль: я докажу со всем величием души, со всей известной вам энергией святость этого заговора, своего участия в котором я никогда не отрицал. Отвергая трусливую, протоpенную дорогу запирательств, которой заурядные обвиняемые пользуются с целью добиться оправдания, я позволю себе излагать великие принципы и выступить в защиту вечных прав народа со всеми преимуществами, проистекающими от глубокого проникновения в величие этого предмета; я позволю себе доказать, что подобный процесс является не актом правосудия, что это суд сильного над слабым, угнетателей над угнетенными и их великодушными защитниками. Можно меня осудить на изгнание, на смерть! Но этот приговор немедленно будет оценен как вынесенный преступлением (*зачеркнуто слово*) против бессильной добродетели. Мой эшафот займет славное место рядом с эшафотом Барневелта[38] и Сиднея. Неужели вы хотите, чтобы на следующий день после моей казни мне были воздвигнуты алтари рядом с теми, где ныне поклоняются как славным мученикам Робеспьерам и Гужонам? Это не тот путь, который обеспечивает спокойствие правительствам и правителям.

Вы видели, граждане члены Директории, что, захватив меня, вы ничего не добились: я не весь заговор, далеко не весь. Я всего лишь простое (*одно слово вычеркнуто*) звено в длинной цепи, его составляющей. Вам надо страшиться всех остальных его звеньев не меньше, чем меня. Между тем вы располагаете доказательством того, насколько я не безразличен всем этим людям. Ударив по мне, вы заденете их всех и всех их разгневаете.

Да, вы разгневаете всю демократию Французской республики. А вы знаете теперь, что это не такой пустяк, как вам вначале могло казаться: вы должны признать, что она обладает силой не только в Париже, что нет такой точки в департаментах, где она не имела бы влияния. Вы смогли бы гораздо лучше судить об этом, если бы ваши сбиры захватили большую переписку, давшую возможность составить списки, из которых вы видели только несколько фрагментов. Тщетно пытались пога-

сить священный огонь. Он горит и будет гореть. В отдельные мгновенья может казаться, что он погашен, но с тем большею силою пламя грозит внезапно вырваться наружу.

Неужели вы попытаетесь окончательно избавиться от широкой партии санкюлотов, которая еще не согласилась признать себя побежденной? Допустим даже, что это возможно. Но где вы после этого окажетесь? Вы находитесь отнюдь не в положении того, кто после смерти Кромвеля изгнал несколько тысяч английских республиканцев. Карл II был король, а вы, что ни говори, еще не короли. Вы нуждаетесь в партии, которая бы вас поддерживала. И если партия патриотов исчезнет, вы окажетесь лицом к лицу с роялизмом. Как вы думаете, что он с вами сделает, если вы будете одни против него?

Но, скажете вы, патриоты для нас столь же опасны, как роялисты, а может быть, и больше. Вы ошибаетесь. Обратите внимание на характер начинания, предпринятого патриотами: вы не увидите, чтобы они хотели вашей смерти, и провозглашать нечто подобное — клевета. Я могу вам сказать, что они ее не хотели. Они хотели идти другими путями, а не теми, которыми шел Робеспьер. Они отнюдь не хотели крови[39]. Они хотели заставить вас самих признать, что вы использовали власть для угнетения, что вы ее лишили всех народных форм и гарантий, и они хотели отнять ее у вас. Они не были бы вынуждены сделать это, если бы, следуя обещанию, кажется данному вами после Вандемьера, вы решили бы править по-народному.

Сам я в первых номерах моей газеты хотел вам открыть эту дверь. Я говорил о том, каким образом, по-моему, вы могли бы заслужить благословение народа. Я объяснял, как, на мой взгляд, вы могли бы устранить все то, что в установленном конституцией характере вашего правления противоречит истинным республиканским принципам.

Что же, есть еще время. Оборот, который приняли последние события, может стать полезным и спасительным для вас самих и для общего дела. Неужели вы не пожелаете считаться с моим мнением и моими выводами о том, что в интересах родины и в ваших интересах (*два слова вычеркнуты*) не создавать шума вокруг данного дела. Мне показалось, что и вы намерены действовать осмотрительно; полагаю, что вы поступите правильно. Не думайте, что мое обращение к вам вызвано моей заинтересованностью: та новая, откровенная манера, с которой я непрестанно объявляю себя виновным в том, в чем вы меня обвиняете, показывает вам, что мои действия отнюдь не вызваны слабостью. Смерть или изгнание открыли бы мне путь к бессмертию, и я пошел бы по этому пути с героическим и пылким рвением. Но мое осуждение, но осуждение всех демократов ничего бы вам не дали и не обеспечили бы благо Республики. Я подумал, что в конечном счете вы же не всегда были врагами этой Республики. Вы, несомненно, были даже честными республиканцами; почему бы вам не быть ими и дальше? Почему

не посчитать, что вы, являющиеся (*зачеркнуто слово*) людьми, подобно другим, временно заблуждались под неизбежным воздействием (*зачеркнуто слово*) вызванного обстоятельствами ожесточения, которое толкало вас в иную сторону, нежели нас? Почему бы, наконец, нам всем не отказаться от крайностей и не прийти к разумному компромиссу? У патриотов, у большинства народа кровоточит сердце; надо ли еще более терзать его? Какой будет конечный результат? Не заслуживают ли они, эти патриоты, чтобы их раны не растравляли, а наконец-то лечили? Вы сможете делать добро, как только вы этого захотите, ибо в ваших руках сосредоточена вся сила государственного управления. Граждане члены Директории, правьте по-народному: это все, чего те же патриоты требуют от вас. Говоря таким образом от их имени, я уверен, что они не прервут мои речи. Я уверен в том, что они меня не станут опровергать. Я вижу возможность только одного разумного решения — заявите, что не было никакого серьезного заговора. Сегодня пять человек, проявив себя великими и великодушными, могут спасти родину. Я также ручаюсь вам за то, что патриоты прикроют вас своими телами, и вы более не будете нуждаться в целых армиях для вашей защиты. Патриоты не питают к вам ненависти, они ненавидели только ваши антинародные действия. От своего имени я бы тоже дал вам тогда гарантию, столь же всеобъемлющую, как и моя откровенность. Вы знаете, каким я обладаю влиянием на эту категорию людей, я хочу сказать — на патриотов. Я использую его, чтобы убедить их, что, поскольку вы народ, они должны быть заодно с вами.

Было бы совсем неплохо, если бы в результате этого простого письма во Франции воцарился мир. Предотвратив огласку дела, которому оно посвящено, не предотвратим ли мы тем самым (*зачеркнуто слово*) то, что мешает установлению мира в Европе?

Подписано: Г. Бабеф.

ПИСЬМО ФЕЛИКСУ ЛЕПЕЛЕТЬЕ [40]

Башня Тампль, 26 мессидора IV года [15 июля 1796 г.]

Привет, дорогой Феликс! Не пугайся при виде этих строк, начертанных моею рукой. Я знаю, что все, что несет отпечаток каких-либо отношений со мною, может внушить тревогу. Я — существо, которого все избегают и приближаться к которому считается смертельно опасным. Между тем моя совесть подсказывает мне, что я чист, и мои подлинные друзья, т. е. несколько праведных людей, тоже знают, что мне не в чем себя упрекнуть! Если и они от меня отдаляются, то не из неприязни, а вследствие страха, искусственно внушаемого им злобными людьми, грозящими рассматривать их как преступников и расправиться с ними как с таковыми.

В этих условиях я должен соблюдать осторожность по отношению к хорошим людям, и это требовало бы полного отказа от всяких сношений с ними, дабы не давать им ни малейшего повода для беспокойства. Но те соображения, которые естественно возникают у человека, стоящего на краю могилы, заставляют меня решиться на этот шаг в отношении одного из моих сограждан, особенно мною уважаемого. Я делаю это тем охотнее, что не сомневаюсь: я рискую самое большее лишь слегка потревожить его спокойное существование. Такую жертву можно принести во имя дружбы. Я облегчу ее, о добрый Феликс, поспешив тебя успокоить! Не бойся ничего. Пересылая тебе это послание, мое последнее послание к тебе, я удостоверился в том, что оно безопасно преодолеет все препятствия, могущие встретиться на пути от меня к тебе.

Теперь, конечно, тебе легче читать мое письмо, а мне — закончить то, что необходимо тебе сказать. Мое письмо основывается на том, что я сказал тебе о нашей дружбе. Я назвал тебя другом. Я верил и верю, что могу это сделать. И я посылаю к тебе как к другу с доверием... знаешь ли что? Мое завещание и последнюю волю.

Их исполнение я связываю с предположением, что тебя не вечно будут преследовать... Тираны, упившись моею кровью и кровью нескольких моих несчастных товарищей, возможно, этим удовлетворятся, и их собственные политические расчеты побудят их, быть может, отказаться от первоначального намерения истребить всех республиканцев... С другой стороны, может ведь случиться, что после моего мученического конца рок устанет осыпать ударами нашу Родину, и тогда ее истинные друзья вздохнут спокойно... Если же будет по-другому, я должен потерять всякую надежду в отношении тех, кто меня переживет. Тогда все погибнет в великом отступничестве, которое возвеличит преступление надо всем, что наиболее тесно было связано и ближе всего стояло к добродетели, к справедливости. Творения праведников, память о них, их семьи — все погрузится в вечную ночь, все будет охвачено общим разложением. Если так случится, то не о чем говорить, мне не надо больше заботиться о тех, кто мне дорог. Моя мысль следовала за ними до покоя небытия, последнего неизбежного предела всего сущего.

Я продолжаю исходить из первого предположения... Друг мой! Полагаю, что я остался достойным уважения, сочувствия людей, столь праведных, как ты. Тебя нельзя было увидеть среди тех незадачливых политических макиавеллистов, которые стократно усугубили мои страдания и ускорили мою смерть[41]... Предатели! Приписывая тем, кому они будто бы более всего сочувствовали, низкую и постыдную роль, они изображали меня, все действия которого отныне известны и свидетельствуют о честности моих намерений, об их чистоте! Меня, чьи страдания и нежная любовь к несчастному человечеству настолько очевидны! Меня, столь сердечно и преданно трудившегося ради освобож-

дения моих братьев! Меня, кто в этом великом начинании потерпел лишь одну неудачу после ряда крупнейших успехов, говорящих о том, что я не так уж глуп! .. Они, повторяю, изображали меня жалким и безумным мечтателем или тайным орудием коварных врагов народа... Они не постыдились вторить тиранам, говоря о якобы преступном характере благороднейших усилий, направленных к уничтожению рабства и к тому, чтобы положить конец ужасным несчастьям Родины... Они не постыдились также сваливать на меня одного всю ответственность за это тяжкое преступление, разукрасив его всеми [аксессуарами], коими они рассчитывали в самом деле придать ему видимость преступления, а я между тем был достаточно деликатен, чтобы никого не назвать по имени, я только счел правильным указать на всю коалицию демократов Республики в целом, потому что, во-первых, считал полезным поразить ужасом деспотизм и, во-вторых, потому что полагал, что для любого демократа было бы оскорблением, если не представить его участником начинания, столь для него обязательного, как восстановление Равенства. А что они выиграли, эти фальшивые братья, эти отступники от нашей святой доктрины? Что выиграли они с этой системой, в которой они видели, кажется, верх ловкости? Они добились только того, что сами себя опозорили и привели в замешательство революционеров и народ, которые неизбежно обращаются в беспорядочное бегство при виде отступничества своих вождей. Проявляя такую слабость, они добились еще и того, что придали смелости врагам. Они, наконец, добились того, что ускорили гибель тех, кого более всего старались защитить.

Ты не участвовал в этих мерзостях, о мой друг! Ты уже начал воздавать нам дань уважения, которую подтвердит, быть может, справедливое потомство. Ты нас назвал добродетельными и энергичными республиканцами, доблестными мучениками, к которым ты считаешь честью быть причисленным. Ты сказал, что не понимаешь «тех, кто во время революции проявили силу характера, теперь же их как будто непрестанно преследует трусливый страх перед событиями, и они без глубоких размышлений падают духом и испытывают мучительную горечь... То же самое относится и к тем, кто опускается до подлого ремесла клеветника, и это тем более омерзительно, что они сознательно лгут своей собственной совести...». Но ты сказал также, что ты лучше понимаешь тех, кто, «заметив коренные пороки правления, говорит об этом откровенно, поднимает тревогу несколько раньше, чем дом сгорит весь; тех, кто не устраивает судилище над Революцией, а непрестанно защищает ее...». Ты выразил свои законные опасения, что может, к несчастью, «настать день, когда в глазах французского народа его лучшие друзья, его самые пламенные защитники, те, кто готов был на величайшие жертвы для осуществления его счастья, люди с самой чистой душой окажутся его врагами...». Ты также, по-видимому, имел в виду нас и хотел нам воздать

должное, когда говорил: «Кто борется за Равенство, на того восстают все пороки. Тела праведных людей — ступени алтаря свободы. Уважение к самому себе ставит человека выше всяких мерзостей, и тот уже пожинает плоды, кто выступает в защиту прекрасных учреждений, с помощью которых мораль, восстанавливая природу в своих правах, призывает всех людей как можно теснее сплотиться под знаком мирного Равенства».

К человеку, который так говорит и так же, уверен, думает, я могу обратиться со следующими словами:

Мне не нужно объяснять тебе, что, будучи всецело предан народу, я вовсе не думал о моих личных делах, и отнюдь не предусмотрел того, что может произойти в случае неуспеха, подобного тому, который меня постиг. Я оставляю двух детей и жену, оставляю их без гроша, без средств к существованию уже сейчас. Нет, для такого человека, как Феликс, не будет слишком тяжелым завещанием просьба помочь этим несчастным созданьям не погибнуть от нужды. Дочь Мишеля Леп... поможет ему в этом благородном деле. Склад ее характера, который я имел возможность наблюдать, ее чувствительность, которой нельзя не заметить и которая уже неоднократно проявлялась в отношении несчастных людей, — все это внушает мне полную уверенность относительно того, как она отзовется, когда ты дашь ей прочесть это письмо. Ты позволишь мне наметить приблизительно, что́ я желал бы, чтобы было сделано для этих несчастных, оставляемых мною. Старший из двух моих сыновей, насколько я могу судить по той малости, что была сделана для его воспитания, не будет особенно одарен для занятий науками. Из этого вытекает и другое предположение, что у него не будет честолюбивого стремления играть видную роль на политической сцене: это позволит ему жить спокойнее, и он избежит тяжелой жизни и несчастий, выпавших на долю его отца. Этот ребенок обладает, однако, здравым рассудком и духом независимости, следствием всех тех идей, на которых он воспитан. Я у него выяснял, кем он хотел бы стать. Рабочим, ответил он мне, но рабочим возможно более независимой категории. И он назвал мне профессию печатника. Он, пожалуй, не так уж неправ. И я ничего больше не желаю, как того, чтобы он мог последовать своей склонности [42]. Я ничего не могу сказать в этом отношении насчет его младшего брата: он слишком мал, чтобы можно было разобраться в том, что в нем заложено. Но если я смогу надеяться, что ты сделаешь для него то же, что для его брата, я буду вполне доволен [43]... Г. Б. никогда не жаждал многого ни для самого себя, ни для своих родных. Его честолюбие сводилось к тому, чтобы обеспечить благо народа. Он был бы счастлив, если б знал, что его дети смогут когда-нибудь стать честными и мирными ремесленниками, в коих общество всегда нуждается и которые, следовательно, живя в обществе, никогда не будут испытывать нужды.

Что касается моей жены, ввиду того что она обладает только хозяйственными талантами и скромными добродетелями, свойст-

венными матери семейства, то ей также нужно весьма немногое, чтобы избежать мучительной нужды. Достаточно было бы авансировать ей небольшую сумму, чтобы дать ей возможность завести какое-нибудь очень скромное дело, которое обеспечило бы существование маленькой семье [44].

Помимо этого, мой добрый друг, я попрошу тебя еще об одной милости. Характер и ход моего процесса свидетельствуют, что у меня еще осталось какое-то время до того дня, когда я погибну славной смертью, чтобы искупить действия, которые делают меня великим преступником в глазах врагов человечества. Для меня было бы утешением, если бы моя жена и мои дети проводили меня, так сказать, до подножия алтаря, на котором я буду принесен в жертву. Это было бы для меня намного ценнее, чем духовник. Умоляю тебя, дай им возможность совершить это путешествие, дабы я не был лишен этой последней радости.

Когда тело мое будет предано земле, от меня останется только множество планов, записей, набросков демократических и революционных произведений, посвященных одной и той же важной цели — человеколюбивой системе, за которую я умираю. Моя жена сможет собрать все это, и когда-нибудь, когда стихнут преследования, когда честные люди, возможно, вздохнут свободнее и смогут возложить цветы на наши могилы, когда снова задумаются над средствами обеспечения человечеству счастья, которое мы предлагали, ты разыщешь эти клочки бумаги и представишь всем поборникам Равенства, всем нашим друзьям, хранящим в сердцах наши принципы, ты представишь им, повторяю, в память обо мне собрание различных фрагментов, содержащих то, что развращенные современники называют моими мечтами.

Я кончил. Целую тебя и говорю тебе «прости!»

Г. Бабеф

ВАНДОМСКИЙ ПРОЦЕСС

ПИСЬМО СЕМЬЕ[1]

19 фрюктидора IV года [6 сентября 1796 г.], Вандом

Как вы добрались, мои дорогие друзья? Пешком, вероятно, и вам это было трудно, и вы, видимо, очень устали. Не заболели ли вы? Удалось ли вам найти сносное жилище в этих местах? Ответьте мне на все эти вопросы, которые меня тревожат, в ожидании того, что вы устно расскажете все, до малейших подробностей, в тот день, когда я испытаю удовольствие, которого я уже так давно лишен, обнять вас, разговаривать с вами, увидеть вас. Как вам вчера сказали, это произойдет скоро. Это будет тогда, когда закончат сооружение коридора для разговоров, и архитектору уже рекомендовали выполнить эту работу быстрее, чем все остальные. Тем не менее неопределенность этого срока меня удручает. Я так давно вас не видел: а вы так заслуживаете моего внимания, моей любви! .. Прекрасная мать, прекрасный ребенок, разве я не должен ускорить, если только это в моих силах, ту минуту, когда я смогу заключить вас в мои объятия. Я буду писать, я напишу сейчас же в муниципалитет и буду молить ускорить наше свидание, предоставить его, если возможно, сегодня же. Как вы устроили моего Камилла? Бедный, дорогой ребенок! Только он не мог следовать за своим нежным отцом... Наверное, он будет из-за этого плакать, он, верно, уже плакал. Его молодая душа, выросшая в самой нежной простоте, давно уже познала природу и ее самые трогательные привязанности. Почему он еще так слаб, он мог бы вас сопровождать в этих страшных условиях, и как счастлив был бы Гракх Бабеф. Сообщите же мне все новости об этом юном существе. Сообщите мне, куда вы его поместили? Как он сможет жить во время вашего отсутствия. Несколько слов о моих делах, по поводу которых вы, как мне вчера показалось, беспокоились. В пути нам было неплохо. Мы только одну ночь провели в тюрьме, и это было в Рамбуйе. Нам не пришлось тратить ничего своего, и с нами всюду хорошо обращались, и точно так же здесь. В полдень нам дают суп, вареное мясо, овощное блюдо, а вечером — опять овощное блюдо; каждый день дают бутылку вина. Нас торопят. Я не буду затягивать письмо, чтобы вы поскорее его получили. Ответьте мне.

Прощайте, мои дорогие друзья.

ПИСЬМО ЖЕНЕ[2]

25 фрюктидора IV года [12 сентября 1796 г.]

Вчера, мой дорогой друг, я написал тебе два письма; в приложенной записке я требую их у муниципалитета; я надеюсь, что последний их тебе передаст. Не могу представить, по чьей вине ты до сих пор не получила их. Посылаю тебе ходатайство, о котором ты просишь. Уверен, что тебе его передадут немедленно и что ты добьешься всего, в чем немыслимо отказать человеку, находящемуся в твоем положении. Этот ответ я отправляю в муниципалитет с нарочным, возможность чего мне любезно предоставил надсмотрщик. Целую тебя и Эмиля. Отвечайте мне сегодня же, не заставляйте меня тревожиться.

Г. Бабеф

ПИСЬМО ЖЕНЕ

3 санкюлотида IV года [19 сентября 1796 г.]

Вчера, мой друг, я не получил от тебя известий. Правда, я тебе тоже не написал. Но что я мог бы сказать? Раз нам не дают видеться, а наши письма просматриваются цензорами, я вынужден замкнуться в однообразном круге ничтожных, бесконечно повторяемых мелочей. «Добрый день», «добрый вечер», «как поживаете», «я тоже чувствую себя неплохо»... — вот чем должна ограничиться наша переписка. Откровенные дружеские излияния для нас совершенно невозможны; как же предаваться им под бдительным оком аргусов, только и ждущих случая, чтобы с выгодой для себя использовать все наши замечания, чтобы сообщить нашим врагам все то, что мы осмелимся высказать против них, и чтобы поиздеваться над нами, если мы предадимся размышлению над нашими невзгодами. Приходится, следовательно, каждый день замыкаться в тесных рамках общих мест. Это постоянное повторение утомляет и вызывает отвращение. Вот почему я вчера ничего вам не писал. Однако я не собираюсь превращать подобное молчание в привычку, так как даже самые скупые известия о вашем здоровье для меня далеко не безразличны, как и вас глубоко трогают сведения о моем. Надо также признаться, что мое молчание, которое до получения этого письма вас, наверное, сильно беспокоило, вызвано отчасти моими занятиями; вы ведь знаете, с каким трудом я отрываюсь от работы, когда я в нее погружен.

Получил позавчера белье и письмо от Эмиля. Возвращаю вам грязное белье — рубашку, кальсоны, шейный платок, носовой платок, ночной колпак, пару чулок. Пришлите мне немного растительного масла и сапожную щетку. Постараюсь до завтра улучить время, чтобы написать письма, о которых вы мне говорили в связи с Камиллом[3] и прочими делами, и пришлю их вам. Целую и приветствую вас, затем сообщаю, что сегодня я себя чувствую недурно, напишите мне, так ли обстоит дело и у вас.

Г. Бабеф

ПИСЬМО СЕМЬЕ

1 вандемьера V года Республики [22 сентября 1796 г.]

Вчера вечером я получил письмо от сына. Он ошибается, думая, будто я в своем письме упрекал его. Пусть он поймет, что никогда ничего подобного я не делал. Я лишь давал ему советы. Прежде чем что-либо решить по поводу его намерения посещать центральную школу, я хотел бы получить сведения о том, чему там обучают и каким методом. Было бы хорошо, если бы вы разыскали кого-нибудь, кто сумел бы мне это разъяснить во всех деталях.

Я прошу вас попытаться передать мне белье нынче же вечером. Кажется, завтра мы будем вызваны на заседание Верховного суда для разбора нашего протеста [4]. Думаю, заседание это будет публичным, и я надеюсь на ваше присутствие.

Сообщите, насколько хорошо вы устроились здесь, не испытываете ли в чем-нибудь недостатка, учитывая, что до сих пор не имеете связи с Парижем. Я бы постарался на это время обеспечить вас необходимым, если вы в самом деле испытываете нужду. Целую вас, до свидания.

Г. Бабеф

ПИСЬМО СЕМЬЕ

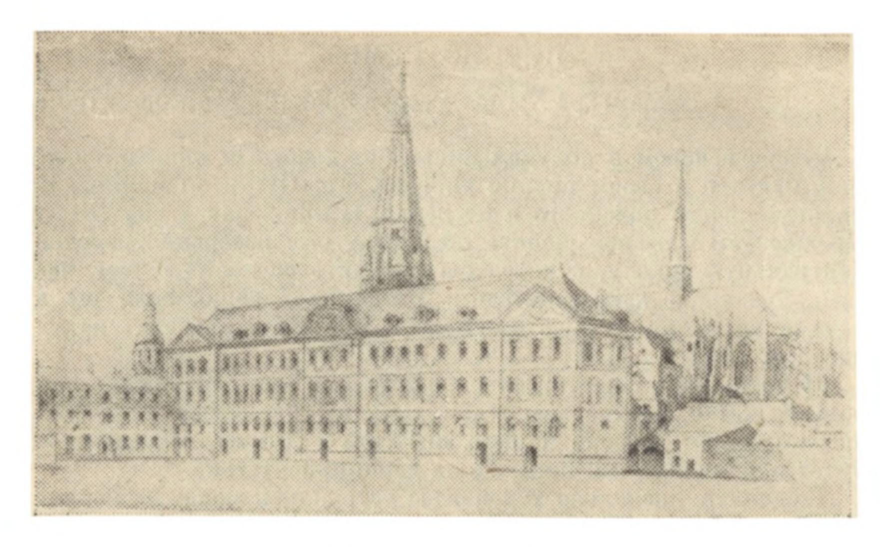
3 вандемьера V года Республики [24 сентября 1796 г.]

Получил, мои дорогие, все ваши письма, а именно: третьего дня два от Эмиля вместе с бельем, одно вчера от его матери и последнее вчера вечером от него самого. Еще до того, как вы мне сообщили, я узнал, что судебное заседание откладывается еще на некоторое время ввиду необходимости обсудить наш протест. Я одобряю то, что вы мне пишете по поводу просьбы об установлении связи; можете не сомневаться, я не меньше вас хотел бы пользоваться ею; но я вас уже просил положиться в этом деле на мое благоразумие; будьте уверены, я буду действовать, когда это понадобится, и там, где понадобится.

Меня очень опечалило твое признание, дорогая жена, в нужде, которую ты испытываешь. Я не думал, что ты находишься в таком положении. Но я немедленно начну искать средства помочь тебе. С этой целью я напишу разным лицам и уверен, что очень скоро смогу успокоить тебя. Итак, постарайся как-нибудь продержаться еще несколько дней и не беспокойся.

Теперь очередь моего Эмиля.

Я на самом деле думаю, мой друг, что избранный тобой способ лучше, чем посещение школы, и я с большим удовольствием приму его и помогу тебе. Возвращаю тебе исправленную работу и жду продолжения в ближайшем будущем. Переписываешь ты совсем недурно: ошибок не слишком много, и видно, что при внимательном отношении к делу ты сможешь кое-чего добиться. Чтобы научиться чему-нибудь, нужно сильное желание, это пер-

Вид вандомской тюрьмы (бывшее аббатство), в которую был заключен Бабеф

вое и главное условие. Все то, к чему по-настоящему стремишься, обычно удается. Значит, чтобы добиться успеха, почти всегда достаточно лишь сильно желать этого. Переписывать неплохо, это создает привычку писать слова правильно. Но одного переписывания недостаточно. Привычка, простое запоминание дают лишь смутные и неопределенные представления о правописании. Только правила и принципы обеспечивают прочные знания[5]. Те, кто, изучая какой-нибудь предмет, ограничивается переписыванием, походят на людей, желающих играть на скрипке, не зная нот. И те и другие могут лишь приобрести коекакие навыки, да и то с большими изъянами. Людям, которые ничего не смыслят в этом, кажется, что и те и другие довольно успешно справляются со своим делом; но тем, кто понимает больше, ясна истина. Они видят, что один не музыкант, что его инструмент издает только фальшивые звуки, а другой не знает своего родного языка и делает ошибки почти в каждом слове. Следовательно, чтобы достигнуть в чем-либо мастерства, обязательно нужно изучить лежащие в его основе правила и принципы. Музыкант должен знать ноты и звуки, соответствующие каждой из них. Чтобы хорошо говорить и писать, требуется то же самое: правила значат здесь то же, что в музыке ноты. Вдобавок изучение правил имеет по сравнению с простым заучиванием то преимущество, что оно сокращает обучение и значительно его облегчает. Ведь правила применяются к бесконечному множеству случаев, так что, если знаешь правило, относящееся к одному слову, его можно применять к тысяче других слов; один-единственный урок дает возможность ознакомиться со строением всех подобных слов. Наоборот, при простом заучи-

вании нельзя сделать какие-либо обобщения, и кажется, будто надо запоминать правописание каждого слова в отдельности; такому учению нет конца, и оно никогда не даст хороших результатов. Полагаю, что ты в состоянии понять все это и что тебе полезно узнать об этом перед началом занятий. Итак, раз ты хочешь, чтобы я был твоим единственным наставником, советую тебе не увлекаться главным образом переписыванием. Однако не следует и совсем от него отказываться: как я тебе уже говорил, этот способ хорош для приобретения общих навыков, чтобы привыкнуть к написанию большинства слов в языке. Но, чтобы добиться более верных успехов, чтобы получить более определенные знания, нам нужно будет вместе изучать основы грамматики. Ты один, по всей вероятности, не разберешься в них. Я тебе буду помогать, излагая эти правила так, чтобы они были тебе понятны. Ты, конечно, помнишь, что мы уже как-то начинали такие занятия. Надо их продолжить. Завтра же я к этому приступлю. Ты будешь переписывать, заучивать наизусть и вдумываться в то, что я тебе стану ежедневно посылать. Это не помешает и тебе посылать мне тоже ежедневно одну или две переписанные тобою страницы, вроде той работы, которую ты мне уже послал. Скажи, согласен ли ты на это? Прощай. Всего хорошего, мой маленький товарищ.

Привет и братство

Г. Бабеф

ПИСЬМО ЖЕНЕ

5 вандемьера V года [26 сентября 1796 г.]

Получил вчера вечером, мой дорогой друг, письмо Эмиля, как раз когда я отправлял ему то, что он просит на основании моего обещания. Сегодня вечером пошлю продолжение. Пишу вам сегодня утром, только чтобы сообщить, что я здоров, и переслать вам 36 ливров. Вчера вечером я видел письмо гражданина Жома[6], официального защитника гр-на Рикора, где он заявляет, что, по его мнению, нецелесообразно предавать слишком широкой гласности, путем печатания, наш протест, копию которого мы ему послали. Мы не только [не] придерживаемся* подобного мнения, но считаем даже, что это нужно сделать возможно быстрее. Поэтому я прошу тебя показать мое письмо гражданину Жому и гражданке Лэньело[7], чтобы они убедились в необходимости не доверять этот текст почте: помимо того, что это может отнять много времени, могут возникнуть и другие неудобства. Следовательно, нужно, чтобы кто-нибудь, не теряя ни минуты, отправился в Париж и не выходил из типографии, пока все не будет сделано; т. е. самое главное, чтобы он наблюдал за печатанием и неотступно следил за рабочими. Если не знают, кому

* *По-видимому, в оригинале описка: пропущено отрицание, что лишает текст смысла.*

поручить печатание, то мы можем указать двух типографов, которые, по нашему мнению, быстро справятся с этим делом. Вот их адреса:

Первый: Камю, ул. Университе, [Сен-]Жерменское предместье, № 139 или 926.

Второй: Розе, ул. Труа Канет, квартал Сите, № 10. Гр-н Рикор, кроме того, напишет еще по этому поводу гражданину Жому. Привет. Обнимаю вас.

Я действительно посылаю вам 36 ливров.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

6 вандемьера V года Республики [27 сентября 1796 г.]

Получил сегодня утром твое письмо, мой дорогой друг. Рикор дал Жому все необходимые инструкции относительно печатания нашего протеста. Если бы мне не было так приятно твое присутствие здесь, я бы попросил тебя поехать в Париж, чтобы ускорить печатание, а также содействовать распространению брошюры. Я уверен, что благодаря твоим многочисленным знакомым, которые могли бы приобрести эту брошюру, и твоей опытности в распространении подобных изданий, ты очень помогла бы нам достать средства не только для покрытия необходимых предварительных расходов, но и сверх того. Но пусть пройдет еще несколько дней: не исключено, что мы обсудим, не окажутся ли эти хлопоты полезными для всех нас и, в частности, не вознаградят ли они тебя за беспокойство, которое они тебе причинят. Я получил письменную работу моего сына, она неплохо выполнена. Передай ему, что я ему напишу. Обнимаю вас обоих.

Г. Бабеф.

К моему огорчению, я смогу написать Эмилю только завтра утром. Пришли мне, если можешь, к 8-му числу еще белья. Посылаю тебе грязное: рубашку, пару чулок, шейный платок, носовой платок.

ПИСЬМО БАЛЛИЕ[8]

6 вандемьера V года [27 сентября 1796 г.]

Гражданин!

Вы меня очень обяжете, если передадите гражданке Бабеф просьбу послать мне следующие газеты: «Le Révélateur», «La Gazette française», «Le Journal général», «L'Ami des lois» начиная с того времени, как мы их больше не видели из-за перерыва нашей связи[9]. Не откажите мне в любезности сказать ей, чтобы она взяла «Газету Верховного суда» Эзина за то же время, т. е. после 56-го номера. Наконец, я прошу ее передать часть работы, посвященной моей защите, которая должна сейчас печататься. Вы меня обяжете, если сообщите ей все это.

ПИСЬМО СЕМЬЕ

8 вандемьера V года Республики [29 сентября 1796 г.]

Получил вчера вечером, мой дорогой друг, письмо от тебя и письмо от Эмиля, а также чистое белье. Не посылаю тебе грязного потому, что чистое мне понадобится только через несколько дней, и то лишь в случае, если это будет действительно необходимо. Мы узнали об отъезде гражданки Лэньело, и, как и ты, мы рады, что она взяла на себя это поручение, так как уверены, что она его хорошо выполнит. Сегодня я тебе много писать не стану. Я огорчен. То, что я узнал о поведении моего сына, никак не может доставить мне удовольствия. Ты знаешь, как мне тяжело его бранить. Однако я принужден это сделать. Я знаю, что это плохое средство, но, может быть, оно пойдет ему на пользу. Я надеюсь на это, так как мне больше нечем утешиться. Покидаю тебя, чтобы поговорить с ним.

Добрый вечер.

Г. Бабеф

Эмилю. Я знаю, как ты проводишь время, мой дорогой друг. Есть люди, которые видят тебя и обо всем мне рассказывают. Ты вечно у реки и на улице; мама часто вынуждена тебя разыскивать и обычно находит тебя резвящимся в компании отъявленных сорванцов. Сам ты мне об этом ничего не сообщаешь. Если бы ты совершал только хорошие и похвальные поступки, ты не стеснялся бы говорить о них и, конечно, без колебаний описывал бы мне в конце каждого дня, как ты его провел. Место ли тебе на улице, у реки и в компании дурно воспитанных бездельников? Эти последние дни я пытался найти причину, почему у тебя ничего не укладывается в голове. Теперь это меня больше не удивляет. Ты живешь, ты думаешь, ты дышишь в атмосфере легкомыслия и праздности! .. Все люди, которые ведут подобный образ жизни, такие же, как и ты, невежды и шалопаи; это трутни в улье: пчелы, т. е. труженики, дают мед, а другие его поедают. Ты уже большой мальчик: неужели ты не задумался над тем, что вот уже десять лет, как ты живешь на счет общества? Оно ссудило тебе средства на это, оно работало для тебя в надежде, что, когда ты станешь мужчиной, ты возместишь эти расходы и сам в свою очередь поможешь вырастить других маленьких мужчин, которые еще не в состоянии работать наравне с другими. Как же ты сможешь этого достигнуть, если не хочешь ничему учиться? Обрати внимание на то, что для овладения даже наименее сложным, даже самым простым ремеслом нужно усердно учиться и, мало того, им нужно заниматься с утра до вечера. Пойми же, что если ты собираешься научиться не совсем простым вещам, то тебе потребуется для этого еще больше усердия. Нужно будет посвящать этому все твое время. Хочу верить, что до сих пор тебе служила некоторым оправданием твоя крайняя молодость. Но теперь ты уже достиг сознательного возраста

и можешь здраво рассуждать. А если ты не сделаешь этого даже теперь, когда тебе об этом напоминают, то тебя уже придется признать действительно виновным. Я отлично знаю, что молодежи нужны развлечения, и я вовсе не хочу совершенно лишать их тебя. Я прекрасно помню, что когда я был маленьким шалуном вроде тебя и начинал игру, то никакими силами нельзя было меня отвлечь от нее. Казалось, что я пригвожден к месту, и я считал, что, кроме игры, на свете нет ничего приятного. Но надо тебе сказать, что, как только я принялся за учение и сделал первые успехи, я стал находить в нем гораздо больше удовольствия, чем в общении с моими товарищами, и в конце концов бросил все и стал только заниматься[10]. Если ты только захочешь, то и с тобой произойдет то же самое, и это соображение, а также то, что ты, конечно, не собираешься стать трутнем, заставляет меня думать, что ты примешь решение, которое больше способно меня удовлетворить. Чтобы добиться успеха, надо принять известные меры. Заставь себя ежедневно отчитываться передо мной в том, как ты проводишь время. Эта обязанность, которую ты на себя возложишь, безусловно, вынудит тебя вести себя так, чтобы ты мог сообщать мне только хорошие вести, так как тебе будет больно посылать мне дурные. А если тебе и придется когда-либо это сделать, то это тоже пойдет тебе на пользу. Я тебя побраню, как сейчас, и, полагаю, ты сам признаешь, что время от времени такие внушения не причинят тебе вреда. Вернемся к тому, что я только что тебе говорил. Я признал, что в твоем возрасте развлечения необходимы. Вот в чем, по-моему, они должны заключаться: попроси маму, чтобы она ежедневно совершала с тобой небольшие прогулки. Она, я уверен, охотно согласится, а ты вознаградишь ее тем, что будешь проводить с ней весь день. Утешай ее во всех ее горестях и старайся быть постоянно рядом с ней. Таким образом тебе удастся научиться чему-либо и в то же время выполнить свой долг хорошего сына. Устраивает ли это тебя? Скажи мне. Хочешь ли ты, чтобы я называл тебя трутнем? Это очень постыдное прозвище, и, честное слово, ты заслужишь его, если не извлечешь урок из того, что я только что сказал тебе. Чтобы ты лучше его затвердил, я сегодня им ограничусь. Перепиши и пришли его мне вместе с ежедневным отчетом в таком духе, как я тебе писал. Этого тебе хватит на весь завтрашний день. Если ты спросишь, чем заполнить остальные дни, то мне совсем нетрудно будет тебе ответить; ведь ты, кажется, часто проводишь все время в игре под тем предлогом, что я ничего тебе не задаю. Но если ты захочешь быть добросовестным и постараешься разобраться как следует в твоих мыслях, то обнаружишь, что именно твоя страсть к игре заставляет тебя приводить такие доводы. Разве я тебе не говорил уже, что в случае, если я не смогу прислать тебе определенный урок, ты можешь сам заполнить свободное время, занимаясь чтением, переписыванием, чем угодно. Я прощаюсь с тобой без всякого дурного чувства. Мы не поссорились. Начиная это

письмо, я был несколько раздражен. Но, подумав хорошенько, я решил — еще до того, как ты сам мне об этом скажешь, — что ты серьезно примешься за свое исправление, и вовсе перестал сердиться.

Передай маме, что я здоров. Скажи ей также, что, по моему мнению, гражданка Лэньело постарается ускорить пересылку денег, которые она ожидала из Парижа; но, если это затянется еще надолго, сообщите мне, и я перешлю вам то, что у меня осталось. Вы не должны отказывать себе ни в чем решительно, что вам абсолютно необходимо.

Твой папа Г. Бабеф

ПИСЬМО СЕМЬЕ

10 вандемьера V года [1 октября 1796 г.]

Почему, милый друг, ты говоришь, будто я не писал тебе четыре дня? Посчитай лучше — ты увидишь, как ты ошибаешься. Но, впрочем, после того, как ты мне об этом написала, ты, по-видимому, получила и последнее мое письмо, и это делает твои расчеты еще более ошибочными, так как ответ Эмиля свидетельствует об его получении. Я очень далек от каких бы то ни было обид на постоянные твои сетования: ведь я отлично понимаю чувства, которыми они продиктованы. Не сердись же и ты на меня, если я дольше обычного задерживаю отсылку сообщений о себе; раз навсегда имей в виду, что это случается тогда, когда я занят чем-то мне необходимым. И ты, и я — мы оба уже вышли из возраста химер. Жеманным юнцам и девицам позволительно тревожиться, падать в обмороки, не имея сведений друг о друге в течение двух или трех часов: для нас это было бы смешно.

Не тревожься о моем здоровье; я чувствую себя хорошо, с большим удовлетворением прочитал я известие о моем Камилле. Когда захочешь и найдешь это нужным, давай напишем ему еще; по-моему, наши письма доставляют славному мальчугану большую радость. Из-за одного этого я готов писать ему возможно чаще.

Разрешение тебе продлить здесь свое пребывание не беспокоило меня: я был уверен, что для его получения нет нужды в специальных хлопотах. То, что ты действительно законная супруга, вполне подтверждает и твой паспорт, и свидетельство общественного мнения, и ребенок, который тебя сопровождает, и весь твой внешний вид, никак не позволяющий принять тебя за куртизанку. Не понимаю, на каком основании кто-то мог это заподозрить, разве только из желания нанести тебе оскорбление.

Прощай. Оставляю тебя, чтобы поговорить с Эмилем.

Твой муж Г. Бабеф

Эмилю Бабефу.

Почему, дружок, ты ничего не пишешь о твоих ходулях? По слухам, они прибавляют тебе роста, с их помощью ты переправляешься через речку... Все это славно, однако в восторг меня не приводит. Боюсь, как бы ходульное величие не оставило бы тебя убогим в умственном отношении, и вчерашнее твое письмо такую мою тревогу подтвердило. Ты обвиняешь меня, будто бы я намереваюсь тебя заглатывать; я понимаю, что ты хотел сказать: оскорбить*. Я с грустью вижу, что тебе одинаково незнакомо как значение этого слова, так и его написание, а причина того — твои ходули и тому подобные вещи. То, о чем я писал тебе в предыдущем письме, отнюдь не является оскорблением, как не является им и то, о чем я пишу здесь. Вот следствие того недостатка, против которого я всегда тебя предостерегал. Я тебе говорил, что никогда не следует повторять слова, как попугай; что обязательно нужно точно представлять себе значение слов, которые собираешься употреблять; что самые простые слова требуют ясного их понимания, если ты решаешься пустить их в ход, потому что в противном случае рискуешь попасть в положение пустомели. Постарайся усвоить этот урок. Он один из первых и один из самых важных.

Вчера ты поторопился с отчетом, которого я у тебя просил. Ты удовольствовался словами: «Сегодня я, насколько хватило сил, старался сдерживать себя». Это очень хорошо, но мне из этого неясна мера твоих усилий. Какова была степень сдерживания? Похоже, кроме того, что привычка сильно укоренилась. «Я старался, насколько хватило сил». Это свидетельствует о трудностях, свидетельствует о чем-то, что обходится дорого, наконец, свидетельствует о силе той склонности, которую приходится обуздывать. Но, «стараясь» этого достичь, ты, очевидно, добился успеха, лишь «насколько хватило сил», т. е., надо полагать, вовсе не долго удержался на своих ходулях. Я чувствую здесь нечто меня огорчающее. Если для успеха ты сделал лишь небольшое усилие, пока урок еще свеж в памяти, то, едва он несколько потускнеет в твоем воспоминании, усилие твое станет еще меньшим. Сегодня он уже произведет на тебя лишь незначительное впечатление, завтра ты о нем вовсе позабудешь. Вот что я вычитал из твоей простой фразы. Ты поймешь отсюда, что я догадлив; не говоря мне всего, много ты не выиграешь. Отныне, пожалуйста, говори обо всем начистоту. Я полагаю, ты искренне хочешь исправиться; отлично: тогда прими мою помощь. Один честный человек говорил, что он не боится, если его поступки станут известными всем, потому что он всегда поступает хорошо; он даже желал бы жить в доме со стеклянными стенами: тогда любой мог бы стать свидетелем его поступков. Мы все должны бы быть такими же. Итак, я советую тебе говорить мне все,

---

* *Эмиль по ошибке вместо слова «injures» написал «ingures».*

тогда я по-дружески смогу направить тебя, когда ты собьешься с пути. Я не даю тебе иного задания, пока не расскажешь мне о своих в этом отношении намерениях: дело в том, что принимать на себя труд учить кого-нибудь стоит лишь тогда, когда вполне убежден, что воспитанник этого достоин и что усилия не пропадут даром.

Б.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

11 вандемьера V года Республики [2 октября 1796 г.]

Гражданке Бабеф

Гражданин Рикор передал мне письмо, которое ему написал вчера гр-н Жом. Там сообщается, что так как парижскому типографу для печатания нашего протеста требуется значительно больше времени, чем мы предполагали, возник вопрос, настаиваем ли мы на том, чтобы его печатать; полагают, что вряд ли это принесет особенную пользу в случае, если решение по поводу протеста будет вынесено до его опубликования. Рикор ответил, что протест должен быть напечатан в любом случае и неверно, будто мы считаем бесполезным предание его гласности даже после какого-либо постановления Верховного суда [11]. Кроме того, по моему мнению, нельзя с уверенностью утверждать, что, если даже печатание затянется, оно не сможет закончиться еще до решения Верховного суда. Начало прений по этому протесту отложено с 15-го на 17-е, и так как судьи должны предать это первое обсуждение такой огласке и уделить ему столько времени, как того требуют затрагиваемые нами в протесте важные вопросы, то и мы, со своей стороны, должны добиваться наибольшей свободы действий и применения всех возможных средств. Прошу тебя поэтому ознакомить с моими замечаниями гражданина Жома, показав ему это письмо, и пусть он подумает, не стоит ли сообщить их в Париж лицам, коим поручено следить за печатанием. К тому же хорошо было бы обратить внимание гражданина Жома еще на некоторые другие обстоятельства. В качестве одного из доводов против печатания приводится, кажется, опасение, что протест, если он появится после решения суда, не разойдется и не окупит расходов. Настоятельно необходимо тотчас же написать в Париж, что такие мелкие соображения никак не должны нас останавливать. Ведь главной целью нашей работы была не продажа брошюры; мы готовы раздавать ее даром, если это потребуется. Я со своей стороны могу добавить, что если затрудняются найти средства для печатания, то я их раздобуду. Я напишу в Париж одному человеку, который снабдит нас бумагой, полностью или хотя бы почти полностью. И, чтобы устранить все препятствия, чтобы печатание шло без всяких задержек, я вторично сообщаю адрес типографа, который, я вполне уверен, очень быстро сделает то, что нам нужно: Гр-н Розе, квартал Сите, ул. Труа Канет, № 10. Этот адрес — один из тех двух, которые

я уже посылал. Но я сильно подозреваю, что сперва обратились по другому адресу и что именно с этой стороны возникли осложнения, о которых идет речь. Гражданин Жом должен был бы втолковать этим людям, что, коль скоро мы тверды в своем решении, не следует более ни с кем советоваться; нам виднее, чем кому-либо другому, чтó нам полезно и как нам поступать; все соображения о мнимой целесообразности, на которые могли бы сослаться, вызывают у нас лишь презрительное сожаление.

Возвращаю грязное белье: рубашку, галстук, носовой платок, ночной колпак, пару чулок, кальсоны и полотенце. Утром я был озадачен, заметив, что вместо одной из моих рубашек ты прислала мне рубашку сына. Я уже всунул руки в рукава, когда заметил, что рукава мне что-то тесноваты: я вышел из положения, разрезав их, и дело пошло на лад. Теперь тебе только предстоит сшить то, что я распорол.

Последний урок Эмиля не так уж плох. Он довольно точно переписал то, что было задано. Когда перерисовываешь, нетрудно подражать тому, что видишь в подлиннике. Но я уже неоднократно говорил Эмилю, что это не дает настоящих знаний. Принципы, принципы, вот что надо главным образом усвоить. Жду его ответа на мое вчерашнее письмо, чтобы вновь направить его на этот путь. Твои слова снова внушают мне надежду, что он исправится. Пусть только он не забывает, что недостаточно раскаиваться, плакать и хорошо себя вести в течение одного дня, но что надо принять твердое решение и на долгий срок. Передай ему, что я его целую и желаю всего хорошего. То же относится и к тебе.

Твой друг Г. Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ

13 вандемьера V года Республики [4 октября 1796 г.]

Я получил, друг мой, два твоих вчерашних письма. Я был удивлен, узнав из них, что вы до сих пор не получили письма, отправленного мною третьего дня вместе со связкой белья, и двух писем, датированных вчерашним днем. Это составляет в сумме три письма, получение которых вы мне должны подтвердить, да вдобавок еще вот это. Из двух вчерашних одно, утреннее, содержало республиканский гимн, а другое, вечернее, — урок и письмо для гражданки Гийешар из Парижа, касающееся твоего брата Камилла.

Я возвращаю тебе исправленной твою песенку о котенке и оба вчерашних сочинения. Я нахожу их совершенно правильными, настолько правильными, что в них почти нечего переделывать. Итак, дело пойдет: продолжай, работай с тем же прилежанием, с той же усидчивостью — большего и не требуется.

Однако я не хочу, чтобы ты изнурял себя работой. Несколько дней назад мама говорила мне, что ты отказался от починки

твоих ходуль. Я этого вовсе не требовал, как не требую, чтобы ты лишал себя развлечений, напротив, я говорил тебе, что ты ежедневно должен вместе с мамой ходить гулять. В этом случае ты мог бы иногда брать с собой и свои ходули.

Поцелуй за меня маму и будь здоров.

Твой папа Г. Бабеф

ПИСЬМО ЖЕНЕ

15 вандемьера V года [6 октября 1796 г.]

Дорогой друг, вчера я не получил от тебя письма. Что это значит?

Я надеюсь все же, что и ты, и сын здоровы. Избавь меня от тревоги из-за твоего молчания. Ты до сих пор не сообщила мне о получении двух моих писем от 13-го и еще одного, вчерашнего, от 14-го.

До свидания. Нежно целую вас Г. Бабеф

ПИСЬМО СЕМЬЕ

18 вандемьера [V года — 9 октября 1796 г.]

Письмо Эмиля я получил в полдень. Он жалуется, что написал мне пять писем, на которые вы не получили ответов. Я получил их все. Я уже писал вам вчера вечером, большое письмо написал нынче утром и теперь пишу в третий раз. Чувствую себя хорошо, не беспокойтесь. Если можете, то и со своей стороны успокойте меня в этом отношении. Надо полагать, что и вы получите все мои письма. Завтра утром я отошлю Эмилю его исправленное сочинение о речи Фуше, депутата от Нанта. До свидания, дорогие друзья. Тысяча нежных поцелуев.

Г. Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ

19 вандемьера V года, утро [10 октября 1796 г.]

Дела, мой друг, идут отлично. В сочинении, которое я тебе возвращаю, почти нет ошибок. Ты видишь справедливость пословицы: «Дело делу учит». Говоря вообще, это значит, что, если хочешь стать умелым мастером, упражняйся в своем ремесле.

Сейчас я должен тебе разъяснить одну очень существенную ошибку, часто тобой допускаемую. Ты путаешь слова «et» и «est» *. Почти всегда ты пишешь «est». Однако это совершенно разные слова, и между ними существует принципиальное различие. «Et» в грамматике определяется термином «союз», т. е. словом, служащим для соединения двух вещей, например «ты и я», «я и твоя мама». Слово же «est» называется глаголом, произведено от глагола «быть», т. е. «являться», «существовать»; оно

* *«et» — союз «и»; «est» — 3 лицо ед. числа глагола «быть».*

служит для обозначения всех налично существующих вещей, например «он является сильным», «он является великим», «он является мощным». Это все равно как сказать: «такой-то существует через свою силу, через свое величие, через свою мощь». Я прекрасно понимаю, что для лучшего усвоения этих различий между союзами и глаголами следовало бы многому научить тебя ранее. Данный урок выпадает из общей цепи твоих занятий, и я перешагиваю через ряд правил, еще тебе не объясненных. Но, повторяю, твоя ошибка слишком существенна, и мне неприятно видеть, как ты постоянно допускаешь ее.

Я отправляю маме грязное белье, пару чулок, ночной колпак, галстук и носовой платок. Старую рубаху отошлю только завтра. Здесь есть прачка, бесплатно обслуживающая все заведение. Я мог бы воспользоваться ее услугами, но убежден, что мама предпочитает стирать для меня сама.

Прощай, целую вас обоих — и ее, и тебя — от всего сердца.

Г. Бабеф

ПИСЬМО СЕМЬЕ

20 вандемьера V года, утром [11 октября 1796 г.]

Дорогая жена, твое вчерашнее письмо получил, и твое, дружок, тоже получил. Чувствую себя хорошо. Вечером напишу вам побольше.

До свидания

Ваш добрый друг Г. Бабеф

ПИСЬМО ЖЕНЕ

11 брюмера V года [1 ноября 1796 г.]

Мой милый друг, твое сегодняшнее утреннее письмо я получил. 13-го числа я вновь предстану перед председателем [12] и думаю в этот день закончить с ним. Надеюсь тотчас же добиться свидания с тобой. Вот два исправленных сочинения Эмиля, которые я отсылаю ему. Я получил 20-й номер газеты Судри и Рузе [13]; если выйдут еще другие номера, то доставь мне удовольствие и перешли их тоже. Добрый вечер. От всего сердца целую вас. Чувствую себя все время сносно.

Г. Бабеф

Отсылаю сыну и третий урок, только что полученный мной в приложении к его сегодняшнему вечернему письму.

12-го утром. Здравствуйте. Вчерашнее мое письмо так и осталось весь вечер у меня в руках. В задержке виноват только я сам: я забыл вам сказать, что имел радость видеть вас обоих во время вашей прогулки по горе. Погода была прекрасная, вы правильно делаете, пользуясь такой хорошей погодой.

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОМУ

25 фримера V года [15 декабря 1796 г.], Вандом

Гражданин,

Я с вами незнаком и тем не менее обращаюсь к вам только для того, чтобы просить вас об услуге. Ни в коем случае не относите этого поступка ни на счет моей чрезмерной бесцеремонности, ни на счет моей навязчивой откровенности. Это результат крайней необходимости взывать о помощи к любому возвышенному сердцу, а репутация ваша, как и всей вашей семьи, ставшая известной и мне, внушила мне мысль обратиться к вам.

Враги и угнетатели народа (говоря с вами, я могу смело пользоваться таким языком), враги народа, говорю я, отправили сюда его друзей и защитников; близкие этих последних отправились за ними, движимые лишь супружеской, сыновней и братской любовью, не считаясь более ни с чем. А поскольку свобода никогда не обогащала своих горячих приверженцев, то вышло так, что наши жены и наши дети, явившись сюда вслед за нами, оказались тут совсем без средств и без возможности поддержать свое существование.

В частности, в таком именно положении находятся моя жена и мой сын. До сих пор честные люди, не лишенные человеколюбия, позволяли мне делиться моим тюремным пайком с моими близкими и тем хоть немного поддерживать их плачевное существование. Но другое тяжкое затруднение свалилось на их плечи. Человек, который осмелился предоставить им убежище, теперь сам вынужден покинуть жилище, разделяемое им с моими близкими [14]. И никто отнюдь не стремится предоставить убежище жене столь великого заговорщика; ибо прежде надо бы разубедить всех и каждого, будто Гракх Бабеф — это отъявленное чудовище и пожиратель людей.

Если вы, Гражданин, как меня в этом уверяют, не разделяете подобного страшного предубеждения; если вы достаточно далеки от него и способны видеть, что Трибун народа никогда не желал ничего иного, кроме торжества добродетели и счастья большинства членов общества, то он настоятельно просит вас приложить все старания, чтобы распространить это мнение среди других, а также содействовать тому, чтобы его семья, столь самоотверженно стремящаяся его утешить в ожидании часа распятия, уготованного ему наемниками и слугами тиранов, не оказалась бы выброшенной на улицу.

Как бы ни сложились обстоятельства, она выразит вам и свою благодарность, и мою.

Если же вдруг произойдет одно из тех чудес, которые изредка случаются, и преследователи окажутся на скамье подсудимых вместо преследуемых ими праведников, то я и сам буду иметь счастье свидетельствовать вам свою признательность.

Демократический привет.

ПИСЬМО Ш. Н. ЭЗИНУ[15]

26 фримера [V года — 16 декабря 1796 г.]

Ты мне выказал много знаков привязанности, мой дорогой, и я горжусь тем, что они относились не столь к человеку, сколь к принципам, которые он никогда не перестанет отстаивать. Это поведение внушает мне такое уважение и доверие, что я не колеблюсь излить тебе мои самые сокровенные мысли.

До роковых дней флореаля (о чем ты, возможно, не имеешь правильного представления) силы демократической партии были громадны. Успех этих выступлений был бы обеспечен, если бы не навеки проклятое предательство, вызвавшее нашу неудачу. Но наши потери не были бы непоправимыми, если бы не плохой состав штаба плебейских фаланг.

Признаться ли тебе? Мы входили в этот штаб, но эта измена показала, что только мы были его душой. Как только нас не стало, наши заместители немедленно обратились в бегство, и все колонны, понятно, рассеялись в беспорядке. Несчастное малодушие! Людей, которые возглавляли движение наряду с нами, было еще достаточно, чтобы сплотить всех наших последователей и повести их, как это сделали бы мы[16]. Наше отсутствие могло бы быть едва заметным. Общественное мнение в основном было тогда превосходным. Нужно было только заявить: «Народ! Не бойся: выход из строя нескольких солдат ничего не означает. Сомкни свои ряды и держись стойко; у тебя осталось еще достаточно руководителей. Не поддавайся крикам тиранов и их рабов. Они изображают в виде чудовищных деяний великодушные намерения тех, кто хотел избавить тебя от их гнета. Скажи им, что им не удастся ввести тебя в заблуждение. Заставь их умолкнуть, заверив их, что то, чего хотели твои друзья, ты хочешь этого сам и что ты будешь по-прежнему действовать вместе с ними для достижения этой цели».

Вот что нужно было бы заявить 22 и 23 флореаля в номере «Просветителя народа» или «Трибуна народа» от имени продолжателей Гракха Бабефа; и если бы так поступили, больше ничего бы не потребовалось; наши плебеи сохранили бы свою энергию; не началась бы реакция, связи были бы быстро восстановлены, и наша победа пришла бы лишь немногим позднней.

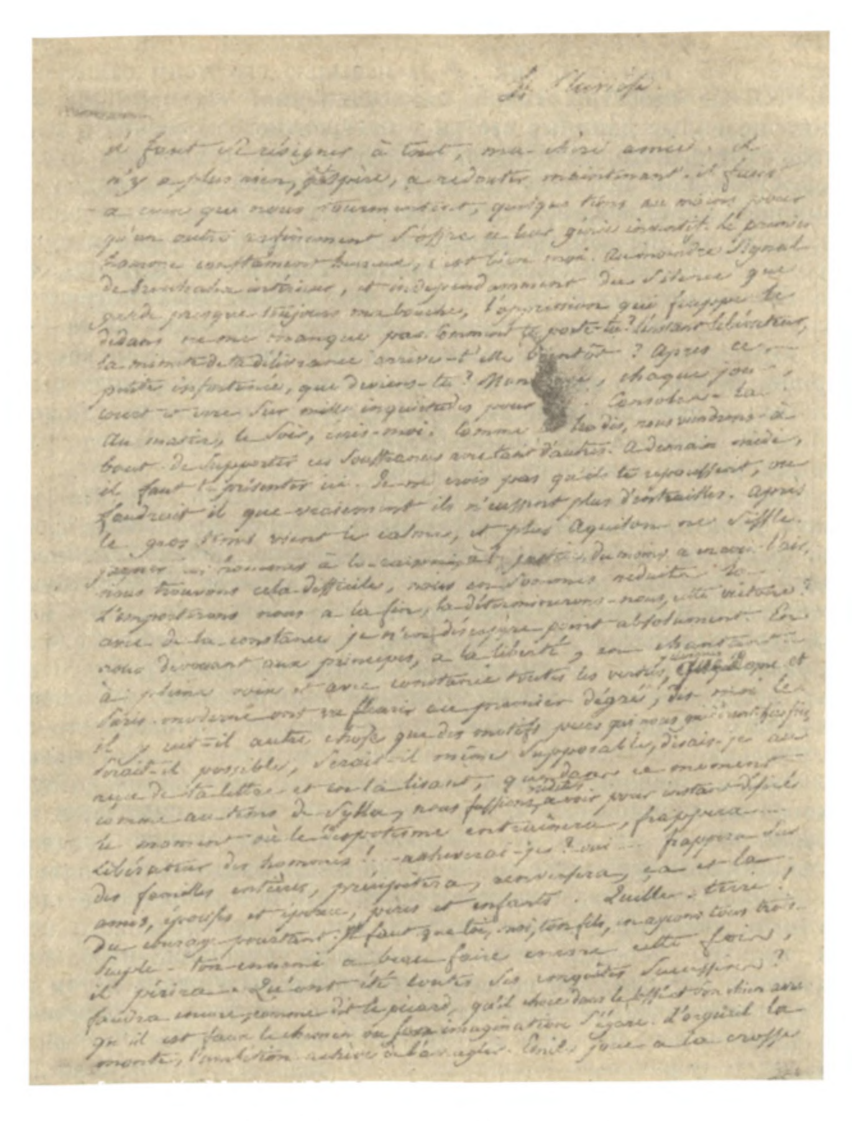
Вместо этого дезертиры не довольствовались одним актом трусости; у них хватило низости отречься от своих братьев по оружию и вторить убийцам народа. «О да, эти планы, эти проекты ужасны, они гнусны и отвратительны!» — кричали они. Лучшее, на что оказались способны некоторые из них, это объявить наше предприятие только безумием и сумасбродством. Известно, что вслед за этим произошло: коварство одержало верх, и перед нами разверзлась бездна невиданных бедствий.

Вот весьма длинное предисловие, за которое прошу извинить

меня, мой дорогой...*, но я подхожу наконец к цели моего письма. Тебе знаком некий...* Я называю его моим отшельником[17]. Тебе известны также его сочинения; ты помнишь эти многочисленные длинные статьи в невероятно бесцветной и слезливой газете, которая, однако, преподносилась свободным людям всех стран как nec plus ultra революционной пропаганды; ты помнишь, повторяю, эти длинные статьи нашего отшельника, в которых он первым сформулировал теорию о безумии и сумасбродстве дела 21 флореаля, и притом с таким остроумием, что все остальные простаки из числа так называемых писателей-патриотов, в том числе в газетах «Ami de lois», «Ami de la Patrie», «Ami du peuple», не преминули повторить их; так вот поверишь ли ты, что этот, по-видимому, столь благоразумный человек был в действительности до 21 флореаля одним из главных деятелей общества тех самых безумцев и сумасбродов, против которых он так рьяно ополчился.

Однако молчок, я могу сказать об этом только тебе. Нет никаких улик против нашего Мудреца, и я вовсе не желаю, чтобы они были, упаси боже. Но я сейчас объясню, почему мне необходимо доверить тебе эти тайны. Этот человек действительно очень умен, и я охотно верю ему, когда он утверждает, что у него нет дурного умысла. Он малодушен, но не думаю, что он плохой человек. Полагаю, что он искренен, когда утверждает, будто пишет, воодушевляясь самыми лучшими намерениями, в надежде послужить Родине и нам тем, что оспаривает достоверность существования мнимого заговора и тем самым выставляет правительство в смешном свете и вынуждает его устыдиться возбужденных им преследований. Этот проект не лишен смысла, и все видели, что он удался. Но общеизвестно, что можно обладать большими познаниями и в то же время иметь самые неправильные суждения. Самое яркое доказательство этого — упорство, с которым отшельник продолжает марать бумагу по поводу нашего дела. Он недавно передал своему типографу рукопись небольшой брошюры, которая, как он сам мне сказал, выдержана в том же духе, что и прежние его выступления на эту тему, и дополняет их. Если бы я не был, как я тебе уже говорил, довольно высокого мнения о моральных качествах этого человека, я подумал бы, что он стремится только к самооправданию, и, действительно, для этой цели его метод совсем неплох. Но, повторяю еще раз: по-моему, его уверенность, будто он никому не вредит, объясняется только ошибочностью его взглядов. Я же считаю, что он приносит очень большой вред, особенно сейчас. Он открыто противопоставляет свой способ защиты нашему и мешает проявлению симпатии к нам, которую нам уже до известной степени удалось вызвать. Ведь если ты, достойный последователь...* и...*, защитника...* и...*, красноречиво и с чувством представляешь

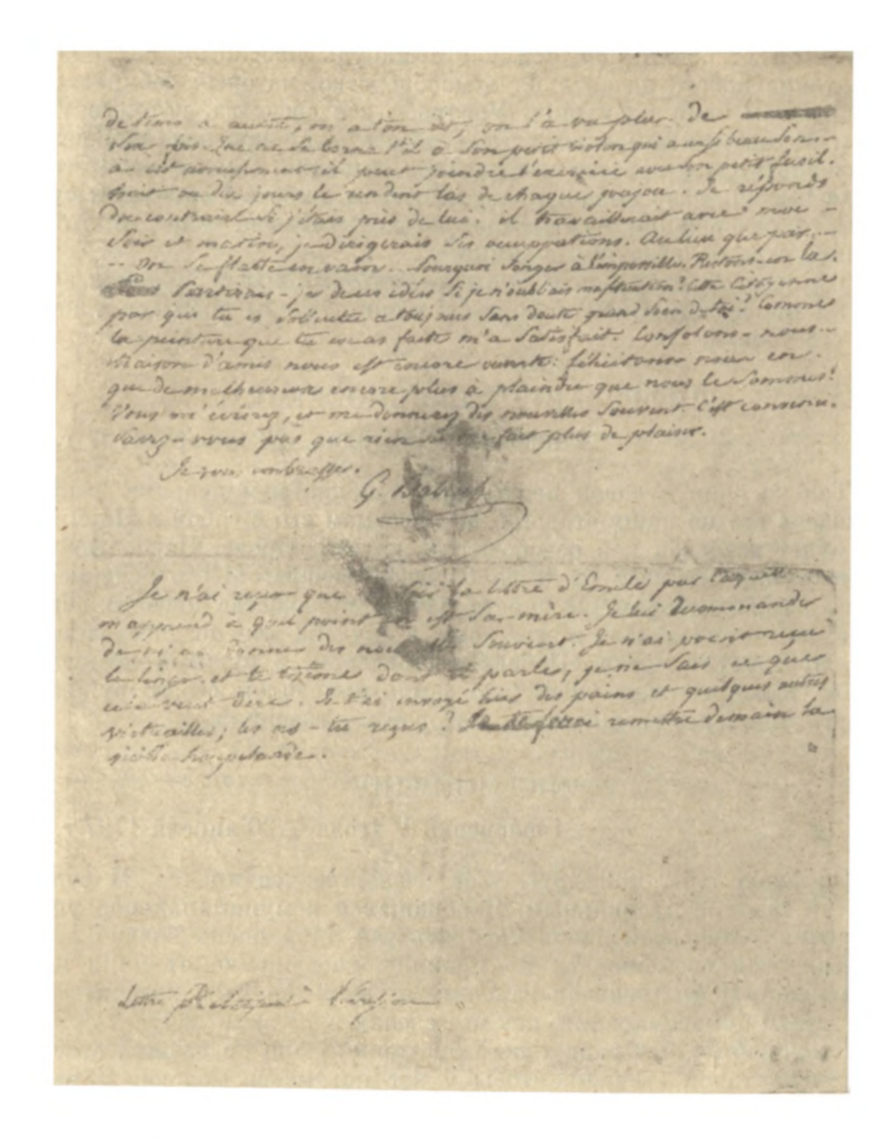
* *Вычеркнутые Бабефом, не поддающиеся прочтению слова.*

Шифрованное письмо Бабефа жене

нас, как ты говоришь, в виде борцов, великодушно не щадивших своих сил ради торжества прав человечества, а кто-то другой рисует нас в преувеличенном и смешном виде, чуть ли не в доспехах донкихотствующих поборников справедливости, то тебе должно быть понятно, что подобное изображение умаляет сделанное тобой, отвлекает от него заслуженное им внимание.

По-моему, нам оказали бы очень плохую услугу, если бы из жалости предоставили нам место в сумасшедшем доме вместо

[illegible] il peut joindre l'exercice avec son petit fusil.
[illegible] le rendront las de chaque [illegible]. Je réponds
[illegible] j'étais près de lui. il travaillerait avec moi —
soir et matin, je dirigerais ses occupations. Au lieu que par…
[illegible] Pourquoi songer à l'impossible. Revenons sur la
[illegible] ses idées si je n'oubliais ma situation? Cette citoyenne
[illegible] sans doute grand bien de toi? Comme
la peinture que tu m'as faite m'a satisfait. Consolons-nous
[illegible] d'amis nous est encore ouverte: félicitons-nous en
[illegible] de malheureux encore plus à plaindre que nous le sommes!
Vous m'écrivez, et me donnez des nouvelles souvent. C'est convenu.
Savez-vous pas que rien ne me fait plus de plaisir.

Je vous embrasse.

G. Babeuf

Je n'ai reçu que [illegible] la lettre d'Émile par laquelle
il m'apprend à quel point [illegible] est sa mère. Je lui recommande
[illegible] des nouvelles souvent. Je n'ai point reçu
le linge et le [illegible] dont tu parles, je ne sais ce que
cela veut dire. Je t'ai envoyé hier des poires et quelques autres
victuailles; les as-tu reçues? [illegible] remettre demain la
[illegible].

того, чтобы дать нам возможность оказаться со славою сброшенными с Тарпейской скалы.

Мое письмо очень бессвязно, потому что я пишу его второпях, и вот уже третий раз обещаю тебе прислать конец, который все же, надеюсь, скоро последует.

В силу этих обстоятельств и соображений я прошу тебя использовать, если это возможно, твое влияние на типографа *,

* *Видимо, речь идет о владельце типографии в Вандоме, Коттеро-Пенсоне, печатавшем газету Эвина.*

чтобы он отсрочил или под каким-нибудь предлогом отклонил печатание нового патента на сумасбродство, который собирается выдать нам один из наших. Употреби все средства, которые ты сочтешь возможным, для того чтобы это прекрасное творение упокоилось бы в царстве химер. Тебе, конечно, самому ясно, что когда имеешь дело либо с правительством, либо с Верховным судом, то совершенно бесполезно рассчитывать на успех с этой манией строить воздушные замки.

Ты осведомлен о новом протесте, который мы собираемся заявить; присоедини твои молитвы к нашим, чтобы добиться у небес его успеха.

ШИФРОВАННОЕ ПИСЬМО ЖЕНЕ [18]

4 плювиоза [V года — 23 января 1797 г.]

Только один человек несет караул в крайнем дворике. Надо привлечь его на нашу сторону. Мы возьмем его с собой в Париж. Он будет встречен как освободитель друзей народа. Надо, чтобы он заступил на пост от 6 до 8 часов вечера. Мы проследуем через дом, о котором вы знаете. Пусть в качестве первого сигнала наш освободитель в этот день, в полдень или позднее, напевая, просвистит мотив «Победа», а вечером, в нужный момент, раз за разом трижды ударит по земле прикладом своего ружья. Ответь мне через гражданку, о которой мы говорили.

ПИСЬМО СЫНУ

1 флореаля V [года — 20 апреля 1797 г.]

Отсылаю тебе, мой друг, твое вчерашнее сочинение. Я считаю его вполне правильным. Я обращался в муниципальное управление с просьбой вновь повидать вас. Мне очень больно лишиться этой возможности по причине, совершенно от меня не зависящей. Я бы пожелал каждому в такой же мере излечиться от страсти бумагомарания, как это сделал я.

Скажи маме, что ради твоего братишки * она не должна огорчаться до такой степени, чтобы у нее портилось молоко. Я надеюсь, что все это долго не протянется, что граждане администраторы не продлят надолго наказания вам, мне и всем тем, кто не принимал участия ни в каких эксцентричных выходках: мне не совсем ясно, о чем идет речь, но по всем признакам сужу, что все дело только в подобных выходках.

От всего сердца целую маму, твоего милого братишку и тебя.

Г. Бабеф

Посылаю тебе два хлеба, бутылку вина, мясо, три яйца, щавеля. Свой сюртук получил. Отсылаю полотенце.

---

* *Речь идет о младшем сыне Бабефа Кае, родившемся уже в Вандоме.*

ПИСЬМО СЫНУ

[без даты]

Пришли мне, друг мой, к сегодняшнему вечеру кофе и немного сахару. Я посылаю тебе мяса и проч., четыре хлеба, бутылку вина. Тебе дадут еще и другую, которую мне должны за позавчерашний день, для чего я отсылаю на кухню пустую бутылку.

Поклон маме, Каю и тебе самому.

Целую вас Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ

[без даты]

Посылаю моему сыну яйца, в количестве девяти штук; три хлеба; мяса; две бутылки вина, в том числе и недоданную вчера. Всех вас, друзья мои, целую от всего сердца.

Г. Бабеф

Попросите официального защитника предоставить мне черновой набросок речи в мою защиту и постарайтесь завтра мне ее передать.

ПИСЬМО СЫНУ

[без даты]

Посылаю тебе, мой друг, две тарелки мяса, три хлеба, масла. Надо попытаться полечить твоего братишку; я не знаю, что с ним сегодня, но лицо его было сильно искажено. Целую его, а также маму и тебя.

Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ

[без даты]

Посылаю тебе, мой друг, мяса и три хлеба. Завтра дам тебе две бутылки вина. Не посылаю их сегодня, так как у меня нет пустых бутылок. Поцелуй за меня маму и брата. От всего сердца целую тебя.

Г. Бабеф

ПИСЬМО СЕМЬЕ

[без даты]

Посылаю моим милым друзьям три хлеба, мяса, омлет, бутылку вина. Возвращаю и белье, а именно: рубашку, носовой платок, пару чулок. Нынче на вечер пришлите мне немного кофе; сахар у меня есть. Целую вас тысячу раз.

Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ

[без даты]

Посылаю тебе, друг мой, пять хлебов, бутылку вина, тарелку мяса, шесть яиц. Лепешку я получил. Опухоль на моих ногах несколько спала. Я хорошо отдохнул прошлой ночью. То, что

маме показалось, будто у меня очень изнуренный вид, возможно, было следствием моей продолжительной усталости.

От всего сердца, друзья мои, целую вас Г. Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ

[без даты]

Я мог показаться вам изнуренным, но это потому, что я работал всю последнюю ночь. Я сам все старался встретиться глазами со взглядом мамы и сказать ей свое «здравствуй». Но наши глаза не встретились. Откуда ты взял, будто я сержусь на нее? Посылаю вам пять хлебов, бутылку вина, две тарелки мяса. От всего сердца целую вас Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ

[без даты]

Посылаю тебе, мой друг, пять хлебов, бутылку вина, две тарелки мяса. Отправляю заодно и свое грязное белье, а именно: рубашку, носовой платок, пару чулок. Вы нашли, что я лучше выгляжу, это потому, что я немного отдохнул. Я очень доволен, что вы все тоже чувствуете себя хорошо.

Целую вас Г. Бабеф

ПИСЬМО СЕМЬЕ

[без даты]

Здравствуйте, мои дорогие друзья. Посылаю вам два хлеба, бутылку вина, тарелку мяса, тринадцать яиц. Заодно отправляю и свое грязное белье, а именно: рубашку, носовой платок, пару чулок, ночной колпак, кальсоны, зимний жилет. Душевно желаю вам всего хорошего и целую от всего сердца

Г. Бабеф

ОБЩАЯ ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГРАКХА БАБЕФА ПЕРЕД ВЕРХОВНЫМ СУДОМ В ВАНДОМЕ [19]

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Граждане присяжные!

Прежде чем представить вам мою речь, я думаю, будет весьма полезно дать вам своего рода предисловие к ней. Я сознаю, что без предварительного очерка, без некоего первого аналитического представления о ее плане, о ее разделах, ее объеме и о вопросах, которые я должен был в нее включить, вам, быть может, в силу особенностей ее построения было бы нелегко проследить за ее развитием, понять ее совокупность, уловить связь между всеми ее частями и их соотношение между собой.

Моя защитительная речь обширна. Это не должно вас удивить. Ход судебного разбирательства дал вам представление как о степени важности этого дела, так и о необычайном количестве содержащихся в нем подробностей. Огромный обвинительный акт, три или четыре тома документов, обосновывающих обвинение и почти без исключения в чем-то касающихся меня, составили тот фундамент, на котором мне пришлось строить. Одна лишь та часть моей речи, которую я специально посвящаю опровержению выдвинутых против меня обвинений, по необходимости должна была осветить почти все содержание этих томов. Легко понять, куда это должно было меня завести.

По существу, именно сейчас я и начинаю свою защиту. До сих пор бесчисленные препятствия мешали мне это сделать. Стесненный противодействием суда, лишенный необходимых документов, вынужденный говорить без подготовки, я был обречен безропотно сносить град стрел, обрушенных на меня обвинителями, почти не имея возможности отразить хотя бы одну из них. Хорошо по крайней мере то, что я смог собрать в кулак все силы, способные помочь мне обратить вспять это огромное множество вражеских стрел. Пришло время осуществить великий акт сопротивления.

Не сомневаюсь, граждане присяжные, что у вас не сложилось никакого предвзятого мнения обо мне еще до того, как вы выслушали мою защиту. Сразу же по окончании прений я, отвечая председателю, кратко выразил уверенность в этом. Равным образом, полагаю, вы не сделали никаких неблагоприятных выводов из того, что поспешность, с которой меня в ходе моих показаний заставляли отвечать на вопросы об огромном множестве фактов, односложные ответы, к которым меня принуждали, намеренное нарушение порядка представления документов и поспешное требование объяснений, умелое использование моей полной неспособности излагать свою мысль на ходу; повторяю, вы не сделали, полагаю, никаких неблагоприятных выводов из того, что все эти обстоятельства, вместе взятые, повергли меня в ходе моих показаний в некое состояние расстройства и стеснения, что мешало мне не упустить из виду множества вещей, которые я должен был осветить, чтобы оправдать себя. Вспомните, я неоднократно повторял, что сохраняю за собою право дать суду вразумительное объяснение по всем вопросам, когда я выступлю со своей общей защитительной речью. Так же поступил бы и всякий другой человек, более опытный в искусстве вести дискуссию, нежели я, если бы он оказался в подобных обстоятельствах — зажатым, подобно мне, захваченным, подобно мне, этим морем быстро чередующихся вопросов, часто и неожиданно перескакивающих от конца к началу, от начала к концу истории этого процесса. Вы поймете теперь то, что я указал тогда, а именно — в такого рода деле и при таком множестве фактов и документов надлежит соблюдать определенную последовательность и некий порядок связи, без чего становится почти невозможным вразумительно объясниться. Любой вопрос, если его представить в должной последовательности,

можно разъяснить двумя словами, потому что ему тогда предшествует все то, что естественно связывает его со всем предыдущим; но этот же вопрос не поддается объяснению, если его взять изолированно, или же объяснение потребует предварительного разбора четырех или пяти других тем, коих он является следствием. Вот одна из важнейших причин, почему в моих показаниях многое оставляет желать лучшего.

Затем к той робости и стесненности, которую вызывает неспособность говорить без подготовки, часто добавляется другая причина, придающая обвиняемому в глазах судей видимость смятения и растерянности, которую люди, знающие свойства человеческого сердца, не должны принимать за признак виновности. Один знаменитый писатель (Мабли), трактуя вопросы уголовного законодательства, сказал: «Первым чувством, испытываемым честным человеком, когда его обвиняют в каком-то преступлении, неизбежно должно быть некое чувство стыда, сковывающее его: он смущен тем, что ему приходится оправдываться. Он с ужасом убеждается в сомнительности суждений человеческих. И нелепо было бы принимать его смущение за признание в тех действиях, о которых его допрашивают».

Понапрасну обвиненный человек сможет лучше оправдать себя, если ему позволят спокойно сосредоточиться и рассказать всю правду, не оказывая на него никакого давления и не обескураживая его проявлением оскорбительного предубеждения.

Сейчас, когда я вам представлю, граждане присяжные, все те разъяснения, которые именно в таком состоянии сосредоточенности я свел воедино ради единственной цели, привлекающей мою душу, а именно ради торжества правды и справедливости, я прошу вас рассматривать эти объяснения как эквивалент всего того, что, будь у меня к тому возможность, я мог бы изложить еще тогда, когда давал свои показания. Поскольку слушание этих моих показаний было чересчур кратким, чересчур ограниченным в свете той важной роли, которую мне приписывают в этом деле, эта защитительная речь должна возместить причиненный мне ущерб, она должна исправить все несовершенства моих показаний, все пробелы, беспорядки и неясности, которые могли остаться в объяснениях.

Я, как и обещал, подробно обрисую и разъясню вам общий план моей защиты, как во всей ее совокупности, так и в том, что касается порядка изложения различных вопросов, их соотношения и связи между собой.

Обрисовать все значение переданного вам дела, то огромное влияние, какое решение, что вам предстоит принять, неизбежно окажет на судьбы Революции, Республики и всех республиканцев, задержав или обеспечив тем самым успехи дела разума и правильных принципов у других народов... изложить величие и возвышенный характер ваших обязанностей... показать истинные мотивы предъявленного нам обвинения, сводящиеся к тому, что мы пропагандировали принципы, гибельные для всех тираний... вы-

звать тени героев, коих всюду умерщвляли за то же преступление... предсказать приближающиеся гонения на всех друзей свободы, чьи трупы послужат ступеньками для трона, который сразу же будет восстановлен... доказать, что в истинной демократии это дело разбирал бы сам народ... заключить, что это дело следует защищать здесь, перед судебными представителями народа, как перед ним самим... напомнить этим представителям об их обязанности судить это дело от имени народа так, как он сам судил бы его, т. е. в соответствии с его общими интересами... таково содержание вступления, которое я закончу сообщением о том, какого порядка изложения я буду придерживаться в других частях моей защитительной речи.

Мой план по существу совпадает с планом государственных обвинителей, содержащимся в их докладе от 6 вантоза[20].

Далее, моя работа будет состоять из четырех главных разделов.

В первой части, озаглавленной мной «Общий взгляд на этот процесс», я рассмотрю сначала, какие лица, какие имена фигурируют в этом деле... я покажу, что представление подлинных республиканцев о ходе революции и ее целях резко отличается от представлений наших обвинителей... я отмечу различные пункты обвинения... я затрону следующие вопросы: существовал ли заговор? что такое подлинный заговор? заговорщик ли я?.. Я докажу, что был только апостолом принципов чистой демократии, ибо считал ее единственною целью Революции; что всеми своими силами я сопротивлялся тому, чтобы ее конечным результатом стала аристократическая система, но делал это только как писатель. — Я опишу положение Республики после 13 вандемьера IV года, момента, с которым правительство, мой обвинитель, связывает начало того, что оно называет моим заговором и что я называю апостольским служением демократии; я докажу, что в то время народ Парижа был настроен монархистски; что у него были для этого основания. — Я покажу, что́ я сделал для того, чтобы вернуть его в лоно Республики; какие соображения руководили мною при опубликовании моей доктрины всеобщего счастья; что именно это сорвало замыслы роялизма и вновь привязало народ к Революции. Я докажу, что этим добрым делом я заслужил осуждение со стороны правительства и что оно было признано началом моего мнимого заговора; что с тех пор меня стали обвинять в том, будто я проповедую грабежи; что это обвинение стало образцом и основанием всех других обвинений; что позднее выдвинутые против меня обвинения, как, например, обвинение в стремлении свергнуть правительство 1795 года, восстановить правительство 1793 года и истребить множество граждан, были лишь дополнением к этому основному обвинению. Я обосную доктрину общего счастья, я легко докажу, что она не что иное, как подлинная демократия, цель Революции и цель всякого гражданского общества. Я докажу также, что я рассматривал эту систему в плане чисто умозрительном; что я никогда не льстил

себя надеждой видеть ее установление и не считал, что народ расположен принять ее. Я разберу изложение этой системы, опубликованное в «Трибуне народа», и, сопоставляя мои принципы с принципами многих философов-законодателей, которых королевские правительства не догадались обвинить в заговоре, я докажу, что я всего лишь их ученик и последователь.

Вторая часть, посвященная мной всему, что, по утверждениям обвинения, подготовляло заговор и предшествовало ему...- будет мною полностью основана на следующей максиме, признанной государственными обвинителями: «Что сфера применения закона о преступных заговорах, как и всех других преступлениях, начинается лишь там, где имеются попытки или начало исполнения». На основании обвинительного акта, на основании заявлений государственных обвинителей и томов обвинительных документов я установлю, что возникновение этих мнимых проектов связывают с периодом непосредственно после вандемьера; это проявляется сперва только в «Трибуне народа» и других аналогичных сочинениях. Я приведу новые доводы, оправдывающие содержание этих сочинений. Я докажу, что они вовсе не заговорщические и, следовательно, их нельзя вменять в вину. Я перейду к хронологическому рассмотрению множества документов, представленных обвинением и датированных от 25 плювиоза до 10 жерминаля. Среди этих документов выделяется призыв нескольких деятелей второго плана к проповедникам демократии, знаменитое письмо к Жозефу Бодсону[21], письмо Ш. Жермена, якобы инспирировавшее заговор, и т. д. Я докажу, что ни один из этих документов не носил заговорщического характера.

В третьей части, где я перейду к разбору всех документов, которые, как утверждают, предназначены активизировать заговор, я приведу доказательство того, что никогда не существовало ни такой организации, ни тех методов исполнения, ни тех намерений и целей, какими их представляет обвинение; я расскажу, что́ было в действительности. Затем я разберу некую мнимую речь, якобы предшествовавшую заговору и подготовлявшую его, которая, по мнению государственных обвинителей, была произнесена на первом собрании заговорщиков. — Я разберу некий мнимый проект диктатуры и некий проект трибуната. Я докажу всю легковесность обвинений, которые вознамерились извлечь из всех этих документов, из коих один — выдуманный, а два других ничтожны, причем последние не сходятся и противоречат идеям, провозглашенным в их пышных заглавиях; я докажу, что это всего лишь несовершенные наброски, отрывочные, совершенно не связанные между собою, лишенные какого-либо общего отношения к какому-то плану заговора. Я дойду до рассмотрения документов, озаглавленных: «Создание Повстанческой директории. Организация гражданских и военных агентов. Инструкция этим агентам». Я объясню, что эти документы существовали только в проекте; что они еще отнюдь не связаны с предполагаемым за-

говором; что они отнюдь не являются его основою, его главными устоями, как это изображено в ловком и угодливом построении обвинителей. Я перейду к рассмотрению тех перечней, которые здесь называют списками агентов. Я докажу, что это вовсе не такие списки и что они связаны с совершенно иными вещами; что они не имеют никакого отношения к обвинению; что, ссылаясь на них, нельзя что-либо ставить в вину перечисленным в них людям и изображать их главными преступниками в этом деле; что лишь вследствие плачевной ошибки эти мнимые списки были представлены как своего рода промежуточное звено между некоей Повстанческой директорией, изображенной как реально существующая и серьезная организация, и всеми последующими документами; что тем не менее именно на этой мнимой связи ошибочно построили и обосновали все ложные выводы системы обвинения; выводы, которые неизбежно рушатся, как только низвергается сама их основа. Показав таким образом, что мнимое создание директории абсолютно ни с чем не связано, я докажу, что оно всегда оставалось всего лишь проектом; и, перейдя наконец к переписке, я установлю, что она не имеет к нему отношения. Я покажу, что в самих документах содержатся неопровержимые свидетельства того, что проект создания Повстанческой директории и последующие инструкции никогда не были посланы кому бы то ни было. Я объясню, что эта переписка имеет другое основание, что она связана с учреждением Общества демократов, имеющего единственной целью оживление общественного мнения, пропаганду чистых принципов подлинного республиканизма, наблюдение за явным роялистским заговором и воспрепятствование его успеху. Тут я частично остановлюсь на роли Гризеля и на основных его подвигах. Затем я подробнее изложу доказательства существования роялистского заговора, и тут я надеюсь убедить в том, что так называемый флореальский заговор был направлен исключительно против партии Людовика XVIII, а не против французского правительства. Я покажу, что если в документах этого предприятия, о котором, конечно, никто не сможет сказать, что оно не было похвальным; я покажу, повторяю, что если там жаловались и на правительство, то эти жалобы не занимали там особого места и встречались лишь потому, что, слепое к проискам друзей претендента, оно, казалось, хотело им помочь и стесняло, вместо того чтобы поддерживать, великодушные усилия тех, кто понял срочную необходимость борьбы с ними. Я воспроизведу доказательства созданной Кошоном[22] теории о заговорах, я рассмотрю попытки применения этой теории, предпринятые до флореаля, а затем происхождение и успехи важной миссии, возложенной на Гризеля и присных. Я перейду к рассмотрению заметок и сведений, доставленных Обществу демократов различными корреспондентами из округов Парижа; при этом я установлю, каковы были те простые инструкции, которые они получили взамен первых и единственно с целью формирования общественного мнения и наблюдения за происками роялистов. За-

тем я разберу письма, исходящие от центрального общества, и покажу, что они соответствуют этому направлению. Я докажу, что эта переписка помогла разоблачить враждебные республике происки роялистских клубов и это заставило подлинных друзей своей страны принять необходимые меры. Я изложу подлинную историю полицейского легиона, о котором столько говорилось в ходе процесса. Я дойду до действий общества, именуемого Обществом демократов, имевших место незадолго до 21 флореаля. Я буду говорить о мнимом объединении тех, кого называли партией Равных, с теми, кого называли партией бывших членов Конвента. Я произведу обзор документов, коим было придано большое значение и которые рассматривались как предназначенные служить в момент предполагаемого взрыва и после него. В этот раздел войдет так называемый список демократов, подлежащих включению в Конвент[23]; списки людей, способных командовать; различные проекты постановлений; мнимая новая организация исполнительной власти и ее основные носители; я рассмотрю вопрос о средствах осуществления мнимого заговора; я докажу, что не было решительно никакого заговора: я покажу, чем на самом деле является так называемый «акт о восстании» и некоторые другие документы, которые сюда отнесены. Я буду говорить о Друэ и о том, что меня с ним роднит. Я буду говорить о Манифесте Равных[24] и обо всем, что было названо последними приготовлениями к осуществлению заговора. Я закончу показом того, что так называемое Общество демократов в конце концов тоже заметило, как ему коварно стараются придать видимость некоего Повстанческого комитета; что оно разглядело в подстрекательствах, в провокациях, в безрассудных предложениях, которыми его осаждали, одно и то же гнусное побуждение — намерение заманить всех республиканцев в единую ловушку, макиавеллистский способ создать предлог для того, чтобы осудить всех их разом и таким образом погубить Республику; я покажу, что оно решило отказаться, что оно действительно отказалось еще до 21 флореаля от всего того, что могло бы его завести в западню; я приведу документы, недвусмысленно это подтверждающие. После этого я подведу итог всей общей части моей защиты и выведу из нее ясно доказанное заключение, что не было никакого заговора.

В четвертой, последней части я буду защищать самого себя, исходя из доклада государственного обвинителя Байи[25]. Я отвечу на все обвинения, которые он мне предъявляет, и надеюсь успешно опровергнуть ту часть его обвинений, в которой он приписывает мне важную роль в возведении здания заговора. Независимо от доказательства того, что не было заговора, я представлю доказательство того, что я не заговорщик.

В сжатом резюме я повторю все данные, подтверждающие и обосновывающие два положения: не было никакого заговора 21 флореаля; не было никаких заговорщиков.

Вот на каком огромном пространстве, граждане присяжные, мне приходится действовать. Моя работа обширна; однако она еще недостаточно обширна, если вспомнить о множестве деталей и материалов этого достопамятного дела. У меня не хватало времени, чтобы проделать эту работу со всею тщательностью, какой она требует. Вы заметите, что есть вопросы, которыми я пренебрег. Это восполнит ваша прозорливость и ваша мудрость. Когда я буду вам говорить (кажется, слишком поверхностно) о тех документах, которые именуют обвинительными и подробное рассмотрение которых с целью оправдаться завело бы вследствие их большого числа, безусловно, слишком далеко, то вы, конечно, перенесетесь мыслью к этим документам, в доброй части которых вы, должно быть, усмотрели некие добродетельные принципы и любовь к людям. Возможно, они сохранили свою ценность в ваших глазах вопреки всем усилиям, приложенным к тому, чтобы запятнать их грязью и преступлением. Я не потрачу больше времени на это вступление. Я его закончил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Граждане присяжные!

Ни в какую эпоху, ни у одного из известных истории народов, быть может, никогда вообще не было столь великого судебного процесса, как настоящий. Никогда столь великие интересы не представали перед каким-либо судом, и никогда никакой суд, за исключением составленных из самого народа, не был более внушительным, чем ваш, и более компетентным для вынесения решения по такому делу.

Вам предстоит принять решение по делу, от которого зависят судьбы и существование республики, судьбы и существование всех республиканцев, свобода французского народа и вопрос о том, станет ли этот народ суверенным или согнет спину под ярмом рабства.

О вы! Люди, входящие в состав прекраснейшего из учреждений! Того из них, что избежало опустошений, вызванных реакцией! Высший государственный суд! .. избранники народа! .. верховные и независимые судьи! .. призванные обеспечить свободу и оградить общественные права от всех посягательств, от всех авантюр, начиная с авантюр главных должностных лиц государства. .. Я желал бы, чтобы вы смогли. .. да что я говорю, конечно, вы сможете. .. подняться на высоту ваших благородных обязанностей. Вы покроете себя славою, вы подтвердите невинность добродетели, вы спасете народ.

Это дело не только связано с судьбою и будущим существованием французской нации, оно еще охватывает все вопросы естественного и положительного права, которые в зависимости от того, как будет решено это дело, вскоре обеспечат или отстрочат, быть может, на 20 столетий торжество философии и разума у всех наций Земного шара. Всякий, кто внимательно следил за ходом су-

дебных прений по этому делу, легко мог заметить, что предметом преследования здесь был не столько действительно имевший место заговор против нынешней власти, сколько провозглашение принципов, рассматриваемых определенным, господствующим над обществом классом как чрезвычайно опасные, потому что эти принципы разрушают все присвоенные этим классом привилегии, потому что он боится заразительности этих принципов, основанных на вечной истине самой очевидной справедливости!

Уместно и полезно не растягивать вводной части, чтобы точно перечислить действительные обвинения, приведшие меня к ступеням этого амфитеатра, откуда мой голос, длительное время заглушенный, может наконец свободно раздаваться, пока не решится моя судьба; судьба моих товарищей по угнетению и судьба многих других, кому суждено последовать за нами, если, как некоторые пламенно желают, финал этой драмы будет трагическим.

Я осмелился выработать и проповедовать следующие принципы:

«Естественное право людей, их назначение — быть счастливыми и свободными.

Общество создано для того, чтобы с несомненностью гарантировать каждому своему члену это естественное право, это предназначение.

Когда они не выполнены в отношении всех, общественный договор разорван.

Чтобы воспрепятствовать разрыву общественного договора, ему необходима гарантия.

Эта гарантия может состоять лишь в праве каждого гражданина наблюдать за нарушениями, оповещать о них всех членов общества, первому оказывать сопротивление угнетению, призывать других сопротивляться угнетению.

Отсюда вытекает неприкосновенное, неограниченное право каждого думать, размышлять и сообщать свои мысли и соображения, постоянно наблюдать, не нарушается ли целостность условий общественного пакта, сохраняется ли их полное соответствие с естественными правами; восставать против открытых захватов, угнетения, тирании; предлагать средства пресечения преступлений, узурпаций со стороны правителей, средства отвоевать обратно утерянные права».

Вот та доктрина, которая является единственной причиной преследований против меня; все остальное, что мне вменяется в вину, просто лишь предлог.

О, конечно, не мы первые подвергаемся преследованиям со стороны сильных мира сего по более или менее сходным мотивам. Сократ[26], боровшийся с фанатизмом, испил из чаши с ядом. Иисус галилеянин, проповедовавший людям равенство, ненависть к богатым, правду и справедливость, был живым пригвожден к столбу. Ликург сам ушел в изгнание, чтобы избежать смерти от рук тех, кого он сделал счастливыми. Агис — единственный праведник среди королей — был убит за то, что оказался исклю-

чением из правила. В Риме Гракхи были умерщвлены. Манлий был сброшен с Капитолия. Катон пронзил себе грудь. Барневелт и Сидней взошли на эшафот. Маргарот прозябает в пустынях. Костюшко томится в карцерах Петербурга. У Джеймса Уэлдона вырвали сердце [27]. А у нас, во время нашей революции, Мишель Лепелетье погиб от ножа убийцы... Я скажу вместе с его братом, с тем, кто подписал прекрасную защитительную речь другой славной жертвы, с Феликсом Лепелетье, обвиняемым по одному делу с нами: «Я привожу лишь его имя (Мишеля Лепелетье) среди мучеников за дело нашей свободы, ибо, по-видимому, это единственное имя, которое позволительно назвать, не доводя до крайности ярость партий...».

Но от моего внимания не ускользает разница между нашим положением перед вами и положением, в каком находились перед теми, кто их осудил, герои, которых я только что перечислил, казненные с соблюдением судебных форм... Ни один из тех судов не обладал величием вашего. Правда, здесь немало прав было нарушено в отношении нас, нас лишили многих преимуществ, обеспеченных нам законом; но все же у нас не могут отнять прекраснейшее из республиканских учреждений, то, как я уже сказал в другом месте, которое наименее искажено потрясениями контрреволюции. Вы у нас остались, граждане присяжные Верховного суда, и благодаря вам, благодаря тем превосходным установлениям, которые позволяют придать должный размах защите обвиняемых, наша защита, несмотря на всякого рода колебания, шатания, помехи, стала столь полной и торжественной, как ни на одном из процессов поименованных мною великих людей. Почти все они были судимы своего рода военными судами! 280 членов ареопага осудили Сократа, но это были лишь орудия в руках двух жестоких мошенников, Аннита и Мелита [28], и Сократ совсем не защищался. Суд над Христом свелся к короткому допросу у Понтия Пилата. Эфоры недолго совещались, чтобы осудить Агиса. Сидней, Маргарот и Уэлдон выслушали свои приговоры через несколько минут после того, как они предстали перед судьями.

Надо признать, что в нашем деле судьи должны были действовать более продуманно. Я считаю, что этим мы обязаны прежде всего нашим законам, требующим пристального и серьезного внимания, когда стоит вопрос о решении судьбы людей, а кроме того, вашим собственным добрым намерениям, граждане присяжные, ибо я увидел в вас то желание и стремление быть полностью осведомленными, которое облегчает достижение этой цели, столь существенной для тех, над кем поистине не существует более высоких судебных учреждений, но кто, однако, должен отвечать за свои приговоры перед судом веков, перед судом всех друзей вечных принципов, незыблемой справедливости, неотъемлемых прав людей и неприкосновенного суверенитета народов.

Свою жизнь я давно принес в жертву. Стало быть, не этот интерес побуждает меня обращаться со словами благодарности

к тем, кто, на мой взгляд, не отнесся несерьезно к рассмотрению этого важного дела. И не это соображение побудит меня снова умолять их удвоить свое внимание. Не так уж приятно сохранять жизнь, если она проходит в непрестанных волнениях, отравлена преследованиями, суровостью тюрем и ненавистью столь большого множества развращенных людей. И, наоборот, есть некоторое облегчение в смерти во имя добродетели, истины и вечной справедливости. Мы отнюдь не уменьшаем длительности нашего бытия, скорее, наоборот, продлеваем его, когда умираем как почитаемая жертва, когда уносим с собою в могилу уважение добродетельных людей. И если я прошу высокий суд удвоить свое внимание, чтобы по-настоящему ознакомиться со всеми фактами, связанными с этим важным процессом — без чего, по моему мнению, невозможно вынесение справедливого приговора, — то меня побуждают к тому лишь интересы Родины.

Вот мысль, которую нельзя не повторять: этот процесс есть процесс Французской революции; от него зависит судьба Республики. Роялисты не сводят глаз с этого святилища. Смотрите, как они выслеживают все, что там происходит! Как малейшие факты, обработанные в их вкусе, быстро сообщаются тысячам их корреспондентов, которые с жадностью собирают эти сведения и не дождутся момента развязки. Трепещите перед этим моментом все, кто любит людей! Это будет время великой расправы. Вы увидите, как широко распахнутся двери для массовых проскрипций. Вы увидите, как будет дан всеобщий сигнал к умерщвлению республиканцев... Разве события флореаля уже не послужили предлогом для открытой войны против них? Уже мое имя приобрело роковую известность — им обозначают секту, охватывающую их всех, обрекающую их всех пасть под ударами кинжалов... Исчезли названия «робеспьеристы», «террористы», «якобинцы» и «анархисты»: их заменил эпитет б а б у в и с т ы. В какой-то момент убийцы усомнились в том, что мы будем умерщвлены; они умерили свирепость своих выступлений, приостановили свои бешеные наскоки или по крайней мере сделали их менее решительными. Но это перемирие продлится лишь до того момента, когда они увидят наш эшафот. Готовьтесь тогда к повальной облаве... То звание вождя, коего они меня удостоили, послужит им пугалом и призраком, с помощью которых они усилят повсюду состояние подавленности и замешательства, уже создавшее опасность для Республики; растерянность, отчаяние и оцепенение овладеют друзьями свободы, всеми ее ревнителями. И мечи роялистов, пройдя повсюду, при еще большей поддержке, чем та, которой они пользовались до сих пор, очистят наконец землю от всех республиканцев и легко и быстро приведут к восстановлению прерванного было господства Капетов. И первыми в огромную братскую могилу падут те несколько тысяч человек, которые под наименованием честных граждан занесены в мои так называемые списки, фигурирующие в документах обвинения... Печальное пророчество! Как оно ни плачевно, оно может осущест-

виться. Сколько было высказано в ходе Революции других пророчеств, которыми пренебрегли!..

Это не все. Мы будем неустанно повторять, что в случае печального исхода этого процесса его катастрофические последствия распространятся и за пределы Республики. Разве могли бы в дальнейшем такие важные вопросы, как естественные принципы, неотъемлемые права народов, суверенитет наций, доля этих прав, принадлежащая каждому члену общества, разве могли бы эти вопросы, неотделимые от существа этого дела, быть предметом рассмотрения в мире, если, будучи поставлены перед Верховным судом нации, считающейся свободною, они осуждены вместе с их авторами как чудовищная ересь? Где тот дерзновенный, кто еще осмелится рискнуть открыть людям великие тайны, неведение коих заставляет их сгибать спину, прозябать во тьме невежества, давит их тяжестью все углубляющейся нищеты, которую в своем ослеплении они считают неисцелимою?..

Я понимаю, что я только что раскрыл секрет слабости народов и силы всех тех, кто хочет быть их угнетателями. Последние могли бы использовать мои слова как дополнение к одной из глав Макиавелли. Но они это давно знают сами, и я не поврежу роду человеческому, напоминая здесь об этом. Это замечание было необходимо, чтобы укрепить государственный суд во мнении, к которому, как я прекрасно понимаю, он и сам мог прийти, а именно, что дело это, пожалуй, беспримерное и он должен уделить много внимания тем показаниям, которые я хотел, которые я должен ему дать.

Прежде всего замечу, граждане присяжные, что всякий раз, когда мне было дозволено говорить в ходе судебных прений, я неизменно считал долгом обращаться главным образом к вам. И я тем более обращаюсь уже исключительно к вам в настоящий момент, ибо вижу здесь только вас, т. е. при представительном правлении и в деле, где речь идет в основном о правах народа, в вас одних я вижу своих судей, в вас одних я вижу мой законный суд.

При демократическом образе правления, даже в Риме, я должен был бы предстать перед самим народом, на общественной площади, чтобы защищать себя в этом деле. Народ сам решил бы, предал ли я его, предал ли его кто-либо из тех, кто обвинен вместе со мною; скрываются ли под страшным или, по меньшей мере, весьма угрожающим обвинением, которое нам предъявлено, проекты, противоречащие суверенным правам народа, его свободе, его процветанию; можно ли увидеть в этих проектах, если предположить, что они существовали, намерение полностью подчинить его власти либо одного человека, либо привилегированной касты, что было бы в равной мере преступно; существовало ли намерение принести большинство в жертву меньшинству, утвердить власть праздного и развращенного богатства на цепях, на позоре и на нищете деятельного и добродетельного класса — только в таком смысле я понимаю заговор против народа, а всякий заговор, не направленный против него, не есть заговор.

Под этим же углом зрения народ рассмотрел бы вопрос о том, есть ли преступники среди всех тех, кто здесь занимает скамью подсудимых. Если бы в их наклонностях, проявляющихся любым способом, в их речах, в их действиях, во всех предпринятых ими шагах он нашел только постоянную заботу, желания и усилия, неизменно направленные в сторону, совершенно противоположную перечисленным мною преступлениям, т. е. любовь, пыл и рвение о величайшем торжестве народа, об осуществлении его величайшего благополучия, об обуздании посредством мудрых учреждений всех страстей, которые впредь стремились бы нарушить его счастье и уменьшить его славу; если бы, повторяю, будучи вызваны предстать пред судом самого народа, мы смогли убедить его в том, что мы никогда не совершали других преступлений, кроме этих последних желаний, народ, несомненно, поспешил бы нас оправдать, во всеуслышание провозгласить нас отличными гражданами и пристыдить изменников и развращенных людей, осмелившихся клеветать на нас и травить нас.

Но в таком большом государстве, как Франция, народ сам не может преобразоваться в суд, чтобы судить тех, кто обвиняется в заговорах против него. Он тогда вынужден делегировать судебную власть, и эта делегированная власть законно пребывает в том учреждении, каковым является Верховный государственный суд.

Наименование «Национальное судебное представительство» замечательно подходит для такого суда, но оно подходит только к нему одному и не зависит от сопровождающего его антуража; так что я признаю правильность этого определения, но в смысле, сильно отличающемся от того, который вкладывался в него его хитроумным автором. Я, стало быть, вижу в вашем лице, граждане присяжные, действительно судебных представителей французского народа, уполномоченных вынести решение по делу, чрезвычайно его интересующему, по делу, какое может рассматриваться только его подлинными делегатами, которые, если они действительно таковые, должны судить только так, как он сам судил бы, и в соответствии с его подлинными интересами. Стало быть, здесь я вижу это народное учреждение в лице высокого суда присяжных. Я вижу здесь часть делегатов всех краев Республики, представляющих в моих глазах народ, как бы тождественных ему, перед коими я должен выступать и говорить, как перед ним самим, убежденный, что они слушают меня ушами народа, его душою и сердцем.

Необходимо построить мою защитительную речь по какому-то плану. Поскольку мне решили приписать участие во всех сторонах мнимого заговора, я буду вынужден рассматривать дело в его общих аспектах. Поэтому я полагаю достаточно уместным придерживаться рамок доклада государственных обвинителей от 6 вантоза. Последовательно сравнивая их систему с доказательствами, вытекающими из анализа документов и сведений, полученных в ходе судебного следствия, я, пожалуй, сумею разрушить план обвинения, задуманный, надо признать, достаточно хитроумно.

Я покажу пустоту многих произвольных сопоставлений, я покажу все слабые места сооружения, почти целиком воздвигнутого на предположениях, презумпциях, вероятностях. Я не оставлю камня на камне от нагромождения воображаемых преступлений и якобы разрушительных проектов.

Первое, что замечаешь в этом деле, это то, что мое имя там сочетается с именем Друэ. Мое имя от этого не пострадает. Фигурировать рядом с тем, кто основал Республику, передав в руки нации наследника полуторатысячелетней тирании, готовившегося принять серьезные меры для ее укрепления, — такое обстоятельство может послужить лишь к вящей моей славе и выгоде в глазах подлинных друзей свободы, всех, кто участвует в этом торжественном процессе.

Разве не поражает, что в этом деле встречаются и другие, столь же дорогие родине имена? А имя брата бессмертного Лепелетье, жертвы своей любви к народу и справедливой ненависти к его угнетателям... Может ли это уважаемое имя создать предубеждение против нас у кого-либо, кроме королей и их рабов?

А между тем эти-то имена выбрали, чтобы указать руководителей мнимого заговора *против внутренней безопасности Республики*!!!

Можно ли поверить? Как! Эти люди, которые ее основали! Эти люди, постоянно и полностью отдававшие ей все свои силы; которые, защищая ее, противостояли смерти и приняли ее, как! Неужели те из них, кто сохранил жизнь, ныне замыслили свергнуть ее, уничтожить свое собственное творение, завоеванное ценою множества пролитой крови, страданий и жертв?.. Нет, такая нелепость, такой бред немыслимы.

Нельзя опять-таки не удивляться, читая вслед за этим в «Докладе» государственных обвинителей, что Верховный суд должен принять решение только по двум вопросам. Первый вопрос заключается в том, *установлен ли факт*, т. е. существовал ли на самом деле заговор, целью которого было уничтожение правительства. Второй вопрос заключается в том, *виновны ли в этом те или иные обвиняемые*.

Быть может, государственные обвинители предчувствовали, что моральная сторона фактов, вопрос о намерении, столь законный, столь справедливый, столь соответствующий естественному праву, будет уничтожен Советом старейшин и мы будем отброшены к варварской системе старого режима, когда достаточно было, чтобы деспот установил, что такой-то факт будет считаться преступлением, чтобы человека беспощадно признавали виновным во всех случаях и при любых обстоятельствах, коль скоро он смог его совершить?..

Мне кажется, основное, что здесь надо рассудить, это вопрос, было ли то, что назвали заговором против Республики, действительно заговором; и были ли те несколько проектов, которые могли быть задуманы без средств и возможностей осуществления, чем-то другим, нежели просто теориями, вполне бесплодными, но

при этом в высшей степени филантропическими, а следовательно очень далекими от того, что заслуживает осуждения с точки зрения намерений.

Что касается меня, то хотя я и упомянут в самом начале в качестве руководителя так называемого заговора, тем не менее сочли необходимым сказать в начале «Доклада» от 6 вантоза, что «только по окончании судебного разбирательства будет возможно точно определить долю ответственности каждого из обвиняемых».

Но государственные обвинители не поколебались заявить еще до начала этого разбирательства и в том же самом документе, что «уже установлено, подтверждено документами и невозможно оспаривать, что действительно СУЩЕСТВОВАЛ ЗАГОВОР!..» Последние два слова выделены прописными буквами на стр. 2 «Доклада». Таким образом, до какого бы то ни было рассмотрения у членов Верховного суда явно хотели создать предвзятое мнение, не позволив им сомневаться в существовании столь важного факта, независимо от всяких доказательств.

Что было целью этого заговора? «Доклад» отвечает на этот вопрос опять-таки на стр. 2: «Разрушить правительство и уничтожить законные власти, истребить бесконечное множество граждан и предать всякую собственность разграблению».

Легко представить, какое впечатление производило на первых порах такое обвинение! Ныне, когда время и свет, пролитый на это обвинение, показали его истинную ценность, известно, чего оно стоит. И, напомнив о нем здесь, можно в дальнейшем не тратить силы, стараясь смягчить негодование и страх, которые должно было вызвать первое сообщение.

Стало быть, можно подождать до того времени, когда станут известны факты, полученные в результате сравнения рассказа государственных обвинителей с нашим.

Прежде чем их изложить, они взяли на себя труд дать определение тому, «какова суть и главные отличительные черты преступного заговора».

Моей защите следует особенно внимательно следовать за ними в рассмотрении этого вопроса.

Они предпослали ему странные картины или соображения о Революции. Эта живопись была необходима как вступление к тем выводам, к которым хотели привести. Чтобы покрыть позором людей, совершивших эту Революцию, понадобилось преподнести ее как длительное преступление, слишком долгое время остававшееся безнаказанным. Ее самые прекрасные дни, те дни, когда она одерживала победы над всеми своими врагами и обеспечила славную победу прав народа, изображаются самым отталкивающим образом. Там с огорчением говорится о фанатизме, именуемом безбожием. Там называют социальным потрясением те благотворные перемены, которые с неизбежностью последовали за учреждением Республики. Все, что было необходимо совершить для преодоления сопротивления врагов родины, квалифицируется как беспорядок, разбой и смертоубийство. Законы, име-

ющие целью помочь бедным, приравниваются к опустошениям. Все, кто способствовал укреплению Республики, получают наименование головорезов, сынов анархии, злодеев, досель неведомых монстров. «Все, кто провозглашал себя патриотом (буквально сказано там), на самом деле терзали, увечили, пожирали родину».

Поскольку мы исходим из диаметрально противоположных принципов, неудивительно, что мы расходимся с обвинителями по всем пунктам, что они и мы приходим к противоположным выводам. То, что они называют пределом зла, для нас является высшим благом, то, что они называют лютым преступлением, на наш взгляд, является апогеем добродетели. В то время как они печалятся по поводу тех неприятностей, которые революция причинила маленькой группке любимцев фортуны, мы оплакиваем нескончаемые страдания массы народа. Мы плакали над теми, кого скосил голод, над теми, не менее несчастными, кого голод довел до истощения, над теми, кого всякого рода гнусные финансовые махинации, фальшивые банкротства и массовые спекуляции лишили последних лохмотьев. В то время как они проливают слезы над несколькими жертвами из привилегированной касты, мы сожалеем о тысячах республиканцев, чья кровь лилась на границах, и о многих других безнаказанно истребленных с наступлением пагубной реакции. Они называют порядком сосредоточение всех выгод в руках этого меньшинства, и без того уже столь сильного одним своим богатством. Они называют порядком рабскую зависимость почти всего населения от этой горстки привилегированных. А мы это называем беспорядком, потому что порядок мы видим лишь там, где все свободны и счастливы.

Итак, желать свержения того, что они считают порядком, дабы заменить его таким порядком, который мы только что описали, значит, по их мнению, быть заговорщиком.

Быть заговорщиком, говорят они, это значит стремиться к ниспровержению установленного правления... Это определение можно прочесть в двух первых строках стр. 6 «Доклада» государственных обвинителей.

Но справедливо ли это определение?.. И в данном деле не должно ли правильное определение понятия заговор сыграть важную роль в защите обвиняемых?

Правда, в различных других местах того же «Доклада» дают понять, что истинному заговору непременно присуще намерение свергнуть законную власть.

И не раз во время судебных заседаний гражданин Байи заявлял нам, что, коль скоро народ свободно принял Конституцию, те, кто хочет ее ниспровергнуть под предлогом установления того, что они считают лучшим порядком, являются заговорщиками.

Нельзя не заметить, что в некоторых тонкостях эти разъяснения отличаются друг от друга. Не подлежит сомнению, что свергнуть установленное правление, свергнуть законную власть и

свергнуть Конституцию, свободно принятую народом, отнюдь не одно и то же.

Утверждение, будто стремление свергнуть любое установленное правление есть заговор, быть может, самая большая ересь, которую можно встретить в области политики.

В соответствии с такой аксиомой народы были бы осуждены навеки сохранять любое однажды установленное правление, каким бы отвратительным и дурным оно ни было. В таком рассуждении совершенно игнорируется принцип суверенитета наций. В нем находишь лишь утверждение власти королей милостью Божьей, и в соответствии с этой системой движение 14 июля 1789 года, свергнувшее установленное правление, было преступным заговором.

Менее ошибочно утверждение, что устраивать заговор — это значит стремиться свергнуть законную власть или стремиться свергнуть Конституцию, свободно принятую народом.

Но не надо заблуждаться: эти два понятия отнюдь не тождественны.

Стремление к свержению Конституции, свободно принятой народом, это еще не обязательно заговор. Народ мог бы принять, по видимости свободно, порочную конституцию, в которой большинство по незнанию не смогло разобраться. В таком случае не будет преступлением, если тот, кто лишь просвещает своих сограждан, покажет им, какими средствами можно усовершенствовать их хартию. Первое и важнейшее условие любого сообщества людей есть естественное стремление совершенствовать свою систему гражданской организации для вящей выгоды всех и каждого; это условие, хотя часто молчаливое, абсолютно неотъемлемо. Никогда нельзя обязываться против самого себя; народ никогда не может сам себе связать руки, ни путем законов связывать руки другим поколениям. Заключая договор со всеми при выходе из необщественного состояния, каждый непременно имел в виду отречься от своей природной независимости только ради того, чтобы найти больше преимуществ в сообществе, т. е. имел в виду, что, поскольку общество постоянно стремится увеличить свое преуспеяние, каждый постоянно будет получать свою долю этого преуспеяния.

Составить заговор в целях свержения законной власти — это более похоже на истинный заговор. Но что такое законная власть? Я понимаю так, что это власть, существующая в соответствии с подлинными принципами народного суверенитета, управляющая соответственно тем же принципам, власть, способствующая лишь счастью народа, его славе и сохранению свободы.

Тот дерзновенный, кто составил бы заговор против такой власти с целью заменить ее властью абсолютной и деспотической, был бы великим преступником.

Но тот, кто, каким бы совершенным ни было существующее государственное управление, утверждал бы, пусть даже ошибочно, что может существовать еще лучшее, отнюдь не будет преступни-

ком, если он ограничился тем, что всего лишь выступал перед народом с таким предложением.

Установив эти истины, будет уместно, вероятно, рассмотреть вопрос, виновны ли мы вообще и виновен ли я в частности в составлении заговора против законной власти в целях свержения конституции, свободно принятой народом.

Граждане присяжные, характер нашего дела дал повод прочесть в ходе этих прений своего рода курс государственного права. Самые щекотливые вопросы, которые в наше время не могли бы быть затронуты ни в каком другом месте, здесь обсуждаются в торжественной обстановке. Я не взялся бы воспроизвести все, что было сказано по всем этим проблемам. Постараюсь предпринять хотя бы краткий разбор этого.

На самом деле я не составлял тайно заговора против установленной власти. Но я не могу отрицать, что во весь голос и резко выступал против нее. Поскольку (стр. 23 «Доклада» государственных обвинителей) печатные сочинения считаются средствами, применяемыми для осуществления проекта восстания, которое было главной целью заговора; поскольку людей, которых считают всего лишь возможными распространителями этих сочинений, не говоря уже о тех, кто участвовал в их составлении, преследуют как заговорщиков, я, конечно, могу рассматриваться как участник заговора, и я должен оправдать свои намерения и мотивы, которыми я руководствовался.

Выше я сказал, что стремиться свергнуть законную власть и стремиться свергнуть конституцию, принятую народом, не одно и то же. Возвращаюсь к этому различию.

Законная власть предполагает конституцию столь совершенную, сколь возможно ожидать от творения рук человеческих. Она предполагает по меньшей мере, что все известные принципы общественного права и все, что составляет осуществление и гарантию свободы и суверенитета народа, в ней закреплены.

В силу обстоятельств, о которых я говорил, конституция, хотя и свободно принятая народом, может и не быть хранилищем таких священных принципов. Но тогда и нельзя говорить, что правление, основанное на такой конституции, законно.

Еще менее законно правление, основанное на договоре, который не был по-настоящему одобрен народом.

Из этого вытекает, что только та конституция, которая подтверждает все принципы свободы, суверенитета и национальной гарантии, может являться основой законного правления. Нигде больше оно не встречается.

Отсюда вывод, что мне остается рассмотреть лишь один вопрос, чтобы выяснить две проблемы, а именно: поскольку я признаю, что я старался просветить народ относительно подлинной ценности нынешнего режима, имел ли я основание утверждать, что существующая конституция не подтверждает полностью права народа и, как неизбежный из этого вывод, что власть, на ней ос-

нованная, не обладает всей той законностью, которая подобает правительству свободного народа.

Я видел, что при такой организации правления игнорируется суверенитет народа: право выбирать и быть избранным предоставлено исключительно нескольким кастам. Я видел возрождение привилегий, возобновление столь ненавистного деления граждан на активных и пассивных. Я видел уничтожение всех гарантий свободы: конец подлинной свободы печати; конец права собраний; конец права петиций; конец права вооружаться. Я видел, как столь ценное, столь присущее народному суверенитету право санкционировать законы также было отнято у народа и передано некоей второй Законодательной палате, между тем как во все время Революции столько раздавалось протестов против двухпалатной системы. Я видел, что исполнительная власть сосредоточена в крайне узком кругу и не назначается народом. Я видел, что эта власть облечена огромным могуществом, правом смещать почти всех избранников народа и заменять их по своему усмотрению. Я видел, как заброшено общественное призрение, народное просвещение... Я видел явный контраст во всех этих делах между этой конституцией и той, которая ей предшествовала.

Я видел, как одна была уничтожена, а другая установлена против воли народа.

Одна была вполне решительно поддержана 4 млн. 800 тыс. голосов, выраженных добровольно и единодушно, а другой только дали подпорки в виде 900 тыс. весьма сомнительных голосов.

Вот что привело меня к мысли, что если я участвовал в заговоре, то он не мог быть направлен ни против законной власти, ни против верховного пакта, принятого французским народом и обязательного для всех.

Полагаю, я уже доказал, что значит составлять заговор против законной власти, и показал в общих чертах, что мои намерения не только не направлены против такой власти, но и, наоборот, всегда стремились к обеспечению ее существования и укрепления. Чтобы лучше оценить эти намерения, надлежит углубиться в детали. Я перейду сейчас к анализу моего поведения с точки зрения политического и революционного служения, которое я на себя принял.

Происхождение мнимого заговора связали с номерами моей газеты «Трибун народа», вышедшими в свет после 13 вандемьера. Их сделали одною из главных основ обвинительного акта, и многие из находящихся здесь обвиняемых приведены сюда только за то, что они одобряли эти номера или были их читателями, подписчиками, распространителями и т. д. Тот же мнимый заговор связали с максимами, которые я в них проповедовал, с принципами всеобщего счастья, которые я излагал, с доктриной подлинного равенства, которую я пропагандировал, с изображением общественных несчастий, которые мне будто бы нравилось преувеличивать и которые я неосновательно относил

на счет правительства, тогда как они были лишь *следствием стечения обстоятельств*... Наконец, в «Докладе» от 6 вантоза было сказано, «что эти сочинения рассматривались как средства для осуществления проекта восстания, которое было главной целью заговора». Я должен, стало быть, говорить также и обо всех этих вещах, которые, как полагают, либо означают, что я уже являюсь заговорщиком, либо создают все предпосылки для присвоения мне такого звания. Я должен рассказать обо всем, что задевало меня за живое, что побуждало и заставляло меня публиковать те факты и те идеи, которые теперь ставят мне в вину.

После 13 вандемьера я заметил, что народные массы, устав от Революции, все колебания, все движения которой были для них пагубны, прониклись, надо это признать, роялистскими настроениями. Я увидел, что в Париже простая и необразованная толпа оказалась на поводу у врагов народа и стала поистине ненавидеть Республику. Эту массу, способную судить только по своим чувствам, легко было привести к такому сопоставлению: чем мы были при монархии, чем мы являемся при Республике? Ответ был решительно не в пользу последней. Отсюда нетрудно было прийти к выводу, что Республика нечто отвратительное и что монархия лучше. Ни в новой конституционной форме, ни в действиях исполнителей, назначенных приводить в движение государственную машину, я не видел ничего, что могло бы усилить любовь к этой Республике. Я сказал себе: она погибла, разве что какой-нибудь гениальный ход ее спасет; наверно, монархизм не замедлит овладеть ею. Оглядываясь вокруг себя, я видел много людей, впавших в уныние, даже среди патриотов, прежде кипучих, мужественных и чрезвычайно много делавших для укрепления свободы. Зрелище всеобщего упадка духа, всеобщего, если можно так выразиться, *обуздания*, затем полного разоружения народа, абсолютного лишения его всех гарантий против затей правителей, свежие следы цепей, которые еще недавно носили почти все эти энергичные люди, почти полная убежденность, в которой пребывали многие из тех, кто не очень силен в рассуждениях, убежденность в том, что, по существу, Республика, возможно, не такая уже отличная вещь; эти многообразные причины повергли почти всех в состояние душевной беспомощности, и каждый, казалось, склонился под ярмо. Я не видел никого, кто был бы склонен оживить прежнее мужество. И все же, думал я, еще существуют рвение и любовь к людям. Есть еще, вероятно, средства, способные предотвратить гибель этой Республики. Пусть же каждый соберется с силами; пусть каждый сделает то, что может. Что до меня, я со своей стороны сделаю все, на что чувствую себя способным.

Я беру слово в моем «Трибуне народа». Я обращаюсь ко всем: слушайте, те из вас, кого длинная вереница общественных бедствий, по-видимому, привела к мысли, что Республика никуда не годится и что монархия, пожалуй, заслуживает предпочтения, эти люди, признаюсь, правы. Я пишу это откровенно и большими бук-

вами: НАМ ЖИЛОСЬ ЛУЧШЕ ПРИ КОРОЛЯХ, ЧЕМ ПРИ РЕСПУБЛИКЕ. Но надо разобраться, о какой Республике идет речь. Республика, подобная той, что мы видели до сих пор, разумеется, никуда не годится. Но, друзья мои, это вовсе не настоящая Республика. Настоящей Республики вы еще не знаете.

Что ж, если хотите, я постараюсь познакомить вас с нею, и я почти уверен, что вы будете боготворить ее.

Республика — это не слово и даже не несколько слов, лишенных значения. Слова *свобода*, *равенство*, которые вам постоянно повторяли, очаровали вас в первые дни Революции, потому что вы думали, что они означают нечто благоприятное для народа. Теперь эти слова вам уже ничего не говорят, потому что вы видите, что это лишь пустые звукосочетания и украшения лживых формул. Необходимо, однако, снова показать вам, что эти слова могут и должны означать нечто весьма ценное для большинства народа.

Революция, продолжал я, обращаясь к народу, не такое действие, результат которого должен бы равняться нулю. Такие реки крови текли не ради того, чтобы положение народа стало лишь еще хуже. Когда народ совершает революцию, то это потому, что действие порочных учреждений довело до крайнего напряжения лучшие движущие силы общества и большинство полезных членов его не в состоянии больше оставаться в том же положении. Общество плохо чувствует себя в этом положении, оно испытывает потребность изменить его, и оно приходит в движение, стремясь к этому. Общество в этом случае право, потому что оно учреждено только для того, чтобы быть в целом столь счастливым, как это только возможно: *цель общества — всеобщее счастье*.

Этого-то девиза, добавлял я, заимствованного из первой статьи Конституции I года Республики, я всегда придерживался и буду постоянно придерживаться.

Равным образом, цель Революции есть счастье большинства; если, стало быть, эта цель не достигнута; если народ не оказался в лучшем положении, к которому он стремился, то революция не завершена, что бы ни говорили и чего бы ни хотели те, для которых главное — поставить свое господство на место другого; или же, если революция завершена, то она была всего лишь большим преступлением.

Затем я постарался разъяснить, что́ могло означать *всеобщее счастье*, цель общества, или *счастье большинства*, цель Революции.

Я исследовал причины, вследствие коих случалось, что большинство уже не чувствовало себя счастливым. Изучение этого вопроса привело меня к следующему результату, который я осмелился опубликовать в одном из моих первых номеров после 13 вандемьера.

«Есть эпохи, когда убийственные социальные правила приводят в конечном результате к сосредоточению богатств, принадле-

жащих всем, в руках немногих. Мир, естественно существующий, когда все счастливы, тогда неизбежно нарушается. И так как большинство народа не может более существовать, будучи лишено буквально всего и встречая со стороны тех, кто все захватил, лишь безжалостность и жестокосердие, то все это ведет к эпохе великих революций, к достопамятным периодам, предсказанным в Книгах времен, когда становится неизбежным общий переворот в системе собственности, когда восстание бедных против богатых становится необходимостью, которую ничто не может одолеть».

Я знал, что и до меня главные деятели революции понимали, что ее целью должно быть устранение бед, причиняемых старыми порочными учреждениями, и осуществление благоденствия общества.

Я даже тщательно собрал высказывания по этому вопросу одного из наших законодателей-философов, умершего во цвете лет. Из этой простой подборки постарались сделать документ в обоснование обвинения, хотя она, совершенно очевидно, была точной копией хорошо известных текстов. Этот обвинительный документ включен под номером 71 во второй из томов, составленных обвинением. Поскольку его хотели целиком использовать против меня, позволительно будет извлечь оттуда кое-что для моего оправдания:

«Для Европы счастье — новая идея... Не миритесь с тем, чтобы в государстве был хоть один несчастный или бедный... пусть Европа узнает, что вы не хотите видеть на французской территории ни одного несчастного, ни одного угнетателя... Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе разговаривать как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают[29]... Потребности трудового народа ставят его в зависимость от его врагов. Допускаете ли вы, что государство может существовать, если гражданские отношения приходят в такое состояние, которое противоречит форме правления?..».

Я воспроизвел эти светлые истины в номерах моей газеты. Я хотел тем самым разъяснить народу, каким должен быть результат революции, какой должна быть республика. Я полагал, что очень ясно слышу ответ народа. Этот ответ гласил, что такую республику он готов полюбить. Мне было приятно думать, что мои сочинения вселили в него надежду завоевать такую республику и что они весьма способствовали освобождению его от роялистских настроений.

До сих пор кто скажет, что я не делал доброе дело?

Мне могут сказать: вы зашли слишком далеко с вашими максимами...

В этом необходимо разобраться.

Государственные обвинители привели на стр. 78 приложения к их «Докладу» сочинение, озаглавленное «Анализ доктрины Бабефа». О нем много говорится в нескольких частях имеющейся в деле переписки, и считается, что оно доводит до предела все

идеи социального переворота. Поэтому полезно будет подвергнуть этот документ весьма обстоятельному рассмотрению.

«Природа, — сказано там, — дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами».

«Цель общества — защищать это равенство, часто подвергающееся в условиях естественного состояния нападению со стороны сильных и злых, и увеличивать совместным трудом всех общественное благосостояние».

«Природа возложила на каждого обязанность трудиться. Никто не может уклониться от работы, не совершая преступления».

«Как труд, так и продукт труда должны быть общими для всех».

«Если один изнурен трудом и при этом испытывает нужду во всем, тогда как другой утопает в изобилии, ничего не делая, то налицо угнетение».

«Никто не может, не совершив преступления, присвоить исключительно себе плоды земли или человеческой деятельности».

«В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных».

«Богачи, не желающие отказаться от избытка в пользу неимущих, суть враги народа».

«Никто не вправе, сосредоточив в своих руках все возможности, лишать других просвещения, необходимого для их блага: образование должно быть общим».

«Цель Революции — уничтожить неравенство и восстановить счастье всех людей».

«Революция не завершена, потому что богачи завладевают всеми благами и всем распоряжаются, тогда как бедняки трудятся, как подлинные рабы, томятся в нищете и не играют никакой роли в государстве» [30].

На вопрос, заданный мне в ходе судебного разбирательства, я заявил, что этот документ не был составлен мною, но что, найдя, что он правильно излагает провозглашенные мной принципы, я его одобрил и согласился на его опубликование. Это, действительно, верное, сжатое изложение доктрины, которую я пропагандировал в различных номерах моей газеты.

Эта доктрина, по-видимому, и составляет существенную и основную часть заговора. Она фигурирует в обвинении под заголовком «Разграбление собственности», ею государственные обвинители пугают, давая ей всякого рода одиозные наименования. Они последовательно именуют ее аграрным законом, разбоем, опустошением, дезорганизацией, ужасною системой, страшным потрясением, ниспровержением общественного порядка, жестоким проектом, результатами которого неизбежно были бы только «уничтожение рода человеческого; возвращение тех, кто выжил бы, в состояние дикости, к бродячей жизни в лесах... отказ от всякой культуры, от всякой промышленности... предоставление природе довольствоваться ее собственными усилиями... при-

чем сильный возводил бы в единственное право свое превосходство над слабым; люди в результате удачи становились бы более жестокими, чем звери, и яростно дрались бы друг с другом за попадающиеся им предметы питания...» (стр. 68 «Доклада»).

Это, несомненно, основной пункт обвинения. Другие пункты являются лишь его второстепенными деталями и дополнениями. Кто хочет цели, тот хочет и средств. Чтобы добиться некоей цели, необходимо преодолеть стоящие на пути к ней препятствия. Таким образом, если предположить, что свершится та перемена, о коей здесь идет речь, называть ли ее, следуя за государственными обвинителями, подрывающей всякий общественный порядок или вслед за философами и великими законодателями считать ее величайшим возрождением; несомненно, что эту перемену возможно осуществить, только свергнув установленное правление и подавив все, что этому воспротивится. Это свержение и это подавление являются, стало быть, лишь вспомогательным средством, необходимым следствием и вынужденными способами достижения основной цели; т. е. установления того, что философы и мы называем всеобщим счастьем и что наши обвинители называют опустошением и грабежом. Следовательно, остается математически доказанным, что та часть обвинения, которая основана на мнимом намерении построить систему, столь разно оцениваемую, остается главной и почти единственной, поскольку другие являются лишь ее ответвлениями.

Отсюда, мне кажется, вытекает необходимость рассмотрения следующих вопросов: действительно ли я проповедовал эту систему? Как я ее проповедовал? Рассматривал ли я ее чисто умозрительно или составил заговор с целью установить ее силой и вопреки народу? Действительно ли доказано, что эта система дурная и разрушительная? Не проповедовалась ли эта система никогда никем, кроме меня? Не проповедовали ли ее до меня и стремились ли даже при королях наказывать ее первых апостолов?

Многие из этих вопросов будут вскоре разрешены. Первый из них будет решен в двух словах. Я действительно проповедовал систему всеобщего счастья; под этим я понимаю счастье всех. Я сказал, что общественный договор, установивший в первой своей строке, что счастье есть единственная цель общества, утвердил в этой строке неоспоримый образец всякой истины и всякой справедливости. В ней полностью заключается и книга закона, и книга пророков. Кто посмеет утверждать, что люди, объединяясь в сообщество, могли иметь иную мысль, иное желание, кроме желания всем быть счастливыми? Кто посмеет утверждать, что люди согласились бы на такое объединение, ежели бы их предупредили, что будут созданы учреждения, которые приведут к тому, что большинство будет нести все бремя труда, будет истекать потом и кровью и умирать с голоду, чтобы содержать горсточку привилегированных граждан в праздности и наслаждениях? Но поскольку все именно так и случи-

лось, а вечные права отменить невозможно, то, уже в силу одного того, что я — человек, разве я не имею права потребовать в любое время осуществления первоначального договора, который, даже если он был молчаливым, природа неизгладимо запечатлела в глубине всех сердец? Да, есть голос, который кричит всем: цель общества — всеобщее счастье. Таков первоначальный договор; не понадобилось больше слов, чтобы его выразить; он достаточно широк, потому что все учреждения должны вытекать из этого источника и ни одно не должно вырождаться.

Что касается второго вопроса, я проповедовал систему счастья всех только в виде человеколюбивого умозрения, только как простое предложение народу и только при обязательном условии его согласия. Отсюда видно, как далеко я мог продвинуться; ибо нельзя, не предаваясь крайней иллюзии, воображать, что это согласие легко можно получить, и гораздо легче, признаюсь, подсчитать все препятствия на пути, все бесконечные сопротивления и заранее признать их неодолимыми.

В ходе моего повествования я докажу, что я ничего не сделал для того, чтобы установить эту систему силой и вопреки воле народа.

Чтобы определить, действительно ли эта система так плоха, разрушительна и достойна осуждения, как то пожелали утверждать государственные обвинители, нужно выслушать в порядке противовеса, граждане присяжные, некоторые соображения, выдвинутые мной в обоснование этой системы в ходе моей пропаганды. Помимо уже отмеченного разбора, не мною составленного, как я уже сказал, но мною одобренного и принятого, я сам изложил в одном из моих сочинений резюме этой доктрины, подтверждающее ее правильность... Я в точности вам его перескажу, граждане присяжные. Это моя откровенная и искренняя исповедь. С точки зрения широко распространенных сейчас представлений об устройстве общества, в том, что я вам сообщу, многое, может быть, покажется вам шокирующим. Но, прошу вас, не пугайтесь и выслушайте меня до конца, судить надо мою душу и мои намерения. Я хочу, чтобы вы свое внимание сосредоточили главным образом на том, что таится в глубине моего сердца, и на самой сути моих стремлений. Надеюсь, я сумею показать вам, что мои размышления о социальных принципах всегда основывались на чистейшем человеколюбии. Итак, вот заявление, которое считаю долгом сделать вам с полным доверием по поводу всего того, что я провозглашал в своих сочинениях о цели и мотивах, заставляющих людей объединяться в гражданское общество.

«Участь каждого человека (писал я в моем «Трибуне народа», № 35, стр. 102), участь каждого человека не должна ухудшиться с переходом от естественного состояния к общественному.

Первоначально земля ничья, ее плоды принадлежат всем.

Институт частной собственности есть обман, учиненный над множеством простых и добрых людей; его законы неизбежно

должны были создать счастливых и несчастных, хозяев и рабов.

Закон о наследовании в высшей степени несправедлив. Он создает обездоленных уже со второго поколения. Двое детей одного достаточно богатого человека делят поровну его имущество. У одного из них один ребенок, у другого их двенадцать. Каждый из последних получит лишь двенадцатую часть имущества первого брата и двадцать четвертую часть имущества своего деда. Этой части недостаточно для прожития. Он вынужден работать на этого богатого двоюродного брата; так внуки одного и того же человека делятся на хозяев и слуг.

Столь же несправедлив закон об отчуждении. Этот человек, уже господин над другими внуками того деда, от коего и он происходит, по собственному усмотрению оплачивает работу, которую они вынуждены делать для него; эта заработная плата недостаточна для их существования; они вынуждены продать тому, от кого они зависят, свою жалкую долю наследства; и вот они экспроприированы; если они оставят детей, то тем негде будет преклонить голову.

Есть еще третья причина, создающая деление на хозяев и слуг, на чересчур счастливых и чересчур несчастных: это такие различия в оплате и оценке разных произведений труда и предприимчивости, которые покоятся лишь на умозрительных представлениях. На основе этих-то фантастических представлений рабочий день того, кто делает часы, оценивается в 20 раз выше рабочего дня того, кто пашет землю и выращивает пшеницу. Результатом этого является, что заработок рабочего-часовщика позволяет ему приобрести достояние 20 работников плуга, которых он, следовательно, экспроприирует.

Эти три корня общественных недугов, исходящие от одного и того же ствола собственности, я имею в виду право наследования, право отчуждения и произвольные различия в оценке разнообразных произведений труда, порождают все пороки общества. Они разъединяют всех его членов. Они превращают каждую семью в маленькую республику, неизбежно интригующую против большой республики и тем все более и более укрепляющую убийственное неравенство».

Граждане присяжные, когда я пришел к таким заключениям, которые не мог не рассматривать как неопровержимые истины, я вскоре должен был сделать из них следующие выводы:

«Если земля ничья; если ее плоды принадлежат всем; если то, что собственность находится в руках меньшинства, есть лишь результат нескольких несправедливых установлений, нарушающих основное право, то из этого следует, что такая собственность меньшинства есть незаконный захват; из этого следует, что во все времена все, что отдельный человек захватывает в виде земли или плодов земли сверх необходимого для его пропитания, является воровством у общества».

И, следуя от вывода к выводу, твердо веря в то, что никакая

истина не должна быть скрыта от людей, я пришел к таким умозаключениям, которые я опубликовал:

«Все, чего недостает члену общества для удовлетворения всех его повседневных потребностей, есть результат похищения его естественной личной собственности захватчиками общих благ.

Все, что член общества имеет свыше необходимого для удовлетворения его повседневных потребностей, является результатом ограбления им других сочленов по обществу и неизбежно лишает этих сочленов их доли в общих благах.

Наследование, отчуждаемость суть учреждения, гибельные для человечества.

Превосходство талантов и предприимчивости является лишь химерой и благовидным обманом, который всегда служил заговорщикам в их кознях против равенства и счастья людей.

Нелепо и несправедливо притязать на большее вознаграждение тому, чья работа требует более высокого уровня умственного развития, большего прилежания и напряжения ума; это нисколько не увеличивает вместимости его желудка.

Нет никаких оснований притязать на вознаграждение, превышающее удовлетворение личных потребностей.

Только общественный предрассудок придает особую ценность умственному развитию; нужно еще, возможно, выяснить, не заслуживает ли ее в той же мере чисто природная сила, физический труд.

Только люди умственных занятий дали столь высокую оценку произведениям своего мозга; можно не сомневаться, что если бы это зависело от людей физического труда, они установили бы, что заслуги рук не меньше, чем заслуги головы, а усталость всего тела равна усталости той его части, которая занята размышлением.

Без этого необходимого уравнения более смышленым, более предприимчивым дается патент на ограбление, право беспрепятственно обирать тех, кто менее одарен этими качествами.

Именно таким образом в общественном состоянии было разрушено, опрокинуто имущественное равновесие, ибо убедительно доказано следующее положение: добиться обладания излишком можно, только сделав так, чтобы у других не было достатка.

Все наши общественные установления, все наши взаимоотношения являются лишь актами непрестанного разбоя, освящаемого варварскими законами, под сенью которых мы заняты только тем, что обираем друг друга.

Наше общество плутов вследствие того, что в нем заложены такие скверные основы, порождает всевозможные пороки, преступления и несчастья, против которых тщетно объединяются некоторые честные люди, объявив им войну; они не могут победить, потому что нападают не на зло в самом его корне, а применяют лишь паллиативы, которые они находят среди ложных идей, вызванных нашей общей развращенностью.

Из всего сказанного ясно: все, чем владеют те, чья собственность превышает их индивидуальную долю в общественном имуществе, является кражей и узурпацией.

Следовательно, справедливо отобрать у них это.

Даже тот, кто доказал бы, что в состоянии благодаря своим природным способностям сделать столько же, сколько делают четверо, и на этом основании потребовал бы вознаграждения за четверых, был бы все же заговорщиком против общества, ибо уже одним этим поколебал бы его равновесие и разрушил бы драгоценное равенство.

Благоразумие повелительно требует от всех членов общества укрощать такого человека, преследовать его как общественное бедствие, обязывать его делать только то, что производит один, чтобы он мог требовать вознаграждения, причитающегося только одному человеку.

Один только род людской ввел это губительное различие в оценке заслуг, и только он поэтому испытывает лишения и бедствия.

Никто не должен испытывать недостатка в том, что природа дает всем, производит для всех; если этот недостаток является неизбежным следствием природных бедствий, то эти лишения в равной мере должны переносить все.

Произведения мастерства и таланта становятся, таким образом, общей собственностью, достоянием всего общества с того момента, как изобретатели и труженики их создали; потому что они основаны на предшествующих достижениях мастерства и умения, которыми, живя в обществе, пользовались новые изобретатели и труженики при своих новых открытиях.

Поскольку приобретенные знания являются общим достоянием, они должны в одинаковой мере распределяться между всеми.

Только в силу злонамеренности, предрассудков или по недомыслию можно оспаривать истину, что такое равное распределение знаний между всеми сделало бы людей почти равными по способностям и даже по талантам.

Образование противоестественно, когда оно основано на неравенстве и является исключительным достоянием только части общества; ибо тогда оно становится в руках этой части машиной, оружием, с помощью которого она сражается против другой части, безоружной, и, следовательно, без труда усмиряет ее, обманывает ее, грабит ее, порабощает ее самым позорным образом.

Нет истин более важных, чем те, которые провозгласил один философ в следующих выражениях: «Рассуждайте сколько угодно о лучшей форме правления; вы ничего не добьетесь, пока не уничтожите основы алчности и честолюбия» [31].

Следовательно, общественные учреждения должны вести к тому, чтобы навсегда отнять у каждого надежду стать более богатым, более влиятельным, превосходящим своими знаниями кого-либо из своих сограждан.

Точнее говоря, надлежит обуздать судьбу; сделать каждого из членов общества независимым от удачи, от счастливого или неблагоприятного стечения обстоятельств; обеспечить каждому человеку и его потомству, сколь бы многочисленно оно ни было, достаток и ничего, кроме достатка, и навсегда уничтожить все возможности для того, чтобы кто-либо мог получить свыше положенной ему доли в произведениях природы и труда.

Единственный способ достигнуть этой цели состоит в том, чтобы установить общее управление; уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека соответственно его дарованию к мастерству, которое он знает; обязать его сдавать в натуре плоды своего труда на общий склад и создать простую администрацию продовольствия, которая, ведя учет всех сограждан и всех изделий, распределит последние на основе строжайшего равенства и распорядится доставить их по месту жительства каждого гражданина.

Такое правление, осуществимость которого доказана на опыте, поскольку оно применяется к 1 200 000 человек в наших 12-ти армиях (что возможно в малых размерах, возможно и в больших), такое правление единственное, которое может обеспечить счастье для всех, неизменное, безоблачное: всеобщее счастье, цель общества.

При таком правлении, продолжал я, исчезнут межевые столбы, изгороди, заборы, замки на дверях, ябеды, тяжбы, кражи, убийства, все преступления; суды, тюрьмы, виселицы, наказания, отчаяние, вызываемое всеми этими бедствиями; зависть, ревность, ненасытность, спесь, обман, двуличие, наконец, все пороки; не будет больше (и это, конечно, самое важное) червя постоянно грызущей каждого из нас тревоги относительно того, что ждет нас завтра, через месяц, через год, в старости, что ждет наших детей и внуков».

Такова, граждане присяжные, объясняющая законы природы картина, которую я создал в своем уме. Своим умственным взором я видел все это начертанным на их бессмертных страницах. Я их раскрыл и опубликовал. Очевидно, потому что я люблю людей и убежден в том, что задуманная мною общественная система одна лишь способна составить их счастье, я очень желал, чтобы они захотели принять ее. Но я был далек от чересчур иллюзорного представления, будто мне удастся убедить их решиться на это: нужно было бы никогда ни на минуту не задумываться над множеством страстей, под ярмом коих мы находимся в переживаемую нами эпоху всеобщей испорченности, чтобы не понять, что шансы против возможности осуществления такого проекта составляют сто против одного. Даже самый бесстрашный сторонник этой системы будет так же в этом убежден.

Стало быть, граждане присяжные, чего душа моя искала больше всего — это утешения. Такова естественная и очевидная склонность всякого человека, который, любя своих ближних, взи-

рая на бедствия, их терзающие, раздумывая над тем, что они сами их на себя навлекают, разыскивает затем в своем воображении те средства исцеления, которые они могли бы принять. Если ему кажется, что он нашел эти целебные средства, он, не будучи в состоянии дать их людям, огорчается за тех, чьих страданий он не может устранить, и довольствуется слабым возмещением, написав для них рецепт, указывающий, что может дать им облегчение во все времена. Именно это и делали все наши философы-законодатели, и я был всего лишь продолжателем и учеником одних, последователем, подражателем и истолкователем других. Руссо говорил: «Я понимаю, что нельзя задаваться химерической мечтой создать общество, состоящее сплошь из порядочных людей, но я считал себя обязанным открыто сказать всю правду». Если меня осудят за все те положения, в которых я только что сам себя обвинил перед вами, граждане присяжные, то этот процесс будет процессом названных великих людей. Они были моими учителями, они меня вдохновляли... моя доктрина — это всего лишь их доктрина. Это в преподанных ими уроках я черпал эти понятия «грабежа», эти принципы, именуемые «опустошительными». Вы должны также обвинить королевское правительство за то, что оно не было столь же инквизиторским, как правительство нынешней нашей Республики; вы должны обвинить его в том, что оно не помешало книгам авторов-совратителей, всяких Мабли, Гельвециев[32], Дидро и Жан-Жаков, попасть в мои руки. Все правители должны были бы отвечать за беды, не предотвращенные ими. Человеколюбцы наших дней! Я обращаюсь в первую очередь к вам: эта философская отрава меня погубила. Не будь ее, я, быть может, имел бы вашу мораль, ваши добродетели. Подобно вам, я с величайшей ненавистью относился бы к разбою, к потрясению нынешних общественных учреждений; я с самою нежною заботой относился бы к небольшому числу сильных мира сего; я был бы беспощаден к страдающему большинству... Но нет, я не стану раскаиваться в том, что был воспитан в школе названных мною знаменитых людей; я не буду кощунствовать против них, я не отрекусь от их доктрин. Если нужно, чтобы топор ликтора опустился на мою голову, я всегда к тому готов: прекрасно сложить голову за добродетель...

Если вы, граждане присяжные, способны осудить нас за наши демократические и подлинно народные убеждения (которые превратили в главный пункт обвинения против нас, назвав их проектом разграбления имуществ), то этот процесс станет судом над всеми философами, чей прах покоится в Пантеоне, и, когда я говорю вам это, я ничего не выдумываю. Они, эти философы, тоже вырабатывали и публиковали такие проекты. Отрывки из них имеются в томах обвинительных документов. И вот почему я полагаю себя вправе питать сильнейшее подозрение, что их собираются судить вместе с нами. Иначе зачем было бы включать туда тексты, которые я сейчас приведу и которые обвиняют автора «Общественного договора»?.. Во всяком

случае, среди них есть такие, упомянутые на стр. 74, 75 и 76 второго тома вещественных доказательств. Я читаю там (стр. 74):

«До того, как были придуманы эти ужасные слова „твое“ и „мое“; до того, как появились два рода людей: одни, жестокие и грубые, которых зовут „хозяевами“, и другие — плуты, лжецы, именуемые „рабами“; до того, как появились люди столь низкие, что позволяли себе обладать излишками, когда другие умирали с голоду; до того, как взаимная зависимость заставила их всех стать обманщиками, завистниками и предателями... я хотел бы, чтобы мне объяснили, в чем могли состоять тогда их пороки, их преступления... Меня уверяют, что люди давно потеряли веру в химеру золотого века. Почему не добавляют, что уже давно потеряли веру в химеру добродетели!»

Подлинник этого документа написан рукою Бабефа, сказано в томе Верховного суда. Я вам отвечаю, что это только копия. Доказательство, которое я приведу для этого документа, заставит, возможно, с бо́льшим доверием отнестись и к другим. Подлинник написан рукою Ж.-Ж. Руссо. Что до этого нового заговорщика, я не боюсь его скомпрометировать. Он не может быть заклеймен или затронут приговором этого суда. Поэтому я не колеблюсь сказать, что это он председательствовал в Обществе флореальских демократов; он был одним из их главных вдохновителей. Но когда было написано то его сочинение, которое я цитировал? — В 1758 году. Это ответ философа лионскому академику Борду[33] касательно рассуждения о науках и искусствах. Следовательно, этот документ значительно предшествует рассматриваемому заговору! О, все равно. К тому же, как мы увидим дальше, этот заговор начинается еще много ранее. Бедный Ж.-Ж!.. Ты тем не менее будешь судим заочно вместе с Феликсом Лепелетье, Робером Ленде и Друэ!!!.. Счастливый! тебя этот приговор уже не затронет.

Что вижу я? В конце стр. 75 я читаю:

«Какое зрелище явил бы нам род человеческий, составленный исключительно из землепашцев, солдат, охотников и пастухов? Неужто счастье мы будем искать среди грубых людей? — Гораздо разумнее искать его там, нежели искать добродетель среди других. Какое зрелище явил бы нам род человеческий, состоящий исключительно из поваров, печатников, ювелиров, художников и музыкантов?»

Это все из того же письма, которое Руссо написал академику Борду. Надо признать, что эти максимы очень похожи на те, которые мы находим у заговорщиков флореаля. Следующая фраза из манифеста Равных была тщательно отмечена: «Да погибнут, если нужно, все искусства, лишь бы мы добились действительного Равенства». Как видите, это не более как напоминание или подражание тем максимам Руссо, которые я только что привел. Стало быть, не зря их включили в число обвинительных документов. Но, повторяю, ошибочно утверждение, будто подлинник

написан моею рукой. Равным образом не мне принадлежат следующие строки, которые можно прочесть на стр. 76:

«Кое-кто полагает сильно смутить меня вопросом, до какой степени надлежит ограничить роскошь. Мое мнение таково, что она не нужна совсем. Все, что свыше физически необходимого, является источником зла».

Это-то место и есть чистый и полный вандализм. Оно, по меньшей мере, равноценно следующему заявлению: «Да погибнут все искусства». Правда, следующая выдержка несколько смягчает смысл:

«Я отнюдь не предлагаю убедить людей довольствоваться одним необходимым. Я понимаю, что не следует задаваться химерическою надеждою и т. д. ... Я узрел зло и пытаюсь найти его причины. Другие, более смелые или более разумные, смогут искать средство исцеления от него».

Легко убедиться в том, что эти-то люди и их сочинения испортили нас. Но жив ли еще г-н Борд из Лиона, получавший эти письма? Что думал он? О, я, кажется, припоминаю его ответы Руссо: он не разделял его дезорганизаторских воззрений.

Граждане присяжные, необходимо, совершенно необходимо показать вам в возможно более сжатом изложении, что убеждения, которые ставят нам в упрек, что максимы, в которых нас так строго обвиняют, суть те, которые провозглашались всеми учителями рода человеческого, теми, кто вызывает у всех нас горячее восхищение. Ибо в конце концов ведь авторитет, которым эти великие люди пользуются среди нас, имеет еще какое-то значение. И если мы докажем, что в условиях республиканского строя мы всего лишь пропагандировали и предлагали те же мысли, те же истины, которые они точно таким же образом беспрепятственно пропагандировали и предлагали при королях, то из этого можно будет сделать вывод, что мы вовсе не экстравагантные и преступные новаторы, достойные жесточайшей казни.

Этот Руссо, ставший здесь нашим сообщником, сказал по данному вопросу не так уж много сверх процитированного мною из его сочинений по документам обвинения. Но несколько его слов стоят целых томов. Я знаю еще следующие короткие, но прекрасные его изречения: «Вы погибли, если забудете, что плоды земли принадлежат всем, а сама земля — никому. — Чтобы усовершенствовать общественное состояние, надо, чтобы каждый имел достаток и никто не имел избытка. — Неужели вам не ведомо, что множество ваших братьев гибнет или страдает от нужды в том, что вы имеете в избытке, и что вам требовалось формальное и единодушное согласие человеческого рода для присвоения вами из общественных предметов питания количества, превышающего вашу долю? — Несмотря на все труды мудрейших законодателей, политическое устройство оставалось все же несовершенным, потому что оно было почти всецело делом случая, а так как это устройство было плохим с самого начала, то с течением времени могли быть обнаружены его недостатки, найдены средства их

устранения, но никак не исправлены пороки, лежащие в его основе: без конца чинили, тогда как нужно было сначала расчистить место для постройки и убрать старые материалы, как это сделал Ликург в Спарте, чтобы затем уже воздвигнуть добротное здание. — Ненасытное честолюбие, страсть к увеличению относительных размеров своего состояния не так в силу действительной потребности, как для того, чтобы поставить себя выше других, внушают всем людям низкую склонность взаимно вредить друг другу, тайную зависть, тем более опасную, что, желая вернее нанести удар, она часто рядится в личину благожелательности, — словом, состязание и соперничество, с одной стороны, противоположность интересов, с другой, и повсюду желание выгадать за счет других. Все эти бедствия — первый результат и неотделимые спутники собственности[1*]. — Не может быть причинен ущерб там, где полностью отсутствует собственность[2*]».

Таковы заблуждения Руссо, нашего сообщника, относительно права собственности — всеобщей и главной опоры общественного порядка, как утверждают государственные обвинители[3*], которые объяснили бы женевскому мечтателю, что противоположная доктрина зловредна. Они сказали бы ему: «Уничтожение этого права означает ужасное потрясение... Покончить с собственностью! Что станет немедленно с искусствами? Что станет с промыслами? Земля ничья: откуда возьмутся руки, чтобы ее обрабатывать? Кто будет собирать ее плоды, если никто не сможет сказать: они мои. Разве вы не видите, как разбой и грабеж опустошают землю? Общественные различия и прерогативы могут исчезнуть, но природное неравенство останется... Сильный раздавит слабого. Люди, став по необходимости более жестокими, чем звери, будут яростно оспаривать друг у друга пищу, которая им попадется; ибо как она может удовлетворить многочисленное население, когда промышленность и торговля не восполняют того, что может произвести природа, предоставленная самой себе. Род человеческий будет уничтожен; кто выживет, обратится в состояние дикости, будет бродить по лесам. Такова перспектива, которую предлагает нам система, милая сердцу руководителей этого заговора[4*].

Вот видишь, Руссо, и ты, а заодно и твое знаменитое рассуждение о неравенстве победоносно опровергнуты. Мог ли бы он завоевать премию Дижонской академии, если бы там заседал глубокомысленный автор «Доклада» о флореальском заговоре? О, в наши дни, дни свободы, он не был бы даже допущен к конкурсу. Он был бы обличен, ему предъявили бы приказ об аресте, был бы составлен обвинительный акт по образцу какого-нибудь Жерара[35], и он оказался бы здесь, на скамье подсудимых.

[1*] *Руссо.* О неравенстве состояний.
[2*] Руссо о Локке[34]. О неравенстве состояний.
[3*] Стр. 67 «Доклада».
[4*] Стр. 67 и 68 «Доклада».

Что было бы с Мабли!.. Демократичный, человечный, чувствительный Мабли был гораздо более явным дезорганизатором, заговорщиком совсем иного закала, нежели женевский мыслитель. Он куда яростнее выступал против собственников. Надо послушать, как он гремел против них. После этого каждый скажет, сколь поучительно видеть, как сегодня преследуют учеников, тогда как при правлении Капетов учителя так громко и так полно исповедовали ту же самую доктрину.

«Природа, — говорит Мабли, — хотела, чтобы равенство граждан в имуществе и положении в обществе было необходимым условием преуспеяния государств...»

И в другом месте:

«Законодатель только зря будет трудиться, если все его внимание не будет обращено прежде всего на установление равенства граждан в отношении имущества и положения в обществе...»

«Проследите, — говорит он дальше, — проследите цепь всех наших пороков, первое звено связано с имущественным неравенством...»

Он восходит к идеям государства и первоначального права. Он говорит:

«Равенство необходимо людям. Природа дала его нашим праотцам как закон, и она столь ясно объявила свою волю, что невозможно было не знать ее... В самом деле, кто станет отрицать, что, выходя из ее рук, мы пребываем в самом совершенном равенстве? Разве не дала она всем людям одинаковые органы, одинаковые потребности, одинаковый разум? Разве блага, расточаемые ею на Земле, не принадлежали им всем сообща? Где вы найдете начала неравенства? Определила ли она для каждого отдельное владение? Разве она установила межевые столбы на полях? Стало быть, она не создавала богатых и бедных?»

Наш философ мысленно переносится в эпоху первых общественных учреждений. Вот как он представляет себе их устройство:

«Разумно предположить, — говорит он, — что наши предки, будучи вынуждены работать, чтобы добыть себе пропитание, объединили свой труд, как уже ранее они объединили свои силы для образования общественной силы. После того как они объединили свой труд, они должны были сообща собирать его плоды. Вы видите, как мудро природа все подготовила, чтобы привести нас к общности имущества и не дать нам пасть в пропасть, куда повергло нас установление собственности. Что касается меня, признаюсь вам, я не только не смотрю на эту общность как на неосуществимую химеру, но мне трудно понять, как люди дошли до установления частной собственности...».

Когда он переходит к изучению устройств и учреждений несколько более усовершенствованного государства, он восхищается их простотою и проистекающим из этого счастьем: «Я представляю себе, — восторженно восклицает он, — я представляю себе граждан разделенными на различные классы. Самые силь-

ные назначены обрабатывать землю, другие заняты грубыми ремеслами, без коих общество не может обойтись. Я представляю себе повсюду общественные склады, где хранятся богатства республики, и должностных лиц, подлинных отцов отечества, почти исключительно занятых охраною нравов и распределением между всеми семьями необходимых им вещей. . .».

В другом месте, сказав еще раз, что главный источник удручающих человечество несчастий — это частная собственность, он выступает также против несправедливого института наследования: «Каким бы равным ни был первоначальный раздел имуществ какой-либо республики, будьте уверены, что в третьем поколении уже не будет равенства между гражданами. У вас один сын, воспитанный у вас на глазах в бережливости и труде, и он получит ваше наследство полностью, тщательно сохраненное. Тогда как я, кому природа не дала ни ваших сил, ни ваших талантов, менее активный, менее изобретательный или менее счастливый, я разделю свое наследство между тремя или четырьмя детьми, ленивыми и мотами, — вот вам люди, неизбежно неравные. Ибо имущественное неравенство неминуемо порождает различие потребностей и некое подчинение одних другим, что отвергается законами природы и разумом. . .».

Наконец, добрый Мабли находит окончательный план своей республики: «Мы ее составим из людей, которые все будут равны, все богаты, все бедны, все свободны, все братья. Наш первый закон будет: ничем не владеть на правах собственности. Мы будем нести в общественные склады плоды наших трудов; это будет государственная казна и имущество каждого гражданина. Ежегодно отцы семейств будут выбирать экономов, которым будет поручено распределять предметы, необходимые для удовлетворения потребностей каждого отдельного человека, предписывать ему, какую работу он должен выполнять в пользу Сообщества, и сохранять добрые нравы в государстве».

Но я выделяю ту часть «Доклада» от 6 вантоза, которая является ответом на эти человеколюбивые мечтания того, кто внушил нам подобные же мечтания. На стр. 67 этого «Доклада» я читаю следующий абзац, который, думаю, сочинен специально для демократа Мабли. Последний, правда, опирался на соображения и принципы; но это не мешает ответить ему разглагольствованиями.

«Кто дерзнул бы измерить всю глубину такой пропасти? Кто дерзнул бы предусмотреть все страшные последствия, вызванные тем, что пугающе огромная масса пролетариев, умноженная развратом, леностью, всеми страстями и всеми пороками, столь быстро распространяющимися среди развращенной нации, внезапно ринулась бы на класс собственников, а также разумных, изобретательных и бережливых граждан».

Мы видим, как легко судьям, облеченным силою, опрокинуть несколькими громкими словами целое здание, выстроенное из мощных аргументов и неопровержимых принципов. Никому нет

дела до того, что его сооружение было связано с большими затратами, что оно отмечено внушительной печатью гения и с ним связано имя, окруженное заслуженной славой. Мое положение не очень подходит для того, чтобы я мстил за оскорбления, которыми здесь осыпают суверенный народ с дерзостью, превосходящей любые проявления презрения к народу при старом режиме. По крайней мере, здесь соглашаются признать, что «масса пролетариев», экспроприированных, «пугающе огромна», что она образует большинство «нации, которая вся развращена», за исключением «класса собственников, разумных и изобретательных граждан», именно его защитниками здесь с гордостью себя провозглашают. Все остальное, «умноженное развратом, леностью, всеми страстями и всеми пороками», не заслуживает быть принятым в расчет. Надо понимать, что это отнюдь не те, кто работает, и что они полностью на содержании трудолюбивого меньшинства, «разумного и бережливого».

Неужели вы еще не пришли к единодушному мнению, граждане присяжные, что те слабые сочинения, которые мы смогли создать на тему о действительном равенстве, о системе общего управления, суть лишь пересказы и толкования прославленных публицистов, говоривших об этих важных материях задолго до нас, и что мы не могли произвести действия более сильного, чем произведенное ими. Поскольку их столь справедливо прославленные произведения попали в руки всех, постоянно переиздаются, причем никто не боится, что под их влиянием произойдет революция против собственников, то можно быть абсолютно спокойным относительно действия нескольких концепций, получивших гораздо меньшее распространение и гораздо менее способных впечатлять души. А Манифест Равных, который даже не вышел из пыльной папки, и, пожалуй, никогда не увидел бы света, если бы не известность, созданная ему этим судом, не содержит, конечно, ничего сверх того, что есть в манифестах Ж.-Ж. Руссо и Мабли, которые я разобрал. Почему же столько шума о нем? Эх, граждане собственники, не бойтесь ничего. Полагайтесь для сохранения столь любимой вами системы на страсти, на предрассудки, на привычки, на пороки, под властью коих мы находимся. Тщеславие, жадность, эгоизм — все это барьеры, охраняющие вас от всяких опасностей. Что до меня, я не стану оскорблять нацию, заявляя, что она совершенно развращена, но смею утверждать, что она отнюдь не настолько добродетельна, чтобы принять порядок вещей, который, по мнению мудрых, сделал бы ее счастливой тем естественными и чистым, простым и невинным счастьем, от коего она ныне слишком далека, чтобы иметь о нем хотя бы правильное представление.

Защищаясь от обвинения в призыве к фактическому равенству, которое перевели словом грабеж, сошлюсь, наконец, на крупный авторитет. Этот внушительный авторитет — Дидро. Это, конечно, самый решительный, самый бесстрашный, я сказал бы, самый пламенный борец за нашу систему. И если я докажу, что

он боролся за нее гораздо более смело, чем мы, и что короли ему не мешали в этом, мне, может быть, удастся внести некоторое успокоение в испуганные умы, коим хотели внушить, что стоит напечатать в памфлете слова всеобщее счастье, чтобы сразу вызвать подрыв учреждения собственности.

Законодатели-мыслители всегда обращаются к первым правилам природы для изучения подлинных основ прав народов. Когда они действуют честно, они стараются верно следовать природе. Они ни в чем не отклоняются от ее воли, выраженной ею слишком ясно, чтобы справедливые умы не могли ее уловить. Дидро был одним из ее лучших истолкователей. Вот откровения его священных оракулов, которые он нам оставил:

«Природа, — восклицает он, — через равенство чувств и потребностей дает людям почувствовать равенство их состояний и прав и необходимость совместного труда.

Единственный порок, который я знаю в мире, это корыстолюбие. Все другие пороки, как бы их ни называть, лишь оттенки, степени этого порока: это Протей и Меркурий, основа и средство распространения всех пороков. Проанализируйте тщеславие, фатовство, спесь, честолюбие, коварство, лицемерие, злодейство; разложите на составные части также большинство наших ложных добродетелей; все это сводится в конечном счете к этому неуловимому, но зловредному свойству, желанию обладать. Вы его обнаруживаете даже в глубине бескорыстия... Полагаю, что вы не станете оспаривать очевидность следующего предположения: там, где не было бы никакой собственности, не могло бы существовать ни одно из ее зловредных последствий».

Он рассматривает затем причины того, что все законодательства плохи. Это потому, что все они отталкиваются от ложной точки. Все хорошие авторы планов реформ сошлись на одних и тех же идеях и почти на одних и тех же выражениях, потому что все они исходили из одного и того же принципа. Вот как Дидро определяет основной порок конституций. Он говорит:

«Реформа, которая ничего не улучшает, портит все.— Законы, давшие лишь паллиативные лекарства от болезней человечества, могут рассматриваться как первопричины тех плачевных последствий, к которым приводит это плохое лечение. Можно также обвинить их в том, что они — вторичная причина болезней, вызванных их неосторожностью или своевременно не остановленных ими. Часто люди, составлявшие эти законы, принимали за благо то, что на деле являлось злоупотреблением, и трудились, так сказать, стремясь усовершенствовать и упорядочить само несовершенство и наиболее отвратительные вещи привести в хорошее состояние».

Куда наш философ ведет нас? К доказательству того, что всякое законодательство, не основывающееся на упразднении частной собственности, никуда не будет годиться. Вот к какому заключению он приходит:

«Единственная причина всех болезней и всех беспорядков общества может быть выведена из общего упорства, с которым законодатели рвут или позволяют рвать первое звено всякого общества, создавая частные владения путем узурпаций из фонда, который должен нераздельно принадлежать всему человечеству».

Он рассматривает эту идею со всех сторон. То он говорит:

«Если спросить, что правит людьми, то, будь то обладатель скипетра или пастушеского посоха, носитель тиары или самого дрянного клобука, ответ будет прост: личный интерес... Кто породил этого монстра? Собственность. Мудрецы Земли!.. Рассуждайте, сколько вам угодно, о лучшей форме правления... если вы не срубили корня собственности, вы ничего не сделали».

То он повторяет эту же идею, даже в более широком масштабе, посредством простой фразы:

«Эта неустойчивость, эти периодические превратности, переживаемые государствами, разве они были бы возможны там, где все имущества были бы безраздельно общими?»

В другом месте наш философ рассматривает вопрос в аспекте того всеобщего невежества, коего причиною является отсутствие предлагаемой им системы:

«С какого момента происходит превращение большинства в некую слепую толпу? Не с того ли, когда собственность и корысть в сочетании с порожденными ими заблуждениями создали столь разнообразное и сложное расхождение между желаниями людей, что среди тысячи человек едва найдутся десять, которые могли бы прийти к согласию о способе рассмотрения какого-нибудь полезного предмета либо о верных средствах обеспечить себе равное пользование им? Почти ни у кого нет правильного представления о том, что составляет сущность подлинного блага общества, каким бы малым оно ни являлось».

Дидро рассматривает там тот же вопрос и в аспекте исчезновения всех зол и всех преступлений в обществе:

«До тех пор пока законы природы сохраняются полностью, никакое преступление невозможно...

Когда человек освободится от тирании собственности, совершенно невозможно, чтобы он предавался преступлениям, чтобы он стал вором, убийцей, завоевателем...

Устраните собственность... отвергните предрассудки и поддерживающие их заблуждения, и у людей не будет больше ни наступательного, ни оборонительного сопротивления; не будет больше ярых страстей, жестоких действий, никаких понятий и представлений о нравственных болезнях...

Дух собственности и корысти располагает к принесению в жертву своему счастью всего рода людского...».

В виде естественного следствия мыслитель выводит противоположное из духа отсутствия собственности; он замечает, что:

«По всей земле самыми гуманными, самыми кроткими были те нации, у которых не было почти никакой собственности, или те, которые еще не установили ее у себя повсюду».

Дальше наш мудрец восторгается, он предается сладостным мечтам; он поэтически переносится мыслью ко временам и местам, где процветали прекрасные дни Равенства:

«Почти все народы, — говорит он с горячим восхищением, — имели и все еще имеют представление о золотом веке, который поистине установится тогда, когда между людьми воцарится то совершенное товарищество, законы которого я изложил».

Затем он выражает сожаление по поводу того, что среди всех, кого призывали составлять законы для людей, не нашлось почти никого, кому пришли бы в голову верные понятия законодательства:

«Когда народы, устав от собственных преступлений, начали вздыхать о сладостях товарищества и подчиняться приказаниям и советам тех, кого считали способными восстановить его, разве тогда нельзя было без труда объяснить им, что первопричиной всех бед является собственность, и внушить к ней ненависть? ..».

Он также жалуется на недостатки, на нелепость наших представлений о подлинных основах законов:

«Наши собрания установлений общественного права могли бы, — замечает он с сожалением, — с полным основанием называться так: Методы приобщения людей к цивилизации с помощью уставов и законов, наиболее способных сделать их свирепыми и жестокими...».

Он доказывает, что, не будь собственности, исчезли бы все источники внутренних и внешних войн:

«Предотвратите, — говорит он, — причины всяких войн. Какая польза от законов о перемириях? ..».

В двух словах он рисует прелести и блаженство того общественного состояния, которое его воспламеняет. Он говорит по этому поводу:

«Правильные общественные договоры должны стремиться поддерживать между людьми столь совершенную взаимную помощь, чтобы ни у кого не было недостатка не только в необходимом и полезном, но даже и в приятном».

Он позволял себе даже питать надежду, что рано или поздно его призывы окажут воздействие, убедят людей и его план будет наконец принят:

«Я лишь указываю, — говорил он, — куда следует нанести удар, чтобы поразить корень всех зол. Люди, более способные, чем я, сумеют, может быть, убедить...».

Он был одушевлен такой верой, что был убежден, что даже короли, превратившись в Агисов, будут способны принять его систему:

«О, смертные, призванные править людьми... — пылко кричал он им. — Хотите ли вы заслужить благодарность рода человеческого установлением самого счастливого и самого совершенного из правлений? .. Начните с предоставления ис-

тинным мудрецам полной свободы нападать на заблуждения и предрассудки, на коих зиждется дух собственности; вскоре вам уже нетрудно будет убедить ваши народы принять ЗАКОНЫ, БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ПОХОЖИЕ НА ТЕ, которые я здесь привел в соответствии с тем, что мне казалось наиболее разумным для людей...».

Наконец, философ Дидро не хотел, чтобы в его проекте чего-то недоставало. Он предварил все возражения относительно возможности осуществления его системы:

«Те незначительные затруднения, которые встретятся в отдельных случаях при распределении главных занятий, а также средств для удовлетворения общественных и частных потребностей и средств обеспечения, без путаницы, без беспорядка, равного содержания множества граждан, ничего серьезного не представляют... Все это, добавляет он, лишь дело учета вещей и лиц, простая операция, основанная на подсчете и могущая, следовательно, быть исполненной в полном порядке. Наши составители проектов, былые и современные, задумали и выполнили несравненно более трудные планы; к тому же, помимо непредвиденных случайностей, они сталкивались с естественными препятствиями и всякими другими, порождаемыми заблуждением и затрудняющими и самую природу. Если чему-либо удивляться, то скорее тому, что эти неосторожные люди кое в чем преуспели».

И затем наш философ излагает целый свод законов, соответствующий системе Равенства и воле природы, истолкованной им. Из этого замечательного свода я выпишу лишь следующие статьи:

«Закон I. Ст. 1. В обществе ничто не будет принадлежать кому-нибудь единолично или на правах собственности, помимо вещей, которыми человек действительно пользуется для личных надобностей, собственных удовольствий или для своего повседневного труда...

Ст. 2. Каждый гражданин будет общественным лицом, которому общество должно предоставлять пропитание, содержание и занятие...

Ст. 3. Каждый гражданин будет участвовать в отправлении государственной власти соответственно своим силам, способностям и возрасту...

Закон XV. Ст. 1. Всякий, кто попытается интригами или другим способом свергнуть священные законы, чтобы ввести ненавистную собственность, будет подвергнут заключению как буйный сумасшедший и враг человечества...».

Несмотря на всю серьезность как моей темы, так и положения, в котором я нахожусь, не могу не отметить мимоходом довольно пикантный факт: то самое определение «буйный сумасшедший», которое там было применено к заговорщикам против Равенства, граждане государственные обвинители использовали по отношению к заговорщикам во имя Равенства.

Но, разумеется, граждане присяжные, вы согласитесь со мною, что мечтания, о которых только что шла речь, идут гораздо дальше, чем какие-либо из тех, которые именуются нашими. Вы, наверное, разглядели, что мы, т. е. те из нас, кто, согласно представленным вам документам, занимался тем, что в своем воображении созерцал систему чистого равенства, вы, повторяю, наверное, разглядели, что они действительно являются лишь воспитанниками и учениками, мало успевшими в доктрине великих учителей, чьи произведения я разбирал... Где вы найдете у них план, который можно было бы сравнить с планом Дидро? Где у них можно найти рассуждения, столь смелые, даже столь вызывающие, как у него, у Мабли и Ж.-Ж. Руссо? Этот «Манифест Равных», этот так называемый анализ «доктрины Бабефа», эти тирады из «Трибуна народа» — все это лишь парафразы, к тому же смягченные, текстов этих трех философов, этих трех законодателей. Разве можно было запретить объяснять, толковать их в то время, когда при нашем республиканском правлении еще не было инквизиции, которая запретила бы их книги? Да и было ли это в самом деле запрещено? Нет. И, поскольку стыдно было бы прямо преследовать память тех великих людей, преследуют их истолкователей, комментаторов, апостолов. На основании какого закона? Такого закона нет. Печать свободна, мнения свободны, так все еще говорят. Внешне этим принципам продолжают воздавать дань уважения, а тайно их бесстыдно нарушают. Сила заняла место права. Интересам того, кто обладает властью, подчиняются все приличия, все принципы. Я докажу, что томлюсь в течение года в заключении единственно потому, что использовал право выступать в печати и свободно выражать свое мнение.

Но не будем терять из виду то сильное впечатление, которое энергичное изложение доктрины Дидро должно было произвести здесь на самых ревностных защитников собственности. Разве это столь сильное впечатление не должно было значительно смягчить впечатление от очень уж слабых сочинений флореальских заговорщиков? И разве в «Докладе» государственных обвинителей мы не находим такие высказывания, которые применимы скорее к автору «Кодекса природы», чем к этим мнимым заговорщикам? .. В глазах этих обвинителей Дидро должен представляться верховным вождем всех заговорщиков. Именно на него должны бы пасть их самые пламенные проклятия. Это его они, наверно, имели в виду, говоря (стр. 68 «Доклада» от вантоза): «Вот то всеобщее счастье, к коему призывают братьев, Равных. Если вид ужасающей пустыни, куда нас хотели в конечном счете привести, поражает воображение, то не менее потрясает его и зрелище тех страшных вещей, которые нам пришлось бы увидеть по дороге. Через развалины, через трупы и могилы эти чудовища хотели вести нас к абсолютному уничтожению всякого общественного порядка».

«Так, когда огромный пожар уничтожит целый город, мы находим среди еще дымящихся развалин только несколько бродящих жертв, погруженных в скорбь и отчаяние; между тем как в соседних притонах негодяи с жестокой радостью делят между собою добычу, вырванную у огня, ими же зажженного».

Сколь правильно, стало быть, утверждение, что мнения людей странным образом расходятся. Какой страшный мрак царит в этой картине! Это какое-то приложение к Юнгу [36]... Посмотрите, как тот же предмет трактуется у Мабли и Дидро. Это самая жизнерадостная картина; это золотой век; это цветы и плоды, это счастье, это невинность и добродетель вместо развалин, дымящихся руин, трупов, могил и разбойничьих притонов...

Если, доказав, что современные философы разделяют со мною преступление, заключающееся в проповедовании идей, составляющих главную основу предъявленного мне обвинения, я в самом деле значительно смягчил страх, который должен был внушать в силу ложного убеждения, будто я единственный их пропагандист, то я должен также указать, что и совсем недавно у меня были не только сотоварищи по пропаганде, но и предшественники, не менее пылкие, чем я. Приведя множество свидетельств, показывающих, что в этом деле я отнюдь не новатор, я, быть может, приучу к этой мысли тех, кто до сих пор видел во мне человека в высшей степени странного и, бесспорно, весьма преступного. Что ж, пусть знают, что те мои предшественники, о коих я хочу говорить, продолжают состоять в законодательных советах. Вы не догадываетесь? Это Тальен и Арман из Мёзы. Если я докажу, что я не высказал ничего более сильного, чем то, что говорили они по пресловутому вопросу о равенстве, то я спрошу, почему же они не были привлечены к ответственности перед Верховным судом и почему привлечен я?..

Тальен писал следующее в феврале 1793 г. в своей газете, озаглавленной тогда «Друг санкюлотов», № 71:

«Много говорят об анархии. Я отвечаю, что она прекратится, как только представители Республики перестанут плести заговоры против свободы. Я отвечаю, что она прекратится, как только уменьшится НЕРАВЕНСТВО состояний... Переобременить налогами богатых, облегчить положение бедных, уничтожить бедность, используя опасные излишки богатых. Вот весь секрет Революции».

Арман из Мёзы, выступая с трибуны Конвента 26 апреля 1793 г., сказал:

«Люди, которые захотят придерживаться истины, признают, что после завоевания политического равенства, т. е. равенства в правах, самым естественным и самым активным является желание обрести подлинное равенство.

Больше того, без этого желания или надежды на подлинное равенство равенство в правах было бы лишь жестокой иллюзией, которая вместо обещанных ею благ обрекла бы на тан-

таловы муки самую многочисленную и самую полезную часть граждан.

Я добавлю, что первоначальные общественные учреждения даже и не могли иметь другой цели, кроме установления подлинного равенства между людьми, и еще скажу, что в морали не может быть более нелепого и более опасного противоречия, нежели равенство в правах без подлинного равенства. Ибо, если я обладаю каким-либо правом, то лишение меня этого права на деле есть несправедливость и несправедливость возмутительная.

Откажемся от всех этих метафизических различий, этих развращающих и лживых творений тщеславия и эгоизма. Существует вечная истина, и пора всем добровольно воздать ей должное, иначе придется делать это по необходимости, причем можно опоздать; истина эта заключается в том, что равенство в правах есть дар природы, а не благодеяние общества: это одно из прав человека. Но так как права человека игнорировали и равенство в правах часто не могло дать слабым людям подлинного равенства, без которого первое не имело никакого значения, то они объединились, чтобы обеспечить друг другу пользование на деле равенством в правах: это одно из прав гражданина.

...Если в естественном состоянии люди рождаются равными в правах, они не рождаются равными на деле, ибо сила и инстинкт, данные им тоже природой, создают между ними очень большое фактическое неравенство, несмотря на равенство в правах; но их объединение и их общественные учреждения не могут и не должны иметь иной цели, кроме осуществления на деле этого равенства в правах путем защиты слабого против угнетения со стороны более сильного и путем обращения на общую пользу труда и умения отдельных людей.

...Самое пагубное и жестокое заблуждение, в которое впали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный Конвент, рабски следуя по стопам предшествовавших им законодателей, состоит в том, что... они не обозначили границ права собственности и оставили народ без защиты от жадных спекуляций бездушного богача.

Не будем доискиваться, допускают ли законы природы существование собственников и не имеют ли все люди равных прав на землю и ее плоды; нет и не может быть у нас никаких сомнений относительно этой истины.

Важно знать и ясно определить, что, если в общественном состоянии соображения общей пользы допустили существование права собственности, они должны были также его ограничить, а не оставлять его осуществление на произвол собственника; ибо если допустить существование этого права без всяких мер предосторожности, человек, который в естественном состоянии вследствие своей слабости оказывался под гнетом более сильного, в общественном состоянии лишь сменит одну беду на другую.

То, что в первом состоянии было слабостью, во втором —

стало бедностью. В первом он был жертвой более сильного; во втором — он жертва богатого и интригана. И общество не только не будет для него благом, оно, наоборот, лишит его естественных прав, с тем большей несправедливостью и жестокостью, что в естественном состоянии он мог по крайней мере бороться за свое пропитание с дикими зверями; тогда как люди, более жестокие, чем звери, лишили его этой возможности посредством тех же общественных связей, так что не знаешь, чему больше удивляться: неблагоразумной бесчувственности богатого или добродетельному терпению бедняка.

Между тем на этом-то терпении и покоится общественный порядок; на этом терпении спокойно возлежит сластолюбивый богач; следствием этого добродетельного и великодушного терпения является то, что бедняк, всю жизнь гнущий спину над землей, в конце дней своих находит на ней покой лишь для того, чтобы ее больше не увидеть, да еще счастлив, что таким образом пришел конец его бедам. И неужели в награду за такие добродетели мы оставим его во власти наших варварских учреждений и осмелимся продлить их притеснения и злоупотребления!

Напрасно говорят, что бедняк пользуется, как и богатый, равенством перед законом; это лишь политическое обольщение.

Человеку, страдающему от голода и других неудовлетворенных потребностей, нужно не абстрактное равенство: оно у него было и в естественном состоянии. Ибо, повторяю, оно вовсе не дар общества, и если этим ограничить права человека, то лучше бы ему оставаться в естественном состоянии, отыскивая свое пропитание и борясь за него в лесах и на берегах морей и рек.

... Первое и самое опасное, хотя и самое безнравственное, из возражений — это мнимое право собственности в принятом его смысле. Право собственности! Но что же это такое? Понимать ли под этим неограниченную возможность располагать ею по своему усмотрению? Если так, то, заявляю во всеуслышание, это означает допущение закона силы, это нарушение воли общества, это значит призвать людей к осуществлению законов природы и вызвать распад политической организации. Если же не так понимать право собственности, то какова же будет мера и граница этого права? Ибо в конце концов какая-то граница должна же быть. Надеюсь, вы не ожидаете, что ею будет умеренность собственника? ..

Хотите ли вы искренне счастья народа? Хотите ли вы, чтобы он был спокоен? Хотите ли вы связать его неразрывными узами с успехом Революции и установлением Республики? Хотите ли вы положить конец его беспокойствам и внутренним волнениям? Объявите сегодня же, что основой республиканской конституции французов будет ограничение права собственности...

Сейчас Революцию надо делать не в умах; не там надо добиваться ее успеха: она уже давно там совершена и завершена,

вся Франция может вам это засвидетельствовать. Но надо, чтобы и в вещах свершилась наконец полностью эта Революция, от которой зависит счастье рода человеческого. Для народа, для всех людей никакого значения не имеет перемена во мнениях, которая может им доставить только мысленное счастье. Можно, конечно, восторгаться такой переменой мнения; но подобные духовные наслаждения подходят только для умников и людей, пользующихся всеми дарами фортуны. Им-то легко упиваться свободой и равенством. Народ тоже испил их первую чашу с наслаждением и восторгом, он тоже испытал опьянение. Но смотрите, что будет, когда пройдет это опьянение и, успокоившись и почувствовав себя несчастнее прежнего, он объяснит это обольщением нескольких мятежников и вообразит, что стал игрушкой страстей или доктрин и честолюбия нескольких человек. Высокий нравственный уровень народа есть лишь прекрасная мечта, которую надлежит осуществлять, и вы можете это сделать, только совершив в вещах ту же революцию, которую вы совершили в умах».

Вот вам, граждане присяжные, доктрина, которую проповедовал в Конвенте человек, и ныне состоящий членом Законодательного корпуса и которого никому не приходило в голову называть заговорщиком.

Если бы я захотел порыться в истории древних времен, сколько нашел бы я еще других соратников? Но я не буду там рыться. Приведу лишь еще один пример — основателя христианства. Нельзя придумать ничего более четкого, как эти слова: «Возлюби ближнего своего, как самого себя. — Делай каждому то, что ты хотел бы, чтобы делали тебе», т. е. заботься о том, чтобы каждый был так же счастлив, как ты сам желаешь быть счастливым, следовательно, чтобы он был совершенно равным тебе, ни выше, ни ниже тебя. Правда, можно заметить, что, когда Иисус предал гласности этот кодекс равенства, его тоже объявили руководителем заговора.

Я, кажется, достаточно четко обрисовал, граждане присяжные, общий характер и главные мотивы этого крупного процесса. Я перейду сейчас ко второй части, в которой буду рассматривать те из действий, использованных в томах обвинительных документов, которые предшествовали мнимому началу заговорщической деятельности.

ГРАЖДАНЕ ПРИСЯЖНЫЕ,

Открывая стр. 5 «Доклада» государственных обвинителей, я читаю там следующее:

«До тех пор пока люди, которые лелеют в душе ужасные замыслы, не попытаются осуществить их на деле, закон не имеет над ними никакой силы.

Пусть же они изрыгают в пустых разглагольствованиях свою бессильную ярость. Будем считать, что сотрясающие их су-

дороги... достаточное наказание за их человекоубийственные стремления».

Несмотря на желчь и злобу, с какими написаны эти строки, они еще, по-видимому, отдают дань уважения независимости мысли и ее свободной миссии. Они, по-видимому, соответствуют высказанному государственными обвинителями решению устранить из обвинения не только все, что не является прямым действием, направленным на осуществление мнимого проекта, но и все сочинения, опубликованные в печати, хотя они и были старательно и со всей серьезностью перечислены в сказочной повести Андре Жерара от 23 мессидора: «Пусть они лелеют в душе... свои замыслы, пока не попытаются осуществить их на деле... Пусть же они изрыгают в пустых разглагольствованиях свою бессильную ярость».

Казалось бы, после этого все, что представляет собою, пользуясь выражением обвинителей, лишь разглагольствования, все, что представляет собою лишь устно или письменно высказанные мнения без явной цели осуществления заговора, должно быть безоговорочно устранено из процесса. Но на стр. 23 того же «Доклада» вводится некое различие, которое нелегко ни объяснить, ни согласовать с этой первой идеей. Там говорится: «...здесь речь не идет о преступлении, заключающемся в самих сочинениях. Мы их рассматриваем лишь как средства осуществления проекта восстания, бывшего главной целью заговора... В этом отношении эти сочинения отнюдь не следует отличать от всех других мер, рекомендованных Повстанческим комитетом своим агентам...».

Это значило заявить одновременно, что сочинениями воспользуются и что ими не воспользуются. Подобное различие позволило уклониться от предоставления экземпляров этих сочинений обвиняемым, которые могли бы в них почерпнуть средства для своей защиты. Говорят, что их не хотят оценивать самих по себе. А между тем на них будут ссылаться, как на «средства осуществления проекта восстания, главной цели заговорщиков...». И в самом деле, их использовали таким образом: многих обвиняемых здесь допрашивали только в связи с распространением этих сочинений, действительно ставших неотъемлемой составной частью этого дела, поскольку в документах всюду речь идет о них. Но ведь, пожалуй, не следовало без предварительного рассмотрения считать установленным, что эти сочинения преступны и призывают к восстаниям. Независимо от вопроса о гарантии свободы печати нам, быть может, дозволено будет рассмотреть, в какой мере эти сочинения призывали к восстаниям?

Оставляя пока в стороне эти сочинения, скажу, что среди документов, изъятых в том помещении, где я находился в момент ареста, есть несколько черновиков; некоторые из них датированы, другие — нет, но все они предшествуют времени, к которому относят активные действия по осуществлению мнимого заговора. Следствие было распространено и на эти документы, и они вклю-

чены в тома так называемых вещественных доказательств. Такое расширение следствия представляется противоречащим объявленному решению отсечь все, что не связано с этой мнимой организацией и с этими мерами по осуществлению заговора. Поэтому в своей оправдательной речи мы также должны коснуться всех этих документов.

Я резюмирую суть этого затруднения, принципиально важного для построения этой части моей защиты. Это затруднение вызывается двумя обстоятельствами. С одной стороны, руководитель жюри Жерар в своем обвинительном акте относит начало мнимого заговора, ссылаясь на изъятые документы, ко времени значительно ранее месяца жерминаля IV года; а с другой стороны, Верховный суд хотел, кажется, датировать это начало примерно 10 или 12 числом того же месяца жерминаля[37]. Если бы Верховный суд постоянно придерживался этой даты, мы могли бы ограничить нашу защиту данным, точно указанным моментом. Но так как Верховный суд тоже обращается к рассмотрению документов, значительно предшествующих 10 или 12 жерминаля, то и защита должна также обращаться к более отдаленному прошлому.

На мой взгляд, самое разумное следовать хронологическому порядку документов, содержащихся в томах обвинения. Следуя этому порядку, я рассчитываю точно уловить момент, когда мы перестали, как сказано в «Докладе», ограничиваться тем, что «лелеяли в душе свои замыслы» и «изрыгали свои пустые разглагольствования», а перешли к «попыткам осуществить наши проекты на деле».

Если мы докажем, что этот момент никогда не наступил, что никогда не было действительного проекта осуществления заговора, то из этого воспоследует, что не было вообще никакого заговора.

В первой части моего защитительного объяснения я описал те чувства, которыми я вдохновлялся в моей работе политического писателя после памятных событий вандемьера.

Я полагал своим долгом вести борьбу с роялизмом, уверенно готовившимся одержать победу, поскольку он овладел умами во всех классах общества.

Я понял, что для возрождения в народных массах любви к Республике необходимо найти новый революционный рычаг. Я заметил, что все старые рычаги уже износились. Слова «Равенство, Свобода», магическая сила коих произвела столько чудес начиная с 1789 года, потеряли всякое значение после того, как народ увидел, что его положение нисколько не изменилось, что судьба его не стала счастливее. Я тогда пришел к выводу, что, для того чтобы восстановить привязанность народа, надлежит объяснить ему то, что, по моему убеждению, было правдой, а именно, что общее благо возможно только при Республике, но настоящей Республике, и что настоящей Республикой будет та, которая утвердит подлинное счастье всех ее граждан. Я по-

нял, что необходимо немедленно возбудить надежду на счастье.

Далее, я думал, что, беседуя с народом о том, как я представляю себе план подобной Республики, Республики абсолютно демократической, способной всем обеспечить счастье, надлежит вместе с тем постоянно указывать ему на контраст этого идеала с теми ужасными страданиями, которые ему приходится переносить при Республике аристократической. Следовательно, мои сочинения состояли из этих двух основных частей.

Я уже дал краткий набросок одной из них. Теперь я дам набросок другой. Вы увидите, что до сих пор в моих действиях не было ничего, что можно было бы характеризовать как заговор.

Даже если бы у меня была душа холодная и неспособная волноваться при виде общественных страданий, я лично достаточно претерпел, чтобы от всего сердца проклинать ужасный голод и все несчастья III года. Будучи загнан в это жестокое время в арасскую тюрьму[38] за мои сочинения конца II и начала III года, в коих я протестовал со всею силою, на которую был способен, против преступлений распоясавшейся тогда реакции, я оставил без помощи и в крайне бедственном положении мою жену и троих несчастных детей. Оторванный от этих обожаемых детей, предмета моей нежной любви, я узнал, что они страдали, хирели, как и многие другие, испытывая тяготы того ужасного голода, в котором был повинен народоубийца Буасси д'Англа. У меня была дочь семи лет. Вскоре я получил раздирающее душу известие о ее смерти как следствии убийственного сокращения хлебного пайка до двух унций. Когда в фрюктидоре я увидел двух других своих детей, я их еле узнал — до такой степени они были истощены. Картину, которую являла взорам моя собственная семья, можно было наблюдать и в тысячах других семей. Я повсюду встречал отчетливые следы этого общего истощения, поразившего большую часть парижан, иссушившего почти все лица, и все еще мешавшего людям твердо стоять на ногах. Да что я говорю? Система голода была еще налицо, только увеличили на несколько унций дневной паек каждого. Упадок доверия к бумажным деньгам и другие происки наносили все новые удары по последним ресурсам народа. У меня, как видите, были и личные основания, и соображения, связанные с общими интересами, чтобы выходить из себя и проклинать как эти гибельные времена, так и те времена, которые им предшествовали, и я был в высшей степени склонен к тому, чтобы писать о них в самых сильных выражениях в очередных номерах моей газеты. В самом деле, я отдавался полностью охватившему меня чувству негодования, вызванному действиями подлых организаторов голода и составителей всяких проектов, направленных к разорению народа, к тому, чтобы унизить его и ковать для него всякого рода цепи. Я имел возможность строить мои печальные описания на очень трогательном материале. Это были петиции несчастных матерей, собравшихся в эти дни бедствий, чтобы просить

у представителей народа помощи для умирающих детей. Граждане присяжные! Помимо того, что вам интересно знать мотивы моего поведения в тот период, который вы должны рассмотреть, вам полезно также ознакомиться с ценными документами той части истории нашей Революции, которая относится к этому процессу. Из глубины ваших департаментов вы не видели Парижа и не знали несчастий, перенесенных им в III году. У вас могло сложиться очень неполное представление о его бедственном положении. Действие перенесенного им страшного потрясения дало себя знать повсюду, но несравненно слабее, нежели в центре. Надо нарисовать перед вами картины, которые помогут вам постичь подлинную суть этих столь памятных событий. Это полезно, повторяю, вследствие взаимосвязи этих событий с действиями людей, которых вам предстоит судить. Итак, вот петиции по поводу голода III года, которые я начал печатать в моей газете во фримере IV года, чтобы они стали поддержкой тех требований, с которыми я хотел выступить в пользу народа. Я покажу, как эти петиции дали повод считать меня уже в ту пору заговорщиком и как мой мнимый заговор стали датировать уже тем временем.

На стр. 85 в 35-м номере «Трибуна народа» можно прочесть следующее:

«Истощенные нуждой, мы уже не можем держаться на ногах... Мы долго терпели, чтобы никто не мог сказать, будто мы сами виновны во всех наших несчастьях, чтобы не дать злобе никакого повода для клеветы на нас. Но мы не можем больше спокойно переносить ту пытку голодом, которая нас терзает... Мы не можем больше оставаться бесчувственными свидетелями того, как расчеты честолюбия и алчного стяжательства с каждым днем приближают нашу гибель... Мы не можем больше смотреть на то, как наши дети умирают на наших иссохших грудях; они сосут из них только кровь, а не молоко, которое природа назначила им в пищу! — Правители! .. Власть имущие! .. Взгляните на несчастных матерей, чьи дети, пораженные бичом голода, умерли прежде, чем они должны были родиться! Вспомните наших родных, наших друзей, наших братьев, унесенных голодом! Пойдите к их многочисленным могилам! Они кричат вам из гробов: „Нас убил голод! Мы умерли в ужасных муках отчаяния и гнева! .. Скажите нашим детям, чтобы они следовали за нами; пусть они не терпят тысячу смертей вместо одной, которую им предназначила природа!!!“ Это поколение кончается до времени! .. Поколения, которые должны были сменить его, останавливаются в своем развитии и отбрасываются назад! .. Силы людей всех возрастов истощаются и гаснут! .. Боль и горячка тяготеют над нами и подрывают здоровье почти всех граждан! .. Чума, всегда следующая за голодом, унесет нас тысячами!!!».

Другая петиция, напечатанная вслед за этой, содержала следующие слова:

«Народ чувствует, как нужда раздирает его внутренности. Он

уже продал свою мебель, одежду, вещи своих детей, для того чтобы продлить на несколько часов жизнь, которая его покидает. Скупой владелец зерна отказывается дать своим ближним, даже за золото, недостающее им пропитание. Бедный умирает, находясь рядом с изобилием, которое принадлежит не ему и до которого он не смеет, не может дотронуться. Богатый и пресыщенный скупщик возлежит на мешках муки, которые его жадность спокойно собирает среди всеобщей нужды... Гнусный спекулянт возлежит на кучах золота и ассигнатов, ценность которых он подрывает, чтобы прибрать их к рукам, и которые являются плодом его повседневного разбоя и его всепожирающей жадности. Ужасный голод, созданный опустошительной политикой контрреволюции, уносит в могилу и нынешнее поколение, и тех, кто еще не родился. Ценность ассигнатов почти сведена на нет вследствие ухищрений заговорщиков и махинаций убийственного ажиотажа, дозволенного или терпимого. Цены всех товаров выросли во сто крат. Но цена честного труда отнюдь не выросла в такой пропорции. Среди граждан, сумевших пережить опустошения голода и общее истощение, тот, кто обладает скромным доходом, чувствует себя сраженным. Он лишен средств. Ему остаются только отчаяние и смерть.

Доколе же будет длиться бешенство врагов народа? Доколе правосудие будет изгнано с территории свободы? Доколе будет оно оставаться немым и бессильным?»

Как я уже сказал, эти тексты служили мне обоснованием всех моих жалоб на чинимые народу обиды, и с того времени правительство усмотрело во мне заговорщика, принялось меня преследовать и разослало повсюду приказы о моем аресте, без малейшего уважения к свободе печати (которой я пользовался лишь в той мере, в какой это дозволено каждому гражданину) и не имея для обоснования этого приказа никакого другого предлога, кроме моей газеты. Меня, конечно, не могло укротить и то, что за этим последовало: убедившись, что все его усилия и розыски, направленные против меня, бесполезны, правительство прибегло к безнравственному приему, арестовав мою жену и оторвав ее от детей, оставшихся без призора на убогом чердаке, и держало ее в заключении, пока она не предстала перед обвинительным жюри, — все это для того, чтобы заставить ее выдать меня, указать мое убежище.

Эта подлость была совершена в конце нивоза.

По этому поводу я поместил в 40-м номере моей газеты лишь весьма краткую статью, хотя, как и следовало ожидать, написанную кровью сердца. Поскольку я был публицистом, до некоторой степени привлекшим к себе внимание, общественные интересы и в данном случае возобладали, как всегда, над этим личным делом, несмотря даже на его важное значение с точки зрения свободы и общественной нравственности.

Но, вопреки тому, что, видимо, думало правительство, я никоим образом не занимался заговорщической деятельностью ни

тогда, ни, как я надеюсь доказать, впоследствии. Я не был причастен ни к какому сообществу. Пусть просмотрят любые номера моей газеты. На них печать полнейшей независимости; они отмечены полной личной свободой. Как я уже говорил, они имеют два основания: одно — это пропаганда и изложение подлинной системы демократии; второе — изображение общественных бедствий, далеких и близких. Но это отнюдь не равнозначно заговорщической деятельности.

Я докажу теперь, что я не был заговорщиком 25 нивоза. Я называю эту дату, так как ею обозначен наиболее отдаленный в хронологическом отношении документ в обоих томах обвинительных документов. И я напоминаю гражданам присяжным, что я так поступаю, чтобы строго следовать, как и обещал, в этой второй части моей защиты хронологическому порядку.

Документ от 25 нивоза, о котором я говорю, это 15-й из связки 8-й, на стр. 24 второго тома. Он озаглавлен: «Гракх Бабеф плебею Симону» [39].

Это простое письмо. О чем в нем говорится? Оно призывает Симона, чрезвычайно уважаемого гражданина, чьи таланты и рвение мне хорошо известны, сочинять статьи в пользу демократии и равенства, у которых, по-моему, было слишком мало апостолов, тогда как все остальные доктрины кишели ими. «Приходи, — писал я ему, — будь нашим храбрым помощником в борьбе. Мы нуждаемся в помощи. Нам нужно показать врагу, что у священной лиги равенства и всеобщего счастья не один мужественный и бесстрашный руководитель».

Затем я ему подсказываю, в какой газете он мог бы поместить свои пропагандистские сочинения. Я разоблачаю перед ним коварную интригу, превратившую эту газету, при неизменно демагогических внешних приемах, в сосуд самых ядовитых отбросов врагов народа. Я позволяю себе дать ему некоторые советы относительно тона, манеры изложения и стиля, подходящих для газеты, действительно преданной благу народа. В заключение я советую ему побольше говорить «о всеобщем счастье, о подлинном равенстве, о подлинно плебейских учреждениях, о такой демократии, какой еще никто не видел, о притягательности такого, единственно законного, порядка вещей, о способах достижения этой цели». Я здесь откровенно признаю: я сожалел, что столь ценный человек не мог в силу обстоятельств и занятости откликнуться на мой призыв. Но я не вижу, какое отношение может иметь такое письмо к какому-либо заговору, который, даже по мнению Верховного суда, зародился только около 10 жерминаля. Я не понимаю, почему это письмо напечатали среди обвинительных документов. Можно ли там усмотреть что-либо, что выходило бы за пределы иллюзий, замыслов, лелеемых в душе, за пределы, до которых, как говорит «Доклад» от 6 вантоза, закон не имеет никакой власти, поскольку не было попыток осуществить эти замыслы на деле.

Дата, наиболее близкая к названной, это 25 плювиоза, доку-

мент 51-й, связка 15-я, стр. 58, том второй,— «Равные из Арраса к своему Трибуну».

На мой взгляд, в этом письме только два последние слова могут быть истолкованы как предосудительные. Они содержат некую лесть, которая могла бы мне показаться ловушкой, если бы я не знал, сколь честны и сердечны те, кто писал мне. В остальном же это послание исключает всякое представление о заговорщической деятельности с моей стороны в то время. Люди знали, что я терплю нужду, они устроили складчину, прислали мне вспомоществование да еще добавили пару слов, чтобы поддержать мою патриотическую преданность; где же тут заговорщик?

Его не найдешь также и в письме, датированном «Париж, 26 плювиоза», 44-й документ из 15-й связки, стр. 49, том второй. Это письмо гражданина, который всего лишь просит сведений об аресте моей жены, аресте, произведенном по распоряжению Исполнительной Директории и осуществленном так, как я уже описал. Правда, в конце этого письма идет речь еще и о мешке, содержащем «запечатанные номера», и добавлено: «Ты можешь быть спокоен относительно того, что у меня остается, это в порядке». Я понимаю, что это могло показаться подозрительным. Поэтому надо разъяснить подобное таинственное окончание. Вся тайна в том, что писавший мне гражданин хотел взять на себя рассылку моей газеты подписчикам в департаментах. Бандероль с адресом подписчика запечатывали. Мой экспедитор просил меня переслать ему мешок, в котором он мне передал запечатанные номера; он писал мне, что у него остались другие номера, относительно которых я могу быть спокоен, потому что они в порядке. Тут нет никакого заговора.

27 плювиоза — дата 30-го документа из 15-й связки, стр. 45, том второй. Это копия обвинительного заключения комиссара Исполнительной Директории при муниципальном управлении коммуны Бетюн и принятое в соответствии с этим заключением постановление этого управления. Обвинительное заключение, дав очень верное описание влияния некоторого рода сочинений на преследования и избиения республиканцев и на все прочие бедствия пагубной реакции Термидора, требует прекратить их издание в коммуне Бетюн и отдать приказ о публичном сожжении многих экземпляров этих сочинений в знак их глубокого осуждения, дабы они перестали препятствовать единению всех граждан... Этот документ был мне прислан для опубликования в моей газете. Я и тут не вижу никакого заговора.

К концу вантоза относится документ № 59 из 15-й связки, стр. 68, том второй. Это объявление, присланное мне Ш. Жерменом с просьбой напечатать его в моем ближайшем номере, об афише, озаглавленной «Народ, читай: ты хочешь хлеба — вот он». Если бы я поместил это объявление и если бы эта афиша действительно вышла, то, конечно, и в этом не было бы еще ничего заговорщического. Но я заявляю, что я вовсе не опубликовал это объявление, потому что я встретил позднее Жермена, кото-

рый заверил меня, что задуманная афиша не будет напечатана. И в самом деле, она не вышла, хотя благосклонный руководитель жюри Жерар и не поколебался свидетельствовать обратное в своем обвинительном романе. Здесь тоже отнюдь не видно начала какого-либо заговора.

Скорее, пожалуй, его постараются найти в подписанном мною письме, идущем вслед за предшествующим. Утверждали, что это письмо было адресовано гражданину Жозефу Бодсону, и предполагали, что следующее письмо является его ответом, написанным его рукою. Я докажу немного дальше, что этот ответ, о коем вскоре пойдет речь, и другие приписанные ему письма в действительности не им написаны. То письмо, которое я сейчас буду рассматривать, написано мною, датировано 9 вантоза IV года и находится под № 48, в связке 15-й, стр. 52, том второй.

Я знаю, что все глашатаи Людовика XVIII лезли вон из кожи, стараясь привлечь внимание к этому письму, в котором они выделяли одно место, каковое я тоже со своей стороны выделю. Еще более странным мне кажется, что государственные обвинители в «Докладе» от 6 вантоза, стр. 62, использовали это письмо. Почему они говорят, что начало мнимого заговора относят только к 10 жерминаля, когда оно у них совпадает с этим документом, появившимся на месяц раньше? Я прошу вас, граждане присяжные, обратить внимание на то, что этот документ относится к моей личной переписке с гражданином, которому я доверял. Разве мне не дозволено было писать? Разве мне не было дозволено, как всякому другому человеку, переписываться, с кем я хотел и о чем хотел? С каких пор доверительные отношения дружбы могут быть подвергнуты цензуре и преданы суду, чтобы тот мог отыскать в них данные для обвинения? Этот документ не что иное, как заметка, краткое изложение политических соображений, частный взгляд на Революцию, на людей и на события. Человек, известный под именем Бодсон, написал мне накануне, излагая свое мнение об этих же предметах. Я отношусь к нему с таким же доверием. Он хранит в своей груди мое исповедание веры, мои суждения, мой взгляд на события и на главных действующих лиц великой драмы нашей Революции. А затем инквизиция силой проникает в тайну этого священного обмена мнениями, которые лишь дружбе должны были быть известны! которые никогда не должны были выходить за пределы самого узкого круга — двух людей, не скрывавших друг от друга ни одной своей мысли! Она захватывает эти братские излияния и передает их в руки судей, чтобы превратить их в орудия обвинения, в улики против их авторов. Их притягивают к какому-то мнимому заговору, которого еще нет, который возникнет еще только через месяц... Где же личная безопасность? Отныне кто может позволить себе вести малейшую переписку, чтобы излить свободно свою душу другому человеку? Что станет с этим сладостным обменом эпистолярными беседами, в которых мы с таким удовольствием открываем наши мысли тем, кто с нами делится

своими? Придется от этого отказаться — сильные мира сего могут в любой момент прийти, обыскать ваш портфель и найти там материал, чтобы засудить вас как заговорщика...

Все же я должен оправдать этот документ, исходя из него самого, поскольку в силу подобного нарушения всех норм его обращают против меня.

Я еще должен высказать свою обиду за то, что в своем «Докладе» государственные обвинители урезали и исказили этот документ, чтобы с бо́льшим основанием вменить его мне в вину. Поэтому в данной оправдательной речи следует восстановить его в целости.

В этом письме я излагаю свои мысли о революционном правительстве и его основателях и руководителях. Исходя из политического расчета и интересов большинства, я высказывал свое мнение о том, что оно могло бы в конечном счете совершить. Я считал, что результатом его деятельности могло бы стать возрождение и длительное счастье большинства народа. Затем, освободив свою мысль от всяких частных соображений, я рассматривал как необходимое зло то ярмо, которое это правительство налагало на некоторые касты, в течение многих столетий налагавшие свое ярмо на большинство, столь ценное своей деятельностью. Я полагал, что это угнетение — лишь слабая компенсация или возмездие за длительное угнетение, коему они подвергали народ. Я рассматривал эту борьбу как некую войну, по цели своей более полезную, нежели все, какие когда-либо велись. И, думая о том, сколько чистой и полезной крови было пролито во множестве других конфликтов, совершенно чуждых интересам народа, я в конечном счете приходил к выводу, что в этой войне крови пролито гораздо меньше. Я вспоминал при этом о разных бедах, обрушившихся на Республику, и о гораздо большем количестве французской крови, пролитой после ужасной реакции.

Ж.-Ж. Руссо, которого никто не обвинит в слишком суровом характере, тоже вполне мог бы, однако, оправдать Революционное правительство, и доказательство этого можно найти в тех пресловутых отрывках из его сочинений, которые включены в тома обвинительных документов. Вот отрывок из большого письма к г-ну Борду, стр. 74 второго тома: «Кротость, любезнейшая из добродетелей, может также быть иногда проявлением душевной слабости. Добродетель не всегда кротка; она умеет, когда нужно, вооружаться строгостью против порока; она воспламеняется негодованием против преступления.

„И праведный дурным отнюдь прощать не должен“. Мудро ответил тот царь Лакедемона, в присутствии которого хвалили крайнюю доброту его коллеги Харилайиса: „Как же он может быть добрым, если он не умеет быть грозным для злодеев?“ Брут отнюдь не был кротким человеком. Но кто осмелится сказать, что он не был добродетельным? И, наоборот, есть трусливые и мелкие души, без огня и без жара, кроткие только по своему равнодушию к добру и злу».

Продолжая свои рассуждения, я писал в этом письме к Бодсону, что если даже предположить, будто Робеспьер послал на казнь нескольких искренних и благонамеренных республиканцев, если предположить, что среди них были такие, к которым часть подлинных патриотов сохранила некое благоговение, то это все же не должно расколоть друзей Свободы на несколько фракций, ибо, даже объединившись, они не будут слишком сильны для сопротивления своим многочисленным врагам. Я оправдывал того, кто казался мне главным водителем колесницы Революции, ссылаясь на его намерения, на веские причины, руководившие его действиями, и его незаурядные способности. Я писал: «Спасению 25 млн. человек нельзя противопоставить заботу о нескольких сомнительных личностях».

...Я настаиваю в соответствии с вечным разумом и теми чувствами Руссо, о которых я только что напомнил, на том, что такое воззрение весьма человеколюбиво. Я настаиваю на том, что высшая степень бескорыстия и преданности полностью отразилась в следующих словах: «Оба мы могли быть сметены этим потоком. Но какое это имеет значение, если результатом было бы общее счастье?..»

Предполагаемый ответ Бодсона от 12 вантоза, документ № 49 из той же 15-й связки, стр. 55, том второй, не более заговорщический по содержанию. Из него ясно видно, что между нами шла речь исключительно о взаимном просвещении друг друга относительно духа Революции. Следующие слова: «...я всегда буду благоговейно хранить все то, что сможет меня просветить относительно хода Революции...» — неопровержимо это доказывают.

Он оспаривает мои взгляды на Революционное правительство. Он высказывает по этому вопросу ряд бесспорных и трезвых замечаний, а именно, что это правительство дало первый пагубный пример нарушения принципов, что оно дерзко занесло руку на суверенитет, приостановило его действие и временно связало, что оно унизило народ, заменяя его избранников, деморализовало его, заставив без должной серьезности относиться к осуществлению своих прав... Но беседовать обо всем этом еще не значит быть заговорщиком. Мы видим здесь лишь вполне откровенную и невинную беседу двух людей, стремящихся доискаться истины в вопросе, вполне достойном занимать умы французов. Столь же очевидно, что во всем остальном, о чем мне пишет автор письма, он обращается ко мне не иначе, как к человеку, которого считает способным оказать важные услуги общественному делу, но связывает это исключительно с тем влиянием и авторитетом, которыми, по его суждению, я пользуюсь в общественном мнении. Наконец, фразы, в которых этот гражданин излагает свое исповедание веры, представляют собою верх искреннего патриотизма. Достаточно привести следующую: «Я присоединяюсь к принципам святого Равенства. Самые тяжкие лишения станут для меня наслаждением, если я претерплю их во имя пропаганды этих принципов. Так как ты доказал и доказываешь, что в полной

мере и как нельзя лучше разделяешь подобные чувства, я могу только гордиться тем, что я совершенно согласен с тобою относительно цели Революции, относительно явной необходимости упрочить ее на счастье всем...».

Под тою же датой, 9 вантоза[5*], документ № 58, связка 15-я, стр. 66, том второй, — письмо, написанное рукою Шарля Жермена, адресованное мне с берегов Океана. По этому документу Жермен дал объяснения в том, что касается его. Что касается меня, это письмо тоже не доказывает никакого заговора. Это солдат, читающий мою газету, которого она приводит в восторг и который пишет мне об этих своих впечатлениях. Он заявляет о своей любви к демократии и равенству. Это письмо оставалось у меня как выражение общественного мнения. Я не поместил его ни в одном из номеров моей газеты, хотя оно того заслуживало. Обстоятельства и расположение материалов не позволили мне это сделать, к моему огорчению.

В ходе допроса меня спросили, что такое петиция из Арраса к Исполнительной Директории, датированная 10 вантоза, документ № 96, связка 15-я, стр. 82, том второй. Этот вопрос, как и многие другие, был мне задан так быстро, что, не имея времени отыскать место в книге, где этот документ был помещен, я ответил, что не знаю, что он собою представляет. В самом деле, я не мог сообразить в тот момент, о чем шла речь, так как этот документ был назван моей петицией из Арраса. Достаточно прочесть шесть-семь строк из нее, чтобы получить полное разъяснение на этот счет. Она гласит, обращаясь к Директории: «Этим мировым судьям, которые, видимо, призваны лишь беспощадно преследовать патриотизм, вы не позволите подвергать пыткам друзей свободы под неизменным предлогом антиправительственного заговора! Вы накажете этого Ламеньера, который позволил себе по отношению к жене гражданина Бабефа эксцессы, оскорбляющие человеколюбие, правосудие и Конституцию!.. Вы подтвердите принцип неограниченной свободы печати!.. Вы вернете скорбящую и невинную мать ее юным и несчастным детям...». Я уже говорил об аресте моей жены и о начале процесса, направленного против нее с целью заставить ее выдать своего супруга в руки тех, кто уже тогда не скрывал своего намерения погубить его. Эксцессы, о коих говорит петиция, эксцессы, оскорбляющие человеколюбие и правосудие, заключались в том, что мировой судья секции Елисейских полей, именуемый Ламеньер, в течение тех 36 часов, что он держал у себя мою жену, прежде чем отправить ее в тюрьму, распорядился запретить ей доставать себе каким-либо образом пищу, дабы таким гнусным способом заставить ее выдать ту тайну, которую хотели вырвать у нее. Дозволено ли мне остановиться на мгновение на этом неслы-

[5*] *Говоря о «той же дате», Бабеф имеет в виду не предшествующий документ, а свое письмо к Бодсону.*

ханно жестоком факте! .. Представьте несчастную мать, несчастную супругу! .. Оторванную от двоих малолетних детей, о которых позаботились только в том смысле, что скрыли от них, куда ее повели! .. Представьте себе, сколько мук должны были терзать ее в одно и то же время — ужасная тревога от сознания, что ее дети предоставлены сами себе и лишены всякой помощи! Варварская пытка голодом, которую ее заставили претерпеть! Потеря свободы! И негодование, вызванное безнравственностью людей, желающих вырвать у нее признание, которое стало бы убийственным для ее супруга! .. Добродетель подсказала моей жене самое великодушное решение! Сначала она претерпела голод. Затем она сопоставила между собой жертвы, которых от нее требовали. Она нашла, что оставить детей и дом без присмотра было большой и мучительной жертвой. Но она знала, что другая жертва — самой выдать своего мужа в руки тех, кто его преследует, немыслима. Она дала увести себя в тюрьму, где провела 21 день [*два дня?*]. Ее дети были предоставлены милосердию сострадательных людей. И неужто это не назовут добродетелью, преданностью святому делу свободы? О, она, наверное, очень дорога тем, кто стремится приобрести ее такою ценой! .. Но не удивительно ли, что правительству не стыдно употреблять в качестве одного из документов заговора тот документ, в котором засвидетельствована эта подлость? Что можно найти заговорщического в этой петиции из Арраса? Во время моего недавнего шестимесячного пребывания в тюрьмах Арраса я приобрел там друзей. Эти друзья получали мои выпуски «Трибуна народа»; 40-й номер сообщил им о несчастье с моей женой, о ее ужасном положении. Глубоко возмущенные, эти патриоты собрались и послали в Исполнительную Директорию петицию от 10 вантоза, в которой они лишь точно передают чувства, вызванные у них произволом и безнравственными действиями, и требуют восстановления справедливости.

Они послали мне копию этой петиции, которую я сохранил не столько как свидетельство особо сердечного отношения к тому, что касалось меня, сколько как проявление добродетели людьми, сохранившими способность возмущаться несправедливостью и не желавшими равнодушно взирать на нарушение нравственности и законов. Разве это документ заговора? Полагаю, я достаточно доказал, что нет.

Я добавлю, что и этот документ я предполагал опубликовать в моей газете, но последовательность материалов и другие обстоятельства, которых сейчас не припомню, помешали мне это осуществить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Граждане присяжные!

Вчерашнее заседание было прервано на второй части моей речи, предметом которой было обсуждение всех действий, якобы подготовлявших организацию заговора и предшествовавших ей

Вы помните, что принятый мной в этой части план изложения соответствует хронологическому порядку документов и что это сделано для того, чтобы можно было точно определить, с какого момента появится что-либо похожее на заговор. Вчера я довел это рассмотрение до 10 вантоза IV года включительно и полагаю, что сумел развеять всякие подозрения, которые могли вызвать документы, относящиеся к этому периоду. Я буду продолжать эту работу и приступаю к письму от 16 вантоза, стр. 51, том второй, документ № 46, связка 15-я.

Вероятно, показалось очень остроумным использовать то письмо из Арраса, которое подписано: Леандр Лебон. В нем было несколько постскриптумов, не содержащих ничего, кроме приветов, которые просили передать мне жена этого Леандра и Эжени Ренье. В тексте письма дан адрес Элизабет Ренье-Лебон, жены Жозефа. Поскольку Леандр Лебон говорит в этом же письме, что Элизабет Ренье-Лебон — его золовка, то ясно, что речь идет о жене Жозефа Лебона[40].

Само по себе письмо содержит всего только просьбу о дополнении к комплекту моей газеты, подписчиком коей являлся Леандр Лебон.

Очевидно, что письмо это было включено в обвинительное заключение только потому, что он позволяет утверждать, будто я поддерживал отношения с семейством Жозефа Лебона, чье имя стало страшным пугалом со времени посттермидорианской Революции. Считалось, что установить такие отношения значило увеличить подозрения и мрачные предубеждения в отношении меня.

Я должен по этому поводу сказать несколько смягчающих слов. Я не собираюсь и не обязан исследовать поведение Жозефа Лебона во время революции. Он старался перед тем, как его осудили, доказать, что меры, принимаемые по его приказаниям, были всегда направлены исключительно против ожесточенных врагов Республики; что он никогда не оказывал влияния на чрезвычайные суды, которым ставили в упрек несправедливые смертные приговоры и члены которых, однако, были освобождены. Как бы там ни было, я уже указал, что в III году я провел шесть месяцев в одной из тюрем коммуны Аррас. Я познакомился там с одним из братьев Жозефа Лебона, по имени Анри, единственное преступление которого состояло в том, что он был братом знаменитого Жозефа!.. Я знаю и третьего брата, Леандра, который оставался на свободе и приносил вспомоществования для Анри. Оба говорили мне о жене Жозефа, заключенной в другую аррасскую тюрьму вместе с двумя малыми детьми, причем ее тоже ни в чем не обвиняли, кроме того, что она жена человека, которого реакционная партия старалась сделать чересчур знаменитым. Оба ее деверя рассказывали мне, что эта молодая женщина очень чувствительна и глубоко переживает судьбу, которую, по-видимому, готовят ее мужу.

Я послал ей несколько письменных утешений, она ответила мне выражением благодарности. Вплоть до фрюктидора, когда я вернулся в Париж, я несколько раз писал ей, всегда в духе утешения, одобрения и надежды, в чем так нуждается человек в ее положении. Она вышла из тюрьмы около 16 вантоза — дня, которым датировано упомянутое здесь письмо. Я просил ее сообщить мне свой адрес, дабы иметь возможность посылать ей мою газету в знак памяти и дружеских отношений, возникших между нами в силу наших общих несчастий. Вот почему мы находим этот адрес в письме Леандра, которое, как это очевидно, тоже нисколько не заговорщическое. Итак, до 16 вантоза документы, которые должны служить уликами против меня, доказывают, что я отнюдь не был заговорщиком.

Я не являлся им и 18 того же месяца. Это дата документа № 50 из 15-й связки, стр. 58, том второй. Это письмо из моей частной переписки. Оно адресовано мне, по-видимому, гражданином Бодсоном. Он говорит в нем о предметах сугубо частных и, очевидно, не имеющих отношения ни к какому заговору: «Я получил то, что ты мне послал», т. е. несколько номеров моей газеты. «Я тебе доставлю возможно больше денег» — это следствие из предыдущего. Я должен разъяснить, что гражданин Жозеф Бодсон любезно занимался привлечением подписчиков для моей газеты и поэтому обещал «доставать возможно больше денег». Еще кое-что надлежит отметить в этом письме. Автор пишет мне «о сочинении, написанном им более пяти месяцев тому назад». Но, пишет он, «другие времена, другие нравы». «Я был бы счастлив, если бы мог разделить с тобою твои труды и облегчить их. Затем... я хотел бы иметь возможность побеседовать с тобой; мы могли бы развить некоторые идеи, мы разделили бы работу...» Из этих цитат видно, что гражданин Бодсон — литератор, занимавшийся, в частности, в то время, о котором мы говорим, сочинением демократических произведений и желавший работать согласованно со мной: «Мы разделим работу». Между тем следует отметить, что это плохо согласуется со всеми орфографическими ошибками, которыми кишат частные письма, приписываемые Бодсону в обоих томах и которые он якобы мне адресовал. Однако их стиль вполне удовлетворительный. Какой же вывод напрашивается из этих замечаний? Истина состоит в том, что Бодсон действительно диктовал свои частные письма, но не писал их сам. У него тогда была повреждена правая рука, что не позволяло ему писать, и он воспользовался услугами молодого человека, временно исполнявшего обязанности его секретаря... Этим объясняется огромная разница между стилем и орфографией писем Бодсона. Я делаю это заявление в интересах истины, хотя в настоящий момент оно не имеет значения, поскольку только что разобранное письмо, конечно, тоже не будет признано заговорщическим. Но в дальнейшем это заявление будет иметь значение для оправдания гражданина Бодсона как доказательство того, что другие письма, которым хотят при-

дать более преступный характер, написаны рукою человека, служившего ему секретарем, но уже не под его диктовку.

Под датою 19 вантоза нахожу документ № 26 из 22-й связки, на стр. 232 второго тома. Это опять адресованное мне частное письмо, и без всяких оснований оно включено в мнимое агентство 7-го округа. Автор, изложив свое демократическое исповедание веры, пишет мне затем об одном вопросе, не имеющем никакого отношения к какому-либо заговору. Он просит меня подправить стиль и напечатать за его счет сочинение, непредосудительное с точки зрения правительства, поскольку в том же письме мне предлагалось разослать 800 экземпляров обоим Советам и Исполнительной Директории. Он указывает также, что это сочинение может оказаться полезным общему делу и редакторам «Трибуна» и «Просветителя» — только в том смысле, что они могут из него кое-что процитировать в своих газетах. Ибо я сейчас объясню, о чем шла речь в этом сочинении. В нем говорилось, по его словам, «о народах, уже охваченных отвращением к ужасам войны, жертвами которых они являются в течение пяти лет». Вполне очевидно, что речь шла о бельгийцах и о вопросе о «старых границах», в то время горячо обсуждавшемся. Полагаю, никто не найдет, что я занимался заговорами, если я интересовался сохранением прежних границ.

Датою 26 вантоза помечены документы № 53 и 54 из 15-й связки, стр. 59, том второй. Это — длинное письмо, которое послал мне Ш. Жермен. Он дал на этот счет отличные объяснения. Но это письмо содержит вещи слишком серьезные и слишком важные, касающиеся меня, и я должен уделить ему по крайней мере такое же внимание, как и он сам уделил.

Если рассматривать этот документ с точки зрения наших обвинителей, конечно, в нем можно найти подкрепление их системы. Здесь необходимо сделать одно замечание. То, что я сейчас скажу, не было составлено после доклада гражданина Байи. Я предвидел, что он на этом документе остановится, и я не ошибся. Он чрезвычайно долго распространялся на эту тему, однако не извлек отсюда всего того, что, как я предполагал, он мог бы извлечь. Поэтому вы увидите, что в работе, проделанной мною до того, как я познакомился с его трудом, я выявляю и опровергаю возражения, о которых он сам, по-видимому, и не подумал. На время мысленно поставив себя на его место, я превратился в государственного обвинителя, более грозного, чем он сам. Но я не сделаю того, что мог бы сделать при таких обстоятельствах: я не вычеркну ничего из тех обвинений, которых я ожидал, но которых против нас так и не выдвинули. Если я одержу победу, мое торжество будет тем более полным.

Итак, вернемся к письму. Я говорил: если рассматривать этот документ с точки зрения наших обвинителей, конечно, в нем можно найти подкрепление их системы. Ясно, скажут они, это-то и есть первооснова заговора; его вдохновляющая идея, черновая

заготовка всех последующих планов, которую заговорщики поспешили принять и не замедлили усовершенствовать. Здесь можно найти в зародыше все, что они разработали в дальнейшем. Это письмо от 26 вантоза; но в нем уже усматриваются все основные элементы повстанческих планов, которые вскоре затем ярко проявили себя. «Я полагаю, — говорит автор письма, — что мы подошли к весьма критическому моменту: окажется ли он решающим для правящих преступников?.. Вообще говоря, все патриоты... чувствуют необходимость свержения нынешнего конституционного господства и замены его другим, более соответствующим их взглядам...»

Итак, скажут наши противники, по мнению Жермена, **в душе всех, вообще говоря, патриотов** уже тогда жила идея некоего повстанческого движения, направленного к свержению Конституции, действовавшей в вантозе IV года.

Уверенность в этом еще более возрастет, скажут они, когда из его письма станет ясно, что он, хотя и признает наличие среди них различных корпораций, различных партий, многих принципиальных расхождений относительно цели намечаемой перемены, тем не менее **убежден, что каждая партия действует и намечает планы восстания против существующего порядка вещей.**

Какую же цель преследуют эти планы, судя по письму Жермена? Оно дает ясный ответ на этот счет. «Одни хотят просто восстановления законов 1793 года. Другие хотят сплавить 93-й и 95-й годы в один свод законов. Есть такие, которые требуют совсем особых законов. А есть другие, и они составляют большинство, которые требуют созыва нового Конвента с другим временным правительством и всего, что отсюда вытекает...»

Тут наши обвинители не преминут отметить, что партия, которой автор письма отдает предпочтение, — это партия тех, «кто хочет **всеобщего счастья** без всяких ограничений и простого и безоговорочного применения принципов, проповедуемых тем, кому он пишет...».

В подкрепление того же вывода обвинители отметят абзац, в котором Жермен выражает горячее желание «объединить вокруг общего центра и направить к единой цели все различные партии, из которых одна только партия 1793 года, пожалуй, имеет благие намерения, но ее первый успех, вероятно, открыл бы ей путь к другим, еще бо́льшим, еще более достойным человека...».

Здесь обвинителям открывается широкое поле для составления дополнения к их докладу. Они отметили на стр. 57 отрывок из письма Моруа, где последний высказывает мнение, что «Конституция 1793 года есть этап на пути к демократии», и место в проекте, озаглавленном **Манифест Равных**, где сказано, «что Конституция 1793 года — большой шаг в направлении подлинного Равенства...». Быть может, по недосмотру от обвинителей ускользнула аналогия с высказыванием Жермена, и они

упустили возможность поставить его рядом с теми, которые я сейчас напомнил.

Дойдя до этого места, наши противники без труда смогут заключить, исходя опять-таки из письма Жермена, что начиная с даты этого письма, с 26 вантоза, партия, видевшая в Конституции 1793 года лишь этап на пути к более совершенной организации общества, уже вела повстанческую деятельность. В качестве доказательства они могут сослаться хотя бы только на следующую выдержку из этого письма: «Усталость патриотов-демократов, их поступки и более всего прочего голод, святой голод — все это побуждает думать, что они действуют и трудятся для победы. Я также уверен, что они действуют и трудятся сообща. Я знаю одну из группок, дело не в названии; я знаю, этого нельзя не знать, что они хотят всеобщего счастья без всякого ограничения, а также простого и безоговорочного применения принципов, проповедуемых тобою. Ее членами является немало твоих друзей, убежденных равных...».

Вот это, скажут, неопровержимо доказывает, что к тому времени лига мнимых реформаторов была сформирована и что между ними роли были распределены. Жермен был уверен, что они действуют и трудятся для победы. Он знал одну из их группок... и немало моих друзей (именно моих), убежденных равных, ее члены... Они хотят простого и безоговорочного применения проповедуемых мною принципов... По крайней мере, эти последние слова говорят о том, что я не был членом этой группы, организованной и действующей. Если еще глубже вникнуть в содержание этой части его письма, можно было бы сказать, что он только сообщил мне о существовании ассоциации людей, уже занятых разработкой наиболее верных средств исцеления от общественных недугов. Можно было бы сказать, что он ободрял меня, сообщая мне, что, когда я выступаю с проповедью своих принципов и представлений об общественных учреждениях, я не совсем одинок, мой голос — не глас вопиющего в пустыне и что в мире есть люди, готовые поддержать меня, активные люди, одержимые и движимые теми же идеями. Но это означало бы, что я ограничился ролью апостола, пропагандиста, миссионера демократии, что не устраивает наших обвинителей; получается так, что мне лишь сообщают что-то, чего я до того не знал, а именно, что моя пропаганда в пользу равенства поддерживается группой пламенных ревнителей, желающих отдать все свои силы для обеспечения ее торжества.

Но, как я уже указывал, к такому истолкованию этого письма можно прийти только с сильной натяжкой. Когда Жермен говорит, что он уверен в том, что кто-то действует, трудится, что существует некая группа, то ясно, что это всего лишь риторический оборот. Если честно подойти к этому вопросу, то видно, что он говорит лишь о чем-то вероятном, что утверждаемое им зависит, по его мысли, от каких-то весьма гипотетических

предварительных условий, из которых вытекают столь же гипотетические следствия. Лишь после того как он взвесил главные мотивы жалоб демократов и народа, их усталость и важнейшее обстоятельство — голод, святой голод, он приходит к определенным выводам. Все эти обстоятельства, говорит он, побуждают думать (побуждают думать), что друзья народа должны действовать и трудиться для победы.

Если наши обвинители не могут победить нас в тех боевых укреплениях, куда они нас загнали, то посмотрим, не повезет ли им больше в том последнем убежище, которое как будто предлагает им письмо Жермена. Выразив свою озабоченность наличием расхождений между различными партиями республиканцев, что распыляет их силы и сводит их на нет, он предлагает мне — в выражениях, признаюсь, в высшей степени примечательных — объединить силы вокруг общего центра... во избежание, говорит он, раздоров, войн... крушения принципов и гибели тех, кто их отстаивает.

«В качестве Трибуна народа (пишет он) ты обязан начертать народу или по крайней мере тем, кто может выступать посредниками между тобою и народом, план, проект наступления; скажу больше, ты в этом не можешь полагаться ни на кого, кроме самого себя. Планы, проекты, составленные кем-нибудь другим, могут, если они не были тебе сообщены (а насколько мне известно, до сих пор этого никто не сделал), оказаться в противоречии с твоими, хотя бы и незначительном; но малейшее отклонение в начале пути приводит к расхождениям на много льё в его конце. Отсюда — раздоры, войны, и все это иногда приводит к крушению принципов и гибели тех, кто их поддерживает... Ты объявил себя главой партии, стремящейся к воцарению чистого равенства; и даже если это всего лишь небольшая группа, ты обязан, как таковой, быть ее центром и движущей силой; и многие из равных сочтут, как и я, что успеху предприятия послужит лишь то, что получит твою санкцию. Поскольку, как я тебе уже сказал, то, что я здесь пишу, предназначено только для нас двоих, я могу объясниться недвусмысленно: да, ныне ты глава демократов, которые хотят, следуя твоему призыву, основать равенство; ты признанный ими руководитель; следовательно, ты один должен и можешь указать им дорогу или назвать того, кто ее укажет».

На сей раз, скажут наши противники, все ясно, и им достаточно будет немножко расширить толкование письма, чтобы построенная ими система была завершена. Исходя из предположения о том, что во время, предшествующее письму, уже существовала некая группа демократов, обдумывающая проекты изменения государственного строя, нетрудно допустить, что Жермен выступал как посредник и что эта группа поручила ему предложить мне стать их главою, соединить их планы, даже

сплавить воедино планы всех этих различных сект или республиканцев разных направлений так, чтобы объединить их в одном союзе. Отсюда легко заключить, что я и в самом деле стал этим главою, что я составил те планы, которых от меня ожидали, и что это и есть планы, обнаруженные 21 флореаля.

Однако во всем этом гипотетическом построении есть кое-что и в мое оправдание. Например, то, что я не автор так называемых первых планов повстанцев. Эти первые планы были задуманы и составлены до того, как письмо Жермена известило меня о существовании их организованной группы, и до того, как он предложил мне стать ее руководителем, а также пересмотреть и санкционировать эти планы; ибо в этом письме сказано: «Планы, проекты, составленные кем-нибудь другим, если они не были тебе сообщены (а насколько мне известно, до сих пор этого никто не сделал), могут оказаться в противоречии с твоими...». Стало быть, даже если полностью принять то, что здесь излагалось только в виде предположения, это означает, что люди действовали до меня и без меня; что 26 вантоза я еще был изолирован от любой группы, от всякого общества, члены которого совместно трудились и обдумывали проекты улучшения положения народа; что я ограничивался званием простого миссионера плебейской доктрины, пропагандиста демократических принципов, движимого исключительно своей совестью и независимого от какого-либо другого влияния; что сам я не намеревался оказывать какое-либо влияние, помимо того, которое имеет человек, высказывающий свое мнение и просвещающий; и верно лишь то, что именно тогда мне было сказано, что, поскольку я принял звание Трибуна народа, каковое я заслужил, поскольку я стал проповедником евангелия Равенства, я должен объединиться со всеми, в чьих душах горит желание обеспечить успех этих же принципов, соединить мои усилия с их усилиями, принять звание вождя демократов; в соответствии с этим пересмотреть все планы и проекты, ими принятые; начертать народу пути спасения; указать демократам путь или назвать им того, кто им этот путь укажет.

Но при этом кто мог бы доказать, что эти предложения были мною приняты? Разве это основание для вывода, что я действительно был руководителем мнимого заговора? Разве мог один Жермен провозгласить меня вождем демократов? Разве это было так же просто, как когда-то, когда витязь посвящал в рыцари своего боевого товарища? Я никогда не предполагал, что Жермен намеревался превратить меня в чье-то послушное орудие. Я никогда не думал, что, слегка воскурив мне фимиам, он рассчитывал вскружить мне этим голову. Но я всегда умел правильно оценивать свои способности, и, помимо того, что я знал, как я уже сказал ранее, что принципы не позволяют, чтобы я был кем-то другим, нежели Равным всем моим братьям... помимо того, что я знал, что

партия демократов отнюдь не должна иметь вождей, что все должны с одинаковым рвением способствовать торжеству святого равенства; помимо этих соображений, я знал еще и то, что, даже если бы партия демократов нуждалась в вожде, я отнюдь не обладал нужными для этой роли качествами. Да и все говорит о том, что я был убежденным противником всех и всяческих вождей. В ходе судебных дебатов уже было установлено, каково мое мнение о диктатуре и диктаторах. И, конечно, если с самого начала процесса я настаиваю на том, что я никогда и нигде не был руководителем, то это скорее для того, чтобы отдать дань уважения правде и чтобы не фигурировать в неподобающей мне слишком блестящей роли, чем для того, чтобы пытаться смягчить направленное против меня обвинение. Я никогда не закрывал глаза на то, что в качестве руководителя общественного мнения, а по временам архивариуса и секретаря филантропического объединения мыслителей и демократов я могу выглядеть в глазах моих обвинителей не менее опасным, чем в качестве главы или председателя этого общества, которого страшатся без особых на то оснований.

Итак, не следует делать никаких выводов в этом отношении из письма Ш. Жермена, и прошу принять мое заверение в том, что, даже если бы одного этого письма было достаточно для присвоения мне предлагаемого им звания, я отнюдь не был бы этим ослеплен, не стал бы заблуждаться относительно границ моих возможностей и не подумал бы покинуть место, предназначенное мне природой.

Перехожу к последнему замечанию по письму Жермена.

Если мы видели, что первая часть, рассмотренная нами и относящаяся к мнимым проектам демократов, построена исключительно на предположениях о возможности существования таких проектов; если во второй части можно отметить лишь предложение, основанное также на предположениях и обусловленное моим согласием, а к тому же предназначенное, как говорит Жермен, только для нас двоих, т. е. не выходящее за рамки частного, священного и неприкосновенного общения дружбы... то легче будет отказаться от подозрения, будто в этом письме отразились преступные намерения, поскольку нетрудно увидеть истинную причину, которая его породила, причину, ныне признанную совершенно законной и обоснованной. Дело в том, что Жермен, человек прозорливый и наблюдательный, еще тогда предвидел и разглядел те страшные тайны, которые с тех пор, после освещения и выяснения ролей всяких Гризелей, Роменов или Роменвилей [41] и их присных, стали очевидными истинами. Жермен разобрался в том, что правительству нужно было некое движение, некое восстание республиканцев; что оно его разжигало, возбуждало и стремилось использовать для укрепления своей власти, ибо это давало ему возможность наносить удары, устрашать, парализовать множество стеснительных наблюдателей и неустан-

ных критиков, требующих уважения к правам и гарантий общественной свободы. Вот как он это предсказывает и как мотивирует свои подозрения:

«Повседневно и повсюду проповедуют, что следует опасаться некоего движения; что оно может быть возбуждено только теми, кто заинтересован в том, чтобы захватить врасплох энергичных людей, коих они ненавидят, и чтобы найти предлог для безжалостных репрессий против них... Я сильно подозреваю, что распространение этого коварного слуха — плод макиавеллизма правительства, которое исподтишка поощряет создание разных планов, чтобы свести на нет вместе с другими планы демократов...

...Мы не можем не подозревать, что именно правительство, прибегая к различным предлогам, по сути неопределенным, но по видимости благовидным и привлекательным, создает волнения. В таком случае руководители так называемых партий, а в действительности замаскированные интриганы, действующие по указке своих хозяев, направили бы все свои силы и средства против той единственной партии, которая, восстав, поставила бы себя под удар».

Это — полностью оправдавшееся предвидение ужасных мероприятий министра Кошона и человекоубийственных тайных поручений, возложенных им на его отвратительных лакеев, Роменвиллей, Роменов и Гризелей. Это — предсказание подлых ловушек и гибельных для Республики флореальских событий и событий в Гренеле[42], предсказание, к которому недостаточно прислушивались, в которое недостаточно верили. Итак, величайшее преступление Жермена, конечно, в том, что его письмо разоблачало этот преступный сговор и создало для его организаторов опасность провала; что и произошло бы, если бы те, кому были сделаны эти предупреждения, оказались менее беспечными и более способными разобраться в столь глубоком коварстве. Если бы было доказано, что они в нем разобрались, оно оправдало бы все, что бы они ни сделали ради защиты великой семьи друзей Республики. Что касается Жермена, то его оправдание полностью содержится в обоснованности его опасений; а эта обоснованность более чем признана, более чем доказана полным осуществлением разоблаченного злодейского плана. В конечном счете его письмо есть именно это разоблачение и первое в ряду сообщений относительно того, как можно оградить всех наиболее добродетельных граждан от страшных ударов, которыми им угрожал разоблаченный ужасный проект.

Ни в том, что касается меня, ни в том, что касается Жермена, это письмо не заговорщическое. Оно не является также инспирацией мнимого заговора.

Угодно ли знать доподлинно, какое действие произвело это письмо на меня? Мне легко показать это. Председатель суда не ошибся, когда во время допроса Жермена высказал предположение, что документ № 52 из 15-й связки, стр. 59, том второй, —

начало ответа на это письмо Жермена. Это начало ответа, датированное 29 вантоза, состоит всего из шести строк. Они гласят: «Твое письмо от 26-го прибыло ко мне лишь 27-го вечером, мой друг. Я провел весь день 28-го, в соответствии с этим письмом занимаясь работою, о которой я более обстоятельно расскажу тебе немного дальше. Это введение создаст у тебя впечатление, что я хочу ответить тебе подробно и последовательно. Но не жди этого. Наоборот, я в таком положении, что не знаю с какого конца. . .».

Я не продолжал, потому что, насколько помнится, я между тем встретился с Ш. Жерменом и, вероятно, ответил ему устно.

Председатель во время судебного допроса Жермена, по-видимому, сожалел, что я не закончил своего ответа, и еще больше о том, что он не знал, какою работою я занимался весь день 28-го в соответствии с тем, к чему побуждало меня письмо Жермена.

Ну, что же. Я покажу всем эту работу. Она содержится в документах.

Она указана в номерах 22—25, из 15-й связки, стр. 36, том второй.

Там можно прочесть довольно длинное письмо, подписанное мною, адресованное редактору «Газеты свободных людей», датированное «Париж, 28 вантоза IV года» и ему предпослана просьба напечатать это письмо в одном из ближайших номеров [43].

По нему можно судить о том, какое воздействие оказало на меня письмо Жермена; там отчетливо видно, к каким выводам оно меня привело, а именно к стремлению осуществлять возможно большее влияние на общественное мнение, постоянно направляя его к чистой демократии. Вполне естественно, что, для того чтобы получить возможность осуществлять такое влияние, мне недостаточно было бы проповедовать самые священные доктрины, но что надлежало также приобрести большое доверие и уважение республиканцев. Препятствием к этому служила та репутация, которую мне создавали газеты всех партий. В то время как одни награждали меня титулом крайнего демагога, другие называли меня роялистом, третьи — даже тайным агентом правительства, которое якобы оплачивало меня, подобно какому-нибудь Гризелю, чтобы опутать добрых патриотов. И в этом письме от 28 вантоза все мое внимание как раз и сосредоточено на тех аргументах и соображениях, которые способны опровергнуть эти ложные представления, и я говорю там, какую боль и огорчение я испытываю от того, что часть моих сограждан клевещет на меня и дурно думает обо мне, тогда как мои намерения самые чистые. Здесь тоже нет ничего заговорщического.

Непосредственно вслед за этим документом идет документ Жермена, называющийся:

«Опровержение статьи, озаглавленной «Жалобы патриотов на закрытие общества Пантеона», направленное Ле-

буа, редактору «Друга народа», одним пантеонистом». Это документ № 20 из связки 15-й, стр. 30, том второй.

Жермен отлично разъяснил этот документ. Я не буду пытаться добавить что-нибудь к его разбору. Замечу только, что Жермен, как и я, вопреки выводам, которые пытались сделать из его письма от 26 вантоза, приписывая нам какие-то более широкие проекты, в действительности думал лишь о просвещении общественного мнения и о том, чтобы увести его с тех ложных дорог, куда его хотели завлечь. Статья Лебуа, озаглавленная «Жалобы патриотов на закрытие общества Пантеона», имела такое неверное направление. Она содержала смешные и жалкие нарекания, совершенно недостойные республиканцев. Пантеонисты были там представлены в самом унизительном виде. Склоняясь к ногам власти, они смиренно просили о помиловании, произнося трусливые извинения: «Что мы такое сделали? Мы в самом подавленном состоянии и т. д.»... Статья бросала укоры некоторым членам, отчаявшимся или поддавшимся подстрекательству, и так называли тех, кто наиболее достойно и мужественно добивался восстановления принципов, возвращения народу всех его прав, выполнения долга в отношении защитников родины. Затем, обращаясь к Директории, статья продолжала: «Вы можете располагать остатком наших дней... Но, будьте уверены, до тех пор, пока в нас сохранится хоть искра жизни, она будет посвящена защите Республики в вашем лице». Эта позорная мольба не могла не возмутить всех, сохранивших некоторое чувство гражданской гордости и здравый смысл. Но Жермен счел долгом предупредить людей, слабых духом и легко поддающихся обману. Он счел долгом воздвигнуть мощную плотину на пути этого потока раболепия, угрожавшего явным для всякого сколько-нибудь прозорливого человека образом увлечь множество французов в бездны инертности, беспечности, рабства. Он хотел дать острастку развратителям, разоблачив их гнусные дела, противопоставить их домогательствам гордые речи демократов, способные воодушевить мужественной энергией и энтузиазмом. Он использовал этот случай для восславления героев и мучеников дела свободы, сумевших пожертвовать своей жизнью, чтобы не гнуть шею под тяжестью несправедливых законов. Однако, граждане присяжные, Жермен заявил здесь, что поскольку эта статья, предназначенная им для напечатания в «Трибуне народа», содержала отдельные направленные против членов правительства истины, на мой взгляд слишком энергично выраженные, то он, Жермен, по моей просьбе согласился ее не публиковать. И в самом деле, она не была напечатана, вот почему у меня и осталась рукопись, которая была мной забыта среди всякой прочей писанины. Она не стала бы заговорщической, даже если бы ее напечатали. Она тем более не была такой, коль скоро этого не произошло.

Отсюда видно, что по крайней мере до первых дней жерминаля никто из нас не являлся заговорщиком. Под датой 4 жерминаля имеется документ, помеченный номерами с 5 по 13,

связка 15-я, стр. 9, том второй. Этот документ озаглавлен: «Гракх Бабеф в „Газету свободных людей“ в ответ на статью, подписанную Антонелль, напечатанную в № 144».

Письмо это, довольно длинное, существовало только в проекте. Оно даже не было отослано тому журналисту, которому предназначалось. Что содержит оно по существу? Философское рассуждение о важном вопросе — праве собственности, который, как я уже показал, такие люди, как Дидро, Руссо, Гельвеций, Мабли, обдумывали и обсуждали еще при королях, причем их за это не вызывали в Верховный суд. Статья Антонелля в № 114 [6*] «Газеты свободных людей» была ответом на статьи в номерах моей газеты, выдержки из которых я привел в первой части моей защитительной речи и где я доказывал возможность осуществления системы совершенного равенства. Антонелль оспаривал эту возможность, хотя и соглашаясь с тем, что в принципе это система единственно справедливая и хорошая, единственно соответствующая воле природы. В восторге от того, что боготворимая мною доктрина, эта религия равенства и чистой демократии, апостолом которой я себя объявил, имела поддержку как философов прошлого, так и нынешних, я чувствовал себя крайне ободренным. Я сожалел только об одном — о мнимой невозможности осуществления этой системы. Глубоко захваченный моей темой, проникнутый полностью тем прекрасным фанатизмом, цель которого — организовать на земле счастье всех людей, я в своем воображении преуменьшал это возражение, сводя его к мысли об обыкновенном препятствии, устранение которого не представляется невозможным. Мабли внушил мне глубокое предчувствие этого; Дидро дал мне полную уверенность в том. Антонелль, хотя и восхищаясь последним, проповедуя его максимы, допуская в принципе правильность его рассуждений и, пожалуй, даже добавляя к его доказательствам свои, не приходил, однако, к тому же заключению о возможности введения когда-либо этой системы у нас. Это расхождение меня огорчало. Я говорил себе: Ведь все разумные и честные люди сходятся в том, что подобное решение столь важного вопроса было бы в высшей степени благодетельным; так возможно ли, чтобы, относясь с такой любовью к людям, признавая, что только это может дать им всем счастье, мы остановились бы на пороге осуществления столь возвышенного плана не столько потому, что считаем его невозможным, сколько потому, что подсчитываем, какое сопротивление окажут нам страсти и корыстная заинтересованность тех, кто, используя в своих интересах нынешний порядок наших противоестественных учреждений, безжалостно относится к ограбленной, экспроприированной, униженной массе и не видит возможности счастья для себя при каком-либо ином порядке вещей?.. Однако, размышлял я, если думать об этом — значит действительно предаваться химерам, то не стоит зря волновать народ даже простым изложением

6* *Опечатка в тексте, следует читать № 144.*

такого рода идей, даже настойчивой пропагандой доктрины, относительно которой мы уверены, что никогда не найдется людей, которые бы ее приняли. С другой стороны, знаменитые, талантливые, обладавшие глубокими познаниями в науке законодательства люди, те, кто были моими учителями, по чьим книгам я учился горячо любить род человеческий и стремиться способствовать во всем осуществлению его счастья, — эти люди не нашли невозможным установление той системы, которая занимает мой ум; они даже доказывали ее возможность... Между тем современный мне философ, тоже выдающийся по своим знаниям и добродетелям, тоже усиленно занимающийся этим важнейшим вопросом, хотя и признавая бесспорную справедливость этой системы строгого равенства, утверждает, что ее осуществление в наших развращенных обществах невозможно, а то сопротивление, которое будет ей оказано в силу нашего всеобщего разложения и наших отвратительных нравов, неодолимо... Что делать, думал я, перед лицом такого столкновения идей даже в узком кругу мудрецов? Однако трудно и больно полностью отказаться от прекрасной надежды узреть, как род человеческий обрел наконец разум и наслаждается тем состоянием высшего счастья, к коему добрая природа его звала, зовет и постоянно будет звать. Что же, надо будет окончательно решить, какого мнения держаться на этот счет. Я подумаю, я посоветуюсь непосредственно с просвещенными людьми, оспаривающими и философов нового времени и меня, относительно самого важного, самого возвышенного и самого интересного из вопросов; я торжественно открою дискуссию по этому главному предмету, и, если результат убедит меня в бесполезности отстаивания системы, не могущей подойти людям в их состоянии вырождения, придется мне отказаться от иллюзии, которая только одного меня убаюкивает. Но прежде я должен выдвинуть все возражения, которые я считаю вескими и в отношении которых я хочу достигнуть полной ясности. Антонелль довольно пространно трактовал этот вопрос в статье, помещенной в № 144 «Газеты свободных людей». Я счел долгом выступить с опровержением или, вернее, изложить ему мои сомнения, дабы он мог их рассеять или разрушить. Таким образом, проект письма от 4 жерминаля я составил именно в этом духе и с этой целью. Ничего другого это письмо не представляет, и ничего заговорщического в нем нет. Надо еще повторить, что этот проект остался похороненным у меня и никогда не был отослан в «Газету свободных людей».

Вот, кажется, все акты и документы, которые преподносятся в обвинительном заключении как преддверие мнимого заговора, т. е. как предшествующие дням 10—12 жерминаля IV года. Полагаю, я убедительно доказал, что ни один из этих документов не может рассматриваться как акт заговора. Все они не выходят за рамки дозволенного, являясь простым высказыванием идей и мнений путем обычной переписки или посредством печати. Эти бумаги представляют собой всего лишь п о ж е л а н и я, выраже-

ние некоторых надежд; но в них никак нельзя усмотреть ни тени каких-либо реальных планов. А ведь государственные обвинители заявили нам еще до судебного следствия как устно, так и письменно, что повсюду, где мы сумеем это доказать, закон не будет иметь никакой силы над нами. Я полагаю. что я это доказал, по крайней мере до этого момента. Теперь я перешагну за эти хронологические рамки и перейду к более важному периоду — тому, во время которого, как утверждают, развернулись активные действия мнимых заговорщиков.

Непосредственно вслед за содержащимся в «Докладе» государственных обвинителей от 6 вантоза заявлением о том, что всюду, где не будет заметно никаких попыток осуществления замыслов на деле, закон не будет иметь никакой силы... можно прочесть следующий отрывок, который имеет самое прямое отношение ко всему, что войдет в эту третью часть моей защиты:

«Но если эти люди объединятся и образуют сообщество; если они будут сообщать друг другу свои идеи, желания, надежды; если они составят план и каждый из них обещает участвовать в его осуществлении; если каждый из них примет на себя какую-то роль и будет ее исполнять; если усилия всех будут согласованы и направлены к общей цели; если у них создастся организация и будут руководители, дающие приказы и инструкции; если устанавливаются исполнители, выполняющие приказы и действующие в соответствии с инструкциями, тогда налицо заговор; его признак — наличие сговора; и такой заговор — самое преступное из посягательств, когда, как в данном случае, его задачей является свержение установленного правления с целью ввергнуть нацию в самую ужасную анархию.

И именно это в точности следует из документов, которые мы сейчас подвергнем разбору. Вы найдете в них законченную организацию, провозгласившую себя Директорией, агентов, которым эта Директория дала полномочия и которые их приняли; составленные руководителями инструкции, которым эти агенты точно следовали; оживленную переписку между теми и другими; полностью установленный сговор, направленный к тому, чтобы, действуя согласованно, вернее достигнуть общей цели. А какова эта цель? Свержение Конституции, уничтожение законных властей, бесчисленные убийства, всеобщее ограбление, полный подрыв всякого общественного порядка». (Стр. 5 и 6 «Доклада» от 6 вантоза).

Вот, граждане присяжные, что утверждают государственные обвинители. Но я, со своей стороны, считаю себя вправе утверждать, что, наоборот, вовсе не это следует из документов, которые я тоже подвергну разбору. Надеюсь, я сумею доказать, что отнюдь не было организации такой, Директории такой, агентов, полномочий, учреждений, исполнения, намерения и цели таких, как это утверждают обвинители.

Вы помните, как на заседании 13 вантоза, а также во время моего допроса я рассказал, чтó в действительности существовало вместо всей этой мнимой организации. Здесь уместно будет воспроизвести данный мною тогда краткий обзор.

Я заявил, что помещение, где меня арестовали, не было моим обычным убежищем, в котором я укрывался от гонений правительства, открыто преследовавшего меня за мои сочинения, пришедшиеся ему не по вкусу.

Этот первый факт был подтвержден показанием гражданки Тиссо, предоставившей помещение. В своих показаниях от 21 прериаля она сказала, что я ночевал в этом помещении только последние 15 дней, предшествовавшие моему аресту, и что даже в этом промежутке я не каждый день ночевал там.

Я сказал и 13 вантоза, и на допросе:

Что это помещение было выбрано для того, чтобы служить своего рода *клубом*, или местом *собрания демократов*, беседовавших об общественных невзгодах, об интересах родины, обсуждавших вопрос о том, что желательно для счастья народа, строивших, имея это в виду, разные планы и предававшихся филантропическим мечтаниям.

Что это общество было как бы частью общества Пантеона, которое только что было насильственно распущено по высочайшему приказу правительства и вопреки недвусмысленному постановлению конституции III года.

Что это нарушение, подрывающее одну из самых важных гарантий общественной свободы, узаконяло, по их мнению, неповиновение повелениям тех, кто заменял право силой; что они считали возможным противопоставить насилию по крайней мере хитрость и во имя сохранения священного огня предпринять все шаги, способные сорвать мероприятия, задуманные, чтобы этот огонь погасить; что они имели тем больше оснований волноваться и страшиться опасностей, грозящих свободе, что в то время как закрывали собрания республиканцев, проявляли терпимость к собраниям сторонников роялизма, вроде пресловутого собрания Клиши и многих других [44].

Что это объединение демократов было, следовательно, собранием недовольных, имевших достаточно оснований для недовольства, но что эти недовольные были пламенными друзьями народа, не просто патриотами и республиканцами, а поборниками принципов, превосходящих систему обычного республиканизма, — одним словом, демократами, которые не довольствуются половинчатым счастьем для народа, которые не терпят никакого посягательства на его права, на его независимость, которые не терпят никакого ограничения его свободы.

Что эти недовольные, видя, сколь бесконечно далек народ от *максимума* счастья, от той полной независимости и свободы, которую они считали целью революции, по-видимому, серьезно испытывали желание и льстили себя надеждою узреть перемену

правления, каковое они считали антинародным и противным общей воле.

Что эти граждане, начав собираться, сохраняли, по-видимому, кое-какие бумаги — молчаливые свидетельства их пожеланий на благо родине и некоторых идей и проектов о средствах осуществления общественного благоденствия. Что эти первые бумаги образовали ядро той возрастающей массы документов, которая была захвачена затем 21 флореаля. Что все это принадлежало не мне, а всем республиканцам, входившим в состав этого политического кружка.

Что вследствие их неустанных забот, их постоянного рвения в поисках средств исцеления народных недугов, те, кто собирался таким образом, договорились начать с шагов по усовершенствованию общественного сознания; договорились, что надлежит направить это сознание к цели, которой стремились достигнуть, и пробудить его, с тем чтобы в дальнейшем вести к большей активности и к свободе; что, следовательно, надлежало обдумать мероприятия, позволяющие постоянно наблюдать за движением и успехами этого общественного сознания, дабы иметь возможность уловить момент, когда народ окажется достаточно сильным, чтобы потребовать всю полноту своего суверенитета и всех своих прав.

Что для этого в Париже были созданы различные средства связи, причем центральная ассоциация, не желая быть известной, придумала заменить подпись помпезным наименованием «Тайный комитет общественного спасения», что этой ассоциации давали также и разные другие наименования — «Народный кружок», «Собрание», «Демократическое общество», «Директория».

Что было решено продвинуться в этом плане возможно дальше, прощупать настроение народа и помочь восстановить его прежнюю энергию.

Что после первых видимых успехов члены сообщества почувствовали потребность привлечь к себе то, что они назвали «Директорией общественного мнения», т. е. публициста, пишущего в их духе, в духе демократии.

Что они обратили свои взоры на меня; ибо я уже показал, что способен с помощью моего «Трибуна народа» внушить общественному мнению любовь к чистым плебейским максимам; что они познакомили меня со своими работами, со своей перепиской, дававшей день за днем сведения о настроениях народа; что они сказали мне, что я смогу согласовать с этими сведениями мои сочинения, которые благодаря этому станут интереснее; что поскольку и они, и я увлечены одною и той же целью, то целесообразно, чтобы мы шли дружно и в ногу. Что, приняв это предложение, я сделал выписки из многих работ, писем и т. д. общества, дабы согласовать дух моих сочинений со сведениями, полученными уже ранее указанными мной секретными путями. Что таким-то образом я оказался в особенной и непосредственной близости к бумагам; что поэтому-то стали рассматривать как исходящие от меня, все выписки, которые я делал и сохранял, так

как они были необходимы для моей газеты; и что это дало также повод счесть меня руководителем якобы Повстанческого комитета.

Что из вышеизложенного легко понять, что мне необходимо было привести в определенный порядок эти бумаги, классифицировать их, снабдить заголовками, дабы иметь возможность разобраться в них, и поэтому на многих бумагах можно видеть проставленные моею рукой даты и заглавия; что, следовательно, я был своего рода архивариусом этого общества; что я также бывал иногда и секретарем его и написал небольшое число бумаг под его диктовку; что я это делал охотно, будучи проникнут уважением и исключительно предан этим демократам, на которых я смотрел как на чистейших людей, убежденный, что они хотели лишь того, что полезно родине.

Что в общем все члены сообщества были заняты составлением планов; и каждый из них предлагал собравшимся плоды своего воображения, зачастую не особенно стараясь их согласовать с идеями остальных и строя их на предположениях, осуществимость которых была в высшей степени проблематичной. Что, помимо создания этих разнообразных и не связанных между собой планов, систем и философических мечтаний, эти люди старались также сохранить и те, которые создавались и осуществлялись в другие моменты революции; так что все это никак не могло представлять единого целого, все части которого соответствовали бы друг другу.

Что, следовательно, государственным обвинителям потребовалось большое искусство, чтобы объединить в своем «Докладе» все это, без какой-либо связи, сопоставления и последовательности. Тот факт, что эта масса бумаг отнюдь не представляет собой совокупности идей, связанных между собой и направленных к одной цели, до такой степени доказан и не подлежит сомнению, что государственные обвинители были вынуждены исключить оттуда многое из напечатанного в томах обвинительных документов. И было бы легко доказать, что довольно большое число выбранных ими документов ничем не связаны между собою, и не потребуется больших усилий, чтобы обнаружить их самостоятельность и оторванность друг от друга.

Что, наконец, эти демократы, объединенные, таким образом, только общими чувствами и намерением осуществить счастье народа, всего лишь стремились привести его к принципам свободы; и, хотя нельзя отрицать, что они не были довольны нынешним строем и были убеждены в том, что большинство граждан столь же им недовольны, они, однако, отнюдь не замышляли перемен, которые были бы одобрены ими одними; они все подчиняли воле народа, недвусмысленного проявления которой они и ожидали.

Вот какая организация существовала, граждане присяжные, а не та, которую вам изобразили государственные обвинители.

Придерживаясь, подобно им, порядка документов и их разбора, я приведу доказательства этого главного утверждения.

Они вам указали в качестве основного документ, озаглавленный «Создание Повстанческой директории». Однако мне кажется, что было бы нарушением порядка, способного пролить самый яркий свет на это дело, если кроме этого документа не поговорить и о ряде других, которые судом и самими обвинителями отнесены ко времени, предшествующему так называемому акту создания. Председатель установил эту хронологию во время моего допроса в суде. Я также должен в целях своей личной защиты согласовывать с нею свое настоящее выступление.

Первый документ, который был мне представлен, отмечен номерами 40 и 41 из связки 7-й, стр. 139, том первый.

Обвинители в своем «Докладе», председатель в ходе моих показаний утверждали, что этот документ есть речь, которую я, вероятно, произнес на общем собрании заговорщиков... в этой речи я разбирал, какова форма нынешнего правления... и какою будет форма власти, которую поставят на место той, что хотят свергнуть.

По-видимому, в связи с этой речью возникли большие затруднения в силу отдельных неясных моментов: Когда она была произнесена? Установлено ли, что она была произнесена?

Уже сам порядок, в котором мне был представлен этот документ, тот факт, что мне его представили первым во время допроса в суде, тот факт, что мне его представили как речь, которая должна была быть произнесена на собрании заговорщиков для рассмотрения вопроса о том, какою будет форма правительства, которое заменит то, что подлежит свержению, достаточно ясно говорит, что этот документ считают предшествующим мнимой организации, мнимому созданию Комитета, или Директории, общественного спасения. Ясно, что его сочли или делают вид, что сочли, вступлением, подготовительной речью, которая должна была убедить слушателей стать заговорщиками. В таком случае в планы наших обвинителей, по-видимому, входило поместить этот документ между так называемой инспирацией Жермена (письмо от 26 вантоза, документ № 53, связка 15-я, стр. 59, том второй) и так называемым актом создания. Стало быть, все располагается таким образом: Жермен, первый инспиратор, — письмо от 26 вантоза; Бабеф, инспирированный Жерменом и инспиратор других заговорщиков, — речь, которую я разбираю, произнесенная на их первом собрании. Последние, инспирированные Бабефом, организуются в Комитет общественного спасения и под этим именем нагоняют страх на всех.

Надо показать, что это чересчур изящное построение лишено основания.

Мы с Жерменом уже дали оценку так называемой инспирации, содержащейся в письме от 26 вантоза.

В ходе моих показаний я пространно высказался, в частности,

относительно этой моей речи, якобы произнесенной на собрании заговорщиков. Я доказал, что эта речь не имеет никакого отношения к якобы инспираторскому письму Жермена, поскольку я установил, что она написана значительно ранее этого письма и всего этого дела; что эта речь была мною сочинена в тюрьме Плесси еще во фрюктидоре III года или в вандемьере IV года[45]; что в ней нет ни одного слова, хоть отдаленно сопоставимого с событиями жерминаля и флореаля. Когда я напомню, какие у меня есть аргументы на этот счет, генеалогия трех документов будет разрушена. Раз будет доказано, что подготовительная речь по возрасту старше, а вовсе не дитя так называемой инспирации от 26 вантоза, то из этого последует, что она также не мать документа, называемого актом создания. Для общего оправдания весьма важно, чтобы это искусственное родство было опровергнуто.

Сами государственные обвинители в своем «Докладе», на стр. 21, уже не знают, была ли эта речь подготовкой к организации мнимого комитета. В конечном счете они заявляют, что она, по-видимому, появилась после создания Комитета и начала его деятельности: «В то время, когда Бабеф начинал составлять речь, говорят они, все готовилось к движению. Заговорщики уже были готовы; они настолько продвинулись вперед на своем поприще, что им не осталось иного выбора, кроме как победить или умереть».

Очевидно, что суд не знал, отнести ли этот документ ко времени до или после мнимой организации обвиняемых флореаля. Это лишний раз подтверждает справедливость нашего заявления, что он возник за 6 или 7 месяцев до того и совершенно не связан с обстоятельствами создания этой мнимой организации.

Раз не доказано, когда и при каких обстоятельствах эта речь была произнесена, то посмотрим, была ли она вообще когда-либо произнесена? Отрицательный ответ на этот вопрос мы извлечем из слов самого суда.

На заседании 6 вантоза государственные обвинители сказали, стр. 20: «Эта речь, существующая лишь в черновом наброске, быть может, НЕ БЫЛА ПРОИЗНЕСЕНА, поскольку, о чем мы имеем немало оснований сожалеть, автор не нашел времени для завершения той картины, которую он обещал нарисовать. Но и одного наброска, отдельные черты которого мы только что воспроизвели, разве не достаточно для доказательства существования заговора и т. д.?» По поводу резюме гражданина Байи мне многого пришлось коснуться. Здесь он побуждает меня вставить одно замечание. В связи с этой, якобы произнесенной на первом собрании заговорщиков речью гражданин Байи, менее точный, чем его коллега, уже не замечает всего того, что тот по крайней мере откровенно признал. Мы только что слышали, что гражданин Вьейар в своем «Докладе» признал, что рассматриваемый мною документ есть лишь набросок, лишь незаконченная картина, для запол-

нения коей автору не хватило времени; что поэтому это начало речи, может быть (он мог бы сказать — весьма вероятно), не было произнесено... И что же! Гражданин Байи в своем резюме нашел более целесообразным выбросить все эти маленькие оговорки. Он ни слова не говорит о наброске, ни о незавершенной картине, ни о вероятности того, что незаконченный набросок речи не мог быть произнесен на собрании. Он также совершенно не упоминает об отсутствии дат и об отсутствии всяких других указаний на обстоятельства, определяющие время. Видно, когда надо доказать наличие большого заговора, крайне ценно иметь возможность предъявить первую недвусмысленную речь, произнесенную в несомненном собрании вполне признанным вождем заговорщиков.

Но на заседании 27 вантоза председатель сказал также, и это был его первый вопрос мне по этому документу: «Не произносили ли вы или не ПРИГОТОВИЛИ ли для заговорщиков речь, в коей вы рассматриваете, какова форма, и т. д.»

Итак, установлено все же, невзирая на умолчание гражданина Байи, что Суд сам признал, что эта мнимая речь только частично приготовлена; что это всего только простой набросок; что автору не достало времени завершить картину, которую он обещал нарисовать; что, следовательно, является вероятным, что речь НЕ БЫЛА ПРОИЗНЕСЕНА.

Поскольку это установлено, я полагаю, что мог бы не распространяться более относительно этого документа. Он дал повод для самой оживленной дискуссии на заседании 27 вантоза; ее можно найти в стенограмме, и я не буду воспроизводить этой дискуссии. Я только напомню ее самые яркие моменты.

Один из моих сообвиняемых, Буонарроти [46], начал с того, что справедливо заметил, что поскольку этот документ не имеет даты и в нем нет ни малейшего указания, позволяющего отнести его к тому времени, к какому его хотят отнести обвинители, то нет никаких оснований относить его к этому времени.

Затем выступил я и полностью подтвердил то, чего не смогли не заметить и государственные обвинители, а именно, что этот документ не только не имел даты, не только существовал лишь в виде чернового наброска и отнюдь не был завершен, но что он был просто фрагментом, эскизом, начатой картиной, оставшейся незавершенной и брошенной раньше, чем сделана была хотя бы четверть того, что с самого начала намечалось сделать.

Поэтому лишь в расчете на странную доверчивость граждан присяжных Верховного суда государственные обвинители могли счесть возможным сказать в «Докладе» от 6 вантоза, стр. 21: «Но и одного наброска, отдельные черты которого мы только что воспроизвели, разве не достаточно для доказательства существования заговора, заговорщиков, согласованного плана?..»

Правда, хотели использовать следующее место на той же стр. 21 «Доклада»: «Вы уже готовы... Чтобы знать, вполне ли вы

готовы, достаточно ли продумана ваша организация, благоприятны ли обстоятельства, при которых вы приступаете к вашему предприятию, и т. д...» Но неужто я должен повторять то, что известно каждому честному человеку, знающему немного язык? Это лишь одна из риторических фигур, гипотетический оборот, означающий: если предположить, что вы готовы, надо бы еще знать, вполне ли вы готовы, и т. д. Ручаюсь, что ни один грамматист не будет оспаривать этого объяснения.

Намеревались также особенно выделить следующее место из этого отрывка:

«Я хотел изучить эту великую проблему; я вам изложу свои взгляды на сей предмет, чтобы ответить на интересующий вас важный вопрос: *если предположить, что удастся свергнуть существующую верховную власть, какой властью следует ее заменить, чтобы установить желаемую нами социальную систему*».

«Вот что доказывает, сказал я 27 вантоза, до какой степени мое изложение было только гипотетическим. *Я хотел изучить эту великую проблему.* В случае, если удастся свергнуть существующую верховную власть, какой властью следует ее заменить, чтобы установить желаемую нами социальную систему. *Я хотел изучить...* Это значит, что, если, изучив этот вопрос, я приду к выводу о невозможности это совершить, я откажусь от всех своих идей. *Что будет в случае, если удастся свергнуть власть?..* Стало быть, у меня не было уверенности в такой возможности. У меня ее было так мало, что я отказался от завершения моей работы. Я не *изучил* эту великую проблему во всей ее *совокупности*. Неужто мне вменят в преступление даже то, что я об этом думал? Я уже возразил против мнения столь абсурдного, столь инквизиторского и тиранического, столь грубо нарушающего свободу мнений.

А разве следующая часть этого отрывка не является неопровержимым оправдательным аргументом?

«Мне представляется, что мы должны заглянуть несколько в прошлое, сопоставить нашу повстанческую позицию с позицией повстанцев наших предыдущих революций, посмотреть, что им благоприятствовало и чего у нас уже нет, что есть у нас и чего не было у них».

Повторяю сказанное мною 27 вантоза относительно этого места: «В этих выражениях ясно виден хладнокровный расчет человеколюбца, поистине убежденного в необходимости другого порядка вещей для обеспечения счастья народа, но не желающего, чтобы народ возбуждали понапрасну, коль скоро нет уверенности, что это обернется ему во благо. Он не хочет, чтобы народ подвергали бесполезным потрясениям, которые могут оказаться для него гибельными. Вот почему он взвешивает все обстоятельства и внимательно рассматривает все фазы Революции, чтобы установить, какова была позиция народа в разные моменты, когда его действия приносили ему успех, и чтобы сравнить, могут ли нынеш-

ние шансы считаться достаточно благоприятными. Это и есть суть данного отрывка» [7*].

В самом деле, все, что мы читаем дальше вслед за последней цитатой из этого отрывка, содержит лишь малую часть тех расчетов, которые он только что обещал, и в конце мы находим эту незавершенную фразу: «...начиная с Учредительного собрания и до 10 августа различные революции политических тартюфов...» — и смысл затем остается неопределенным.

«Итак, — говорил я также 27 вантоза, — мы видим, что я писал этот документ, стараясь рассчитать, есть ли возможность или надежда, что народ сможет новым величественным движением восстановить свое достоинство, свою свободу, свои права, свое счастье, которые я считал уничтоженными, и все должно было бы приводить судей к мысли, что я с болью констатировал отсутствие этой возможности, поскольку я не закончил свою работу, поскольку я оставил ее, поскольку я не дал ей заключения. А если я не дал ей заключения, то нельзя предполагать, что у меня было намерение дать ей заключение в пользу некоего движения. В приведенном мною документе я устанавливал принципы; но я не дошел до выводов. Кто осмелится приписывать мне, кто посмеет угадывать, утверждать, что эти выводы не были бы направлены против всякой попытки создания общественного волнения? Разве это не становится более вероятным, когда видишь, что я не заканчиваю, что я бросаю даже то рассмотрение, которое я начал? Разве этот отказ не является прискорбным доказательством того, что я пришел к выводу о необходимости отказаться от всяческих попыток?

Процитировав то положение знаменитого автора «Принципов законодательства», которого самого по себе уже достаточно для оправдания всех привлекаемых к суду в качестве заговорщиков: «Каждый гражданин имеет право желать правления, наиболее способного создать общественное благоденствие; долгом его является трудиться для установления такого правления всеми средствами, доставляемыми ему благоразумием», — вот что еще я полагаю необходимым напомнить гражданам присяжным из моей речи 27 вантоза:

«Признаюсь, я следовал этому последнему указанию; я желал и продолжаю желать правления, *наиболее способного создать общественное благоденствие*. Даже если бы не существовало Мабли, мое сердце подсказало бы мне, что я обязан приложить все свои силы к тому, чтобы *способствовать установлению такого правления*. Эта мысль всегда была у меня перед глазами, и я повиновался всему, к чему она меня побуждала. Но, к сожалению, мои возможности не были столь сильны, как мои желания. Мои возможности сводились к тому, чтобы время от времени сеять в народе некоторые идеи, направленные к осуществлению его счастья. Все мои размышле-

[7*] Том II, стр. 228 стенограммы.

ния, тайные и явные, были направлены к этой единственной цели. В этом убедятся, как уже убеждались, во всем дальнейшем ходе этого судебного разбирательства».

А что касается общей направленности этого документа, который рассматривался как весьма существенный и основной, то, граждане присяжные, я снова отсылаю к своим пространным объяснениям на заседании 27 вантоза, и, полагаю, будет достаточно дать здесь следующее краткое резюме.

В то время когда я приступил к этому наброску, я имел много оснований глубоко переживать общественные несчастья. Тогда, как и впоследствии, я был убежден в том, что общественный договор нарушен, что государственный строй отнюдь не соответствует существенным условиям первоначального договора, что благоденствие, цель всякого общества, и естественные права большинства не только не гарантированы, но и попраны. Одержимый пламенными стремлениями, волнующими в таких условиях каждого честного гражданина, я искал все, что могло бы помочь вывести народ из этого состояния горя и угнетения. Я полагаю, что тем самым я лишь выполнял свой долг одного из представителей суверенного народа, ибо я считаю, что это звание возлагает на каждого обязанность наблюдать за тем, чтобы были сохранены права всех, и любыми средствами способствовать общему благу.

Я не пытаюсь отрицать, что при этом я не мог скрыть своего желания увидеть замену установленной системы другою, лучшею. Но я прошу признать тот факт, что я не силою своею предполагал осуществить или помочь осуществлению такой перемены. Я хотел только, чтобы народ, просвещенный, убежденный в своем всемогуществе, в неприкосновенности, в неотчуждаемости своих прав, потребовал бы их восстановления. Я хотел, чтобы, если это нужно, ему наметили путь, способ осуществления этого требования, но я не хотел ничего, что не было бы обусловлено его согласием.

Я не вижу тут ничего, что выходило бы за пределы права суверенитета, принадлежащего всем, и той доли его, которая принадлежит каждому. Суверенитет, принадлежащий всем, состоит в праве предписать то, что хорошо, и запретить то, что плохо для всех. Доля суверенитета, принадлежащая каждому, состоит в возможности употребления всех своих средств, физических и моральных, для того, чтобы побудить суверена в целом к дискуссии по этому вопросу, к рассмотрению того или иного предложения. Это право, ясно записанное и полностью действенное в законах природы, превращается в обязанность при законах общественных, ибо сообщество, отдавшись полностью обеспечению блага каждого индивида, требует от него за это дань в виде всех его способностей; оно хочет, чтобы как сила, так и знания каждого стали общим достоянием. И если оно почему-либо временно пребывает в неведении относительно того, что составляет лучший и самый выгодный порядок общественной организации, а знания кого-то одного могут помочь ему разобраться в этом, то, конечно, оно не

захочет лишить себя этих знаний. Оно не захочет лишить кого-либо права предлагать ему свои соображения, какие бы они ни были; оно пожелает только запретить одному или нескольким людям осуществить какой-либо план силою, собственной властью, без санкции всех.

Полагаю, я сказал более чем достаточно, чтобы этот неоконченный и несовершенный набросок без даты, без связи, не имеющий никакого отношения к обстоятельствам, с коими его хотели связать; документ, основывающийся исключительно на множестве предположений, осуществления которых чрезвычайно трудно было бы ожидать; единственный плод краткого досуга, выпавшего мне за время предыдущего тюремного заключения во фрюктидоре и в вандемьере IV года; проект, оставленный сразу же после того, как он был начат, что ясно показывает душевное состояние автора, считавшего его химерическим; повторяю, я сказал более чем достаточно, чтобы отделить этот бесформенный документ, сочиненный во фрюктидоре III года, от так называемого заговора флореаля IV года. Но мне пришлось быть столь обстоятельным на этот счет, поскольку этому документу вознамерились придать очень важное значение.

Вслед за этим мне предъявили другой документ, к которому я сейчас перейду и который, как утверждают, имеет отношение к некоему проекту установления диктатуры.

На стр. 130 первого из томов обвинительных документов есть заметка, явно носящая черновой характер, содержащая бессвязные и плохо переваренные идеи. Утверждают, будто там нашли доказательства существования проекта диктатуры. Это документ № 31 из 7-й связки.

По поводу этого документа председатель задал мне вопрос на заседании 27 вантоза, не предложил ли один из граждан, собравшихся для обсуждения интересов народа, создать диктатуру.

Прежде всего, граждане присяжные, бросается в глаза, что этот вопрос был направлен к тому, чтобы определенным образом датировать этот мнимый проект, тогда как он не имел никакой даты. Этот вопрос был также направлен к тому, чтобы отнести эту дату ко времени, наиболее подходящему для установления связи между этим документом и так называемым заговором. Я ответил правдиво. Я сказал, что этот клочок бумаги отнюдь не имел явного отношения ни ко времени так называемого демократического собрания, ни к людям, в нем участвовавшим. Бесспорно, что по вопросу о диктатуре высказал свое мнение Дарте [47], поскольку этот факт отмечен в разбираемой нами заметке. Но в ходе судебных прений я уже рассказал, как и при каких обстоятельствах это происходило. Это было вовсе не тогда и не при тех обстоятельствах, которые связывают с тайными действиями так называемых заговорщиков, дело которых вы рассматриваете; это было значительно раньше. Я прогуливался однажды с Дарте. В одной из бесед на тему, единственно занимающую всех подлинных республиканцев, а именно об интересах обще-

ства, был затронут вечный вопрос: что надлежит сделать, чтобы дать народу тот режим свободы и счастья, в коем он нуждается?

...Дарте сказал мне без связи с предшествующим, не придавая своим словам ни особого значения, ни таинственности: «С самого начала Революции у нас большое предубеждение против диктатуры. О ней всегда говорили, как об очень опасной форме власти. Однако я не уверен в том, что при переходе от одного правления к другому такая власть не была бы способна ускорить и обеспечить реорганизацию общественного строя. Часто ссылаются на то, что в Риме с диктаторской властью были связаны большие злоупотребления, ей приписывают с большой долей вероятия полное уничтожение общественной свободы; но можно также напомнить об обстоятельствах, при которых эта власть помогала спасти отечество: она стала гибельной лишь тогда, когда выродилась и когда народ смирялся с тем, что власть диктатора сохранялась и за пределами того срока, рамками которого ее благоразумно ограничили».

Следуя привычке уважать все мнения, будучи свободным от всяких предубеждений, я решил поразмыслить над этим замечанием. По мере того как мои мысли по этому поводу прояснялись, я их записывал на том клочке бумаги, который ныне составляет один из важнейших документов процесса. Я сохранял эту запись как материал, на случай если мне придется в качестве публициста трактовать этот вопрос. Вся эта заметка показывает, что я не одобрял системы диктатуры и что если я ею занимался, то всегда для того, чтобы с нею бороться.

И, как правильно заметил один из обвиняемых, в этой бесформенной записке, занимающей такое большое место в этом процессе, проступает «сильно выраженное отвращение ко всему, что отмечено печатью честолюбия и захвата суверенной власти. Там можно прочесть: *Диктатура при любых обстоятельствах — открытый путь для всех честолюбцев... Если один не захватит, то другой...*». Равным образом там видна глубокая ненависть к монархии: *это слишком похоже на монархию; ибо что такое монархия? Диктатура, власть одного.*

Но, чтобы устранить всякое подозрение на этот счет, надлежит опровергнуть все выводы, которые хотели извлечь из этого документа в ходе судебных прений. Мне говорят, что первая фраза, записанная на этом клочке бумаги, как будто не имела отвлеченного характера, а относилась к конкретному плану, который собирались, по-видимому, проводить в жизнь. Ссылались на следующую фразу: *Добро можно делать, только опираясь на доверие, а первый же шаг, который мы хотели бы сделать в нашей революционной деятельности, возбудил бы недоверие.* Я ответил, что у нас до сих пор не перестали считать, что Республика находится в состоянии революции и что эта доверенная бумаге идея является чисто гипотетической и имеет в виду возможность нового потря-

Современный вид стены с замурованной дверью, через которую Бабеф и Дарте вышли на казнь

сения, а это отнюдь не выходит за пределы вероятного. Быть может, нам возразят: а как вы представляли себе эту возможность? И пожелают добавить, что это есть преступление? На это нетрудно будет ответить, что одна лишь роялистская опасность была достаточно серьезной, чтобы допустить необходимость какого-нибудь большого революционного действия, дабы воспрепятствовать успехам роялизма, и время подтвердило правильность этих опасений. Еще немного, и все могли бы окончательно убедиться в том, на что способны поборники Людовика XVIII.

Следующие слова заметки тоже, по-видимому, внушали подозрение: Я не знаю среди вас никого... Полагаю, достаточно будет в свое оправдание ответить: я не знаю в Республике ни одного гражданина, настолько одаренного способностями и

Текст установленной на этой стене мемориальной доски: «Французы! 7 прериаля V года—27 мая 1797 г. Гракх Бабеф и Огюстен Дарте — мученики свободы — вышли отсюда, чтобы взойти на эшафот и отдать жизнь за свой идеал»

добродетелями, чтобы осуществлять диктатуру, если предположить, что ее хотели бы допустить в том или ином случае.

У меня есть основания опасаться, что еще не исчезли все сомнения по поводу других частей этой записки. А между тем они содержат только возражения против диктаторской системы:

Легче оказать влияние на одного человека, нежели на нескольких, легче обмануть одного, нежели многих. Вывод очевиден: диктатура никуда не годится.

Диктатура власти, а не диктатура одного человека. Тут надо мне самому дать объяснения. Я хорошо помню, что это было видоизменением первоначального предложения. Было сказано: *Если установить диктатуру нескольких, то это, может быть, даст те преимущества, которых можно ожидать от такого учреждения без того, чтобы следовало опасаться отрицательных последствий...* Мой ответ содержится в той же записке, но он не следует непосредственно за этим, что доказывает и напоминает и мне самому, что я не набросал эти мысли в один прием. Я выдвигал возражения, а последние замечания, имевшие характер решений, появились, быть может, спустя несколько дней. На предложение усовершенствовать систему диктатуры, вверив ее нескольким людям, а не одному человеку,

я в конце записки отвечал так: вам возразят напоминанием о децемвирате, триумвирате и Комитете общественного спасения... Развитие этой мысли нетрудно уловить: вам возразят указанием на различные власти, которые под разными наименованиями были диктатурой нескольких; вам возразят напоминанием обо всех бедствиях, им приписываемых; вам скажут также, что их члены вступали в конфликты друг с другом, что эти конфликты приводили сначала к невозможности делать добро даже при желании делать его, а затем к открытым ссорам, терзавшим все части государства.

Кромвель, Сулла, Марий, Цезарь, Цинцинат, Робеспьер. Эти имена также были записаны, имея в виду одно возражение. В более подробном развитии это звучало бы: Если вы остановитесь на диктатуре одного, вам припомнят всех этих людей и их дела. Вам напомнят о римских диктаторах, из коих едва ли один из четырех удостоился похвал истории. Вам напомнят Кромвеля, власть которого довольно единодушно квалифицировалась как отвратительная диктатура. Наконец, вам напомнят о Робеспьере, которого тоже считали диктатором и которого известная партия упрекает во всем том, что она называет величайшими ужасами Французской революции. Вслед за этим я записал свое соображение в конце записки: Если один не захватит, то другой. И если вы один раз согласитесь на эту меру, потребуется диктатура при любых обстоятельствах, которые сочтут опасными и, пожалуй, даже нарочно создадут. Это открытый путь для всех честолюбцев. Можно безошибочно предсказать, что одно лишь предложение принять такую меру во Франции испугало бы народ.

«Диктатору наметят программу, так чтобы он не мог от нее уклониться», — так говорили те, кто склонялся к установлению диктатуры. Я отвечал: эта программа будет, стало быть, диктатором диктатора? Если он от нее отклонится... что вы станете делать? Ведь у него в руках вся власть и сила. Какие у вас гарантии против него? Стало быть, у вас будет диктатура над его диктатурой. Я этого не представляю себе. Вы скажете — общественное мнение? Но если он сумеет хитростью привлечь его на свою сторону в ущерб всем друзьям свободы? И если к тому же к его услугам будут все штыки, что вы сможете поделать?

Замечу здесь, что эта манера говорить «вы» или «сможете ли вы сделать то-то и то-то» — просто риторический прием. В нашем языке часто пользуются, в речах и в разговоре, такой манерой говорить. Здесь тоже она применяется в одном лишь значении: «Вы, выдвигающие такое предложение, вот возражение, что вы на это ответите?» Ничего другого здесь не надо подразумевать. Я не стал бы здесь делать этого замечания, если бы в прениях

председатель Верховного суда не стал истолковывать это «вы» в документе, утверждая, что оно свидетельствует не о чисто отвлеченном обсуждении проблемы, а о проекте, который собирались провести в жизнь.

А вот две другие поправки к тому же мнению из той же записки; эти поправки не принадлежат Дарте. Они исходят от другого лица, взгляды которого более или менее аналогичны его взглядам.

Программу надлежало бы выработать так, говорил этот человек, чтобы у диктатора не было возможности от нее отклониться, так что диктатором можно было бы назначить кого угодно. Я слышал буквально эти слова: Будут тянуть жребий, пусть это будет хоть чучело... кому выпадет жребий!!!

Не принимая такого представления и считая его достаточно абсурдным, я написал: «Какое жалкое рассуждение!»

И ниже я добавил: С вашею столь законченною системой... смогли ли вы, однако, все предвидеть, так чтобы не пришлось потом принимать случайные меры?..

А когда вы говорите: не важно кто?

Если тот, кого вы выбрали, окажется неспособным, придется его низложить, чтобы заменить другим, и тогда вы сами дискредитируете принятую вами меру...

А если он окажется злонамеренным и сильнее вас, сможете ли вы его низложить?

Таким образом, граждане присяжные, я исчерпал еще один важный вопрос, связанный с основами так называемого флореальского заговора. Перейдем теперь к другому, не менее значительному, очень тесно связанному с последним, но о котором, однако, мне не говорили во время судебных прений. Между тем в обвинительных документах этот вопрос занимает большое место, и я должен рассеять то внушительное впечатление, которое он производит.

Документ № 36 из 15-й связки находится на стр. 48 второго тома. Он состоит всего лишь из следующих четырех слов, помещенных одно под другим в самой лапидарной форме, занимая четыре следующие одна за другой строки:

Гракх
Бабеф,
Первый
Трибун.

Прежде всего полезно припомнить статью, порожденную этим своеобразным документом в газете, именуемой «Друг законов». В номере от 4 плювиоза[8*] можно прочесть:

8* *Опечатка в тексте, следует читать 24 плювиоза.*

«Целью каждой партии является правление одного человека. Если бы Бабефу удалось свергнуть Директорию, он присвоил бы себе ее власть, приняв звание первого трибуна... Он хотел править единолично... И у Марата не было иных стремлений и т. д. ...».

Что же, граждане присяжные, как вы думаете, кто увенчал меня таким образом? Кто выдал мне этот диплом из документа № 36, связка 15-я? Вы сейчас это узнаете: это мой сын, находящийся здесь... у подножия вот этих ступеней... Это десятилетний мальчик. Ему было девять лет, когда он составил этот знаменитый документ заговора. Это... попросту адрес на одном из его маленьких писем, невинных и наивных, которые он мне писал... Чтобы понять эту детскую выходку, из которой сделали столь далеко идущие выводы, надлежит знать, что я воспитывал своего сына в духе принципов, которые прежде всего дали бы ему возможность ценить прелести первой из всех свобод, индивидуальной; а потому между ним и мною — отношения большой фамильярности, большого доверия и горячей привязанности. Поэтому, когда, занятый работой по изданию моей газеты, я был вынужден покинуть свой дом, чтобы избежать преследований со стороны властей, этот мальчик писал мне ежедневно. В своих простодушных письмах он щедро изливал все самое нежное, самое лестное и дружеское, что наполняло его сердце. Это можно видеть по выдержке из его писем, которую тоже связали с заговором и напечатали в 8-й связке, стр. 220, том первый. Он называет меня там то «мой дорогой узник», то «мой друг», «мой добрый друг», «мой товарищ», то «наш добрый папа». Мой сын повторял мне эти нежные наименования на адресах тех писем, которые мне непосредственно передавали услужливые руки. Вероятно, он думал польстить мне, написав однажды на адресе первый Трибун. Бедный ребенок! Он не знал, что дает моим врагам оружие, которым они воспользуются, чтобы убить меня... Он не знал, что позволят возвестить Франции, будто я хочу наследовать ее королям... Это диадема Манлия! Это царский венец старшего из сыновей Корнелии. Это лилия Робеспьера! Грамота, коей Эмиль Бабеф, девяти лет от роду, возвел своего отца в сан главы новой династии, представляет маленький квадратный листик бумаги, шириною в ладонь. Я, по-видимому, оторвал маленький первый листик, на котором было само письмо, и сохранил, чтобы делать на нем заметки, второй листок, оставшийся белым, если не считать адреса на одной стороне и четырех вертикально расположенных слов, как изображено в томах. И этот несчастный клочок бумаги попал в руки ловкого дельца Кошона, всерьез превратившего его в документ № 36 из 15-й связки. Но вот эта великая тайна, которая сделала меня соперником Людовика XVIII, теперь разъяснена. Я буду просить граждан присяжных не забыть посмотреть этот документ № 36 из 15-й связки, дабы они могли убедиться собственными глазами, правильно ли я им все рассказал.

Я подхожу к так называемому акту создания Повстанческой директории. Мы уже видели, что до сих пор ни один из предыдущих документов не свидетельствует о существовании какого бы то ни было проекта заговора. Может быть, этот документ, наконец, содержит признаки организации, учреждения такого проекта? Если я опять смогу доказать, что, нет, зданию, сооруженному нашими обвинителями, будет очень трудно найти себе прочное основание, ибо они особенно рассчитывали на этот акт. И, по правде говоря, он больше, чем что-либо другое, подтверждал, казалось, существование заговора, сложившегося, хорошо продуманного и решительно осуществленного. В одном и том же документе речь шла и о создании Центрального комитета, и об организации агентов и инструкциях для каждого из них, указывающих, что им надлежит делать, и о способе поддержания активной связи с мнимой Революционной директорией. Но если я докажу, что все это существует только в воображении и не более чем в проекте и что, как я это объявил в своих показаниях, это не что иное, как филантропическая мечта? .. Если я докажу, что если какой-то план и пытались до некоторой степени осуществить, то вовсе не этот, я несомненно опровергну один из основных устоев системы обвинения. Не думаю, чтобы это оказалось трудным делом.

То, что он существовал всего лишь как проект, не получивший исполнения, я докажу не путем разбора самого документа, не рассматривая его изолированно. Я докажу это тем, что документ не был послан никому. Но прежде чем перейти к этому доказательству, я по иным причинам и в связи с другими вопросами остановлюсь ненадолго на самом этом проекте.

Мне лично важно показать, как я уже начал это делать в ходе моего допроса 27 вантоза, что я не автор этого документа.

Для общего дела важно также показать, что если я его одобрил, если и другие его одобрили, то, пожалуй, это одобрение было оправдано важнейшими соображениями.

То, что называют подлинником этого документа, находится под № 61 в 7-й связке, стр. 169, том первый.

Пийе[48] говорит, что снял несколько копий с этого так называемого подлинника, но не у меня на глазах, а много раньше, чем он со мною познакомился.

Этот подлинник написан не моею рукою.

Существует только три примечания, написанные моею рукою.

Первое помещено на полях, и его можно прочесть на стр. 170 первого тома:

«Признавая, что несправедливо упрекать народ в трусости и что до сих пор народ откладывал свершение своего правосудия только ввиду отсутствия хороших руководителей, готовых стать во главе его».

Второе примечание — это абзац на стр. 175 первого тома, гласящий: «Опасность может возникнуть из-за неосторожности или расхождения во мнениях, а также из-за слабости человеческой

натуры, зачастую побуждающей людей рассматривать хранение важной тайны как тяжкое бремя, которое они стремятся облегчить, доверяя эту тайну другу или тому, кого считают таковым; все это рассматривалось Тайной директорией, и она не захотела поставить спасение родины в зависимость от таких случайностей; не говоря уже о том, что в отношении верности трудно быть уверенным в том, что она будет одинаково непоколебимой у 12-ти человек, назначенных...».

Фраза здесь обрывается, потому что продолжение ее находится в самом тексте документа, который написан не моим почерком.

Третье и последнее примечание составляет весь конец документа, начиная со следующих слов на стр. 180 первого тома: «О! Успех чтений народных газет...».

Я повторю то, что я уже объяснил в ходе судебного разбирательства, каким образом мне довелось сделать эти примечания.

Копия, именуемая на процессе первым черновиком этого так называемого акта создания, была мне передана одним из граждан, имевших доступ к собранию демократов, занимавшихся размышлениями о том, какими средствами можно достигнуть торжества народных принципов. Поскольку между нами существовала договоренность о том, что я буду согласовывать мои сочинения с духом, уровнем и результатами их работ при условии предоставления мне полной возможности ознакомления с этими работами, эта копия проекта, озаглавленного «Создание Повстанческой директории», была — исключительно в виде проекта, и я докажу, что она никогда не являлась ничем другим, — она была, повторяю, тем главным документом, с которым мне следовало ознакомиться. «Читая эту копию, я заметил, что она не завершена и не точна, что ей недостает существенных абзацев. Я попросил дать мне правильную копию для проверки и уяснения, чего именно не хватает в моей, и для добавления в последней пропусков, замеченных в ней мной. Это привело меня к восстановлению на полях двух недостающих абзацев. А затем, когда я обнаружил более существенные ошибки в последней части документа, мне пришлось целиком переписать все окончания на листе, ныне дополняющем эту копию».

Пийе заявил, что сделанные им копии были сняты с этой, которая, как он говорит, была в том же виде, в каком она находится сейчас, с теми примечаниями, которые мы отметили. Но, помимо того, что Пийе ничего не утверждает положительно и постоянно повторяет, что «ему только кажется, будто он припоминает...», следует принять во внимание и то, что Пийе находится в состоянии невменяемости и сумасшествия, коих он дал достаточно очевидные доказательства. Поскольку он меня никогда не видел, никогда не видел моего почерка до того, как снял первую копию с той, которую ныне называют подлинником так называемого акта о «создании Директории общественного спасения», поскольку, как он сам говорит, он мог видеть этот якобы подлин-

ник, только пока снимал первую копию (ибо, по его словам, он имел обыкновение пользоваться подлинником только для снятия первой копии, а затем списывал со своей копии отчасти потому, что так ему было легче читать, отчасти потому, что это ему заменяло сличение с подлинником), то как же, спрашиваю я, может он помнить, что он копировал с тех самых листов, где находятся занесенные моею рукою примечания? По моему мнению, напротив, гораздо более вероятно, что он переписывал с другой копии, снятой, возможно, тою же рукой, которая написала большую часть того документа о «создании Комитета», который теперь именуется подлинником. Пийе сказал, что он пришел работать рядом со мною только за 10 или 12 дней до своего ареста. Конечно, я не скрою, что несколько ранее этого я знал о существовании и деятельности ассоциации демократов, к которой его привлекли. Но, с другой стороны, я буду утверждать и я докажу, что в то время, когда Пийе снимал первые копии, я не был ни во что посвящен. Разве мы не видели, как Пийе колебался, как он был неуверен, когда припоминал, были ли те бумаги, которые ему приносили для снятия с них копии до того, как он появился у меня, написаны моим почерком. Он сказал, что он так полагает, что ему кажется, будто он это помнит. Но могут ли внушать доверие утверждения Пийе? Им постоянно руководят демоны, заставляющие его предполагать, думать и говорить все, что им угодно. Он обвинил Феликса Лепелетье, заявив, что работал у него прежде, чем был послан ко мне, и что Феликс Лепелетье направил его в то помещение, где я находился. Я не могу утверждать положительно ничего относительно первой части этого утверждения, но я ставлю под сомнение вторую часть. Пийе не был мне представлен Феликсом Лепелетье, которого я хорошо знал как республиканца, борющегося в первых рядах демократов, но совершенно не знал о какой-либо связи его с тем особым кружком патриотов, которых здесь обвиняют. Если он когда-либо был посвящен в их дела, в их мечтания, то это оставалось вне поля моего зрения и происходило вне того места, где я встречал много других участников этого метафизического заговора. По-моему, воображение Пийе настолько расстроено, что, я полагаю, он полностью заблуждается, думая, будто был привлечен к работам клуба демократов Феликсом Лепелетье, который скорее мог занимать его для других дел, поскольку знал его еще в Версале, в бытность Пийе секретарем у гражданина Эрона. То, что Пийе пригрезилось, будто он снял столько копий у Феликса, не более удивительно, чем то, что некий дюжий дьявол перенес его против его воли в мою комнату после долгих блужданий по улице Монторгёй. Именно этот лукавый бес столь долго путал его и заставлял его вилять относительно какого-то Дютиля, в котором он в конце концов признал Дидье[49], и относительно Дарраса, который превратился в Дарте. А чего стóит человек с большой саблей, которого он видел каждый день и которого не смог распознать среди лиц, находящихся здесь... Всякому понятно, что, если

«духи» до такой степени путают вас, они могут вам внушить, будто все, что вы копировали за какое-то время, были бумаги, написанные одной и той же рукой.

Резюмирую. Документ, который суд называет подлинным «актом создания Директории общественного спасения», № 61 из 7-й связки, написан не мною. Я не могу считаться его создателем, несмотря на несколько примечаний, вставленных в качестве поправок. Эти поправки свидетельствуют о том, что так называемый подлинник — всего лишь копия, которую мне дали для свéдения как публицисту, направляющему общественное мнение в духе, близком этой демократической ассоциации, и что я нашел эту копию неточной и пожелал восстановить пропуски, опираясь на более правильный экземпляр.

Поскольку это установлено, а это было установлено не только сегодня, но и во время моих показаний в суде 27 вантоза, те люди, которые упорно продолжают присваивать мне звание руководителя так называемого заговора, лишились еще одного важного доказательства. Но я повторю, как и 27 вантоза, «что если я не был инициатором, составителем этого документа (№ 61 из 7-й связки), то я признаю, что во всяком случае одобрял его, поскольку это был один из текстов, с которыми я согласовывал тон моих сочинений. Я был, стало быть, скажут мои обвинители, соучастником, сообщником тех, кто его задумал, и в качестве такового я должен защищать этот документ иначе, чем просто отрекаясь от него».

Заметим, что это значит сильно расширять понятие виновности (если можно говорить о виновности в применении к человеческим размышлениям), если распространять его на всех тех, кто мог одобрить плоды таких размышлений... Я оказался вторично преступником, то же случилось и со многими моими сообвиняемыми, обратив внимание на этот якобы очень важный документ, составляющий основу так называемого проекта свержения установленного политического строя. Мы предпочли бы избавить себя от повторения рассуждений о вечных принципах и истинах, изложенных нами на заседаниях 27 и 29 вантоза. Мы предпочли бы избежать повторения изложенных нами тогда исчерпывающих доказательств, что уже записано летописцами, передано современникам, что потомство будет отыскивать с интересом... Но, поскольку, несмотря на множество доказательств, представленных в ходе судебного разбирательства в связи с обсуждением этого документа, его упорно рассматривают как преступный и безусловно связанный с мнимою системою обвинения, причем его произвольно связывают с другими документами, не беря на себя труда доказать и продемонстрировать эту связь; поскольку, с другой стороны, нам тогда было сказано, что наши возражения бесполезны и могут быть представлены только в порядке общей защиты... мы считаем необходимым дать довольно развернутые объяснения по поводу акта, на который продолжают смотреть как на принципиально важный, как на начало и основу

всего плана восстания, каковое якобы активно развивалось в соответствии с этим планом.

Следовательно, сейчас, когда мы находимся в стадии общей защиты, надлежит установить, что рассматриваемый документ не является преступным.

Он выражает лишь пламенное желание произвести просто некое моральное восстание в умах в пользу политической системы, которая лучше ныне существующей. Нигде нельзя найти более сильного, более искреннего проявления духа демократии, т. е. полной преданности народу, делу торжества всех его прав и его подлинного суверенитета, столь глубокой ненависти к порокам и коррупции, ко всем злоупотреблениям, посредством которых большинство людей держат в рабстве, невежестве и бедности. В каждой строке этого проекта видна глубокая отзывчивость его авторов, их искренняя печаль по поводу общественных недугов. Страстное желание общего благоденствия никогда не было выражено более сильно.

Законы природы, разум философов и даже нынешние наши законы сходятся в признании полной свободы мнений. Согласно этому принципу каждый гражданин вправе не признавать слепо превосходства той или иной системы общественных учреждений только потому, что его в этом заверяют та или иная каста, те или иные люди, которым эта система подходит. Он вправе рассматривать, выгодна ли эта система для большинства, подтверждает ли она его права, гарантирует ли национальный суверенитет. Если он приходит к убеждению, что это не так, он не только вправе, но, как и всякий честный гражданин, обязан стремиться к лучшей организации, к более совершенной общественной системе, стараться определить, какой должна быть такая система, и если он полагает, что сумел это обнаружить, то обязан приложить все усилия, чтобы убедить своих соотечественников в ее превосходстве над существующей и уговорить их ее принять.

Сама конституция III года, сходясь в этом с естественными законами, признает неприкосновенные права всякого гражданина. Она подтверждает свободу выражения идей и мнений. Она заявляет, что народ может непосредственно обсуждать и утверждать законы, ибо они являют собою *общую волю, выраженную или большинством граждан, или их представителями*. Она признает национальный суверенитет, т. е. право народа приказать все, что он хочет, все, что полагает полезным, и воспретить все, что считает невыгодным для общества.

Если каждый член общества вправе помогать всему народу своими знаниями, своими соображениями; если долгом его является предлагать то, что он считает хорошим, полезным и направленным к общему благоденствию, а также привлекать внимание общества ко всему, что он считает несправедливым, угнетательским и дурным, если суверенное право всех не может быть ограничено и они бесспорно могут изменять форму своих законов,

когда считают, что это целесообразно... то инициаторы разбираемого мною документа — это всего только люди, осуществлявшие права, гарантированные как законами природы, так и гражданскими законами.

В самом деле, писаные законы должны всегда вытекать из вечных законов природы. Те и другие требуют, чтобы народ обсуждал форму своих учреждений, когда он это считает нужным, и чтобы каждый гражданин одинаково свободно ставил вопросы на обсуждение. Но если обсуждение — дело законное, то и призыв к обсуждению не может быть предосудительным. Одно неразрывно связано с другим, ибо как могло бы целое общество принять какое-либо решение, если бы каждый его член не имел права проявить инициативу возбуждения вопроса, чтобы завязалась предварительная дискуссия, необходимая для каждого крупного решения? Разум народа — достаточно верная гарантия, чтобы устранить опасение, что неограниченная свобода призыва к обсуждению способна ввести общество в заблуждение. Вот почему не следует препятствовать даже тем, кто путем простых предложений хотел бы его обмануть. Но тем более не следует стеснять тех его апостолов, которые хотят направлять его по пути совершенствования его политической организации. Кто действительные преступники и заговорщики, те ли, кто хочет торжественно и несомненно выявить волю общества, или те, кто ее затемняют двусмысленной манифестацией, выражающей их волю, а не волю общества?

Если бы было решено, что справедливость на стороне последних, а на стороне первых — преступление, мы были бы отброшены к тем временам, когда преобладало представление, что народ — всего лишь стадо; что государство — это ферма, которую правители должны эксплуатировать к вящей своей выгоде, и что было бы неуважением к ним рассматривать их просто как интендантов нации.

Но, по-видимому, государственные обвинители Верховного суда дошли окончательно до игнорирования принципов, до утверждения, что простая проповедь, пропаганда, разъяснение, убеждение создают повод для вмешательства закона. Между тем если прочитать с начала до конца документ о создании Тайной директории, организации агентов и соответствующих инструкций, то в нем видишь только намерение и желание вызвать революцию в умах, завоевать их путем убеждения и склонить их высказаться в пользу того, что считают наилучшею политической системой. Все средства, коими предполагают пользоваться, сводятся к этому. На тех, кого именуют агентами, возлагается лишь задача организовать частные собрания, читать на этих собраниях газеты, проводить дискуссии о правах народа. В инструкциях нет ничего, что говорило бы о принуждении, о каком-либо применении силы. Ничто не выходит за рамки пропаганды идей, принципов демократической доктрины.

Но все это, согласно высказываниям самих государственных обвинителей, отнюдь не представляет преступных действий.

Само название Повстанческой директории тоже не представляет ничего преступного, ибо, как мы только что объяснили, для того чтобы понять его подлинное значение, надо посмотреть, какой смысл вкладывали в это вызвавшее такой испуг название люди, которые им пользовались. Бесспорно, что, поскольку эти люди располагали лишь сочинениями, знаниями и средствами осведомления, чтобы привлекать на свою сторону силою убеждения, это наименование означало гораздо меньше, чем если бы они располагали богатствами, людьми и пушками, чтобы подчинять себе всех остальных силою...

И в другом отношении в этом документе нет ничего преступного. Похоже на то, что авторы заранее обладали данными, убеждавшими их в неизбежности народного движения; что эта идея, зародившаяся еще до составления плана их организации, повлияла на содержание этого плана; что поэтому они сочли долгом не ограничиваться направлением общественного мнения, а полагали необходимым провести некоторые подготовительные действия, чтобы сделать это движение эффективным и позволить ему избежать тех несчастий, которые столь часто следуют за подобными событиями... Но в таком случае они тоже далеко не преступники, ибо существует ли закон, который мог бы запретить подготовить заранее спасительные меры с тем, чтобы предложить их суверену в тот день, когда он решит сменить форму своего правления? Так вот, в рассматриваемом мною документе есть места, доказывающие, что авторы его были убеждены в неизбежности в недалеком будущем народного движения, которое возникнет независимо от них, от их содействия и от их желания. Вот эти места (Создание Повстанческой директории, стр. 170, том первый): «полагая, что превышение узурпаторской властью меры преступлений заставляет всех единодушно желать революционного взрыва... (стр. 175)... Возводимое на народ обвинение в трусости есть явное кощунство, а проявляемое им общее нетерпеливое стремление прекратить поистине ненавистное и т. д. (там же)... Несчастное большинство мечтает только о подходящем случае и моменте, чтобы освободиться от угнетения... (стр. 181)... Следует считать, что мнение народа вполне сложилось, но не сложилось мнение солдата...».

Из этого явного убеждения авторов документа в том, что народ, безусловно, склонен прийти в движение, вытекает, что концепция плана полностью подчинена этому убеждению и что все, что его авторы предполагали делать, было в полной зависимости от согласия народа. При таком условии все усилия, направленные к изменению формы правления, не являются преступным заговором.

Я сейчас представлю убедительное доказательство неопровержимой истинности положения, что отнюдь нельзя считать заговорщиком того, кто втайне подготовляет средства спасения ро-

дины в момент приближения переворота, который, как он предвидит, безусловно, будет произведен дезорганизаторской партией. Я извлекаю это доказательство из материалов недавнего суда над эмиссарами Людовика XVIII[50]; этот процесс дает мне немало важных соображений, которые я смогу изложить в ходе своей защиты. Они, королевские эмиссары, тоже утверждали, что они только подготовляли планы на случай, если конституционное правление 1795 года будет свергнуто (как они говорили) анархистской партией. Они тоже утверждали, что они только размышляли о средствах возвращения Франции благоденствия. А их защитники позаимствовали у нас выражение «филантропические мечтания», которое они применяли к намерениям господ Дюверн де Преля и де Лавилернуа вернуть нам короля. Таково, по их словам, было их мнение о лучшем способе осуществления благоденствия. И что же! Этот аргумент показался неопровержимым докладчику военного совета! Вот как он высказался по этому поводу в своем резюме от 15 жерминаля:

«Несомненно, что в случае внезапного низвержения правительства какой-либо группой священные права на благодарность своих сограждан заслужил бы тот, кто, чтобы спасти их от ужасов анархии, поспешил бы представить им плоды своих бдений и своих размышлений, презирая все опасности ради восстановления порванных связей политического единства».

Таковы собственные слова докладчика военного совета. Сам обвинитель Байи дал нам нечто равноценное в реплике на речь Буонарроти на заседании 29 вантоза. На утверждение последнего, что демократы полагали, могли полагать, что в то время можно было убедить народ отвоевать свои права в большом порыве гнева... против роялистов, гражданин Байи ответил: «Не было бы преступлением принять меры предосторожности, чтобы в тот момент, когда такое движение начнется, оно не оказалось запятнанным несчастьями, обычно сопровождающими крупные движения». Государственный обвинитель в заключение дал понять, что, разумеется, если бы речь шла только об этом, наши действия были бы простительны; но он считает, что они непростительны, ибо якобы доказано, что мы намеревались произвести перемену с помощью ужасных средств.

Остается, стало быть, лишь уничтожить эту последнюю часть обвинения, и я надеюсь, что это будет нетрудно. Но, впрочем, почти все признают ту истину, что никакому французу нельзя вменить в преступление, если он подготовляет впрок меры на случай необходимости спасения отечества от переворота со стороны тех, кого он считает его врагами. Роялистам простили их приготовления, направленные против искренних республиканцев на случай, как они говорили, если бы последние захотели обеспечить полное торжество «анархии», а так они называют самое чистое республиканское правление. Но мы называем «анархией» ужасный роялизм, попирающий все права и приносящий

в жертву большинство народа ради счастья своих подручных и своих рабов. Против этой анархии, против монархистской анархии демократы и направляли свои приготовления. Разве они были неправы, когда во имя сохранения Республики готовились выступить против роялистов, коль скоро теперь доказано, что роялисты готовились выступить против них, чтобы свергнуть эту Республику? Что же, неужели при режиме все еще республиканском, когда противостоят друг другу партия, наиболее этому режиму дружественная, и партия самых беспощадных его противников, когда эти обе партии называют друг друга «анархистами», неужели анархия республиканская окажется менее привилегированной, чем анархия монархическая? Неужели королевским анархистам простят то, что они выставили батареи против анархистов демократов, а последним вменят в непростительное преступление то, что они приняли контрмеры? Только человек, окончательно продавшийся королю Франции и Наварры, может так решить...

Путем анализа его содержания я доказал, что нет ничего преступного в так называемом оригинале документа, озаглавленного «Создание Повстанческой директории», и в приложенном к нему проекте «Инструкции гражданским агентам». Я докажу также, что вопреки тому, как хотелось бы представить дело составителям обвинительного акта, это документ совершенно обособленный, не связанный со следующими документами; что он ничего не основывает и не учреждает; что это лишь простой проект; что, следовательно, здесь еще нет начала заговора. Но я должен предварительно остановиться на одном промежуточном документе, который, кажется, приняли за приложение к только что мною рассмотренному.

Документ, к коему я сейчас перехожу, имеет заглавие «Создание Повстанческой директории, организация военных агентов. Инструкция этим агентам». Стр. 319, том второй, документы с 15 по 19 из 8-й связки, и стр. 4 и 24 приложения к «Докладу» государственных обвинителей.

Этот документ есть всего лишь копия с подлинника проекта инструкции военным агентам. Это одна из тех копий, которые, как я сказал 13 вантоза, я снял, чтобы сохранить в памяти сведения о деятельности объединения демократов, облегчавших мне доступ к их трудам для согласования с ними направления моей газеты. По мере того как я снимал эти копии, подлинники уничтожались. Эту копию я снял буквально такой, какой вы ее видите, со всеми имеющимися там примечаниями. Очевидно и бесспорно, что примечания относятся к инструкции тем, кого подчеркнуто именуют гражданскими агентами, хотя, по существу, это были просто корреспонденты, сообщавшие о состоянии общественного мнения. Легко видеть, зачем автор подлинника делал эти примечания. Этот документ явно скопирован с инструкции гражданским корреспондентам с соответствующими модификациями. Поэтому он отсылает к этой инструкции по всем тем

параграфам, которые совпадают, и устанавливает варианты, обусловленные различием того, чтó надо было говорить военным корреспондентам и гражданским корреспондентам. Эти примечания к различным параграфам были, очевидно, поставлены с целью освободить кописта от снимания полной копии военной инструкции; т. е. сочли достаточным сделать копию вариантов, подходящих для чисто военных частей инструкции, и указать копиисту посредством различных примечаний параграфы, которые надлежит взять из гражданской инструкции, поскольку они должны туда подходить... Я точно скопировал сокращенный таким образом подлинник военной инструкции, потому что я был уверен, что в случае надобности найду, как и копиист, документ в целом, поскольку смогу, как и он, воспользоваться копией гражданской инструкции.

В ходе судебных прений я сказал, что отнюдь не думаю, что какая-нибудь из этих инструкций была разослана; я сказал, что тем не менее, поскольку я не вмешивался в подробности отправки и рассылки, возможно, что какие-нибудь из них были посланы без моего ведома. Я докажу, что такой рассылки не было, хотя против меня и выдвигают эту мнимую копию, найденную в матрасе Гризеля, и его письмо от 26 жерминаля (том первый, стр. 42), и мнимый ответ Директории общественного спасения от 29 жерминаля (том первый, стр. 41), но еще не пришло время представить это доказательство. Не будем ничего предвосхищать, не будем смешивать разные периоды. Мы в свое время рассмотрим вопрос об этих мнимых рассылках.

Если бы даже было доказано, что этот документ был послан, и даже в случае установления личности его авторов, какой аргумент можно было бы извлечь из этого против них? Во всем необходимо найти его истинное значение. Является ли этот документ заговорщическим? Рассматривая в порядке своей защиты тот документ, который ему предшествует, а именно инструкцию гражданским корреспондентам, я дал объяснения, облегчившие путь к истине в понимании и оценке этого документа. Этот документ, сказал я, отнюдь не заговорщический. Уберите все прикрасы заголовков, представляющие собой по существу некое подобие шарлатанства, порожденное патриотической лихорадкой, фанатической любовью к народу; уберите эту мишуру, придуманную лишь для того, чтобы воспламенить рвение корреспондентов, побудить их как можно активнее сообщать сведения о состоянии общественного мнения; и что тогда остается? Просто установление политической переписки между организаторами и выбранными ими корреспондентами. Так называемая «первая инструкция» есть лишь первое послание, заложившее основу, на которой намеревались построить дальнейшие эпистолярные сношения. Если сейчас рассмотреть ее глазами холодного разума, без предубеждения, то мы не найдем здесь ничего, кроме предложения установить переписку с целью знать настроения солдат Республики и направлять их к принципам, отвечающим интересам боль-

шинства, уводить их от ложных дорог, куда роялисты и все враги народа хотят их завлечь, и освещать им путь светильниками подлинно республиканских произведений! Если случайно там проскальзывают слова «революция», «движение» и тому подобные, то из документа в целом ясно, что имеется в виду не что иное, как Революция моральная, Революция общественного мнения, которое, по убеждению авторов, заблуждалось слишком опасным для свободы образом. Да, сколько ни анализируйте этот документ, в нем нельзя найти другого намерения, кроме намерения революционизировать умы, и я утверждаю, что с точки зрения интересов общества это было весьма не лишним. Чтобы это доказать и отстоять моральный характер этого документа, мне достаточно его самого. Я приведу то, что составляет душу этого документа, что характеризует его сущность, чтобы показать, что при всей обширности кругозора его автора он имел в виду только общественное мнение. Я беру следующие выдержки:

«Мы вам еще не предлагали того рычага, который считаем наиболее способным поднять дух и мужество солдата. Теперь мы вам дадим его. Давно признана та истина, что люди действуют энергично лишь в борьбе за свои интересы; общий интерес составляется из всех частных интересов. Стало быть, надлежит удовлетворить эти последние интересы, дабы иметь возможность осуществить подлинное общее благо. И поскольку эти самые интересы являются самым мощным двигателем, приводящим в действие всех людей, то из этого следует, что, пуская в ход подобное великое средство, мы делаем одновременно и самое справедливое дело, и дело, наиболее способное обеспечить успех. Обратимся к интересам большинства, т. е. будем добродетельными и справедливыми и завладеем самым верным орудием успеха.

Революция была предпринята в интересах большинства, ибо до нее социальное положение большинства было слишком тяжелым и оно хотело изменить его к лучшему. Под действием интересов большинства Революцию обожали до тех пор, пока надеялись на эту перемену к лучшему. Под действием интересов большинства Революцию возненавидели с тех пор, как заметили, что ее последние результаты представляют лишь перемену к худшему. Интересы большинства побуждают нас начать другую Революцию, которая, надеемся, станет последней, и ее целью будет заменить это худшее совершенно хорошим. Докажем же большинству, что такая перемена возможна. Сделаем больше, вселим в него уверенность в этом, и мы увидим, что его интересы побудят его обеспечить эту перемену благодаря энергичному и неотразимому воздействию его воли и его силы».

Граждане присяжные, итак, вы видите, что если было желание перемены, благоприятной для массы народа, то она была всегда подчинена ОБЩЕЙ ВОЛЕ, СИЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ЯСНО ВЫРАЖЕННЫМ СТРЕМЛЕНИЯМ

БОЛЬШИНСТВА. Но в таком случае, по мнению самого обвинителя Вьейара, тут нет ничего преступного. Ибо он сказал нам 6 вантоза: «Восстание, несомненно, законно, оно СВЯЩЕННО, когда, как мы это видели в 1789 г., оно является делом всего народа, всех граждан, когда оно плод свободного, стихийного движения, подлинно общей воли: в таком случае, сопротивление восстанию — предприятие и бессмысленное, и преступное».

Граждане присяжные! .. Повторяю, говорить гражданам об их недугах, указывать им средства исцеления — это дело, которого никакой разумный закон не может воспретить. Я знаю, что кое-кто не любит картин наших бед, но в документе, о котором я говорю, есть одна такая картина, очень точно отражающая положение в то время, когда она была выполнена, т. е. в вантозе и жерминале III года. Полагаю, что и к настоящему времени применимы некоторые штрихи этой картины и их стоит воспроизвести в оправдание рассматриваемого нами документа. Мы там читаем:

«Обращаясь к интересам и душе людей, защищавших Родину, можно и должно иметь в виду два главных аспекта: их интересы применительно к их настоящему положению и их интересы применительно к их будущей судьбе.

Разве не будет правильной картина, в которой вы покажете солдату его нынешнее положение, когда он несчастен, как народ, так же гол, так же голоден, так же унижен? Я вижу беднягу, вернувшегося с границы. В каком он состоянии? Один лишь внешний вид его навел бы меня на мысль, что те, кто правит, лучшие друзья тех деспотов, с которыми он сражался. Я вижу, как жестоко он наказан за то, что поверг в прах их сателлитов. В самом деле, это изможденный, бледный человек, падающий от истощения. Я обращаюсь к нему с вопросами. Он говорит мне, что его плачевное состояние не удивительно, он объясняет мне, что его жалованье ниже, чем у последнего немецкого солдата. С 30 су в ассигнатах и с 2 су в день звонкой монетой нельзя не умирать с голоду. В общем, с ним обращаются хуже, чем с тем уланом, тем германским рабом, тем одурелым и опустившимся сбиром, почти потерявшим человеческий облик, из которых состоят легионы, от случая к случаю оплачиваемые Францем Австрийским, и чей жалкий вид внушал мне такое сострадание в начале Революции. Ныне солдат моей страны не только умирает с голоду, он ходит без обуви и без одежды. Он не может отдать постирать свою рубашку, потому что это стоит 30 фр., а где он их возьмет? Но мало того, что он лишен пищи и одежды. Его вдобавок угнетают, терзают и мучают путем множества пыток, пышно именуемых военною дисциплиной, а это по сути дела тирания гораздо более усовершенствованная, чем та, что существовала при благородных министрах Людовика XVI. Солдат сейчас гораздо больше превращен в автомат, гораздо больше подвержен капризам унтер-офицеров. Он сейчас всего

лишь рабски покорная машина, которая не должна знать ничего, кроме своего командира. Рассуждение, слово и даже мысль запрещены ему. Вдобавок эту тираническую власть осуществляют над ним не те, кто разделял с ним опасности войны. Чины имеют отнюдь не самые храбрые; отнюдь не те, кто особо отличился в борьбе с врагами свободы и заслуживает почестей. Наоборот, те, кто ныне командует, в большинстве случаев трусы, интриганы и даже контрреволюционеры, а подлинные военные заслуги преданы забвению и позору. Поэтому защитник родины обременен всевозможными напастями. Он не одет, не накормлен, находится под жестокой ферулой презренных начальников, вовсе не сражавшихся за Республику, ненавидящих ее и всех тех, кто кровь свою проливал за ее победу. Если допускаются некоторые исключения из режима нищеты и лишений, который терпит солдатская масса, то это делается с коварной и подлой целью. Коекого приманивают, чтобы вернее укрепить рабство всех. Распределение *вина* и *водки* в батальонах, чья служба весьма близка к службе по охране порядка в самом революционном из городов (Париже), со стороны которого опасаются энергичного порыва к свободе; гораздо более выгодное, даже блестящее положение, в котором находятся отборные роты, непосредственно предназначенные для охраны правительства, — все это мед на конце палки, которая должна бить по народу. Если несчастные, получающие эти щедроты, платят за них слепым повиновением, их можно рассматривать как людей, продающих родину и свободу».

Такова примерно, говорилось в инструкции, правдивая картина нынешнего положения солдата, которую надо стараться часто ему показывать. С этой первой картиной можно сопоставить картину его положения в будущем, которую легко предугадать. Она отнюдь не будет более веселой:

«Покажите им, что их ждет при их возвращении в родные дома. Что найдут они там? Глубокую нищету, в тысячу раз более глубокую, нежели та, что удручала их несчастных отцов. Революция обещала им как самую справедливую, самую законную награду за доблестные подвиги, совершенные ими во имя ее победы, национальные имущества, способные обеспечить существование каждого из них. Такое достойное их трудов благодеяние дало бы им возможность прожить остаток дней своих в почетной отставке, покойно и счастливо, образовать бесчисленные новые семейства, воспитать новое поколение в любви к родине, благоденствие которой сами они создали, и с гордостью тысячекратно повторять своим восхищенным детям, каждый раз с новой радостью, с новым чувством умиления, каково было их участие и каким множеством подвигов они способствовали свержению ига угнетателей и богачей и основанию своей независимости. А в действительности что будет с ними? Эти национальные имущества, обещанные им и торжественно гарантированные множеством декретов, что с ними стало? Они были доведены до размеров стоимостью в *реальный миллиард*, т. е. *нынеш-*

ние 300 млрд. ассигнатами. Где теперь имения Республики, соответствующие этой сумме? Их вернули изменникам, у которых они были законно конфискованы. Защитник родины, вернувшись в свою хижину, должен был бы увидеть, что над ней уже не господствует наглый дворянчик, который, владея всей землей, заставлял его отца работать как раба, обращался с ним во всех отношениях как с таковым, кормил его лишь наполовину, не давал ему возможности одеться. Защитник родины должен был бы найти на захваченных этим ненасытным людоедом обширных пространствах свою долю, достаточную для его существования. Но на деле он вновь встречал там этого прожорливого монстра, более яростного, более безжалостного, чем когда-либо ранее. В несчастном солдате этот человек видел того, кто с ним воевал, когда он был эмигрантом, того, кто страстно желал его окончательной гибели и кто огорчен тем, что она не свершилась. Сеньер долго заставит его раскаиваться в таком преступлении. Бывший защитник родины проведет свою старость в жестоком рабстве и ужасной нищете. Более угнетенный, чем его отец, более униженный, оскорбленный гнусными словами вроде „оборванец", „каналья", „чернь", он будет вынужден, как правильно предвидел автор одной подлинно народной газеты, пресмыкаться перед наглым господством богачей, быть каторжником у них на службе, работать за ничтожную плату с первого до последнего своего часа, увлажняя кусочек черного хлеба, высохшего на солнце, лишь своим потом... да еще счастливы те, кто сможет такой ценой продлить свое существование; остальные... отправятся просить подаяние. Множество калек, увечных на деревянной ноге, людей с перебитой челюстью и сломанными руками и т. п. заполнят улицы и дороги, они будут тащиться от порога к порогу, стучась в двери тех, кто не знает, куда девать свое богатство; они повторят свои униженные мольбы сотне таких богачей, чтобы стерпеть 99 оскорбительных отказов и только у сотого порога получить один обол, тысячную часть того, за что можно купить себе немного хлеба.

Такова краткая, но весьма впечатляющая и вполне несомненная картина того будущего, которое предстоит нашим защитникам, и вы должны приложить все усилия к тому, чтобы помочь им убедиться в этом самим».

Граждане присяжные, я опять обращаюсь к вам с вопросом. Разве открыть глаза на цель всех действий администрации — это не значит воспользоваться правом, принадлежащим членам свободного сообщества? Если не обладаешь такой свободой, то не стоит называть себя республиканцем. Стало быть, не было преступлением, когда задумали всего лишь предать гласности следующие соображения:

«Чтобы настроить солдат в духе, единственно соответствующем интересам народа и их самих, побудите их задуматься над тем, что они собою представляют и что из них хотят сделать, над тем, с какой целью их привели под стены Парижа, над тем, как

недостойно хотят использовать их штыки, их руки, и над иной славной ролью, которую они могут выполнять ради их собственного блага и ради блага их сограждан. Изложите им эти соображения примерно в том духе, в каком они были выдвинуты уже цитированным нами народным журналистом, чьи слова мы еще будем приводить здесь.

Что делают многочисленные фаланги, собранные вокруг города городов, города Революции, колыбели свободы?.. С какой целью их туда призвали? Разве его обитатели мятежники? Разве речь идет о том, чтобы их укротить?.. Нелишне разъяснить все эти вопросы.

Солдаты свободы создают вокруг стен Парижа грозное кольцо отнюдь не в интересах подлинного народа. Этот подлинный народ, народ трудолюбивый, рабочий народ... обречен там на издевательства, угнетен, презираем, голоден, разорен!.. народом спекулянтов и мошенников... Стало быть, эта последняя разновидность народа находится там в состоянии открытого и самого преступного мятежа против истинного народа. Но разве тройной ряд штыков наших воинов, опоясавший весь Париж, предназначен для того, чтобы заставить покориться партию угнетателей и защитить партию угнетенных? Нет, совсем наоборот... С помощью их оружия и их силы хотят помочь угнетателю окончательно поработить угнетенного, хотят закрепить омерзительное господство первого, а народ заставить по-прежнему прозябать в жалкой доле! О, если бы хотели защищать народ, разве стали бы отвлекать тех его братьев, чье предназначение — сражаться с его внешним врагом. Народ обошелся бы собственными силами; но когда хотят большинство принести в жертву меньшинству, тогда возникает нужда в сторонней помощи... тогда рассчитывают отыскать ее среди людей, для которых главная обязанность, как говорят, безусловное повиновение... Когда правительство и та развращенная каста, которой оно единственно и покровительствует, теряют всякий стыд; когда открыто и без зазрения совести они вступают в гнусный сговор и освящают свирепыми уставами, которые осмеливаются называть „законами“, всякого рода несправедливости, самую ужасающую нищету, самое возмутительное рабство; когда мера их злодеяний доведена до такой степени и такой очевидности, что лопается долготерпение народа и иссякает его легковерие... тогда обращают взоры к армии! Тогда в руки тех, кто карал королей, вкладывают оружие, желая сохранить и увековечить подобное угнетение! Тогда учреждают военное правление, чтобы принудить народ подчиниться режиму, при котором его хотят заставить жить... без пищи, без одежды, без свободы... И хотят, чтобы отцы, мужья, сыновья, братья, родственники навязали бы такой режим, а в случае необходимости даже готовы были сразить своих детей, жен, отцов, братьев, друзей, родственников!!! Солдат народа, которые сами тоже народ, противопоставляют таким образом другой части народа; их руками хотят упрочить это состояние рабства, унижения

и голода... в тысячу раз худшее, чем прежнее рабство, против которого столь справедливо восстали шесть лет тому назад.

Нет, французские солдаты не станут низкими подручными, жестоким и слепым орудием в руках врагов народа, а следовательно, своих собственных врагов... лишь в тех случаях, когда власть стала преступной, когда она готова совершить новые преступления, она окружает себя штыками... Когда же власть справедлива, она всегда сильна силой народа. Капет перед 14 июля укреплял свои силы с помощью армии; известно, каковы были его намерения и за какие преступления он хотел обеспечить себе безнаказанность... Так разве это преступление — исследовать, нет ли подобных же мотивов и у тех, кто ему теперь подражает?

Наши солдаты припомнят, что эта армия Капета, хотя и прошедшая школу монархической дисциплины, повела себя превосходно. Она вспомнила, что она вышла из народа. Французские гвардейцы склонили свои знамена перед санкюлотами — вот пример, который всегда будет вызывать восхищение грядущих веков.

Нет, нет, никогда не скажут, что защитники Республики оказались менее великими, менее великодушными. Никогда не будет сказано, что они заговорили столь ужасным языком: Правители! Узурпаторы всех прав народа! Будьте покойны, не бойтесь ничего, пренебрегите единодушным воплем, поднятым против вас негодующим народом и его смелыми трибунами: не слушайте всех этих жалоб, растопчите его назойливые протесты против вашего угнетения, в конце концов он и создан для того, чтобы терпеть. Тираны! Мы — ваши солдаты. Мы поддержим и ваш деспотизм, и весь ваш разбой. Мы раздавим и, если нужно, уничтожим наших отцов и братьев! (Как это произошло во время страшных событий в Гренельском лагере!!!) Мы изрубим наших сестер и наших матерей!! Мы истребим собственных сыновей... чтобы сохранить ваше невыносимое, беспримерное господство!!! Мы должны вам помочь укрепить порабощение Отчизны! Наши цепи должны быть выкованы нашими собственными руками...

Нет, еще раз нет, никогда не скажут, что защитники Республики согласились быть движущимися механизмами, живыми куклами, бесчувственными марионетками, слепо повинующимися их водителям. Никогда не будет сказано, что они перестали рассуждать или что под влиянием лживых и пустых милостей, унизительных распределений „напитков“ они стали помогать узурпаторскому и угнетательскому правительству увековечить порабощение 24 млн. своих сограждан».

Здесь речь идет лишь об истинах, хотя, конечно, и выраженных резко. Но почему же совершались поступки и допускалось такое положение вещей, которое давало к ним повод? Разве не было бы верхом тирании запрещать тем, кого делают несчастными, жаловаться на свои несчастья?

Итак, моральный характер этого документа доказан, так же как и то, что я не являюсь автором этого документа. Я сейчас покажу, сколь легковесно заключение, которое надеялись извлечь

из того, что в тексте встречались слова — «Бывший фландрский полк, линейные и другие батальоны», каковые оказались написанными моею рукой в конце мнимого свидетельства, найденного в матрасе Гризеля.

Нашим обвинителям, после того как они установили создание Тайной директории, организовавшей гражданских агентов числом 12 и неопределенное число военных агентов, понадобилось доказать, что эти агенты действительно были назначены, что они получали инструкции и выполняли таковые. Обвинители понимали, что еще выгоднее для них будет установить, кто были те лица, которые могли быть этими агентами.

Они утверждали, что им нетрудно будет доказать все это.

Среди множества всяческих бумаг, изъятых у меня во время ареста, нашли несколько листков с короткими списками, из коих некоторые случайно содержали имена в количестве приблизительно равном числу агентов, как будто указанных организацией[51]. Сочли, что очень просто превратить эти списки в списки агентов. Рассмотрим, какие аргументы предъявили обвинители и каковы аргументы, вытекающие из судебного разбирательства.

Таких списков всего шесть.

Так как это очень важный вопрос, я полагаю, что для четкого объяснения каждого списка и для подобающих сопоставлений мне надо напомнить здесь обо всех этих списках последовательно и представить их в их точном вещественном виде.

Первый из этих списков помещен в документе № 17, связка 6-я, стр. 60 первого тома. Он содержит 12 цифр, из них 11 с инициалами. Он составлен таким образом:

1.М.9 — 2.Б.9 — 3.М.9. — 4.Б.9. — 5.Г.9. — 6.Д.9. — 7.Д.9. — 8.К.9. — 9.П.5. — 10. . . . . . — 11.В.9. — 12.М. . . .

Второй список находится в документе № 34, связка 7-я, том первый, стр. 135. Он содержит 12 цифр рядом с 11 инициалами и составлен следующим образом:

1. — 2. Бод. — 3.М. — 4.Б. — 5.Г. — 6.Ф. — 7.П. — 8. Каз. — 9.Д. — 10.П. — 11.Б. — 12.М.

Третий список находится в том же документе № 34, том первый, стр. 134. Он содержит шесть имен и составлен следующим образом:

4. Зачеркнутое слово. — 6. Фике. — 5. Гилем. — Парис. — 3. Менесье. — 10. Пьерон. — 2. Бодман.

Четвертый список находится в документе № 3, связка 6-я, том 1, стр. 52. Он содержит пять имен и составлен следующим образом:

1. Фике. — 2. Гилем. — 3. Буэн[52]. — 4. Менесье[53]. — 5. Парис.

Пятый список является документом № 4 из 6-й связки, том первый, стр. 52. Содержит 12 имен и составлен следующим образом:

1. Морель. — 2. Бодман. — 3. Менесье. — 4. Буэн. — 5. Гилем. — 6. Фике, Ван. — 7. Парис. — 8. Казен. — 9. Дерэ (Вакре[54]). — 10. Пьерон. — 11. Ж. Бодсон. — 12. Моруа.

Шестой, последний список находится во втором томе, стр. 239. Содержит 17 имен и составлен следующим образом:

1. Морель (Батист). — 2. Бодман. — 3. Менесье. — 4. Буэн. — 5. Гилем. — 6. Фике (Ваннек[55]). — 7. Парис. — 8. Казен. — 9. Дерэ (Вакре). — 10. Лабар. — 11. Жоз. Бодсон, Ж. — 12. Моруа.

1. Фион[56], инвал. — 2. Ш. Жер. лег. из Сол. и ант. Ко, арм. — 3. Гризель. Бон деллиг и ант. — 4. Ваннек. Бон в городе и за его пределами. — 5. Массе, Бон окрестностей Сен-Дени.

Все эти списки написаны моею рукой.

На допросах я сказал, что эти записки относились исключительно к подписке на мою газету и что некоторые из них были связаны с неполучением каких-то номеров, на что жаловались перечисленные лица.

Тем не менее государственные обвинители безбоязненно утверждали, что это списки гражданских и военных агентов Тайной директории общественного спасения.

Между тем первое замечание, которое можно сделать, это то, что ни один из этих так называемых списков не имеет заглавия «Список агентов Директории общественного спасения».

Второе замечание это то, что рядом с каждой фамилией мы находим только цифру. Мы нигде не прочитаем: «первый округ», «второй», «третий округ» и т. д.

Все это устраняет некоторые мотивы для предубеждения. Посмотрим, какие еще остаются.

«Аналогия», — говорит гражданин обвинитель Вьейар. Он этим хочет сказать, что лицо, обозначенное под № 1 — агент I округа, лицо, обозначенное под № 2 — агент II и т. д.

«Да, аналогия, — повторил государственный обвинитель на заседании 28 вантоза. — Мы предъявляем здесь эти бумаги, — продолжал он, — как документы, которые могут *убедить* других, как они убедили нас. . .».

«Прежде всего, — добавил он, — мы видим в организации 12 главных агентов; этот список четыре раза упоминается в документах». (А мы нашли его там шесть раз; мы увидим дальше, почему обвинитель счел более удобным воспользоваться только четырьмя из этих мнимых списков.) «Мы видим, — продолжает он, — что этот список дважды был написан полностью, а дважды составлен из инициалов с соответствующими цифрами. Мы постоянно находим число 12; среди фамилий мы находим фамилию Казен, VIII округ. Так вот, связка VIII округа в бумагах, изъятых у Бабефа, состоит из писем, которые Казен признал, где он фигурирует полностью *как Казен*.

Следовательно, вы видите, что мы говорим здесь об этом списке, как о списке агентов 12 округов, опираясь на довольно веские аргументы.

Вы найдете в них *противоречия*, и присяжные оценят эти *противоречия*, приняв во внимание те соображения, которые мы им сейчас изложим».

Итак, мы видим, что доказательство того, что списки, о коих

идет речь, суть списки агентов, строят на „аналогиях“, „презумпциях“, „довольно сильных (для государственных обвинителей) аргументах“ и на совпадении одного из имен.

Но достаточно ли будет этих «аналогий», этих «презумпций», этих «довольно сильных» для гражданина Вьейара «аргументов», чтобы убедить граждан присяжных в той мере, в какой, как нас уверяет государственный обвинитель, они убедили его?

Ибо он сказал буквально:

«Мы предъявляем эти бумаги как документы, которые могут убедить других, как они убедили нас».

Однако он признает несколько дальше: «...вы найдете там противоречия, и присяжные оценят эти противоречия, приняв во внимание соображения, которые обвинители им сейчас излагают».

Он не позаботился о том, чтобы указать, в чем состоят эти противоречия. Поэтому я должен этим заняться.

Я должен буду указать не только противоречия, но и противопрезумпции, противосоображения, противоаналогии, которые, полагаю, докажут, что аргументы недостаточно сильны, чтобы убедить присяжных, которых, наверно, несколько труднее убедить, чем государственных обвинителей.

Установим сперва, что, по моему мнению, представляют списки, о коих речь.

Когда я докажу правильность моего ответа на этот вопрос, мы увидим, на чьей стороне окажутся лучшие предположения, лучшие соображения, лучшие аналогии, самые сильные аргументы, способные убедить присяжных Верховного суда.

Я уже сказал, что эти списки всего лишь заметки относительно подписки на газету, которую я издавал, и что некоторые из них имели отношение к жалобам на неполучение нескольких номеров.

Дадим по этому поводу необходимые разъяснения и несомненные доказательства. Четыре списка, помещенные на стр. 52, 60 и 135 первого тома и на стр. 239 тома второго, написаны моею рукою. Эти четыре списка суть заметки, исключительно относящиеся к подписке на мою газету; лица, в них указанные, желая помочь мне в издании газеты, обещали мне подыскать подписчиков и помочь в розничной продаже газеты. Красноречивое доказательство этого факта содержится в списке, воспроизведенном на стр. 60 тома первого.

Мы находим там цифру 9 вслед за каждым из восьми первых имен и вслед за одиннадцатым, и цифру 5 вслед за девятым именем. Эти следующие за именами цифры независимы от цифр, предшествующих именам и имеющих значение порядковое. Государственные обвинители не пытались выяснить смысл этих цифр, следующих за именами. Не знаю, догадались ли они, в чем дело, и увидели ли, что этот смысл разрушает все построенное ими сооружение из «заключений», «презумпций», «аналогий» и «аргу-

ментов», достаточно сильных, для того чтобы вселить в души присяжных убеждение обвинителей, что эти списки — списки агентов.

Цифры 9 и 5, непосредственно следующие за именами, включенными в список на стр. 60 первого тома, внесены туда, чтобы помнить, что такие-то граждане доставили мне, одни — по девять подписчиков каждый, другой — пять подписчиков. Это разумное и естественное объяснение; оно значительно правдоподобнее объяснения обвинителей.

Возможно, покажется странным, что число девять указано по всем именам, кроме одного. Возможно, спросят, как объяснить это совпадение, что из десяти человек девять доставили одинаковое число подписчиков? Я сейчас это объясню. Дело в том, что в данном случае речь шла не о подписке в точном смысле этого слова. Гонения со стороны правительства, коим подвергался «Трибун народа» и его автор, запугали многих людей. Они хотели читать эту газету, но только с предосторожностями, тайком. Они не осмеливались открыто занести свое имя в реестр моих подписчиков, страшась того, что и произошло, а именно, что реестр этот попадет в руки гонителей и что подписчики тоже подвергнутся гонениям. Тогда некоторые патриоты взялись доставить мне подписчиков из среды своих знакомых, и было договорено, что эти подписчики не будут внесены в мой реестр и будут получать свои экземпляры не непосредственно от меня, а будут брать их у тех лиц, которые пожелали услужить мне таким образом. Я решил посылать каждому из этих лиц одинаковое число экземпляров, потому что большинство их говорили мне, что те экземпляры, которые не разойдутся по подписке, они всегда смогут продать в розницу и что они ручаются за оплату. Я определил это число в 9 экземпляров для каждого предложившего свои услуги, кроме гражданина Париса, который взялся продать только пять экземпляров. Два номера в этом списке со стр. 60 первого тома остались незаполненными, потому что соответствующие два гражданина, обещавшие тоже доставить мне подписчиков, еще не могли уточнить мне их число. То, что я нумеровал порядковыми числами инициалы имен, внесенных в список, объясняется просто общераспространенной привычкой нумеровать, когда перечисляешь имена. Эти порядковые числа не имеют ничего общего с округами Парижа. Слово «округ» там не фигурирует вслед за этими числами: зачем же без основания добавлять его? Зачем также добавлять слова «Список агентов», которых тоже нет в заглавии этого перечня?

Еще одно существенное замечание по первому перечню, подкрепляющее доказательства того, что ни этот, ни другие перечни не являются «списками агентов». Дело в том, что... (но тут я прошу граждан присяжных обратить особое внимание на стр. 50 и 60 первого тома и на состояние документа № 17 в 6-й связке)... Они там увидят, что перечень, назначение и цель которого мы стараемся открыть, утопает в некоем бесформенном

наброске, загроможденном бессвязными и непонятными заметками, однако со всей очевидностью относящимися к моим домашним делам и к редакционным делам моей газеты. Перечню предшествуют четыре строки таких заметок, из коих две строки зачеркнуты; около 20 строк или больше следуют за перечнем. Сам перечень находится посередине между заметками. Разве этим не диктуется предположение, что эта часть, находящаяся в середине наброска, имеет такой же характер, как и то, что находится в начале и в конце? Иными словами, что перечень, как и другие заметки, относится только к моим домашним делам и к моей газете. Это и подтверждается данным мною объяснением, поскольку я показал, что этот список отражает мою заботу о том, чтобы обеспечить газете, вопреки инквизиторским действиям правительства, некоторое число подписчиков, чтобы поддержать ее издание.

Возможно, мне еще возразят, что наличие в перечне одних только инициалов говорит о какой-то тайне? Это несомненно так. Но вот ответ. Во времена инквизиции приходится всего опасаться и быть осторожным. Я боялся подвергнуть тех, кто мне помогал, таким же преследованиям, какие терпел я. Я боялся скомпрометировать их, если я внесу их имена полностью в список, составленный по всем правилам, да еще сверху надпишу для большей ясности: «Список граждан, принимающих и доставляющих подписку на „Трибуна народа“».

Поэтому я обозначил их одними только инициалами, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы вспомнить их имена полностью. Однако вскоре я убедился, что некоторые имена выпадают из моей памяти. Тогда я решился указать полнее те имена, которые я больше всего боялся забыть. Я переписал свой перечень. В этом переписанном виде он находится на стр. 135 первого тома. Я и там вносил только инициалы, за исключением двух имен под номерами 2 и 8. Под номером 2 я написал Бод., под номером 8 — Каз.

Третий перечень еще более подтверждает приведенные мною доказательства. Необходимо обратить на него внимание, он находится на стр. 134 первого тома. Там мы встречаем имена мало сокращенные или вовсе не сокращенные. Это те же имена, которые в двух предыдущих перечнях были обозначены только инициалами и которые во всех последующих будут обозначены полностью. Но здесь-то мы окончательно убедимся, что эти имена не имеют никакого отношения к «спискам агентов». Здесь мы читаем: 4. Зачеркнутое слово, похожее на «Буэн». — 6. Фик. — 5. Гил. — Парис. 3. Менесье. — 10. Пьерон. — 2. Бодман. Тут, как мы видим, числа идут не по порядку. Зачем же эти цифры рядом с именами? Потерпите минутку: все будет объяснено. Заметьте еще слова, написанные поперек: «Гражданину Гракху Бабефу, нашему доброму отцу». Примечание редактора печатных томов гласит: «Этот адрес, по-видимому, написан рукою Эмиля Бабефа». Автор этого примечания не

ошибся: действительно, эти слова представляют собою адрес, написанный рукою моего сына. Его не следует терять из виду, он нам скоро пригодится. Не следует также терять из виду зачеркнутое слово в начале этого перечня. Мы все это разъясним...

Адрес был написан рукою моего сына на письме, которое он послал мне в мое убежище. Я разорвал первую страницу этого письма. Оно содержало, между прочим, то, что я переписал рядом с адресом и что я называю третьим из перечней, которые, как подозревают, являются списками агентов. Я, конечно, передал содержание письма Эмиля Бабефа в форме весьма загадочной для других, но достаточно ясной для меня, и я не мог догадываться, что высокому суду когда-нибудь понадобится разобраться в нем так же подробно, как и мне. Поскольку, однако, в этом явилась необходимость, я полагаю, что лучший способ пролить свет на сей предмет — это в точности воспроизвести суть письма моего юного Эмиля. Оно гласило: «К нам приходили, просили дать некоторое количество экземпляров последнего номера твоей газеты; тебе надо послать 4 экземпляра гражданину Буэну, 6 — Фик., 5 — Гил., — неопределенное количество Парису, 6 — Менесье, 10 — Пьерону, 2 — Бодману». Я переписал это извещение сокращенно, так, как это видно на стр. 134, во-первых, для того, чтобы запомнить, сколько надо разослать, и, во-вторых, чтобы иметь возможность востребовать плату за эти экземпляры. То, что имя Буэна оказалось вычеркнутым, объясняется просто: это значит, что помеченные за ним четыре экземпляра были оплачены.

А вот разъяснения по четвертому перечню.

Следует заглянуть на стр. 52 первого тома, на ту бумагу, которая входит в состав третьего документа 6-й связки.

Полагаю, будет полезно дать полное объяснение этого третьего документа 6-й связки.

Он содержит сначала написанный не моею рукой некий первый перечень имен 12 граждан, подписавшихся на мою газету, один из коих прислал мне эту записку вместе с платой за подписки, дабы дать мне возможность внести их имена в мой реестр. Припоминаю, что одновременно я получил еще одну просьбу об отправлении какого-то числа номеров лицам, пожелавшим доставить мне подписчиков в Париже. Мы уже видели, что, не полагаясь на свою память, я должен был отказаться от намерения сохранять в записи только инициалы этих граждан. Дело в том, что под конец я перестал разбираться в этих инициалах. Поразмыслив, я пришел к выводу, что менее опасно иметь отдельный список имен этих граждан, чем вносить столь большое число других граждан в мой общий реестр подписчиков. Поэтому я решил переписать эти имена полностью. И сначала я вписал первые пять имен в конце третьего документа 6-й связки. Я их вписал в следующем порядке: 1. Фике. — 2. Гилем. — 3. Буэн. — 4. Менесье. — 5. Парис. В ходе судебного следствия государственным обвинителям было указано,

что этот порядок несколько противоречит их системе классификации 12 мнимых гражданских агентов. И вот каким образом: этот четвертый перечень имеет такую же форму и должен внушать такое же доверие, как и пятый и шестой, которым государственные обвинители отдают предпочтение. Посмотрите и сопоставьте его с этими последними перечнями; они находятся: один на той же стр. 52 первого тома, а другой — на стр. 239 второго тома. В том, о котором я сейчас говорю, как и в тех двух перечнях, порядковые цифры поставлены рядом с фамилиями. Ни в одном из них нет заголовка «Список агентов Директории общественного спасения». Зачем же делать выводы из одних списков и оставлять без внимания другие? Тут мы приходим как раз к очень важному пояснению. Если четвертый перечень сопоставить с пятым, содержащимся в 4-м документе, на той же стр. 52 первого тома, то Фике займет место Мореля в качестве агента I округа, Гилем (или Гилема́, я не знаю, не сокращено ли это имя) займет место Бодмана в качестве агента II округа, Буэн займет место Менесье как агент III округа, Менесье займет место Буэна как агент IV округа и, наконец, Парис займет место Гилема как агент V округа.

Государственные обвинители утверждали в ходе судебных прений, что этот так называемый список агентов был первым наброском тех, которым они имели основание отдать предпочтение. Это не может быть первый набросок, поскольку мы показали, что первым наброском являются те два перечня, в коих имеются только инициалы, и что тот, о котором сейчас идет речь, появился позднее. А изменение порядка имен в этом последнем перечне еще раз доказывает, что этому порядку следования не придавалось никакого значения, что вовсе не старались соблюдать его, что, стало быть, не было никаких причин предпочитать один порядок другому, что, наконец, поставленные рядом с фамилиями цифры ничего не означают. Это дело случайности, эти цифры означают только последовательное перечисление записанных имен; этими цифрами вовсе не обозначены, как старались нас уверить, округа города Парижа.

Но пойдем дальше. Продолжая рассуждать по системе обвинителей, мы найдем немало и других неточностей; эта система состоит в том, чтобы утверждать, что все перечни, о коих идет речь, являются списками агентов; потребуем хотя бы того, чтобы они не отдавали предпочтения одному из этих мнимых списков перед другим. Будем считать годным рассматриваемый нами четвертый перечень: Фике там является агентом I округа, в списках, которые предпочитают государственные обвинители, он агент VI округа. Гилем, или Гилема, там является агентом II округа, в списках, пользующихся предпочтением государственных обвинителей, он агент V округа. Буэн там является агентом III округа, в списках, предпочитаемых государственными обвинителями, он агент IV округа. Менесье там является агентом IV округа, в списках, предпочитаемых государственными

обвинителями, он агент III округа. Парис там является агентом V округа, а в списках, предпочитаемых государственными обвинителями, он агент VII округа.

Неужто, опираясь на столь сомнительные основания, на подобные «аналогии», можно говорить, что обладаешь «аргументами, достаточно сильными», чтобы «убедить»?.. Какой вывод можно сделать из аналогии между № 11 связки и XI округом? Это странное совпадение, которое можно найти на стр. 285 первого тома, результат чистой случайности, ибо номер связки не мною поставлен и подобная числовая аналогия не встречается в связках других районов. Нумерация создает иногда удивительные случайности[9*]!

Я знаю, граждане присяжные, что я продвигаюсь и заставляю вас следовать за мною по безводному полю и что все эти споры утомительны и абстрактны. Но они необходимы, они имеют существенное значение в этом важном деле. Когда мы докажем, что бумаги, которые хотели выдать за списки агентов, отнюдь таковыми не являются, мы прежде всего снимем бремя обвинения с людей, внесенных в эти списки. А раз мы установим, что вовсе не было агентов в том смысле, как нам это хотели внушить, то нам нетрудно будет доказать, что не было никакого заговора.

Наберемся же мужества, чтобы довести до конца этот утомительный и скучный переход по бесплодной равнине, пересеченной многочисленными ущельями.

Мы дошли до пятого перечня. Мы уже были вынуждены неоднократно повторять, что его можно найти на стр. 52 первого тома, под № 4, в 6-й связке.

При сопоставлении с инициалами первого и второго перечней мы видим, что пятый, содержащий все имена, написанные полностью, был скопирован с первых двух, содержащих только инициалы. Есть, однако, кое-какая разница в отдельных пунктах. Но давайте, сопоставим все различия и совпадения: в одном случае № 1. М.; в другом случае № 1 без имени, и в третьем случае № 1. Морель. — № 2. Б.; № 2. Бодман. — № 3. М.; № 3. Менесье. — № 4. Б.; № 4. Буэн. — № 5. Г.; № 5. Гилем, или Гилема. — № 6. Ф.; № 6. Фике или Ван. — № 7. Д., в первом перечне; № 7. П., во втором и № 7. Парис, в пятом. — № 8. К.; № 8. Казен. — № 9. К., в первом; № 9. Д., во втором, и № 9. Дерэ, или Вакре, в пятом. — № 10, без имени; № 10. П., и № 10. Пьерон. — № 11. Б.; № 11. Ж. Бодсон. — № 12. М.; № 12. Моруа.

Эта таблица достаточно ясно выявляет различия. У меня еще будет случай сделать из этого соответствующие выводы. Сейчас я не буду больше останавливаться на этом мнимом пятом списке. Я лишь замечу, что там вслед за фамилией Морель стоит

9* *Не поддающаяся переводу игра слов. Coter — нумеровать, Coterie — котерия, группа интриганов, честолюбцев. (Прим. перев.).*

цифра 1, за фамилией Ж. Бодсон — цифра 3 и за фамилией Ван — цифра 2. Я говорю, что это тоже подтверждает, что этот перечень и все другие, которые с ним сходны, неизменно имели отношение только к подписке на мою газету. Эти цифры 1, 3, 2, помещенные рядом с только что указанными мною фамилиями, означают только то, что эти три гражданина, помимо доставленных мне ими ранее подписчиков, нашли для меня еще новых, а именно, один из них — одного, другой — трех, третий — двух и т. д.

Перехожу к замечаниям о шестом, и последнем, перечне (стр. 239 второго тома).

Он содержит 17 фамилий. В отношении 12 первых фамилий он отличался от пятого перечня лишь тем, что под № 1 находится имя Батист вслед за фамилией Морель, под № 6 — Ваннек вместо Ван и под № 10 — Лабар вместо Пьерон.

Мы еще в дальнейшем изложим наши соображения относительно этих особенностей.

Вот последние 5 из 17 фамилий этого документа: Фион... Ш. Жер. — Гризель... Ваннек... Массе...

Мои объяснения относительно этих последних пяти фамилий будут помещены в дальнейшем. Здесь же относительно этого последнего перечня в целом я скажу только следующее: более чем достаточным доказательством того, что, подобно другим, он относится только к подписке на мою газету, является то, что он, этот последний перечень, был найден в моем реестре подписчиков. Он был найден там Жераром не в день моего ареста, а 22 дня спустя, когда он пошел снимать в моем присутствии печати на улице Гранд-Трюандери, как видно из составленного им протокола, датированного 13 прериаля и воспроизведенного на стр. 240 второго тома. Еще одно доказательство правдивости моего заявления, что этот последний перечень был найден в моем реестре подписчиков, заключается в том, что этот перечень не входит в число 478 документов, опись которых произведена Кошоном 22 флореаля. Он приобщен под № 4 к новой связке, 29-й, содержащей документы, относящиеся ко времени позднее 21 флореаля.

Пойдем далее. Я представил серьезные доказательства того, что подобные перечни — отнюдь не списки агентов, как думали или притворялись, что думают. Но я допускаю, что могли бы быть агенты и без списков. Тем более интересно доказать, что, как показывают сами эти списки, не было никаких агентов, не было вообще ничего похожего на то, что нам пытались изобразить. Верно лишь то, что часть переписки, находящейся в документах процесса, действительно велась некоторыми из лиц, поименованных в столь часто упоминаемых перечнях, как, например, Моруа и Казепом. Отсюда возникают некоторые «аналогии», и эти аналогии создают туманности и тревоги, которые надлежит рассеять. Поэтому теперь надо вплотную заняться вопросом о так называемой агентуре. Надо перебрать и оценить действия

мнимых агентов, только так можно будет увидеть, что же было в действительности.

Такие документы, как акт о создании Директории, организация гражданских и военных агентов, инструкции для агентов, существовали лишь в проекте, оставались в папках их авторов, отнюдь не были разосланы, как это утверждали, какому-то множеству агентов, и так называемые списки агентов в действительности вовсе не списки агентов. Вот что я установил до сих пор. Вот что позволяет мне утверждать, что вплоть до времени составления этих документов включительно не была даже начала какого-либо доказанного заговора. Но я еще не привел самых сильных доказательств этих утверждений. Пришло время изложить их.

Мне скажут: а что же означают те 12 частей, на которые разбита вся находящаяся в документах переписка, и разве не очевидно, что, хотя вы уверяете, будто эти инструкции не были пущены в ход, эти 12 агентов Директории общественного спасения сами признают, что они получали инструкции, и по всему видно, сколь пунктуально они им следовали?

Я смело отвечаю: Нет, все это вовсе не очевидно. Я вам докажу прямо противоположное.

Обвиняемые Казен и Моруа, единственные так называемые агенты, относительно кого установлено, что они были по крайней мере корреспондентами Собрания демократов, заявили вам, граждане присяжные, что они отнюдь не видели и не получали инструкций, о которых идет речь на процессе и которые были им предъявлены. Они вам заявили, что нигде не видели выражения «Повстанческая директория»; что они никогда не считали себя агентами такой директории и не думали, будто участвуют в подготовке какого-либо выступления против правительства; что они считали себя простыми корреспондентами Общества демократов, стремящегося поднять общественный дух, дабы парализовать усилия роялизма, в то время ставшего весьма угрожающим; что полученные ими инструкции носили заголовок Общество демократов, а не «директория»; и в этих инструкциях данное общество заявляло, что, ясно различая тайные и явные происки партии роялистов, предвидя дальнейшие успехи, которых они и в самом деле достигли, в результате чего родина и свобода ныне оказались на краю бездны, оно, это общество, решило принять определенные меры с целью парализовать эти жестокие заговоры... что эти меры состоят только в руководстве общественным мнением, оказавшимся в состоянии самого плачевного упадка в результате вызванных реакций несчастий... что есть лишь один способ внушить страх самой опасной из клик и сорвать гибельные для республики действия, а именно в высочайшей степени пробудить энергию большинства... что для этого необходимо просвещать народ; а чтобы распространяемые сведения полностью соответствовали меняющимся обстоятельствам данного времени, надо собирать все возможные факты о действиях,

поступках, намерениях и силах всех врагов общества, а равно и о повседневных и нарастающих настроениях массы народа, позволяющих надеяться на сопротивление и даже на неотразимый отпор попыткам контрреволюции.

Таковы сведения, сообщенные Казеном и Моруа относительно той части этого судебного дела, которая касается лично их. Таковы же подробности, изложенные вам и большинством других обвиняемых. Таков, граждане присяжные, и характер всего этого дела в его совокупности. Все, что было сказано мною в ходе судебных прений, в равной мере связано с этой же системой, т. е. с системой правды. Но так как я нахожусь в особом положении и должен рассматривать это дело всесторонне, то до сих пор, т. е. до этой своей общей защитительной речи, позволяющей мне опираться на всю массу фактов, я не мог приводить столь же решающие доказательства, как другие обвиняемые, которые, к счастью для себя, имели возможность ограничиться более узкой сферой обвинения. Только в рамках всей этой большой картины я могу получить достаточную свободу действий.

Итак, и для меня пришло время заявить и доказать, что Повстанческая директория была лишь проектом, который вовсе не был утвержден Собранием демократов, и что инструкции, содержащиеся в документах от имени этой директории, не были приняты и им не следовали.

Как вам со всей определенностью заявили Казен и Моруа, были составлены и посланы другие инструкции. И я сейчас скажу и докажу, в каком духе были составлены эти новые инструкции, на каких основаниях они покоились, на какой системе они зиждились, какую цель они указывали, какие обстоятельства и мотивы побудили изменить их по сравнению с первыми.

Авторы «Проекта создания Повстанческой директории», «организации агентов» и «адресованных им инструкций», несомненно, видели в правителях 1795 г. главный объект своей ненависти. Им они приписывали ответственность за все страдания народа. Их они обвиняли во всех преступлениях контрреволюции.

Надо признать, что большинство членов собрания, чью деятельность мы разбираем, сначала сходились в том, что мотивы бесспорны; план им понравился, они даже одобрили его. Но, граждане присяжные, вот что важно, и я прошу вас удвоить внимание.

Последовали размышления, и многие граждане, сначала одобрившие план, стали говорить: «Да что же мы делаем?.. Подумали ли мы, что, намереваясь спасти родину от того, что мы считаем деспотизмом, мы могли бы ввергнуть ее в нечто еще худшее?.. Примем во внимание, что, по крайней мере, мы все еще называемся Республикой и обладаем некоторыми учреждениями, сохраняющими ее и оставляющими нам хоть надежду, что соответствующие обстоятельства позволят нам раньше или позже улучшить ее организацию... Если мы направим ненависть общества исключительно против тех, на кого возложено со-

хранение всего, что остается от этой искаженной организации, не следует ли опасаться, что мы обманемся в нашем намерении и желании вернуть ей ее первоначальный блеск?.. Не следует ли опасаться, что другая партия, обладающая всеми средствами силы и влияния, что другая партия, еще более враждебная народу, чем люди, на коих вы исключительно хотели бы ополчиться, сумеет воспользоваться результатами того крайнего недовольства, которое вы обострите и усилите?.. Вы говорите, что хотите действовать только с народом и опираясь на его согласие... Вы хотите только направлять его посредством пропаганды, привести его к тому, чтобы он торжественно высказался когда-нибудь за возвращение ему его отторгнутых прав, могущества, счастья... Но остерегайтесь роялистского врага, о ком вы как будто забываете, обращаясь всецело против правительства, которое в конечном счете, повторяю, оставляет нам хоть название Республики. Смотрите, как бы этот роялистский враг не воспользовался созданным вами лихорадочным возбуждением и не пожал бы один его плоды... Я полагаю, что мы должны обратить все наши силы главным образом против роялизма, воспрепятствовать тому, чтобы само правительство, по-видимому недостаточно бдительное в отношении роялизма, не оказалось в его окружении... Он страшно опасен, роялизм! Всевозможные сведения, сопоставления, наблюдения, поступающие отовсюду, свидетельствуют о том, что он готовит решительное выступление против Республики. Мы должны быть готовы отразить этот смертельный удар. Все усилия патриотов должны быть направлены преимущественно к этой цели. Все должно быть использовано для сопротивления нападению, если оно будет совершено. И тогда, пожалуй, правительство будет наконец вынуждено признать, что Республика может быть поддержана, сохранена только республиканцами, но что, хотя бы во избежание частого возобновления опасности, необходимы также республиканские учреждения... Быть может, тогда правительство само придет к выводу о необходимости улучшения своих учреждений... Направим же все наши действия к этой цели. Сохраним тот же план руководства общественным мнением, пропаганды правильных принципов, улучшения и возбуждения демократической энергии. Но будем стремиться скорее держать всех республиканцев в состоянии боевой готовности против роялистов, нежели против людей, стоящих у власти, несмотря на все зло, которое последние делают или позволяют делать...».

Это мнение, граждане присяжные, получило единодушное одобрение. Решено было отказаться от первого проекта, и от названия «Повстанческая директория», и от «организации агентуры», и от «первой инструкции», несколько копий которой сохранились в документах, и т. д. Решено было ограничиться просто названием Общество демократов, соответственно была выработана новая инструкция; в ней высказывались в основном против роялистов. Установили корреспондентов вместо агентов и решили, продолжая просвещать народ относительно

его неотъемлемых прав, возбуждать его гнев главным образом против многочисленных приверженцев претендента, выслеживать все их шаги и мероприятия, быть настороже и внушить им страх перед местью республиканцев, ожидающей их, если они когда-либо попытаются восстановить идола, которого республиканцы разбили своими свободными и могучими руками. Этот новый план был принят, эта новая инструкция была разослана; о том, в какой степени были выполнены ее указания, мне и остается дать вам отчет.

Однако надо признать еще один факт. Эта новая инструкция была разослана лишь после того, как было отправлено несколько экземпляров первой инструкции. Их было отправлено три — во II, IV и VII округа. Вот почему, и это можно проверить, только в этих трех округах корреспонденты в своих письмах именовали себя «агентами» и обращались к «Директории общественного спасения». Ни у одного из корреспондентов в других округах никогда не встречаются слова «агенты», «Директория». Это доказательство того, что они их не знали, что они не встречали их в инструкциях и письмах, которые получали. Это доказательство того, что они видели только антироялистскую инструкцию, в которой к ним обращались от имени Общества демократов.

Можно ли вменять этому обществу в преступление то, что оно разослало в три указанных мною округа первую инструкцию, которая могла казаться почти исключительно направленной против нынешнего правительства?.. Но это преступление было заглажено тем, что инструкцию взяли назад. Ведь гражданин Вьейар сказал на заседании 11 вантоза: «Небесполезно проповедовать публично учение, ценное для общества, которое оно может уберечь от преступлений и которому оно может вернуть его заблудших детей. Дело в том, что преступление налицо лишь тогда, когда действие совершено или когда его исполнение было остановлено внешними обстоятельствами, не зависящими от воли исполнителя. Так, например, если человек, задумав убить меня, подстерегает меня в лесу, берет меня на мушку, но затем сам по себе, без вмешательства извне, движимый возвратом к добродетели или по крайней мере раскаянием, останавливается и уходит, то этот человек не преступник».

Но можно ли в данном случае утверждать, что отказались от задуманного действия, что три первые антиправительственные инструкции были уничтожены и заменены тремя другими, антироялистскими? Надо быть правдивыми до конца. Демократическое общество действительно уничтожило их в своей мысли, а также последующими своими обращениями в адрес II, IV и VII округов. Но по соображениям, которые я сейчас объясню, оно не подало виду перед корреспондентами этих трех округов, что отказалось от них: оно как бы осталось в отношении их «Директорией общественного спасения», и вот почему во всей дальнейшей переписке с этими тремя округами сохраняется это наи-

менование. Обстоятельства, заставлявшие общество притворяться, что оно сохраняет это наименование, заключались в том, что три гражданина, которые вели переписку по этим трем округам, были известны как люди крайне пылкие и враждебные исключительно по отношению к правительству; они не были расположены враждовать только с роялизмом. Дать им понять, что решено ограничиться войною против этой партии, означало бы для членов демократического кружка стать подозрительными в их глазах, вызвать обвинения в трусости, непоследовательности и непостоянстве. Поэтому члены этого общества решили не задевать этих трех корреспондентов и позволить им думать, что все остается по-прежнему. Это не имело никакого значения, потому что дальнейшая переписка изменяла их деятельность и сводила ее к тому же уровню, на каком находились и другие корреспонденты. Это была одинаковая переписка, с тою единственной разницей, что им позволяли называть центральное общество, как и раньше, «Директория общественного спасения», а для других это было заменено названием «Общество демократов».

Я не ответил вчера на два частных возражения, выдвинутых гражданином Вьейаром в связи с моей личной защитой.

В одном случае он заметил, что не находит в переписке доказательств моего утверждения, будто действия Общества демократов были в основном направлены против происков роялизма и к подготовке сопротивления ему в случае, если он перейдет в наступление. В подтверждение этого замечания он привел выдержки из трех-четырех писем, язык которых был резко враждебен правительству.

Я на это отвечаю, что в моей защите я отвел целую главу выдержкам из переписки и комментариям к этим выдержкам, с помощью которых я доказывал существование постоянных заговоров со стороны Клиши, связанных скрытыми звеньями с действиями и намерениями эмиссаров Людовика XVIII.

Второе возражение заключается в том, что в копиях писем, равным образом цитированных им и адресованных лично четырем агентам, к ним обращаются не от имени Общества демократов, а от имени Комитета общественного спасения вопреки моему заявлению, что название «Директория» было заменено «Обществом демократов».

Вот как я заранее ответил на это возражение в начале моей защиты. Эта часть явно ускользнула от внимания гражданина Вьейара:

«Неосновательно возражение о том, что в написанных моею рукою копиях, находящихся в связках, нигде не видно заглавия „Общество демократов", но всюду „Директория общественного спасения". Это объясняется просто. Дело именно в том, как я только что сказал, что пришлось сделать три копии с тем заглавием, которое вначале было принято Обществом; тот, кто писал первоначальный экземпляр, ставил заглавие „Директория общественного спасения". А затем оставалось только устно догово-

риться с переписчиком, даже не отдавая этого распоряжения на бумаге, что после трех первых копий ему надо сделать такое-то количество копий с заглавием „Общество демократов". Что до меня, поскольку я переписывал только с первых экземпляров, я должен был точно копировать — „Директория общественного спасения".

Не надо стараться извлекать слишком много выводов из того, что последнее наименование сохранялось в нескольких чистовых копиях, снятых для того, чтобы остаться в Обществе. Это общество могло под влиянием некоего мелкого тщеславия продолжать кичиться таким наименованием, близким и равноценным наименованию „Директория общественного мнения", которое вполне подошло бы ему. Но такая маленькая слабость похожа на множество других слабостей, от коих никто не свободен. Ее нельзя возвести в преступление».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Граждане присяжные!

Во вчерашнем заседании я изложил большую часть третьего, главного, раздела моей речи, посвященного разбору всех документов, предъявленных в качестве того, что должно было активизировать так называемый заговор. Я установил, что не было никакой организации, не было оснований для обвинения, не было исполнения, не было преступной цели, как это изображает обвинение. Я рассказал, что было в действительности: обыкновенная переписка, целью которой было оживление республиканского духа, наблюдение за происками роялизма, противодействие его разнузданным замыслам, и составление кое-каких планов, позволяющих оказать сопротивление в случае нападения, которым он угрожал столь серьезно, что оно казалось неминуемым. Я продолжу сейчас изложение моих доказательств в подтверждение этой истины, начав с рассмотрения переписки со многими гражданами, проживающими в округах Парижа. Путем анализа этой переписки я докажу, что она есть только логическое следствие окончательно принятого антироялистского плана и его проведения в жизнь.

Государственные обвинители в своем «Докладе» заявили, что установлено, будто агент I округа якобы принял первую инструкцию, потому что в письме от 4 флореаля (документ № 11 из 21-й связки, стр. 162, том первый) его упрекают в неизбежности. Но это письмо как раз доказывает, что в этот округ была послана антироялистская инструкция. Письмо это заканчивается следующим образом: «Имей в виду — остается в силе то, что ты мог прочесть в нашей ПРЕДЫДУЩЕЙ ИНСТРУКЦИИ, а именно: „если ты окажешься человеком злонамеренным, мы сможем погубить тебя, ты же не в силах нам повредить"». В письме эта фраза подчеркнута и взята в кавычки, что показывает, что она текстуально скопирована с первой отправленной инструкции. Это подтверждается сло-

вами, ей предшествующими: «Ты мог прочесть в нашей ПЕРВОЙ ИНСТРУКЦИИ». Но сколько бы мы ни листали инструкцию, последовавшую за проектом создания Повстанческой директории, мы не прочтем там буквально: «если ты окажешься человеком злонамеренным, мы сможем погубить тебя, ты же не в силах нам повредить». Стало быть, в этот район была послана какая-то другая «первая инструкция».

Затем Морелю, обвиняемому по тому же делу, приписывают, что он был агентом или корреспондентом I округа.

1. Потому что его фамилия внесена под № 1 в некоторые из перечней, которые якобы являются списками агентов. Но если бы даже это было признано, то из этого нельзя было бы делать никакого вывода против Мореля, потому что в перечне, воспроизведенном на стр. 239 второго тома значится корреспондент, или агент, Батист Морель, тогда как имя того, кого здесь обвиняют, — Никола.

2. Морелю приписывают звание агента, или корреспондента, I округа на том основании, что письмо от 4 флореаля (стр. 162, том первый), бесспорно, относится к нему, поскольку в нем приводятся некоторые детали, касающиеся его личных дел в коммуне Шан, и вместе с тем оно подтверждает, что он является корреспондентом. Но, во-первых, Морель сказал вам, что он вовсе не получал этого письма. Затем он вам полностью доказал, что его частные дела в коммуне Шан были известны всем благодаря гласности, которую они получили в газетах, в частности в «Плебейском ораторе», и что, поскольку он имел репутацию ревностного патриота, возможно, что Собрание демократов сочло, будто именно он был привлечен к работе для этого общества; это тем более вероятно, что, как показывают документы, это общество выказывало свое доверие только через посредников, не сносясь непосредственно со своими корреспондентами, поскольку для сохранения тайны было необходимо, чтобы они не знали членов центральной ассоциации.

3. Морелю приписывают звание агента, или корреспондента, I округа потому, что в связке документов, относящихся к I округу, нашлись две заметки, написанные его рукою. Но эти заметки отнюдь не имеют формы писем или корреспонденции. Морель объяснил и, вероятно, повторит, как и при каких обстоятельствах он их набросал. Затем классификация и инвентаризация этих двух заметок не им сделаны, и предпринятое тут сопоставление ничего не доказывает в отношении него.

4. Наконец, Морелю приписывают звание агента или корреспондента I округа, потому что были найдены формальная копия инструкции от имени Повстанческой директории и ряд других копий последующей переписки с пометками на обороте «1-й ок. Мор.», что было прочитано как «I округ, Морель». Но, хоть и нетрудно переделать Мор. в Мореля, это еще ничего не доказывает в отношении обвиняемого Мореля, поскольку это еще не означает тождества лиц, и затем это подтверждает, что

отказались от посылки *инструкции от имени Повстанческой директории*, проект которой сохранили только как исторический и любопытный документ.

Последующие циркуляры, включенные в эту же связку, сохранены по тем же соображениям. Они имеют заголовок «Директория общественного спасения». Дело в том, что они предназначались для одного из тех трех округов, в отношении которых, как я уже сказал, были как бы вынуждены сохранить это наименование. Возможно, была снята четвертая копия всех этих циркуляров, чтобы сохранить полный их комплект. Надписи «1-й ок. Мор.», написанные моею рукою, были мне продиктованы по ошибке, потому что одно время думали, что I округ — один из тех трех, куда надлежало посылать бумаги, озаглавленные «Директория общественного спасения».

Из всех этих разъяснений следует, что в I округ могла быть послана только антироялистская инструкция и что не доказано, будто обвиняемый Морель был корреспондентом этого округа.

Государственные обвинители утверждали, что агент *второго округа* получил и принял поручение от *Повстанческой директории*. Не стану этого оспаривать. Это один из тех трех корреспондентов, в отношении которых пришлось сохранить наименование *Директория общественного спасения*, он сам это подтвердил в трех письмах, к которым и свелась его корреспонденция. Это один из трех, получивших первый проект инструкции под заголовком *Повстанческая директория*, до того как ее изменили и обратили только против роялизма. Но письма, ему посылаемые, всегда имели тот же дух и то же направление, что и все другие; они отличались только заглавием.

Не было сделано даже попытки проверить, кто мог быть корреспондентом II округа. Перечни, использованные для установления других корреспондентов, указывают на *Бодмана*. Но это указание здесь сочли недостаточным. Бодман не включен в обвинительный акт.

Государственные обвинители утверждали, что агент *III округа* тоже получил и принял поручение от «Директории общественного спасения», потому что в письме от 25 жерминаля (документ № 9, связка 10-я, стр. 140, том второй) сказано: «Если бы мы не знали тебя ранее, чем оказали тебе доверие, то твой доклад от 22-го доказал бы нам, что мы удачно выбрали тебя...». Но во всех бумагах этого корреспондента, которых насчитывается *восемь*, ни разу не встречаются слова «агент» и «Директория». Стало быть, его доклады составлялись не на этих основаниях. Стало быть, он получил инструкцию только от *Общества демократов*, относящуюся к мероприятиям, направленным против роялистов.

Менесье был привлечен в качестве обвиняемого как якобы один из корреспондентов, и это исключительно основываясь на аналогии между III округом, к которому эта корреспонденция относится, и тем, что его фамилия встречается под № 3 в несколь-

ких перечнях, называемых «Списками агентов». Когда в ходе судебного следствия, на заседании 19 жерминаля, рассматривалась деятельность Менесье, не было налицо бумаг для сравнения и проверки тождества почерков. На заседании 28 жерминаля утверждали, будто такие бумаги нашлись. Но оба эксперта Верховного суда были вынуждены заявить, что они обнаружили тождество и сходство только в нескольких прописных буквах, а почерк, которым написана основная часть бумаг, оказался совершенно иным.

Следовательно, не доказано даже то, что Менесье был корреспондентом «Общества демократов».

Государственные обвинители утверждали, что агент IV округа получил и принял поручение от «Директории общественного спасения»... Я отвечаю так же, как и по вопросу о корреспонденте II округа. Он был одним из тех, в отношении кого существовала необходимость сохранять название «Директория общественного спасения», что и отразилось во всех его корреспонденциях, потому что он, действительно, получил первый проект инструкции с этим заголовком, до того как он был заменен заголовком «Общество демократов» и до исправления смысла текста в направлении исключительно против роялистов. Но и предыдущие бумаги, адресованные этому корреспонденту, были выдержаны в этом духе и направлении. Они в точности совпадали с бумагами, посланными другим корреспондентам. Они отличались только заголовками.

Буэн был привлечен в качестве обвиняемого как якобы один из корреспондентов, основываясь исключительно на аналогии между IV округом, к которому относится эта корреспонденция, и тем, что его фамилия встречается под № 4 в некоторых перечнях, называемых «Списками агентов». Было решено установить тождество почерков при помощи свидетелей. Таковые были привлечены из числа членов мирового суда секции Марше, где он был судьей и где они его сменили во время реакции, сторонниками которой они являлись! В отношении Буэна эти свидетели тем более подозрительны, что все они креатуры теперешнего мирового судьи Эрбо де Паво, которого Буэн сменил после 10 августа и который сменил Буэна после 9 термидора, был арестован 13 вандемьера как руководитель мятежников-роялистов секции и отмечен как ярый роялист на стр. 125 второго тома. И вот друзья, креатуры, соратники такого человека должны стать, повторяю, весьма подозрительными свидетелями в отношении Буэна. И тем не менее трое из семи не признали почерк; один, четвертый, предполагал, что узнает; двое показали, что почерк, кажется, его, и только один сказал, что глубоко убежден в этом. Какая цена свидетельским показаниям людей, оплачиваемых правительством, готовых показывать все, что угодно? Нет ничего более сомнительного, чем проверка тождества почерка Буэна семью свидетелями, из коих только один глубоко убежден. Итак, не доказано, что Буэн был корреспондентом «Общества демократов» по IV округу.

Государственные обвинители утверждали, что агент V округа получил и принял поручение от Директории общественного спасения, потому что в письме без даты (документ № 1, связка 17-я, стр. 104 второго тома) сказано: «Будет сделано так, как ты желаешь, в отношении патриотов Лиона и других департаментов; мы осведомлены о той работе, которую, как ты сообщаешь, ты проделал по самой важной части *твоих инструкций*, а именно по устройству жилищ для наших братьев из других мест». Но это опять доказывает прямо противоположное тому, что хотели отсюда извлечь обвинители. Поскольку говорится об *инструкциях*, важнейшей частью коих была забота о предоставлении жилья беженцам из Лиона и других департаментов, стало быть, это не были инструкции, составленные вслед за возникновением *проекта создания Повстанческой директории*, которые этого вопроса отнюдь не касались. Стало быть, это инструкции «Общества демократов», чьи намерения на этот счет никак нельзя очернить. Проявление гостеприимства в отношении жертв резни, устроенной роялистами в Лионе и других коммунах Юга, было естественным следствием принципов человеколюбия, которые исповедовало демократическое общество, и полностью соответствовало его намерению руководить всеми усилиями честных людей, направленными против гнусной роялистской клики, ставшей самым отвратительным бедствием, когда-либо поражавшим землю. Если даже оставить в стороне принципы братства, сами по себе вполне способны руководить той частью людей, которая сохранила нравственность; если считаться только с интересами республиканской партии... то было вполне естественно обеспечить себе перед лицом жестокой клики роялистов поддержку тех, кто больше всех от нее пострадал. И это, я думаю, достаточное обоснование заботы о том, чтобы приютить беженцев из департаментов.

Этим самым дается и объяснение по поводу письма, составляющего единственный документ 9-й связки, озаглавленной «Жители департаментов, пребывающие в Париже». Копия этого единственного документа на стр. 243 первого тома не имеет точного числа; указан только месяц — жерминаль. Оно адресовано к Б. из Лиона [57]. В этой черновой копии письма мы читаем следующие весьма замечательные слова: «Инструкции, содержащиеся в прилагаемом документе для агентов парижских округов, пригодятся и тебе, как АГЕНТУ—НАСТАВНИКУ ЛИОНСКИХ ПАТРИОТОВ-БЕЖЕНЦЕВ, проживающих в Париже». Это ценные слова: «НАСТАВНИК... лионских патриотов...». Вот, наконец, неоспоримое доказательство того, что в последних принятых инструкциях речь шла лишь о «руководстве общественным мнением» как патриотов Парижа, так и патриотов из департаментов. Остальное в проекте письма к Б. из Лиона относится исключительно к вопросу о гостеприимстве, которое надлежит оказать лионским республиканцам, бежавшим в Париж, чтобы спастись от жестоких преследований и безнаказанных убийств со стороны на-

ёмников контрреволюции, чьи действия встречают не только попустительство, но и почти что одобрение. Стало быть, речь шла тут о добром деле, каковое никогда не вменялось в вину людям какой бы то ни было партии, которые всегда могли, ничего не опасаясь, предоставлять убежище своим гонимым друзьям. Гонения, коим подвергались лионцы и все республиканцы Юга, были одним из важных, вполне законных мотивов недовольства. Замечу также, что это обвинение более не повторялось, поскольку из обстоятельств дела видно, что ответа не последовало. Не было даже возможности дать ход этому делу, поскольку отсутствие даты в этом единственном документе 9-й связки и отсутствие какого бы то ни было ответа являются достаточным доказательством того, что ничего не было даже и послано.

Возвращаюсь к V округу:

Во всем остальном в корреспонденции этого округа нет ничего, что доказывало бы, что тот, кто ее вел, знал какую-нибудь «Директорию» и что он рассматривал себя как «агента». Он нигде не употребил этих двух слов. А значит, следует предположить, что в переписке с ним демократическое собрание никогда не употребляло эти слова, что он видел только слова «Общество демократов» в заголовках инструкций и других документов, суть которых сводилась к вопросу о том, какие меры надлежит принять против роялизма.

Гилем был привлечен в качестве обвиняемого как якобы корреспондент этого V округа исключительно на том основании, «что есть некоторая видимость», будто его фамилия встречается под № 5 в нескольких перечнях, называемых «Списками агентов». Я говорю, что есть только некоторая видимость, будто именно его фамилия встречается в этих списках, ибо в ходе судебных прений было выдвинуто обоснованное возражение, что это может быть и сокращением фамилии Гилема́, которая пишется точно так же, но с добавлением двух букв в конце. Это тем более вероятно, что фамилия Гилема́ встречается на стр. 81 второго тома документов, в одной из обрывочных записей, которые делались мною для памяти и содержания которых я теперь почти не помню. В ходе судебных прений нам было сказано, что нет никакой видимости, будто фамилия Гилем есть сокращение, потому что это был бы единственный случай сокращения. Это совершенно не верно. В списке, помещенном на стр. 135 первого тома, та же фамилия фигурирует в еще более сокращенном виде: Гил.

Неправдоподобность утверждения, будто Гилем был корреспондентом V округа, превращается в полную невозможность этого, когда устанавливается, что корреспонденция этого округа написана не его почерком, и когда сам председатель признает, что обвиняемый Жермен, заявляющий, что это его почерк, не был этим агентом. Как известно, Жермен объяснил, в силу какого рокового стечения обстоятельств он стал переписчиком этой корреспонденции; вследствие какого рода интриг она попала в подлиннике в руки одного из тех странных офицеров из столь на-

шумевшего Гренельского лагеря, связанных с Кошоном, которого обнаруживаешь во всех коварных происках; и в силу какого другого рокового стечения обстоятельств подлинники вернулись к тому же Кошону, отнюдь не разоблачившему тогда заговора, который эти документы раскрыли. Но оставим продолжение этих замечаний до того момента, когда мы будем говорить о тайных провокациях Кошонов, Гризелей и др.

Следовательно, более чем сомнительно, чтобы Гилем был корреспондентом «Общества демократов» по V округу.

Государственные обвинители утверждали, что агент VI округа получил и принял поручение «Директории общественного спасения», потому что в письме от 26 жерминаля (документ № 11, связка 16-я, стр. 100 второго тома) сказано: «Мы получили твой доклад от 24-го, который нас удовлетворил». Но это ничем не напоминает инструкции, последовавшей за «проектом о создании Повстанческой директории». Корреспондент этого округа ни разу не употребляет слов «директория» или «агент». Поэтому опять-таки представляется вероятным, что этих слов ему не сообщали и что он получил только антироялистскую инструкцию, изданную от имени «Общества демократов».

Клод Фике был привлечен в качестве обвиняемого, как якобы один из корреспондентов, исключительно на основании аналогии между VI округом и тем, что фамилия Фике (без имени) встречается под № 6 в нескольких перечнях, называемых «Списками агентов». В ходе судебного следствия по вопросу об установлении тождества почерка не было представлено никаких документов. Сомнительность утверждения обвинителей в данном случае подчеркивается тем, что под № 6 в так называемых списках значатся рядом две фамилии: Ван, или Ваннек, рядом с Фике. Поэтому совершенно неясно, кто мог быть корреспондентом «Общества демократов» по VI округу.

Государственные обвинители утверждали, что агент VII округа получил и принял поручение от «Директории общественного спасения», основываясь на адресованном ему письме от 26 жерминаля (стр. 22 связки 22-й, стр. 226 второго тома), в котором ему пишут: «Если бы мы не знали тебя ранее, чем оказали тебе доверие, твой доклад от 19-го убедил бы нас, что мы правильно сделали, выбрав тебя. Мы можем только рекомендовать тебе продолжать свою деятельность с таким же рвением и так же активно, как до сих пор». Это письмо ничего не уточняет, из него не видно, какую инструкцию получил корреспондент этого округа, но я уже сказал, что он в своих письмах постоянно обращался к «Директории общественного спасения», и я указал, что в отношении его я дам тот же ответ, что и в отношении корреспондентов II и IV округов. Тот, о котором я сейчас говорю, был третьим и последним из тех, в отношении коих приходилось поневоле сохранять наименование «Директория общественного спасения» по той, уже указанной, причине, что именно так он всегда обращался к ней во всех своих посланиях ввиду того, что он по-

лучил первый проект инструкции под этим заголовком, прежде чем он был заменен заголовком «Общество демократов», прежде чем его текст был исправлен и обращен исключительно против партии роялизма. Но последующие послания, адресованные этому корреспонденту, были всегда выдержаны в этом духе и в этом направлении. Они были положительно те же самые, что и послания, направляемые другим корреспондентам. Они отличались только названием республиканской ассоциации, поставленным в заголовке каждого из них.

С этим корреспондентом VII округа связано обстоятельство, которое можно считать очень большою странностью этого процесса. Этот корреспондент кажется столь же и даже более известным, чем кто-либо из лиц, облеченных этим званием и на основании этой презумпции привлеченных в качестве обвиняемых. Его почерк известен по самим документам. Если в системе обвинения есть какой-либо большой преступник, так это он. Между тем он не привлечен в качестве обвиняемого... Он не обвиняемый, ни он, ни человек, которого он поставил рядом с собою, которого он сделал, по-видимому, своим весьма активным, весьма смелым и решительным сотрудником, хотя по смелости, серьезности и жестокости своих намерений, записанных и отраженных в документах, именно их можно было бы рассматривать как придавших делу наибольшее сходство с настоящим заговором. Внимательно разбирая это обстоятельство, мы, может быть, приподнимем большую часть завесы беззаконий, таинственно скрывающей разные стороны отвратительной картины флореальской западни.

Я сказал, что корреспондент VII округа был столь же и даже более известен, чем те, кого считали облеченными этим же званием и кто был привлечен в качестве обвиняемых на основании этого предположения. Я добавил, что его почерк был известен по самим документам... Фамилию Парис под № 7 в перечнях, выдаваемых за «списки агентов», могли бы счесть, как и в отношении многих других, достаточным доказательством того, что он был корреспондентом VII округа. Было и еще одно предположение. Существует письмо от 19 вантоза, о котором я уже говорил в начале моей защиты. Я доказал, что этот документ не может иметь никакого отношения к заговору: это письмо, написанное значительно ранее времени, к которому относят заговор, и оно адресовано лично мне. Оно не имеет отношения к корреспонденции по VII округу, хотя и оказалось в бумагах, ее составляющих. Оно не имеет ничего общего с ними, помимо того что написано тою же рукою, что и документы этой корреспонденции. Оно относится только к одному сочинению по поводу Бельгии и спора о старых границах. Автор сочинения предполагал распределить 800 экземпляров между членами обоих Советов и Директории и просил меня выправить стиль по рукописи и отдать ее затем в печать за его счет. Но это письмо подписано буквою П. Издатель двух томов обвинительных документов позаботился дать примечание относительно этой буквы П., объявив, что это инициал фа-

милии Парис. Он не только заявил, что эта фамилия является седьмой в некоторых перечнях, выдаваемых за списки агентов, но, следуя привычке принимать видимое за действительное, он не побоялся прямо утверждать в своем примечании, что этот Парис «значился как агент VII округа во всех списках 12 агентов, имеющихся в документах». Это, конечно, весьма рискованное утверждение. Ведь возможно, что письмо за подписью П., написанное таким же почерком, как корреспонденция VII округа, не имеет ничего общего с фамилией Парис, встречаемой под № 7 в перечнях, которые считают списками агентов; и я здесь вовсе не намерен соглашаться, что этот П. означает Парис. Но в конце концов эти совпадения более сильны и убедительны, чем те, что послужили основанием для обвинения многих других лиц. Представляется необъяснимым, что Парис не является обвиняемым, Парис, который назван в постановлении Исполнительной Директории от 19 флореаля. Тот самый Парис, которого Гризель обвиняет в участии в так называемом собрании от 20-го у Массара[58]!

Помимо этого, я сказал, что если были крупные преступники, в том смысле как это понимает обвинение, то это были корреспондент VII округа и избранный им пособник, с виду гордый и сильный; последний — это тот, кого корреспондент называет генералом Ганье. Вот в самых общих чертах наиболее крупные подвиги того и другого.

Корреспондент (документ № 23, связка 22-я от 25 жерминаля, стр. 227 второго тома) пишет: «Вам нужны генералы; я вам укажу генерала Ганье (за которого могу отвечать). Он проживает, и т. д...» (документ № 21 от 29 жерминаля, стр. 225): «Наши тираны организовали роту убийц, щедро оплачиваемых и вооруженных кинжалами, которые должны их избавить от энергичных писателей: уже известны имена тех, кого первыми хотят почтить мученическим венцом, и вы, конечно, догадываетесь, кто именно...» (документ № 19 от 5 флореаля, стр. 222). «Уверяют, что солдаты... решили отделаться от своих начальников, от обоих Советов Директории; что они заявили наконец, что пришла пора взорваться бомбе и что все должно быть закончено 8 текущего месяца».

А теперь посмотрим инсинуации пособника, мнимого генерала Ганье (документ № 14, связка 22-я, 12 флореаля, стр. 211 второго тома): «Склады в Венсене и Медоне можно захватить двумя способами, силою или взяв врасплох. В обоих случаях начать надо с уточнения положения у этих ворот. Этого можно достигнуть, направляя туда многих доверенных граждан с целью прощупать охрану, узнать, из скольких людей она состоит, какие у них взгляды; желательно, чтобы эти граждане были в военной форме, ибо солдаты доверяют больше военным, нежели другим. Придется посылать этих граждан в различное время, чтобы посмотреть, совпадут ли их доклады и правдивы ли они. Затем, если удастся подобрать несколько человек, достаточно мужественных и сообразительных, надо будет постараться узнать пароль и тогда отпра-

вить по крайней мере столько же человек, сколько охраняют склад, с поддельным приказом сменить караул. Эту операцию надлежит провести сугубо секретно, ее участникам разъяснить цель только по прибытии на место сбора, которое не должно находиться далеко от подлежащего захвату поста и к которому они должны идти различными путями. Что касается захвата поста силою, то это гораздо труднее. Необходимо знать не только какими силами располагает охрана этих складов, как в моральном, так и в физическом отношении, но и какие силы расположены в окрестностях для их защиты; отправить туда отряд по меньшей мере равной силы, под командой квалифицированного начальника, способного использовать обстоятельства, и поддержанный каким-нибудь другим отрядом. Наконец, если бы удалось собрать более подробные сведения о месте действия, он дал бы более детальные инструкции».

А вот и другое предложение того же автора, не хуже предыдущего:

(Документ № 4, 15 флореаля, стр. 187): «Я встретился сегодня с генералом Ганье. Он говорил мне о том, какие меры следует принять для захвата обоих Советов, коль скоро нет уверенности относительно поведения войск. Считаю важным сообщить вам об этих мерах. Он думает, что выступление должно произойти на рассвете; что, поскольку войска охраны не увидят собравшихся вместе представителей власти, они не окажут сопротивления; что было бы важно поставить охрану у входа на каждый мост, на каждую улицу, ведущую к площади Карусель и к Тюильри, чтобы не допустить такого собрания; что надлежит также захватить жилища министров, чтобы прервать всякую связь с Директорией; охранять все выходы из Люксембургского дворца, даже подземные, а также решетки; важно, чтобы у каждого из этих постов начальник был бы надежным и предприимчивым человеком; чтобы в толпе находились хорошо вооруженные люди, которые стреляли бы в любого депутата, захотевшего появиться на улицах или в других местах в своем депутатском костюме и воздействовать на народ и на войска; особенно важно захватить тех, которые способны командовать вооруженными силами, и не допускать ни под каким предлогом скоплений шуанов, мюскаденов и богатых торговцев».

Граждане присяжные, когда мы перейдем к рассмотрению вопроса о так называемых средствах осуществления, якобы найденных в планах обвиняемых по флореальскому делу, я покажу, что эти средства в основном и сводятся к предложениям тех двух человек, о которых я только что вам говорил; а между тем вы не видите здесь этих людей! Вы не видите даже их имен в обвинительном акте! А тот, кто считается корреспондентом VII округа, тот, на кого «аналогия» государственных обвинителей (т. е. тот факт, что в перечнях, пользующихся их предпочтением, его имя стоит под № 7) указывает как на такого корреспондента, — одним словом Парис, фигурировал, напомню еще раз,

в постановлении Директории от 19 флореаля! И его обвиняют в том, что он присутствовал на так называемом собрании от 20-го у Массара! И Гризель счел нужным сказать, что он только тогда, 20-го, познакомился с ним! А корреспондент IX округа писал: «Между вами есть предатели» (стр. 308 первого тома). Он добавлял: «Правительство осведомлено обо всем, что делают патриоты». Сколько тут напрашивается сопоставлений, которые станут еще более разительными, когда дойдет дело до рассмотрения вопроса о провокациях и провокаторах, о Гризеле, Кошоне, Карно, Роменвилле и их пособниках!..

Государственные обвинители утверждали, что агент VIII округа получил и принял поручение от «Директории общественного спасения», и этот агент — Казен, один из обвиняемых, признавший, что он был корреспондентом «Общества демократов». Здесь случайное совпадение оказало большую услугу государственным обвинителям. Здесь бесспорно налицо совпадение: VIII округ и тот 8-й номер, под коим фамилия Казен фигурирует в перечнях, которым присваивают название «списков агентов» так называемой «Директории общественного спасения». Но это совпадение есть не что иное, как случайность, которая ничего не доказывает ни по делу вообще, ни в частности в отношении Казена. Последний подтвердил вам, граждане присяжные, тот факт, что была инструкция с заголовком «Общество демократов», что никаких других он не видел и не знал и что он действовал согласно этой инструкции и считал долгом действовать исключительно против роялизма. Он дал вам очень разумные объяснения относительно всех этих документов, доказав, что они направлены единственно к принятию мер предосторожности против тех посягательств, которые угрожали свободе со стороны вандемьеристов и королевских наемных убийц. Слова «директория», «агенты» были ему неизвестны. Он иногда употреблял слово «директоры», ибо считал, что члены «Общества демократов», с которыми он поддерживал переписку, как бы «руководят общественным мнением» в духе добрых республиканских принципов, проповедь коих была тем более необходимой, что подлые проповедники всех тираний в то время яростно старались внушить народу противоположные принципы.

Государственные обвинители утверждали, что агент IX округа получил и принял поручение от «Директории общественного спасения», главным основанием для этого послужило наличие первого доклада от этого округа, составляющего документ № 3 связки 13-й, стр. 307 первого тома. Другим основанием является аналогия между подписью Д., имеющейся под докладом, и фамилией Дерэ, занесенной под № 9 в те перечни, которые якобы являются «списками агентов». Но эта аналогия показалась, повидимому, мало убедительной, ибо Дерэ не фигурирует в обвинительном акте. Никакой другой агент IX округа там тоже не упоминается.

Правда, рядом с фамилией Дерэ в предполагаемых списках агентов значится фамилия Вакре. Но если Вакре фигурирует в обвинительном акте, то не потому, что его обвиняют в том, будто он, как и Дерэ, мог быть агентом или корреспондентом IX округа. Почему же его фамилия находится рядом с фамилией Дерэ в так называемых списках? Тут ведь нет аналогии с подписью Д., которую мы находим в конце документов, касающихся этого округа. Стало быть, все более сомнительным становится утверждение, что перечни — это «списки агентов»!

Впрочем, кто бы ни был корреспондентом IX округа, он не обнаруживает ни в одном документе, что он знал «Директорию», или «агентов». Анализ всего, что от него исходит, проведенный в ходе процесса, равным образом доказывает, что он действовал в строгом соответствии с исходящей от «Общества демократов» инструкцией в направлении, враждебном только роялизму, происки которого были очевидны и который считали готовым к нападению.

Государственные обвинители не пытались установить, существовал ли агент или была ли активная корреспонденция по X округу, и документов такой корреспонденции в деле не имеется.

Здесь выявляется одно обстоятельство, показывающее, как легко обвинение давало ход бесконечным предположениям и как неизбежно оно должно было запутаться при подобных условиях: из единственных двух документов, составляющих связку X округа (стр. 298 и 299 первого тома), хотели вывести доказательство того, что по этому округу предполагалось назначить одного за другим двух корреспондентов, но в то же время пришлось признать, что ни один из них не был назначен. Как же после этого брались определять, кто был корреспондентом других округов, когда ни один документ корреспонденции не давал одинаковых сведений о фамилиях? Надо признать, что было проявлено крайнее легкомыслие, когда позволили себе сказать: Такие-то и такие-то были корреспондентами.

Государственные обвинители утверждали, что агент XI округа получил и принял поручение от «Директории общественного спасения»; они основываются на письме (документ № 6, связка 11-я, 25 жерминаля, стр. 291, том первый), в котором имеются следующие слова: «Твой последний доклад доставил самое большое удовольствие. Многие превосходные соображения, которые ты изложил, будут использованы...». Но опять-таки ничто ни в этом письме, ни в каком-либо из других документов корреспонденции по XI округу не доказывает, что тот, кто ее вел, знал какую-нибудь «Директорию» или каких-нибудь «агентов» и что он был настроен против какого-либо другого врага, кроме роялизма. Все опять-таки говорит о том, что он следовал указаниям инструкции, исходившей от «Общества демократов», цель которой — защититься от замыслов приверженцев короны.

Ж. Бодсон был привлечен в качестве обвиняемого, как якобы

один из корреспондентов, на основании аналогии между XI округом, к которому она относится, и тем, что его фамилия встречается под № 11 в некоторых из перечней, называемых «списками агентов». Эту аналогию захотели подкрепить ссылкою на тождество почерков, которое доказывали следующим образом: на стр. 52 второго тома имеется письмо от меня от 9 вантоза IV года, адресованное Жозефу Бодсону. Дальше, на стр. 55, имеется письмо от 12 вантоза, по-видимому, ответ на предыдущее, подписанное инициалами Ж. Б. Вся корреспонденция по XI округу написана этим же почерком, и суд сделал из этого вывод, что эти письма, несомненно, исходят от Жозефа Бодсона. Но, когда я подробно говорил об этих документах в той части моей защиты, которая относится ко всему, что предшествовало предполагаемому времени начала мнимого заговора, я объяснил, что Жозеф Бодсон действительно был автором писем, адресованных им мне лично и находящихся в обоих томах, которые теперь хотят использовать для сравнения почерков. Но я при этом указал, что эти письма писаны не его рукою. Я обратил внимание на то, что стиль и содержание этих писем свидетельствуют о том, что Бодсон — литератор, тогда как их орфография обличает шестилетнего школьника. Я объяснил причину этой неувязки. Я рассказал, что Бодсон тогда страдал от недомогания в руке и был вынужден пользоваться услугами одного молодого гражданина, который временно служил ему секретарем. Этот молодой человек, которого я не назову, и стал затем корреспондентом XI округа, так что эта часть корреспонденции и личные письма, направленные мне Бодсоном, писаны одною рукою, но ни одно не написано рукою Бодсона. Следовательно, эти письма не могут служить документами для сравнения с другими; следовательно, Бодсон не может быть обвинен в том, что он был корреспондентом XI округа. Впрочем, это выглядит не более странно, чем то, что мы видели в связи с корреспондентом V округа. Суд решил, что, хотя документы написаны рукою Жермена и подписаны буквою Ж., он не был агентом по V округу, а что таковым был Гилем, который, однако, пишет лучше, чем Жермен...

Таким образом, и здесь рушится система аналогий, которой придерживаются государственные обвинители, построенная на том, что фамилия Бодсон встречается под № 11 в нескольких из перечней, называемых «списками агентов», ибо на самом деле это означает только, что ее носитель доставил мне подписчиков для «Трибуна народа».

Я должен здесь разрушить другое представление, относящееся лично ко мне, которое в ходе моих показаний в суде (заседание от 29 вантоза) пытались создать в связи с этой корреспонденцией по XI округу. После того как в состав документов, относящихся к этой корреспонденции, было включено с внесением в соответствующую опись частное письмо, написанное мне Жозефом Бодсоном, датированное 12 жерминаля; после превращения его в документ № 9 связки 11-й, стр. 297 первого тома, председатель

утверждал, что этот документ есть ответ Бодсона мне, имеющий целью подтвердить лично мне получение им послания с поручением от «Директории общественного спасения». Надо воспроизвести это письмо, чтобы увидеть, содержит ли оно что-либо, имеющее такое значение. Бодсон мне писал:

«Друг мой, я сделаю все, что в моих силах, ты можешь быть в этом уверен, чтобы поддержать твои намерения. Я счастлив буду посвятить этому все свои скромные способности, но прежде чем я смогу приняться за дело, нам надо хорошо понять друг друга. Полагаю, что лучше всего нам поговорить лично, и так мы сможем скорее договориться. Насчет способа устроить эту встречу я полагаюсь на твою осторожность. Будь уверен, что тебе никогда не придется раскаиваться в оказанном мне доверии и что оно мне абсолютно необходимо для того, чтобы мы могли идти единым строем к единой цели. Будь уверен и в том, что я не доверюсь никому относительно того, что может прямо затрагивать столь ценные интересы, как твои и как все то, что мы имеем в виду».

Чтобы правильно понять это письмо, надо опять заглянуть в письмо, которое Бодсон написал мне 18 вантоза (стр. 58 второго тома) и которое заканчивается следующим образом: «Сделаю несколько замечаний. Надеюсь, ты не упрекнешь меня в том, что они не на высоте; твои принципы до такой степени совпадают с моими, что расхождения у нас могут быть только по вопросу о средствах осуществления. Сочинение, переданное мною тебе, было написано больше пяти месяцев тому назад. Другие времена, другие нравы. Очень хотелось бы, чтобы мы могли поговорить друг с другом, мы могли бы обсудить некоторые идеи, мы бы разделили труд: я почел бы себя счастливым, если бы смог принять участие в твоих трудах и облегчить их...». Здесь ясно видно, что Бодсон выражал желание участвовать в моих литературно-политических трудах. Так вот, письмо от 12 жерминаля лишь развивает это предложение, на которое я ответил в выражениях, соответствовавших столь великодушному предложению сотрудничества, весьма для меня ценного. Бодсон писал мне 12 жерминаля: «Я сделаю все, что в моих силах, ты можешь быть в этом уверен, чтобы поддержать твои намерения. Я счастлив буду посвятить этому все свои скромные способности, но прежде, чем я смогу приняться за дело, нам надо хорошо понять друг друга».

О каком деле идет речь? Разве не ясно, что эта фраза означает то же, что и фраза из письма от 18 вантоза: «если бы я мог принять участие в твоих трудах и облегчить их». И если в том же письме он говорил: «Твои принципы до такой степени совпадают с моими, что расхождения у нас могут быть только по вопросу о средствах осуществления... хотелось бы, чтобы мы могли поговорить друг с другом...», то 12 жерминаля он только повторялся, говоря: «Прежде, чем я смогу приняться за дело, нам надо хорошо понять друг друга... Полагаю, что лучше всего нам поговорить

лично... будь уверен, что тебе никогда не придется раскаиваться в оказанном мне доверии и что оно мне абсолютно необходимо для того, чтобы мы могли идти единым строем к единой цели...». Итак, очевидно, что речь идет тут все время о соглашении между журналистом и литератором, предлагавшим себя в качестве сотрудника. Почему же захотели придать этому другой, зловредный характер и с помощью этого письма Бодсона от 12 жерминаля превратить меня в главного регулятора и раздатчика поручений мнимой «Директории общественного спасения», а Бодсона — в агента этой «Директории», коим он никогда не был? Очевидно, что в данном случае стремились приписать двум людям роль, весьма далекую от той, которую они играли в действительности, что ясно вытекает из документов; и если бы можно было достигнуть цели, насилуя таким образом смысл самых невинных документов, то было бы нетрудно сооружать любые системы обвинения.

Это необходимое отступление от темы увлекло меня довольно далеко. Я прошу прощения за чрезвычайную пространность этой защитительной речи. Может быть, будет признано, что не от меня зависело сделать ее короче и что наличие огромного лабиринта документов и фактов, включенных в обвинение, вынуждает рассматривать их один за другим. Не мы в этом повинны, а сам характер процесса. Возвращаюсь к рассмотрению так называемых гражданских агентов. Мне остается лишь один агент — XII округа.

Государственные обвинители утверждали, что агент XII округа получил и принял назначение. Они ссылались на то, что связка № 10 (стр. 244 первого тома) представляет собою самую активную переписку между ним и Повстанческой директорией.

Но надо сразу же заметить, что во всей переписке, касающейся этого округа, ни разу не встречаются слова «Повстанческая директория», ни даже «Директория общественного спасения».

Эту корреспонденцию приписывают обвиняемому Моруа. Он здесь признал, что был корреспондентом «Общества демократов», которое имело задачей оживить общественное мнение и защитить его от происков угрожающего роялизма. Он недвусмысленно заявил вам, что получил инструкцию с заголовком «Общество демократов». Он добавил, что в этой инструкции содержалось волнующее описание бедствий народа и утери им своих прав. Ему, Моруа, поручали распространять просвещение путем распределения газет, собирать сведения о повседневных изменениях общественного мнения и присылать эти сведения.

Государственные обвинители воспользовались случайным совпадением и в отношении этого корреспондента. Параллель между XII округом и номером 12 была бы бесспорной, если бы не маленькое затруднение, связанное с тем, что вместо фамилии Моруа в перечнях, называемых «списками агентов» мнимой «Ди-

ректории общественного спасения», фигурирует фамилия Монруа. Но если даже не соблаговолить обратить внимание на эту маленькую разницу между Монруа и Моруа, то все же это только случайность и больше ничего, случайность, ничего не доказывающая ни по делу вообще, ни против обвиняемого Моруа, давшего в ходе своих показаний самые удовлетворительные объяснения по каждому касающемуся его документу, а также по поводу того, что единственною его целью было увеличить средства противодействия жестокой роялистской клике, которой он опасался более, чем кого-либо, ибо умел оценить ее по заслугам, разглядел ее замыслы и винил ее во всех страданиях народа.

Я закончил, граждане присяжные, свое исследование на тему о мнимой посылке главным агентам парижских округов инструкций вслед за выработкой проекта создания некой «Повстанческой директории» и «организации агентуры». Я доказал, что эти инструкции остались на стадии проекта; что не было никаких агентов, а только корреспонденты; что списки мнимых агентов не могут быть отнесены к корреспондентам; что есть только один вполне доказанный случай совпадения из 12 возможных: этот единственный — это Казен (мог бы быть второй, если бы Моруа, тоже корреспондент, как он сам признал, XII округа, мог быть бесспорно признан тождественным с Монруа, внесенным под № 12 в некоторые из перечней). Итак, только в случае с Казеном установлено, что он является таким корреспондентом. Во всех случаях корреспонденты, известные или неизвестные, существовали только в связи с учреждением «Общества демократов», ставившего целью лишь просвещение и оживление общественного мнения и предохранение народа от посягательств со стороны роялизма. И, таким образом, даже учитывая эту корреспонденцию, нет еще никаких заговорщиков, никакого заговора.

Перейдем к так называемой организации военных агентов.

«Пять связок бумаг (заявляют государственные обвинители на стр. 10 их «Доклада» от 6 вантоза), изъятых у Бабефа, содержат сведения, относящиеся к военным делам, так что не может быть сомнений в том, что агенты были назначены и согласились выполнять эту миссию».

«Были избраны пять военных агентов (заявляет Гризель в своих показаниях), составивших военный комитет».

Таким образом, перед нами еще одна аналогия, довольно хорошо установленная, между разделением операций на пять частей и наличием пяти военных сотрудников.

Но давайте посмотрим, что это за пять связок и пять агентов.

1-я связка озаглавлена «Военные дела», том первый, стр. 5.

2-я связка: «Полицейский легион и другие вооруженные соединения», тот же том, стр. 14.

3-я связка: «Фландрский полк, линейные батальоны и другие», тот же том, стр. 40.

4-я связка: «Батальоны, расквартированные в городе и за его пределами», тот же том, стр. 48.

5-я связка: «Батальоны, расположенные в окрестностях Франсиады».

Гризель сказал, что упомянутые пять агентов были Фион, Россиньоль, Массар, Жермен и он сам, Гризель.

Посмотрим, сможем ли мы отнести к каждому из этих пяти агентов одну из этих пяти связок.

Не забудем заявления государственных обвинителей, что содержимое этих связок не оставляет никаких сомнений в том, что агенты были назначены и согласились выполнять эту миссию.

Открываю первую связку, озаглавленную «Военные дела». Ищу в ней следы какого-либо назначения агента и не нахожу. Я вижу там 27 бумаг, все это перечни, и только в заголовке первого я читаю: «Список людей, подходящих для командных должностей». Сейчас рано еще говорить об этом документе по существу. Пока что мы разыскиваем только военную организацию и назначения агентов.

Открываю вторую связку: «Полицейский легион и другие вооруженные соединения», стр. 14 первого тома. Нахожу там несколько документов, написанных рукою Жермена; делали вид, будто они подтверждают, что он является военным агентом, но он сам опроверг это истолкование, и мы также его уничтожим, когда придет время говорить о так называемых средствах исполнения. Но я тщетно ищу в этой связке след поручения; я его не нахожу.

Открываю третью связку: «Фландрский полк, линейные батальоны и другие», том первый, стр. 40. Только здесь я нахожу следы поручения, выполненного Гризелем. Прерываю на две минуты их рассмотрение, ибо оно заведет меня далеко, а я нахожу уместным сказать сейчас только два слова касательно 4-й и 5-й связок.

Открываю 4-ю связку: «Батальоны, расквартированные в городе и за его пределами», том первый, стр. 48. Нахожу там один-единственный клочок бумаги. Это попросту копия проекта письма от 25 жерминаля, адресованного гражданину Ван. и извещающего о двух назначениях, одно — гражданским агентом, другое — военным. За этим ровно ничего не следует. Никакого ответа, никакого продолжения корреспонденции так называемого комитета. Так что мы видим, что налицо всего лишь простой проект, к осуществлению которого ни в коей мере не приступали; ничто даже не доказывает, что письмо это было отправлено. С другой стороны, гражданин Ван. не упоминается в показаниях Гризеля и не входит в состав пяти так называемых военных агентов.

Наконец, открываю 5-ю связку: «Батальоны, расположенные в окрестностях Франсиады», том первый, стр. 49. Опять нахожу клочок бумаги, совершенно похожий на тот, который находился в 4-й связке. Это просто копия проекта письма от 25 жерминаля, адресованного гражданину Масс. и извещающего о двух назначениях, одно — гражданским агентом, другое — военным. За этим ничего не следует. Никакого ответа от мнимого агента, никакого

продолжения корреспонденции мнимого комитета, так что видно, что это всего лишь простой проект, что к его осуществлению и не приступали и ничто даже не говорит о том, что это письмо было отправлено.

Тщетно ищу организацию, начало ее деятельности, последующие доклады, составляющие корреспонденцию указанных Гризелем пяти военных корреспондентов, а именно: Фиона, Россиньоля, Массара, Жермена и Гризеля. Не нахожу ничего, что имело бы к этому отношение, за исключением части, касающейся Гризеля.

Сейчас я ее рассмотрю:

Граждане присяжные! Вопрос о Гризеле очень важен и должен был бы занимать самое большое место в этом торжественном процессе. Я не берусь изучать его полностью. Мне нужно изложить еще столько других вещей, что я не могу посвятить ему все то время, которое для этого потребовалось бы. Я полагаюсь в этом на некоторых из обвиняемых и на их защитников, которые лучше меня смогут войти в подробности, смогут, так сказать, проникнуть в жестокую душу этого гнусного существа и проследить ту подлую роль, которую он сыграл, во всех ее деталях и поворотах. Я отсылаю также ко всему, что было сделано в ходе судебного следствия для его разоблачения. Поэтому я сделаю лишь набросок отвратительного портрета этого чудовища, который я предоставляю довершить как современникам, так и потомству.

Представленные в ходе судебного разбирательства доказательства того факта, что Гризель еще задолго до момента, с которым связывают начало заговора, стал полицейским доносчиком; что в качестве такового он был обязан следить за каждым шагом самых пылких республиканцев, прилагать все усилия, чтобы войти к ним в полное доверие, провоцировать их на самые крайние действия, затем доносить на них и головой выдавать властям; доказательства этого факта, представленные в ходе судебного разбирательства, не оставляют места для сомнений. Больше того, для всех абсолютно ясно, что Гризелю удалось вкрасться в доверие кое-кого из лиц, близких к «Обществу демократов», которое он первый превратил в глазах властей и общества в некий «повстанческий комитет». Несомненно, что, когда 24 жерминаля он сочинил свою нашумевшую брошюру «Письмо Свободного франка своему другу Террору»[59], он сделал это для того, чтобы с помощью подобного коварства и лицемерия добиться той степени близости к этим людям и той осведомленности, каких он и достиг.

Не может быть сомнения и в том, что таким путем он хотел приобрести еще большие права на то доверие, которого он добивался и которое хотел расширить.

Никто не отрицал того, что эта брошюра попала в рукописи в так называемое «Общество демократов» и что оно ее напечатало; но я не присоединяюсь к утверждению, что она попала в это Общество через посредство Дарте. Я знаю только, что она туда попала, но не знаю, как и через кого.

Граждане присяжные, вас почему-то не ознакомили с этой брошюрой. Ее нет в напечатанных документах, хотя в ходе судебного разбирательства о ней приходилось много говорить, не имея, однако, возможности читать ее. Здесь будет полезно разобрать ее подробно, потому что, возможно, в ней мы найдем бо́льшую часть мнимого заговора и потому что последующая роль Гризеля может быть правильно оценена лишь по ознакомлении с этим замечательным документом.

Ультрадемагогическое письмо Гризеля, озаглавленное «Свободный франк к Террору», начинается со сделанного кровью сердца описания плачевного положения защитников отечества, печальных результатов революции и бесполезности множества жертв, принесенных с целью обеспечить победу общественной свободы.

«Напрасно, — пишет он, — тупили мы свои сабли о куртки этих жалких слуг коронованных хищников. Напрасно тащились мы по бивуакам, голодали, дрались, истекали потом и кровью, давили вшей и уничтожали рабов в течение четырех лет. Мы истратили порох на воробьев, а свобода, этот прекрасный объект наших желаний, эта священная цель наших трудов, равно как и сладостное равенство, ее неразлучный спутник, превратились в пустые картинки на кухонных тряпках наследников Капета, в пустой дым вроде того, что исходит из моей трубки. Требование повиноваться приказам и подчиняться дисциплине превратилось в ту цепь, на которую *мы и все наши братья-санкюлоты посажены как сторожевые псы в будке*, с той разницей, что собакам бросают чего-нибудь погрызть, когда они лают, а нам не дают рта раскрыть».

Затем он описывает нищету, голод и разорение народа:

«Разве покинули бы мы свои очаги, своих жен и детей, отцов и матерей, чтобы раздавить негодяев, угрожавших нашей родине, если бы мы знали, что, пока мы будем бить морды эмигрантам и королям, *другие тигры, с золоченою шерстью, будут душить, терзать и пожирать наших родных, друзей и самую свободу*? Да, мой друг, да: как ни странно то, что я тебе говорю, это так же верно, как то, что один рубаха-парень, вроде тебя, лучше ста олухов, вроде тех, кто нами правит. И набросок, который я сейчас сделаю для тебя с карти́ны, которая здесь у меня перед глазами вот уже десять месяцев, убедит тебя в истинности моих слов. Я не добавлю никакой клятвы, чтобы заставить тебя поверить, ибо со времени присяги на верность Конституции 1793 года я только и видел, как бездушные и бессовестные негодяи приносили присяги».

Ужасными красками рисует он правление 1795 года. Он изображает его гораздо более отвратительным, чем монархия. Он проклинает тех, кто помог установлению этого правления:

«Наглая спесь двора и бывших аристократов вынудила нас свергнуть трон. Мы установили народное правление, при котором, как говорит папаша Тюлип, каждый был вправе считать себя гражданином. Пока мы били повсюду олухов, которым не по

нраву было то, что нам угодно было делать у себя, подлые чиновники, коим мы доверили заботу о наших делах, истребили тех в своей среде, кто хотел сохранить верность нам, и учредили под именем Исполнительной Директории пять львов, которых они безвкусно нарядили и украсили султанами, как мулов в Провансе, окружили их арлекинами, шутами и скоморохами, и все они, вместе взятые, многократно превзошли спесь, наглость, тиранию и деспотизм покойного борова Капета, их достойного предшественника».

Гризель воздает помпезную хвалу правлению 93-го года; он оплакивает ужасное сокращение населения в результате голода:

«Правительство, оставленное нами в 1793 г., обложило эгоистов контрибуцией, чтобы создать склады вещей и продуктов питания, необходимых для блага родины. Единственный склад, созданный правительством, который наши коварные уполномоченные поставили на место прежнего, — это тот страшный общественный склад в Кламаре, куда свозят тела республиканцев, умерших с голоду, и который в течение уже 18 месяцев ежечасно пополняется массой новых трупов».

Он описывает армии, отданные на милость деспотов-офицеров из числа бывших дворян, между тем как герои-плебеи, которые вели наших солдат к победам, изгоняются оттуда с позором:

«Дворяне нам всегда изменяли, и мы стали действительно побеждать только после того, как изгнали их из наших армий. Ныне наших бравых офицеров из народа, у которых, как у нас, все тело в рубцах, с позором увольняют и заменяют шуанами и напомаженными дворянчиками».

Он сравнивает положение в Париже в 1793 г. с положением в 1796 г.:

«Париж, прекрасный Париж 93-го года, где свобода, равенство и изобилие превращали весь народ в одну счастливую семью, ныне стал каким-то страшным лесом, населенным прожорливыми волками и издыхающими овцами. Волки — это правители и богатые, а овцы — это патриоты, наши родные, наши братья».

Затем Гризель продолжает описание издевательств, которым подвергают защитников свободы, и тяжелой судьбы, ожидающей их в будущем, и бросает первый призыв к восстанию:

«Наши боевые товарищи, изувеченные в боях, ныне раздавлены или покрыты грязью, на них смотрят с презрением правители и их подлые лакеи, и большинство их вынуждены, побираясь, проклинать неблагодарность родины, за которую они проливали свою кровь. Они не правы, дорогой товарищ, скажешь ты. Нет, друг мой, они правы. Их скорбные, полные отчаяния вопли прекратятся лишь тогда, когда мы за них отомстим, и это, надеюсь, недолго заставит себя ждать».

Он усиливает этот первый призыв. Он описывает состояние порабощения и угнетения, в котором держат войска, расположенные в лагерях вокруг Парижа. Он предсказывает, каковы будут ближайшие проявления их недовольства:

«Те генералы, что нами здесь командуют, низкие льстецы пяти украшенных султанами мулов, получающие в ответ такую же лесть, держат нас, ссылаясь на дисциплину, в самом отвратительном рабстве. Нас загнали, как стадо, в Военную школу и не позволяют нам сноситься с нашими друзьями и родными. Ну, конечно, они боятся, что их слезы тронут наши сердца, воспламенят наше мужество и подвигнут нас на справедливую месть. Но ничего у них не выйдет! Хоть нас считают безоговорочно послушным орудием угнетения, тираны скоро узнают, что мы можем быть и мстителями за права человека и человечества!»

Двуличный Иуда-Гризель напоминает, что в 1793 г. солдатам-республиканцам обещали миллиард, обеспеченный национальными имуществами, и он горько жалуется и обвиняет правительство в том банкротстве, которое оно потерпело вместе со многими другими. Вот как он пишет:

«Правительство 93-го года обещало нам, дорогой товарищ, все имущество врагов отечества, как награду за победу. Нынешнее правительство дает нашим врагам под видом возмещения то, что мы у них завоевали и что служило гарантией нашей республиканской денежной системы. Отсюда следует, что правящие нами негодяи, растоптав красный колпак, который они были недостойны носить, без всякого стыда надели себе на головы зеленый. В довершение своей подлости они, продолжая обещать нам миллиард, в действительности припасают для нас в виде награды те палатки, которых они нам не давали в течение трех кампаний, чтобы мы могли сшить себе из них нищенскую суму».

Он заканчивает еще одним призывом к мятежу:

«Я бы никогда не кончил, мой дорогой Террор, если бы вздумал описывать тебе все ужасы, которыми я здесь окружен. Но я более привычен драться, чем хныкать, и столь же терпелив на боль, сколь грозен в мести. И вместе с 10 млн. угнетенных демократов я только жду, дорогой мой друг, того момента, когда конец войны позволит тебе и твоим братьям по оружию вернуться к своим очагам. Тогда мы докажем и Франции, и всему миру, что мы умеем так же хорошо карать изменников и держать свою клятву, как мы умели побеждать свору королей».

Граждане присяжные, я спрашиваю вас, где во всем этом процессе вы видели документ, подобный этому по неистовству, по дерзости идей и по видимой жестокости намерений автора? Если кто-либо должен быть признан зачинщиком потрясения общественного порядка, то кто может в этом равняться с Гризелем? Но что вы скажете, если сопоставление множества обстоятельств наведет вас на мысль, что все это возбуждение исходит отнюдь не от одного Гризеля и даже в основном не от Гризеля? Разве вы здесь узнаете его стиль и его интеллект? Право, не столь уже праздными и поверхностными были замечания, сделанные относительно жалкой орфографии этого флореальского. . .[10*] Зная сме-

[10*] *Отточие в тексте, видимо, пропущено бранное слово.*

хотворную слабость первого доноса Гризеля, который должен был быть представлен одному из членов Директории, как можете вы допустить, чтобы он оказался способен сочинить для санкюлотов документ, исполненный искусства, ума и логики? Что скажете вы, если увидите, что ранее Гризеля министр Кошон, а еще ранее директор Карно придумали эти хитроумные способы завлечения самых пылких республиканцев в жестокие ловушки для того, чтобы получить возможность истребить их, запугав тем самым их единомышленников, а также объявить их общую проскрипцию и окончательно похоронить Республику? Сможете ли вы сдержать свое негодование при виде этой беспримерной безнравственности, этого чудовищного лицемерия людей, затевающих судебный процесс против самих себя, умеющих так хорошо подделываться под говор народа, его языком говорить о его бедах, делать вид, что страдают от них, как он, и, как он же, на них жалуются, в то время как именно они породили эти беды и стремятся лишь к тому, чтобы их увековечить. Надо видеть дальнейшее поведение Гризеля, чтобы лучше выявить эти первые сведения и раскрыть правду.

На стр. 42 первого тома есть письмо Гризеля от 26 жерминаля, озаглавленное «Автор Письма Свободного франка к братьям республиканцам из ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИРЕКТОРИИ». Оно начинается следующей фразой: «С несказанным удовольствием получил инструкции и удостоверение вспомогательного агента, предоставленные мне в знак вашего доверия...»

Если с этими выражениями сопоставить выдвинутое Гризелем и судом предложение представить инструкции и удостоверение агента, которые, по утверждению Гризеля, он получил 24 жерминаля, затем спрятал в свой матрас в ожидании благоприятного момента, когда можно будет их показать, затем в течение какого-то времени считал их затерявшимися или потерянными, потому что не мог опознать свой матрас, оказавшийся смешанным с кучею других при переезде в другое помещение, затем разыскал их, примерно дней через 15 после открытия так называемого заговора[11*]; затем оставил эти документы в руках директора Карно, который не счел необходимым приобщить их к материалам процесса до того, как они были затребованы постановлением Верховного суда от 29 вантоза[12*]... если с этим сопоставить то, что на заседании 28 жерминаля действительно был представлен документ, написанный рукой Пийе, содержащий копию акта, воспроизведенного в материалах обвинения под заглавием «Создание Повстанческой директории, назначение военного агента и соответственная инструкция»; если с этим сопо-

---

[11*] Том второй, стр. 293 Стенограммы.
[12*] Там же, стр. 294.

ставить тот факт, что протокол, составленный военным комиссаром при лагере примерно в то время, которое упоминал Гризель, создает впечатление, будто этот документ действительно был обнаружен в упомянутом матрасе... если сопоставить все эти вещи, то могло показаться довольно правдоподобным, что Гризель был назначен именем некоей Повстанческой директории военным агентом для выполнения проекта заговора, направленного исключительно против правительства. Я, однако же, глубоко убежден, что это не так.

Могло случиться, правда, что Гризель получил назначение в соответствии с принятым сперва проектом создания Повстанческой директории, замененного затем, как мы это доказали, многие мои сообвиняемые и я сам, другим проектом, а именно проектом создания «Общества демократов», имеющим единственной целью оживление общественного мнения и наблюдение за происками роялизма. Но я повторяю то, что уже говорил в ходе судебного расследования: я сильно склоняюсь к мнению и даже почти убежден, что документ, подобный тому, который Гризель предъявил на заседании от 28 жерминаля, никогда не был ему послан и никогда не находился в его руках.

Вот на что я могу указать в обоснование этого мнения.

В ходе обсуждения уже было обращено внимание на протокол, составленный министром Кошоном 22 флореаля в целях опознания, нумерации и пометки документов, изъятых у меня накануне. Приводим следующие абзацы из этого протокола:

«Поскольку гражданин Гракх Бабеф находится перед нами, мы предъявили ему папку, содержащую бумаги, изъятые в вышеупомянутой комнате во время его ареста, каковая папка опечатана его печатью; спросили его, признает ли он эту печать, наложенную накануне в его присутствии, целой и невредимой.

Ответил, что не может знать, является ли наложенная печать, которую он видит, тою же, что была наложена накануне в его присутствии, поскольку он по непредусмотрительности не потребовал возвращения ему его печати; только это было бы для него гарантией, что представляемый ему отпечаток есть тот самый, тогда как очевидно, что в его отсутствие можно было открыть папку, изъять оттуда или добавить документы, затем опять закрыть папку, опечатать тою же печатью; что для предотвращения таких действий следовало вернуть ему печать после того, как ею воспользовались.

Следовательно, он оговаривает за собою право заявить впоследствии по этому поводу любые замечания и протесты.

Мы тут же сломали печать после установления, что она цела и неприкосновенна, такая, какую мы наложили накануне в присутствии вышеназванного гражданина Бабефа, и сразу приступили в его присутствии к рассмотрению бумаг, содержавшихся в вышеупомянутой папке».

Граждане присяжные! От таких людей, как Кошоны, Гризели и им подобные, можно ожидать чего угодно. Когда видишь, как

к первому разоблачению Гризеля, написанному его рукою и отпюдь не содержащему имен Буонарроти и Дарте, затем в руках директора Карно добавляются эти два имени и сразу же начинают фигурировать в первом ряду вождей заговорщиков; когда видишь, как печатают и публикуют для сведения всей Франции документ, якобы начинающийся словами «убить пятерых», тогда как этих слов никогда не было или они были вычеркнуты так, что их совершенно нельзя было прочесть[60]; когда видишь, что тем не менее эти слова появляются во всех актах обвинения; когда видишь тысячу других подобных вещей, которые слишком долго было бы рассматривать здесь, то больше ничему не удивляешься, ничто не находишь невероятным. Помимо самой возможности такого дела, помимо способности, физической и моральной, совершить такое дело, у людей, в том подозреваемых, помимо имеющихся доказательств того, что им не привыкать совершать такого рода дела, мы можем представить еще много других вероятностей.

Каким образом документ, столь важный, столь необходимый Гризелю для обоснования его доноса, оказался в течение столь длительного времени затерянным и вдруг нашелся, дней через 15 после раскрытия мнимого заговора?

Если все матрасы так похожи один на другой, что Гризель столь долгое время не мог разыскать свой, то как объяснить, что он так легко нашел его в тот день, когда попросил военного комиссара отыскать его; повторяю, каким образом Гризель разыскал этот матрас так легко, что комиссар совершенно не упоминает в своем протоколе о каких-либо трудностях разыскания?

Как объяснить, что в матрасе, который столько перетряхивали, переворачивали, перевозили, документ остался совершенно неприкосновенным и не поврежденным ни пылью, ни сыростью? Как объяснить, что даже печать не была нисколько повреждена в тот день, когда нам его предъявили?

Как объяснить, что к нему не было приложено сопроводительное письмо? Почему не были приложены другие документы, о которых Гризель утверждает, что якобы получил их от так называемой Повстанческой директории?

Почему все же столь долго не решались приобщить этот документ к бумагам судебного процесса? Почему он оставался именно в руках Карно?

Затем, в этом документе не фигурирует имя Гризеля. Там есть только внесенная моею рукою — и, как я сказал, возможно, под диктовку — вставка, сообщающая, что этот документ предназначался для «линейных батальонов, бывшего Фландрского полка и других», но, поскольку он остался в папке, это лишний раз доказывает, что решено было отказаться от использования такого рода документов. Пийе сказал в ходе судебного допроса, что он снял четыре или пять копий с похожего документа. В предъявленной папке ни одной из них не оказалось; возможно, что Копон изъял их в ночь с 21 на 22 флореаля, в то время, когда он был единственным хозяином печати и всех документов

папки, причем не было протокола, где они были бы обозначены и перечислены. Возможно, что он выбрал ту из четырех или пяти копий, в которой некоторые указания на адресата позволяли отнести ее к Гризелю... затем вполне возможно, что эта копия была тогда же передана Гризелю, который засунул ее в матрас, затем попросил офицеров — составителей протокола заняться поисками вместе с ним, что те и сделали, быть может, вполне добросовестно и без потворства и тем не менее с помощью Гризеля легко произвели счастливое открытие и, опять-таки не будучи участниками махинации, простодушно занесли это в свой протокол, а теперь этот протокол фигурирует на суде, приобретя вполне законный и внушающий доверие вид. Мы спрашиваем также, почему эти поиски были поручены военному, а не гражданскому должностному лицу.

Если я посмотрю также документ № 3 из 3-й связки (стр. 42 первого тома), я еще больше убеждаюсь в том, что Гризель получил не тот документ, который здесь представлен, а инструкции с заголовком «Общество демократов» вроде тех, что были адресованы этим обществом гражданским корреспондентам и были направлены к оживлению общественного мнения в войсках. Подтверждая получение посланных ему документов, он пишет: «С несказанным удовольствием получил инструкции и удостоверение ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО агента, предоставленное мне в знак вашего доверия...». Вспомогательного агента! Это примечательные слова. Если бы Гризель говорил о документе, который сегодня хотят воспроизвести, он сказал бы «главный агент», ибо я знаю, что именно это слово там употребляется и что слово «вспомогательный» там отсутствует. Слова «главный агент» встречаются там до пяти раз в статьях 1, 3, 6, 7, 8 и 9 «организации». Следует даже привести полностью эти статьи, ибо это крайне существенно и, кроме того, важно разоблачить гнусную ложь и человекоубийственное коварство. Откроем стр. 4 и 5 приложения к «Докладу» государственных обвинителей, и мы прочтем:

«Статья 1. Будут утверждены главные революционные агенты, тайно действующие при различных воинских соединениях, расположенных как в самом Париже, так и в его окрестностях.

Статья 3. На каждого из этих агентов возлагается формирование и руководство общественным мнением среди солдат вообще и в частности в соединениях и батальонах, специально ему указанных. (Примечание. Эта статья заслуживает особого внимания. Она показывает, что даже если бы эта инструкция и была послана Гризелю, в ней шла речь только об общественном мнении. Это выражение здесь ясно и должным образом закреплено).

Статья 6. Будут учреждены агенты связи для поддержания контактов между главными агентами и Тайной директорией.

Статья 7. Только этим агентам будут передавать главные агенты записи своих повседневных наблюдений.

Статья 8. Агенты связи будут регулярно приходить за этими записями, ежедневно или через день, прямо на дом к каждому из главных агентов.

Статья 9. Настоящие основные положения, а также положение о Тайной директории и последующая инструкция будут вручены каждому из главных агентов».

Итак, мы видим, что, если бы Гризель получил этот документ и последующую инструкцию, он, несомненно, признал бы себя главным агентом, а не агентом вспомогательным. Мы видим, что в этой организации не было агентов вспомогательных, а были агенты главные и агенты связи. Агенты связи, как мы тоже видели, были всего только курьерами для поддержания контактов между главными агентами и Директорией общественного спасения, для доставления повседневных записей главных агентов. Но Гризель не мог бы быть таким курьером. Следовательно, когда он говорил «вспомогательный агент», он не мог понимать под этим «агент связи». Из представленного документа следует, что он был главным агентом; а из того документа, который, как он пишет, он получил, следует, что он был всего лишь агентом «вспомогательным». Но из этого, бесспорно, вытекает, что он получил не тот документ, который здесь представлен. Стало быть, это был документ, составленный от имени «Общества демократов», которое ограничивалось простой задачей распространения патриотической информации и надзором за настроениями роялистов.

Не надо придавать значения словам «Повстанческая директория», которые Гризель постарался вставить в свое обращение. Движимый стремлением вызвать возбуждение, он должен был постоянно стремиться к употреблению преувеличенных выражений, к их усилению, ко всякого рода безудержным крайностям... Вот почему, в то время как «Общество демократов» легкомысленно передало ему одну из своих инструкций, направленную к тому, чтобы вызвать моральное восстание, восстание умов, он в своем письме от 26 жерминаля говорит о настоящем восстании и изощряется в доказательствах того, что в 1789 году существовали средства для этого, которых сейчас уже нет. Однако что ему на это ответили 29-го? (См. стр. 45 первого тома.) Там главным образом побуждают его написать обещанные им короткие сочинения и обязываются напечатать их, как это было сделано с письмом к Террору. Ему это писали в связи с его обещанием в письме от 26-го (см. стр. 46 первого тома) немедленно приступить к сочинению, которое он собирался озаглавить: «Диалог Деревянной ноги и Свободного франка». Вот на что было обращено главное внимание в письме Общества, и это ясно показывает, каково было направление умов у членов этого своеобразного клуба, ко-

торый во что бы то ни стало решили превратить в собрание заговорщиков.

Гризелю это направление было хорошо известно. Поэтому-то он и возвращается в конце своего письма от 26-го к простой идее написать несколько сочинений. Не надо было окончательно ссориться с теми, с кем он был заинтересован сохранить хорошие отношения именно потому, что готовился совершить по отношению к ним крайнюю подлость, столь свойственную его жестокой душе. Но обратите внимание — и это подтверждает уже многократно сказанное, что исключительной задачей Гризеля было провоцировать и довести возбуждение до высшей степени, — обратите внимание, говорю я, как ловко и почти незаметно тот, кто стоит за его спиной (ибо, конечно, он сам отнюдь не мог сочинить это письмо от 26-го), постоянно сворачивает на грандиозные планы восстания, которые надлежит осуществить в ближайшее время! Послушать его, нет ничего проще этого. Он грубо клевещет на армию, полагая, что, используя пороки и коррупцию, которые он ей приписывает, можно совершить чудеса: «Исполнительной Директории нужны только люди безоговорочно послушные... Впредь все будут только такими... состарившимися в рабстве... Солдатская масса состоит из крестьян, насильственно призванных в армию, которые служат свободе так, как каторжники служат на галерах... их тысяча... таких, которые отдали бы Республику за пирог из их деревни... треть состоит из солдат, для которых служба стала ремеслом, и предназначенных служить при любом режиме... большинство их фанфароны, которым нужно только вино и надежда пограбить... конные войска все, как правило, именно таковы... они способны на все, если умело к ним подойти; своим влиянием они постоянно увлекают за собою робких и апатичных... надо способствовать возникновению... дезорганизации... недисциплинированности... а при надобности и распаду армии... надлежит говорить одновременно об ограблении богачей и об увольнении вчистую; потом, смотря по обстоятельствам, можно будет уклониться от выполнения этих обещаний... когда наступит день великого дела, напоим солдат и ловко поднимем их дух на необходимую высоту...».

Таковы были, граждане присяжные, те извращенные, нелепые и в высшей степени необычные принципы, которые порочные люди, скрывающиеся за губительным для Республики занавесом, с помощью ловко составленных фраз нашептывали при посредничестве Гризеля людям, легко поддающимся соблазну вследствие их фанатического стремления к общественному благоденствию; людям, которых их страстное желание способствовать установлению этого благоденствия делало не слишком щепетильными в выборе средств, склоняло жадно и без долгих размышлений набрасываться на любые идеи, какие бы они ни были и откуда бы ни

исходили, только бы они давали им малейший проблеск надежды на скорейшее достижение их цели. Надо сказать, что приемы, применяемые хозяевами Гризеля, его вдохновителями, были довольно грубы. Но они знали, что этого достаточно, чтобы завлечь в западню простодушных людей, к которым, быть может, менее чем к кому-либо в Республике применимо звание заговорщиков. Не понимаю, в силу какой слепой снисходительности эти простые люди могли не возмутиться и не понять, с кем они имеют дело, услышав те омерзительные кощунства, те жестокие и безнравственные поношения, которыми продажный Гризель осыпал всех наших братьев по оружию. И, конечно, если бы мне не хватало доказательств того, что бумаги, принятые за мои подлинники, были всего лишь точно скопированными заметками или выдержками из действительных подлинников, принадлежащих различным членам «Собрания демократов», и что сделаны они были просто с целью иметь под рукою определенные сведения, чтобы я мог их использовать как журналист, я представил бы этот второй документ из 3-й связки, уже цитированный выше, который, видимо, и является ответом на подлое письмо Гризеля, дающее материал для размышлений... Я заявил бы, что, чтó бы ни говорили на мой счет, я ни разу не дал повода считать, будто способен одобрять принципы и цели, столь отвратительные, как те, которые исповедует Гризель. Я сказал бы в заключение, что ответ исходит не от меня, а от кого-нибудь еще более простодушного, чем я; ибо я вижу только простодушие в том своего рода одобрении и легкости, проявляемых автором ответа, когда он начинает его словами: «Мы получили 26-го сего месяца твои замечания в ответ на повстанческую инструкцию».

Очевидно, что такие выражения пришли на ум только потому, что перед глазами писавшего было письмо Гризеля, содержащее слово «восстание» в каждой строчке; а та несомненная снисходительность, с которой писавший относится к этому человеку, чьи таланты и рвение вызывают восхищение, заставляет его согласовывать свой стиль со стилем Гризеля и одновременно с его благородными и великими целями. Однако в конечном счете надо констатировать, что в то время, как он высказывается остро и резко, постоянно нацелен на применение силы, те, кого он хочет превратить в заговорщиков, постоянно стремятся ограничить свои действия тем, чтобы только революционизировать умы. Попадающееся у них часто слово «повстанческое» имеет только это значение. Письмо, о коем я говорю, заканчивается предложением Гризелю составить короткие сочинения... которые будут напечатаны, как это было сделано с письмом к Террору. Мы видим, что с начала до конца авторы ответа постоянно возвращаются все к одному и тому же: писать республиканские сочинения, и только сочинения, вот о чем они говорят с Гризелем, как и со всяким другим. Если он смог вкрасться в доверие кого-то близкого к демократическому обществу, то только потому, что обещал дать и действительно дал рукопись

«Письма Свободного франка к Террору». Если он получил от этого общества инструкцию и назначение вспомогательным агентом, то в этом документе идет речь исключительно о формировании общественного мнения, ибо в ответ он обязывается сочинить «Диалог Деревянной ноги со Свободным франком» и «Ответ Террора Свободному франку» (см. стр. 46, том первый). В письме от 18 флореаля (документ № 1, 3-я связка, том первый, стр. 40) он предлагает также сочинить брошюру с целью опровергнуть перед солдатами полицейского легиона внушенное им представление, будто их братья из Гренельского лагеря настроены против них, и т. д. Мы видим, что литературные труды постоянно являются единственным предметом сношений между Гризелем и так называемыми заговорщиками, вопреки всему, что со своей стороны он делал, чтобы направить их к другим делам.

Граждане, я на время покидаю Гризеля. Я счел полезным в этом разделе моей защитительной речи представить вам часть исторического очерка о роли, сыгранной им в заговоре, который, хотя сейчас этого, быть может, еще не признают, возможно, обязан своим существованием и возникшей вокруг него оглаской ему одному. Я постарался доказать, что, вопреки его утверждению, он вовсе не получил назначения «повстанческим агентом» от некоей «Директории», а только инструкцию от собрания граждан, принявшего название «Общества демократов», поставившего себе задачей возродить общественное мнение и следить за интригами роялизма. Успешно, как мне кажется, доказав это положение, я доказал также, что как не было, вопреки утверждениям обвинения, никаких гражданских агентов для так называемого заговора, так не было и никаких военных агентов. Ибо из пяти указанных обвинением агентов только по отношению к одному Гризелю ничего нельзя было сказать определенно. Что до остальных, то достаточно было нескольких слов, чтобы доказать, что они не действовали и не имели поручения действовать. Поскольку Гризель имел лишь поручение распространять демократические принципы, данное ему людьми, которые намеревались установить определенный центр такой проповеднической деятельности, то из этого следует, что всякая «военная агентура» некоей «Повстанческой директории» полностью испаряется.

Я полагаю, граждане присяжные, что в этих расследованиях, конечно неприятных, утомляющих и длительных, но необходимых для постижения истины в деле, столь важном для интересов Республики, я полагаю, что в ходе этих утомительных отступлений время от времени полезно как для вас, так и для меня оглянуться на пройденный путь. Где мы сейчас? Мы разобрали сооружение заговора до следующего момента: Проект создания Повстанческой директории, организации гражданских и военных агентов и соответствующих инструкций не был осуществлен. Не было никакой Директории; не было

никаких агентов. То, что принимали за списки агентов, вовсе таковыми не были. Мнимая переписка агентов с какою-то «Повстанческой директорией» вовсе таковой не является. Не было никакого всерьез принятого или начавшегося осуществляться плана попытаться открытой силой свергнуть правительство.

Вместо всего этого было объединение людей, принявших наименование «Общества демократов» и решивших широко и активно распространять просвещение и великие идеи относительно прав и интересов народа, проповедовать евангелие республиканизма во всей его чистоте, бороться с его жестокими врагами оружием разума, следить за их уловками, остерегаться их и быть всегда готовыми сорвать их. С этою целью были созданы корреспонденты для содействия пропаганде и для сбора сведений о первых успехах, о встречающихся препятствиях, малых и больших, об угрожающих родине опасностях и о способах их отразить.

Вот что, полагаю, я установил до сих пор.

А теперь, полагаю, мне надлежит доказать, что если принимались меры к тому, чтобы быть в состоянии оказать сопротивление посягательствам роялистов, буде они вспыхнут, то были серьезные основания опасаться, как бы они действительно не вспыхнули.

Еще не зная в то время, что Людовик XVIII отправил к нам специальных эмиссаров, снабженных самыми широкими полномочиями с целью подготовить его возвращение на трон, мы получили столько сведений о непосредственных результатах этих действий, что не могли не предугадать сам факт существования подобных эмиссаров. Недавнее обнаружение этого факта полностью подтверждает все, что тогда можно было предполагать, и оправдывает все, что можно было сделать, стараясь уберечь нас от возвращения старой династии.

Предъявляя здесь документы, собранные по этому поводу различными корреспондентами «Общества демократов», мы подтвердили две вещи. Первая — это то, что тогдашние опасения относительно роялизма были вполне обоснованны. Вторая, — что это Общество действительно возлагало на своих корреспондентов главным образом эту важную задачу наблюдения за ним и что они ее выполнили.

В корреспонденции по IV округу (том второй, стр. 112, документ № 3, связка 18-я) мы читаем:

«Один патриот, выдававший себя за шуана, встретил вчера доверенное лицо Ровера. До того как обстоятельства научили нас разбираться в людях, он был с ним близко знаком. В ходе беседы этот пособник преступления сказал патриоту, что организован монархический клуб; что приняты меры к тому, чтобы дать нам повелителя; что на эту роль предназначен молодой Орлеан; что *через десять дней* будут повешены все канальи, т. е. все виновники смерти Капета; что Ровер для видимости будет сослан на год или два, принимая во внимание услуги, оказанные и оказываемые им монархии, и т. д. и т. д.

Все эти разговоры, а также то поведение, которого сейчас придерживаются, не оставляют у меня никакого сомнения в том, что они приложат все силы к тому, чтобы успешно завершить свои замыслы».

Это сообщение датировано 13 жерминаля. Следует отметить, что согласно обвинению два дня спустя происходит рассылка первых документов мнимого заговора.

Не следует ли из этого сделать вывод, что именно это важное сообщение в соединении с некоторыми другими в огромной степени способствовало решению отказаться от всяких других проектов и направить все усилия исключительно на принятие контрмер против новых монархистских происков?

Налицо хорошо известный план роялистов. Мы это знаем из надежного источника. Это страшный, грозный план. Он грозит республиканцам всеобщей резней. Выясним теперь, где главный очаг этого широкого и убийственного для патриотов заговора. Ответ мы найдем опять-таки в документах. Откроем второй том на стр. 132. Мы прочтем в заметках корреспондента III округа:

«Шуаны из Законодательного корпуса собираются ежедневно на ул. Клиши, в доме, называемом «Мезон Бутен», или «Ла Буксьер». Их, говорят, насчитывается около 300 человек. Эти собрания длятся часть ночи».

Главное сборище известно, равно как и число и характер главных деятелей заговора. Но нам нужно знать, сколько существует крупных пунктов, связанных с Клиши. Нам нужно знать, кто руководители пресловутой интриги. Послушаем:

«В Париже существовал ряд очагов контрреволюции. Все они были связаны с Клиши, из них один на ул. Доминик, в предместье Жермен, один на бывшей королевской площади, один на ул. Луи Ле Гран, один на ул. Нев де Матюрен. В последний сходились каждодневно представители головорезов Юга — Инар, Кадруа, Шамбон, Ровер, Журдан [61], Дюма [62], и другие. . .».

Вот что стало известно, и это вам, граждане присяжные, повторили многие обвиняемые, в том числе Морель, в ходе судебного разбирательства.

Помимо только что указанных руководителей из числа членов Законодательного корпуса стало также известно, что высокопоставленные представители исполнительной власти были связаны с тем же проектом. В частности, известно было то, что впоследствии получило такое полное подтверждение в деле Лавилернуа. Было известно, что министр внутренних дел Бенезек был тесно связан с этой сатанинской интригой. В первом томе, на стр. 315, в заметках корреспондента VIII округа мы читаем:

«Министр внутренних дел не только продался, но и открыто находится на службе антинародного движения. . .».

Затем мы обнаружим ту казну, которая помогает нести огромные расходы, связанные с этим королевским предприятием. Мы столкнемся и с производством оружия. На стр. 216 второго тома в заметках по VII округу мы читаем:

«На ул. Вьез-Огюстен, вход через ворота рядом с проходом справа, живет какой-то субъект, который открыто производит выплаты шуанам; завтра мне дадут более подробные сведения. На ул. Ла Юшет, дом и двор де л'Анж, изготовляют кинжалы. . .».

Мы найдем фабрики обмундирования; второй том, стр. 188, заметки по VII округу:

«Роялисты заказывают обмундирование, чтобы в ряды солдат могли затесаться негодяи, которые будут стрелять в народ и тем спровоцируют гражданскую войну. . .».

Мы видим следы мер, принятых для проведения вербовки; первый том, стр. 238, заметки корреспондента XI округа:

«В Сен-Дени арестованы три или четыре человека, осуществлявшие связь с шуанами: предполагают, что им было поручено проводить вербовку. . .».

Мы обнаружим, до какой степени было ослеплено само правительство: можно подумать, что оно поистине самым эффективным образом стремится помочь осуществлению намерений этой партии; во втором томе, на стр. 135, в записке корреспондента III округа, мы читаем:

«Те, кто предохранял, берег и спасал роялистов 13 вандемьера, ныне командуют операцией по разоружению храбрецов, защищавших в тот день национальное представительство. . . Бригадный генерал, председатель Военного совета, размещавшегося в административном центре секции Лепелетье; человек по имени Вильер, командир бригады, долгое время остававшийся командиром батальона секции Лепелетье и командовавший ею в день разоружения предместья Антуан в прериале; англичанин, бывший адъютант предателя Мену. . . все они ныне находятся на службе у правительства. . .».

Мы видим, что королевская партия, обладающая наилучше организованной службою общественного мнения, направляет его таким образом, чтобы в народе вновь возобладали те убеждения, которые были распространены в вандемьере. Во втором томе, на стр. 164, в записке, касающейся I округа, мы читаем:

«. . . Народ. . . приписывает свои страдания Революции и повторяет, что был счастливее при старом режиме».

И далее на каждом шагу находим доказательства того, что эта махинация упорно продолжается. Приведем здесь некоторые из этих доказательств. В первом томе, на стр. 318, в записке корреспондента VIII округа, читаем следующее:

«Внешне все спокойно, а в действительности все бурлит. Многие вандемьеристы, находившиеся в своих деревнях, начали действовать. Все их поведение свидетельствует о тайных комбинациях, которые они готовы осуществлять. Войска, по-видимому, пребывают в нерешительности, хотя и повинуются своим начальникам. Все являет картину общего взрыва. . . Злодеи притворяются, будто хотят поддержать правительство, чтобы поработить народ».

В ходе своих показаний в суде тот же корреспондент VIII округа, обвиняемый Казен, заявляет в связи с письмом от 24 жерминаля (том первый, стр. 329), в котором он говорит о собрании граждан, умеющих обращаться с пушками и желающих остаться неизвестными до начала экспедиции... Казен заявляет, что «Общество демократов», с которым он вел переписку, известило его письмом, отсутствующим в документах дела (как и многие другие, к великому сожалению для нашей защиты, не сохранившиеся), о предстоящем в ближайшее время движении роялистов и добавляет, что, действительно, проявляются те же симптомы, что и в вандемьере.

Моруа, корреспондент XII округа, в письме от 3 флореаля (том первый, стр. 269, документы номер 14 и 15 из 10-й связки), вслед за перечнем патриотов, говорит, «что все они преданы общественному делу, что они хотят защитить его или умереть на месте...» Моруа заявляет в ходе своих показаний в суде, что «Общество демократов», с которым он вел переписку, предупредило его письмом, отсутствующим в документах дела, «что роялисты совершенно готовы развязать движение, что Клуб Клиши должен был вывезти оружие из Парижа и т. д.»... Вслед за этим этот корреспондент сам обнаруживает (см. его письмо от 5 флореаля, том первый, стр. 257, 10-я связка), что роялисты его района, предместья Марсо, обычно последними приходящие в движение, зашевелились, что, в частности, роялисты из секции Финистер хотели восстановить связи или, по крайней мере, старались найти пути к этому...

Наконец, на стр. 138 второго тома, в записке корреспондента III округа, читаем:

«...один депутат-шуан из Лиона говорил третьего дня (27 жерминаля): Мы одержали полупобеду, добившись издания закона о запрещении сборищ. Но через несколько дней мы одержим полную победу. Наше оружие готово, и мы уверены в успехе. Мы произведем движение, которое припишем анархистам, а затем мы уничтожим наконец эту отвратительную секту, мешающую осуществлению наших намерений. Вчера тот же человек сказал опять: Терпение, все будет хорошо».

Итак, из самих документов вытекает доказательство того, что роялистские заговоры, подготовляемые самым активным образом и направленные к скорейшему претворению их в жизнь, действительно существовали в то же самое время, когда организовалось и вступило в борьбу с этими заговорщиками «Общество демократов». Мы видим, что от его внимания ничего не ускользнуло: основы плана, цель, средства осуществления, результаты, главные и вспомогательные действующие лица, места собраний, финансирование, вербовка, производство оружия и обмундирования, воздействие на общественное мнение и т. д. И можно ли усомниться в том, что роялисты намеревались тогда немедленно осуществить свой замысел, если сопоставить с этим полученные в ходе след-

ствия над эмиссарами претендента сведения, дополняющие тот план, описание которого по документам флореальского дела было лишь частичным. Выданные Людовиком XVIII полномочия датированы как раз этим временем. Они датированы 25 января и 20 февраля 1796 г. В каких выражениях они составлены? Чего они требуют? «Король уполномочивает г-д Бротье[63] и Дюверна де Преля действовать и говорить от его имени во всем, что касается восстановления трона». Что было сделано в действительности и о чем совершенно нет указаний в материалах, которые мы видели? Это следует искать в судебном деле королевских эмиссаров. Вот что я там прочитал: «Англия и иностранные державы доставляли денег столько, сколько требовалось... С одной стороны, уже было завербовано 18 тыс. человек... Один Поли навербовал еще 12 тыс. в горах Юра... Лион, наводненный офицерами Конде[64], настроен отлично... Обеспечено участие Лабарьера, командующего артиллерией в лагере под Парижем, который обещал предоставить 300 лошадей, находящихся в Медоне, и ручался за хорошее расположение Дюбюиссона, командующего артиллерией в Ла Фер... Бедуе, бывший генеральный администратор почт, совершил объезд всех почтовых станций вдоль пути, по которому должен был проследовать Людовик XVIII, и обеспечил их функционирование во время его возвращения во Францию... в этом отношении все было отлично организовано... 80 млн. было припасено для раздачи народу в момент потрясения... Оставалось лишь привлечь лагерь, расположенный под Парижем, и было рассчитано, что это не такой уже огромный расход — 3600 фр. в день, которые понадобятся для того, чтобы оплатить 12 тыс. человек, находящихся в этом лагере...».

Таков, граждане присяжные, в завершенном виде план заговора, в противовес которому, как вы видели, создало свой заговор «Общество демократов». Оно сумело обнаружить лишь одно из ответвлений этого заговора, основной ствол которого вместе с другими ответвлениями обнаружился лишь со временем. Можно ли ставить в вину этому Обществу, что оно противостояло монстрам, готовившимся лишить народ его Республики, сожрать ее! Если для уполномоченных претендента оказалось достаточным оправданием их заявление, что они восстановили бы трон лишь в том случае, если бы конституционное правительство 1795 года было свергнуто патриотами 93 года, то разве для последних не могло бы послужить таким же оправданием их заявление, что они намеревались восстановить Демократию в случае, если бы увидели, что правительство расшатывается наемниками монархии? Кто осмелится сказать здесь в присутствии тех республиканцев, которые тут находятся, что в высшей степени народное правление не предпочтительнее, чем деспотизм одного лица? И если докладчик Военного совета счел уместным внять доводам обвиняемых в том суде и признать, «что в случае внезапного ниспровержения правительства какою-либо группою, тот,

кто с целью спасти своих сограждан от ужасов анархии поспешил бы предложить им плоды своих бдений и размышлений, презрев все опасности, чтобы восстановить порванные связи политического союза, приобрел бы священные права на благодарность этих сограждан...», если, повторяю, докладчик Военного совета мог говорить в духе, столь близком к системе защиты рыцарей короны, то мы с нашей стороны имеем гражданина Байи, обвинителя, провозгласившего 29 вантоза следующую истину: «Нельзя считать преступлением меры предосторожности, принятые для того, чтобы в случае возникновения движения, направленного против интересов народа, можно было обратить это движение на благо народу и не допустить, чтобы оно оказалось запятнанным злополучными событиями, обычно сопровождающими серьезные политические кризисы».

Быть может, мне захотят возразить, что роялизм в ту пору не был до такой степени угрожающим и готовым перейти к действиям, как я это изображаю, поскольку его нападение не разразилось тогда; что, если бы контрмеры, предпринятые демократами, и имели успех, ослабление последних все же было бы на руку сторонникам трона; что, поскольку эти сторонники так ничего и не предприняли, то, значит, они никогда и не собирались ничего предпринимать, и что, следовательно, ошибочно было проявлять такую подозрительность и проводить оборонительные приготовления, встревожившие все партии и безосновательно придавшие авторам этих мер вид самых грозных заговорщиков.

Я не стану тратить время на объяснения того, что свобода не только не вменяет в вину своим пламенным защитникам то, что они постоянно находятся в состоянии бдительности и готовности защищаться от предвиденных или непредвиденных покушений со стороны ее врагов, но и требует этого от них. Но я покажу, что неверно, будто роялисты после флореальского поражения демократов вовсе не нападали на правительство и на Республику по той причине, что у них якобы никогда не было такого умысла. Я докажу, что это произошло потому, что они изменили свои планы.

Чтобы в этом убедиться, достаточно послушать, что говорит один из эмиссаров претендента, Дюверн де Прель, в своей защитительной речи перед Военным советом:

«В апреле 1796 г. я виделся с Людовиком XVIII в Цюрихе. Я доказывал ему невозможность немедленного осуществления контрреволюции. Я объяснял ему, что все попытки вооруженных действий неизбежно обернутся против роялистов. Я ему говорил, что если новое правительство соответствует воле французов, то, будь оно хорошее или плохое, его не удастся свергнуть; если же, напротив, оно не придется по вкусу французам, если оно не сможет дать им счастья, то в нем самом найдутся средства, чтобы заменить его более подходящим правлением».

Итак, мы видим, что если роялисты не попытались произвести после флореаля IV года вооруженный переворот с целью восстановления монархии, то не потому, что у них никогда не было такого намерения, и не потому, что они отказались от своих замыслов. Они только изменили свои методы.

И эта истина становится еще более очевидной из следующих мест защитительной речи Дюверна де Преля:

«Я был убежден в том, что только время может восстановить монархию во Франции; в том, что, если регент, недавно принявший титул короля, не откажется от восшествия на престол, он должен принять линию поведения, прямо противоположную той, которой он следовал; что он должен начать с разоружения всех, кто внутри страны сражался от его имени; что он не должен проявлять никакого интереса к республиканскому правлению, а если бы оказалось правдой, что этот вид правления не подходит для Франции, то наиболее верным способом восстановления монархии будет злосчастный опыт Республики».

Нельзя было бы высказаться более откровенно. Когда сопоставляешь этот план со всем поведением, которого они придерживались и придерживаются, убеждаешься, что это отнюдь не маскировка. Они, конечно, очень точно его выполняют, и столь многие им в этом помогают, что теперь очень трудно сомневаться в его полном успехе. Разве было упущено что-нибудь, что способно вызывать ненависть к Республике? Есть ли где-нибудь такие должностные лица, которые не прилагают к этому всех своих сил? О да, уже многие люди признают, что опыт этого правления оказался весьма *злосчастным*; никто уже не боится говорить, *что оно вовсе не подходит для Франции*.

Проклинайте же «Общество демократов» за то, что оно существовало ради сохранения этого правления и для того, чтобы воспрепятствовать его замене *отеческой властью* Людовика XVIII! .. Пусть нас возненавидят за то, что мы здесь осмелимся рассказать, сколь спокойно этот последний придет к власти сразу после того, как в заключение этого процесса истребление обвиняемых послужит сигналом к резне друзей свободы во всех частях Республики. Чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть еще несколько абзацев выданных в Вероне полномочий.

Один из защитников (Гишар) посмел выступить со следующим гнусным и отвратительным предсказанием:

«*Республиканское правление само себя уничтожит, для этого не понадобится никакого потрясения, никаких усилий, никакой революции*... В соответствии с системой, которой придерживаются агенты претендента... Конституция 1795 года имеет лишь один существенный порок: они хотели бы только, чтобы исполнительная власть была более концентрированной, чтобы пять директоров были сведены к одному, а конституция им подходит. Зако-

нодательная власть, административные учреждения, судебная власть — все, за исключением исполнительной власти, они находят хорошо организованным. И, следуя этой системе, они не только согласны с тем, чтобы имели место выборы, но они хотят им благоприятствовать. Они хотят направить их так, чтобы народ призывал к выполнению государственных функций только честных, образованных и добродетельных людей. Они хотят, чтобы хорошие законодатели, хорошие администраторы, хорошие судьи способствовали восстановлению спокойствия, порядка и благоденствия среди своих сограждан».

Замечали ли вы, как точно и как быстро исполняется предсказание? Республиканское правление само себя уничтожит, без потрясений, без усилий, без революции!.. О боги! Вот до чего мы дошли... Мы дошли до того, что защитники посланцев короля могут произносить такие кощунственные речи в судах! Это и есть причина того, что нас арестовали, нас, решивших публично исповедовать нашу преданность самым чистым народным принципам. И поэтому же агенты короля спасаются тем, что выражают желание, «чтобы републиканское правление само себя уничтожило»: Именно поэтому хотят, чтобы мы погибли, мы, осмелившиеся противостоять им и сопротивляться тому, «чтобы республиканское правление само себя уничтожило...». В этом наше преступление, поэтому мы посажены на скамью подсудимых, это тот грех, который мы должны быть готовы искупить... Сколь сладкою была бы нам кара! Если бы мы не видели, что за нами придет черед всех, кто свершил революцию, огромного множества республиканцев, даже части тех, кто вынесет нам приговор!! Угодно ли вам знать, каким образом будут восстанавливаться та тишина, то спокойствие и то благоденствие, которые революция изгнала из Франции, и каким образом будет исправлен существенный порок конституции 1795 года, необдуманно создавшей ПЯТЬ ДИРЕКТОРОВ вместо одного? Во-первых, путем избрания возможно лучших, т. е. путем избрания сторонников системы одного директора вместо пятерых. Это предрек защитник Гишар, а его коллега Лебон, выступая в защиту Бротье, высказался еще более ясно:

«Гражданская война лишь усилила в сердцах французов ненависть к трону. С этой стороны все ресурсы короля Людовика XVIII были исчерпаны. Поэтому он мог надеяться только на пересмотр конституции, право на каковой народ себе оговорил. Вот что объясняет нам этот призыв к его агентам внимательно следить за тем, что происходит в первичных собраниях, убеждать земледельцев, почтенных людей, участвовать в них».

О, королю не на что жаловаться!.. За очень малыми исключениями (конечно, таковые еще бывают) его агенты хорошо послужили ему в первичных собраниях. Видно, что у него их было немало и помимо тех, кто был привлечен к суду Воен-

ного совета! Выборы были столь превосходны, что он имеет полное основание ожидать вскоре пересмотра единственной статьи, которая его шокирует в конституции 1795 года, особенно если в этом суде сумеют избавиться от демагогов, осмелившихся еще год тому назад предупреждать о наступлении того сладостного будущего, о котором ныне он с полным основанием мечтает... от тех демагогов, которых тем важнее устранить, что у них могло бы еще хватить дерзости помешать его успехам...

Голос короля доходит до нас как прямо из его уст, так и через его эмиссаров и их защитников. У них единый язык. Послушайте, как говорит сам Людовик XVIII в своей прокламации к французам. Затем вы убедитесь, что французы из той касты, что теперь господствует повсюду, не остались глухими к его призыву:

«Направляйте предстоящие выборы так, чтобы избранными оказались почтенные люди, друзья порядка и мира, неспособные запятнать достоинство французского имени, чьи добродетели, знания и мужество могут нам помочь вернуть наш народ к благоденствию. Обеспечьте награды, равноценные оказанным ими услугам, военным всех чинов, членам всех административных органов, которые будут способствовать восстановлению религии, законов и законной власти».

Увы! О Республика! Ты видишь, что его величество уже царствует. Только его власти оказывается уважение, только его имя окружено почетом, царство его существует среди нас. Принятая с энтузиазмом, эта прокламация произвела самое что ни на есть благоприятное действие. Выборы присоединяют к добродетелям и знаниям мужество, требующееся для того, чтобы помочь наследнику стольких королей отвоевать законную власть!!!

Дюверн де Прель сказал также в своей защитительной речи:

«Мы были убеждены в том, что исполнительная власть недостаточно концентрированна, что ей необходим единоличный руководитель, а не пять... Нам казалось, что в государстве, столь обширном, как Франция, правление должно быть доверено одному человеку и что этим человеком мог бы стать Людовик XVIII, имеющий притязаний более, чем кто-либо другой».

Это предсказание исполнится. Оно исполнится в скором времени. Тарквиний так удачно выступил со своею прокламацией, выборы так точно были направлены на лучших его друзей, что он может быть уверен, что совершит свое возвращение в Рим тем самым путем и способом, который подробно описал его полномочный представитель Дюверн де Прель:

«Периодическое обновление Законодательного корпуса есть средство, указанное мной как пробный камень нового правления. Законодательный корпус может в любое время предложить концентрацию исполнительной власти, ту концентрацию, которой, на мой взгляд, одной только и недостает новой Консти-

туции, чтобы стать самой совершенной конституцией в Европе... Такая система позволит сберечь французскую кровь, поскольку может случиться, что на основании единственного акта Законодательного корпуса и путем изменения всего лишь одного из новых учреждений новая Конституция обретет ту силу, которой, я полагаю, ей недостает, и Франции будут возвращены мир и благоденствие».

Итак, выражается надежда, что новый сенат, состоящий из почтенных людей, друзей порядка и мира, одаренных добродетелями, знаниями и мужеством, в соответствии с волею и указанием Людовика XVIII издаст возможно скорее тот единственный акт, который, КОНЦЕНТРИРУЯ исполнительную власть, даст конституции 1795 года ту степень совершенства, которая сведет к нулю все наши волнения, наши жертвы, труды, нашу кровь, пролитую за свободу с 1789 года.

И они надеются, что все это будет совершено без потрясений, без усилий, без Революции!..

Однако при этом не отказываются от пролития некоторого количества крови, если сие способствует упрочению ступеней трона. Его Величество заявил в своей прокламации:

«Если бы понадобилось прибегнуть к силе оружия, пользуйтесь этим жестоким средством лишь в самом крайнем случае и только для оказания справедливой и необходимой поддержки».

А его эмиссар Дюверн в своей защитительной речи сказал:

«Мой план был одобрен. Но Людовик XVIII заметил, что, возможно, пока мы будем следовать нашей мирной системе, какие-то группировки попытаются силой свергнуть правительство; он призвал меня и моего коллегу Бротье приложить все силы, чтобы знать обо всех происходящих движениях, и сделать так, чтобы либо обернуть нам на пользу те усилия, которые ими могут быть предприняты, либо парализовать их, если эти усилия будут направлены к выдвижению вместо него другого государя».

Иначе говоря, в то время как республиканцы следили за действиями роялистов, последние делали то же в отношении республиканцев, каждая из этих партий выжидала, чтобы противная партия открыла сражение. Обстоятельства сложились так, что оно так и не состоялось. Но тот результат, которого могли желать противники, оказался полностью в пользу роялизма. Роялисты получили серьезные основания надеяться, что вскоре «республиканское правление само себя уничтожит» и что на его развалинах будет восстановлен капетингский идол, без потрясений, без усилий и без революции!

И за то, что они хотели воспрепятствовать этому уничтожению республиканской системы, за то, что они не хотели его и нашего падения, правительство подвергло преследованиям и отправило в этот зал суда всех, кто случайно попался как предполагаемый участник этого события!.. Сколь странное ослепление! Однако следует ли этому удивляться? Те, кто плел заговор

против Республики и всех республиканцев, сумели с присущими им ловкостью и коварством окружить правителей кривыми зеркалами, благодаря которым они в них видели подлинных друзей, ибо они им льстили, чтобы получить возможность удушить их, а пламенные защитники родины представлялись чудовищами, ибо они говорили жестокую правду, чтобы раскрыть им глаза и показать им, что они губили себя и народ, отрываясь от него... Заблуждение правительства было столь глубоко, что оно, не отдавая себе в том отчета, помогало мерам, предпринятым теми, кто действительно плел заговор против него и против Республики, и обращалось как с заговорщиками с теми, кто стремился сохранить свободу, освобождая его от пагубного колдовства, под действием коего оно находилось. Вот почему в документах флореальского процесса, хотя они направлены главным образом против роялизма, можно довольно часто найти нападки и на правительство; ведь все его акты создавали впечатление, что оно идет в ногу с теми, чьи гнусные интриги Общество демократов считало своей задачей сорвать. Но если внимательно всмотреться, можно разглядеть, однако, что жалобы на правительство не были на первом плане. Я сейчас покажу, что эти жалобы были действительно основаны на том печальном факте, что правители не только не замечали заговоров Людовика XVIII, которые видели все искренние друзья Свободы, не только не помогали избежать пагубных результатов этих заговоров, но и обманывались до такой степени, что поддавались тем внушениям, которые могли обеспечить успех стремлений всех рабов этого мнимого короля.

На стр. 92 первого тома мы находим следующий план Варфоломеевской ночи для республиканцев.

Государственные обвинители не сочли нужным упоминать его в своих многочисленных выступлениях.

(Документ № 16 из 7-й связки). Важное сообщение, подлежащее распространению среди патриотов: «Более чем вероятно, что в Париже в настоящее время есть много мастерских, в которых производят кинжалы.

Для какой цели они предназначаются?

Конечно, для проведения Варфоломеевской ночи против патриотов.

Кроме того, известно, что большое количество обмундирования для волонтеров производится не в мастерских Республики.

Как будет использовано это обмундирование? Для организации ложных патрулей, которые под покровом ночи и под предлогом обыска на дому будут проникать к наиболее известным патриотам и закалывать их прямо у них дома.

В ближайшие дни должен выйти очень строгий закон, по видимости направленный против эмигрантов и священников, в силу которого правительство распорядится о производстве домашних обысков.

Но в действительности единственной целью этих обысков будет нанести удар патриотам, убивать их в собственных домах.

Какое решение следует принять патриотам, дабы ускользнуть от ножа убийц?

1. Не оставаться на улицах в слишком поздние часы, тем более ночью.

2. От захода и до восхода солнца запирать двери своего дома на хорошие крепкие засовы, даже баррикадируя их.

3. Ночью не открывать никому и ни под каким предлогом, особенно если этого будут требовать именем закона; ибо убийцы собираются проникать к патриотам как раз именем закона.

Следует заметить, что нынешняя конституция провозглашает неприкосновенность жилища любого гражданина в ночное время, за исключением случаев, когда в нем возникает пожар, совершается преступление или нарушается общественный порядок.

Следовательно, любая попытка войти ночью к гражданину, в чьем жилище не происходит ничего, подпадающего под названные три случая, является незаконной и неконституционной.

Следовательно, долг каждого патриота — ссылаться на закон и на конституцию, дабы не быть зарезанным во имя закона и конституции».

Жесточайший замысел, но считать ли его неправдоподобным? .. Не был ли он скорее, как гласит первая строка сообщения, более чем вероятным?.. Как он совпадает с описанием роялистского плана, детали которого мы видели! Это производство кинжалов и обмундирования — разве оно не тождественно тому, что мы там видели? Не второй ли раз мы с ними встречаемся? И когда мы это сопоставляем с сообщениями, приходившими тогда с Юга; когда страшная резня в Лионе, Марселе, совершавшаяся среди бела дня совершенно безнаказанно, под покровительством, так сказать, должностных лиц, достойных подручных всяких Инаров, Кадруа, Шамбонов, Мариэттов, Роверов, Журданов... когда избиение было организованным, кровь республиканцев лилась широкими потоками, Варфоломеевская ночь не прекращалась в этих злосчастных краях, траурный креп покрывал их целиком; когда друзья свободы, преследуемые беглецы, тщетно пытаясь найти убежище в самых глухих лесах, в логовах диких зверей, наталкивались там на людей. более жестоких, чем эти звери, притаившихся, чтобы растерзать их; когда было известно, что этими зверствами руководили страшные люди, которых я только что назвал и которые даже не сочли нужным оспаривать всенародную молву, ежедневно в двух десятках газет обвинявшую их в подобных делах... когда было известно, что эти же люди являются заправилами королевского клуба Клиши, чьими наемниками были члены когорт Солнца и Иисуса, следовавшие исключительно указаниям этого человекоубийственного Совета... [*прерывают*]; когда все это было известно, трудно ли было убедиться в реальном существовании

плана, подобного тому, о котором, как я только что показал, сделано было серьезное сообщение? Разве не должны были совершенно естественно возникнуть следующие соображения?..

[*В этом месте защитительной речи Бабеф был лишен слова*] [65].

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Граждане присяжные!

Вчера суд потребовал, чтобы я был более сдержанным в своей речи; он утверждал, что она заключала в себе вещи, не относящиеся к моей защите. Он велел мне выправить ее и ограничить, с тем чтобы иметь возможность сегодня ее закончить. Я не могу и не хочу оказывать сопротивление Верховному суду. Для нас его решения безапелляционны, и нам остается только подчиняться им.

Итак, я постарался ужать мою речь постольку, поскольку я способен составить себе верное представление о том, что может не слишком шокировать моих судей. Мне пришлось также сократить как свое собственное оправдание, так и защиту общего дела до такой степени, чтобы они не вышли за пределы сегодняшнего заседания.

Я читал во всех хороших книгах, а равно и в книге естественного разума, что мудрость в том, чтобы покоряться неизбежному, так же как и любой силе, против которой напрасно было бы восставать.

Я могу продолжить свою защиту с того места, где вчера я был остановлен, я могу вернуть вас на ту дорогу, по которой я должен следовать, только если я напомню точку отправления и суть вопроса, который я здесь излагаю... Я извлек из самих документов так называемого флореальского заговора доказательства того, что в действительности в то время существовал заговор Людовика XVIII. С этими доказательствами я сопоставил те, что дал нам судебный процесс над эмиссарами этого кандидата в короли, — тесное и наглядное совпадение этих новых доказательств с первыми я отметил. Дальше я сказал, что приобретение флореальским клубом информации о роялистском заговоре и было тем решительным толчком, который побудил его создать Общество демократов, чтобы вести борьбу с агентами претендента. Я сказал, что и правительство дало возможность ввести себя в заблуждение уловками сторонников королевской клики до такой степени, что последовало всем их наговорам против лучших защитников Республики. После этого я процитировал страшное сообщение о намерении провести Варфоломеевскую ночь против патриотов, содержащееся на стр. 92 первого тома (документ № 16, связка 7-я), и показал, что крайне участившиеся на Юге и не вызывающие ни малейших сомнений случаи массовых и безнаказанных убийств, совершаемых так называемыми когортами Солнца и Иисуса, делают существование

такого намерения весьма вероятным. Я говорил, что все эти ужасы, эта перманентная Варфоломеевская ночь на Юге придают самое большое правдоподобие сообщению о проекте проведения в ближайшее время в Париже Варфоломеевской ночи против патриотов и что это должно особенно тревожить, особенно насторожить тех, кто не равнодушен к судьбе республиканцев: все это представлялось мне тесно связанным с выявлением причин, побудивших Общество демократов принять все меры для раскрытия столь мрачных замыслов.

В этом месте меня прервали, как потому, что сочли, что я вышел за рамки моей защиты, так и потому, что, по-видимому, сочли себя задетыми тем, что я назвал, в связи с преступлениями, совершенными на Юге, людей, хотя и сохраняющих высокие посты представителей французского народа, тем не менее ежедневно совершенно открыто обвиняемых в десятках газет. Я согласен не называть их более, не говорить о них, хотя, когда я их называл, я отнюдь не имел в виду выступать против прежнего представительства и клеветать на него. Точно так же я отнюдь не имел в виду клеветать на народ, на первичные собрания и на новых представителей, когда я сказал — а это тоже относится к моей защите, — что друзья Людовика XVIII приложили все усилия к тому, чтобы выполнить его намерения, изложенные в прокламации и инструкциях эмиссарам, относительно руководства выборами на первичных собраниях. Я глубоко убежден в том, что первичные собрания, несмотря на все способы оказывать влияние, которыми располагали сторонники претендента, сделали все же достаточное количество выборов, способных разбить его надежды, помешать тому, чтобы, говоря словами защитника его первого агента Дюверна де Преля, «республиканское правительство уничтожило само себя без потрясений, усилий или революций»; чтобы помешать также осуществлению их желания, столь открыто, столь наивно выраженного этими господами, их желания, чтобы был издан декрет, который бы исправил «основной порок» конституции 1795 года, который сделал бы ее самой совершенной конституцией Европы; декрет, называемый ими «концентрирующим» исполнительную власть и «сводящим» пять директоров к одному. Я глубоко убежден в том, что Республику отстоят те из избранников народа, которые были избраны в местах, где народ имел возможность осуществить свой подлинный суверенитет, те из избранников народа, которых еще ранее почтили, признали достойными его доверия на различных высоких постах, к коим он их призвал. Это не значит клеветать на народ или на тех, кто достоин его представлять, и никто не поверит, что я способен клеветать на них. Но никто не помешает мне верить тому, что я все еще читаю в газетах каждый день, тому, что я был прав год назад и другие проницательные республиканцы тоже были правы, когда верили в существование роялистского заговора и опасались его, что и сегодня они правы, опасаясь его, считая его очевид-

ным, когда те же газеты свидетельствуют, что народ (на который я не клевещу) был изгнан из многих первичных собраний, был лишен своего священнейшего права, вследствие чего во многих случаях выборы отвечали желаниям короля Людовика XVIII... Это составляет тоже часть моей защиты, ибо вчерашнее постановление было новым пунктом обвинения. Полагаю, что я по нему достаточно оправдался.

Итак, я продолжаю свою защиту в связи с флореальским процессом.

Я воздержусь от упоминания некоторых людей, поскольку этого не хотят, но мне все же придется говорить о некоторых вещах. Я остановился на тех справедливых опасениях, на той острой тревоге, которые должно было вызвать у Общества демократов сообщение о проекте проведения Варфоломеевской ночи против патриотов и о влиянии, оказанном этими опасениями на их действия, на их последующие решения. Вчера, заканчивая свою речь, я сказал, что совершавшиеся на Юге ужасы, избиения и преступления, а также активная деятельность монархистов в Париже и известные средства, коими располагали их главные сборища, — все это делало в глазах демократов весьма правдоподобным существование реального намерения осуществить указанный замысел. Я хотел, кроме этого, сказать, что у них естественно должны были возникнуть следующие соображения.

До сего дня Париж не видел зверств, подобных тем, которые обрушились на несчастные южные коммуны. Между тем Париж — очаг кровожадной контрреволюции! Париж — место пребывания организаторов всех злодеяний, чинимых в Республике! Париж — это цель всех их самых крупных посягательств! Париж — в их глазах самое преступное место во Франции! Они мечтают о том, что когда-нибудь путешественник с недоумением будет спрашивать, «на каком берегу Сены находился этот город» [66]! Париж кишел в то время исполнителями варварских желаний орды ненавистников народа... на его улицах всюду были видны лица, костюмы, угрожающая наглость головорезов, родных братьев молодчиков из Марселя и Лиона... было видно, что в любой момент они ожидали рокового сигнала!!.. Разве не следовало думать, что Парижу лишь потому выделили роль последней жертвы смертельных ударов, чтобы совершить еще более чудовищную расправу, чтобы явить более страшный пример и дать сигнал всем контрреволюционерам Республики, чтобы одним ударом поразить всех, кто более всего способствовал ее созданию и ее защите? Неужто, зная о намерениях вызвать в ближайшее время такие события, следовало сохранять холодное спокойствие? Неужто следовало сказать: «Ладно, пусть нас варфоломеизируют...». Должно ли такое евангельское смирение стать уделом энергичных республиканцев? И если возвести его в первейшую добродетель и в долг, то кто отстоит Республику?..

Но справедливо ли было предполагать, что правительство замешано в пагубных планах врагов отечества? Что же! Разве мы не видим в прочтенном мною важном сообщении проект закона об обысках на дому — верный способ помочь совершению того страшного преступления, о котором возвещено в проекте? А разве не было известно, что такой закон действительно был предложен в конце жерминаля IV года? А разве не было известно, что среди членов клуба Клиши насчитывалось 300 членов Советов? А разве не видели мы ранее, как принимались декреты, предложенные и составленные в духе, угодном заправилам этого опасного сборища, поставившего патриотов и свободу перед угрозой трагической развязки, об ужасных последствиях которой нельзя думать без дрожи. . .

Опять-таки вследствие того, что правительство было завлечено на путь мер, способствующих победе Людовика XVIII, оно оказалось втянутым в другой заговор, не удавшийся потому, что он был вовремя разоблачен республиканцами и сорван ими посредством предания его гласности. Он был не менее отвратительным, чем первый, а государственные обвинители тоже обошли его молчанием. Вот он, такой, каким он описан на стр. 127 второго тома, документ № 7, связка 19-я:

«Макиавеллизм наших врагов породил следующий проект: около 40 женщин соберутся в указанном месте. Они будут громко кричать о скупщиках и спекулянтах, будут говорить о том, что эти люди давно уже морят народ голодом и будет справедливо, чтобы они по доброй воле или по принуждению отдали свои запасы; *эти женщины распалят своих слушателей, станут подстрекать их к действиям* и в конце концов дадут выход негодованию, силой ворвавшись к нескольким торговцам. Специально подобранные для этого люди разойдутся по всему Парижу и будут говорить, что негодяи-якобинцы принялись наконец за исполнение своего ужасного замысла ограбить порядочных людей, добрых граждан. Этот слух получит широкое распространение, будут приняты репрессивные меры. Газеты разнесут по всему Парижу, по всей Республике весть об этом новом преступлении якобинцев, террористов и т. д. Отсюда — негодование против них, их обоснованное преследование и, короче, полное уничтожение этих ужасных людей».

Разве не очевидно, что здесь перед нами одно из великих изобретений министерского гения Кошона? Это первая попытка применения его теории заговоров. Мы видим, что еще до 21 флореаля мечтали о способах создания больших заговоров; в них видели верное средство укрепить положение правительства путем уничтожения всего, что оно рассматривало как противостоящие ему группировки. Можно ли еще сомневаться в существовании подобной политики после того документа, о котором я только что напомнил?

В этом документе имеется все, что мы находим в последующих документах флореаля и гренельского дела. Обдумываются

способы придания достаточной правдоподобности действиям, которые собираются инкриминировать. Принимаются меры к тому, чтобы люди, которых толкнут на выступление, не ушли от ареста. И, наконец, добиваются укрепления собственной власти путем устрашения масс, путем доведения до сознания всех и каждого, что малейшее выступление против господствующих принципов может поставить их в положение заговорщиков.

Вот из чего еще могла, как я подозреваю, вырасти идея гренельской западни. В документе № 6 из 20-й связки, на стр. 146 второго тома, я читаю: «В группах есть также и военные. Они там громко выступают в защиту принципов равенства и независимости. Вчера (5 флореаля) трое волонтеров, очень возбужденные, говорили: пусть только в наш Гренельский лагерь придут от имени народа хотя бы четыре депутата, и весь лагерь пойдет вместе с ними, чтобы сбросить гнетущее нас ярмо...».

Сколь сходны эти провокации с теми, что спустя некоторое время привели к смерти стольких честных отцов семейств, великодушных и чрезмерно доверчивых граждан, которых выдали на произвол рубакам Мало[67] и живодерам гнусной и навеки проклятой комиссии Тампля!

О эти Гризели, Роменвилли (ибо роль, сыгранная здесь последним и другими вместе с ним, отнюдь не устранила той ужасной правды, которая ставит его в первый ряд новоявленных Тигиллинов), эти Роменвилли, Гризели существуют не со вчерашнего дня, и на жалованье у правительства они находятся не с тех только пор, когда стали известны подвиги, совершенные ими для него. Не исключено, что я или кто-либо другой установим когда-нибудь полный объем их достойных трудов, совершенных прежде тех, о коих стало известно. Сейчас мы не будем на этом останавливаться. Отметим только, что эти бравые люди не одни занимались подобными деликатными делами. Мы покажем, кто были их сотрудники, справлявшиеся с этими делами с не меньшей честью и умом, чем они сами. Прочтемте следующее сообщение, напечатанное под датой 24 жерминаля на стр. 102 второго тома:

«Некий П р у, сержант 4-й роты 2-го батальона полицейского легиона, расположенного в казармах в Куртий, должен быть отмечен как а к т и в н е й ш и й ш п и о н п р а в и т е л ь с т в а, использующий всякого рода маскировку, время от времени ночующий в кордегардиях, чтобы знать, что говорят за или против правительства. Главные места его прогулок — Пале-Рояль, Тюильри и Бульвары... И в других воинских соединениях встречаются подобные субъекты...».

Таким-то образом доносительство, гризелизм были организованы всюду. Если вам угодно иметь новые доказательства, читайте на стр. 245 первого тома начало документа № 3 из 10-й связки:

«Центральное бюро приказало... установить наблюдение в кафе Будрэ и Кретьена[68], в кафе на улице Тома и у Порт-

Оноре, наконец, во всех кафе патриотов, причем строжайшим образом, и даже стараться по возможности подкупить террористов или по крайней мере подослать в каждое из этих кафе людей, способных играть роль террористов. . .».

Судебное разбирательство выявило также личность некоего капитана Пеша из полицейского легиона, который будоражил республиканцев, призывал их к восстанию, предлагал им 300 ружей, говорил им однажды вечером, что ему доверена охрана Люксембургского дворца и что он сдаст его им, если они готовы воспользоваться таким преимуществом. Имя этого человека было включено в постановление Директории об аресте всех, кто оставался на свободе 21 флореаля, а спустя несколько дней он уже караулил нас со своей ротой в тюрьмах Аббатства и Тампля! Комментарии здесь излишни. . .

А роль этого генерала Ганье, неужто она ускользнула от внимания присяжных, неужто мы не должны сопоставить ее с другими обстоятельствами? Это он поставлял, хотя его об этом не просили, военные планы осуществления некоего заговора. Их видели, я показал их во всей их красе. Вы, вероятно, заметили, что там не было недостатка в крайних и истребительных мерах. . . Между тем всю ответственность хотят возложить на тех, кому он послал эти планы. А их автор не обвиняется, и не было даже издано постановление о его аресте, чем был удивлен, по крайней мере с виду, даже гражданин Вьейар!

Все свидетельствует о том, что старались спровоцировать какое-нибудь народное движение, которое хотели использовать против народа и в котором нуждались для того, чтобы окончательно народ сразить, подавить остаток его энергии. Роялизму удалось убедить нынешнее правительство, что в этом — единственная гарантия его укрепления, между тем как сами роялисты видели в этом путь к своему торжеству. То намекали демократам, что какие-то видные члены правительства готовы возглавить движение, то внушали, что целая партия, опытная и искусная в деле революций, словом партия Термидора, сожалея о бедствиях, вызванных реакцией, причину которых она осознала, хочет исправить совершенное зло, оказав народу помощь в отвоевании его первоначальной славы. Вот что доказывает наличие таких инсинуаций.

На стр. 296 первого тома, документ № 8, связка 11-я, читаем:

«Одного патриота спрашивали, видал ли он Россиньоля[69], добавляя, что хотели ему передать добрые вести от Тальена. Говоривший это человек, имени которого я не знаю, сказал ему: ты не посторонний, ты патриот. Нужно, чтобы через несколько дней произошел взрыв. Нужно, чтобы ударили в набат. Я ищу Россиньоля, чтобы ввести его в курс дел. . .».

На стр. 194, том второй, документ № 8, связка 22-я:

«Сегодня утром один гражданин пришел сказать мне, что обнаружено, откуда исходила ложная тревога в последний день прошлой декады (10 флореаля); что ее создали термидорианцы;

но что известен и их комитет, и кого из генералов они избрали: это генерал Дютертр».

Мимоходом замечу, что здесь речь идет о выступлении полицейского легиона около 10 флореаля, которое приписывается деятельности тайного Комитета термидорианцев; что эти сведения замечательным образом свидетельствуют в пользу демократов, которым, пожалуй, с меньшим основанием приписывали эти действия. Это по крайней мере должно показать людям, призванным судить об этом важном деле на основании непроверенных фактов, имеющих, однако, такое большое значение, сколь осторожными, сколь недоверчивыми они должны быть, прежде чем позволить себе вынести решение. Нет ничего более неясного, нежели вопрос о зачинщиках волнений в полицейском легионе, вызывающий здесь столь большой интерес.

Однако вернемся к существу дела. Как мы только что видели, можно было прийти к заключению, что все партии находились в состоянии брожения, ожидая какой-то перемены политического строя, и каждая надеялась ею воспользоваться. Рассчитывали на то, что распространение таких мнений побудит демократов и народ двинуться вперед и постараться повернуть ход событий в пользу большинства, которое постоянно оказывалось обманутым в результате великих событий прошлых лет.

И в силу еще более утонченного макиавеллизма задавались целью делать все возможное, чтобы довести до предела недовольство правительством, чьим именем свершались действия, которые изображали его превзошедшим любого деспота в презрении и ненависти к народу. Есть в томах обвинения один документ, в коем это выражено особенно ярко. Он находится на стр. 131 первого тома, документ № 32, связка 6-я. Это речь, которую произнес командир 2-го батальона полицейского легиона, 1-й полубригады, расположенной в Куртий. Небесполезно воспроизвести ее здесь полностью:

«Товарищи, я с болью узнал, что вчера некоторые легионеры имели низость смешиваться со скоплениями черни; там они позволяли себе заверять присутствующих, что предпочитают погибнуть от руки народа, чем выступить с оружием за правительство против народа.

Эти гнусные речи, эти чувства, достойные простонародья 93-го года, были доведены до сведения главнокомандующего. Выполняя свой долг, я взял на себя вашу защиту и заверил его, что это могло быть только делом нескольких интриганов, которые, прикрывшись нашим обмундированием, держали подобные речи. Товарищи, вас обманывают относительно нынешнего положения вещей. Помните, что ваше существование зависит от существования правительства. Если правительство будет свергнуто, вы останетесь без начальников, как стадо баранов. Какой позор для вас! .. Товарищи, доверяйте вашим начальникам. Под руководством наших командиров будем вести борьбу с анархистами и роялистами. От этого зависит спасение Республики. Без этого

все погибнет; клики, связанные с иностранными державами, с Орлеаном, с Капетами, будут драться между собой за трон, а вы, сами того не зная, послужите ступенькою узурпатору, который явится, чтобы командовать вами в качестве повелителя, деспота... Тогда уже поздно будет жаловаться на ошибку, в которую вас вовлекли чувства неуместной жалости к народу, вас предавшему, к народу, который хочет короля. Вы придете в негодование от того, что дали себя обмануть. Вы снова ударитесь в Революцию. Тогда как, если вы поддержите правительство, конституция укрепится, народ вернется к порядку, вы вернетесь к своим очагам, покрытые лаврами победы, под аплодисменты всех друзей порядка и законов.

Товарищи, хорошенько подумайте, ведь народ кричит о голоде только ради того, чтобы бунтовать против нынешнего правительства, чтобы вернее предать вас какому-нибудь королю, чтобы сбросить на вас одних все ужасы войны, чтобы иметь возможность обвинить вас перед лицом тирана, которого он себе изберет, как единственных виновников бедствий, опустошавших Францию во время Революции... Да, солдаты, таково будущее, которое этот подлый и варварский народ вам уготовил. Смотрите, как он без конца яростно обрушивается на правительство, прилагающее все усилия к тому, чтобы снабдить его хлебом. Смотрите, как он заранее дискредитирует мандаты, которые еще и не существуют. Послушайте, как он ропщет на заслуженное увеличение жалованья, дарованное вам недавно Законодательным корпусом, чтобы сделать для вас доступными некоторые радости жизни. Разве это не подлинные негодяи, эти люди, которые так клевещут на правительство, которые мешают действию конституции, которые вас презирают? Они хорошо знают, эти разбойники, эти анархисты, что правительство делает все возможное, чтобы этот великий город был всегда хорошо снабжен, и что только его бдительности мы обязаны тем, что сюда поступают в изобилии все продукты питания. Итак, я убежден, как это сказал и главнокомандующий, что полицейский легион станет примером для остальных войск и что он выполнит свой долг, когда этого потребуют от него. Да здравствует Республика!»

Какие чувства должны были вызвать подобные речи у людей, любящих народ, уважающих его достоинство, его суверенитет и его добродетели! Что же это? Выходит, что только правительство гарантирует народу, несмотря на все его разложение, ту Республику, которую народ завоевал семью годами мужества и трудов! Народ требует короля! Именем правительства народ оскорбляют самыми гнусными словами! Прилагаются усилия к тому, чтобы вызвать у солдат ненависть к народу, посеять самые отвратительные раздоры в великой семье французов. Кто не возмутился бы при виде столь глубокой извращенности? Кто мог бы остаться холодным и бесстрастным зрителем такого бесстыдства, такой безнравственности?

С другой стороны, перенеся взор на другой угол обширной картины нашего политического положения, мы начинаем понимать, что нашим армиям угрожают величайшие опасности вследствие если не измены, неопытности и беспечности, то по меньшей мере плачевной растерянности, в которую роялизм вверг Директорию. Вот предсказание, относящееся к армии Самбры и Мезы, и это предсказание сбылось буквально и в момент, указанный лицом, передавшим его.

На стр. 220 тома второго читаем:

«Вот копия письма от Дюэма, датированного из Лаэ 26 жерминаля.

„Меня не удивляет, что заправилы Термидора раскаиваются в данных ими обещаниях. Если они любят свою родину, то впоследствии, когда они увидят, как одновременно раскроются все предательства, у них будет гораздо больше оснований раскаиваться, ибо все, что я вижу и слышу, не позволяет мне сомневаться в том, что армия Журдана будет предана в этой кампании; его ненавидят „правые“, и особенно здесь, в... где обожают только Пишегрю и где восхваляют Ушара [70], Кюстина [71] и других предателей. До чего мы дошли? О Родина! О Свобода! О Народ! Думаю, он и сам должен знать обо всем, что происходит, поскольку он часто обедает у посла Франции, Ноэля, и со штабом французской армии“».

Довольно странно, что за это предсказание, в точности сбывшееся, его автор, служивший в этой армии Журдана, был уволен.

Такова, граждане присяжные, та масса фактов, которая должна была безоговорочно доказать всем подлинным друзьям Республики, что правительство, ослепленное жесточайшими врагами, поборниками гнусной монархии, вместо того чтобы пресечь их заговорщические происки, вместо того чтобы применить к ним спасительные репрессивные меры, делало как будто все, чтобы им помочь, и результаты каждого его шага должны были в конечном счете принести коварным монархистам полную победу над существующей властью. В нарисованной мною выше картине изображены заговоры, отвратительные засады и провокации, пагубные и раздражающие меры... кто мог быть доволен после всего этого? Я счел долгом обратить ваше внимание на эти особые обстоятельства, дабы предостеречь вас от некоторых выводов, которые вы могли бы сделать из кое-каких характерных черт переписки «Общества демократов». Хотя я и установил, что его основной целью было только следить за роялистскими заговорами и сопротивляться их осуществлению, я почувствовал, что вы, однако, могли бы обратить внимание на некоторые резкие выпады против нынешнего правительства и что вы могли бы подумать, что ненависть к нему была столь же сильной, как ненависть к королю и его поборникам. Конечно, некоторая доля ненависти была направлена и против правительства. Но это было вызвано лишь тем, что все его действия заставляли думать, будто

оно находится в полном согласии с теми, кто стремился свергнуть его и Республику. Если же отвлечься от этого обстоятельства, то злобу питали только к рабам Людовика XVIII. Если бы правительство проявило решимость отразить их усилия совместно с народом, а также с основателями и постоянными защитниками свободы, то этим правительством были бы довольны. Но им не были довольны, потому что оно угнетало одних и оказывало другим открытую поддержку, которая, даже если была только плодом непредусмотрительности, могла вскоре привести Родину на край гибели. Раз правительство по своей слабости и снисхождению к роялизму ставило Республику под угрозу; раз роялисты, готовясь нанести ему удар, имели основания быть ему же благодарными за всевозможные облегчения, которые были им предоставлены, то искренние патриоты, чистые демократы не могли его за это благословлять. Этим до некоторой степени объясняются выражения недовольства в отношении правительства, встречающиеся в письмах разных корреспондентов Общества, которое это правительство обвиняет в заговорщической деятельности. Мне кажется также, что не было преступлением дать понять, что если правительство позволит тем, кому оно оказало столько снисхождения, вырвать из его рук кормило правления, то дозволительно будет сражаться за то, чтобы вернуть его народу, используя все меры, принятые в предвидении такого события...

Я сейчас сделаю общий обзор всей корреспонденции из различных округов Парижа и покажу, какой получается результат.

В той инструкции, которую Общество демократов выработало взамен прежней, оставшейся в виде простого проекта, подписанного Директорией общественного спасения, миссия корреспондентов была сведена к тому, чтобы «оживлять настроения народа в духе демократии, дабы нейтрализовать роялистские настроения, которым пытались обеспечить преобладание; облегчить ради этой цели распространение газет, внушающих любовь к народу и к его правам, способность чувствовать его страдания и желание облегчить их; наблюдать за успехами осведомленного таким образом общественного мнения и сообщать об этом; наблюдать одновременно за настроениями контрреволюционеров и сопоставлять их с настроениями республиканцев; следить за намерениями роялистов и информировать об их действиях, направленных к полному низвержению Республики; наконец, собирать сведения, чтобы дать народу возможность защищаться в случае нападения с их стороны».

Письма корреспондентов точно соответствуют этим указаниям.

По ранее приведенным мной многочисленным выдержкам из них мы видели, что они всегда выражают крайнее недоверие и глубокую ненависть ко всем разновидностям роялизма, сообщают результаты активного наблюдения за ним, а также содержат самые серьезные сведения о мерах, с помощью которых он, по-видимому, готовился в любой день похоронить остатки свободы.

Эти письма — как бы термометр, ежедневно показывающий температуру народного сознания. Они предупреждают о том, чего можно ожидать от народа в случае, если влиятельные заговорщики из руководства клуба Клиши и их бесчисленные сторонники спровоцируют тот взрыв, который многие не только предвидят, но и считают неизбежным, решительным и скорым.

И так как все говорит о том, что необходимо немедленно оказать сопротивление, корреспонденты спешат доставить сведения, требующиеся в подобных обстоятельствах. Их пылкое рвение, пожалуй, часто уносит их за пределы, указанные им Центральным Обществом демократов. Будучи вынуждены торопиться, они не всегда взвешивали свои возражения, не всегда тщательно следили за точностью доставляемых ими сведений. Некоторые из них доходили до того, что предлагали чрезвычайные меры, которых никто у них не просил, которых вовсе не хотели принять, и поэтому было бы весьма несправедливо возлагать ответственность за подобные предложения на тех, кто не может быть их автором.

Корреспонденты способствовали распространению в обществе правильных идей средствами, указанными им «Обществом демократов».

При виде угрожающих приготовлений роялизма они негодовали по поводу того, что правительство не препятствует или даже как будто помогает ему. Они оплакивали страшные бедствия, ужасную нищету, осаждающую и убивающую народ. Они видели, что на этом крайне бедственном положении и строят свои расчеты враги народа, стремящиеся окончательно его поработить, что они не собираются надолго откладывать последнюю катастрофу и что правительство как будто ничего не видит или так напугано силою Клиши, что не рискует сопротивляться ей. Сначала эти столь важные соображения вызывают проявления самого недвусмысленного недовольства правительством со стороны всех корреспондентов-демократов. Но затем те же соображения побуждают их объединить свои усилия в подготовке некоторых контрмер, которые могли бы спасти народ и от ярости фаланг Людовика XVIII, и от приводящей в отчаяние инертности правительства.

С этой целью они составляют перечни патриотов, на чью энергию можно было бы полагаться в случае нападения, и в то же время рядом они кладут список наиболее решительных защитников той партии, которой они опасаются, чтобы было возможно уравновесить силы обеих партий, чтобы можно было рассчитать, способны ли силы демократов противостоять силам противника и можно ли, стало быть, пойти на риск столкновения.

Очевидно, что такова и была единственная цель этих списков роялистов и контрреволюционеров и вовсе не было, как это утверждают люди, любящие все извращать, намерения превратить их в проскрипционные списки, в подготовку хладнокровных и обдуманных убийств.

Верно, что они крепко выражаются относительно каждого из неустрашимых ревнителей монархии. Но это лишь неотразимое доказательство того, что враждебные намерения были направлены против роялизма.

Корреспонденты дают также сведения, обыкновенные заметки, указывающие места, где народ в случае предполагаемого столкновения или нападения мог бы найти оружие и продовольствие, дабы по крайней мере не дать себя истребить без всякого сопротивления.

Но осталась еще одна трудность, и отнюдь не маловажная. Надлежало сначала захватить оружие, тогда как королевские банды в этом не нуждались, ибо были хорошо вооружены и, следовательно, почти наверняка могли бы оказать сопротивление республиканцам, если бы те что-нибудь захотели предпринять. Вот какая разница между возможностями этих двух партий! А между тем таскают по судам тех, кто заботился лишь о предохранении Республики от опасности, угрожавшей со стороны ее врагов; их таскают по судам из-за простых заметок, указывающих некоторые склады оружия, как если бы они уже действительно владели огромными складами и грозными арсеналами, причем с гораздо менее чистыми намерениями.

Центральная корреспонденция, т. е. переписка Общества демократов выдержана в том же духе. Государственные обвинители очень много говорили о заговорщическом характере этой части документов, подчеркивая, что в некоторых встречаются слова «заговорщики» и «заговор». Конечно, Общество демократов вело заговорщическую деятельность, но, как я уже говорил, против роялизма, готового ринуться на то, что еще оставалось от республиканского строя. Во многих местах в письмах вашего Общества, говорят нам, указывается «правительство», Общество заявляет, что оно действует против правительства... Да, но что под этим разумелось? Напомним о сведениях, недвусмысленно указывающих, что корифеями общества Клиши были наиболее видные люди из обоих законодательных Советов; что за ними следуют, их поддерживают, им помогают в этих мастерских королевской контрреволюции 300 членов тех же Советов; что проходившие в Клиши обсуждения оказывали влияние на все, что делалось в правительстве; что там не только вырабатывались в зародыше все законы, распускавшиеся потом пышным цветом в Совете 500, но и обсуждались и принимались решения по всем актам исполнительной власти, которые затем якобы исходили единственно от Директории; что влияние клишистов было так велико, что они овладевали, по своему усмотрению и не опасаясь никакого сопротивления, всеми отраслями государственного управления как потому, что у них там было множество своих креатур, так и потому, что они обладали возможностью парализовать и заставить молчать всех с ними несогласных: поговаривали даже, что правительство находится только в Клиши и что Клиши сделает контрреволюцию против

всех и вопреки всем. Потому-то Общество демократов, видевшее, как это пресловутое сборище посещают сначала наиболее видные, а затем и многие другие члены самого влиятельного органа государственной власти; видевшее также в этой коалиции опору и главную пружину всей политической машины, стало говорить «правительство» или «вожаки правительства», имея в виду клишистов, ибо в самом деле в них одних оно видело правителей. Я и ныне не знаю, так ли уж оно ошибалось.

Много говорилось о так называемых волнениях в полицейском легионе 9 и 10 флореаля, о волнениях, которые хотели рассматривать как начало осуществления заговора. Остановимся вкратце на объяснениях, данных Жерменом в ходе его показаний. Причины расформирования полицейского легиона во флореале IV года и вызванного этим лихорадочного возбуждения до сих пор покрыты густым туманом. Представление, будто присутствующие здесь так называемые заговорщики были каким-то образом причастны к этому делу, является, пожалуй, самым ложным. Среди обвинительных документов есть один, упоминавшийся уже по другому поводу, — это № 8 из связки 22-й, стр. 194 второго тома, и он с самого начала устраняет такое обвинение:

«Сегодня утром один гражданин сказал мне, что обнаружено, откуда исходила ложная тревога в последний день прошлой декады: что это — дело термидорианцев, но что известен и их комитет, и кого из генералов они избрали; это генерал Дютертр. . .».

Поскольку это сообщение датировано 13 флореаля, последний день декады, о котором упоминается, был 10 флореаля. Упомянутая в нем ложная тревога — это, стало быть, тревога по поводу брожения в полицейском легионе.

Из этого, следовательно, можно было бы сделать вывод, что существовал некий комитет термидорианцев, который подстерегал всякие выступления и уже выбрал генерала и подготовился к тому, чтобы вызвать волнения в войсковых частях. Из этого можно было бы сделать вывод, что восстание в полицейском легионе не было делом Комитета демократов.

Конечно, это не было его делом, но даже если оно и было частично делом некоего комитета термидорианцев (я не знаю, существует ли таковой), то Общество демократов считало, что это возбуждение в гораздо большей мере было вызвано роялистскими вожаками из Клиши. Последние знали, что эта полицейская воинская часть была особенно привязана к столице и что, считая себя со времени своего создания предназначенной для постоянного пребывания в ней, она воспримет очень болезненно, если ее в этом разочаруют; что поэтому будет очень легко возбудить ее, чтоб она оказала сопротивление своему расформированию; что вслед за тем, установив связь с ее командирами, можно было бы привести ее в движение и использовать ее в качестве авангарда роялистского восстания. Это в какой-то мере удалось осуществить, и это крайне встревожило Общество демократов, для которого это явилось полной неожидан-

ностью. Оно сразу стало раздумывать, как его нейтрализовать. Оно выпустило несколько сочинений в форме обращений к полицейскому легиону с целью предостеречь его против лживых инсинуаций, которыми будут пытаться сеять в его среде недовольство. Убеждение в том, что это движение — весьма ловкий ход роялистского макиавеллизма — было сигналом к разжиганию гражданской войны, Общество демократов произвело первые шаги, чтобы привлечь на свою сторону сердца солдат родины, не допустить, чтобы их увлекли на ложный путь, и призвать их к исполнению их долга по отношению к народу.

Жермен мог послать мне как журналисту, которому нужно знать обо всем, что происходит, несколько сообщений об этом событии; он мог также послать такие сообщения другим через мое посредство... Лучшим доказательством того, что Клуб демократов, при котором я состоял, не был движущей силой этого восстания, является только что цитированное письмо одного из корреспондентов, в котором он сообщает 13 флореаля, «что обнаружено, откуда исходила ложная тревога, имевшая место 10 флореаля, что это дело термидорианцев и т. д. ...». Если корреспондент сообщает это центральному обществу, с которым состоит в переписке, то, стало быть, он знает, что оно не информировано об этом; весьма возможно, что оно попросило его разузнать об этом деле, вызвавшем его удивление... Я добавлю еще только одно замечание по вопросу о полицейском легионе, замечание, касающееся лично меня. Я отвечаю на слова председателя суда, который во время показаний Жермена, возражая на мое заявление, что документ из второй связки, стр. 35 первого тома, есть лишь снятая мной копия, утверждал, что это подлинник, ибо этот документ начинается словами: «Мы собрались втроем». Гражданин председатель утверждал, что, раз я это писал, не может быть, чтобы я не был одним из троих. Как будто неясно, что снять копию — это значит попросту точно воспроизвести подлинник... Но я скоро займусь специально вопросом обо всех документах, которые были всего лишь снятыми мною копиями, и, хотя, к моему сожалению, это дало повод для иронических замечаний, я надеюсь, что смогу показать неуместность этой иронии.

Я не вижу более ничего существенного в общей переписке, кроме присоединения к мнимой Директории общественного спасения мнимого Повстанческого комитета, состоящего из бывших членов Конвента.

Поскольку попытка восстания в полицейском легионе не дала тех результатов, которых желал клуб Клиши, поскольку вмешательство Клуба демократов парализовало дурные замыслы клишистов, последние, конечно, обозлились и стали думать о том, как добиться реванша. Они удвоили свои старания и усилия с целью толкнуть пылких республиканцев на неверные шаги, спровоцировать их на попытки каких-нибудь новых волнений, что позволило бы роялистам либо нанести решающий удар по народу, либо поразить хотя бы некоторых наиболее преданных

его защитников, создав заговор 21 флореаля. Ибо я уже нисколько не сомневаюсь в том, что если в действиях Общества демократов и было нечто крайнее, если угодно — не совсем умеренное, то это было результатом провокационных инсинуаций самых заклятых врагов Республики. Я уже нисколько не сомневаюсь в том, что наивность, откровенность, простодушная самоотверженность людей флореаля дали Гризелю полную возможность одурачить их и что этот презренный субъект, чье единственное дарование — изворотливость, всегда идущая рука об руку с коварством, смог водить за нос граждан, которым никто все же не откажет в способности отличать добро от зла и делать добро, если у них возникает к тому возможность.

Сразу же после волнений в полицейском легионе Гризель стал проявлять особое рвение по отношению к Обществу демократов. Если я говорю «по отношению к Обществу», то я имею в виду — по отношению к некоторым людям, близким к Обществу, ибо я уже заявил и заявляю, что никогда не видел Гризеля в том месте, где это Общество собиралось, и я твердо уверен, что он там никогда не был. Но нет сомнения, что за пределами Общества он постоянно встречался с кем-то, кто был посвящен во все дела этой организации, и сумел завоевать его полное доверие. То, что внушалось Гризелю в министерстве полиции и комитете Клиши, он передавал этому человеку, и в конечном счете эти внушения доходили до демократического клуба, который с жадностью клевал на эту приманку. Гризель узнавал даже то, в какой мере его предложения принимались и какова была степень готовности к действию на каждый день. Он доводил это до сведения своих хозяев и давал им возможность вытащить сеть в момент самого большого улова.

Главным образом в дни с 11 по 20 флореаля, после того как улеглись волнения в полицейском легионе, Гризель и проявил наибольшую активность в сношениях с посредниками между ним и Обществом демократов. О нем не было слышно в дни между 28 жерминаля и 11 флореаля. Но начиная с этого момента, с 11 флореаля, он, по-видимому, всячески изощрялся в том, чтобы возбуждать тех, с кем он сближался, и советовал принимать крайние и решительные меры. Разумеется, о таких вещах он говорил гораздо больше, чем писал. Однако он оставил два письменных свидетельства, подтверждающих только что сказанное мною. Это письма от 17 и 18 флореаля, первый и четвертый документы из 3-й связки. В том и другом он дает понять не более и не менее как то, что он скоро привлечет Гренельский лагерь полностью на сторону народа, против роялистов и всех его врагов.

Поэтому именно в этот период самой активной работы по возбуждению, проводившейся Гризелем и другими шпионами, Общество демократов в своей переписке применяло преувеличенные выражения, которые и инкриминируют ему в этом процессе. К этому же времени относится и так называемое присоединение бывших членов Конвента.

Естественно думать, что тем, кто хотел одним ударом захватить всю массу явных и грозных своею энергией республиканцев, важно было распространить проскрипции и на тех членов бывшего Конвента, чья верность демократическим принципам не поколебалась в дни невзгод и кто, следовательно, мог считаться принадлежащим к той же секте, что и Общество демократов, о существовании которого было известно.

Поэтому неудивительно, что в результате таких же маневров, проведенных с помощью подлых посредников преступления, вроде Гризеля, удалось установить связь с несколькими бывшими членами Конвента. Последние были предупреждены, как и другие демократы, о явных и рассчитанных на ближайшее время намерениях роялизма; подобно другим демократам, они были взволнованными свидетелями общественных несчастий и изыскивали способ как-нибудь собраться вместе с ними, чтобы обсудить, как воспрепятствовать полной победе поборников короля из Вероны и защититься от других бедствий. Но я заявил и повторяю, что об этих собраниях я узнал только из документов судебного дела, в коих о них идет речь; в частности, из документов, написанных исключительно рукою Пийе, причем ни один из этих документов не является ни снятой мною копией, ни написанным мною подлинником. Эти так называемые собрания, это так называемое присоединение происходили не в моем присутствии и, насколько мне известно, не в помещении, где собиралось Общество демократов.

Граждане присяжные! Я приближаюсь к завершению скрупулезного обзора великого множества документов, из коих составили два огромных тома, а затем все, что смогли, связали между собой таким образом, чтобы создать видимость заговора. Вы, быть может, заметили, что для обвиняемого я довольно добросовестно разыскивал в них этот заговор и не нашел его. Я обнаружил, что много вещей, которые хотели увязать, не поддаются этому и, наоборот, далеки и независимы одна от другой. Мне остается рассмотреть еще несколько документов и посмотреть, не в них ли пребывает заговор.

Существует документ, озаглавленный «Список демократов для включения в Конвент» (документ № 1 из 7-й связки, стр. 169, том первый). Заглавие и несколько имен написаны моею рукой; все остальное написано рукою Буонарроти. Он вам сказал, что́ это за документ. Этот документ не имеет даты; он вам рассказал, при каких обстоятельствах и для какой цели он его составил в Плесси до 13 вандемьера IV года.

Этот документ был составлен на собрании патриотов, происходившем [*в камере*] у сына депутата от департамента Дрома, Жюльена[72], с единственной целью разослать в различные департаменты Республики проспекты новых газет, которые предполагалось выпустить немедленно после ожидавшегося выхода из тюрем многих из этих патриотов. Могу подтвердить, что так все и происходило, ибо я был в числе собравшихся у Жюльена и участ-

вовавших в этих занятиях. Буонарроти сказал вам, что этот документ, когда он его составил, не имел заглавия и что ему неизвестно, каким образом он оказался вместе со многими другими документами, о которых я дальше скажу, среди бумаг, изъятых 21 флореаля. Я сейчас разъясню эти два пункта. Я был одним из тех, кому предстояло выпустить одну из задуманных газет, «Эндепандан», ибо я не собирался тогда продолжать издание «Трибуна народа». На этом основании я сохранил у себя подлинник этого списка, сделанного в значительной части рукою Буонарроти; другие сняли с него копии. Так как не располагали для каждого департамента человеком, подходящим для распространения проспектов, то в списке было много пробелов. Имена, вписанные разными почерками, иногда даже относящиеся к людям, не проживающим в указанном рядом с именем департаменте, эти имена, а равно и заголовок «Список демократов для включения» суть плод праздности, безделья. Известно, что в тюрьме у человека много свободного времени, и каждому ясно, что несчастный, проводящий там десять месяцев или год, часто не знает, как убить время. В один из таких моментов скуки и праздности многие, собравшись вместе, болтали об этом списке корреспондентов задуманных газет. Те, кто знал многих из них, с похвалою говорили об их патриотизме, а кто-то вздумал сказать, что чем делать из них разносчиков газет, было бы куда лучше превратить их в членов представительного органа, присоединить их к самым чистым членам Национального Конвента, тогда еще существовавшего. Кто-то ответил на это шуткою. Он сказал: да ведь мы здесь составляем нечто вроде первичного собрания, мы каждый день дискутируем здесь об интересах народа, как если бы мы обладали правом решать за всю Францию; между тем сейчас происходят первичные собрания для обсуждения Конституции и для избрания новых членов Законодательного корпуса, и там отлично обходятся без нас. Довершим игру, раз нам не остается ничего другого, и представим себе, что список, который у нас перед глазами, — это список выбранных нами в Законодательный корпус. Тогда я обращаюсь к компании со словами: «Я помогу, чем смогу, вашей фантазии», — и с беззаботностью школьника я написал в виде заглавия следующее: «Список демократов для включения в Национальный Конвент». Эту болтовню продолжали еще дальше. Стали говорить: но мы ведь не выбрали еще по одному демократу на каждый департамент, надо пополнить наш список и назвать отличных представителей для всех департаментов, хотя бы и пришлось многих взять не из того департамента, для которого они будут выбраны; достаточно, чтобы они были французами. Было названо несколько имен, включая мое, которое я внес в список. Однако эту игру не довели до конца и никому не приходило в голову, что когда-нибудь она будет принята всерьез: 28 департаментов так и не получили депутатов от первичного собрания тюрьмы Плесси. Этот пробел так и не был заполнен. Как я уже сказал, я подобрал эту забавную бумагу вместе с дру-

гими, о которых я сейчас буду говорить, и она оказалась среди бумаг, находившихся при мне 21 флореаля. Конечно, если бы такая бумага попалась отдельно в любом другом месте, на нее не обратили бы ни малейшего внимания и не подумали бы воспринимать трагически то, что было плодом минутного развлечения несчастных праздных заключенных.

Уж не намерены ли усмотреть заговор в бумагах, озаглавленных: «Список патриотов, способных содействовать движению», 12 флореаля, том 1, стр. 29; «Дополнительный список патриотов, способных командовать», 13 флореаля, том первый, стр. 26; «Дополнение к списку людей, способных командовать», том первый, стр. 61; а также «Список людей, способных к командованию», 19 флореаля, том первый, стр. 5—13, и документы № 1—27 из 1-й связки? В этих документах даты помечены моей рукой. Буонарроти вам объяснил, что первые три документа написаны им, а равно и четвертый, занимающий стр. 5—13 первого тома. Все это копии списков, составленных в Плесси незадолго до Вандемьера, когда правительственные комитеты, испытывая давление роялистов, обращались к несчастным патриотам, которых они туда заточили, за советами и разъяснениями, а затем и за указаниями и сведениями о людях, которых можно было бы использовать в случае предполагаемых волнений. Не знаю, кто принес эти копии в Общество демократов, а даты, внесенные моей рукой, означают дни, когда эти бумаги попались мне под руку и когда я их привел в порядок. Не следует делать каких-либо выводов из того, что эти бумаги содержат много имен, совпадающих с теми, что встречаются в донесениях корреспондентов: ничего удивительного нет в том, что мы находим республиканцев всюду, где речь идет об использовании людей для спасения Республики. Именно потому, что вопрос о близящемся выступлении роялистов все еще продолжал обсуждаться, эти бумаги скопировали для Общества, которое считали способным содействовать сопротивлению этому ожидаемому движению. Или, может быть, эти бумаги оказались еще с вандемьера в неверных руках и были любезно доставлены людям флореаля с целью внушить им самоуверенность, которая склонила бы их к преувеличениям и действиям, могущим быть использованными против них?

Может быть, захотят найти заговор в тех семи проектах постановлений, из коих пять написаны рукою Буонарроти, а два — моею?

Проекты Буонарроти, это документ № 47 из 7-й связки, стр. 151 тома первого, объявляющий о восстановлении комитетов революционного надзора, о назначении генерального агента полиции и главнокомандующего вооруженными силами Парижа; это документ 46 из той же связки, на той же стр. 151, предписывающий раздачу всем беднякам одежды за счет Республики; это документ № 45, стр. 150, предписывающий предоставление всем бедным квартир и обстановки за счет Республики; это документ № 42, стр. 148, представляющий собой образец ордера на квар-

тиру и мебель, и документ № 43, стр. 149, дающий образец паспорта для выезда из Парижа.

Проекты постановлений, написанные моею рукою, это документ № 44, стр. 149 первого тома, содержащий приказ о произведении обысков на дому с целью обнаружить чрезмерные запасы продовольственных продуктов, и документ № 48, стр. 152, содержащий временное назначение органов власти, таких, как «министерские комиссии», «Парижский муниципалитет», «Штаб», «департамент», «почтовая администрация» и «комитеты секций». Из контекста этого последнего проекта постановления вытекает, что все остальные документы, которые я сейчас укажу, в нем предусмотрены. А именно документ № 10 из 7-й связки, озаглавленный «Министерские комиссии», стр. 80 первого тома; документ № 2, стр. 72, «Парижский муниципалитет»; документ № 5, стр. 75, «Штаб»; документ № 7, стр. 76, «Парижский департамент», и документ № 4, стр. 75, «Почтовая администрация». Эти последние пять документов написаны рукой Пийе.

Буонарроти сказал вам, что документы, написанные его рукою, были скопированы им в Плесси до Вандемьера. Во время моего допроса я вам сказал то же самое касательно двух проектов постановлений, относящихся ко мне, и сегодня могу только повторить это. Что касается пяти последних документов, написанных рукою Пийе и предусмотренных в проекте постановления, написанном моею рукою, относительно назначения органов власти, я не припомню, были ли мною сняты первые копии, с коих Пийе делал другие копии, но я вполне уверен, что не все первые копии были сняты мною. Эти первые копии были уничтожены, чтобы пользоваться лучше исполненными и более правильными копиями Пийе, которого я попросил переписать их все для меня, потому что, как вам сказал Буонарроти, мы собирали эти бумаги, считая их весьма любопытными и достойными того, чтобы их сохранили хотя бы как материал для историка. Вот и все, что мне известно касательно возникновения этих необыкновенных бумаг в тюрьме Плесси.

Мы здесь должны раскрыть то, что долго еще могло бы оставаться окутанным покровом тайны. Не все хотели, чтобы революция 13 вандемьера ограничилась теми результатами, которые мы увидели. В то время существовала и группа таких поборников демократии, которые, пожалуй, не ограничивались только пожеланиями повернуть ход событий этого дня к полной победе народа. Питая туманные надежды, они задумали, а также нашли в архивах некоторых наших революционных деятелей предшествующих времен кое-какие проекты, дающие представление о той системе учреждений, которую они намеревались установить в случае, если бы народные принципы одержали победу в этой борьбе. Эти-то проекты и составляли часть тех документов, которые собрали мы с Буонарроти. Мы даже узнали — и это небесполезно отметить, — что эти проекты отнюдь не были сочинены в вандемьере, но что это были документы прериальского восстания. Они,

стало быть, были тогда переданы демократам, заключенным в Плесси. Те пришли от них в восторг, однако поняли, что существующие обстоятельства никак не позволяли осуществить хотя бы малейшую часть этих проектов. Но они полагали также, что эти мысли заслуживали того, чтобы их сохранили в памяти современников, а затем и передали потомкам, которые узнают таким образом, что во все периоды этой славной революции имелись плебейские сердца, всегда готовые совершить великие дела для того, чтобы помочь угнетенным и униженным. Поэтому многие заключенные поспешили снять для себя копии с этих проектов, в том числе Буонарроти и я. Если те, что я переписывал, я помечал IV годом вместо III года, то это делалось для того, чтобы не было заметно, что они предназначались для применения в прериале. Вообще же в совпадении наименования «Повстанческого комитета общественного спасения» нет ничего удивительного для тех, кто знает, что происходило во все выдающиеся моменты революции: это всегда те же средства, те же методы, те же наименования. Все знают, что и 14 июля, и 10 августа, и 1 прериаля, и в вандемьере — всегда возникал какой-то Повстанческий комитет. Что эти документы относятся к прериалю III года, подтверждается словами «министерские комиссии», встречающимися в проекте постановления, документ № 48, связка 7-я, стр. 152 первого тома, и повторенными в проекте организации этих комиссий, опубликованном на стр. 80 того же тома, 10-й документ из той же связки. Общеизвестно, что министерские комиссии еще существовали в прериале III года и что они были заменены министрами во флореале IV года. К тому же видно, что организация, описанная в этом документе № 10, стр. 48 первого тома, совпадает с той, которая существовала во время действия «министерских комиссий». Мы там находим «продовольственную комиссию», которой нет в организации министерств, учрежденных позднее. Мы находим там «податную комиссию», которую впоследствии заменило министерство финансов. Мы не находим там министерства полиции. Все это свидетельствует о том, что эта организация была задумана тогда, когда она должна была заменить некую сходную организацию. Итак, все копии документов, о коих я говорю, первоначально исходили из того Повстанческого комитета, который существовал в прериале III года. Следовательно, было бы весьма несправедливо использовать их для сооружения дела о заговоре флореаля IV года. Следовательно, необходимо также устранить из данного дела этот мнимый Парижский муниципалитет, эти администрации, почтовую и департаментскую, эти министерские комиссии, этот штаб и т. д. Нет, нет, люди флореаля так далеко не заходили. А между тем многие из находящихся здесь обвиняемых томятся в заключении уже в течение года в качестве сообщников по флореальскому делу на том основании, что они были намечены кандидатами на должности в списках, составленных для революционного движения прериаля предыдущего года. Какой образец легкомыслия, злоупотребления властью, [*недо-*

статка] уважения к свободе граждан! Это не все. Окончательно подтверждает, что все собранные здесь документы подобного рода не являются проектами, задуманными в одно и то же время, тот факт, что одним и тем же лицам присваиваются разные должности: то или иное лицо в одном списке фигурирует как депутат, в другом — как член Совета коммуны, в третьем — на военной должности. Я могу привести десяток подобных примеров. Но, думаю, я сказал более чем достаточно, чтобы стало ясно, что смешно связывать между собой эти документы таким образом, чтобы все их отнести только ко времени флореаля и сделать из них одно целое.

Для того чтобы заговор стал возможным, конечно, необходимо, чтобы он располагал силами и средствами.

Где же мы найдем эти силы и средства мнимого флореальского заговора? Не в той ли описи оружия и продовольствия, что составлена рукой Буонарроти, а в заключительной части моей рукой (документ от 12 флореаля, стр. 27 первого тома)?.. Но ведь очевидно, что это лишь краткий обзор сообщений корреспондентов, посылавших их, как мы видели выше, как сведения о средствах сопротивления нападению, коим роялисты угрожали Республике. Мы уже указывали, что это были весьма слабые средства, ибо пришлось бы начать с завоевания этого оружия, чтобы затем воспользоваться им. Это отнюдь не похоже на настоящие средства осуществления заговора.

Не найдем ли мы эти средства да и самый заговор в той записке, которую я, вероятно, написал под диктовку гражданину Клерксу 13 флореаля (документ № 1 из 23-й связки, стр. 234 второго тома), в записке, содержавшей просьбу к Клерксу отправиться в Гренель, чтобы договориться с теми, кто должен был доставить порох армии народа? Но все связанные с этой запиской обстоятельства доказывают, сколь она смешна и нелепа и как плохо осведомлены были те, кто придумал эту записку. Хотя это объявляют весьма странным, я докажу правильность утверждения, что я писал эту записку только под диктовку. Но вернемся к существу этой записки, неуместной во всех отношениях. Во-первых, Клеркс, кому она была адресована, не умеет читать; затем установлено, что после взрыва порохового склада в Гренеле там не было больше ни малейшего хранилища пороха. Следовательно, эта записка, которой придали столь большое значение, тоже не открывает наличия каких-либо средств осуществления заговора.

Так называемый «Акт о восстании», стр. 244 второго тома, тоже не является таким средством. Недостаточно раскидать по улицам лист бумаги, чтобы увлечь всех на восстание и все перевернуть. К тому же я ничего не могу сказать о происхождении и об авторах этого единичного проекта, не носящего никакой даты. Я видел только один экземпляр в виде плаката, находившийся в папке вместе с другими бумагами. Кажется, сначала этот экземпляр был послан Обществу демократов, причем мне

не известно, было ли оно его автором, и как будто позднее ему же были посланы ящики и мешки, содержавшие большое количество экземпляров, притом без его ведома; ибо я о них не имел понятия до того момента, когда увидел, как те, кто меня арестовывал, их вскрыли в двух комнатах, находившихся не в моем распоряжении, а в распоряжении гражданина Тиссо. Точно так же я не знаю, когда они могли быть посланы и кто мог сделать этот удивительный подарок. О, я подозреваю, что за этой тайной кроется опять какой-то гризелизм. Что касается сходства, которое стремятся найти между этим документом и другим, в коем хотят видеть его набросок, то я берусь это опровергнуть в последней части моей защитительной речи, относящейся к моей чисто личной защите, в ответ на выступление гражданина Байи, государственного обвинителя.

Есть документ, который можно было бы считать продолжением этого последнего, но я докажу, что он не имеет к нему никакого отношения, это № 9 из 2-й связки, стр. 24 второго тома. Он имеет очень резкое заглавие: «Главная инструкция о том, что надлежит делать». Но он написан незнакомою рукою. Он говорит о том, что́ надлежит делать вслед за распространением манифеста о восстании. Это слово «манифест» доказывает, что имеется в виду вовсе не «акт», о котором я говорил в предыдущем абзаце, поскольку он озаглавлен «Акт о восстании». Заметим, что эта инструкция, по-видимому соответствующая некоему манифесту, содержит заявления, хотя и представляющие лишь потенциальную угрозу, но во всяком случае носящие террористический характер. К счастью, на этом процессе фигурируют и другие документы, вносящие некоторые коррективы, и я о них сейчас буду говорить. Я уже отметил, что анализируемый мною документ написан неизвестною рукою, почему его надлежит рассматривать как изолированный и не связанный со всеми другими, как явно посланный в адрес Общества демократов, известного бесконечному множеству людей в качестве места сбора всех, кто воображал себя крайним и восторженным. Да еще кто знает, не был ли этот документ, написанный неизвестною рукою, очередным подарком великодушных особ, инспирировавших Гризеля и диктовавших ему его письма Свободного франка, которые он равным образом дарил Обществу?

Есть другой документ, озаглавленный «Дополнительные инструкции». Это № 2 из 2-й связки, стр. 14. Он представляет собою список различных сообщений от окружных корреспондентов о вооруженных силах, которые могли бы быть использованы в случае какого-нибудь выступления. Там обстоятельно изложены планы генерала Ганье, того самого генерала, чей покой, к нашему удивлению, никто так и не потревожил. Но все это пока еще не средства осуществления заговора.

Мы только что рассматривали документ, который мне было неприятно анализировать, я имею в виду эту «Инструкцию о том, что надлежит делать», написанную неизвестною рукою. Я не хо-

тел тогда напоминать о том, что в ней содержалась страшная фраза: «истребить всех сопротивляющихся», потому что я хотел сохранить за собой возможность смягчить ее путем сопоставления со следующей фразой: «Возложить ответственность за пролитую кровь на командиров вооруженных сил». Я горжусь тем, что эта фраза находится в документе, написанном моей рукой: это № 23 из 6-й связки, стр. 67 первого тома. Итак, неверно утверждать, что обвиняемые по флореальскому делу — люди, жаждущие крови!!!

Доказав, что нельзя также обнаружить ни заговора, ни средств к его осуществлению в документе, о коем утверждали, будто он начинался словами «убить пятерых» (№ 34 и 35, связка 8-я, стр. 238 первого тома), я имею основание считать доказанным, даже если допустить, что эти слова — «убить пятерых» — действительно там были, я тем самым имею основание считать доказанным, что у обвиняемых по флореальскому делу преступление вызывало ужас. Если слова «убить пятерых» были зачеркнуты, то это, несомненно, было сделано до того, как я поставил свой гриф [13*], и независимо от этого грифа, поскольку признано, что первая строка зачеркнута двумя штрихами. Ведь я успешно доказал в ходе судебного следствия абсолютную невозможность предположения, будто я сам зачеркивал что-то в момент, когда ставил гриф, поскольку я находился тогда в окружении Кошона, Доссонвиля [73], секретаря Кошона и десяти других стражей, причем Кошон, ставивший свой гриф непосредственно вслед за моим, не преминул бы тут же составить об этом протокол. Итак, это зачеркивание имело место до того, как я поставил свой гриф. Оно отражает чувство, переполнявшее того, в чьи руки попал этот документ, начинающийся столь жестокой фразой. Разве не бросается в глаза негодование и гнев, охватившие человека при виде этих необыкновенных и отвратительно варварских слов? Разве не очевиден здесь священный гнев человечности, отдающейся благородному порыву немедленно расправиться с этими нелепыми словами, начертанными в исступлении? Разве глазам нашим не является образ человека, в великодушном порыве отбрасывающего с презрением и ужасом эту злобную бумагу?.. Разве неясно, что раз ее таким образом отбрасывают, то ее не хотят больше видеть и обрекают ее на презренье и полное забвенье? Заметьте, что эту бумагу не захотели даже датировать: чувство, внушаемое всем ее содержанием, вызвало, должно быть, дрожь в руке, которая пожелала бы добавить что-то к тому, что было написано. Можно ли после этого ссылаться на отдельные места из этого документа, где содержится нечто похожее на то, что, по-видимому, было в этой первой строке? Разве осуждение этой первой строки не означает осуждения всей этой бумаги?.. А это общее осуждение

13* *Здесь и далее в подлиннике «paragraphe». Явная ошибка, нужно «paraphe». Бабеф имеет в виду грифы, сокращенные подписи, которыми помечаются бумаги, изымаемые при аресте, как арестованным, так и производящим арест. — Прим. перев.*

было вполне достойно людей, написавших в другом, только что мною цитированном документе: «Возложить ответственность за пролитую кровь на командиров вооруженных сил». Да разве можно рассматривать утрированные предписания разбираемого документа иначе, как угрозы? Нет совершенно бесспорных доказательств того, что этот странный документ написан рукою одного из обвиняемых. Но было сказано, что, похоже, это только копия. Ценное замечание! Ибо оно дает возможность заподозрить, откуда он мог появиться. Какое сходство! Какая аналогия между предписаниями, содержащимися в этом документе, и пресловутыми письмами Свободного франка, которые я анализировал, все ужасы, всю аморальность и глубокое коварство которых я показал?.. Нет человека, равного Гризелю по жестокосердию. Никто не может сравняться в жестокости с теми, кто его наставлял и побуждал к действиям. И мы видели, что он непосредственно сблизился, внушил полное доверие одному из лиц, тесно связанных с Обществом демократов... Мы показали, как в дни с 11 по 20 флореаля этот подлейший из подлецов осаждает, мучает, провоцирует, подталкивает, возбуждает, ободряет и обманывает гнуснейшим образом тех, к кому имеет доступ. Не следует ли считать весьма правдоподобным, что именно в это время он и сочинил те поистине чудовищные вещи, которые содержатся в документах № 34 и 35 из 8-й связки? И если архив Общества демократов стал, как я уже говорил, общим складом, куда сваливались как попало все крайние идеи, все мечтания искренней или неискренней восторжённости, то разве не было бы жестокою несправедливостью вменять эти документы в вину тем людям, которые, как только они попадались им на глаза, обращались с ними так, как мы только что видели? Разве не было бы несправедливо связывать между собой эти разрозненные документы в целях создания единого большого сооружения, особенно если принять во внимание, что это всего лишь нелепые и безвредные хлопушки, не могущие быть даже пугалом для детей; что, наконец, они менее всего похожи на средства осуществления заговора!

Неужто мы будем разыскивать эти средства в моих мнимых контактах с Друэ? Я уже по этому вопросу дал отчет, являющийся для меня сладостным утешением, ибо он позволяет мне думать, что я немало способствовал оправданию этого главного основателя и одного из бесценных строителей всего здания Республики во Франции... этого могучего бойца, которого все рабы королей не в состоянии и на сей раз принести в жертву. Да, эта жертва снова от них ускользает, и Друэ будет жить, чтобы приводить их в трепет, если они осмелятся занести дерзновенную руку на то, что нам остается от ковчега свободы! Друэ пребывает среди французских республиканцев, чтобы своей могучей рукой снести все головы королевской гидры, если бы она опять вздумала их поднять! Ведь он первый уже сумел однажды поразить ее таким ударом, от которого она не оправилась и до сих пор!.. Я только повторю то, что уже говорил некогда о моих связях

с Друэ. Первое доказательство тому в документах — письмо от 17 жерминаля, документ № 97 из 7-й связки, стр. 206 первого тома.

На заседании 2 жерминаля я сказал, что дам объяснение тех мест этого письма, которые могут быть истолкованы против Друэ и послужили поводом для обвинительного постановления. Вот эти места:

«Время не ждет... тебе важнее, нежели ты думаешь, сблизиться с самыми храбрыми... подумай, хочешь ли ты избежать общего проклятия... не дай себя провести, или ты погиб... тебе можно встречаться лишь с очень узким кругом людей... Мне сообщают, что ты приготовил речь о Народных обществах... Друэ, мы окружены новыми Тарквиниями; пришло время их устранить. Тираноубийцы требуют, чтобы ты им помог, иначе они причислят тебя к сторонникам предателей.... не думай, будто это все, что от тебя потребуют, — тебе предназначены и другие лавры, подобные тем, которые и мы собираемся пожать в ближайшее время».

Легко разъяснить каждую часть этой выдержки. «Время не ждет»: делу свободы наносились все новые удары. Правительство, забыв, что в вандемьере его спасли республиканцы, опять принялось их преследовать и оказывало поддержку их врагам; оно было готово закрыть Народные общества, главный оплот общественной свободы. Надо было спешить, чтобы оказать сопротивление всем этим усилиям, направленным к уничтожению свободы.

«Тебе важнее, нежели ты думаешь, сблизиться с самыми храбрыми», — писал я Друэ, т. е. с самыми пламенными защитниками свободы, над которой нависла угроза.

«Подумай, хочешь ли ты избежать общего проклятия», т. е. проклятья, падающего на всех, кто, по-видимому, стремится к низвержению Республики, учреждению коей ты так сильно способствовал.

«Не дай себя провести, или ты погиб». Я знал, что интриганы, лжереспубликанцы пытались обмануть Друэ; я предупреждал его против их коварных инсинуаций.

«Тебе можно встречаться лишь с очень узким кругом людей». Эта фраза, по существу, означает то же, что и другая: «Тебе важнее, нежели ты думаешь, сблизиться с самыми храбрыми». Иначе говоря, есть только узкий круг горячих и честных друзей народа, с которыми тебе, как видному патриоту, одной из главных опор Республики, позволительно встречаться.

«Мне сообщают, что ты приготовил речь о Народных обществах». Это основной предмет моего письма, и все, что затем следует, это подтверждает. Именно к этой главной цели я хотел направить весь пыл великой души Друэ, с чем и связана горячность моего письма.

«Друэ, мы окружены новыми Тарквиниями; пришло время устранить их. Тираноубийцы требуют, чтобы ты им помог, иначе они причислят тебя к сторонникам предателей». Вокруг этих фраз было много шума, но объяснить их очень просто. Доста-

точно сопоставить две вещи: дату этого письма к Друэ, т. е. 17 жерминаля, и дату другого письма, от 13 жерминаля (стр. 112 второго тома), в котором содержится важнейшее сообщение, уже приводившееся мной ранее в этой защитительной речи: «Один патриот, выдающий себя за шуана, встретил вчера доверенного агента Ровера; до того как обстоятельства научили нас разбираться в людях, эти двое были дружны. В беседе этот пособник преступления сказал патриоту, что организован монархический клуб; что приняты все меры к тому, чтобы дать нам повелителя; что на эту роль предназначен молодой Орлеан; что через десять дней будут повешены все канальи, т. е. все виновники смерти Капета; что Ровер для видимости будет сослан на год или два, принимая во внимание услуги, оказанные и оказываемые им монархии, и т. д. и т. д.

Все эти разговоры, а также то поведение, которого сейчас придерживаются, не оставляют у меня никакого сомнения в том, что они приложат все силы к тому, чтобы успешно завершить свои замыслы».

После столь определенного сообщения, ответил я в ходе моих показаний 2 жерминаля, после столь важного сообщения, подтверждаемого широкими проектами Майля, направленными к роспуску Народных обществ, к лишению народа этого последнего барьера, защищающего от посягательств деспотизма, чего только не могли говорить и делать пламенные республиканцы? Разве одного этого сообщения недостаточно для оправдания всего, что могла сделать ассоциация демократов? Я ранее пытался рассмотреть это более основательно. Не забудьте, что это сообщение датировано 13 жерминаля, а письмо к Друэ написано 17 жерминаля, между ними промежуток всего лишь в четыре дня. Непримиримые противники монархии, увидя, как она опять близка, могли ли не обратиться с призывом ко всем гражданам, известным своею большою энергией и горячею любовью к свободе. Следовательно, у меня были достаточные основания написать к Друэ эти настойчивые слова: «Мы окружены новыми Тарквиниями; пришло время их устранить. Тираноубийцы требуют, чтобы ты им помог, иначе они причислят тебя к сторонникам предателей». Если бы у Друэ была копия сообщения от 13 жерминаля и он имел бы возможность сослаться на нее, когда из слов, адресованных ему мною, были сделаны столь странные выводы, то я не сомневаюсь, что он не был бы привлечен в качестве обвиняемого.

Письмо заканчивается фразой: «Не думай, будто это все, что от тебя потребуют; тебе предназначены и другие лавры, подобные тем, которые и мы собираемся пожать в ближайшее время...». Эту фразу очень легко объяснить. Существо письма сводится к проекту резолюции о Народных обществах. И Друэ говорят: «Не думай, что эта резолюция о Народных обществах — это все, что от тебя потребуют». Поскольку Друэ сообщали о новых Тарквиниях, которые нас окружают и которых

падлежит срочно устранить, в соответствии с цитированным мною сообщением от 13 жерминаля, то ему говорили: «Тебе предназначены другие лавры, подобные тем, которые и мы собираемся пожать в ближайшее время». Полагаю, что сказанного мною по поводу этого письма вполне достаточно.

Перехожу к письму от 1 флореаля, тоже адресованному Друэ, документ № 50, связка 7-я, стр. 156 первого тома. Были нарочито подчеркнуты те фразы этого письма, в которых звучало раздражение против адресата и недовольство тогдашними событиями. Что до тона в отношении адресата, то это касается только его и меня. Что до событий, то дело сводилось исключительно к тому, что я предложил Друэ текст речи с тем, чтобы он выступил против роспуска Народных обществ, против проекта, внесенного на сей предмет Майлем. В то время, как и всегда в дальнейшем, я считал Народные общества одной из самых существенных гарантий общественной свободы, и я был очень возбужден против губительного для республики замысла, который, казалось, уже готов был их уничтожить. Я жаждал способствовать их сохранению... Если меня спросят, чтó я хотел сказать этой фразой: «Заслужить приема в ряды тех, кто освободит от гнета свою порабощенную родину? ..» — мне будет легко ответить, что в лице оратора Майля я видел глашатая и агента роялизма, канцлера парламента Клиши, и я не сомневался в том, что если он успешно осуществит, как это представлялось возможным, свой заговор против Народных обществ, то это будет большая победа Людовика XVIII. Говоря о «тех, кто освободит от гнета свою порабощенную родину», я имел в виду всех, кто будет способствовать срыву столь пагубных покушений, всех подлинных патриотов, чьи объединенные усилия, главным образом путем воздействия на общественное мнение, предохранили бы или спасли родину от пропасти рабства, в которую ее всячески старались столкнуть. Этими несколькими словами я ответил на обвинения, предъявленные мне и Друэ в связи с подготовленным мной для него наброском речи по поводу выступления Майля против Народных обществ. Странно, что приходится доказывать законность таких действий и что они фигурируют в обвинительном акте Друэ: странно, что этот гордый гражданин взял на себя труд оправдываться в этих действиях. Друэ не воспользовался моими идеями; но, если бы он их и принял полностью, какое из этого можно было бы сделать заключение против него? Разве ему не позволительно было использовать меня, как и любого другого, в качестве секретаря? Разве кто-нибудь побеспокоил Майля, чтобы узнать, сам ли он составил текст своей речи? И во что превращается принцип, что ни один уполномоченный народа не может подвергаться преследованиям за все сказанное или совершенное им в ходе выполнения своих обязанностей?

У меня не было никаких иных личных отношений с Друэ, и я не думаю, чтобы и в этих можно было найти какие-либо указания на заговор или на средства его осуществления.

Неужели их можно усматривать в «Манифесте Равных», вокруг коего тоже поднято столько шума (стр. 159, том 1), хоть это всего лишь мечтания, не направленные ни к какой цели, без даты, неизвестно чьей рукою написанные; и странно видеть, что государственные обвинители прилагают усилия, чтобы связать этот документ с так называемым заговором. Это глава из Мабли или из Дидро. Это попросту сочинение, присланное мне для напечатания в моей газете, ибо все читающие ее знают, что я открыл в ней отдел для обсуждения идей всех философов относительно лучшей системы государственного управления. Пусть развернут номера моей газеты, там найдут множество статей такого рода. Если бы очередь дошла до этого сочинения, оно не осталось бы в стадии рукописи и нельзя было бы его приобщить к заговору. Среди других столь же энергичных сочинений такого характера, напечатанных мною, я мог бы указать в 38-м номере «Трибуна народа» статью, озаглавленную «Мнение одного человека», вполне равноценную «Манифесту Равных». В других номерах, как я уже говорил выше, находятся речь Армана из Мезы, отрывки из сочинений философов-демократов, начиная с Ликурга и Агиса, Платона и Иисуса Христа, Руссо и Дидро вплоть до Кондорсе и Антонелля, и почти постоянно встречается изложение их великих идей и возвышенных взглядов об общественном строе. Поскольку я своею неумелою кистью, чьим единственным достоинством было, пожалуй, лишь то, что я обмакивал ее в краски, замешанные на принципах чистой правды и вольной природы, тоже осмелился коснуться этих великих и восхитительных сюжетов, вполне естественно, что все мыслители-человеколюбцы обратили на меня некоторое внимание и что кое-кто из них пожелали послать мне плоды своих трудов в занимавшей меня возвышенной сфере. Вот причина, почему «Манифест Равных» оказался у меня... Было бы слишком нелепо смешивать его с другими документами, чтобы составить из них некий единый заговорщический комплекс и изобразить его одним из важнейших средств осуществления заговора.

Может быть, нам представят то письмо Гризеля от 21 флореаля (документ № 1, связка 2-я, стр. 14, том первый), в котором он говорит о главных и вспомогательных агентах, таинственно запрашивает, следует ли установить между ними взаимное доверие, и просит указать ему точное место, представляющееся подходящим для проведения собрания?.. Но мы видели в одной из предыдущих частей моей защиты, когда шла речь о том, какого рода миссию возложило на Гризеля Общество демократов, что поручение, предусматривавшееся в его инструкциях, сводилось к изучению общественного мнения. Из его письма от 26 жерминаля (стр. 42, том первый) видно, что он сам рассматривал себя как вспомогательного агента. Здесь же он как будто причисляет себя к главным агентам; и делает это потому, что он всегда старается все преувеличить; в данном случае у него для этого более веские причины, чем когда-либо, ибо в этой записке он

детально рассматривает величайшие мерзости, надеясь, что она будет найдена и из нее можно будет извлечь большую выгоду; потому-то он усиливает здесь свой пафос и свою таинственность. По существу, то, о чем он говорит, очень просто, и речь там идет лишь о том, что близится взрыв; это станет вполне ясно, когда я буду говорить об ответе. По мысли Гризеля, эти вспомогательные агенты были всего лишь солдаты, которые должны были помогать ему собирать сведения о настроениях в лагере. И когда он спрашивал, надлежит ли установить с ними отношения взаимного доверия, это означало: было ли необходимо, чтобы они знали посредника демократического общества или знали само это общество, коему эти сведения предназначались и с коим Гризель сносился непосредственно путем переписки. Вот почему в том ответе (стр. 234 второго тома, документ № 2 из 23-й связки), который, как я сказал, мне был продиктован [74], употреблены эти слова: «Не будем посвящать в наши тайны слишком многих, их и так уже достаточно». Иначе говоря, и сейчас уже есть достаточно людей, знающих наше центральное Общество и его корреспондентов и способных приписать ему мотивы, не столь чистые, как те, которые в действительности его одушевляют, и, следовательно, придать его действиям преступный характер и преследовать их. Затем о вспомогательных агентах: «Впрочем, можно было бы устроить им встречу с одним из наших, но не со всеми». И дальше: «Если твои помощники доверяют тебе, они не усомнятся, когда ты им сообщишь о существовании комитета, который освободит народ и отомстит за его угнетение...». Слова эти имеют значение чисто моральное. Они ничего не означают, кроме того, что Общество считало себя (в отличие от комитета Клиши, стократно множившего свои усилия, направленные к угнетению народа) способным отомстить за угнетение народа благодаря своему влиянию на общественное мнение путем печатных сочинений, им распространяемых в целях просвещения народа и предупреждения о грозящих ему опасностях; сочинений, которые народу нравились и которым он доверял достаточно, чтобы можно было твердо рассчитывать, что одним этим путем его освободят от роялистского угнетения. Наконец, там говорится: «Если эти храбрые солдаты хотят сообщить какие-либо сведения, они могут передать их через тебя». Следовательно, в конечном счете все здесь сводилось к некоторым сведениям... и это накануне величайшего восстания, самого грозного движения, когда-либо разразившегося на Земле, как утверждают наши враги. Вот каковы эти последние документы процесса, возникшие всего лишь за несколько часов до ареста пресловутых заговорщиков; вот каковы те грозные планы, о коих они возвещают... В них требуют и ожидают кое-каких сведений о состоянии общественного мнения. Право, вот люди, вполне готовые завтра же перевернуть все вверх ногами. Признаем же, что обвинение использует весьма хрупкие аргументы, чтобы мучить людей!

Да, но ведь остается другой вопрос, которому придается большое значение. Гризель в своей записке говорит: «Я вас прошу... указать мне точно место собрания...». В ответе ему сообщают: «Сбор у столяра Дюфура, ул. Папийон, № 331», и там-то Друэ и четверо или пятеро крупнейших заговорщиков были взяты, «на месте преступления». Что же, там что ли готовились последние меры? Нашим врагам хотелось бы представить дело в таком виде. Но судебное следствие показало, что Друэ и остальные пришли к Дюфуру, только чтобы позавтракать и прочитать одно письмо. Их там схватили без каких-либо бумаг, без каких-либо свидетельств того, что они пришли туда для заговорщической деятельности. Мне возразят: что же тогда означало и то письмо Гризеля от 21 флореаля, и ответ, в котором этому собранию придавалось столь важное значение, что его обозначили словом сбор. Вот ответ: 20-го вечером или 21-го утром я узнал, что некоторые патриоты из числа моих знакомых собирались пойти позавтракать вместе с Друэ у Дюфура, чтобы обсудить акт произвола, выразившийся в нарушении неприкосновенности жилища Дюфура под предлогом, будто у него происходит сбор. Ни я, ни многие из лиц, с коими я встречался, никогда не видели Гризеля, но кое-кто из наших знал его. Последние, будучи чрезмерно доверчивыми и простодушными, грубо обманываемые этим негодяем, описали нам его как одного из самых отличных республиканцев. Когда утром 21 флореаля он послал в то место, где я находился, записку с просьбой сообщить ему, между прочим, точный адрес места собрания, человек, диктовавший мне ответ, подумал, как и я, что он имел в виду собрание за завтраком у Дюфура и что он был туда приглашен. Мне продиктовали: «Место сбора — у Дюфура, ул. Папийон, и т. д.» Слово «сбор» здесь применено в ироническом смысле. Поскольку, судя по постановлениям Директории, направленным против Народных собраний, а также по законам от 27 и 28 жерминаля, направленным против групп, скоплений и сборов, создавалось впечатление, что правительство всюду видит только сборы; поскольку они виделись ему даже в кафе, даже в частных домах; поскольку оно захотело усмотреть таковой даже в доме представителя народа Друэ, у республиканцев вошло в привычку говорить между собою: «берегитесь, как бы нас не увидели вдвоем, а то скажут, что мы образуем сбор». Потому-то человек, диктовавший мне 21 флореаля ответ, уверенный в том, что обращается к искреннему и лояльному патриоту, и решил иронически употребить для обозначения завтрака у Дюфура слово сбор, а этим не преминули воспользоваться для раздувания сверх меры призрака заговора и захвата на месте преступления, и потребовался целый год, чтобы развеять этот призрак! .. Я зачеркиваю одной чертой все остальное содержание повествования Гризеля; и заседание от 11-го, в том же помещении на ул. Гранд-Трюандери, где я был арестован; и заседание от 19-го у Друэ; и все заседания некоего мнимого Военного комитета. Я заявляю,

что во всем этом Гризель выступает как подлый лжец. В доказательство всех своих обвинений он ссылается только на самого себя. Его утверждения относительно мнимого заседания от 11-го опровергаются тем обстоятельством, что 21-го он не знал адреса помещения, где, по его утверждению, происходило заседание на ул. Гранд-Трюандери. Как это Гризель, столь ко всему внимательный, не запомнил такого важного адреса, если он заявляет, что еще раз был в этом помещении, и, стало быть, ему достаточно было заметить, входя или уходя, и удержать в памяти номер дома? .. Гризель этого не сделал, Гризель 21-го не знал адреса. Дело в том, что Гризель никогда не приходил в это место. Он никогда не участвовал ни в заседании от 11-го, ни в каком-либо другом заседании.

Раз это заседание от 11-го — плод одного лишь воображения Гризеля, то нетрудно предположить, что он также выдумал и все другие заседания, будь то военные или гражданские...

Гризель якобы здесь опознал меня. Хотя я никогда его не видел, хотя он никогда не мог видеть меня и тем более не мог знать меня, ему нетрудно было это утверждать: ведь ему было заранее известно, какие места каждый из нас занимает на скамье подсудимых, а мое место сразу бросается в глаза.

Граждане присяжные!

Кажется, я обозрел почти полностью всю массу документов, которые ценою больших усилий хотели сопоставить, объединить, связать воедино, чтобы создать законченное здание заговора. Когда их рассматриваешь вблизи и при свете добросовестного и беспристрастного подхода, обнаруживается, что все это сооружение распадается, делится на бесконечное количество частей, друг с другом ничем не связанных, не знающих друг друга, удивляющихся тому, что оказались вместе, не представляющих ничего преступного, когда их ставят на их истинное место, т. е. в подобающее им уединение; снимающих также характер преступности с тех документов, от которых их отделяют; представляющих собою уже не единую ткань, подлинное произведение искусства, способное, на первый взгляд, создать некую иллюзию, но разбросанные лохмотья безо всякого порядка и целостности, ничего похожего на серьезную систему, на законченное здание заговора... Итак, полагаю, мне удалось доказать вам, что в конечном счете не было здесь никакого заговора.

Но на случай, если бы вы не все были в этом убеждены, если бы у кого-нибудь из вас оставались какие-либо сомнения... Граждане присяжные! Я, может быть, вызову удивление аудитории, суда и ваше, сообщив вам нечто, чего никто не ожидает. А именно, если бы и было что-то похожее на то, что намереваются преследовать в этом суде, я и все обвиняемые вместе со мной могли бы оправдаться, ссылаясь на принципы, сформулированные одним из государственных обвинителей, гражданином Вьейаром, о которых я уже говорил в этой защитительной речи. Этот обвинитель сказал на заседании от 11 вантоза:

«Преступление налицо лишь тогда, когда действие совершено или когда его исполнение было остановлено внешними обстоятельствами, не зависящими от воли исполнителя. Так, например, если человек, задумав убить меня, подстерегает меня в лесу, берет меня на мушку, но затем сам по себе, без вмешательства извне, движимый возвратом к добродетели или по крайней мере раскаянием, останавливается и уходит, то этот человек не преступник...».

Граждане! Вы испытываете удивление... вы не догадываетесь, пожалуй, куда я веду... Какое отношение эта доктрина, изложенная гражданином Вьейаром, имеет к обстоятельствам флореальского процесса... Так вот, да будет вам известно, что те, на кого падают наиболее тяжкие обвинения из всех привлеченных к ответственности, перед вами находятся как раз в положении, описанном государственным обвинителем. Это важная тайна, которую я хотел сохранить, о которой я считал нужным ничего не говорить до сего момента. Ныне пора раскрыть ее, облегчить ваши души и дать вам возможность видеть здесь только граждан, совершенно невинных, с какой бы стороны ни рассматривать их действия.

Я прошу вас и всех, кто меня слушает, снова уделить мне внимание.

Итак, я должен сказать вам, граждане присяжные, я заметил, что в ходе всех довольно двусмысленных поступков, колебаний, действий и демаршей, в которые втягивали Общество демократов, к коему я примкнул как писатель-публицист, я увидел, что все эти люди и я сам, мы незаметно запутывались в своего рода лабиринт, в некое темное, извилистое ущелье, ведущее в конечном счете к тому, что мы все оказались бы опороченными. Я видел, что это объединение демократов имеет наилучшие намерения, но что при этом оно не обладает ни силой, ни средствами и что какой-то скрытый рычаг, какая-то грязная и тайная пружина, используя добродетели этого объединения и возбуждая его членов, стремится использовать их в интересах другой партии, а не партии народа. Я замечал, как возбуждали, провоцировали, всячески инспирировали безумные и необдуманные предложения и как простодушие и патриотическое рвение часто склонны были принимать все это без должного расчета и обдумывания. Создать противовес роялистскому очагу в Клиши; разоблачить его заговоры; произвести против него оборонительные приготовления на случай, если, как он угрожает, он осмелится попытаться низвергнуть Республику; по возможности использовать обстоятельства, созданные ударом, который он нанесет, чтобы предоставить народу полноту его свободы и увеличить его благоденствие. Я сказал бы: вот чего мы хотели бы добиться. Но я замечал коварство инсинуаций, приводивших к отделению народа и патриотов от правительства, к очевидному расколу между ними, к созданию ненависти у республиканцев в равной мере к правительству и к роялистам и в ответ к созданию ненависти у пра-

вительства в равной мере как к чистым и преданным патриотам, так и к роялистам. Я хорошо понял, что все эти махинации и руководство их осуществлением — дело роялизма. Я также хорошо разбирался в мотивах его действий и в его расчетах. Я видел, что расчет его был таков: если мы допустим, чтобы правительство объединилось с влиятельными патриотами и массой народа, они образуют единую партию, направленную против нас, и будут непобедимы. Если мы создадим раскол среди них, будут три партии: партия правительства, наша партия и партия народа. Наша партия и народная будут, правда каждая в отдельности, против правительства, и оно не сможет устоять. Но что тогда произойдет? Кто тогда победит, партия народа или наша, т. е. партия роялизма? Победит партия роялизма. Вот каким образом. Народ обезоружен. Он лишен каких бы то ни было средств для борьбы. Если что-нибудь у него еще остается, мы у него отберем. А между тем то самое правительство, которое мы усыпим, даст нам само или позволит нам захватить множество оружия и других средств, которые помогут нам свергнуть его. Так, на мой взгляд, рассуждал роялизм. Я подумал тогда, что демократы должны со своей стороны произвести расчет, учитывающий расчеты противника. Я сказал себе: в самом деле, если бы началось с того, что роялисты завязали бы бой, что произошло бы и что могли сделать демократы, дабы оказать им сопротивление? Народ недоволен правительством, он не оказал бы ему поддержки в этой борьбе. Горячие демократы вбили себе в голову, что они в этом случае одни окажут сопротивление роялизму, и в величественном восстании, которое тогда произойдет, быть может, сумеют заявить правительству о своем стремлении внести улучшения в его законы. Но, раздумывал я, не подлинная ли это химера? Путем переписки собраны были кое-какие сведения, сообщения о возможностях, которые окажутся у народа в подобном случае. Можно ли дать правильную оценку всего этого? Гарантируют ли собранные таким образом сведения малейший успех народу? Те сведения, которые имеются о силах роялистов, не доказывают ли, что есть все основания полагать, что они одержали бы победу? Каковы ресурсы народа? Где оружие, которым можно было бы располагать? Мы имеем только адреса мест, где они хранятся, для начала надо захватить эти места, и, вероятно, правительство или роялисты овладеют ими раньше кого-либо другого. После стольких поражений, после той усталости, которую вызвало столько революционных потрясений, где найти людей, готовых выступить? На какое число их можно рассчитывать?.. Нет, народ не в состоянии выдержать схватки с роялизмом, если, как все заставляет опасаться, она произойдет. И если, с другой стороны, правительство в подобном случае не будет поддержано народом, если правительство останется изолированным против роялистских орд, Республика окажется в величайшей опасности. Надо избрать иной путь; надо любою ценою спасти основы Республики... Таково, граждане присяжные, было мое заключение.

Тогда лично я принял решение действовать в направлении, противоположном намерению оторвать патриотов и народ от правительства для сопротивления роялизму. Я решил советовать всем демократам отказаться от замысла бороться одним против наемных убийц претендента да еще питать надежды на укрепление свободы на лучших основаниях после победы. Я объяснил, что все это лишь прекрасная иллюзия, и я показал несолидность всего этого путем хладнокровного расчета средств, на которые они могли бы опереться. Я показал им, что эти средства почти сводятся к нулю. Я заявил, что при таких обстоятельствах надлежит отказаться от прекрасных мечтаний, примириться с правительством, таким, какое оно есть, предпочесть его все же монархии, объединиться с ним против последней ради спасения хотя бы названия Республики; ожидать от такого союза улучшений для народа и добиваться их постепенно. Я вас ознакомлю, граждане присяжные, с актами, доказывающими принятие этих различных решений как раз 21 флореаля и отказ от всех противоположных идей.

Я надеюсь, что если я выполню это обещание, то это будет достаточным основанием для применения к нам принципа, изложенного гражданином Вьейаром: «Преступление налицо лишь тогда, когда действие совершено или когда его исполнение было остановлено внешними обстоятельствами, не зависящими от воли исполнителя... Но тот, кто сам по себе, без вмешательства извне... останавливается и уходит, тот не преступник...».

Посмотрим акты, о которых я говорил выше.

В ходе моих показаний в суде (заседание от 2 жерминаля) господин председатель говорил мне о 5-м номере газеты, озаглавленной «Просветитель народа». Он спросил меня, являюсь ли я его автором, и я ответил: да. Председатель, по-видимому, хотел сделать невыгодные для меня выводы из того, что этот номер, который не был напечатан и фигурирует на процессе лишь в виде рукописи, написанной моею рукой; председатель, повторяю, по-видимому, хотел извлечь невыгодные для меня выводы из того, что номер, написанный мною, составленный мною, начинается с письма, подписанного мною, за которым следует мое собственное восхваление в следующих выражениях: «Это столь важное письмо, характер человека, его написавшего, внушаемое им доверие показывают нам наиболее смело и мудро задуманные, наиболее ценные для данного момента меры общественного спасения». «Одновременно, — продолжал председатель, — вы выпускали 42-й номер своего „Трибуна“, в коем вы поместили восхваление „Просветителя“, так что можно было думать, что это два голоса, тогда как у вас был только ваш голос: так вот, я хочу вам сказать, что когда хотят идти к истине прямыми путями, то не пользуются такими приемами».

Это я выписал из стенограммы № 53, стр. 355.

Эти замечания председателя кажутся крайне убедительными, а между тем они лишены основания. Они должны были поста-

вить меня в самое некрасивое положение, а на деле они оказывают мне большую честь. Перейдем с документами в руках к разъяснению этих загадок.

Умоляю граждан присяжных не упустить из виду ни одной из деталей, в рассмотрение коих я вынужден войти. Они чрезвычайно ценны, ибо могут дать им приятную возможность убедиться, что им остается только вынести решение о полном оправдании.

На приведенные мною замечания председателя я ответил следующее.

Граждане, вы заблуждаетесь. Этот 5-й номер «Просветителя» не был написан в одно время с 42-м номером «Трибуна народа». Цифра пять здесь поставлена ошибочно. Этот номер, без даты, не есть настоящий 5-й номер. Настоящий 5-й номер был напечатан, и не я был его автором, так что я не воздавал себе хвалы, когда хвалил его автора в 42-м номере «Трибуна». А тот номер, что вы мне предъявили, тоже имеющий цифру пять, а вернее было бы девять, ибо всего вышло в свет восемь номеров «Просветителя», тот номер, неправильно помеченный цифрой пять, существует только в виде этой, написанной моею рукою черновой рукописи, каковую вы мне показываете; эту рукопись, без даты, я определенно составил в день моего ареста. Я действительно прибег там к такой хитрости, воздал самому себе хвалу. Но я это сделал, движимый могучим и весьма простительным побуждением. Оно, быть может, оправдает меня в ваших глазах, когда я смогу изложить подробно обстоятельства, необходимые для объяснения его.

К этому ответу я добавил заявление, что фактом, до сих пор в процессе не установленным, является то, что газета «Просветитель народа» выходила под руководством Ассоциации демократов, с которою я был связан, и что я редактировал два или три номера этой газеты[75]. Это факт не безразличный для тех вещей, которые мне предстоит сказать, и я должен его предварительно доказать. Чтобы убедиться в том, что я имел некоторое влияние на газету «Просветитель», но что не всегда я ее составлял, достаточно открыть второй том на стр. 83. Там находится написанный от руки — и указано, что моим почерком, — проспект этой газеты, из которого ясно, что к тому времени, когда я писал данный проспект, уже вышло несколько номеров «Просветителя», а это показывает с большой долей вероятия, что ранее я не был его редактором.

Напомним теперь (это необходимо), что́ еще произошло в связи с этим документом, который станет весьма ценным.

На том же заседании 2 жерминаля я сказал председателю: «Вы прочитали только малую часть рукописи „Просветителя", и вы ее комментировали в невыгодном для меня духе... Если бы вам угодно было дать ее прочесть полностью... Поскольку этот документ выдвинут как улика против меня...».

«Я не делаю ее уликой против вас», — возразил председатель.

«Но если я хочу сделать ее доказательством в мою пользу?» — сказал я ему.

«Вы прочтете ее в вашей защитительной речи... Я не могу распоряжаться о зачтении бесполезных документов. Если вы сочтете это полезным, вы ее прочтете...“»

Да, граждане присяжные, я считаю полезным зачитать этот документ здесь хотя бы частично. Я считаю его оправдательным документом, причем не только в отношении меня, но и в отношении всего дела. Поэтому нельзя ничем пренебречь, для того чтобы вы могли правильно судить.

Я также полагаю небесполезным обратить ваше внимание прежде всего на то, что этот документ, который, по-моему, свидетельствует в пользу обвиняемых, только указан, но не приведен полностью, как многие другие, в собрании обвинительных документов. Следовательно, он не был вам представлен для извлечения из него какой-то пользы. Но суд по моей просьбе распорядился выдать мне копию его, коей я сейчас воспользуюсь. Я также считаю очень важным привлечь ваше внимание к тому, что этот документ действительно является частью документов этого процесса. Он также указан на стр. 48 второго тома: «Документы № с 37 по 42 составляют рукопись пятого номера „Просветителя народа, или Защитника 24 миллионов угнетенных“ (эти документы, по-видимому, написаны рукою Бабефа)».

Но я уже сказал, что эта рукопись одного из номеров «Просветителя» была составлена мною 21 флореаля; что она должна послужить к оправданию по всему этому делу; что она выражает решение отказаться от всего, что могло бы быть квалифицировано как заговор.

Прежде чем заняться существом дела, обратим внимание на форму, чтобы доказать, что этот номер был составлен 21 флореаля.

Я сказал, что этот якобы 5-й номер существовал только в рукописи; что цифра пять поставлена по ошибке; что действительный 5-й номер был напечатан ранее; что этот должен был быть 9-м.

Я докажу все это.

Во-первых, что настоящий 5-й номер был напечатан.

Я проверил этот факт в архиве суда. Я нашел настоящий печатный 5-й номер. Он входит в состав бумаг, изъятых у гражданки Аделаиды Ламбер, одной из обвиняемых [76]. Этот печатный 5-й номер датирован 17 жерминаля. Сейчас я его сравню с рукописным 5-м номером без даты, который, я это докажу, относится к 21 флореаля.

Печатный 5-й номер, датированный 17 жерминаля, содержит такое введение:

«Настал момент, когда друзья свободы должны еще плотнее сомкнуть свои ряды и серьезно взглянуть на грозящие Родине заговоры. Настал момент наметить план наших действий в ходе грядущих великих событий. Наглость, проявляемая с некоторых

пор роялистами, постоянный и опустошительный голод, день ото дня распространяющийся все шире, состояние угнетения, нищеты и унижения, под бременем которых изнемогает французский народ... все предвещает близость кризиса тем более страшного, что все клики, раздирающие Республику начиная с термидора II года, объединили свои усилия и ждут, что именно этот кризис раз и навсегда предрешит, кто же окончательно возьмет верх — свобода или тирания. Объединившиеся против нас короли с нетерпением ожидают этой последней схватки угасающей свободы с коалицией всех преступных сил.

Дерзость, проявляемая роялистами с тех пор, как правительство оказывает им открытое покровительство и вместе с тем с ожесточенным безрассудством преследует друзей народа; злорадство, с некоторых пор проявляемое всеми героями Вандемьера, — все это служит бесспорным доказательством их веры в скорое осуществление их планов».

Недатированный рукописный 5-й номер, который, повторяю, был составлен 21 флореаля и должен был иметь номер 9, начинается следующим образом:

«К народу. Граждане! Против вас ведутся страшные козни. Хотят воспользоваться вашей жестокой нуждой, вашим законным недовольством, вашей крайней усталостью и справедливым нетерпением, с коим вы стремитесь положить конец страданиям, поистине невыносимым. Все это хотят использовать, чтобы побудить вас на опрометчивое выступление, под предлогом которого, захватив вас врасплох, надеются устроить всем вам, т. е. всем, кто еще остался из чистых и энергичных патриотов, единую всеобщую резню!!! Вы должны остерегаться всяких вкрадчивых внушений, остерегайтесь всяких обманщиков! Вы окружены ими. Вы окружены антихристом и лжепророками. Ваших подлинных освободителей вы узнаете по верным приметам. Сейчас сохраняйте спокойствие. Вы долго терпели, потерпите же еще немного, дабы вернее обеспечить свое освобождение. Крайняя необходимость, близость опасности вынуждают нас обратиться к вам с этим громогласным предупреждением. Полагайтесь на нас, момент выступления для спасения Родины еще не наступил. Подпись: Гракх Бабеф, редактор Трибуна народа».

Из этого сопоставления уже видно, что оба пятых номера не тождественны, что подлинный 5-й номер — от 17 жерминаля.

Следовательно, другой должен иметь иную дату и относиться к иным обстоятельствам. Мы сейчас увидим, что это действительно обстоятельства 21 флореаля, непосредственно предшествующие моему аресту.

Находясь в описанном мною выше душевном состоянии; глубоко убежденный в ничтожности средств, коими располагали демократы для того, чтобы руководить народом в случае нападения со стороны роялизма; убежденный также в том, что, помимо всех роялистских провокаций, предпринимаются и другие коварные попытки подтолкнуть народ на мелкие выступления; наконец,

предвидя интриги гризелизма, подлинного автора которых я, однако, тогда не подозревал, я решился сделать утром 21 флореаля этот номер, который я начал с придуманного мною письма от самого себя, в коем я заклинал народ не поддаваться ни на какие призывы к выступлению. Я говорил ему, я говорил гражданам Парижа: «Против вас ведутся страшные козни. Хотят воспользоваться вашей нуждой, вашим недовольством, вашей усталостью... чтобы побудить вас на опрометчивое выступление... чтобы устроить всем, кто еще остался из чистых и энергичных патриотов, единую всеобщую резню...». Разве не создается впечатление, будто я был предупрежден о том, что должно было произойти два часа спустя? Будто я был предупрежден о событиях в Гренельском лагере и т. д.?.. Продолжаю: «Вы должны остерегаться всяких вкрадчивых внушений; остерегайтесь всяких обманщиков: вы ими окружены...». Разве не похоже на то, что я чувствовал работу Гризеля, а между тем ни я, ни те, кто получил от него два часа спустя столь лживую, столь коварную, столь предательскую записку, мы тогда не знали, что его надо было остерегаться... Продолжим: «Вы окружены антихристом и лжепророками и т. д. Сейчас сохраняйте спокойствие... Момент выступления для спасения Родины еще не наступил». Опять я как будто чувствовал близость Кошонов, Гризелей, генералов Ганье, капитанов Пешей[77] и, быть может, Парисов и т. д. Я видел, я убедился, я был глубоко уверен, что демократы попали в ужасную западню, что, как я говорил в начале моего письма и номера газеты, «против них ведутся ужасные козни».

Я счел наиболее целесообразным поместить это письмо в «Просветителе» с последующим комментарием к нему. Я мог бы то же самое сказать в «Трибуне», но я полагал, что это не произведет такого впечатления. Я не мог бы там написать от своего имени: «Это столь важное письмо, характер человека, его написавшего, безупречное доверие, им внушаемое, делают его предупреждение ярким лучом света, мерой спасения, наиболее смело и наиболее мудро задуманной, наиболее ценной для данного момента». Разумеется, вопреки тому, что хотели внушить, я прибегнул к этой хитрости отнюдь не ради удовольствия воздать хвалу самому себе. Речь шла о чем-то весьма тонком. В те дни в народе Парижа поддерживали надежду на некое событие, которое в ближайшее время якобы положит конец крайней нужде, от коей он страдал в результате неимоверного упадка доверия к ассигнатам. Надо было устранить подобные мысли и предотвратить волнения, которые могли бы оказаться крайне пагубными. Следовательно, необходимо было провести большие меры предосторожности. Я знал, что в то время мое имя производило в Париже некоторое впечатление среди рабочего люда, что оно внушало некоторое доверие. Я полагал, что могу использовать его для достижения столь важной цели. Я полагал, что ради вящего успеха позволительно будет придать ему еще больший вес, сделав такой комментарий: «Это столь важное письмо, характер человека, его напи-

савшего, внушаемое им доверие и т. д...; пусть после этого еще обвиняют энергичных людей, — продолжал я, — в том, что они смутьяны, лишены чувства меры, лишены благоразумия и умеренности». Конечно, здесь нетрудно различить мою цель. Я хотел, чтобы люди сказали: стало быть, надо воздержаться от действий, раз такой человек, как Бабеф, который обычно вовсе не сторонник умеренности, дает нам подобный совет и говорит, что было бы опасно вести себя по-другому.

Более чем очевидно, граждане присяжные, что все это может относиться только к обстоятельствам дней флореаля, непосредственно предшествовавшим моему аресту, — значит, доказано, поскольку дело касается меня, что я отказался от всего, что могло бы быть квалифицировано как заговор против правительства. И эту работу я заканчивал как раз в момент, когда пришли меня арестовать! Стало быть, верно, что правительство в моем лице арестовало новообращенного? Признаюсь, что в том же номере я также давал понять, что требуемое мной спокойствие только временное, только отсрочка. Но кто не поймет, что это вызывалось необходимостью считаться с состоянием умов, в то время крайне раздраженных? Кто не согласится, что показался бы крайне подозрительным со стороны писателей, работающих в «Просветителе» и в «Трибуне народа», их внезапный переход от белого к черному, от пылких призывов к проявлению энергии и высшего мужества к проповеди вечного мира и невозмутимого смирения?

Но я хочу привести еще один документ, включенный в тома так называемых уличающих материалов. Обвинители и суд им еще не пользовались. Я надеюсь, что он также послужит защите обвиняемых, и притом еще в большей степени, чем предыдущий. Этот документ тоже написан моею рукою и не имеет даты, но я отношу его по памяти к 20 флореаля, и его содержание подтвердит такую датировку. Он находится на стр. 41 второго тома:

«Относительно слухов о новом 31 мая и о новом 13 вандемьера.

Постановление о закрытии патриотических собраний и притонов шуанов вызывает всякого рода брожения. «Порядочные люди», на коих эта кара падает менее кровавым образом, нежели на сторонников и защитников угнетенного класса, скрывают свое недовольство, ибо оно смягчено удовлетворением, испытываемым при виде того, как наказывают тех, кого называют якобинцами, и их друзей. Итак, шуанизм скрывает недовольство; и, закрывая глаза также и на свое незначительное поражение, он старается показать, что видит лишь свою победу в уничтожении общества Пантеона. Мы видим, как эта подлая и всегда гибкая змея извивается и пытается использовать это как предлог для новой реакции. Если бы мы еще способны были удивляться бесстыдству их подголосков, то вызвало бы удивление предложение, опубликованное в «Газете законов», № 197, об освобождении от призыва на военную службу золотой молодежи на том основании, что «эта молодежь, которая спасла Конвент в прериале, сможет

также оказать сопротивление новому 31 мая, замышляемому господами якобинцами». Кто здесь не придет в восторг от рвения господ прериальцев? Но кто не знает того, что господа прериальцы суть также и господа вандемьерцы? Кто не знает также, что со своей стороны якобинцы обвиняют господ роялистов в подготовке нового Вандемьера? Во что надо больше верить? В 13 вандемьера или в 31 мая? Хорошо было бы знать хотя бы это, чтобы иметь возможность подготовить народ против господ, как в вандемьере, или господ против санкюлотов, как это было 1 прериаля. Несомненно, что все партии находятся в состоянии возбуждения и каждая из них занимает столь крайнюю позицию, что не исключено, что каждая сторона тайно желает схватки. Народ столь несчастен, что, вероятно, он не упустил бы случая помериться силами с классом вымогателей и спекулянтов, в коих он видит виновников всех своих страданий. Сословие богачей знает, до какой степени его ненавидит угнетаемое им большинство. Это заставляет его мечтать о таком событии, которое позволило бы ему навсегда подавить санкюлотов, навести на них ужас, обуздать их так, чтобы они его больше не тревожили. Заодно они хотели бы также восстановить, если удастся, этот милый трон, под сенью коего они надеются легче укрепить сладостный режим хозяев и слуг. Если бы правительство хотело действовать в согласии с людьми из народа, чтобы обеспечить последнему его права, ему [*правительству*] не приходилось бы опасаться никакого нападения со стороны партии Вандемьера. Но можно ли умолчать о том, что, если бы такое нападение произошло, воспоминание о недавних событиях, воспринятых народом как последнее посягательство на его права, не могло не охладить его пыла и подвергло бы Родину опасностям большим, чем те, коим она подверглась перед концом работы Конвента? В том маловероятном случае, если, напротив, произойдет новое 31 мая, замысел которого — всего лишь плод воображения шуанов, положение правительства тоже было бы не более благоприятным... О, весьма похоже на то, что шуаны не стали бы мешать проведению 31 мая, а если бы они в него вмешались, то для того, чтобы превратить его в вандемьерское движение, коль скоро им показалось бы, что можно привести его к более удачному завершению, чем в прошлый раз.

Итак, доказано, что в том и в другом случае наименьший риск, коему подвергается правительство, это остаться совершенно изолированным и стать добычей той партии, которая на него нападет. Стало быть, оно действовало очень плохо. Оно вело себя весьма неполитично, вызывая недовольство патриотов, способных оказать ему поддержку против той партии, которая в действительности наиболее реально угрожает ему. Право, хочется стонать при виде того, как оно оттолкнуло от себя подлинных республиканцев, а также тех последствий, которые повлечет за собою его изоляция. В результате Директории приходится довольствоваться таким рассуждением: «У нас есть наши солдаты». Но не-

ужели мы уже дошли до того, что нами правит военное правительство, и легко ли сможет у нас прижиться военное правительство? Солдаты тоже из народа, они с ним сообщаются, интересы у них одинаковые: народ передает военным все, что он чувствует, все, что он думает, и у народа и армии будет единый дух. Уже сейчас заметна борьба между народом и правительством за влияние на солдат. Какое несчастье, что мы дошли до этого! И что это нам предвещает? Почему народ ласкает армию? Почему то же делает правительство? Неужто и правительство, и народ хотят воспользоваться ею, каждый против другого? Все это слишком явно, и желание быть правдивым не позволяет нам сказать, что это соперничество склоняется в пользу правительства. Это видно по тому удивительному воздействию, которое произвело воззвание, расклеенное в Париже, под заголовком: «Солдат, остановись и прочти». Пытаться скрыть, что это воззвание исходит от изгнанных пантеонистов, значило бы отрицать очевидное. Но именно вследствие его очевидности нельзя пренебречь этим обстоятельством. Жадность, с какою были подхвачены и выражения крайнего неудовольствия мероприятием Директории, и сопоставление отношения к защитникам Родины у так называемых якобинцев и у членов правительства, эта жадность не оставляет места для сомнений в том, что общественное мнение склоняется на сторону авторов воззвания. Что касается упомянутого разного отношения, то оно выражается в различии между желанием осуществить торжественно изданные законы, гарантирующие вспомоществование нашим защитникам и их семьям, и стремлением ограничиться некоторыми денежными подачками, раздачей водки, ликеров и т. д. Быть может, пока еще только от правительства зависит, примирится ли оно со всеми, благодаря кому и ради кого оно существует, и остановит ли рост недовольства, последствия коего трудно и болезненно поддаются учету».

Разве трудно было уловить общий дух этого документа? Разве это не подлинное примирение, искренне предложенное объединение патриотов и народа с правительством в целях сплочения всех сил против роялизма? Здесь ясно и четко изложено то, что в номере «Просветителя» осмелились сказать лишь вскользь. В этом номере была лишь половина мысли, это был предварительный акт, который должен был подготовить умы к восприятию другого сочинения, только что мною зачитанного, в котором мысль изложена целиком, как определенное, ясное предложение искреннего и лояльного объединения вокруг власти, коей доверено дело сохранения Республики. Что здесь говорят правительству? Указывают, что партии наблюдают друг за другом и, по-видимому, ждут с нетерпением начала схватки. Говорят о новом 31 мая и о новом 13 вандемьера, т. е. о якобинском выступлении и о роялистском выступлении. Говорят, что роялисты после закрытия патриотических обществ, стали льстить правительству, что они делают вид, будто благодарны ему за это, стараясь снис-

кать таким образом его доверие, усыпить его, ради того чтобы его задушить. Они напоминают ему о заслугах той молодежи, которая хвастается тем, что спасла Конвент в прериале, и дают понять, что она могла бы еще раз спасти правительство от последствий нового 31 мая, которое, как они утверждают, готовится. Посредством этой лести и этих хитростей роялисты намерены добиться того, чтобы было забыто их вооруженное выступление против властей в вандемьере и их стремление захватить часть постов и должностей, которые облегчат им совершение нового Вандемьера. В документе ставится вопрос: что должно делать правительство перед лицом двойной угрозы, нового Вандемьера и нового 31 мая? Должно ли оно стараться противопоставить господ народу, как в прериале, или народ господам, как в вандемьере? Следующее место весьма примечательно: «Чего же хотят по существу? .. Восстановить этот милый трон, под сенью которого легче будет укрепить царство хозяев и слуг». Затем там ставится вопрос, что произошло бы с правительством в случае роялистского или народного выступления. Высказывается мнение, что в случае агрессии со стороны роялизма народ, плохо вознагражденный за мужество, проявленное им в вандемьере, не проявил бы, пожалуй, такого же рвения для защиты власти, подвергшейся нападению. Высказывается также мнение, что в случае восстания класса людей в лохмотьях те, кто нападали в вандемьере, захотят, вероятно, вмешаться только для того, чтобы отомстить за то поражение и повернуть, если возможно, ход событий в свою пользу. В обоих случаях правительство рискует очутиться всеми покинутым и сможет опереться только на своих солдат, да и то не исключено, что роялистской партии удастся ими овладеть, перетянув на свою сторону командиров. Тем временем Республика окажется в опасности. Из этого делается вывод, что единственное исцеление — в единении правительства с народом и народа с правительством. Поэтому-то воззвание и заканчивается знаменательной фразой: «Пока еще только от правительства зависит, примирится ли оно со всеми, благодаря кому и ради кого оно существует, и остановит ли рост недовольства, последствия коего трудно и болезненно поддаются учету. Подпись: Г. Бабеф».

Итак, вот что, граждане присяжные, мнимый руководитель флореальского заговора писал накануне своего ареста, и обстоятельства, о коих говорится в воззвании, не позволяют отнести его к другому времени. Итак, перед нами недвусмысленный отказ от всяких проектов, направленных против правительства 1795 года, от которого требуют только, чтобы оно правило в народном духе. Перед нами искреннее и подлинное предложение примирения. Перед нами капитуляция, подписанная и скрепленная печатью. Мне скажут: она исходит только от вас. Я отвечу: она исходит от всех. Поскольку, как публицист, я выступал от имени Общества, главным образом занятого воздействием на общественное мнение, ясно, что все, что я публиковал, должно было

быть им одобрено. Следовательно, сочинения, только что приведенные мною в оправдание, были в такой же мере выражением его мысли, как и моей. Кроме того, эти сочинения были предназначены для распространения между всеми патриотами и в народе; сочувственный прием, который они встретили, делал их как бы выражением общего мнения. Следовательно, отказ от всякой мысли, от всякого замысла, враждебного установленному правительству, отказ, содержащийся в цитированных мной сочинениях, вполне может быть отнесен не только ко всем обвиняемым по флореальскому делу, но и ко всей массе патриотов, которые за ними следовали.

Итак, даже предполагая наличие замыслов, столь серьезных, как те, что угодно было изобразить в обвинении, есть основание требовать общего оправдания, исходя из принципов и доктрины, изложенных самими государственными обвинителями.

Преступление налицо лишь тогда, когда действие совершено или когда его совершение было прекращено «обстоятельствами, не зависящими от воли исполнителя. Так, например, если человек, задумав убить меня, подстерегает меня в лесу, берет меня на мушку, но затем, сам по себе, без вмешательства извне, движимый возвратом к добродетели или по крайней мере раскаянием, останавливается и уходит, то этот человек не преступник...».

Граждане присяжные! Полагаю, я доказал, что не было действительного намерения, действительной мысли устроить заговор, что не было ни возможности, ни средств осуществления заговора и что если бы даже и было что-либо похожее на такой проект, то было и недвусмысленное отречение от него до выполнения, что́, в соответствии с принципами, исключает наличие преступления.

Я рассматривал доказательство этого как общую защиту по данному делу. Мне остается частная задача моей личной защиты, в ходе которой я должен показать, что никогда не был заговорщиком.

Я выполняю эту задачу, основываясь на той части доклада государственных обвинителей, которая относится лично ко мне.

Поскольку большинство вопросов, вошедших в эту отдельную главу работы гражданина Байи, окажутся уже рассмотренными мною в общей части этой защитительной речи, я часто буду отсылать к ней и соответственно сокращу эту личную часть.

Я признал, что участвовал в деятельности «Общества демократов» в качестве публициста, архивариуса и секретаря. Я полагаю, что достаточно оправдался в отношении первых двух из выполняемых мною функций. Что касается третьей, мне пришлось выполнять ее всего лишь в двух или трех случаях. В частности, я написал под диктовку записку к Клерксу и записку к Гризелю от 21 флореаля: в обеих я отчитался в своем общем обзоре и не буду к этому возвращаться.

Но гражданин Байи в своем докладе настойчиво награждал меня совсем другим титулом — титулом руководителя.

Первое предъявляемое мне в докладе обвинение заключается в том, что я был провозглашен «руководителем Равных» Ш. Жерменом 26 вантоза, к каковому моменту восходит, в соответствии с докладом, заговор, который поначалу датировали 10 жерминаля IV года... Да что! Этот заговор относили и к прериалю III года! Мало того! Его происхождение вели от Робеспьера!.. Но возвращаюсь к званию «руководителя», коим наградил меня некий «равный». Оставляя в стороне бросающееся в глаза любому противоречие между этими двумя словами — «руководитель» и «равный», я показал в общей части этой защитительной речи, сколь легковесны те рассуждения, с помощью которых из одной фразы письма Жермена всерьез хотят сделать вывод о существовании официально признанного руководителя. Я показал, что было бы чересчур великодушно присваивать мне звание «руководителя», которому автор письма, конечно, не придавал значения, точно соответствующего этому слову; звание, которое, с другой стороны, я нашел бы слишком смешным и никогда бы на него не согласился; оно вызвало бы у меня удивление, я бы отнюдь его не принял и не подумал бы сохранять его ко времени мнимого заговора, о коем не могло быть и речи в то время, когда это письмо писалось. Я рад отметить, что это слово «руководитель» больше нигде не повторяется и что, таким образом, утверждение о сохранении мною этого звания лишено основания и совершенно голословно. Итак, мне кажется, что нет надобности мне больше распространяться на данную тему, чтобы опровергнуть это утверждение.

Затем мое заявление, что в Обществе демократов я только слово в слово копировал подлинники, пытались опровергнуть с помощью иронии и сарказма. Это оружие насмешки всегда свидетельствует об отсутствии у того, кто им пользуется, других доказательств. Не имея возможности доказать ложность моего заявления о том, что я действительно только снимал копии, суд прибег к насмешке, чтобы убедить в неправдоподобности этого заявления!..

«Этот властный и высокомерный демократ, — сказал обвинитель Байи, — перед лицом Верховного суда хочет казаться слабым и ничтожным существом, низведенным до жалкой роли рабского копииста на службе у маленькой группки филантропов, размышляющих о том, как вести народ к *чистой демократии*. Но может ли кого-нибудь обмануть эта метаморфоза? Увертки и колебания этого гиганта, превратившегося в пигмея, не уничтожили и не ослабили тех фактов и документов, которые были ему предъявлены в обвинительном акте и в ходе судебного разбирательства».

Очень большое значение было придано обстоятельству, отмеченному в некоторых копиях, написанных моею рукою. Сочли возможным признать их подлинными рукописями на том основа-

нии, что в них были приметы, свидетельствующие, что писавший был и составителем; так, например, ряд слов был зачеркнут и заменен другими... Помимо того, что в ходе судебного разбирательства было указано, что такие особенности отмечены лишь в нескольких из документов, являющихся, по моему утверждению, копиями, у меня есть на этот счет ответ, который те из граждан присяжных, кто знаком с кабинетной работой, вполне смогут понять. Человек, привыкший составлять текст, находит очень скучною механическую работу копирования. Если временно ему приходится заниматься этим, для него это пытка. По крайней мере, я воспринимаю это именно так; ум чем-нибудь занят, я думаю о чем-то совсем другом, и я почти всегда делаю больше ошибок, когда копирую, чем когда сочиняю. Рассеянность, скука, торопливость, нетерпение — все это причины того, что мне редко удавалось сделать без помарок даже выписки из книг или что-либо в этом роде... Есть и другая причина помарок, найденных в снятых мною копиях, — помарок, которые отнюдь не доказывают, что эти копии — подлинники. Дело в том, и я это уже отметил в ходе судебного разбирательства, что среди граждан, занимавшихся перепиской Общества демократов, некоторые были не очень сильны в искусстве владения слогом, по крайней мере я так считал. Поэтому в тех копиях, которые должны были служить мне только как заметки для памяти, я позволил себе сокращать иногда растянутые фразы, длинноты, казавшиеся (мне, по крайней мере) ненужными. Эти исправления побуждали меня делать помарки, поскольку я тогда как бы сам сочинял... Затем против меня оборачивали то, что на некоторых бумагах наверху встречаются слова: «столько-то копий». При этом заранее предполагалось, что это было указание копировальщику, сколько надо снять копий, а такое указание могло, дескать, быть только на подлинниках, и, следовательно, эти документы подлинники. А все же нет: это ваши допущения, граждане обвинители; а вот мои объяснения. Когда я в свою копию переписывал увиденную на подлиннике пометку, указывавшую, сколько копий снять, это могло иногда делаться мною машинально, но отнюдь не всегда происходило именно таким образом. И вот почему: значение, которое я придавал наблюдению за развитием общественного мнения, заставляло меня обращать особое внимание на то, насколько и в каких местах это развитие шло особенно успешно. И, в частности, какое число копий откуда затребовано. Таким образом, я знал, каким и скольким корреспондентам те или иные указания, запросы, инструкции были посланы, и это позволяло мне сравнивать действие, произведенное теми или иными предложениями в различных местах. Объяснения, данные государственными обвинителями, не являются единственно возможными, и мы можем лучше, чем они, разъяснить мотивы, руководившие нами в наших делах.

Есть еще одно обстоятельство, подтверждающее только что сказанное мною, а именно пометки «одна, две, пятнадцать копий»

вовсе не доказывают того, что эти документы, написанные моей рукой, являются подлинниками. Я черпаю это доказательство в показаниях Пийе на заседании 13 жерминаля. Председатель обратился тогда к обвиняемому с вопросом, содержали ли пакеты, которые, по его словам, ему передавали один за другим и которые Феликс Лепелетье разрешил ему открывать, что-либо иное, кроме подлинников, которые он копировал?.. Пийе отвечает, что, помимо подлинников, там обычно была записка, в которой ему указывалось сделать столько-то копий. Эта деталь подтверждается стенограммой. Из этого видно, что копировальщик получал указание о количестве копий способом, независимым от помет, найденных на том, что называют моими подлинниками. Стало быть, эти пометки имели другое назначение. А именно то, о котором я говорил: они служили для того, чтобы припомнить, во сколько мест то или иное письмо Общества было послано, чтобы затем можно было увидеть, в каких из этих мест оно показало лучшие результаты.

Другая часть заявления Пийе казалась менее для меня благоприятною. Он сказал, что большинство своих копий он снял с моих подлинников, и прежде всего большое их число он снял на глазах и под руководством Феликса Лепелетье. Но я уже заметил, и граждане присяжные знают, ибо видели и слышали, что Пийе делает и говорит только то, что внушено ему какими-то демонами. Долгое время ему было очень трудно узнать, сильнее ли демоны Креспена[78] и Найе[79] демона Филипа[80]. Я, пожалуй, не смогу точно сказать, какой демон овладел рассудком несчастного Пийе со времени нашего общего ареста. Но во всяком случае я ясно вижу, что этот демон особенно враждебно относится к Феликсу Лепелетье и ко мне. Он пребывает в состоянии непрестанного ожесточения против нас обоих... Граждане присяжные! После того как вы видели все скрытые, чудовищные интриги, разыгравшиеся с начала этого процесса!.. После того как вы видели, как самоотверженные и добродетельные люди пришли сюда, презрев проклятья и идя навстречу своей почти верной гибели, для того чтобы воздать дань уважения правде и справедливости, а также людям, постоянно служащим культу этой справедливости, но в то же время признавали, что едва не поддались соблазну, когда их искушали обещанием возвратить им свободу; после того как вы слышали здесь Менье и Барбье[81], рассказавших вам о том, как Жерар и другие нечистоплотные люди гнусно продались и пытались заставить их служить орудием нашей гибели, вам нетрудно будет понять, насколько просто было управлять несчастным человеком, разум которого столь хрупок, как у Пийе!.. Того Пийе, которого я видел 21 флореаля плачущим у министра полиции, потому что последний как будто не соглашался отпустить его на свободу еще до вечера: он рисковал, говорил он, поздно вернуться домой, и его мать будет очень тревожиться... Вам нетрудно будет понять, какие приманки убедили его пуститься в такие обширные и неожиданные откровения пе-

ред ревностным Жераром, руководителем жюри!.. Вам нетрудно будет понять, почему вас[14*] убеждали относиться к нему с крайнею снисходительностью!.. И я тоже попросил бы вас, если бы в этом была нужда, относиться к нему, как к нищему умом, но я призвал бы вас в то же время не придавать его заявлениям большего значения, нежели то, коего они заслуживают.

Обратите внимание: он сказал вам, что начал работать на глазах у Феликса Лепелетье еще до 10 жерминаля и работал у него примерно до 10 флореаля, поскольку ко мне он прибыл, по его словам, дней за 10—12 до 21 флореаля. Стало быть, по его словам, он проработал примерно месяц под руководством Феликса Лепелетье, а с другой стороны, он вам заявил, что Феликс Лепелетье постоянно проживал в Версале и не имел жилища в Париже, что он лишь приезжал туда несколько раз и обедал у своей племянницы, дочери Мишеля Лепелетье. И там-то, как изволил сказать Пийе, в доме первого мученика за дело Республики, создавался, плелся в течение месяца великий заговор против Республики! Но как представить себе, что Феликс Лепелетье, лишь время от времени приходивший к своей племяннице обедать, мог так всем распоряжаться в ее доме, что устроил там настоящую штаб-квартиру заговора?.. Уж не заподозрят ли, что и дочь Мишеля была первой участницей заговора? Это вполне устроило бы тех, кто хочет подвергнуть гонениям всех родственников людей, сыгравших выдающуюся роль в нашей Революции. Но опять-таки правдоподобно ли, что документы заговора составлялись и переписывались на квартире дочери Мишеля Лепелетье в продолжение всего времени, пока длилась вся эта подозрительная деятельность, за исключением 10—12 дней, а бюро главных инициаторов этого заговора не находилось там же? Зачем понадобилось, чтобы Дютиль или Дидье носили подлинники запечатанными?.. Пора, пожалуй, признать крайнюю нелепость этой сказки о том, что штаб заговорщиков находился у племянницы Феликса Лепелетье, в то время как сам Феликс Лепелетье, который им руководил, постоянно жил в Версале и лишь иногда приходил обедать к своей парижской племяннице.

Как бы там ни было, следует заметить, в частности, касательно меня, что слабая голова Пийе и легкость, с которою он поддается любому внушению, не позволяют принимать на веру его заявление, ч т о о н д у м а е т, будто большая часть подлинников, с коих он снимал копии у племянницы Феликса, были написаны моей рукой. Благоволите, граждане присяжные, припомнить его показания на суде. Я только что вновь посмотрел их в с т е н о г р а м м е. Он нигде ничего не утверждает. Он всюду говорит: «Я думаю». Он говорит, ч т о д у м а е т, ч т о МНОГО с н я т ы х и м у племянницы Лепелетье к о п и й, еще до тех 10—12 дней, когда он познакомился со мною, б ы л и н а п и с а н ы м о е ю р у-

---

[14*] *В оригинале «nous» (нас), что не согласуется с контекстом.— Перев.*

кою[15*], исключая акт о создании Повстанческой директории (там же), исключая также два документа, писанных рукой Буонарроти, о коих он сперва сказал, что ДУМАЕТ, будто скопировал их у племянницы, а затем, что думает, что сделал это у меня (там же, стр. 176), исключая также акт О ВОССТАНИИ, с коего он скопировал только три страницы с печатного экземпляра и никогда не видел рукописного подлинника (стр. 189, № 74). Затем он опять-таки только ДУМАЕТ, что рукописный подлинник обращения народа к полицейскому легиону составлен мной (там же, стр. 187). Наконец, обо всех рукописных подлинниках, скопированных им у племянницы Феликса Лепелетье, МНОГИЕ из которых, как он полагает, написаны моей рукой, он говорит, что не знает, насколько в этом отношении может положиться на свою память, ибо он возвращал подлинники сразу по снятии копии и больше их не видел: что он, впрочем не знал, от кого исходили эти подлинники; что он не знал ни Бабефа, ни его почерка; что он судил только путем сравнения по памяти, когда он со мною познакомился и узнал мой почерк в течение десяти дней, предшествовавших его аресту; ЧТО, ОДНАКО, ОН НЕ ЭКСПЕРТ В ПОЧЕРКАХ... Все это текстуально зафиксировано на стр. 176, № 73 стенограммы.

Итак, отсюда следует, что если бы даже психическое состояние Пийе придавало больше веса его показаниям, одной этой неуверенности в его заявлениях было бы достаточно, чтобы утверждать, что отнюдь нельзя считать установленным, будто документы, с которых он снимал копии до последних десяти дней перед 21 флореаля, были написаны моей рукой.

Стало быть, это сильнейшим образом подтверждает предположение, что те документы, которые хотели считать составленными мною подлинниками, в действительности только копии или заметки, выдержки, сделанные в целях, мною объясненных.

Это доказывается также и тем, что есть много важных документов переписки, не имеющих этих мнимых, мною сделанных подлинников. Это потому, что мне некогда было их переписать. И мы увидим из описания этих документов, которое я сейчас дам, что причиной, почему я их не переписал так же быстро, как другие, было то, что большинство их — самые длинные из всей корреспонденции.

Вот документы, у коих нет копий, написанных моей рукой и выдаваемых за подлинники.

Том первый, стр. 205, документ № 95, связка 7-я, циркуляр от 17 жерминаля, являющийся, по-видимому, дополнением к инструкции корреспондентам.

15* См. № 77, стр. 176 Стенограммы.

Тот же том, стр. 201, документ № 92, связка 7-я, циркуляр от 26 жерминаля, в котором корреспондентов предостерегают против слухов о существовании Тайного комитета бывших членов Конвента.

Тот же том, стр. 199, документ № 90, связка 7-я, циркуляр от 27 жерминаля, в котором запрашиваются сведения о численности контрреволюционеров и патриотов и т. д.

Тот же том, стр. 198, документ № 88, связка 7-я, циркуляр от 29 жерминаля, в котором запрашиваются сведения о местах, где укрыто оружие, и т. д.

Тот же том, стр. 187, документ № 67, связка 7-я, циркуляр от 29 жерминаля о состоянии общественного мнения и о средствах его активизации.

Тот же том, стр. 194, документ № 84, связка 7-я, циркуляр от 6 флореаля по тому же вопросу.

Тот же том, стр. 191, документ № 82, связка 7-я, циркуляр от 7 флореаля, имеющий целью помешать замышляемому аресту бывших членов Конвента и других граждан и т. д.

Тот же том, стр. 186, документ № 66, связка 7-я, циркуляр от 8 флореаля, начинающийся словом: «Поспешим».

Тот же том, стр. 190, документ № 78, связка 7-я, циркуляр от 9 флореаля, начинающийся словами: «Пришел час покончить с тиранией».

Тот же том, стр. 34, документ № 15, связка 2-я: Обращение к полицейскому легиону от 9 флореаля.

Тот же том, стр. 183, документ № 63, связка 7-я, циркуляр от 17 флореаля о способах проведения братания, примирения между различными отрядами защитников Родины, в среду которых сумели внести раскол.

Тот же том, стр. 80, документ № 11, связка 7-я, циркуляр от 18 флореаля о мнимом присоединении к демократам некоего Комитета бывших членов Конвента.

Граждане присяжные! Вот что несомненно заслуживает вашего самого серьезного внимания! Где в материалах переписки можно было бы найти больше всего материала для обвинения? Конечно, в тех документах, которые я только что вам перечислил. Эти документы в основном и составляют центральную корреспонденцию. Это все большие циркуляры, послужившие для приведения в движение того, что получило название крупных мер. И что же! Во всем этом нет никаких написанных моею рукой копий, которые можно было бы назвать подлинниками. Все эти важные документы существуют исключительно в виде копий, написанных рукой Пийе. Почему же так? Почему среди них нет, как среди многих других, копий или выписок вроде тех, которые мои обвинители называют подлинниками? Я уже сказал. Дело в том, что это документы очень пространные, и я начал с копий и выдержек из более коротких; я предполагал переписать или резюмировать затем также и эти, но не успел. Следовательно, с меня снимается, по меньшей мере, тяжесть обвинения в ав-

торстве данных документов, а это, я думаю, немалое облегчение.

Почему не находится следа ни одного подлинника этой важнейшей части корреспонденции? А вот почему. Было основание для опасения, и оно оправдалось, что, каковы бы ни были намерения авторов этих документов, свободная и энергичная манера изложения, так же как и само содержание писем могут серьезно скомпрометировать тех, кто будет признан их авторами. Интересы дела, естественно, диктовали соблюдение известных предосторожностей. Кроме того, принято было во внимание указание корреспондента IV округа (стр. 123 второго тома), посоветовавшего сжечь подлинники писем. Стали применять эту меру в отношении подлинников, составленных членами Общества.

Исходя из того, что, как я показал, простые предположения и неуверенные припоминания Пийе дают весьма мало оснований для утверждения, будто это я написал часть подлинников, скопированных им более чем за десять дней до нашего ареста; напомнив затем, что в важнейшей части переписки, а именно в циркулярах, касающихся основных требований и главных мероприятий, не существует даже черновых набросков, сделанных моей рукой, которые можно было бы счесть подлинниками, я заявляю, что сокрушил важнейшую часть направленного лично против меня обвинения, выдвинутого гражданином Байи в его докладе, где он утверждает, что я вовсе не был только публицистом, архивариусом и иногда секретарем Общества демократов и что я, бесспорно, был главою, руководителем основных операций, вдохновителем и составителем всей переписки. Сколь много выводов можно из этого сделать сейчас! Так называемый «акт создания», акт мнимого учреждения некоей Директории не сочинен мною. Пийе, т. е. первый им завладевший, дает волю своему воображению, но имеет лишь смутное представление, основанное на сопоставлениях и припоминаниях, будто он снимал копии с подлинников, написанных моим почерком, и это было ранее десяти дней, предшествовавших его аресту. В важнейшей части переписки нет никакого следа моего участия. «Акт о восстании», печатный экземпляр которого был найден в папке документов, тоже написан не мною... Ибо Пийе сказал, что он не видел его подлинника, написанного мною или кем-либо другим; что он скопировал только три страницы с печатного экземпляра.

Между тем государственный обвинитель Байи в своем докладе относит всю центральную корреспонденцию на счет Бабефа. Он приписывает мне даже ту основную ее часть, в которой, как я показал, не существует ни копий, ни подлинников, сделанных кем-либо, кроме Пийе. Излагая все эти пространные циркуляры, в которых нет ни одного слова от меня, он заявляет: Бабеф от имени Директории общественного спасения пишет то-то; тогда-то Бабеф сообщает то-то; тогда-то он приказывает или предписывает то-то.

А чтобы доказать, что те документы, копии или выписки из которых он обнаружил, являются написанными мною подлинни-

ками, он пользуется восхитительной уловкой. Бабеф, говорит он, изъясняется в первом лице и во множественном числе; он говорит «мы», «наш», что бесспорно доказывает, что он входит в состав ассоциации, от имени которой он и писал. Какое сокрушительное рассуждение; как будто всем, даже младшему школьнику, не известно, что, когда человек копирует, он только переписывает то, что перед ним лежит; он пишет «мы» там, где это написано, потому что он пишет за тех, кто суть «мы», т. е. многие, а не пишет за себя «одного»... После того как мне пришлось отвечать на подобные аргументы, пожалуй, меня можно на законном основании освободить от опровержения многих других?

Теперь я должен возразить гражданину Байи относительно звания архивариуса Общества, ибо это третье предъявляемое мне им обвинение: «Это он сделал надписи-заглавия на 19 из 22 связок документов, послуживших материалом для обвинения и захваченных в помещении, где он находился в момент ареста; это он датировал около половины этих документов, привел их в порядок и классифицировал для наибольшего удобства ассоциации. Он в этом определенно признался».

Да, я в этом признался. Почему же в данном случае никто не считает, что жалкая роль простого архивариуса слишком ничтожна для меня? Однако очевидно, что я сделал надписи на 19 связках и поставил даты более чем на половине всех документов... Зачем было это делать, спросил меня председатель во время судебного разбирательства, если верно, что вам нужно было только снимать копии для вашего личного ознакомления? Что на это ответить? Я делал это именно потому, что мне нужно было заглядывать во все бумаги для моего личного ознакомления. Если Общество демократов пожелало дать мне возможность ознакомиться со всеми его работами, то было вполне естественно, что, выполняя подобную задачу, я почувствовал необходимость навести некоторый порядок в этих бумагах. Всякий человек, если в его распоряжении имеются какие-то бумаги, так или иначе приводит их в порядок, чтобы иметь возможность в них разбираться. И в данный момент я продолжаю быть архивариусом; свою защитительную речь я разделил на четыре части, каждую из них я разместил в отдельной папке, снабженной специальной надписью; разве это тоже преступление?

Я должен восстанавливать правду всюду, где ее искажают в ущерб мне. Из того, что я сказал, что все бумаги, которые приписывались мне, как автору, были только копиями, снятыми мною с других подлинников, вовсе не следует, что «я принизил себя до ничтожной роли жалкого кописта». И поскольку не существует доказательств обратного, то простых предположений, основанных на лестном для меня убеждении, будто я создан для иной роли, недостаточно, ибо сам я не чувствую себя униженным той ролью. Но здесь надо напомнить после всего мною рассказанного до сих пор, какую роль я действительно играл в Обществе демократов.

На меня была возложена задача направлять общественное мнение в духе чистых принципов демократии, коим я уже ранее верно служил в предыдущих номерах «Трибуна». Главное условие было следующее: мне будет дана возможность ознакомления со всеми трудами Общества, с отдельными сочинениями, которые оно само распространяло в целях просвещения народа и расширения его осведомленности, с заметками и сообщениями, которые оно собирало о прогрессе общественной мысли, а я должен буду координировать, согласовывать со всем этим мои выступления как трибуна, чтобы во всех сочинениях, которые будут издаваться ради восстановления морального состояния народа, ради закалки его патриотизма, ослабленного действием реакции, была видна одна и та же точка зрения, звучали одинаковые наставления, выдержанные в одном тоне и в равной мере энергичные. Затем, когда Общество установило постоянную переписку со своими парижскими корреспондентами, я, чувствуя, сколь необходимо быть беспрерывно осведомленным о прогрессе и регрессе общественной мысли, о температуре общественного мнения каждый день, счел полезным сохранять у себя копии большей части писем, адресованных Обществом корреспондентам, дабы иметь возможность, сопоставляя запросы и ответы, создавать себе определенные представления на сей предмет. Обработка этих заметок отнюдь не дело «жалкого кописта». Каждый человек, принимающийся за любое дело, начинает с того, что собирает нужные материалы; никто не скажет о нем, однако, что он всего лишь чернорабочий или «пигмей». Каждый литератор, и особенно каждый публицист, должен собирать заметки, являющиеся материалом для того здания, которое он решил воздвигнуть: по необходимости он действует сначала как чернорабочий, хотя правильно ли так говорить о человеке, отыскивающем со знанием дела материалы, которые он использует для разработки задуманной им темы. Лишь затем он становится архитектором. Таково было мое положение, когда я копировал некоторые подлинные документы Общества демократов.

Заявив, что я был его публицистом, я тем самым вовсе не говорил, что я был его переписчиком. Звание публициста не унижало меня. Стало быть, делать вид, будто забыли про это важное и высокое звание публициста, и утверждать, что я намеренно принижаю себя здесь до жалкой роли мелкого кописта, — значит заниматься весьма злобными софизмами. Если бы я назвался простым копистом, я бы говорил, что ежедневно снимал обыкновенные копии для рассылки корреспондентам Общества. Я сказал бы вам: вот таким было мое обычное занятие. Я это никогда не утверждал. Я сказал вам: я был всецело занят работой по просвещению общественного мнения, и всякому понятно, что это немалое дело. Оно не оставляло мне времени ни для того, чтобы быть копистом, ни для составления столь обширной корреспонденции. Чтобы составить себе об этом верное представление, нужно, впрочем, знать характер и размеры моей работы как

публициста. Надо знать, каков был объем номеров моей газеты. Они представляли собою обычно от 50 до 60 страниц in — 8°, напечатанных мелким шрифтом; я держу в руках один такой номер, в котором 55 страниц. Я выпускал по номеру почти каждую декаду, и работа была не очень легкой. Надо также знать, какого рода вопросы я трактовал. Это отнюдь не была газета, сообщающая новости. В ней не было также никакой «воды». Не было там никаких протоколов заседаний Законодательного корпуса. Она полностью состояла из логических и последовательных рассуждений на темы морали, естественного права, теории общественных учреждений, первоначальных принципов законодательства. Учения философов и законодателей, древних и новых, служили основанием для обширных размышлений. В ней постоянно рассматривались, объяснялись и комментировались идеи таких мыслителей, как Руссо и Конфуций, Мишель Лепелетье и Ликург, Дидро и Платон, Мабли и Валерий Публикола. Основное содержание моей газеты составляли всевозможные планы и соображения по поводу законов вечной справедливости, политические и критические замечания о направлении и действиях существующего правительства, а также о сменяющихся событиях. Нетрудно понять, что рассуждения на такие темы неизбежно связаны с некоторыми трудами и размышлениями. О подобных материях пишут не так, как пишут письма, отправляемые с городской почтой. 60 больших страниц в декаду — это довольно существенно занимает человека, и совсем не обязательно еще отвлекаться на выполнение механической работы переписчика. Еще труднее было бы заниматься одновременно составлением важной и обширной переписки. Поэтому более чем правдоподобно, что, будучи постоянно занят составлением моей газеты, я не мог быть в то же время ни копиистом, ни руководителем переписки Общества. Я мог быть только тем, о чем я уже сказал: копиистом только для себя; копиистом для извлечения выписок изо всего, что в этой переписке было важно сохранить в памяти, чтобы согласовать направление моей газеты со сведениями о состоянии общественного мнения, собранными членами Общества.

Граждане присяжные, я не стану здесь подробно повторять все доказательства в мою защиту, которые я привел в ходе этой речи. Но я должен, однако, дать вам некое сжатое их изложение и сопоставить главные факты, взаимосвязь и совокупность которых могли выпасть из поля вашего зрения в ходе длительного обсуждения. Я начал с того, что показал вам, кем я был. . . Я изложил вам свое политическое кредо. Я рассказал вам, каким принципам, каким доктринам я был предан, у каких учителей брал уроки. Непосредственно вслед за этим я перенес вас ко времени Вандемьера, когда я обнаружил то, что вместе со мной увидели и многие другие наблюдатели, а именно, что огонь свободы погас; что народ, особенно в Париже, устав от революций, сочтя, что наша пока принесла ему только усугубление его несчастий, сбитый в то же время с толку сбродом безнравствен-

ных людей, подлыми развратителями общественного мнения, которые одни имели возможность им руководить; что народ, повторяю, под действием всех этих причин стал совершенно роялистским; я сказал вам, что я счел долгом попытаться способствовать тому, чтобы вывести его из этого состояния моральной болезни, грозившей в ближайшем будущем гибелью Республики; что с целью привязать его к ней я счел долгом говорить ему, что подлинная Республика не похожа на ту, которая постоянно усугубляла его тяжелое положение; что я говорил ему о великих принципах, об идеях счастья, для него новых, но уже давно провозглашенных мудрецами и философами; что я публично исповедовал это учение, и не скрою, и сейчас очень хотел бы, чтобы оно было осуществлено, ибо убежден, что это привело бы к общему благоденствию, но я признаю, и ныне более чем когда-либо (вследствие знаний, приобретаемых размышлением и общением с людьми, обладающими мудростью и опытом), что это учение не может быть проведено в жизнь среди стольких волнений, страстей и предрассудков, образующих вокруг старых учреждений барьер, которого никогда не одолеть и который обеспечивает их сторонникам покой, столь же невозмутимый, как тот, что не смогли поколебать принципы, провозглашенные некогда (вполне, впрочем, свободно) другими уравнителями, такими, как Мабли, Дидро, Руссо, Гельвеций и т. д.

Тем не менее вы видели, что правительство Республики, менее доверчивое, более подозрительное, нежели правительство королей, узрело во мне, скромном ученике этих великих людей, опасного фанатика и преследовало меня, как такового, задолго до флореаля.

Во флореале объявляют о разоблачении заговора и меня провозглашают его руководителем. Вы видели, как легко я освободился от этого звания. Два других столба, подпирающие сооружение мнимого заговора, тоже падают и рушатся, а именно диктатура и трибунат. Появляется так называемая организация Повстанческой директории; якобы был разработан план свержения правительства, однако вскоре объяснили, что это лишь замысел, не получивший никакого исполнения. Мнимые агенты этой мнимой организации, обвиненные на основании простых предположений, признаны не имеющими отношения к ней. Вместо мнимой Директории существовала, оказывается, всего-навсего переписка между патриотами, и ведущие ее корреспонденты, под именем Общества демократов, занимались исключительно делом возрождения общественной мысли в духе демократии, а также внимательно следили за коварными происками могущественной партии, прилагающей все свои силы к тому, чтобы свергнуть Республику и вернуть нам повелителя. Коварный человек, направленный убийцами Республики, с помощью целого отряда предателей более мелкого ранга стал на пути этого Общества и путем тысячи гнусных хитростей сумел вложить в руки людей, всецело преданных своей стране, то, что дало возможность обви-

нить их в преступлении против родины и обрушить гонения на всех друзей свободы. Только после года, проведенного в темницах, обвиняемым дозволено доказывать, что они являются жертвами ужасных махинаций, что они направляли свои усилия единственно против врагов обожаемой ими родины и что они даже отреклись в подлинных и неоспоримых документах от всего, что не направлено исключительно к нейтрализации гнусных замыслов рабов и сторонников королей.

Граждане присяжные! .. О вы, призванные объявить самый громкий, самый достопамятный приговор. Многочисленные сведения, которые вы уже получили, несомненно, подготовили вас к тому, чтобы сделать этот приговор достойным народа, который вы представляете, достойным потомства, которое смотрит на вас. Оно спешит, это потомство! Оно уже присутствует здесь ради этого знаменитого дела. Голос предубеждений, часто отравлявший последние мгновения невинности, столь же чистой, как та, что пребывает здесь, оказался бессильным перед лицом наших добродетелей, которые (и я осмелюсь этим гордиться) сразу бросаются в глаза тем, кто сами добродетельны... Слышите ли вы голоса честных людей? Читайте анналы друзей справедливости и свободы. Вы будете поражены теми единодушными возгласами, которые, несомненно, укажут вам, в чем состоит ваш долг. Общественное мнение, уже кричали под этими сводами, вот кого надо выслушать! Да, только его. Что же оно говорит? Неужели наши чувства нас обманывают? Все, что мы читаем, все, что доходит до нашего слуха, говорит нам о том, что мы повсюду пожинаем благословения добродетели! .. И если нам действительно воздвигают эшафоты, это не будут эшафоты позора. Дорога к ним будет усыпана цветами, и наши имена будут жить в памяти праведных людей. Неужто в конце XVIII века, во времена рождения славной Республики, какие-то безумцы решили устроить судебный процесс над философией? Это никогда не проходило безнаказанно... Какова во все века судьба имен судей-истребителей? Где сейчас судьи Каласа[82]? Где судьи из комиссии Тампля[83]? Они скрываются от позора и (если они еще на это способны) терзаются угрызениями совести...

О, как они должны теперь мучиться!

Когда они видят, как возвращают свободу тем несчастным, кто избежал устроенной ими отвратительной резни, будь она проклята во веки веков, чего только не переживают они при воспоминании о тех их жертвах, коим нельзя вернуть жизни! Они не вернут ее супругу сей добродетельной женщины, находящейся здесь[84]... но не говорит ли это оправдание по крайней мере о том, что время, когда так легко принимают людей за заговорщиков и карают за заговоры, скоро пройдет! .. В вандемьере никаких заговорщиков не было... Суды департаментов Сена и Сена и Уаза осмелились это заявить, а между тем мы видели, как 40 тыс. вооруженных людей шли истребить французский сенат... многие тысячи людей с обеих сторон, участвовав-

шие в схватке, остались лежать на поле битвы... И тем не менее нам говорят, что там не было заговора. Уж если это было только воображение, то как это отличается от флореальских демократов, у которых действительно не было ни одного патрона и никто не получил даже царапины!.. Военный суд над Лавилернуа, можно сказать, уклонился от заявления о существовании заговора Людовика XVIII, хотя я показал, какие тут были замыслы и какие средства для их осуществления. Не было также обнаружено никакого роялистского заговора в деле 17 обвиняемых из департамента Майенн, которые все недавно оправданы и отпущены на волю, хотя они были схвачены с казной, со знаменами, украшенными изображениями лилий, с доказательствами произведенных вербовок и другими средствами осуществления заговора... Неужели это привилегия пылких республиканцев — быть заклейменными в качестве заговорщиков, хотя бы при них не нашли даже пистона, а только письменные свидетельства, подтверждающие их желание, чтобы правительственная система была несколько более народной, и особенно то, что они опасались, чтобы правительство не стало еще менее народным и не превратилось в монархию?

Мы далеки, граждане, от того, чтобы оказывать на вас какое-либо давление. Пользуйтесь полностью вашей свободой, но прислушайтесь к голосу интересов общества и ваших интересов, к голосу справедливости и правды!.. Все эти голоса взывают к вам: будьте справедливы, внимательно всмотритесь в невинного, стоящего пред вами; подумайте о родине; подумайте о себе самих. Подумайте о том, что люди, коих вы готовы приговорить, оставят документы, которые засвидетельствуют их репутацию и вашу!.. Найдите в их сочинениях строчку, которая не дышала бы самым здравым человеколюбием, жаждою осуществить счастье людей, фанатическим стремлением к справедливости? Республиканские присяжные! Неужто вы захотите ускорить приход полной контрреволюции? Неужто вы захотите дать страшный сигнал к новым гекатомбам? Представьте себе огромную цепь проскрипций, охватывающую всю Францию! Представьте себе первое массовое жертвоприношение, обрушивающееся на тех несчастных, которые под названием Добрых Граждан были внесены в списки, опубликованные среди обвинительных документов. Посмотрите, как под эгидой торжествующей монархии резня незаметно расширяется и захватывает даже самых незначительных действующих лиц тех событий, которые газеты уже бесстыдно называют восьмилетним мятежом!.. Если уже сейчас умеренных и покупателей государственных имуществ безнаказанно поражают кинжалами, то что же будет, когда монархизм обнаглеет при виде падения своих самых решительных врагов! Раздоры последуют за раздорами, неизбежно возникнут новые партии, и Франция, расчлененная, подобно несчастной Польше, станет добычею разных разбойников, каждый из которых будет править своей долей руин... Может быть, еще есть время от-

речься от взаимной ненависти, забыть разногласия, объединить все силы Республики вокруг единого центра, подумать хорошенько о том, что грозит ей и самому названию ее, и спасти по крайней мере это чтимое всеми название!

Однако, если наша смерть предрешена; если роковой миг пробил для меня; если мой последний час уже записан в книге судеб — что ж, я его жду давно, этот час. Чем может удивить меня это событие, меня, с первого года Революции ставшего жертвою моей любви к народу; привыкшего к темницам; свыкшегося с мыслью о мучениях, о насильственной смерти, почти всегда являющейся уделом революционеров! Особенно за последний год разве не вижу я постоянно перед собою Тарпейскую скалу? Она мне отнюдь не страшна! Прекрасно знать, что твое имя будет запечатлено в ряду жертв любви к народу! Я уверен в том, что мое имя там будет! .. И Гракх Бабеф счастлив умереть за добродетель!!!

Эх, когда все хорошо обдумаешь, чего мне не хватает для утешения? Мог ли я когда-либо ожидать, что закончу свое жизненное поприще в более прекрасный и славный момент? .. На пороге смерти я испытываю чувства, нечасто сопутствовавшие гибели тех людей, которые также жертвовали собой ради человечества. Преследовавшей их власти почти всегда удавалось заглушить голос правды, и их современники, обманутые или запуганные тиранией, растравляли их раны, осыпая их ужасною клеветою и кровными оскорблениями; их последние минуты чаще всего бывали отравлены самым ужасным образом. Как знать, быть может, несмотря на все несправедливости, творимые этой обманутой толпой и ее развращенными соблазнителями, они все же были способны предугадывать утешительную истину, что время отомстит за них, окружит заслуженным почетом их имена, сделает их предметом культа во все века и обеспечит им право на бессмертие? .. Все же им приходилось ждать будущих поколений. Мы более счастливы!!! .. Власть, достаточно сильная, чтобы долгое время угнетать нас, оказалась недостаточно сильною, чтобы нас оклеветать. Мы увидели, как разнеслись повсюду слова правды, чтобы еще при нашей жизни дать ясную картину дел, которыми мы гордимся и которые вечно будут позором для тех, кто нас преследовал. Нашим добродетелям все воздали должное, все, вплоть до наших врагов, по крайней мере тех, кто придерживается взглядов, наиболее противоположных нашим; вплоть до их неистовых летописцев... Мы тем более можем быть уверены в том, что беспристрастная история с уважением запечатлеет наши имена... Я оставлю ей письменные свидетельства, в коих каждая строка будет доказательством того, что моя жизнь была посвящена делу справедливости и счастья народа... Кто же те люди, среди которых я фигурирую в качестве преступника? Это Друэ! .. Это Лепелетье! .. О, дорогие сердцу Республики имена! .. Итак, те, кто их носит, мои сообщники! А вы, друзья, окружающие меня здесь, на этих скамьях, кто вы? .. Я узнаю

вас, почти все вы основатели и твердые опоры этой Республики. Если осудят вас, если осудят меня, о, я вижу, тогда мы последние французы, последние энергичные республиканцы! Ужасный роялистский террор, уже давно угнетающий всех ваших братьев, радуясь вашей гибели, повсюду обнажит свои кинжалы, и страшная проскрипция сразит всех друзей свободы. Но не лучше ли не быть свидетелем этих последних бедствий, не лучше ли сохранить за собой славу людей, не переживших возврата рабства, погибших, стремясь предохранить от него своих сограждан? Итак, сколь щедр источник утешений! И разве не является им и то, что наши дети и наши жены последовали сюда за нами? .. О вульгарные предрассудки! Для нас вы не существуете. Наши близкие не стыдятся следовать за нами до самой скамьи подсудимых, ибо действия, которые привели нас сюда, не могут унизить ни их, ни нас. Они будут сопровождать нас и к подножию Голгофы, дабы принять от нас наше благословение и последнее прости... Но, о, мои дети! Только с этой скамьи вы можете услышать мой голос, ибо, вопреки закону, меня лишили радости свидания с вами; я могу выразить вам лишь одно весьма горькое сожаление: страстно желая завещать вам свободу — источник всех благ, я вижу, что оставляю вас в рабстве и вас ожидают всевозможные беды. Я ничего не могу вам завещать!!! Я не хотел бы даже завещать вам мои гражданские добродетели, мою глубокую ненависть к тирании, мою страстную преданность делу Равенства и Свободы, мою горячую любовь к народу. Это был бы слишком пагубный дар. Что бы вы с ним делали при королевском гнете, который неизбежно установится? Я оставляю вас рабами, и это единственная мысль, которая будет терзать меня в последние мгновения. Я должен был бы в этом случае дать вам советы, как терпеливее нести ваши оковы, но я чувствую, что на это я не способен [85].

Г. Бабеф

ПИСЬМО ФЕЛИКСУ ЛЕПЕЛЕТЬЕ [86]

Вандом, 5 прериаля V года Республики [24 мая 1797 г.]

Моему достойному и искреннему другу.

Присяжные, друг мой, сейчас пойдут голосовать и вынесут решение о твоей судьбе и о моей. Насколько я могу судить, ты избежишь смерти, а я нет. Если моя жена передаст тебе это письмо, она одновременно передаст и то письмо, которое я написал тебе 26 мессидора прошлого года [87], но не имел оказии, на что сначала рассчитывал, переслать тебе и потому сохранял до сих пор у себя. Сегодня не могу ничего добавить к тому, что там содержится. Впрочем, приближение роковой минуты сковывает мой ум, а быть может, и мое сердце и не дает возможности проявиться чувствам, которые еще несколько дней назад я бы

выказал. Не знаю, но я не думал, что мне так трудно будет расставаться с жизнью. Что ни говори, но природа всегда берет свое. Философия дает нам некоторое оружие, чтобы справиться с ней, но приходится все же отдать ей дань. Однако я надеюсь сохранить достаточно сил, чтобы встретить свой последний час как подобает; но не надо требовать от меня большего. Я испытываю какую-то растерянность, какое-то равнодушие или отсутствие мыслей, которого не могу объяснить: мне кажется, что я хотел бы чувствовать что-то к моей жене, к моим детям и что я уже ничего больше не чувствую. Не знаю, не является ли причиной этого страшное предчувствие бесполезности всяких забот о них с моей стороны, поскольку ужасная контрреволюция будет преследовать всех, кто был связан с искренними республиканцами. И потом это длительное существование в состоянии угнетения, вероятно, слишком притупляет чувства... чувствительность... прежде всего, и есть мера, которой человеческая природа не может превзойти. Возможно, я принимаю за безразличие то, что им не является, ибо я стыжусь такого душевного состояния. Быть может, мне потому кажется, будто я ничего не чувствую, что на самом деле я чувствую слишком много. Прости мне этот беспорядок в мыслях. Угадай сам все, что я хотел бы тебе здесь сказать, и сделай то, чего ждет от тебя тот, кто считает, что все сказал тебе, заверив тебя, что убежден: свои последние слова он сказал своему истинному другу. Я уверен, что могу утешиться тем, как я держал себя на процессе. Несмотря на одолевавшую меня тревогу, я чувствую, что до последней минуты не совершу ничего такого, что не было бы достойно памяти о честном человеке. Прощай.

Г. Бабеф

МОЕЙ ЖЕНЕ И ДЕТЯМ [88]

• Добрый вечер, друзья мои. Я готов погрузиться в вечную ночь. В двух письмах к другу, с которыми вы, вероятно, ознакомитесь, я лучше выразил свое отношение к вам, нежели я смог бы это сделать, обращаясь непосредственно к вам. Мне кажется, я столько пережил, что утратил способность чувствовать. Я вручаю ему вашу участь. Увы, я не знаю, окажется ли он в состоянии сделать то, о чем я его прошу; не знаю, как вы доберетесь до него. Ваша любовь ко мне привела вас сюда, невзирая на все препятствия, чинимые вам нашей бедностью. Вы не сдавались, несмотря на горести и лишения; со своей неизменной ко мне любовью вы ежеминутно следили за этой долгой и жестокой судебной процедурой, горькую чашу которой вы, как и я, испили до дна. Не знаю, каким образом вам удастся вернуться туда, откуда вы прибыли; не знаю, какую память я оставлю по себе, хотя считаю, что вел себя безупречно; не знаю, наконец, что станется со всеми республиканцами, с их семьями и даже с их грудными

детьми среди роялистских ужасов, к каким приведет контрреволюция. О друзья мои! Как раздирают мне душу эти размышления в последние мои минуты!.. Умереть за родину, покинуть семью, детей, дорогую жену — все это можно было бы перенести, если бы я не видел, что дело идет к гибели свободы и страшнейшим преследованиям всех искренних республиканцев. О милые мои дети, что с вами станет? Тут я не могу устоять, чтобы не дать волю своим чувствам... Не думайте, будто я сожалею о том, что пожертвовал собой во имя самого прекрасного дела; если бы даже все мои усилия оказались бесполезными для его осуществления, я выполнил свой долг...

Если вопреки моему ожиданию вам удастся пережить ужасную грозу, бушующую сейчас над республикой и над всем, что с нею связано; если вам удастся снова оказаться в спокойной обстановке и найти нескольких друзей, которые помогли бы вам справиться с вашим несчастьем, то я посоветовал бы вам дружно жить всем вместе; я посоветовал бы моей жене стараться воспитывать детей с большой мягкостью, а детям моим — заслужить доброту своей матери почитанием ее и постоянным послушанием. Семья мученика за свободу должна служить примером всех добродетелей, чтобы снискать уважение и привязанность всех честных людей. Мне хотелось бы, чтобы моя жена сделала все, что может, чтобы дать воспитание своим детям, и побуждала друзей помочь ей в этом деле в меру их возможностей. Я призываю Эмиля следовать в этом воле отца, которого — как я верю — он горячо любит и который так его любил; я призываю его встать на этот путь, не теряя времени, как можно скорее.

Друзья мои, надеюсь, вы будете помнить обо мне и будете часто об этом говорить. Надеюсь, вы поверите, что я всех вас очень любил. Я не видел иного способа сделать вас счастливыми, как путем всеобщего счастья. Я потерпел неудачу; я принес себя в жертву; я умираю также ради вас.

Рассказывайте много обо мне Камиллу; скажите ему много-много раз, что я нежно хранил его в моем сердце.

Скажите то же самое Каю, когда он станет способен это понять.

Лебуа сообщил, что он издаст отдельно наши защитительные речи. Моей речи надо придать наивозможно широкую огласку. Я советую моей жене, моему доброму другу, не давать ни Бодуэну [89], ни Лебуа, никому другому рукописи моей защиты, пока у нее не будет в руках другого вполне исправного экземпляра, чтобы быть уверенной в том, что эта защитительная речь никогда не будет утеряна. Тебе известно, мой дорогой друг, что эта защитительная речь весьма ценна, что она всегда будет дорога добродетельным сердцам и друзьям своей страны. Единственное достояние, которое тебе останется от меня, это мое доброе имя. И я уверен, что для тебя и твоих детей будет большим утешением пользоваться им. Вам приятно будет слышать, как все от-

зывчивые и честные сердца будут говорить о вашем муже и отце: он был в высшей степени добродетелен.

Прощайте. Меня связывает с землей лишь тонкая нить, которая завтра оборвется. Это неизбежно, мне это совершенно ясно. Надо принести жертву. Злые люди оказались сильнее, я уступаю. Приятно по крайней мере умирать с такой чистой совестью, как у меня. Самое жестокое, душераздирающее это то, что меня вырывают из ваших объятий, о нежно любимые мои друзья, о самое дорогое, что есть у меня!!! Я вырываюсь из ваших объятий; насилие свершилось... Прощайте, прощайте, прощайте, десять миллионов раз прощайте...

...Еще слово. Напишите моей матери и моим сестрам. Перешлите им почтой или иным путем мою защитительную речь, как только она будет напечатана. Расскажите им, как я умер, и постарайтесь объяснить им, этим добрым людям, что это славная смерть и что она отнюдь не позорна...

Еще раз прощайте, мои дорогие, нежно любимые друзья. Прощайте навеки. Я погружаюсь в лоно добродетельного сна...[90]

Г. Бабеф

ПРИЛОЖЕНИЯ[1]

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ГАЗЕТЫ ЭЗИНА С ИЗЛОЖЕНИЕМ РЕЧЕЙ БАБЕФА

ГАЗЕТА ВЕРХОВНОГО СУДА, ИЛИ ЭХО СВОБОДНЫХ, ЧЕСТНЫХ И ОТЗЫВЧИВЫХ ЛЮДЕЙ

№ 12

19 фримера V года [9 декабря 1796 г.] [2]

Вот речь, которую Бабеф произнес бы 3 фримера, если бы Верховный суд не принудил его к молчанию.

«Одно время я был склонен признавать настоящий Суд, хотя и не переставал считать его неправомочным, незаконным, антиконституционным и созданным в нарушение всех принципов, гарантирующих общественную и личную свободу.

На какое-то время я наивно поверил, что этот Суд в меру своих сил намерен искупить преступность собственного учреждения, проявляя абсолютную справедливость по отношению к друзьям народа в ходе процесса, проведение которого он решил возложить на свои плечи.

Но сегодня, увидев, что этот Суд отнюдь не склонен считаться с какими бы то ни было законными требованиями;

Что он бесстыдно попирает все права, которые закон предоставляет обвиняемым;

Что он санкционирует все беззакония, совершаемые обвинительным жюри, продавшимся, как и он сам, угнетателям народа;

Что он ведет дело при закрытых дверях, в присутствии горстки свидетелей, в то время как действия его в процессе, столь важном, должны быть открыты взорам всей Франции;

Что, прикинувшись недавно, будто готов серьезно рассмотреть одно из наших требований, он использовал его как повод для насмешки, превратив само рассмотрение в комедийную сцену: с помощью своего так называемого национального обвинителя он разыграл грубый и плоский фарс на потеху изящной публике, его же стараниями состоящей почти из одних врагов народа;

Что, наконец, он мирно созерцает все новые утонченные мучения, которым ежедневно подвергают нас в наших застенках, и не пытается этому воспрепятствовать.

В ожидании беспристрастного суда потомства.

В ожидании суда народа, истомленного угнетением и бедствиями; народа, который видит все и знает, что здесь идет суд над Республикой и окончательно свершается контрреволюция; народа, который прекрасно понимает, кто такие мы и кто такие

наши преследователи, и умеет оценить по достоинству и тех и других; народа, который уже был беспредельно великим и желает вечно оставаться таковым.

В ожидании наряду с этим дня, когда все-таки представится случай раскрыть перед народом самые высокие истины и он услышит их, вкусит от них, вопреки всем стараниям, всем низким махинациям своих гнусных врагов.

Настаивая на всех протестах, с которыми я выступал.

Я заявляю о своем отказе принять навязанный мне состав суда.

Затем я заявляю, что в предыдущие дни я предстал перед так называемым Судом только потому, что был туда приведен насильственно; и утешает меня лишь одно: благодаря этому я получил возможность высказать несколько полезных истин перед той немногочисленной частью зрителей, которые честны и добродетельны».

Решение, принятое судьями, поставило обвиняемого Бабефа в необходимость следующим образом изменить заключительные слова обращения к суду, чтобы мотивировать свой отказ от явки в суд по новому вызову на следующий день после того, как ему не дали говорить.

«Я примирился бы с тем, что меня насильно поставили перед Вами, если бы мне не запретили воспользоваться случаем и высказать несколько полезных истин перед теми честными и добродетельными людьми, которые могли оказаться среди присутствовавших; я примирюсь с этим еще и тогда, когда буду убежден, что мне больше не смогут заткнуть рта во время насильственных явок в суд в течение настоящего процесса».

№ 44

28 вантоза V года [18 марта 1797 г.]

...В своей речи Бабеф[3] провел последовательное сопоставление трех заявлений Гризеля, именно, его доноса, или **разоблачения**[4], адресованного Карно, его показаний, данных главе обвинительного жюри Жерару, и показаний Верховному суду. Сопоставление всех фактов, как они представлены в этих выступлениях, на каждом шагу изобличает противоречия, несовпадения, обилие неправдоподобных деталей, а одновременно раскрывает хитроумную интригу, в силу которой и был создан так называемый заговор: и становится очевидным, что все это было не чем иным, как широкой сетью, расставленной для уловления всех республиканцев зараз. Гризель в своих показаниях кощунственно хулит прериаль III года и его мучеников. Бабеф пользуется этим случаем и с глубоким чувством рисует картину этих событий, исторгающую слезы у слушателей. Такую речь нельзя сокращать; мы приводим ее целиком:

«Кто бы вы ни были: судьи ли! Зрители ли! Все, кто слушает меня! Неужели, когда Гризель отрицает подлинный патриотизм тех, кто подвергся преследованиям после 1 прериаля, вы не можете распознать в нем презренного врага народа? Прериаль!

Страшное время! Дни, достойные скорби и святого поклонения, о которых ни один честный француз не сможет думать без чувства умиления и печали, без воспоминаний о чудовищных преступлениях, а одновременно и о величайших бедствиях народа, о его самоотверженных и великодушных порывах! Прериаль! дни бедствий и славы, когда народ и верные ему делегаты выполнили свой долг! Когда изменившие ему депутаты, спекулянты, убийцы, узурпаторы народного суверенитета и всех народных прав довели свою жестокость до пределов, невиданных в истории человечества. Кто вспоминает прериаль, тот вспоминает и страшный голод, который люди-чудовища, люди — о позор! — до сих пор пользующиеся среди нас доверием и чуть ли не почетом, сумели создать средь истинного изобилия... Тот вспоминает две унции хлеба в день, на которые в течение долгих месяцев было обречено большинство населения страны... Перед тем встают жуткие картины, порожденные этим неслыханным злодеянием. Бесчисленные толпы граждан — мужчины, женщины, дети, — едва держась на ногах, шатаясь, брели по улицам Парижа — страшные скелеты, искаженные лица. С одичавшими собаками они боролись за добычу в виде очисток, выброшенных в сточные канавы с кухонь богачей. А до́ма, в недрах своих жилищ, они оставляли изможденных стариков, обессилевших детей, слабых жен, до того истощенных, что они уже были не в силах подняться со своего нищенского ложа; мать-кормилица с высохшей грудью не только молока, даже крови своей не могла дать рожденному ею ребенку! Кто скажет, сколько людей погибло в муках голода за эти страшные дни; кто сосчитает число жертв обоего пола и любого возраста!.. О, я сошлюсь на свидетельства выживших: они вспомнят нескончаемые потоки погребальных шествий. Достаточно заглянуть в регистрационные книги (а эти списки опубликованы): они покажут каждому жуткое обезлюдение, ужасную смертность того самого III года, когда родилась Конституция! Кто назовет точное число самоубийц, подвигнутых на смерть отчаянием. Сена-утешительница не расскажет о том, сколько трупов приняли в себя ее волны; да, утешительница, потому что самые жалкие горемыки нашли в ней покой могилы, убежище от злых мук, терзавших их по воле безжалостного общества!.. Прервалась в самых своих истоках смена поколений, крайнее истощение поразило супругов бессилием, и самая нежная любовь, еще увеличенная общими бедами, не растопила льда, сковавшего их чувства, неспособные отозваться на голос природы, призывающий их к продолжению рода. Перестали прибывать и ряды подрастающего поколения, как видел я это в собственной семье, поскольку в те дни я был *узником, высланным в Аррас опять-таки за свой патриотизм*. Из трех моих детей я, освободившись, нашел лишь двоих, настолько истощенных, что я едва узнал их: третий же — о раздирающее душу воспоминание! — третий умер, подобно многим другим, от жестокого голода! Да, от жестокого голода! А здоровье и силы обоих выживших детей, по

моему тягостному убеждению, навсегда подорваны. О, сколько семей являет собой такую же картину! Сколько семей распродало, подобно нам, и последнюю мебель, и последнюю рубаху, лишь бы возможно дольше противостоять напору человекоубийственного заговора! Тысячи чердаков, обиталищ простых людей, рабочих, патриотов — всех, кто служит Революции только ради нее самой, представляли в послеапрельские дни одно и то же горькое зрелище. Безжалостные и злые богачи, загляните туда: ни в одном почти вы не найдете ничего, кроме четырех голых, разоренных стен... Вы, кого ныне называют «порядочными людьми»! Подлинно порядочному человеку вы не оставили и камня в изголовье... В те дни траура, в дни голода и смерти под вашими хищными и жестокими руками погибло все, что у него имелось; ваши позлащенные дворцы оказались прорвой, куда вы не постыдились бросить и последние лохмотья бедняка; вы отомстили ему за его участие в революции, прервавшей ненадолго ваш неустанный разбой, и пока народ, так вами наказанный, медленно агонизировал у вас на глазах, являя на каждом шагу зрелище самых страшных мук, вы еще оскорбляли его картинами невиданной дотоле, самой возмутительной роскоши. Ваши кареты, ваши лошади повсюду преследовали его, грозя раздавить, если, обессиленный, он не успевал посторониться... Но вот он воспрянул; в нем ожил угасший было дух; в нем воскресла добродетель, и он вознамерился положить конец повсеместным злодеяниям, совершаемым вами. Тогда его трусливые противники, его неверные делегаты, а ваши покровители объявили его... бунтовщиком!!! Но ... оставались вы, о Гракхи! О незабываемые французы! Оставались еще люди высокого духа; вы одни осмелились стать народу опорой и защитой; вы одни с безграничной самоотверженностью выступили в поддержку его более чем справедливых требований: хлеба и народных законов! Гужон, Дюруа, Ромм, Субрани, Дюкенуа, Бурботт![5] Славные мученики, вы, чьи навсегда прославленные имена уже звучали здесь и прозвучат еще не раз! Вы, чью память мы не перестанем ежедневно прославлять нашими песнями![6] Вы, чья твердость, даже в оковах, перед судом палачей ... служит нам примером и поможет вынести самое долгое, самое тяжкое заключение! Вы, которых изверги убили наконец, но которые ни на секунду не позволили себя сломить! Славные страдальцы! Неустрашимая опора святого Равенства. Вы спасли Свободу, суверенитет народа, все принципы, гарантирующие его благополучие, от позорной сдачи без мужественного сопротивления. О! Если бы вы не потерпели это почетное поражение, если бы не та неудача, которая для памяти о вас стоит больше, чем торжество победы, Родина теперь не томилась бы в оковах и друзья демократии не стояли бы здесь, у подножия судилища, призванного начать процесс против самой добродетели. Но после вашего падения мы должны были занять ваше место; потерпев, как и вы, неудачу, мы должны уподобиться вам и явить нашим преследователям такую же непоколебимость; и всякий

подлинный республиканец обязан почитать эпоху, когда вы пали жертвами презреннейших врагов Республики!!..»

Байи (вне себя от гнева) хотел лишить Бабефа слова. Он обвинил его в попытке оправдать безумный бунт народа в прериале (всеобщее возмущение обвиняемых), в попытке прославить свирепых депутатов, справедливо осужденных на смерть. (Они защищали священные права народа. — *Другие голоса:* Они умерли за свободу.) Верховный суд, — вскричал он, — не потерпит нападок обвиняемых на Республику. (*Обвиняемые:* Мы! Нападаем на Республику!!! Мы, готовые умереть за нее.) После того как один из обвиняемых указывает на то, что происходящая сцена кажется заранее подготовленной, подобно инциденту, имевшему место 19-го, восстанавливается спокойствие.

Верховный суд после совещания объявляет, что он не потерпит какого бы то ни было оправдания прериальских мятежников, равно как и оскорбления словом установленных властей, и предписывает Бабефу строго придерживаться рамок собственной защиты, разрешая председателю лишать его слова, как только он сочтет это необходимым...

№ 46

2 жерминаля V года [22 марта 1797 г.]

... Бабеф настаивает на продолжении обсуждения его вчерашнего показания по поводу Акта о так называемом создании*. Председатель стремится продолжать допрос. Обвиняемый заявляет, что он не станет отвечать на вопросы, пока ему не позволят завершить свою защиту по важнейшему пункту обвинения. Председатель предлагает компромиссное решение, которое Бабеф принимает: злополучное судебное постановление, вынесенное накануне, отменяется, и Бабеф получает право продолжать свою речь, первая часть которой была осуждена как крамольная, но при условии, что предварительно он ответит на вопросы, касающиеся различных документов. Выполнив это условие, Бабеф действительно получает слово. Он начинает с доказательства того, что несправедливо называть его вчерашнюю речь крамольной; отсюда он выводит свое первое утверждение, согласно которому мотивы авторов филантропической мечты, названной Создание Директории Общественного спасения, выражены в самом этом акте, где изложены соображения по поводу всех общественных бедствий и всеобщего гнета, тяготеющего над Францией начиная со дней Термидора и Прериаля.

№ 47

4 жерминаля V года [24 марта 1797 г.]

.... Заседание 2 жерминаля[7]

Допросив Бабефа по поводу различных сочинений, приписываемых ему, председатель распоряжается огласить акт о восстании. Бабеф заявляет, что не знаком с ним и не является его ав-

---

* *Имеется в виду документ о Создании Повстанческой директории.*

тором; он пытается пояснить, каким образом этот документ оказался среди его бумаг. **Председатель**: Для произнесения ответных речей вам слово предоставлено не будет ... — Напрасно Бабеф, напрасно Реаль призывают на помощь себе закон, замечая председателю, что ведь он сам свои вопросы отредактировал письменно, что национальные обвинители говорят по заранее написанному тексту, и только обвиняемые лишены такого права. — Председатель прекращает все споры словами: Замолчите, гражданин Реаль. **Жом, официальный защитник**: Я напоминаю Верховному суду свидетельское показание Гризеля, заявившего, что Акт о восстании не был составлен ни одним из обвиняемых. **Бабеф**: Вместе с тем Гризель показал, будто я огласил этот акт на заседании 11 флореаля. Я утверждаю, что не знаю Гризеля и не имею понятия о названном заседании. Оглашается документ, в котором речь идет о сведениях, запрошенных у Бертрана (из Лиона). Вьейар, верный своему правилу все опорочивать, заметил, что этот гражданин был расстрелян по решению Военной комиссии Тампля. **Реаль**: К чему без конца вспоминать имя Бертрана в этом зале, когда его злополучное дело уже должным образом оценено всей Францией! **Байи**: Обвиняемые поминутно заговаривают о нем. **Коше**: Кто может запретить демократам оплакивать их убитых братьев? **Дарте**: Вся Франция признала, что члены ужасной Комиссии Тампля являлись убийцами. Эта истина только что прозвучала с трибун Законодательного корпуса. Бертран, этот злосчастный Бертран, был арестован больше чем за 4 лье от Гренеля. Его палачи осуждены на всеобщую ненависть.

Согласно порядку, наново установленному трибуналом после 29 вантоза, рассмотрение дела Бабефа должно быть проведено в весьма спешном порядке. И в самом деле, предоставив Бабефу неограниченную возможность разъяснять каждый документ, доказывать его незначительность или безобидность, суд обречет себя на серьезные затруднения: 1) поможет оправданию обвиняемых, 2) разъяснит общественному мнению характер флореальского процесса. Оказавшись в таком положении, Бабеф решил отвечать на заготовленные председателем Гандоном вопросы только односложно, приберегая развернутую аргументацию для своей главной защитительной речи, тем самым приобретающей особый интерес. Поэтому обсуждение его дела могло закончиться в течение сегодняшнего заседания.

Подробно Бабеф высказался лишь по одному пункту; он использовал представившуюся возможность чуть ли не полностью оправдать Друэ.*

---

* *Это выступление в защиту Друэ было полностью воспроизведено Бабефом в его «Защитительной речи» (см. выше).*

№ 70

4 прериаля V года [23 мая 1797 г.]

... В заседании 28 числа Бабефу предоставляется слово. Он заявляет, что отказался бы от него, если бы государственные обвинители не приложили столько рвения, чтобы ослабить впечатление, произведенное его общей защитой. Он развивает интереснейшее рассуждение о том, что называет плачевным предрассудком, укоренившимся в наших юридических учреждениях; он имеет тут в виду то обстоятельство, что обвинители в судах в первую очередь, а за ними и вся масса непосвященных убеждены, будто эта должность обязывает каждого, кто ее исполняет, поддерживать, раздувать и преувеличивать любое обвинение, сколь бы абсурдным оно ни являлось. «Отсюда проистекает, — говорит он, — общее правило, что этот судейский чиновник превращается в Эвмениду, что уста его извергают ненависть, что сердце его как бы жаждет крови, что воображение его видит повсюду виновных и что он беспрерывно призывает смерть на головы своих жертв ... Какая жестокая роль!!! Она извращает природу ... она лежит вне норм настоящего правосудия... Я не вижу заслуги в том, чтобы упорно и ожесточенно поддерживать смешное и несправедливое обвинение только потому, что поначалу сочли возможным его выдвинуть... Но, граждане обвинители, не лучше ли признаться в своей ошибке, чем оказаться в положении человека, не остановившегося ни перед чем ради возможности принести в жертву невиновного? Много ли вам славы от тех газет, которые рисуют вас как преследователей добродетели, философии, естественных и вечных принципов!..»

Затем обвиняемый напоминает сказанное в его общей защитительной речи, давая дополнительные разъяснения присяжным. Когда он кончил, общественные обвинители молчали. Он говорил полтора часа; свою речь он завершил патетичным заключением, превосходящим по красноречию сказанное им раньше. Он сказал: «Я призываю смерть, если, оставаясь в живых, я обречен увидеть, как в ближайшие дни под сенью знамен Людовика XVIII будет потоплена в потоке крови та Республика, которой я все принес в жертву; если я обречен увидеть, как в ближайшие дни вся страна станет ареной убийств, как это уже случилось во многих ее районах... Я призываю тебя, смерть, если, оставаясь в живых, я обречен в ближайшие дни увидеть декрет, отменяющий Конституцию Франции — самую совершенную во всей Европе» (Предсказание агентов претендента на заседании Военного суда).

В своей большой защитительной речи Бабеф полностью использовал все возможности, которые предоставляли ему как существо дела, так и благородство его убеждений, как его высокое достоинство, так и свойства его возвышенного и гордого характера. Во второй раз ему уже было бы трудно подняться на ту же вы-

сопу, что и в заседании 19-го числа, когда он заставил рыдать всю аудиторию, повергнув ее в состояние экстаза своим возвышенным предсмертным завещанием; теперь он был еще способен вызвать интерес, но взволновать в той же мере сердце слушателей он уже не смог...

[ВЫПИСКИ ИЗ ГАЗЕТ]

Journal général, 7 плювиоза V года, № 127

«Орлеанизм рассчитывал использовать Бабефа и Друэ и прикончить их на следующий же день после их восстания и в разгар их торжества. Но Бабеф, не менее хитрый, сообразил, в чем дело, и со своей стороны согласился использовать орлеанистов только для того, чтобы их прикончить, когда он одержит победу.

И вот эти-то тайные соображения задержали ход событий, посеяли подозрения среди руководителей, создавали препятствия для перехода к решительным действиям и два или три раза спасли нас от всеобщей резни.

Таким образом, в великом заговоре, который плетется в течение семи лет против нашего спокойствия и нашей свободы, существовало два плана, два вождя и две цели. Один план имел целью установление безоговорочной демократии, основанной на полном равенстве средств, имущества и власти... Второй план имеет в виду восстановление трона и возложение короны Людовика XVI на голову герцога Орлеанского.

В обоснование этих утверждений журналист цитирует письмо Ш. Жермена к Гракху Бабефу о Баррасе».

Gazette française, того же дня 7 плювиоза

Заметка касательно документов, относящихся к знаменитому процессу в Вандоме и напечатанных по распоряжению Верховного суда в виде двух толстых томов in — 8°.

«Я совершенно уверен в том, что, если бы каждая семья во Франции имела в руках это крупное собрание документов и если бы каждый француз поразмыслил над ним, общественные интересы подвергались бы меньшей опасности, потому что сразу же, с одного конца Франции до другого, сформировалось бы общественное мнение... И тогда многое стало бы понятным... Тогда стало бы видно, сколь много сходства между флореальским делом и всем, что сейчас происходит. Тогда, вместо того чтобы изумляться медлительности Верховного суда, все ожидали бы приговора без всякого удивления, поскольку уже не было бы никаких сомнений относительно цели, плана, действующих лиц и авторов той комедии, которая обернется, может быть, трагедией для зрителей: ведь, хотя уже все известно о тех пружинах, с помощью которых ее продлевают, она тем не менее длится до бесконечности, причем ни власть исполнительная, ни власть законодатель-

ная, ни суверенное правосудие при всей их независимости не в состоянии изменить этот порядок вещей! .. Благословенная конституция, которая, благодаря своим кротким установлениям (столь неукоснительно соблюдаемым, когда дело идет о мошенниках и столь бесстыдно нарушаемым, когда дело идет о несчастных священниках, о родственниках эмигрантов, о невинных заключенных, о смещенных избранниках народа, об ограбленных сиротах и т. д.), до сих пор служила защитой только преступлению, и никогда — добродетели!»

Journal général, 8 плювиоза

Заключенные по делу, рассматриваемому Верховным судом в Вандоме, проделали (хотя им ничего не оставили в руках) огромную дыру в стене толщиной в шесть футов. Случайно, чтобы дать им возможность подышать другим воздухом, их перевели в высокую камеру. При осмотре оставленного ими помещения была обнаружена их работа, проделанная ими с такой активностью и изобретательностью, которые оставляют далеко позади выдумки барона Тренка. Это произошло как раз вовремя: быть может, уже в следующую ночь все заключенные бежали бы.

Газета, которая выходит в Вандоме от имени Эзина (репутация которого хуже даже репутации самих заключенных), в действительности составляется самим Бабефом.

Gazette nationale, 8 плювиоза

Говоря о некоей так называемой брошюре, напечатанной в типографии Республики в количестве 30 тыс. экземпляров, под заглавием «Катехизис избирательных прав и обязанностей для первичных собраний и собраний выборщиков» — сочинение Ж. Д., французского гражданина, — редактор, приписывающий это произведение депутату Жану Дебри, разбирает ее и заявляет, что оная брошюра есть откровенный и настоятельный призыв к департаментам выбирать на ближайших выборах только пламенных революционеров. Он добавляет:

«Проникнувшись истинами, содержащимися в этом памфлете, все французы, несомненно, отдадут голоса свои Друэ, Бабефу, Антонеллю, а их первый декрет предпишет умерщвление всех собственников на могилах патриотов Марата, Каррье, Робеспьера и Фукье-Тенвилля».

Гр-н Вьейар, государственный обвинитель при Верховном суде, только что совершил небольшую поездку в Париж. Неизвестно, получил ли он взбучку за то, что допустил печатание скандальных сочинений. Неизвестно, посоветовали ли ему действовать быстрее или медленнее.

Ami de lois, 8 плювиоза. Законодательный совет. Заседание от 7-го

Государственный обвинитель при Верховном суде, заседающем в Вандоме, ходатайствует от имени названного суда об увеличении возмещения свидетелям, большинство коих вызываются из глубины отдаленных департаментов, и о дополнительном назначении нескольких запасных членов суда для замещения других в случае надобности — это ходатайство передано на рассмотрение особой комиссии.

Journal général, 10 плювиоза

Заседание Старейшин от 28 и 29 нивоза. Предписано напечатать доклад Тронше, в котором он предлагал отвергнуть резолюцию по вопросу о намеренности и отсрочить его обсуждение.

Journal général, 11 плювиоза

Статья «Париж». Несколько дней тому назад два тома документов, найденных у Бабефа, были розданы всем членам обоих Советов и Кассационного суда.

Сегодня они продаются всеми торговцами как новинки.

«Le Censeur des journaux» первый опубликовал знаменитое письмо Ш. Жермена к Бабефу, стр. ... первого тома.

«Le Gardien de la Constitution» только что опубликовал другой документ, датированный 10 флореаля, помеченный в сборнике номером 9 [2*] и озаглавленный «Главная инструкция о том, что надлежит делать». Он дает ужасное представление о заговоре и о заговорщиках, коими занимается Верховный суд в Вандоме. Об этом можно судить по следующей выдержке и т. д.

«L'Historien» (Дюпон де Немур) сообщает нам, что есть еще несколько томов, которые не решаются, по его словам, предать гласности. Он находит, что два первых тома представляют собрание документов столь же любопытное, сколь ужасное, и он приводит оттуда 3-й документ из 21-й связки, написанный рукой Пийе и запечатанный черным воском печатью Повстанческого комитета [3*]. Документ датирован 26 жерминаля IV года и озаглавлен: «Тайная директория общественного спасения к главным революционным агентам муниципальных округов». Этот документ чересчур пространен для того, чтобы мы его поместили в нашей газете по примеру Дюпона. Но последний делает из него заключение, что в деле Бабефа было три главных заговора:

Заговор Бабефа, Дарте, Жермена, Буонарроти, Феликса Лепелетье и Антонелля;

Заговор Друэ, Вадье, Амара, Лэньело, Жавога, Шудье, Рикора, Ленде и др.;

[2*] Первый том, стр. 25.

[3*] Стр. 169 второго тома.

Наконец, заговор, на который указывает письмо Жермена и деятели которого приняли участие в деле Бабефа только для того, чтобы устроить побег Друэ.

Gazette française от 9 плювиоза

Бабувисты, одержав победу, не просуществовали бы 15 дней. Побежденные орлеанисты внушают страх своим победителям. Кто нас избавит от орлеанистов?

Gazette française, 10 плювиоза

Заседание Совета старейшин от 7-го — Совет отверг резолюцию, объявлявшую совместимыми функции присяжных Верховного суда с любой другой общественной должностью за исключением должности комиссара Директории; мотивировано тем, что кодекс преступлений и паказаний в достаточной степени разъясняет вопрос о совместимости или несовместимости тех или иных государственных должностей.

Та же газета, того же дня. — Оставалось лишь одно средство навеки отвратить представителей верховной власти от празднования годовщины событий 21 января. Это средство было недавно применено в Вандоме.

Заключенные добились разрешения собраться, чтобы справить этот праздник. Они заказали себе свиную голову, которую они сожрали, издавая самые ужасные проклятия. Одни утверждали, что едят голову Капета, другие — что это голова министра полиции...

Если бы когда-либо подобные чудовища вернулись в общество, если бы когда-либо их пользующиеся доверием сообщники добились бы того, что они остались безнаказанными, для тех, кто заранее осужден этими каннибалами, не осталось бы ничего другого, кроме как почерпнуть в нашем отчаянии такое же мужество, какое они черпают в своей жестокости. Подобное усилие нельзя считать невозможным; жизнь может надоесть, как может надоесть и бесполезная гибель.

Если Шарлотта Корде была так спокойна, идя на эшафот, то это потому, что она была уверена, что не зря пожертвовала жизнью.

Герои античности прославились именно тем, что преследовали чудовищ, рискуя собственной жизнью; все великолепие мифологической фантазии не смогло создать чудовищ, которых наши не превзошли бы в действительности.

Journal des Hommes libres. 11 плювиоза

Заседание Совета 500 от 10-го. — По докладу Дюмолара.

Совет, выслушав доклад особой комиссии, принимая во внимание настоятельную необходимость обеспечения работы Верховного суда, объявляет это дело срочным и принимает нижеследующее постановление.

Ст. 1. — К пяти судьям Верховного суда будут добавлены два запасных судьи.

2. — На сей предмет Кассационный суд в течение 24 часов с момента опубликования настоящего закона выделит по жребию в открытом заседании шесть из своих членов; и немедля, в том же заседании, выберет тайным голосованием двух из шести, на коих пал жребий.

3. — Оба запасных судьи, а равно и запасные присяжные, должности которых установлены законом 20 термидора минувшего года, будут присутствовать на всех заседаниях и при всех прениях, которые могут иметь место на сессии Верховного суда.

4. Эти запасные судьи, а равно и запасные присяжные будут иметь решающий голос только в случае, если во время судебных прений кто-либо из присяжных окажется по законным образом установленной уважительной причине лишенным физической возможности продолжать выполнение своих функций.

5. Запасные судьи будут призываться к исполнению своих обязанностей в том же порядке, в котором они были избраны.

6. То же будет и в отношении присяжных Верховного суда: порядок жребия определит тех из присяжных, которые войдут в жюри Верховного суда в качестве помощников или в качестве заместителей.

Journal des Hommes libres. Приложение от 12 плювиоза

Среди выдержек из документов Бабефа сегодня опубликовано письмо Дюэма, весьма незначительное в том, что касается заговора, но уточняющее достаточно важный факт. В нем сообщалось, что армия Самбры и Мёзы будет *принесена в жертву*.

Ознакомление с этим письмом имело следствием смещение Дюэма. Но смещение агента не всегда означает, что он сказал неправду. В данном случае только события могли осудить или оправдать Дюэма.

Но сейчас размышления бесполезны, и событие *вынесло приговор*.

Journal des Hommes libres. 13 плювиоза

Новости из Гааги, Батавская республика, 5 плювиоза.

Провинциальный комитет Голландии отдал незаконный приказ об аресте пяти патриотов, которые, по-видимому, неоднократно выступали с протестом против методов управления этого коми-

тета. Комиссары батавского конвента были срочно посланы к этой администрации, чтобы заняться вопросом об освобождении пяти патриотов. Президент Ван дер Хооп весьма высокомерно отказался их освободить. Тогда муниципалитет Лейдена и все дистрикты провинции Голландии решительно выступили против администрации и ей была направлена самая энергичная декларация о непризнании ее полномочий в данном деле, которую с готовностью подписали тысячи граждан. В этом документе народ одобряет поведение коммуны Лейдена и обращается к администрации с резкими упреками в игнорировании принципа, охраняющего гражданскую свободу и гарантирующего каждому человеку право быть судимым своим законным судьею. Декларация заканчивается заявлением, гласящим, что народ считает себя обязанным не только оказать сопротивление всякому правительству, нарушающему границы доверенной ему власти и узурпирующему тираническую власть, но и окончательно свергнуть его. Патриоты Лейдена со своей стороны послали провинциальному комитету декларацию, одобряющую поведение их муниципалитета. Они упрекают комитет в многочисленных позорных нарушениях народной свободы. Они присоединяются к письму, написанному их достойным муниципалитетом, и клянутся принести все, вплоть до самого Комитета, в жертву должному уважению к гражданам и делу защиты свободы от аристократии. Эти выступления заставили провинциальную администрацию вернуть свободу пяти патриотам, и народ вместе с чувством удовлетворения от столь прекрасной победы вынес отсюда решимость никогда не допускать даже попытки подобных посягательств на личную свободу, являющуюся началом и гарантией политической свободы.

Заседание от 11, Совет старейшин. — Он одобряет вчерашнее постановление, учреждающее должности двух запасных судей в Верховном суде.

L'Ami des loix, 13 плювиоза

Все шуанские газеты были рады процитировать один из документов, опубликованных в сборнике бумаг, которые были изъяты в помещении, занимаемом Бабефом в момент его ареста, ибо этот документ давал возможность проявить злобное отношение к одному из членов Директории, но все обошли молчанием третий документ из 18-й связки, помещенный на 112 и 113 стр. второго тома этих бумаг, следующего содержания:

«Один патриот, выдававший себя за шуана, встретил вчера близкого друга Ровера. До того как обстоятельства научили нас разбираться в людях, эти двое были дружны. В ходе беседы этот пособник преступления сказал патриоту, что организован монархический клуб; что приняты все меры к тому, чтобы дать нам по-

велителя; что на эту роль предназначен молодой Орлеан; что через десять дней будут повешены все канальи, т. е. все виновники смерти Капета; что Ровер для видимости будет сослан на год или два, принимая во внимание услуги, оказанные им монархии, и т. д. и т. д.»

L'Ami des loix, 14 плювиоза

Во всех заговорах, даже в заговоре Бабефа, заговоре. . .[4*], роялисты были зачинщиками и подстрекателями.

Gazette française, 14 плювиоза

Силой вещей всякий роялистский заговор оказывается зависимым от анархистского заговора.

Разовьем эту истину.

Каждый, кто внимательно прочтет заметки Бабефа, убеждается в том, что анархисты наконец почувствовали необходимость создать себе партию, независимую от деятелей Конвента, среди коих Бабеф различает слабых демократов и ловких орлеанистов, обладающих великим талантом оказываться во главе всех партий и быть в состоянии использовать любые события.

Так, после 9 термидора мы увидели, как в рядах благодетелей человечества оказались некоторые из тех, кто был его палачом, и мы опять попали под иго деятелей Конвента, потому что не сумели или не могли создать себе партию, которая была бы вне Конвента.

То же случилось и с террористами после 13 вандемьера.

Наученный опытом, Бабеф остерегался сообщников, превращающихся в хозяев. Он отмежевался от всех деятелей Конвента, заключил компромисс со слабыми демократами, но продолжал остерегаться орлеанистов, которые, несомненно, были бы первыми принесены в жертву, как наиболее опасные.

Орлеанисты, зная о замыслах Бабефа, хотели использовать их вопреки его воле, захватив руководство движением, или уничтожить его при помощи «порядочных людей», если они не смогут руководить им; это в обоих случаях оставляло их на вершине могущества. От этой системы они не отказались до сего дня.

Агенты Людовика XVIII, каков бы ни был их план, должны были строить его, отчасти подражая плану Бабефа, отчасти подражая плану орлеанистов.

Беря пример с Бабефа, они решили пожертвовать всеми депутатами, всеми видными людьми; одним словом, сделать свою партию независимой от всех тех, кто мог бы занять в ней господствующее положение.

Беря пример с орлеанистов, они предоставляли противоположной партии осуществить все действие, стремясь лишь обратить в свою пользу его результаты.

[4*] *Одно слово неразборчиво.*

Вот к чему сводится история этого заговора. Я из этого делаю только один вывод. А именно, что правительство, которое хочет перессорить все партии между собой, которое хочет, чтобы они уравновешивали друг друга, тогда как от него одного зависит подорвать их основы, установив царство законности, должно вскоре погибнуть в результате объединения всех партий. Ибо подобное объединение может совершиться двумя путями: или по воле вождей, или по стечению обстоятельств, когда все устремляются одновременно к одной и той же цели, не посвящая друг друга в свои замыслы.

L'Ami des loix, 16 плювиоза

Бонапарт, победитель Ломбардии, счел, что этот титул дает ему право диктовать, как должно быть организовано правительство этой страны. Он потребовал список хороших граждан от всех классов, чтобы в ожидании того времени, когда оно будет конституировано, составить из них Генеральный совет как временное представительство миланского народа. Вполне возможно, добавляет журналист, что он объединится с народами циспаданской Италии и образует с ними единую и неделимую республику.

Créole patriote, 16 плювиоза

Анархия — это борьба, сопротивление, сражение свободы с тиранией, или усилия тирании, направленные к ослаблению, свержению общественной свободы, к уничтожению священных прав народов. Стало быть, государство погружается в анархию всякий раз, когда наглый порок, интрига, подлость, коварство, грабеж, смертоубийство становятся хозяевами положения и могут не бояться законов и эшафота. Государство погружается в анархию всякий раз, когда заслуги, достоинства, труд, добродетель рыдают, оставаясь без вознаграждения, получая в награду лишь гонения.

Journal général, 17 плювиоза

Сообщение Директории от 15 или 16 плювиоза о роялистском заговоре. Директория полностью доверяет всем министрам, генералам, защитникам Родины.

Gazette française, 18 плювиоза

О монархическом заговоре. Какой бы приговор ни вынесла военная комиссия, все партии в один голос заявят, что он продиктован властью, и их утверждение будет тем более правдоподобно, что опыт и наиболее прославленные публицисты доказали, что поручение судить всегда равносильно поручению убить[5*]. В результате каждого нового заговора выигрывает

[5*] *Commission означает также «поручение». — Перев.*

одна лишь Директория: ее власть возрастает в той же мере, в какой партии и даже законы теряют свой авторитет. Люди естественно склонны видеть главных инициаторов того или иного события в тех, кто извлекает из него пользу. И в этом инстинкт почти всегда находится в согласии с разумом.

Совет 500, 17 плювиоза. Решение Кассационного суда, объявляющее виновным в должностном преступлении Монье, мирового судью в Тулоне, за выдачу ордера на арест без указания его мотивов и без ссылки на закон, на основании которого он это сделал. Монье будет вызван в суд через 4 декады.

Дюмолар требует предать настоящее дело (монархический заговор) самой большой гласности, дабы постановление Директории не стало в дальнейшем основанием для предания всех граждан без различия на произвол исполнительной власти [6*].

Le Créole, 17 плювиоза

Статья «Париж»

Рамель, командир гренадеров, состоящих при Законодательном корпусе, сделал новое заявление, в котором утверждал: «Дюма, член Совета старейшин, был тем, против кого Поли и другие выступали особенно злобно... Поли утверждал, что вскоре произойдет движение анархистов с целью помешать проведению ближайших выборов, которому необходимо воспрепятствовать любою ценой... Одна женщина очень настойчиво приглашала его (Рамеля) пойти к послу Испании и к Тальену, где его страстно желали видеть. Но Рамель полагает, что это низкая интрига и что маркиз дель Кампо, равно как и Тальен, не причастны к этому заговору.

Мало́ сообщил в Совете, что королевские эмиссары ему говорили о заговоре орлеанистов; что сын находится в Париже, и они подозревают, что он живет у Сантерра.

В самый день, когда был раскрыт план заговорщиков, сообщает «L'Ami des loix», видели, как Дефермон прибежал к Кошону, полонил Мало́, придал его мыслям противоположное направление, а его докладу — окраску и оборот, необходимые для спасения ряда лиц, занимающих видное положение и серьезно скомпрометированных. Впоследствии посвященными в секреты полиции относительно заговора окажутся, по-видимому, только [Ребель (?)], Буасси, Дюма и... Бенезек должен был стать временным уполномоченным по управлению Бельгией, Дюма — военным министром, хотя Мало просил, чтобы это было вычеркнуто. Симеон — министром юстиции, Барбе-Марбуа — морским министром, Порталис — министром внутренних дел; Кошон — остаться на своем посту, Фермон должен был быть назначен на должность

[6*] Во флореальском деле не понадобилось проявлять столько заботы о мятежниках.

интенданта. Министра иностранных дел король должен был привести с собою.

Заседание [Совета] 500 от 16-го. План заговора, найденный у Бротье, одного из королевских эмиссаров. Назначить министрами: Флериё — юстиции, Кошона — полиции, Бенезека — внутренних дел, Виньоля де Гранж, улица Сен-Флорантен, против дома [*одно слово неразборчиво*] — финансов. Вовийера — управлять продовольственным снабжением. Барбе-Марбуа — морским министром и колоний. Лаврийер — военным. Эннен — иностранных дел, а в случае отказа Флериё заменить его Симеоном или Порталисом. Взять под надзор всех якобинцев и выделить для их ареста людей сильных и преданных правому делу.

Le Créole, 18 плювиоза

Теперь о министрах Бенезеке и Кошоне. Надо признать, что Директория питает неистощимую привязанность к этим бравым республиканцам, которых короли делают министрами...

Мы постараемся показать, с каким глубоким макиавеллизмом искажают правду. Нарушают всякое правдоподобие, чтобы повернуть на пользу определенной партии вынужденное открытие этого заговора, направляемого из-за кулис, как очень правильно замечает «Ami des lois», господами Дюма, Фермоном, Мену, Кошоном и компанией. С одной стороны, королевские эмиссары указывают на Дюма как на возможного военного министра; он заставляет через своего протеже Рамеля убрать эту запись; ее заменяют другой, соответствующей обстоятельствам; с другой стороны, и т. д. ...

Когда знаешь частную жизнь г-на Дюма, привычки, связывающие его с домами Ламет, д'Эгийон, Мену и др.; когда знаешь, кого приглашает к обеду Кошон; когда немного поразмыслишь об изменениях, которые угодливые докладчики вносят в свои сообщения о монархическом заговоре, то легко угадать, какую выгоду хотят из этого извлечь. Директория, по-видимому, ждет приказаний Законодательного корпуса, чтобы приступить к репрессивным мерам в отношении обвиняемых. Она боится высказаться и ограничивается заявлением о том, что она относится с доверием ко всем министрам без различия. Стало быть, она не видит того, что ее слабость не только не смущает ее врагов, но и, наоборот, усиливает их дерзость. Замечено, что, по мнению Мало и судя по изъятым документам, заговор был задуман в пользу старшего из братьев казненного короля; что главными действующими лицами были эмигранты и сосланные священники; герцог Бурбонский должен был немедленно отправиться в Париж и стать во главе движения. Теперь Рам[ель] распорядился разыскать в доме Сантерра старшего сына герцога Орлеанского; он ставит его во главе террористов предместий Антуан и Марсо. Отмечается, что «Journal officiel» совсем недавно сообщил, что этот сын Орлеана уехал в Америку и что королевские эмиссары

больше всего боялись патриотизма этих предместий. Ничто не ускользнуло от проницательности Дюма; он стоял первым в списке членов королевского правительства, каковой список был изъят у Мало. Прикрываясь именем Рамеля, он составил контрсписок людей, которые должны быть преданы смерти, как игравшие видную роль в начале революции; он поставил себя на первом месте в этом списке, рядом с Лафайетом, Мену, Ламетом, д'Эгийоном и т. д.[7*] Все эти интриги не спасут королевских эмиссаров, доказательство преступления тяготеет над их головами. Но главные действующие лица скроются от обманутой полиции, которая сама считается достойной королевского доверия, и предполагаемому Людовику XVIII останется лишь назначить преемников своим эмиссарам. Есть некоторое утешение в том, что члены Директории тоже входят в проскрипционные списки; было бы ужасно видеть предателей или трусов на этих высоких постах. Было бы желательно, чтобы все министры также входили в эти списки. Но двое из них, к сожалению, пользуются доверием двора. Как бы положительно ни отзывалась о них Директория в своем заявлении, трудно будет вынести о них благоприятное суждение; нельзя доверять по приказу. Доверие членов Директории не создает еще доверия публики, которая, несомненно, имеет право рассматривать и думать.

Заседание от 16-го. Кошон и Бенезек, хотя и сохраняют полностью доверие Директории, были оценены многими ораторами по справедливости.

Допрос Лавилерпуа. Он только размышлял о том, что следовало бы делать в случае, если бы правительство было свергнуто якобинцами.

Симеон. Он, как и Кошон, не знает, чем он мог заслужить благосклонность роялистов.

Тальен. Маркиза дель Кампо он знает только как посла Испании и видел его всего лишь один раз.

Постановлено приобщить заявление Тальена к отпечатанным документам; отпечатать и раздать шесть экземпляров заявления Симеона.

Анри Ларивьер высказался против напечатания речи Ламарка, бросающей подозрение в роялизме как раз на тех, кто раскрыл заговор, и слишком прозрачно намекающей на то, что сделанные заявления были продиктованы и противоречат документам. Согласно «Journal des hommes libres», Ламарк сказал, что документы освещают не все факты так, как они представлены в официальных докладах.

[7*] Второе заявление Рамеля. Поли особенно подчеркивал, что Лафайет, Мену, Дюма, д'Эгийон, Ламет и все, кто в начале революции проявили себя друзьями свободы, будут умерщвлены: они с особенной враждебностью говорили о Дюма, члене Совета старейшин. Лафайета должны были доставить в Париж в железной клетке. (Это заявление было сделано в заседании от [*пропуск в подлиннике*]; первое заявление было сделано в заседании от [*пропуск в подлиннике*]...).

Journal des hommes-libres, 18 плювиоза

В последующих документах...

Обвиняют только террористов, и именно для того, чтобы уничтожить их влияние, говорит Лавилернуа, подготовляют террористическое движение, в коем роялисты столь сильно нуждаются. Документы предельно ясны. Но между тем как там разработан план уничтожения террористов, кто те люди, которых указывают как главных агентов короля? Это министры, законодатели, а вовсе не монтаньяры. И тогда, как бы в виде реминисценции, являются вразрез с этими документами последующие и дополнительные заявления Мало и Рамеля, и эти люди становятся задним числом и в частных беседах объектами королевской мести. Нет, вопреки запоздалым показаниям Рамеля и Мало никто не поверит, что Людовик XVIII станет угрожать столь верным подданным. Роялистский заговор, только роялистский, — вот что составляет содержание документов. А тот терроризм, который туда вставили, — это поправка вполне в духе умеренного роялизма, пытающегося переложить на своих противников ненависть, угрожавшую его главным деятелям.

По прибытии в Вандом свидетель Лебуа сообщил следующее:

У полиции был проект, заключавшийся в том, чтобы истребить 400 патриотов, которые должны были собраться на ужин в Пантеоне 21 января с целью поговорить о выборах. После этой резни предполагалось разбить типографские станки у журналистов-патриотов, затем объявить о наличии заговора, который якобы возглавляют Тальен, Лежандр, Ламарк, Байёль. Об этом проекте проговорился один из членов Тайного совета Кошона. Последний уже был в Директории, уже убийцы и т. д., когда Ламарк и Байёль прибежали, обливаясь потом, к Тальену. В результате все стало известно, и Кошону и головорезам пришлось отказаться от своего намерения.

Ami du Peuple, 18 плювиоза.
Выдержка из сочинения Ш. Жермена:

Заговор! Страшное слово! Как только оно произнесено, оно вызывает в смущенном воображении образы Тарквиния, Катилины, лиги, Кромвеля, Пильница, австрийского комитета.

В представлении толпы заговор — это соединение всех средств, с помощью которых можно низвергнуть нынешний порядок вещей.

Каких средств? Хитрости, яда, насилия, массовых убийств, пожаров, террора, уничтожения лучших людей; безнаказанность и деньги для худших разбойников.

Ужасное существо, которое к жизни привязывает лишь жгучая жажда мести и столь же жгучее честолюбие, которое, ради ее утоления, отчаянно пойдет на все; которое людское правосудие

преследует; которое презирает правосудие Богов, — вот что такое заговорщик.

Кем же вы были, Сцевола, Катон, Брут, Херея, Пизон, Сидней и ты, храбрый Костюшко? Кем же вы-то были? Бунтовщиками, восставшими против законной власти? Негодяями? Даже толпа такими вас не считает: она чтит ваши имена; самым великим людям она указывает место рядом с вами; она восхищается вашими великодушными усилиями; она ненавидит ваших врагов; и, что делает их особенно презренными в ее глазах, она видит в них заговорщиков против вас.

Однако кем были вы в лагере Порсены, в Утике, в Фессалии, среди охраны Калигулы, на должности префекта, в звездной палате, в Варшаве? Вы были заговорщиками.

Заговор! Возвышенное слово! Как только оно произнесено, оно дает слабым и несчастным доблестные и достопамятные примеры, свидетельствующие о том, что деспотизм, каким бы грозным он ни был, должен всегда бояться граждан, не терпящих ига и пламенно стремящихся разбить его.

Заговор, восклицают тогда слабые и несчастные, — это соединение всех средств, с помощью которых мы можем освободиться от нынешней тирании.

Каких средств? Благоразумия, мужества, энергии, силы, твердости, ненависти, отвращения к угнетателям, защиты и помощи угнетенным.

Великодушный патриот, друг человечества, презирающий смерть, алчущий славы, возмущенный творимыми несколькими людьми беззакониями, ужасающийся при виде бедствий, гнетущих большинство людей, одушевленный верою в то, что именно его бесстрашной деснице боги доверили высочайшую задачу — покарать обиды, коими надменное преступление осыпает униженную добродетель, — вот каков заговорщик.

Странное извращение принципов и вещей. То, что наиболее достойно уважения, то, что всего священнее, намеренно изображается как самое низкое, самое ненавистное.

Gazette française, 21 плювиоза

Новости из Германии. Теперь, видимо, пришли к убеждению, что нынешняя война — это война с а н к ю л о т о в п р о т и в с о б с т в е н н о с т и. Это мнение, сложившееся под влиянием сочинений Берка и укрепившееся благодаря поведению французов в немецких землях, получило столь широкое распространение, что стало ныне общественным мнением.

Что сделало ужасной тиранию кардинала Ришелье? Уполномоченные.

Что считалось самым отвратительным во времена самого позорного беспорядка при прежнем правительстве? Уполномоченные.

Тальен, выступая с трибуны два дня подряд, должен был неизбежно вызвать недовольство у тех людей, которые приобрели влияние на Болото и хотят его сохранить. Другие ораторы, известные как неисправимые монтаньяры, слишком быстро стали заметными. Все это склоняет к размышлениям, а размышление спасает нас до нового порядка вещей.

Но сейчас выдвинуто одно предложение, возможных последствий которого никто не рассматривал, хотя оно этого заслуживает, — это предложение об обращении к Директории с просьбою сообщить все те имена, которые были вычеркнуты из списка эмигрантов...

Чего же хотят те, кто требует, чтобы Директория сообщила, кому она предоставила право быть вычеркнутым из этого списка?

...Та партия, которая хочет помешать проведению выборов, если это ей удастся, сразу же направит свои усилия против правительства. Ей это будет облегчено тем, что уничтожение Конституции предоставило бы все шансы тем, кто применяет хитрость и силу. Бабеф будет оправдан, все партии объединятся против Директории, если не будет выборов. Орлеанисты отлично понимают это.

...Главная причина гнева против писателей — то, что они мужественно выступают против этой клики. У них было бы меньше врагов, если бы они направили свои усилия на борьбу с Конституцией.

Заседание Верховного суда, 25 плювиоза

Оглашение декретов о добавлении Верховному суду двух запасных судей и о свидетелях. Доклад о постановлении от 1 плювиоза о замещении. Отклонение просьбы Ажье об освобождении его от обязанностей, мотивированное тем, что он включен в список. Отклонение петиции, содержащей требование документов. Кассация заочного судопроизводства по делу Бретона на том основании, что оно было совершено мировым судьей, тогда как по закону 27 жерминаля оно должно было проводиться главой жюри, действующим в качестве полицейского должностного лица, и что обвинительный акт был издан обыкновенным жюри, тогда как он должен был исходить от особого жюри. Доставлены документы мирового суда секции Марше, заочно судившего Буэна после 10 августа, для установления тождественности почерка этого гражданина, представленного как агент IV района. В соответствии с заявлением Вьейара, что если бы присяжные собрались к 1 плювиоза, то заседания начались бы в этот день, Суд отдал соответствующее распоряжение.

Le Rédacteur, 22 плювиоза

Статья, озаглавленная «Министерство общей полиции», Вандом, 17 плювиоза V года.

В целом обстановка в тюрьме спокойная; но если всмотреться в детали, то разлад растет вместе с уверенностью в обвинительном приговоре. Обвиняемые столь же спокойно держатся со своими надзирателями, сколь неспокойны они друг с другом. Четыре партии, резко выраженные, показывают зубы друг другу и дерзко меряются силами. Серьезные личные нападки, угрозы, резко выражаемые и столь же резко воспринимаемые. Первая из этих партий — это партия Бабефа; он все признáет. Вторая — это партия Жермена; он скажет все, и, если он погибнет, бывшие члены Конвента разделят его судьбу. Третья партия — это бывшие члены Конвента, они боятся всего и делают все, чтобы добиться того драгоценного молчания, в котором Жермен отказывает им. Наконец, четвертая партия — это те, против кого выдвинуто мало обвинений и которые после судебных заседаний вздыхают с облегчением. Возбуждая в других ненависть и омерзение, постоянно осыпаемые бранью, они чувствуют себя вынужденными принимать меры предосторожности. Те, кто вообще не хочет, чтобы был вынесен приговор, полны решимости чинить всевозможные помехи прохождению процесса. Уже распределены роли: бесконечные речи, постоянно повторяемые инциденты, болезни и приступы слабости в разгар заседания — таковы средства, с помощью которых надлежит выиграть время. До сего дня безопасность арестного дома не была нарушена.

18 плювиоза.

Растет разлад между заключенными: ширится подозрительность, накапливается злоба. Уже сочиняют песенки друг на друга и жестом или взглядом указывают на того, кому адресован куплет. Некоторые даже превзошли уже стадию песенок, эти затевают ссоры и попрекают один другого; двое были вынуждены выселиться из своих комнат, и им пришлось поселиться одним. Многие настроены добиваться, чтобы их изолировали или отселили от соседей. Короче говоря, чем ближе заседания суда, тем меньше любят друг друга, тем меньше единства: личные интересы всех изолировали, всех разделили.

ПУБЛИЧНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ,

исходящее от всех заключенных,
в ответ на две коварные, гнусные и клеветнические заметки,
помещенные в 422-м номере «Rédacteur officiel»
в виде донесения от бюро министерства общей полиции
о заключенных в Вандоме [8]

Здесь нет ни расколов, ни партий, ни ссор, ни страхов. Нас воодушевляет одно и то же чувство, одна и та же решимость объединяет нас. У нас только один принцип — жить и умереть сво-

бодными, быть достойными того святого дела, ради которого каждый из нас счастлив перенести любые страдания. Есть здесь еще одна общая идея, столь же единодушно разделяемая: что преследуемому республиканцу нет надобности видеть своих братьев закованными в позорные цепи, чтобы чувствовать любовь к ним, но, уж если это случается, он невольно проникается еще более нежной любовью и религиозным благоговением к ним.

Вандом, 25 плювиоза, V года Республики

Подписи: Ш. Жермен, Г. Бабеф, Коше, Антонелль, Тулотт, Дарте, Морис Руа, Таффуро, Дидье, Моруа, Ламберте, Казен, Фоссар, Антуан Фике, Руайе, Блондо, Клеркс, Дюфур, Гулар, Буден, Крепен, Корда, Лэньело, Бикор, Манье, Найе [Одна фамилия вычеркнута], Вернь, Вадье, Амар, Фион, Морель, Массар, Буонарроти, Потофё, Морис Дюпле, Жак-Морис Дюпле, вдова Моннар, Бретон, жена Бретона, Софи Лапьер, Аделаид Ламбер.

ОБРАЩЕНИЕ К ЖУРНАЛИСТАМ

Вандом, 26 плювиоза

Гражданин, есть на земле две священные вещи — несчастье и истина. Если вы хотите знать, с каким уважением г-н Кошон относится к тому и другому, прочтите эти две заметки о вандомских заключенных, коими «Rédacteur officiel» недавно украсил свой 422-й номер. Каждая строка этих двух заметок есть ложь и удар кинжалом. Мы не унизимся до ответа на все гнусности этого сообщения; если это и не самое большое из преступлений министра полиции, то оно самое подлое. Мы лишь просим вас поместить в вашей газете то заявление, которое мы считаем долгом ему противопоставить. Желательно было бы, чтобы оно было помещено непосредственно после тех двух заметок: этим сопоставлением все было бы сказано. С демократическим и братским приветом. Подписи те же, что и выше.

ОСОБОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ БАБЕФА

Вандом, 25 плювиоза

Независимо от общего заявления, подписанного мной вместе с моими братьями, страдающими за прекраснейшее из дел, я обязан и перед их поруганной добродетелью, и перед всемогущей истиной, и перед всеми республиканцами, обязан и перед самим собой сделать особое заявление и со всем пылом заклеймить две гнусные заметки, напечатанные 22 плювиоза на страницах «Rédacteur Officiel». Пока сброд газетных писак, продавшихся врагам народа, довольствовался клеветой на одного меня; пока этот сброд в течение 10 месяцев ограничивался сочинением сотен противо-

речивых романов, схожих лишь в одном — попытках перещеголять друг друга, изображая меня в самом отвратительном виде, я хранил спокойное молчание, убежденный, что время — моими силами или силами моих друзей — покарает всех этих негодяев за их несправедливости. О! мы уже предвидели, как наши потомки резцом беспристрастности высекают на скрижалях вечности наше оправдание. Но, когда низость, продолжая травить меня, посягает также и на моих товарищей по несчастью, моя непоколебимость слабеет во мне, и у меня больше не остается сил равнодушно взирать на мерзких хулителей чистых принципов и достойных защитников этих принципов.

Здесь, в Вандомской тюрьме, я столь же мало являюсь главой партии, сколь не был им, вопреки всем россказням, и ранее. Среди моих братьев по партии, преданной демократии, я всегда оставался только одним из равных. Эта партия никогда не имела главы. Все ее члены с одинаковым рвением стремились содействовать торжеству святого Равенства. Все обладали возвышенными добродетелями: самоотверженностью, любовью к человечеству, бескорыстием, мужеством, презрением к смерти, глубокой ненавистью ко всем угнетателям и их презренным пособникам. Кошон, один из этих последних, напечатал, будто бы я признаюсь во всем. Что он имел в виду? И он, и его друзья давно уже объявили, что я во всем признался. Может, они и правы; они, несомненно, правы, если понимают эти два слова так же, как понимаю их я. Я давал свои показания публично. Из них видно, в чем я признался: что я изо всех сил ненавидел как тиранов, так и рабов, рабство и несправедливых властителей; что я неизменно испытывал глубокое сочувствие к угнетенным; что я боготворил демократию и священное Равенство; что я всегда был готов отдать жизнь за свободу и счастье всех себе подобных и заставить трепетать каждого из их губителей; что я верил — все истинные республиканцы, все честные люди разделяют эти чувства, а значит — являются моими сообщниками. Я никогда не говорил и не скажу ничего большего, и я согласен с министром Кошоном, что это в самом деле можно назвать — признаться во всем. Поэтому он, возможно, абсолютно прав, и говоря прежде, будто я «признался во всем», и повторяя затем, будто «я еще во всем признаюсь».

Но если предполагается, что я намерен выступить еще с какими-то признаниями, то пусть те, кто до сих пор недостаточно хорошо знал меня и мог бы быть введен в заблуждение клеветническими выдумками столь презренного сикофанта, как министр полиции, пусть они, говорю я, успокоятся. Я утверждаю, что коль скоро гонителям демократии непременно потребовалась бы жертва, я бы счел себя счастливым, если бы мне было позволено в одиночку взойти на Тарпейскую скалу. Пусть Кошон, министр королей, считает это невозможным: главе всех современных Искариотов, палачу республиканцев не дано ни познать их добродетели, ни поверить в нее. Когда в один прекрасный

день ему придется держать ответ за все мнимые заговоры, в которых он обвинял друзей Республики, но которые были инспирированы им самим, чтобы иметь повод предписать истребление республиканцев; когда одновременно с этим ему придется держать ответ за свое действительное участие в роялистских заговорах, целиком соответствовавших его предательским замыслам, ставших верхом жестокости, тогда ему, показавшему себя трусом и лицемером, очень пригодится манера всеми доступными средствами оттягивать минуту своего осуждения, увеличивая число случайностей, придумывая помехи, симулируя болезнь, произнося нескончаемые речи.

Можно понять его предусмотрительность, когда он первым обвиняет в этом других; он хочет представить все таким образом, чтобы в предстоящих дебатах всякое необходимое заявление заранее рассматривалось бы с неодобрением как нескончаемая речь, всякое законное замечание представало в невыгодном свете случайности или помехи, якобы подстроенных виновными, ищущими себе спасения в увертках; даже самое естественное заболевание он оценивает тогда как хитрость ради выигрыша времени. Но надо надеяться, что Верховный суд не будет составлен из послушных выучеников королевского министра и не станет прислушиваться к его стараниям не разрешать обвиняемым выступать с речами, делать замечания или заболевать. Да сохранит Бог этого достойного человека от Военного суда по делу о заговоре в пользу Людовика XVIII. Подпись: Г. Бабеф.

Ami des loix, 18 плювиоза

Заседание Совета 500, от 16-го. Шазаль: Нельзя более отрицать тот факт, что во Франции есть роялисты, ведущие заговорщическую деятельность под видом анархистов. Этот факт не ускользнет ни от правительства, ни от нас, ни от этого большого города, который так легко ввести в заблуждение. Теперь уже не скажут, что роялизм не является сообщником преступного Бабефа: это он вдохновил одержимых из Гренельского лагеря, это он взбунтовал голодающих в жерминале и прериале.

Статья в «Rédacteur», номер от того же числа. — В свое время мы разоблачили жестокие замыслы Бабефа, мы пролили свет на этот лабиринт преступлений и жестокостей. Мы сохраним это мужество и в тех обстоятельствах, в коих сейчас находимся (обстоятельства роялистского заговора). — Говорят о заговоре орлеанистов, пусть его преследуют, пусть его участников судят. Не должно быть помилования ни одной клике, ни клике Бабефа, ни орлеанистам. Те, кто ее щадит, кто без конца о ней говорит, бесспорно, шарлатаны или сообщники этой партии. Нас не обманут намеренно распространяемые подозрения относительно друзей свободы и правды. Мы признаем только точные факты. Угрозы бесполезны: разите, но не обвиняйте. Если вы слишком

слабы, мы вам поможем. Заговор нельзя уничтожить преднамеренными фразами, коварно оброненными в лживых докладах. На заговор нападают с мечом закона в руках. Преследуйте все клики. Раз и навсегда очистите от них землю Республики. И пусть не будет больше каждый месяц новых заговоров, задерживающих работу правительства и внушающих народу недоверие ко всяким сообщениям о заговорах. С вашими полумерами, с вашими убийственными церемониями вы продлеваете смуты и тревоги французской нации и т. д.

— Говорят, что правительство, равным образом опасаясь сторонников Бабефа и роялизма, поочередно амнистирует их с тем, чтобы в дальнейшем удобнее было их раздавить. Оно дало им возможность, говорят, проявить свои извращенные замыслы, чтобы напугать их сторонников грозным наказанием. Оно с жаром преследует Бабефа, и это правильно. Бабеф — негодяй. Пусть же правительство действует столь же энергично против роялистов. Мы не хотим ни Бабефа, ни сына Орлеана; ни сына Орлеана, ни сына Капета. Ни один из этих узурпаторов не помиловал бы нас. И, поскольку у нас есть законное правительство, мы не хотим узурпаторов. Мы будем преследовать их всех независимо от того, будут ли они обращаться к нам во имя Равенства и Всеобщего Счастья или от имени Скипетра и Тиары.

Ami des loix, 24 плювиоза

Целью каждой партии является правление одного человека. Если бы Бабефу удалось свергнуть Директорию, он присвоил бы себе ее власть, приняв звание первого трибуна. Он истребил бы своих помощников и своих соперников, которых он ненавидел. Этот хитрый плут хотел царствовать единолично и царствовать над трупами. И у Марата не было иных стремлений. Мне довелось слышать его заявление, что королевской власти для Франции недостаточно, что нужен диктатор. Робеспьер горел желанием царствовать, когда его отправили на эшафот.

Gazette française, 23 плювиоза

О партии несменяемых, т. е. о депутатах, которые хотят остаться таковыми навсегда. Если крупный роялистский заговор не заставляет нас забыть о заговоре Бабефа; если заговор Бабефа не заставляет нас забыть о заговоре орлеанистов, то можно ли нам забыть о давно уже действующем заговоре несменяемых? Оставьте в покое Бабефа, Орлеана, Людовика XVIII, займитесь выборами и подумайте о том, что если народ благоразумен, то на своих первичных собраниях он более могуч, нежели эти люди и те, кто плетет заговоры от их имени. Народ на первичных собраниях, это уже не Антуанское предместье, это вся Франция.

Другая статья в том же номере. — Усатые якобинцы опять появляются с гордым видом, вызывающим дрожь малых детей. Они даже начинают осмеливаться поглядывать на порядочных людей. Небольшие тайные сборища возобновляют свою деятельность; уже речь идет не об оказании влияния на первичные собрания, а о том, чтобы помешать их проведению. — Жалкие дураки! После заговора Бабефа они все делали для того, чтобы выдвинуть на первый план некий заговор Людовика XVIII; теперь по всем правилам пришла очередь якобинского заговора, ибо мы упорно придерживаемся нашей прославленной системы «политических качелей». Таким образом, если хватают якобинцев, роялистов берет дрожь, а когда хватают роялистов, берегись, якобинцы, таково правило.

Courrier républicain, 24 плювиоза

Самые широкие заговорщические планы могут увенчаться успехом только тогда, когда они опираются на множество мелких средств, которые могут казаться ничтожными, но которые необходимы. Не следует думать, что великие события революции были результатом глубоких расчетов. Люди вскоре перестали бы восхищаться успехами тех или иных славных событий, если бы осознали те козни, которые привели к этим событиям. Возьмите материалы Бабефа: нет ничего более жалкого. Ряд мелких интриг, одни ничтожнее других, безвкусные песенки для черни, смешные обещания, нелепые восхваления солдат, колокольный звон, какие-то детские забавы — вот к чему сводятся великие концепции Бабефа; таковы те «глубокие расчеты», которые, однако, могли бы увенчаться успехом, если бы удалось приступить к их осуществлению. Ибо во всяком событии рутина — это половина дела; ибо вожаки хорошо разбираются в народных движениях; ибо, наконец, причины величайших революций сводятся к бесконечному множеству мелких побудительных мотивов, подчас скрытых даже от тех, кого они приводят в действие, и почти всегда столь мало соответствующих своим последствиям, что самые великие события оказались бы развенчаны, если бы это стало известно.

Ami du Peuple, 21 плювиоза

Смотрите, как вы несправедливы, Кошон. Вы преследовали и заключили в тюрьму республиканца Друэ и многих других только потому, что о них была речь в бумагах Бабефа, но вы-то не пошли еще в тюрьму как автор, зачинщик, соучастник и сторонник роялистского заговора. Скажите мне, разве патриот Друэ столь же скомпрометирован документами Бабефа, как вы и ваши друзья-клишисты скомпрометированы документами, найденными у эмиссаров претендента на корону? Неужто у нас во Франции все еще две меры, и судьи, на коих возложено осуществление законов, применяют только те, которые могут дать удовлетворение их честолюбию и жажде мести?

Ami du Peuple, 22 плювиоза

Гражданка Бабеф, эта несчастная мать, столь долго страдающая от мучений и преследований, коим подвергается ее супруг, недавно разрешилась от бремени маленьким республиканцем в доме великодушных патриотов, обеспечивших ей уход, необходимый в ее тяжелом положении. Таким образом, теперь она мать троих детей, лишенная средств к существованию, а ее супруг в заключении! О родина! О свобода! .. О добродетель! Как горячо мы должны вас любить, если приходится пройти через столь сильные испытания и принести столько тяжких жертв, чтобы обладать вами...

Ami du Peuple, 23 плювиоза

Антонелль в своей Декларации высказывается следующим образом об обвинительном акте одного из руководителей жюри парижского кантона.

«Я действительно говорил, что Конституция 1793 года, упорядоченная и введенная в действие органическими законами и учреждениями, соответствующими ее принципам, представлялась бы мне в высокой степени способной спасти нынешнее поколение от великого позора и привести французский народ к той цели, которую он должен был себе ставить. Я действительно говорил вместе со всеми честными людьми, что эта Конституция воистину является конституцией французского народа, пожелавшего утвердить ее двойным принятием, пожелавшего придать ей сугубо священный характер, связав ее с годовщиной события 10 августа как бы для того, чтобы навсегда соединить и слить воедино два великих воспоминания. Я действительно говорил, что никогда в истории человечества не было народа, который провозгласил бы и проявил бы свою волю со столь возвышенной и трогательной торжественностью, столь свободно и открыто, столь единодушно и очевидно для всех; и что в этом, несомненно, проявилась суверенная воля, обязательная для всех.

Замечания честного патриота, документ № 30, связка 7-я, стр. 127, том первый дела Бабефа. Конституция 93 года имеет право приоритета. Почему, по какой такой причине после того, как она была принята, и притом принята свободно, законно, недвусмысленно и с соблюдением всех формальностей, она вдруг стала жестоким, неприменимым на практике кодексом? Кто ее так назвал? Кто ее составлял? Кто ее представил? Кто те, кто первым ее одобрил? Кто те люди, которые скрепили ее печатью последней присяги, торжественной и единодушной?

Документы № 20 и 21, связка 7, том первый, стр. 104. Следует отметить одну очень странную вещь. Два члена Комиссии 93 [года], Бертье и Камбасерес, были также

членами Комиссии 95 [года], а многие из тех, кто недавно декретировал смертную казнь всякому, кто потребует восстановления Конституции 1793 года, с энтузиазмом за нее голосовали.

Le Pere Duchêne, печатающийся у Кошерон-Пеллерена, ул. Никез, дом Крассоля, № 330, где печатается и «Ami de la Patrie», содержит следующее Сообщение, повторяемое в каждом номере (впервые в номере от 3 плювиоза).

«Одинаково враждебные роялизму и анархии, ультрареволюционному неистовству Трибуна Гракха и контрреволюционному неистовству обвинителя Серизи, мы никогда не станем красоваться в ливреях какой-либо партии, в цветах какой-либо группы. Честные, но легко поддающиеся обману люди, это для вас мы пишем и т. д.».

[ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ] [9]

Добро можно делать, только опираясь на доверие, а первый же шаг, который мы хотели бы сделать в нашей революционной деятельности, возбудил бы недоверие. Мы хотели бы уберечь народ от этого.

У нас не так уж много средств, надо их беречь.

Это слишком похоже на монархию, ибо что такое монархия? Диктатура, власть одного.

Дарте так глубоко убежден в том, что это единственный способ обеспечить торжество добра, что только политические соображения заставят его отступить от этого; поэтому с ним надо спорить именно в этом плане.

Диктатура власти, а не диктатура одного человека.

Легче оказать влияние на одного человека, нежели на нескольких, легче обмануть одного, нежели многих.

Кромвель, Сулла, Марий, Цезарь, Цинцинат, Робеспьер.

Ему наметят программу! И эта программа будет, стало быть, диктатором диктатора. Если он от нее отклонится, у вас, стало быть, будет диктатура над его диктатурой; я этого не понимаю. Он, полагаю, будет иметь на своей стороне общественное мнение. Он будет иметь штыки! Что вы сможете поделать?

Будут тянуть жребий, пусть это будет хоть чучело. Какое жалкое рассуждение!

Удастся ли вам все предвидеть, так чтобы не пришлось принимать случайные меры?.. А если он окажется совершенно неспособным (*два слова вычеркнуты*), и вы его низложите, чтобы заменить другим, вы дискредитируете принятую вами меру. А если он окажется злонамеренным и сильнее вас, сможете ли вы его низложить?

Впрочем, я не знаю среди вас никого; одни *

---

* Обрыв в тексте.

Это вопросы (*одно слово зачеркнуто*) сопряженные. Они взаимосвязаны. Они не могут быть отделены один от другого, их надо рассматривать вместе.

(*Пять слов вычеркнуто*). Они предоставили вам довести до конца их работу. Вы это сделаете, и вы воздвигнете им памятники. Нам возразят напоминанием о децемвирате, триумвирате, Комитете общественного спасения, которые раскололись.

Диктатура — при любых обстоятельствах открытый путь для всех честолюбцев, это испугало бы народ.

Если один не захватит, то другой *

Перенесись мысленно в тот момент, когда все военные средства готовы, когда все меры по проведению восстания приняты и стоит вопрос о том, чтобы выступить в такой-то день. Составь первую декларацию или манифест этого восстания от имени Повстанческой директории. Этот первый манифест не должен быть подписан.

Он должен быть кратким, смелым, неопровержимым в части обвинений в адрес тиранов; он должен назвать лишь самые крупные, самые жестокие и возмутительные преступления.

Он должен иметь форму постановления и начинаться с различных «принимая во внимание».

Первое «принимая во внимание» должно быть посвящено обоснованию решения Повстанческой директории взять на себя инициативу восстания; мотивы могут быть изложены примерно так, как в нашем учредительном акте и в нашей первой инструкции агентам.

Другие «принимая во внимание» должны касаться преступлений тирании и богачей, угнетения и нищеты, от коих страдает народ.

Затем идут статьи.

Сначала постановляют, что восстают немедля; постановляют — почему; конституция 93 года и благоденствие.

Затем (*зачеркнутое слово*) постановляют (*три зачеркнутых слова*), каким образом народ должен одновременно прийти в движение и в какие места он должен направиться.

Что народ не успокоится до тех пор, пока не разобьет своих врагов и не обеспечит своего благоденствия.

Что в общественные места будет доставляться продовольствие для повстанцев.

Что народ трущоб и чердаков туда уже не вернется, что немедля будут приняты меры к обеспечению его жильем, мебелью и одеждой.

Что урожай, а равно и находящиеся на складах продовольственные запасы будут отданы в распоряжение Республики и будут распределяться в народе бесплатно, с тем что правительство выплатит сельским хозяевам достаточное возмещение.

---

* *Обрыв в тексте.*

Что Повстанческая директория останется несменяемой до тех пор, пока эта новая революция не укрепится и пока счастье народа не будет обеспечено. Она (*два слова вычеркнуты*) временно общее правление Республикой. И, принимая во внимание невозможность немедленного образования первичных собраний, которые все оказались бы (*одно слово вычеркнуто*) еще настроены роялистски, их созыв откладывается на три месяца, в течение которых общественное мнение (*одно слово вычеркнуто*) будет облагорожено, и тогда будут избраны представители народа, чтобы ввести в действие Конституцию 93 года (*пять слов зачеркнуто*), а также органические законы, которые народ и его освободители к ней приспособят (*два слова зачеркнуты*).

Добавить такую статью: имущества эмигрантов, контрреволюционеров, врагов народа будут переданы солдатам, их родственникам, народу.

[НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ]

Те, к кому обращена речь, которую я сейчас произнесу, это не столько люди, именующие себя здесь Национальным Конвентом; не так к ним, повторяю, обращена моя речь, как к народу. Впервые трибун Франции имеет возможность выступать среди тех, кого он помог вырвать из когтей тиранов. Он будет выслушан со всем вниманием, коего заслуживают средства, которые он им даст, чтобы не пасть обратно под ярмо тирании.

Граждане! Нынешняя победа будет вызывать удивление многих поколений. Она уже поколебала Европу. Она освободит весь мир! Я должен задать вам важный вопрос: хотите ли вы не лишиться ее плодов?

Так вот, надо суметь ее закрепить.

* * *

Собрать Конвент.

Добавить по одному члену от каждого департамента.

Распорядиться немедленно передать защитникам родины на миллиард национальных имуществ.

Создать администрацию для распределения этих имуществ.

Передать народу остальные национальные имущества.

Создать для этого специальную администрацию.

Устроить жилища для бедных в домах контрреволюционеров; изъять оттуда предметы роскоши, драгоценности и серебро.

Временно приостановить действие всех законов и постановлений правительства, изданных после ужасных событий Термидора.

Кассировать и аннулировать все изъятия из списков эмигрантов, произведенные с того же времени, с тем чтобы подвергнуть их пересмотру. Все вернувшиеся на территорию страны злодеи будут обязаны покинуть ее в течение восьми дней, следующих за обнародованием этого закона.

Восстановить зал якобинцев, поставить на эту работу Фрерона, Дельклуа, Тальена и всех тех, кто содействовал его разрушению.

Комиссия, открывающая почтовые пакеты.

Объявить, что командиры вооруженных сил будут нести ответственность за пролитую кровь.

РАВЕНСТВО СВОБОДА

Всеобщее счастье

СОЗДАНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИРЕКТОРИИ [10]

Французские демократы, исполненные скорби, глубокого негодования и справедливого возмущения по поводу неслыханной нищеты и гнета, зрелище которых являет собой их несчастная родина;

проникнутые воспоминанием о том, что когда народом была принята данная ему демократическая конституция, то охрана ее была поручена надзору всех добродетелей;

принимая во внимание, что, следовательно, лишь безукоризненно добродетельным и самым мужественным людям принадлежит инициатива мщения за народ, когда его права, как это происходит теперь, узурпированы, его свобода отнята и самое его существование подвержено опасности;

признавая, что обвинение в трусости, предъявляемое народу, есть несправедливый упрек и что народ откладывал до сих пор осуществление правосудия только за недостатком хороших руководителей, готовых встать во главе его;

признавая, что превышающие всякую меру преступления узурпаторской власти способствовали тому, что во всех сердцах настолько созрела готовность к революционному взрыву, что в интересах его плодотворности, в интересах обеспечения его успеха необходимо, быть может, скорее умерить, нежели усилить порыв свободолюбивых людей, — приняли следующее решение:

Статья 1

С настоящего момента они организуются в Повстанческую директорию под названием Тайной директории общественного спасения. В качестве членов таковой они берут на себя инициативу всех движений, которые должны привести народ к новому завоеванию им своего суверенитета.

Статья 2

Директория состоит из четырех членов.

Статья 3

Директория должна быть тайной; имена ее членов останутся неизвестными даже главным ее агентам. Для поддержания связи между этими главными агентами и членами Директории будут существовать агенты связи.

Статья 4

Тайная директория общественного спасения берет на себя выполнение огромного количества обязанностей, налагаемых на нее этим великим званием.

Статья 5

К письменным инструкциям, которыми необходимо будет снабжать главных агентов, будет прилагаться опознавательная печать, и эта печать будет служить для них предостережением против всяких неожиданностей, связанных с ложными инструкциями; несмотря на отсутствие подписей, она будет служить им гарантией подлинности актов, которые они будут получать от Тайной директории.

КОММЕНТАРИИ

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ДИРЕКТОРИИ

1 36-й номер «Трибуна народа» вышел 20 фримера IV года [1 декабря 1795 г.].

2 Госсюен Констан-Жозеф-Этьен (1758—1827) — член Законодательного собрания, Конвента и Совета 500, член Законодательного корпуса при Наполеоне.

3 «Друг законов» («Ami des lois») — газета, занимавшая в общем умеренно демократическую позицию; издавалась бывшим монахом, ставшим в годы революции якобинцем, Никола Пултье; в ее издании принимали участие Дюбуа-Крансе и Робер Ленде, бывший член Комитета общественного спасения.

4 «Друг народа» («Ami du peuple») — газета, издававшаяся Рене-Франсуа Лебуа (см. подробнее 3-й том Сочинений Бабефа, стр. 559, прим. 5; см. также: «English Historical Review», 1972, v. LXXXVII).

5 В бытность свою в Аррасской тюрьме весной и летом 1795 г. Бабеф установил связь в деп. Па-де-Кале с демократами, в частности со сторонниками Лебона (см. 3-й том Сочинений). На Вандомском процессе среди обвиняемых, кроме Дарте, были три деятеля якобинской диктатуры из деп. Па-де-Кале — Коше, Таффуро и Тулот, с которыми Бабеф переписывался, еще находясь в Аррасской тюрьме.

6 «Газета свободных людей всех стран» («Journal des hommes libres de tous les pays») — демократическая газета, издававшаяся с ноября 1792 г. Рене Ватаром. До декабря 1795 г. ближайшее участие в ее редактировании принимал якобинец, член Конвента Шарль Дюваль. Позднее главным сотрудником газеты стал П.-А. Антонелль (см. 3-й том Сочинений, стр. 563, прим. 7). В газете принимали участие также М.-А. Жюльен и Меэ де ла Туш. В 1799 г. Ватар уступил газету Фуше; в сентябре 1800 г. ее издание прекратилось. Об отношении газеты к Бабефу см.: *M. Fayn*. The attitude of the Journal des hommes libres towards the Babouvists. — «International Review of Social History», 1974, v. XIX, pt 2.

7 Корматен Пьер-Мари-Фелисите (барон де Дезоте) — один из видных роялистов и руководителей вандейцев; был арестован при Директории.

Меэ де ла Туш Жан-Клод-Ипполит (1760—1837) — журналист и политический деятель, крайне неустойчивый (см. 3-й том Сочинений, стр. 531, прим. 5, и стр. 567, прим. 47). Бабеф относился к нему весьма недоверчиво.

Реаль Пьер-Франсуа (1757—1834) — адвокат; заместитель прокурора Парижской коммуны Шометта в 1793 г.; позднее сторонник Директории, составитель ряда ее документов и редактор «Газеты патриотов 1789 года», подвергавшейся резкой критике Бабефа; защитник бабувистов на Вандомском процессе; при Наполеоне — член Государственного совета; деятель министерства полиции.

8 Фемистокл — афинский государственный деятель; победитель персов в морском сражении при Саламине (480 г. до н. э.).

9 Отрицательное отношение Бабефа к Лафайету проявилось еще в 1790 г. — см. его «Письмо депутата из Пикардии» (см. 1-й том Сочинений, стр. 118—122).

[10] «Мириаграммисты» — так Бабеф иронично называет членов Директории, Совета 500 и Совета старейшин, жалованье которых ввиду роста инфляции и обесценения бумажных денег определялось в хлебных единицах независимо от курса ассигнатов.

[11] 1—4 прериаля IV года (20—23 мая 1795 г.) произошло последнее выступление парижских предместий, подавленное термидорианским Конвентом.

[12] Кассий Висцеллин — римский политический деятель (V в. до н. э.), сторонник аграрных преобразований.

Брут Марк Юний — римский республиканец, убивший Юлия Цезаря.

[13] Лустало Элизе (1762—1790) — видный демократический журналист, редактор газеты «Парижские революции», к которому очень положительно относился Бабеф (см. 2-й том Сочинений).

Лепелетье де Сан-Фаржо Луи-Мишель (1766—1793) — председатель парижского парламента до революции; член Законодательного собрания и Конвента; автор плана государственного воспитания детей, высоко оцененного Бабефом; был убит монархистом в январе 1793 г.

Сен-Жюст Луи-Антуан (1767—1794) — один из руководителей Комитета общественного спасения, казненный после переворота 9 термидора; Бабеф в 1795—1796 гг. внимательно изучал его речи в Конвенте.

Кутон Жорж-Огюст (1755—1794), один из руководителей Комитета общественного спасения, казненный вместе с Робеспьером.

Ромм Шарль Жильбер (1756—1795) — в годы революции член Законодательного собрания и Конвента; поддержал прериальское восстание; на процессе шести «последних монтаньяров» после объявления приговора покончил самоубийством вместе с другими приговоренными. Небезынтересно, что, живя в 1779—1786 гг. в России, он был воспитателем графа Строганова.

Гужон Жан-Мари-Клод-Александр (1766—1795) — депутат Конвента, якобинец; осужденный на смерть после прериальского восстания, покончил самоубийством вместе с Роммом и др. Бабеф относился к нему с особым уважением (см. *R. Legrand.* Babeuf et le conventionnel Goujon. Abbeville, 1975). Во время Вандомского процесса обвиняемые часто покидали зал заседания с пением Гимна заключенных («Chant des prisonniers»), написанного Гужоном.

Субрани де Мошолль Амабль — депутат Законодательного собрания и Конвента; один из шести «последних монтаньяров».

[14] 12 жерминаля III года (1 апреля 1794 г.) — выступление парижских предместий, предшествовавшее прериальскому (см. прим. 11).

[15] Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель, консул в 63 г. до н. э. Бабеф неоднократно упоминал его имя в «Трибуне народа» и, хотя отмечал отдельные положительные стороны в его деятельности, характеризовал его отрицательно. Этого он почти никогда не делал в отношении Луция Сервия Катилины, против которого были направлены знаменитые речи Цицерона.

[16] Помпей Гней (106—48 гг. до н. э.) — одно время союзник Юлия Цезаря, входивший с ним в состав триумвирата, затем его противник, погибший в 48 г. до н. э.

[17] Обри Франсуа (1747—1798) — военный; член Конвента и Совета 500, один из руководителей его правого крыла; после переворота 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.) был сослан; скончался в ссылке.

Ровер де Фонвиель Жозеф-Станислав-Франсуа-Ксавье-Алексис (1748—1798) — маркиз; член Законодательного собрания и Конвента. В первые годы революции был близок к Марату, позднее один из руководителей термидорианской реакции. Против него неоднократно выступал Бабеф. Один из лидеров наиболее правого крыла Совета 500 («клишистов» — по названию улицы, где собирались правые противники Директории); подвергся ссылке после переворота 18 фрюктидора.

Буасси д'Англа Франсуа-Антуан (1756—1826) — член Учредительного собрания и Конвента; принадлежал к «болоту», но поддерживал Робеспьера; стал одним из руководителей термидорианской реакции;

докладчик и основной автор конституции III года (1795 г.). После переворота 18 фрюктидора сумел избежать преследований; при Наполеоне — граф Империи.

18 Ленде Жан-Батист-Робер (1746—1825) — член Законодательного собрания и Конвента; входил в состав Комитета общественного спасения (см. 3-й том Сочинений, стр. 538, прим. 68). Противник Директории, Р. Ленде принадлежал к группе якобинцев, которая вела переговоры с бабувистами о совместных действиях весной 1796 г. Привлекался по Вандомскому процессу, но скрылся от преследований. В 1799 г., накануне переворота 18 брюмера, был министром финансов.

19 «Негры наших островов» — имеются в виду негры с о-ва Сан-Доминго. Еще до революции в переписке с Дюбуа де Фоссе (см. 1-й том Сочинений) Бабеф выступал против колониальной политики. Свое сочувствие неграм-повстанцам на Сан-Доминго он выражал и в 1792 г. (см. 2-й том Сочинений).

20 Газета «Плебейский оратор» («L'Orateur plébéien») редактировалась Марком-Антуаном Жюльеном. План издания газеты был задуман Жюльеном совместно с Бабефом во время их пребывания осенью 1795 г. в парижской тюрьме Плесси. Однако первые номера газеты, изданные Жюльеном после выхода из тюрьмы, разочаровали Бабефа, и он подверг их критике (см. 3-й том Сочинений). Появившиеся же в последующих номерах газеты статьи Антонелля (см. выше) вызвали положительное отношение Бабефа.

21 В 9-м номере «Плебейского оратора» появилась статья П. Антонелля «Un mot à l'occasion du N 35 du Tribun du peuple» («Несколько слов по поводу № 35 „Трибуна народа“»), в которой, соглашаясь с рядом положений Бабефа, Антонелль доказывал, однако, неосуществимость коммунистического преобразования общества. В 37-м номере «Трибуна народа» Бабеф дал ответ на эти возражения.

22 Бомон де Репер Кристоф (1703—1781) — парижский архиепископ, выступивший с критикой «Эмиля» Руссо. Ссылка Бабефа на ответ Руссо Бомону еще раз доказывает, что он был знаком с произведениями Руссо далеко не из вторых рук, как полагали некоторые биографы Бабефа.

23 Дюваль Шарль (1750—1820) — депутат Законодательного собрания, Конвента и Совета 500; якобинец и противник термидорианской реакции; одно время редактировал «Газету свободных людей».

Луве де Кувре Жан-Батист (1760—1797) — журналист, депутат Конвента, жирондист (см. стр. 555, прим. 131 к 3-му тому Сочинений); редактор газеты «La Sentinelle» («Часовой»).

Реаль (см. выше прим. 7) после 13 вандемьера издавал совместно с Меэ де ла Тушем «Газету патриотов 1789 года», поддерживавшую Директорию.

Фрерон Луи-Мари-Станислав подвергался резкой критике Бабефа (см. 3-й том Сочинений). После 13 вандемьера Фрерон занимал более левую позицию, был послан с миссией на Юг Франции. Эта временная эволюция Фрерона влево, однако, не изменила критическое отношение к нему Бабефа. Позднее Фрерон стал бонапартистом.

24 Бейль Моиз-Антуан-Пьер-Жан (1760—1815) — депутат Конвента, якобинец. Автор брошюры, направленной против Фрерона «Moyses Bayle au peuple souverain et à la Convention nationale» («Моиз Бейль суверенному народу и Национальному Конвенту»). При Наполеоне подвергся изгнанию.

25 Имеются в виду сыновья герцога Луи-Филиппа-Жозефа Орлеанского «Филиппа Эгалите (Равенство)», бывшего членом Конвента и казненного при якобинской диктатуре.

26 Тацит Публий Корнелий — знаменитый римский историк.

27 Галетти — французский журналист; его газету Бабеф цитирует также в 38-м номере «Трибуна народа».

28 В Национальном архиве в Париже в деле Бабефа (W 564/37) сохранился документ о попытке его ареста в вантозе IV года (25 февраля

1796 г.). Здесь же изложена и история неудачной попытки задержания Бабефа во фримере IV года в связи с выходом 35-го номера «Трибуна народа». Номер вышел 9 фримера (30 ноября 1795 г.), а уже 11 фримера министр юстиции дал указание мировому судье секции Елисейских полей, где проживал Бабеф, об обыске и задержании «автора или авторов» номера газеты. 13 фримера мировой судья секции дал приказ об аресте Бабефа и Роша, у которого, как сообщалось в газете, принимается подписка на нее. Преследования Бабефа при Директории начались, таким образом, уже через полтора месяца после его освобождения.

В документе, где изложена попытка задержания Бабефа, указывается, что «остается неясным, не являются ли Рош и Бабеф одним и тем же лицом, скрывающимся под разными фамилиями» (A. N., W. 564/37). Вероятнее всего, это предположение соответствует истине. и фамилия Роша служила Бабефу лишь для прикрытия. Начиная с 37-го номера в газете сообщалось, что подписка принимается г-жей Лангле (женой Бабефа, подвергшейся из-за этого позднее преследованиям). Однако и в вантозе был отдан приказ об аресте Бабефа и Роша.

29 Понселен де ла Рош-Тильяк Жан-Шарль (1746—1828) — до революции аббат; в годы революции — журналист; издавал газету «Le courrier français», переименованную позднее в «Courrier républicain»; при термидорианской реакции и Директории занимал крайне правые позиции.

Рише-Серизи Жан-Тома-Элизабет (1764—1803) — реакционный журналист; один из руководителей контрреволюционного мятежа 13 вандемьера (см. 3-й том Сочинений, стр. 565, прим. 10).

30 37-й номер «Трибуна народа», вышедший 30 фримера IV года (20 декабря 1795 г.), посвящен полемике с П.-А. Антонеллем. Биограф Буонарроти и один из виднейших историков бабувизма Армандо Саитта высказал предположение, что на самом деле Бабеф и Антонелль были в это время полными единомышленниками, а их мнимая дискуссия имела своей целью привлечение внимания к коммунистическим идеям (см. *A. Saitta.* Autour de la Conjuration de Babeuf. Discussion sur le communisme (1796). — «Annales Historiques de la Révolution française», 1960, N 4; см. также «Babeuf (1760—1797); Buonarroti (1761—1837). Pour le deuxième Centenaire de leur naissance». Nancy, 1961). Нам это утверждение кажется спорным. Письмо Бабефа к Эзину, публикуемое в настоящем томе (которое не было еще известно А. Саитта, когда он напечатал свою статью), свидетельствует о серьезных политических расхождениях Бабефа с Антонеллем. Дальнейшее поведение Антонелля, признание им Реставрации тоже дает основание предполагать, что, хотя Антонелль и входил в состав «Тайной директории», последовательным революционным коммунистом он не был.

Антонелль ответил Бабефу в 144-м номере «Газеты свободных людей». Бабеф, в свою очередь, ответил Антонеллю, но не успел свой ответ опубликовать. Рукопись этой статьи была захвачена при аресте Бабефа и опубликована в «Copie des pièces saisies». Она печатается в данном томе по этому тексту.

31 Это изречение приписывается Тиберию Гракху, и Бабеф еще в тюрьме Плесси советовал М.-А. Жюльену избрать его в качестве эпиграфа для задуманной им газеты.

32 5 мессидора III года (23 июня 1795 г.) Буасси д'Англа выступил в термидорианском Конвенте с докладом, в котором излагался выработанный комиссией 11-ти проект новой конституции, взамен Конституции 1793 года. Проект был утвержден 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 г.).

33 Автором брошюры «Замечания о праве гражданства» («Observations sur le droit de cité»), содержавшей критику конституции III года, был Антонелль.

34 Упоминание Ахиллеса, Гектора, Патрокла и других персонажей гомеровской «Илиады» свидетельствует о знакомстве Бабефа с этим произве-

деннем и лишний раз доказывает его более широкую начитанность, чем принято было думать.

[35] Гражданка Лангле — Мари-Анн-Виктуар Лангле, жена Бабефа, успешно, несмотря на свою малограмотность, занимавшаяся приемом подписки и распространением газеты Бабефа, за что подвергалась арестам и преследованиям. Фамилия Роша после 36-го номера газеты в подобном объявлении больше не упоминается.

[36] Письмо Бабефа в «Moniteur», в связи с постановлением Директории о возобновлении процесса о мнимом «подлоге» (см. 2-й том Сочинений), было опубликовано в 92-м номере газеты.

Директорией 20 фримера IV года (11 декабря 1795 г.) было принято решение, в котором признавалось, что «трибунал департамента Эны явно превышал полномочия, освободив временно постановлением от 30 мессидора II года [18 июля 1794 г.] К. Бабефа, уличенного в преступлении, по своему характеру заслуживающем наказания. . .». По постановлению Директории министр юстиции — им был в то время Мерлен из Дуэ (см. 3-й том Сочинений, стр. 530, прим. 3) — должен был вновь возбудить перед кассационным судом вопрос о возобновлении судебной процедуры против Бабефа (см. *A. Debidour.* Recueil des Actes du Directoire exécutif, t. 1. Paris, 1910, p. 230).

[37] Бабеф дал ответ на выдвинутые против него обвинения в 29-м номере «Трибуна народа» (см. 3-й том Сочинений, стр. 333—335).

[38] На заключительном заседании Конвента 4 брюмера IV года (26 октября 1795 г.) был принят закон об общей амнистии заключенным по делам, связанным с революцией. Бабеф был освобожден 26 вандемьера IV года (18 октября 1795 г.) еще до этой амнистии.

[39] 23 августа 1793 г. амьенский трибунал (деп. Сомма) осудил Бабефа по так называемому делу о «подлоге» на 20 лет каторжных работ и на выставление к позорному столбу на шесть часов. Хотя по этому делу было привлечено несколько лиц, следствие по поводу них было прекращено и чрезвычайно суровый приговор был вынесен только Бабефу, поскольку он был продиктован чисто политическими соображениями (см. 2-й том Сочинений).

[40] После решения Конвента дело было перенесено в кассационный суд, который принял 21 прериаля II года постановление о кассации приговора и передал дело на новое рассмотрение в уголовный суд деп. Эны, где прокурором-синдиком являлся Потофе, впоследствии привлеченный по Вандомскому процессу. 30 мессидора II года в Лане (центр деп. Эна) Бабеф был освобожден. После постановления Директории 20 фримера IV года дело Бабефа было направлено в трибунал деп. Уаза, в Компьен, который 19 вантоза IV года (9 марта 1796 г.) принял постановление об аресте Бабефа и водворении его в тюрьму Бове. Но, когда это решение дошло до Парижа, Бабеф был уже арестован по делу о «флореальском заговоре». Дело Бабефа, пересланное в Бове, было обнаружено в начале XX в. Габриелем Девиллем, автором книги «Термидор и Директория».

[41] Шамбон де ла Тур Жан-Мари (1750—1800) — член Конвента от деп. Гар, был исключен из состава Конвента после восстания 31 мая—2 июня; восстановлен при термидорианской реакции.

Кадруа Поль (1751—1813) член Конвента и Совета 500, один из наиболее правых термидорианцев и организаторов белого террора на Юге Франции, подлежал высылке после 18 фрюктидора, как один из руководителей «клишистов», но скрылся.

Мариэтт Жан-Кристоф (1760—1821) — депутат Конвента от деп. Нижней Сены, видный термидорианец, содействовал белому террору.

[42] Эрон (Héron) Луи-Жюльен-Симон (1762—1796) — юрист до революции; был близок к Робеспьеру еще в Аррасе; якобинец; главный агент Комитета общественной безопасности; относился враждебно к Амару и Вадье. По сообщению Буонарроти, уже смертельно больной Эрон настоял на прекращении зимой 1795 г. всяких попыток создания неле-

гальной организации против Директории совместно с Амаром и Вадье. Позднее, уже после смерти Эрона, эти переговоры были успешно продолжены. Эрон пользовался большим доверием Бабефа, перед отправкой в аррасскую тюрьму он передал Эрону и Изоару рукопись 33-го номера «Трибуна народа» для издания (см. 3-й том Сочинений, стр. 432).

43 Шаретт де ла Контри Франсуа-Атанас — один из вождей вандейцев, казненный в Нанте 29 марта 1796 г. (см. 3-й том Сочинений, стр. 555, прим. 129).

44 Лебуа подлежал аресту и суду по решению Директории. К этому времени Бабеф изменил свое отрицательное отношение к Лебуа, создавшееся у него после совместного пребывания в одной камере в аррасской тюрьме и в результате неустойчивого поведения Лебуа в первые недели существования Директории.

45 Общество друзей республики (Réunion des amis de la République), заседавшее по соседству со зданием Пантеона и потому получившее название «Пантеон», начало собираться с 25 брюмера IV года. В этом Обществе преобладали сперва умеренные республиканские элементы, но постепенно усилились и получили преобладание представители радикально-демократического бабувистского направления (во главе с Буонарроти и Дарте — см. вводную статью).

46 Труве Шарль Жозеф (1768—1860) — журналист, связанный с Директорией, одно время редактор «Moniteur», выступавший в газете против Бабефа и его взглядов.

47 Бонвилль Никола (1760—1828) — сын прокурора в Эвре; был переводчиком английской и немецкой литературы; был связан с масонством; по мнению А. Матьеза, испытал на себе сильное влияние наиболее левой масонской организации, немецких «иллюминатов»; автор изданной в 1786 г. книги «Иезуиты, изгнанные из масонства, и их кинжал, сломанный масонами» (Les jésuites chassés de la maçonnerie et leur poignard brisé par les maçons). В 1789 г. был выборщиком и входил в состав первого парижского муниципалитета, ведал там продовольствием. В октябре 1790 г. основал совместно с аббатом Клодом Фоше организацию «Социальный кружок» (Cercle social) и Всеобщую конфедерацию друзей истины. Издавал газету «Железные уста» («La Bouche de fer») в 1790—1791 гг. Редактировал и сотрудничал в ряде других газет, в том числе упоминаемых Бабефом — «Французский патриот» («Le Patriote français»), «Анналы Всеобщей конфедерации друзей истины» («Les Annales de la Confédération universelle des Amis de la vérité»), «Месячная хроника» («La chronique du mois et les cahiers patriotiques»), в которой участвовали Клавьер, Кондорсе, С. Мерсье, Бриссо, Лантена, Колло д'Эрбуа, Банкаль, Дюссо и др. Во время вареннского кризиса 1791 г. участник республиканского движения. В 1792—1794 гг. сторонник жирондистов. При Наполеоне Бонвилль подвергался преследованиям. Судя по сохранившимся в ЦПА ИМЛ материалам, Бабеф знал еще в 1790 г. о существовании Всеобщей конфедерации друзей истины и газеты «La Bouche de fer». В 1793 г. он обратился, по совету С. Марешаля, к Бонвиллю с просьбой о предоставлении ему работы в типографии «Социального кружка» (см. 2-й том Сочинений, стр. 374—375). Однако идейного влияния на Бабефа, как это видно и из характеристики, данной ему в 38-м номере «Трибуна народа», Бонвилль не оказал. В 1789—1790 гг. Бонвилль издавал газеты «Трибун народа» и «Старый трибун народа». В 1796—1797 гг. он издал восемь номеров газеты «Le vieux tribun du Peuple et sa Bouche de fer», которую упоминает Бабеф.

48 Опимий Луций — римский консул, руководивший расправой над Гаем Гракхом в 121 г. до н. э.

49 О Сегье см. 3-й том Сочинений, стр. 533, прим. 21.

50 Картуш — известный французский разбойник. Луи Мандрен (1724—1755) — контрабандист, руководитель целого отряда, казненный в Валансе. См. о нем: *Л. С. Гордон.* Тема «благородного разбойника» Манд-

рена в идейной жизни предреволюционной Франции. — В сб.: Век Просвещения. М., 1970.

51 Речь идет о петиции клуба Пантеон, требовавшей осуществления решения Конвента о земельном фонде в 1 млрд. ливров для вознаграждения солдат — участников войны. Бабеф неоднократно напоминал об этом постановлении Конвента. Принятие подобной петиции свидетельствовало об усилении левого крыла в клубе Пантеон.

52 В следующем, 39-м номере «Трибуна» Бабеф изменил свою позицию и подверг критике эти решения Директории.

53 «Письмо плебею Симону» от 25 нивоза IV года, вероятно, было адресовано Симону Дюпле, сыну плотника Мориса Дюпле, у которого жил Максимилиан Робеспьер. О журналистских способностях С. Дюпле свидетельствует предположение Буонарроти, что Дюпле был редактором бабувистской газеты «Просветитель народа». Письмо печатается по тексту, опубликованному в «Copie des pièces saisies...», v. 1, p. 24—29.

54 Мерсье Луи-Себастьян (1740—1814) — литератор, которого до революции высоко ценил Бабеф (см. 1 и 2 тома Сочинений). Член Конвента, где поддерживал жирондистов; был арестован и вернулся в Конвент с группой 73-х; в это время Бабеф уже изменил свое отношение к Мерсье (см. также 3-й том Сочинений, стр. 553, прим. 103).

55 Лакруа (Делакруа) Жак-Венсан (1743—1832) — профессор права, во время пребывания у власти Тюрго был решительным противником его реформ (см. *E. Faure.* La disgrâce du Turgot). Во время французской революции занимал реакционную позицию (см. 3-й том Сочинений, стр. 553, прим. 110). Термидорианским Конвентом был предан суду за монархическую брошюру «Французский наблюдатель», но оправдан. Член Совета 500.

56 Возможно, эта характеристика Бабефа («un assez bon populacier») относится к М. А. Жюльену, являвшемуся редактором газеты «Courrier des armées», выходившей в Италии при наполеоновской армии. Газета велась в очень демократическом духе.

57 По римскому преданию, когда этрусский царь Порсена стоял у стен Рима (507 г. до н. э.), римлянин Муций Сцевола проник в этрусский лагерь с целью убить царя этрусков. Будучи схвачен, Сцевола проявил исключительное мужество и подставил свою руку под огонь. Пораженный этим героизмом, Порсена снял осаду с Рима.

58 Перенос праха Марата в Пантеон состоялся уже после 9 термидора (21 сентября 1794 г.). Однако под давлением Фрерона и его «золотой молодежи» 8 февраля 1795 г. Конвент принял решение о «депантеонизации» Марата.

59 Адрес общества Пантеона в поддержку конституции 1795 года и Директории был принят под давлением правого крыла общества в середине нивоза. Как сообщает Буонарроти, это обращение к Директории, «изобиловавшее низкой лестью... подверглось сильным нападкам. Принятое, однако, большинством, оно явилось основанием для открытого раскола между теми, кто его подписал, и теми, кто трусливому вероломству предпочел вероятность нового преследования. Эта шумная развязка обнажила все чувства, и узурпаторская власть с достоверностью узнала тех граждан, принципов и твердости которых ей надлежало более всего опасаться» (*Ф. Буонарроти.* Заговор во имя равенства, т. 1. М., 1963, стр. 181).

60 Закон о принудительном займе у имущих на сумму в 600 млн. ливров был принят 19 фримера IV года (10 декабря 1795 г.). В оплату этого займа принимались ассигнаты по курсу 1%-ной номинальной стоимости. Как и полагал Бабеф, «принудительный заем» не облегчил финансового положения. Было собрано всего 12 млн. в звонкой монете. Поступления же в ассигнатах не имели никакого практического значения ввиду катастрофического падения их курса.

61 По постановлению Директории от 18 фримера IV года запрещено было исполнение в театрах популярного после 9 термидора гимна «Пробуждение народа против террористов» («Réveil du peuple contre les terro-

ristes») и рекомендовалось исполнение «патриотических гимнов», прежде всего «Марсельезы». О конфликтах в связи с исполнением «Пробуждения народа...» см. 3-й том Сочинений, стр. 415, 560, 562 и др.

62 Закон от 3 брюмера IV года, принятый после контрреволюционного мятежа 13 вандемьера термидорианским Конвентом незадолго до окончания его работы, восстанавливал репрессивные меры против эмигрантов и их родственников, которым запрещалось занятие общественных должностей, и против священников, не принесших присягу конституции.

63 Закон 22 нивоза III года разрешал жителям Эльзаса, покинувшим Францию вместе с австрийской армией Вюрмсера, вернуться и получить обратно свои владения в том случае, если они раньше занимались физическим трудом. Как указывал тогда же Бабеф (см. 3-й том Сочинений, стр. 339—343), это ограничение было легко обойти.

64 Ребель (см. 3-й том Сочинений, стр. 556, прим. 141) председательствовал на церемонии 1 плювиоза IV года (21 января 1796 г.), посвященной годовщине казни Людовика XVI.

65 Автором публикуемого ниже письма являлся Шарль Жермен (см. 3-й том Сочинений, стр. 560, прим. 11).

66 Члены клуба Пантеон во главе с руководителями правого крыла клуба участвовали в празднестве 1 плювиоза; запряглись в колесницы у Люксембургского дворца (где располагалась Директория) и сопровождали их до Марсового поля. Это поведение умеренных членов клуба вызвало возмущение Бабефа и левого крыла «пантеонистов».

67 Дону П. К. Ф. (1761—1840) — до революции духовное лицо; депутат Конвента от деп. Па-де-Кале; термидорианец; сторонник наполеоновского переворота 18 брюмера; занимал видные государственные посты при Наполеоне.

68 Ферю — уроженец Тулона; по сообщению Буонарроти, принимал после 13 вандемьера участие в первых собраниях будущих бабувистов.

69 Возможно, речь идет о Русселене де Сент-Альбене (1773—1847), деятеле парижского секционного движения и участнике событий 31 мая, друге Дантона, редакторе II части «Feuille de salut public».

70 Трейяр Жан-Батист (1742—1810) — член Учредительного собрания и Конвента; деятель термидорианской реакции; член Совета 500; при Наполеоне — генеральный интендант; граф Империи.

71 Друэ Жан-Батист (1763—1824) — сын владельца почтовой конторы; в 1791 г., во время бегства короля, узнал Людовика XVI и поднял тревогу на почтовой станции в Варенне (отсюда выражение — Вареннский кризис). Член Конвента (от деп. Марна). Как один из комиссаров Конвента, посланных в армию Дюмурье, был выдан австрийцам после измены Дюмурье и отвезен в железной клетке в крепость Шпильберг. Обмененный на дочь Людовика XVI, после трехлетнего заключения вернулся во Францию; был членом Совета 500. Участвовал в бабувистском движении (в данном томе помещены письма к нему Бабефа). Был арестован, но при содействии Барраса бежал. При Наполеоне — супрефект в Сен-Менегу. При Реставрации скрывался; работал садовником и был опознан только после смерти.

72 Карно Лазар-Никола-Маргерит (1753—1823) — военный инженер до революции, член Аррасской академии; депутат Законодательного собрания и Конвента; член Комитета общественного спасения при Робеспьере; ведал военными вопросами; термидорианец; член Директории (1795—1797). Принимал активное участие в подавлении бабувистского движения; предатель Гризель свой донос вручил лично Карно. Подлежал аресту после 18 фрюктидора за связь с монархическими кругами, но скрылся. Член трибуната при Консульстве; высказался против установления Империи. Во время 100 дней был министром внутренних дел. Умер в Бельгии в изгнании.

73 Процесс против Лебуа возник в связи с опубликованием в номере его газеты «L'Ami du peuple» от 29 фримера письма Бабефа, а также из-за статьи самого Лебуа «Parallèle du gouvernemet de Robespierre avec le gouvernement actuel» (см. *M. Dommanget*. Sur Babeuf..., p. 276).

[74] Дюмолар Жозеф-Венсан (1766—1819) — до революции юрист; представитель деп. Изер в Законодательном собрании; принадлежал к числу умеренных монархистов; член Совета 500 и Законодательного корпуса при Наполеоне.

[75] В 1793 г. Бабеф по совету Шометта послал в издававшуюся Тальеном и Дюшозалем газету «Друг санкюлотов», имевшую тогда радикально-демократическое направление, свою статью, посвященную вопросу о собственности. Приводимое здесь место из 71-го номера «Друга санкюлотов» Бабеф цитировал неоднократно, в том числе и в «Манифесте плебеев», и в защитительной речи на Вандомском процессе.

[76] 1-е подстрочное примечание к 40-му номеру «Трибуна народа» Бабеф дает без отсылки в тексте.

[77] «Священная армия» — Бабеф имеет в виду сформированные Конвентом для борьбы с контрреволюционным мятежом 13 вандемьера три батальона «Патриотов 1789 года», составленные в основном из бывших «террористов», подлежащих разоружению по закону от 21 жерминаля, отмененному в вандемьере.

[78] Армонвилль Жан-Батист — рабочий, чесальщик (см. 3-й том Сочинений, стр. 553, прим. 111). Один из немногих депутатов-рабочих в Конвенте. Был связан с движением бабувистов. Позднее отошел от политической деятельности; умер в нужде.

[79] Дону предложил декрет, согласно которому первичные собрания, созывавшиеся во фрюктидоре—вандемьере III года, должны были ограничиваться только избранием новых депутатов в Совет 500 и Совет старейшин. Однако те секции Парижа, большинство в которых захватили реакционеры, в первую очередь секция Лепелетье, отказались подчиниться этому решению и объявили свои заседания непрерывными. Секция Лепелетье, ставшая центром борьбы против Конвента, призвала к восстанию, начавшемуся в ночь с 12 на 13 вандемьера (с 4 на 5 октября 1795 г.).

[80] Баррас (см. 3-й том Сочинений, стр. 555, прим. 126), видя неустойчивость правительства, пытался одно время вести переговоры с бабувистами, имел личные встречи с Ш. Жерменом (см. *P. Robiquet*. Babeuf et Barras. — «La Revue de Paris», 1 mars 1896).

[81] Кавеньяк Жан-Батист (1762—1820) — депутат Конвента от деп. Верхняя Гаронна. Оба его сына играли видную роль в политической истории Франции XIX в.: Годфруа Кавеньяк (1801—1845) был одним из руководителей тайных республиканских обществ в 30-х годах; другой сын — Луи-Эжен (1802—1857) — генерал; подавил июньское восстание в Париже в 1848 г.

[82] Речь идет об Антуане Тибодо (см. 3-й том Сочинений, стр. 558, прим. 156).

[83] Во время мятежа 13 вандемьера Бабеф находился в парижской тюрьме Плесси; по его инициативе заключенные-республиканцы в Плесси обратились с просьбой к Конвенту предоставить им возможность принять участие в боях за Республику; после чего они давали обязательство вернуться в заключение (подробнее см. 3-й том Сочинений, стр. 426—427).

[84] Бенезек (Bénézech) Пьер (1749—1802) — барон; был министром внутренних дел при Директории; смещен накануне 18 фрюктидора за близость к монархистам. Был активным участником преследований бабувистов и одним из организаторов Вандомского процесса.

[85] Баронесса Белль (Boell) — жена Бенезека.

[86] Баррас и Фрерон находились в миссии Конвента на Юге Франции, в Марселе и Тулоне; запятнали себя подкупностью и беззаконием; были отозваны в Париж при робеспьеровском Комитете общественного спасения. Опасаясь преследований, примкнули к термидорианскому заговору.

[87] Речь идет о проекте закона, по которому дети эмигрантов лишались права на наследование земельных владений своих родителей. Совет старейшин отклонил этот проект.

88 2—3 сентября 1792 г. («сентябрьские дни») во время продвижения австро-прусских войск к Парижу возникло опасение, что контрреволюционеры, содержавшиеся в парижских тюрьмах после низвержения монархии 10 августа, готовят выступление. Народные массы вторглись в тюрьмы и учинили немедленный суд. Число жертв сентябрьских казней, по подсчетам самого авторитетного исследователя — Пьера Карона, составляло 1100—1600 человек. Бабеф имеет в виду предание суду в 1796 г. участников сентябрьских событий («les septembriseurs»). Однако из 39 подвергнувшихся преследованиям 36 были признаны невиновными из-за отсутствия достаточных улик (см. *A. Soboul*. Les massacres de septembre. — В кн.: *J. Jaurès*. Histoire socialiste de la révolution française, v. 3. Paris, 1970, p. 607).

89 10 августа 1792 г. — свержение монархии, 21 января 1793 г. — казнь Людовика XVI; 5—6 октября 1789 г. — выступление народных масс, в результате которого король покинул Версаль и переехал в Париж; 14 июля 1789 г. — взятие Бастилии.

90 Бабеф послал Друэ проект речи, с которой он предлагал ему выступить в Совете 500 (см. письмо Бабефа к Друэ от 17 жерминаля IV года (7 апреля 1796 г.), опубликованное в настоящем томе).

91 С книгой Мабли «De la législation ou Principes des Lois» Бабеф ознакомился, по-видимому, до революции. Можно полагать, что из этой книги он заимствовал и формулировку «совершенного равенства» (égalité parfaite) как той цели, к которой он стремился. Ссылки на Мабли встречаются в рукописях Бабефа 1789—1791 гг., хранящихся в ЦПА ИМЛ (см. ф. 223, д. 93 и 153), а также в защитительной речи на Вандомском процессе (см. настоящий том).

92 Зимой и весной 1795/96 г. Бабеф перечитывал речи Сен-Жюста и сделал из них ряд выписок, которые были захвачены у него во время ареста и опубликованы в «Copie des pièces saisies...».

93 Тулот Эсташ-Луи-Жозеф (род. в 1773 г.) до революции готовился стать священником; в годы революции — аптекарь. Активный деятель демократического движения в Сен-Омере (деп. Па-де-Кале); поддерживал комиссара Конвента Лебона; переписывался с Робеспьером. Подвергался преследованиям во время термидорианской реакции и был связан с Бабефом во время своего пребывания в Аррасской тюрьме. Поддерживал эти связи и после переезда в Париж. Был привлечен в качестве обвиняемого на Вандомском процессе, но оправдан.

94 Вилен д'Обиньи Жан-Луи-Мари (1754—1804) — деятель клуба Кордельеров в Париже; помощник военного министра Бушотта (см. подробнее о нем: *Herlaut*. La vie politique de Villain d'Aubigny. — AHRF, 1934, N 1, p. 50).

95 Бабеф очень высоко оценивал роль Дантона в 1790 г. и даже обращался к нему с письмом, призывая выступить в защиту парижских дистриктов (см. 2-й том Сочинений). В дальнейшем он только раз упомянул имя Дантона в 1793 г. В 40-м номере «Трибуна народа» Бабеф характеризует его резко отрицательно.

96 Лежандр Луи (1752—1797) — до революции мясник; в первые годы революции видный деятель клуба Кордельеров, член Конвента; близкий друг Дантона; один из руководителей термидорианской реакции; член Совета старейшин.

97 Как установил М. Домманже, автором статьи «Opinion d'un homme, sur l'étrange procès intenté au Tribun du Peuple et à quelques autres écrivains démocrates» являлся Сильвен Марешаль.

98 Говоря о процессах против демократических журналистов, С. Марешаль имел в виду преследования, возбужденные по требованию министра юстиции 13 плювиоза IV года (2 февраля 1796 г.) против Бабефа за 39-й номер «Трибуна народа» и против Лебуа.

99 Эро де Сешель сыграл большую роль в выработке окончательного текста Конституции 1793 г. (см. 3-й том Сочинений, стр. 546, прим. 34).

100 Об этом проекте Декларации прав человека, изложенном Робеспьером в Якобинском клубе 21 апреля 1793 г., Бабеф тогда же, весной 1793 г.,

весьма одобрительно отозвался в письме к Шометту и в рукописи «Законодательства санкюлотов» (см. 2-й том Сочинений).

101 Джеймс Уэлдон — деятель английского революционного движения. Солдат седьмого полка ирландских драгун; в 1795 г. был предан суду; казнен в Дублине в январе 1796 г. Сведения о нем Бабеф мог почерпнуть из периодической печати. Бабеф был знаком с видной деятельницей английского революционного движения Мэри Уолстонкрафт, женой У. Годвина, которая, по свидетельству английского поэта Роберта Саути, считала, что «Бабеф был самым выдающимся человеком, которого она когда-либо встречала» (*К. С. Рукшина.* Мэри Уолстонкрафт о Великой французской революции. — «Французский ежегодник. 1968». М., 1970, стр. 306).

102 Буонарроти («Заговор во имя равенства». 2-е изд. М., 1963, стр. 180) пишет, что жена Бабефа была арестована «в начале вантоза». Это сообщение неточно: даты, указанные Бабефом, целиком подтверждаются архивными документами. После того как вторичная попытка ареста Бабефа зимой 1795/96 г. потерпела неудачу, его жена была вызвана к мировому судье секции Елисейских полей, который после ее допроса отдал распоряжение 17 плювиоза (6 февраля 1796 г.) об аресте «Виктуар Лангле, жены Гракха, или Камилла, Бабефа, тридцати шести лет... как виновной в соучастии в заговоре против правительства». Жена Бабефа, как он и сообщает в 40-м номере «Трибуна народа», была препровождена в тюрьму Птит-Форс (A. N., W 564/37). Как указывалось в документе, «Лангле, или жена Бабефа, не умеет читать, с трудом подписывает свое имя, не имеет никаких знаний ни в литературе, ни в политике». Виктуар Лангле держала себя на допросе с большим мужеством и достоинством, заявив, что она «никогда не думала», чтобы газета, на которую она принимает подписку, «могла бы содержать дурные принципы, поскольку, как она наблюдала, на нее подписывались честные патриоты», да к тому же она хорошо знала «добродетели своего мужа, который, впрочем, никогда не посвящал ее в свои дела» (A. N. Ibid.). В конце концов постановление об аресте было сохранено в силе только в отношении Бабефа; жена же его после двухдневного ареста была освобождена. Новый приказ об аресте Бабефа был отдан 6 вантоза IV года (25 февраля 1796 г.).

103 К тому времени в клубе Пантеон единомышленники Бабефа были уже в большинстве. 6 вантоза на заседании под председательством Буонарроти Дарте зачитал выдержки из 40-го номера «Трибуна народа».

104 Бодсон Жозеф (см. 3-й том Сочинений, стр. 534—535, прим. 38) привлекался по Вандомскому процессу, но скрылся от ареста. Публикуемое письмо было захвачено при обыске у Бабефа 21 флореаля. Публикуется по тексту «Copie des pièces saisies...», v. 2, p. 52—55. Письмо представляет большой интерес для выяснения отношения Бабефа к революционной диктатуре, к Робеспьеру и эбертистам, так как во всех своих произведениях и письмах Бабеф только один раз мимоходом критикует «Отца Дюшена» за его оценку Иисуса Христа как «санкюлота».

105 Бодсон ответил Бабефу 12 вантоза (см. «Copie des pièces saisies», v. II, p. 55—57). В своем письме Бодсон выразил несогласие с Бабефом по вопросу о Робеспьере и эбертистах. Бабеф ответил ему в тот же день (см. «Copie...», v. II).

106 Первый номер газеты «L'Eclaireur du Peuple, ou le défenseur de 24 millions d'opprimés. Par S. Lalande, Soldat de la Patrie» вышел 12 вантоза IV года (3 марта 1796 г.), а последний, седьмой номер — 8 флореаля (28 апреля 1796 г.), за 13 дней до ареста Бабефа. Коллекция «L'Eclaireur du Peuple» была переиздана в 1966 г. в серии «Editions d'Histoire sociale. Réimpression de textes rares» по экземпляру, сохранившемуся в Парижской национальной библиотеке. Хотя газета издавалась от имени «солдата Себастьяна Лаланда», однако, судя по рукописям некоторых сохранившихся номеров, по всему содержанию, стилю и лексике можно не сомневаться, что основным автором «Просветителя» был

Бабеф. Издание от чужого имени давало Бабефу возможность положительно отзываться о «Трибуне народа». Буонарроти, однако, считал редактором «L'Eclaireur» Симона Дюпле.

107 Сидней Алджернон (1622—1683) — юрист; участник Английской революции; с 1645 г. — член Долгого парламента; одобрял казнь Карла I; противник Кромвеля; при Реставрации сперва эмигрировал; в 1677 г. вернулся в Англию, в 1683 г. пытался возродить республиканское движение; был арестован, судим за «государственную измену» и казнен. Имя Сиднея после его мученической смерти пользовалось среди республиканцев XVII—XVIII вв. большой популярностью. Бабеф неоднократно упоминал его имя, в частности в 1795 г. в письме к Тибодо из Аррасской тюрьмы (см. 3-й том Сочинений).

108 В Париже в 1789 г. были расквартированы шесть батальонов французской гвардии. 24 июня, нарушив приказы командования, солдаты оставили казармы и направились в Пале-Рояль, бывший тогда центром политической агитации, где братались с революционным народом. Несколько солдат были арестованы, но толпа их освободила. Солдаты французской гвардии продолжали участвовать в революционных событиях, в частности в штурме Бастилии. Одним из руководителей солдат был сержант Лазар Гош, впоследствии один из виднейших революционных генералов.

109 После того как в клубе Пантеон усилилось левое крыло, был принят протест против ареста жены Бабефа, 6 вантоза зачитан 40-й номер «Трибуна народа» и одобрено обращение к Директории о вознаграждении солдат из фонда национальных имуществ, Директория 7 вантоза приняла постановление о его закрытии. Это решение было приведено в исполнение 9 вантоза лично Наполеоном Бонапартом, назначенным после подавления мятежа 13 вандемьера командующим внутренней армией (т. е. парижским гарнизоном).

110 Комиссия, выделенная термидорианским Конвентом для пересмотра Конституции 1793 года, состояла из 11 человек.

111 Майль Жан-Батист (1754—1834) — до революции юрист в Тулузе; генеральный прокурор Директории деп. Верхняя Гаронна; депутат Законодательного собрания и Конвента. Бабеф в 1792 г. посылал ему, как одному из руководителей феодального комитета, свои проекты ликвидации феодальных прав без выкупа и получил от Майля одобрительный ответ (см. Сочинения, т. 2, стр. 480). Термидорианец.

112 5 жерминаля III года, за неделю до жерминальского выступления, термидорианским Конвентом был одобрен декрет, гарантировавший неприкосновенность Конституции 1793 года, 5 мессидора того же года (см. выше прим. 32), после подавления жерминальского и прериальского восстаний, Буасси д'Англа выступил в Конвенте с докладом, в котором от имени комиссии 11-ти были изложены основы новой конституции III года (1795 г.).

113 Единственным депутатом, возражавшим против этих постановлений, был Друэ.

114 Бриссо Жан-Пьер (1754—1793) — до революции передовой журналист, довольно близкий к Марату; член Законодательного собрания; его первые выступления в Собрании встретили одобрение Бабефа (см. 2-й том Сочинений); член Конвента; один из руководителей жирондистов; был казнен 31 октября 1793 г.

115 Сражение под Вальми 20 сентября 1793 г. приостановило продвижение пруссаков к Парижу. Под Жемаппом (6 ноября 1792 г.) французская армия под командованием Дюмурье разбила австрийские войска. В битве под Флерюсом (26 июня 1794 г.), которой Энгельс придавал решающее значение в ходе революционных войн 1792—1794 гг., победа французов привела к вторичному занятию Бельгии.

116 Леба Филипп-Франсуа-Жозеф (1764—1794) — до революции адвокат в Сен-Поле. администратор этого дистрикта в 1791 г.; депутат Конвента от деп. Па-де-Кале; был в миссиях при армиях; ближайший единомышленник Робеспьера; на заседании 9 термидора потребовал, чтобы

его арестовали вместе с Робеспьером; покончил с собой вечером 9 термидора.

117 4-й номер «Просветителя народа» не датирован; он вышел в первой половине жерминаля.

118 Уже в аррасской тюрьме в 1795 г. Бабеф дал Гонору резко отрицательную характеристику, хотя и признавал его известные революционные заслуги. В 1796 г. Бабеф рассматривал Гонора как осведомителя и провокатора.

119 Револь был близок к бабувистскому движению; намечался в случае успеха восстания руководителем Комиссии юстиции; с ним был связан отец Ж. Мишле, судя по воспоминаниям этого историка. Шаль Пьер-Жак-Мишель (1753—1826) — до революции духовное лицо; член Конвента; противник термидорианской реакции; демократический журналист; подвергся преследованиям.

120 Сартин Антуан-Раймон-Жан-Габриель (1729—1801) — граф; в течение 20 лет был руководителем парижской полиции при Людовике XV; в 1774—1780 гг. был морским министром; отстранен по требованию Неккера из-за хищений. Сартином из Дуэ Бабеф называет Мерлена из Дуэ, являвшегося одно время министром полиции.

121 Как сообщает Буонарроти, воззвание «Солдат, остановись и прочти» («Soldat, arrête et lis») было составлено Феликсом Лепелетье вскоре после роспуска клуба Пантеон.

122 Солиньяк — командир одной из дивизий внутренней армии; сторонник Директории.

123 Письмо в редакцию «Газеты свободных людей» было обнаружено у Бабефа во время обыска 21 флореаля и опубликовано в «Copie des pièces saisies...», v. 2, p. 36—40. Мы печатаем его по этому тексту. В «Газете свободных людей» сотрудничали одно время, кроме Антонелля и Ф. Лепелетье, Ш. Дюваль и Мез де ла Туш; возможно, этого последнего и имеет в виду Бабеф.

124 В 144-м номере «Газеты свободных людей» был напечатан ответ Антонелля на возражения ему Бабефа в 37-м номере «Трибуна народа» (см. выше). Рукопись ответа Бабефа была также захвачена при обыске 21 флореаля и опубликована в «Copie des pièces saisies...», v. 2, p. 9—23. Печатается по этому тексту. Заявление Бабефа, что он не знает Антонелля лично, — скорее всего литературный прием.

125 Как уже отмечалось (см. 3-й том Сочинений, стр. 570), авторство «Кодекса природы» Морелли Бабеф приписывал тогда Дидро.

ДВИЖЕНИЕ ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

1 Луций Юний Брут, Кассий Висцеллин, Терентилий Арса, Сиций Дентат, Гай Канулей, Гай Лициний Столон, Тиберий и Гай Гракхи — римские трибуны. Более подробно о них и отстаиваемых ими аграрных преобразованиях Бабеф писал в 35-м номере «Трибуна народа» (см. 3-й том Сочинений).

2 Пишегрю Жан-Шарль (1761—1804) — военный; преподавал в Бриеннском училище, когда там учился Наполеон; капитан — в марте 1793 г.; с августа 1793 г. — генерал, руководил военными действиями, приведшими к занятию Голландии; в прериале III года в Париже командовал подавлением народного восстания; позднее вступил в переговоры с монархистами; в 1797 г. был председателем Совета 500; подлежал аресту 18 фрюктидора, но скрылся и эмигрировал; в 1804 г. нелегально вернулся во Францию; был арестован и покончил самоубийством в тюрьме.

3 Это первое критическое замечание Бабефа о Наполеоне. Другое замечание Бабеф сделал в 43-м номере «Трибуна».

4 Дювиньо Бертран-Этьенн-Мари-Ахилл (1770—1827) — французский генерал, был одно время начальником генштаба.

5 Журдан Жан-Батист (1762—1833) — солдат до революции; в 1789 г. — капитан; в 1793 г. — генерал, командовал армиями; победитель при

Флерюсе; пользовался репутацией демократически настроенного генерала, что видно и из оценки, данной ему Бабефом; в 1799 г. — член Совета 500, произнес знаменитый тост «за пику». С 1803 г. — маршал, хотя постоянно находился в оппозиции к Наполеону.

[6] Более чем месячный перерыв в выходе «Трибуна народа» (с 5 вантоза, когда вышел 40-й номер, до 10 жерминаля) объясняется, вероятно, усиленной конспиративной деятельностью Бабефа. За это время он выпустил несколько номеров «Просветителя народа». 6 вантоза IV года (25 февраля 1796 г.) было отдано новое распоряжение об аресте Бабефа.

[7] Автором «Новой песни для предместий» был Сильвен Марешаль (см. *С. Бернстайн.* Бабувистский фольклор. — «Французский ежегодник. 1972». М., 1973, стр. 276 и 281). «Новая песнь» была расклеена в виде листовки на улицах Парижа и привлекла к себе широкое внимание. Как сообщалось в одном полицейском сообщении, «в Антуанском предместье, в секции Кенз-Вен народ собрался вокруг афиши, содержащей песню, начинавшуюся словами «Mourant de faim...» и т. д. Мировой судья отправился туда, и сборище рассеялось...». В марте 1796 г. парижские власти запретили населению собираться перед расклеенными листовками с «Новой песнью» (см. *A. Aulard.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Paris, 1898, v. III, p. 71—72).

[8] В Вероне (Италия) находились в тот период братья Людовика XVI, претендовавшие на королевский престол. Люксембургский дворец был местопребыванием Директории.

[9] Копия письма Бабефа к Друэ была захвачена при аресте и опубликована в «Copie des pièces saisies», v. 2, p. 206—207. Печатается по этому тексту. Письмо свидетельствует о том, что к жерминалю между Бабефом и Друэ была уже установлена прочная связь.

[10] Ламарк Франсуа (1753—1839) — до революции адвокат; представитель департамента Дордонь в Законодательном собрании и Конвенте; был в числе комиссаров, посланных Конвентом для переговоров с Дюмурье, который выдал его австрийцам; после возвращения из плена в декабре 1795 г. — депутат Совета 500.

[11] Содержание 42-го номера «Трибуна народа» продиктовано желанием предотвратить преждевременное восстание против Директории.

[12] Инар Анри-Максимен (1751—1825) — до революции предприниматель; член Законодательного собрания и Конвента; в Законодательном собрании занимал сперва левую позицию, одобренную Маратом; в Конвенте — один из лидеров жирондистов, угрожал, что «на берегах Сены будут искать место, где существовал Париж», был исключен и возвращен в Конвент при термидорианской реакции, член Совета 500; барон при наполеоновской империи.

[13] 6-й номер «Просветителя народа», как и 42-й номер «Трибуна народа», направлен против возможности спровоцированного преждевременного восстания.

[14] Курс ассигнатов в связи с их усиленным выпуском катастрофически падал. В октябре 1795 г. количество выпущенных ассигнатов составляло около 25 млрд., а в феврале 1796 г. оно поднялось до 39 млрд. (см. *A. Soboul.* Le Directoire et le consulat. Paris, 1967).

[15] Закон, предложенный Майлем, был утвержден 27—28 жерминаля IV года (17—18 апреля 1796 г.). Согласно этому закону вводилась смертная казнь для каждого, кто «устными выступлениями или печатными произведениями, распространявшимися или расклеивавшимися, призывал к уничтожению национального представительства или Директории, к умерщвлению всех их членов, к восстановлению монархии или Конституции 1793 года или 1791 года или к аграрному закону».

[16] 30 плювиоза IV года (19 февраля 1796 г.) выпуск ассигнатов был прекращен. 28 вантоза (19 марта 1796 г.) ассигнаты были изъяты из обращения и введена новая денежная единица — территориальные мандаты; ассигнаты обменивались по курсу 1 мандат на 30 ассигнатов. Мандаты, в свою очередь, были быстро обесценены и упразднены 16 плювиоза

V года (4 февраля 1797 г.), когда бумажные деньги были ликвидированы и восстановлена в обращении только звонкая монета.

[17] Законом, принятым в октябре 1789 г., властям давалось право после того, как вывешивалось красное знамя как сигнал для роспуска всех народных сборищ, стрелять без дальнейших предупреждений, если сборища не расходились. Этот закон был применен 17 июля 1791 г. против республиканской демонстрации, собравшейся на Марсовом поле в момент кризиса, связанного с бегством Людовика XVI. Маркиз Лафайет (1757—1834) в это время был командующим парижской Национальной гвардии, осуществлявшей этот расстрел, а Жан-Сильвен Байи (1736—1793) мэром Парижа.

[18] Второе письмо Бабефа к Друэ от 1 флореаля IV года (21 апреля 1796 г.) печатается также по тексту, опубликованному в «Copie des pièces saisies» (t. 1, p. 156). Раздраженный тон письма объясняется, очевидно, тем, что Друэ не использовал текст речи, посланный ему Бабефом для произнесения в Совете 500 и не оправдал надежд, возлагаемых на него Бабефом. Однако в дальнейшем на протяжении флореаля связи Друэ с бабувистским движением окрепли.

[19] 43-й номер «Трибуна народа» — последний из вышедших номеров газеты, датирован 5 флореаля IV года (24 апреля 1796 г.). Через 16 дней Бабеф был арестован.

[20] 25 жерминаля (14 апреля) Директория, очевидно, уже располагавшая сведениями о движении бабувистов, опубликовала воззвание против тех, кто собирается «осуществить жестокий кодекс 93 года», «осуществить так называемый равный раздел всей собственности, в том числе самых скромных (les plus simples) хозяйств и самых мелких лавчонок».

[21] Фрерон пытался жениться на сестре Наполеона, Полине, но это ему не удалось; позднее, когда Наполеон стал уже первым консулом, Фрерон был отправлен в 1802 г. с экспедицией на о-в Сан-Доминго и через полгода скончался от тропической лихорадки.

[22] Последний, 7-й, номер «Просветителя народа» вышел 8 флореаля IV года (28 апреля 1796 г.).

[23] В первый состав Директории (1795—1797) входили Ребель, Карно, Баррас, Ларевейер-Лепо и Летурнёр.

Ларевейер-Лепо Луи-Мари (1753—1824) — адвокат парижского парламента до революции; член Учредительного собрания и Конвента от деп. Мэн-и-Луара, жирондист. Входил в состав Директории до начала 1799 г.

Летурнёр Шарль-Луи-Франсуа (1751—1817) — военный инженер до революции; член Законодательного собрания и Конвента от деп. Манш; входил в Директорию до 1797 г.; единственный из ее членов, кто занимал государственные посты при Наполеоне.

[24] Члены Директории не имели права лично являться на заседание советов; они могли только направлять им свои послания.

[25] Мерлен (из Тионвилля) был комиссаром Конвента при французских войсках, защищавших крепость Майнц и капитулировавших после мужественной защиты на почетных условиях. В этой части обвинения Бабефа против Мерлена несправедливы.

[26] Дюмон Андре (1765—1836) — до революции февдист; член Конвента от деп. Сомма, поначалу занимал левые позиции; затем один из наиболее рьяных руководителей термидорианской реакции. При Наполеоне — супрефект. Был во враждебных отношениях с Бабефом (см. 2-й том Сочинений; см. также *R. Legrand*. Babeuf et André Dumont. Abbeville, 1968).

[27] Ниже публикуются 16 обращений «Тайной директории общественного спасения» к 12-ти агентам парижских округов. По признанию Бабефа, все обращения (кроме первого, не включенного в том) написаны им самим. Публикуются по тексту «Copie des pièces saisies». «Тайная директория», по сообщению Буонарроти, была создана 10 жерминаля IV года (30 марта 1796 г.). В ее состав вошли сперва Бабеф, Феликс

Лепелетье (1767—1837), Сильвен Марешаль (1750—1803) и Антонелль (1747—1817). Очень скоро в ее состав введены были также Филипп Мишель Буонарроти (1761—1837), сыгравший крупнейшую роль в движении, Огюстен Александр Дарте (1765—1797), казненный впоследствии совместно с Бабефом, и Робер-Франсуа Дебон (род. 1755 г.). Биография Дебона наименее известна (см. *А. Р. Иоаннисян.* Робер-Франсуа Дебон. — «Новая и новейшая история», 1970, № 4). В течение ряда лет (1779—1787) Дебон жил в Англии, где преподавал французский язык; был позднее на о-ве Сан-Доминго и в Соединенных Штатах. В годы революции вернулся во Францию; после 9 термидора был арестован; в тюрьме Плесси познакомился с Бабефом и Буонарроти и после освобождения примкнул к движению «равных».

Бабувистская нелегальная организация в Париже была разбита на 12 округов. Агентом I округа был Никола Морель — юрист, секретарь Комитета общественной безопасности, познакомился с Бабефом и Жерменом в тюрьме Плесси, впоследствии Бабеф заподозрил его в предательстве; агентом II округа был Бодман (у него Буонарроти сохранил часть своего архива); агентом III округа являлся Клод Менесье, видный деятель секционного движения в Париже, один из администраторов парижской полиции во время якобинской диктатуры (см. 2-й том Сочинений); агентом IV округа был Матюрен Буэн, участник движения 31 мая—2 июня, мировой судья секции Рынков; агентом V округа был Гилем, известный Бабефу еще по аррасской тюрьме (см. 3-й том Сочинений); в VI округе агентом был Клод Фике, также один из администраторов парижской полиции во время якобинской диктатуры; по сообщению Буонарроти, один из организаторов прериальского восстания; агентом VII округа был Парис; в VIII округе агентом был Жан-Батист Казен, до революции — кондитер; во время якобинской диктатуры инспектор артиллерии Арсенала; познакомился с Бабефом в аррасской тюрьме; был осужден на Вандомском процессе. Агентом IX округа был Дерэ, X — Пьерон, XI — Жозеф Бодсон. В XII округе агентом являлся Жюст Моруа, в годы революции деятель секционного движения, секретарь секции Финистер; находился вместе с Буонарроти в тюрьме Плесси; был осужден на Вандомском процессе.

28 В якобинский комитет бывших членов Конвента, предложения которого о совместных действиях сперва были бабувистами отвергнуты, входили Амар Андре (1755—1816) — один из руководителей Комитета общественной безопасности; Вадье Марк (1736—1828) — видный деятель Комитета общественной безопасности; Лэньело Жозеф-Франсуа (1752—1829) — депутат Конвента от Парижа, подвергался преследованиям при термидорианской реакции; привлекался по Вандомскому процессу; Жавог Клод (1759—1796) — депутат Конвента от деп. Сона и Луара; был казнен в 1796 г. по делу Гренельского лагеря; Шудье Пьер (1761—1838) — член Законодательного собрания и Конвента; был арестован после 12 жерминаля; на Вандомском процессе был оправдан; Рикор Жан-Франсуа (1759—1818) — до революции нотариус; член Конвента от деп. Вар; был близко связан с Буонарроти; в 1796 г. проявил большую активность в переговорах с бабувистами; привлекался по Вандомскому процессу; подвергался арестам при Наполеоне по делу генерала Мале.

29 Клод Фурнье (1745—1823) жил долгое время на о-ве Сан-Доминго, почему и получил прозвище «Фурнье-Американец». Был участником всех народных движений в Париже после 14 июля, однако вызвал к себе недоверие со стороны Марата, по настоянию которого Фурнье в 1793 г. был на несколько дней арестован. Весной 1793 г., после переезда в Париж, Бабеф был одно время очень близок к Фурнье (см. 2-й том Сочинений). По просьбе Фурнье Бабефом был 14 марта 1793 г. написан памфлет «Фурнье-Американец — Марату» (см. т. 2-й Сочинений, стр. 363—366), оригинал которого хранится в ЦПА ИМЛ. Упрекая Фурнье в том, что он «клеветал» на Марата, Бабеф имеет в виду и ряд устных выступлений Фурнье в клубе Кордельеров, но не упоминает,

однако, о своем авторстве памфлета, что, впрочем, в данном документе было совершенно невозможно.

30 Бертран Антуан-Мари был мэром Лиона до мятежа 1793 г. Как сообщает Буонарроти, он «отказался от своего большого состояния... был справедлив, честен, благороден, преисполнен мужества» (*Буонарроти Ф.* Указ. соч., т. 1, стр. 149). Во все время мятежа находился в тюрьме, после снова стал мэром; 9 термидора арестован и препровожден в тюрьму Плесси, где познакомился с Бабефом и Буонарроти. Принял участие в движении «равных».

31 Семеро высланных из Парижа, как явствует из одной записи Бабефа, опубликованной в тех же «Pièces saisies», были Амар, Вадье, Шудье, Шаль, Фэйо, Юге, Вуллан.

Фэйо (1751—1799) — депутат Конвента от деп. Вандея, после Термидора один из руководителей группы депутатов, сопротивлявшейся реакции; был арестован после прериальского восстания.

Юге (1757—1796) — до революции священник; конституционный епископ; депутат Законодательного собрания и Конвента; как комиссар зала заседаний арестовал 10 августа Людовика XVI; противился термидорианской реакции; был арестован после 12 жерминаля и освобожден по амнистии; во время столкновения в Гренельском лагере (см. ниже) был арестован и приговорен военным судом к смертной казни.

Вуллан Жан-Анри (1751—1801) — адвокат; член Учредительного собрания и Конвента; член Комитета общественной безопасности с сентября 1793 г. до августа 1794 г. Скрылся от ареста в мае 1795 г.

32 Надежды бабувистской директории на возможность выступления в Париже были связаны с волнениями в полицейском легионе. Этот легион, созданный в мессидоре III года после подавления прериальского восстания, состоял из трех батальонов пехоты и кавалерийской части. В связи с левой агитацией, которая успешно проводилась в легионе, Директория 4 флореаля IV года приняла решение отправить легион в армию. 9 флореаля в связи с отказом подчиниться этому приказу в легионе начались волнения. 10 флореаля (30 апреля 1796 г.) был издан приказ о его роспуске. В этих условиях 9 флореаля «Тайная директория» обратилась к агентам с призывом «пришел час» (le moment est arrivé). Однако солдаты легиона прекратили сопротивление, и 10 флореаля в новом обращении Бабеф указал «обстановка изменилась».

33 Вопрос о совместных действиях с якобинским центром вызывал, как сообщает Буонарроти, серьезные разногласия среди бабувистов. Член «Тайной директории» Дебон был их решительным противником. Разногласия существовали и в среде самих якобинцев, отказывавшихся принимать требование бабувистов о том, чтобы будущий орган власти в случае победы восстания включал в свой состав не только якобинцев — депутатов Конвента, изгнанных из него после жерминаля и прериаля, но и демократов — представителей департаментов, предложенных «Тайной директорией». О возникших разногласиях «Тайная директория» и информировала агентов в обращении от 18 флореаля. Однако вечером 18 флореаля Дарте, присутствовавший на заседании Якобинского комитета, сообщил, что все предложения бабувистов приняты. На 19 флореаля было назначено объединенное заседание «Тайной директории» и Якобинского комитета на квартире у Друэ. Полиция, благодаря предательству Гризеля, знала о заседании, но явилась на него с запозданием.

34 Начало рукописи 44-го номера «Трибуна народа» было захвачено у Бабефа во время обыска и ареста 21 флореаля. По сообщению инспектора полиции Доссонвилля, в момент ареста Бабеф был занят составлением этого номера.

35 Гризель Жак-Шарль-Жорж (1765—1812) — до революции солдат и портной в Аббевилле. Переехал в Париж, «позаимствовав» деньги у отца без ведома последнего. В годы революции был секретарем «комитета Массиака», сообщества французских колониалистов, владельцев антильских плантаций. Снова поступил в армию; к 1793 г. стал капитаном. В 1796 г. служил в Париже, в Гренельском лагере. По рекомендации

Дарте был введен в состав военного комитета бабувистов, куда входили Россиньоль, Жермен, Массар. Фион (бывший бургомистр Льежа). 13 флореаля сделал донос Карно, 15-го был лично им принят и направлен к министру полиции Кошону. 21 флореаля утром отправил записку Бабефу с предложением прислать на предстоявшее совещание бабувистов представителей от солдат Гренельского лагеря. Цель записки была установить точно место и время этого совещания, куда должна была явиться полиция, а также уточнить адрес Бабефа. Ответ Бабефа печатается по тексту, опубликованному в «Débats du procès instruit par la Haute Cour de justice contre Drouet, Baboeuf et autres», t. II, p. 126, 340. О Гризеле см. *R. Legrand.* Sur la Conjuration des Egaux: le rôle de Grisel. Abbeville, 1974 (опубликовано также в кн.: *R. Legrand.* Babeuf et ses compagnons de route. Paris, 1981). За свое предательство Гризель получил 10 тыс. в ассигнатах и позднее еще 50 тыс. По рекомендации Карно был впоследствии назначен плац-адъютантом (adjudant de place); на этом посту в Нанте он и умер.

36 Дюфур Франсуа — владелец столярной мастерской; деятель парижского секционного движения; член революционного комитета секции Фобур-Монмартр; участник бабувистского движения; у него в доме скрывались Дарте, Дидье, Жермен. На собрании у Дюфура 21 флореаля были арестованы виднейшие руководители движения. Был одним из обвиняемых на Вандомском процессе; оправдан. При Наполеоне в 1800 г. был арестован вместе с Шапелем по обвинению в организации покушения на первого консула; в 1801 г. подвергся ссылке после взрыва «адской машины».

37 После предательства Ж. Гризеля, выяснив, где проживает нелегально Бабеф и где собираются руководители движения, Директория на заседании от 19 флореаля (8 мая 1796 г.) приняла решение об аресте Бабефа и его единомышленников, участников «заговора». Выполнение приказа об аресте Бабефа, скрывавшегося в доме № 21 по ул. Гранд-Трюандери, было поручено помощнику генерального инспектора полиции Доссонвиллю. В Национальном архиве (A. N., F[7] 4278/10) сохранился его доклад. Как пишет Доссонвилль, Директория придавала аресту такое большое значение, что сам гражданин Карно, ее председатель, нарисовал план убежища, где «дерзкий (insolent) заговорщик Бабеф холодно готовит ниспровержение Республики, организацию всеобщей резни, грабежа ... и гибель отечества». Арест был произведен 21 флореаля, в 11 час. утра. Некоторая задержка произошла из-за категорического отказа мировых судей двух секций присутствовать при аресте; Доссонвиллю с трудом удалось найти другого судью. Чтобы предотвратить возможность бегства, Доссонвилль, как он пишет, так «расставил свои батареи, чтобы он [Бабеф] не мог ускользнуть». Дом был окружен кавалерийским пикетом. Собравшейся толпе объясняли, что предстоит арест группы «воров и убийц». В комнате, куда проник Доссонвилль, кроме Бабефа находились еще Буонарроти и переписчик Пийе (раньше являвшийся секретарем Эрона и Ф. Лепелетье). Появление полиции было полной неожиданностью. По словам Доссонвилля, Бабеф воскликнул: «С нами покончено. Тирания торжествует (c'en est fait de nous; la tyrannie emporte)». Когда арестованных вывели, в толпе раздавались крики: «Браво, не давайте ускользнуть этим ворам, этим убийцам!» Доссонвилль добавляет, что для осуществления своих планов «Бабеф собирался снести 30 тыс. голов» (A. N., F[7]., 4278/10). На второй день после ареста Бабеф отправил письмо министру полиции. Публикуется впервые по подлиннику (см. A. N., F[7] 4278/23). В тот же день он обратился с письмом и к Исполнительной Директории (см. следующий документ).

38 Барневелт (Barnevelt), или Ольденбарневелт, Ян (1547—1619) — видный нидерландский политический и государственный деятель; руководитель республиканской партии арминиев, или ремонстрантов; был арестован в 1618 г. вместе с знаменитым юристом Гуго Гроцием. Приговоренный к смертной казни, отказался ходатайствовать о помиловании и был

обезглавлен 13 мая 1619 г. Как и А. Сидней, пользовался большой популярностью в XVII—XVIII вв. среди республиканцев. Бабеф неоднократно упоминал эти два имени «мучеников за свободу», хотя и критиковал их тактику (см. 3-й том Сочинений, Письмо к Тибодо, стр. 410). Ссылался на них Бабеф и в защитительной речи в Вандоме.

39 Сдержанное отношение к политике расширения террора отличало Бабефа от «бешеных» и эбертистов. В произведениях Бабефа мы не встречаем призыва «поставить террор в порядок дня». Заявление Бабефа в письме к Директории, что патриоты «не хотели крови», не было вызвано лишь тактическими соображениями.

40 За время пребывания Бабефа в башне Тампль (совместно с Буонарроти) сохранилось только два документа (кроме его показаний на допросе) — письмо к Директории и к Феликсу Лепелетье. Последнее впервые было опубликовано В. Адвиеллем (*V. Advielle*. Op. cit., v. 1, p. 222—227), а затем М. Домманже (*M. Dommanget*. Pages choisies..., p. 313—319) по копиям из архива деп. Сомма (F^{129}) и из коллекции А. Роллена (личный фонд Домманже). Мы печатаем это письмо по тексту, опубликованному М. Домманже.

Лепелетье Феликс (1767—1837) — брат Мишеля Лепелетье. Происходил из семьи графов; с самого начала революции — на ее левом крыле. Близкий друг Бабефа, завещавшего Ф. Лепелетье воспитание своего старшего сына Эмиля; когда произошло это знакомство и сближение, неизвестно, но не позднее осени 1795 г. По-видимому, он снабжал Бабефа средствами на издание газеты. В представительном органе, который предполагалось создать после победы восстания, должен был стать представителем от деп. Сона и Луара. Был в числе подсудимых на Вандомском процессе; скрылся от ареста, но был оправдан. Принял активное участие в деятельности клуба Манежа в 1799 г. Подвергся преследованиям после переворота 18 брюмера; в течение двух лет находился в ссылке на о-ве Олерон, где комендантом был «филадельф» — полковник Уде. Возможно, при его содействии бежал. В 20-х годах XIX в. жил в изгнании в Бельгии, где сохранял близость с Буонарроти. Письмо Бабефа не было вручено Лепелетье, и он получил его вместе со вторым письмом к нему Бабефа только накануне казни последнего.

41 Под «незадачливыми макиавеллистами» Бабеф подразумевал тех руководителей бабувистского движения, особенно П. Антонелля, которые остались на свободе и не выступили в защиту «флореальских заговорщиков». Более подробно Бабеф дал критику их поведения в письме к Эзину (декабрь 1796 г.), публикуемому ниже в томе. Антонелль позднее был арестован и предстал перед судом в Вандоме. Трудно объяснимым для историков бабувизма является тот факт, что не был арестован и привлечен к суду член «Тайной директории» Сильвен Марешаль, хотя его имя и фигурировало в документах, захваченных у Бабефа. Не был привлечен к суду и Дебон.

42 Предвидение Бабефа в отношении его старшего сына Робера-Эмиля (род. в 1785 г. — см. т. 1 и 2 Сочинений) в общем оправдалось. После казни отца его воспитывал Ф. Лепелетье; позднее он занимался книжной торговлей сперва в Париже, а с 1812 г. — в Лионе. Проявил себя как активный бонапартист в 1814 г. и особенно позднее, во время «ста дней». В 1816 г. при Реставрации был осужден за издание журнала «Le nain tricolore» («Трехцветный карлик»). Два года провел в крепости Мон-Сен-Мишель. Был освобожден в 1818 г. и в последующие годы вновь занимался книжной торговлей; поддерживал связь с Буонарроти; часть писем Буонарроти к Эмилю опубликована. После июльской революции Робер-Эмиль собирался издать «Мемуары» Бабефа. По настоянию Буонарроти, который считал, что это издание будет носить явно апокрифический характер, от этого намерения отказался. Сын Эмиля, Луи-Пьер, был супрефектом в 1848 г., при II республике. Умер в 1871 г., — на этом прервалась мужская линия в семье Бабефа.

43 Камилл, второй сын Бабефа, воспитывался у генерала Тюрро; существовало представление, будто во время занятия Парижа иностранными

войсками он сбросился с Вандомской колонны, однако, по последним данным, это не соответствует действительности.

11 О жене Бабефа, которая находилась с ним в Вандоме вплоть до казни, известно, что еще в 1840 г. она занималась торговлей в Париже (см.: *V. Advielle*. Op. cit., t. I, p. 342). При Наполеоне она подвергалась преследованиям. После взрыва «адской машины» в 1801 г. она была арестована (см. ее письма к Роберу-Эмилю от 22 января 1801 г. и 10 января 1802 г., хранящиеся в ЦПА ИМЛ). А 1808 г., во время раскрытия первого заговора генерала Мале, у жены Бабефа и у Эмиля были произведены обыски.

ВАНДОМСКИЙ ПРОЦЕСС

1 19 фрюктидора IV года (5 сентября 1796 г.) Бабеф из тюрьмы, устроенной в здании бенедиктинского аббатства в Вандоме, направил свое первое письмо семье. В московской коллекции это письмо отсутствует; оно сохранилось в копии в фонде F^{129} в архиве деп. Сомма. Печатаем его по публикации М. Домманже в «Pages choisies».

2 Письмо жене (от 25 фрюктидора IV года — 12 сентября 1796 г.), как и все остальные письма семье из вандомской тюрьмы, публикуемые в нашем издании, хранятся в ЦПА ИМЛ.

3 Второй сын Бабефа, Камилл, был оставлен в Париже. 9 плювиоза V года (28 января 1797 г.) в Вандоме родился третий сын Бабефа, Кай. Погиб в 1814 г. во время военных действий.

4 По прибытии в Вандом заключенными был составлен протест (déclinatoire), в котором оспаривалась компетентность Верховного суда при разборе дела. Копия этого протеста сохранилась в ЦПА ИМЛ («Protestation motivée de plusieurs citoyens prévenus de complicité dans la prétendue conspiration du 21 floréal par laquelle ils déclinent et récusent la Haute cour de justice comme incompétente contre eux dans cette affaire». — ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 473). Протест был подписан в числе других и Бабефом, но степень его авторства не установлена. Однако, судя по дальнейшим письмам к жене, можно предположить. что Бабеф был одним из главных составителей этого протеста.

Заседание Верховного суда, на котором рассматривался и был отклонен этот протест, состоялось только 19 вандемьера V года (10 октября 1796 г.).

5 Бабеф, будучи самоучкой, очень тщательно изучал грамматику, о чем свидетельствует его переписка с Дюбуа де Фоссе (см. Сочинения, т. 1). Следует отметить, что орфография Бабефа была безупречна — ни в одной из его рукописей мы не находим грамматических ошибок.

6 Жом — адвокат из деп. Вар, представителем которого в Конвенте был Рикор. По сообщению газеты Эзина (№ 6), Жому, так как он опубликовал в «Газете свободных людей» несколько статей в защиту вандомских узников, первое время был запрещен въезд в Вандом. Он оставался в Париже, где занимался вопросом об опубликовании протеста. Был ли протест напечатан, остается неизвестным; во всяком случае, пока ни одного печатного экземпляра не обнаружено.

7 Как Рикор, так и Лэньело на Вандомском процессе были оправданы.

8 Баллие Жан-Батист — вандомский адвокат, один из защитников обвиняемых.

9 Эта просьба была выполнена, судя по выпискам из этих газет, сделанным Бабефом в тюрьме (см. приложения к настоящему тому).

10 Подробнее о своих отроческих годах Бабеф рассказал в письме к одному аббату из Сен-Кантена в 1788 г. (см. Сочинения, т. 1, стр. 203—205).

11 Открытие заседаний Верховного суда состоялось 14 вандемьера; однако обсуждение протеста произошло только 19 вандемьера. После отклонения протеста заключенные обратились с жалобой в кассационный

суд. Копия второго протеста сохранилась в ЦПА ИМЛ («Seconde requête d'appel en cassation, pour cause d'incompétence du jugement rendu par la Haute Cour de justice le 19 vendémiaire à propos de la contumace contre Drouet», ф. 223, оп. 1, д. 473). На этом документе есть пометка рукой Бабефа «27 vendémiaire» (18 октября 1796 г.). Однако кассационный суд не стал рассматривать протест по существу, исходя из того, что решения Верховного суда не подлежат апелляции. Сообщение об этом было вручено Бабефу 14 брюмера V года (4 ноября 1796 г.). На нем имеется пометка Бабефа «29 vendémiaire l'an V» (см. ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 325).

[12] Допрос Бабефа председателем Верховного суда Гандоном (на закрытом заседании суда) происходил 4, 5, 6, 9, 10 и 13 брюмера V года (25, 26, 27, 30, 31 октября и 3 ноября 1796 г.). Как и писал Бабеф, последний день его допроса, сопровождавшийся рядом инцидентов, был 13 брюмера.

[13] Судри и Рузе издавали в Вандоме газету «Journal de la Haute Cour de Justice établie à Vendôme», враждебную бабувистам. Судри был владельцем типографии, где печаталась газета, и ее издателем, а Рузе — ее редактором.

[14] Жена Бабефа первое время по приезде в Вандом жила на квартире редактора «Газеты Верховного суда» Н.-П. Эзина (см. ниже, прим. 15). В связи с высылкой Эзина из Вандома ей пришлось искать другое жилище.

[15] Эзин Пьер-Никола (1763—1821) — до революции преподаватель математики в военном училище в Понлевуа (департамент Луар и Шер), активный деятель революции, якобинец, был арестован после 9 термидора; освобожден после 13 вандемьера; назначен комиссаром Директории в Вандоме; вступил в конфликт с умеренным муниципалитетом и был отстранен от этой должности; редактор-издатель газеты «Journal de la Haute-Cour de justice, ou Echo des hommes libres, vrais et sensibles» («Газета Верховного суда, или Эхо свободных, честных и отзывчивых людей»). Всего вышло 73 номера газеты; первый номер вышел 20 фрюктидора IV года (7 сентября 1796 г.), а последний — 7 прериаля V года (26 мая 1797 г.). За издание газеты Эзин был сперва выслан из Вандома, а затем привлечен к суду, однако продолжал выпускать газету от имени жены вплоть до окончания процесса. Связь Эзина с Бабефом была установлена вскоре по прибытии Бабефа в Вандом. В ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 2, д. 324) сохранилось письмо Эзина к Бабефу от 21 брюмера V года (11 ноября 1796 г.), в котором Эзин соглашался с предложениями Бабефа (в не дошедшем до нас письме) об изменениях в плане издания газеты. В ходе процесса Бабеф ходатайствовал о назначении Эзина его защитником, но суд отклонил эту просьбу, поскольку к тому времени Эзин был выслан из Вандома. Подробнее об Эзине см.: *R. Bouis.* Le patriote Pierre-Nicolas Hésine. Ses luttes ardentes en Loir-et-Cher de la veille de la révolution à la Restauration. — «Bulletin de la société archéologique, scientifique et littéraire de Vendomois», 1969, 1970, 1971. Газета Эзина переиздана в Париже в 1966 г. в серии «Editions de l'histoire sociale».

[16] Из членов Тайной директории не были арестованы в флореале трое — Антонелль, Дебон и Сильвен Марешаль. Их поведение Бабеф критиковал и в письме к Ф. Лепелетье (см. выше). Антонелль был позже арестован и препровожден в Вандом к началу процесса; был оправдан.

[17] Под псевдонимом «Отшельник» (L'Hermite) Антонелль издал несколько брошюр, посвященных «флореальскому заговору».

[18] В период десятимесячного пребывания в Вандомской тюрьме обвиняемые пытались организовать побег путем подкопа. Работа шла довольно успешно, однако главному тюремному надзирателю Доду (Daude) удалось предотвратить побег. Вскоре после этой неудачи Бабеф предпринял новую попытку, изложив свой план в шифрованном письме к жене (следовало читать сверху вниз сначала первые, затем заключительные слова каждой строки). Поскольку в русском переводе передать особый

характер письма невозможно, мы публикуем перевод его расшифровки. Полный текст письма по-французски факсимильно воспроизведен на стр. 318—319 данного тома.

К письму была сделана следующая незашифрованная приписка: «Я лишь сегодня вечером получил письмо Эмиля, где он сообщает мне, как живет его мать. Я его прошу почаще присылать мне известия о ней. Я пока не получил ни белья, ни сочинения, о котором он говорит, и не знаю, что это может значить. Вчера я отослал тебе хлеба и кое-что еще из съестного; ты получила их? Завтра я переправлю тебе старый плащ».

Письмо было впервые опубликовано Валлоном («Mémoires de la Société des sciences et lettres de la ville de Blois», 1852, t. IV p. 314—325) и вторично издано известным историком Вандомского процесса Р. Буи в 1963 г. («Annales historiques de la Révolution française», 1963, p. 88—89).

[19] Защитительная речь Бабефа была им начата на заседании Верховного суда 14 флореаля, продолжена на заседании 15 и 16 флореаля, когда суд приостановил ее, предложив Бабефу сократить ее и закончить в один день. 17 флореаля был объявлен перерыв. 18 флореаля Бабеф продолжил свою речь, но уступил часть времени Ш. Жермену. Защитительная речь была закончена на заседании 19 флореаля.

Речь эта была передана Бабефом семье. В своем предсмертном письме семье (см. ниже) он просил тщательно ее хранить и не отдавать издателям. Однако рукопись исчезла. Печатаем речь по тексту, опубликованному В. Адвиеллем (*V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf... t. II. — «Defense générale de Babeuf devant la Haute Cour de Vendôme (an V)», p. 1—322). Очевидно, в коллекции Поше-Дероша, которой пользовался Адвиелль, эта рукопись еще хранилась.

[20] На заседании Верховного суда 6 вантоза (24 февраля 1797 г.) было оглашено обвинительное заключение. Главными обвинителями выступили Байи и Вьейар (Vieillart).

[21] Письмо Ж. Бодсону публикуется в томе.

[22] Кошон де Лапаран Шарль (1750—1825) — депутат Учредительного собрания, Конвента и Совета 500; министр полиции при Директории (с 14 жерминаля IV года) во время раскрытия бабувистского заговора; был снят с этого поста накануне переворота 18 фрюктидора, как близко связанный с монархистскими кругами; при Наполеоне — префект.

[23] В бумагах, захваченных у Бабефа, было обнаружено несколько вариантов списков лиц, которые по представлению «Тайной директории» должны были войти в верховный орган управления наряду с якобинскими депутатами Конвента, исключенными из его состава. Попытка Бабефа дать иное объяснение этих списков связана с его стремлением отвергнуть обвинение в заговоре и противоречила подлинным фактам, как и ряд других его утверждений. Эти противоречия, связанные с общей тактикой бабувистов на процессе, мы в дальнейшем оговаривать не будем.

[24] «Манифест равных» был составлен Сильвеном Марешалем и опубликован в приложении в книге Буонарроти «Заговор во имя равенства» (см. рус. пер. М., 1963, т. II, стр. 133—139). Текст этого манифеста не был, однако, утвержден «Тайной директорией». Не было одобрено положение «Пусть погибнут, если это необходимо, все искусства, только бы для нас осталось подлинное равенство» (там же, т. I, стр. 196). Полуанархистские идеи Марешаля нашли свое выражение и в его формуле «Пусть исчезнет наконец возмутительное разделение на управляющих и управляемых», также отвергнутой «Тайной директорией».

[25] Байи Эдм-Луи-Бартелеми (1760—1819) — публичный обвинитель на процессе в Вандоме; член Совета 500; барон при наполеоновской империи.

[26] Сократ (469—399 гг. до н. э.) — греческий мыслитель, преданный суду по обвинению в неверии и совращении юношества. Это единственное упоминание имени Сократа в произведениях Бабефа. В своей речи Ба-

беф упоминает также имя ученика Сократа, знаменитого греческого философа Платона. О Платоне и его «Республике» Бабеф критически упоминает также в своей философской тетради.

27 Агис — спартанский царь (III в. до н. э.), убитый в 240 г. до н. э., неоднократно упоминался Бабефом.

Манлий Марк — римский патриций, возглавивший плебеев, убит в 384 г. до н. э.

Катон Марк Порций (95—46 г. до н. э.) — противник Цезаря, покончивший самоубийством в виде протеста против установления тирании.

Барневелт и Сидней — республиканцы, казненные в Голландии и в Англии.

Маргарот Морис — лондонский купец, сторонник парламентской реформы; член лондонского корреспондентского общества и его делегат на Эдинбургском конвенте; в 1794 г. был судим и сослан на 14 лет в колонии.

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — видный деятель польского национально-революционного движения; окончил военную академию в Париже; по возвращении на родину был домашним учителем; принял участие в американской Войне за независимость в 1775—1783 гг., позднее — в военных действиях против Тарговицкой конфедерации; во время восстания 1794 г. был его военным руководителем; после поражения заключен в Петропавловскую крепость, освобожден в 1796 г., переехал в США, отверг предложение Наполеона о сотрудничестве.

Уэлдон (Weldon) Джеймс — английский солдат; был судим и казнен за «измену» в Дублине в январе 1796 г. О жестокой расправе над Уэлдоном Бабеф несколько раз упоминал в «Трибуне народа» (см. выше).

28 Аннит — афинский оратор и политический деятель, вместе с Мелитом — главные обвинители Сократа, добившиеся его осуждения. Из каких источников Бабеф заимствовал свои сведения о процессе над Сократом, не установлено.

29 Фразу Сен-Жюста из его речи 8 вантоза II года Бабеф приводил неоднократно в качестве эпиграфа к отдельным номерам своих газет, в частности «Просветителя народа».

30 Вопрос об авторстве документа, озаглавленного «Анализ доктрины Бабефа, которого Исполнительная Директория преследует за то, что он говорит правду», остается открытым, но в редактировании его Бабеф принимал участие. Документ состоял из 15 статей, большая часть которых сопровождалась пространными «разъяснениями» и «доказательствами». В тексте защитительной речи Бабеф опускает эти «доказательства» и приводит лишь 11 статей из 15. Опущенные 4 статьи гласят:

«Ст. 12. Конституция 1793 г. является для французов подлинным законом, ибо народ ее торжественно принял; ибо Конвент не имел права вносить в нее изменения; ибо для того, чтобы добиться этого, он велел расстреливать народ, требовавший ее исполнения; ибо он изгнал и убил депутатов, которые защищали ее, исполняя свой долг; ибо террор против народа и влияние эмигрантов играли преобладающую роль при выработке и так называемом утверждении конституции 1795 года, не собравшей даже четверти избирательных голосов, полученных Конституцией 1793 года; ибо Конституция 1793 года закрепила неотъемлемые права каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, пользоваться правом собраний, требовать того, что он считает полезным, получать образование и не умирать от голода. Эти права открыто и всецело нарушены контрреволюционным актом 1795 г.

Ст. 13. Каждый гражданин обязан восстановить и защищать в Конституции 1793 года волю и благо народа.

Ст. 14. Все органы власти, ведущие свое происхождение от мнимой конституции 1795 года, противозаконны и контрреволюционны.

Ст. 15. Лица, поднявшие руку на Конституцию 1793 года, виновны в оскорблении величия нации».

[31] Это высказывание взято из «Кодекса природы» Морелли. Как уже отмечалось, Бабеф разделял распространенное тогда убеждение, будто автором «Кодекса природы» является Дидро, поскольку «Кодекс» был опубликован в амстердамском пятитомном собрании сочинений Дидро (1773 г.) и с его стороны не последовало никаких возражений против приписанного ему авторства «Кодекса».

[32] В отличие от Мабли, на которого Бабеф ссылался многократно, имя Гельвеция — и притом критически — упоминается до этого Бабефом только однажды, в переписке с Дюбуа де Фоссе.

[33] Борд Шарль (1711—1781) — член Лионской академии; автор «Трактата о преимуществах наук и искусств (Discours sur les avantages des sciences et des arts)», в котором подверг критике изданный в 1750 г. и удостоенный премии Дижонской академии трактат «Discours sur les sciences et les arts» Жан-Жака Руссо. Ответ Руссо Борду Бабеф цитировал неоднократно.

[34] О Локке Бабеф часто упоминает в своей философской тетради.

[35] Андре Жерар — председатель «jury d'accusation (обвинительного жюри)» парижского кантона; вел предварительное следствие по делу бабувистов. Его обвинительное заключение, на которое ссылается Бабеф, было составлено 22 мессидора IV года (11 июля 1796 г.). В Национальном архиве (W^3 566) сохранился «Acte d'accusation dressé par Gérard contre Gracchus Babeuf et les autres prévenus». Уже на следующий день (23—24 мессидора) вопреки обычной процедуре, против чего протестовали подсудимые на Вандомском процессе, было принято постановление о предании суду Бабефа и всех арестованных по его делу (см. A. N., W^3 559; W^3 566), хотя за один день члены жюри никак не могли ознакомиться со всеми обширными материалами по делу. Протоколы допроса Жераром Бабефа и всех остальных арестованных сохранились в Национальном архиве (фотокопии допросов имеются в ЦПА ИМЛ, ф. 233).

[36] Юнг Эдуард (1683—1765) — английский поэт. В 1727 г. принял сан священника. Автор нескольких религиозно-дидактических поэм; наибольшую известность приобрела его поэма в девяти книгах «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742—1745). Поэма была направлена против просветительского оптимизма, которому Юнг противопоставлял религиозную «мудрость» и глубокий пессимизм («все земное — лишь тень»). Произведения Юнга были переведены на французский язык и привлекли к себе внимание Бабефа, который неоднократно упоминал Юнга (см. 3-й том Сочинений). Ссылка на Юнга встречается и в тетради Бабефа «Pensées, préceptes et discours sur différents sujets de morale», хранящейся в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 498) и изъятой у Бабефа во время его ареста. Сведения о Юнге любезно сообщены И. Н. Немановым.

[37] Как сообщает Буонарроти, к 10 жерминаля IV года в Париже уже существовала «Тайная директория общественного спасения» (*Ф. Буонарроти.* Указ. соч., т. 1, стр. 196).

[38] Бабеф находился в аррасской тюрьме (см. 3-й том Сочинений) с 15 марта (25 вантоза III года) до 10 сентября (24 фрюктидора III года) 1795 г.

[39] Письмо к плебею Симону, как и упоминаемое далее письмо к Бодсону, публикуются в настоящем томе.

[40] Об отношении Бабефа к Жозефу Лебону и его единомышленникам, находившимся в аррасской тюрьме, см. 3-й том Сочинений.

[41] Роменвилль Александр-Мари-Жан-Элеонор-Сандро — комиссар полиции во время гренельских событий (см. прим. 42); на Вандомский процесс был вызван свидетелем по требованию подсудимых Блондо, Вадье и Лэньело, обвинявших Роменвилля в том, что он играл провокационную роль, призывая идти в Гренельский лагерь. Хотя Роменвилль и был осужден по гренельскому процессу, но приговор по его делу был кассирован одним из первых, что подтверждало подозрение в отношении подлинной роли Роменвилля. На процессе назвал себя рантье,

собственником, 40 лет от роду (см. «Journal de la Haute Cour», N 48, 57).

42 В ночь с 23 на 24 фрюктидора IV года (10—11 сентября 1796 г.) несколько сот бабувистов пытались проникнуть в расположение Гренельского лагеря для братания с солдатами. Есть все основания предполагать, что эти действия были спровоцированы. Во всяком случае Директория знала о предполагавшемся выступлении. Подготовленные заранее войска устроили настоящую резню. 20 человек было убито; 132 человека арестованы и преданы Военному суду в Тампле. Суд вынес 32 смертных приговора, в том числе бывшим членам Конвента — Жавогу, Юге (Huguet), Кюссе и бывшему мэру Лиона Бертрану. Впоследствии приговор суда был кассирован, но смертные приговоры были уже приведены в исполнение.

43 Письмо Бабефа в «Journal des hommes libres» публикуется в настоящем томе.

44 После ежегодных (согласно конституции 1795 года) перевыборов части членов Совета 500 и Совета старейшин, состоявшихся в 1795 и 1796 гг., число депутатов, принадлежавших к правому, монархическому крылу обоих Советов, очень возросло. Депутаты этой группы и их руководители собирались в особняке депутата Жибера-Демольера на улице Клиши (почему и получили название «клишистов»). Матьез указывал, что собрания другой группы депутатов происходили в другом особняке на той же улице Клиши, принадлежавшем бывшему интенданту Бертену (см.: *A. Mathiez*. Le Directoire, p. 293). Частичные перевыборы 1797 г., как и предвидел Бабеф, еще более усилили правое крыло, получившее в обоих Советах большинство. Однако Директория опередила его действия и 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.) произвела переворот, отменив выборы в 57 департаментах, приняв решение об аресте и ссылке около 60 депутатов. Из состава Директории были выведены Бартелеми и Лазар Карно, который подлежал аресту, но скрылся.

45 Бабеф действительно находился во фрюктидоре III года и в вандемьере IV года в тюрьме Плесси (см. 3-й том Сочинений), но не составлял там набросок речи, захваченный у него при аресте. Этот незаконченный набросок (опубликованный в «Copie des pièces saisies») предназначался для собрания «равных».

46 Буонарроти Филипп-Мишель (1761—1837) — виднейший революционный деятель конца XVIII в. и первой трети XIX в. Родился в Пизе (Италия) в дворянской семье. Рано проникся передовыми идеями; уже в 1786 г. у него был произведен обыск. В 1789 г., после первых известий о Французской революции, отправился на Корсику; издавал там «Патриотическую газету». Принимал участие в борьбе против корсиканского сепаратиста Паоли. За его революционные заслуги Конвент 27 мая 1793 г. присвоил Буонарроти французское гражданство. В Париже Буонарроти вошел в Якобинский клуб и познакомился с Робеспьером, которого высоко ценил. В 1794—1795 гг. был национальным агентом в Онелье. В период термидорианской реакции по постановлению Комитета общественной безопасности как «сторонник террора и истребления населения» был арестован (5 марта 1795 г.). Находился в тюрьме Плесси, где познакомился с Бабефом, оказавшим на него большое влияние.

Человек последовательно левых взглядов, якобинец-робеспьерист, Буонарроти стал убежденным сторонником идей «подлинного равенства». В обществе Пантеона Буонарроти занимал ведущее положение. Под его председательством происходило заседание, на котором Дарте огласил 40-й номер «Трибуна народа», что послужило одним из поводов к закрытию общества. В бабувистском движении Буонарроти играл активнейшую роль. Член «Тайной директории», он стал ближайшим сподвижником Бабефа, был автором многих документов движения. Арестован 21 флореаля (10 мая) вместе с Бабефом. На Вандомском процессе держался очень мужественно и с достоинством. Был присужден

к ссылке, которую отбывал на о-ве Олерон. В октябре 1802 г. Наполеон, хорошо знавший Буонарроти по Корсике, лично подписал распоряжение о его переводе под наблюдение полиции. Этому предшествовал отказ Буонарроти от полной амнистии и предоставления должности при условии признания Консульства. С 1806 г. жил в Женеве под надзором полиции. Администрация департамента требовала изгнания его из Женевы, как «самого сумасшедшего из всей кучки мятежников-якобинцев». По-видимому, был причастен к заговору генерала Мале в 1812 г. В 1813 г. выслан в Гренобль. Во время Ста дней обратился к Фуше с просьбой, чтобы «Наполеон, явившийся, чтобы вернуть Франции независимость и свободу», отменил Вандомский приговор, но ответа не получил. Позже на о-ве Св. Елены Наполеон вспоминал о Буонарроти: «Это был очень умный человек, фанатик свободы, но честный, чистый... поразительно талантливый человек». С 1815 по 1824 г. Буонарроти снова жил в Женеве, позднее — в Бельгии. В 1828 г., выполняя данное Бабефу обещание, опубликовал «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа» — книгу, сыгравшую крупнейшую роль в истории развития коммунистических идей. Последние семь лет своей жизни провел во Франции. «Величайший конспиратор XIX века» (по определению Бакунина), Буонарроти всю свою жизнь вел революционную деятельность, непрерывно создавая сеть конспиративных обществ, ставивших целью коммунистическое преобразование общества. Умер в Париже 16 сентября 1837 г. Одна из надписей на его памятнике гласит: «Осужденный на изгнание, подвергшийся гражданской казни, в тюрьме, в ссылке, среди самых тяжелых преследований, он тем не менее продолжал свое дело. Ничто не могло поколебать его мужество. Он жил для человечества».

47 Дарте Огюстен Александр — уроженец Сен-Поля (деп. Па-де-Кале), по характеристике Буонарроти, «образованный, справедливый, отважный, постоянный, деятельный, непреклонный человек, способный умело разъяснять и страстно заинтересовывать своими взглядами близких к нему людей... Высокую образованность и пламенную страсть к подлинной справедливости Дарте сочетал со строгим образом жизни и отзывчивым сердцем» (*Ф. Буонарроти.* Указ. соч., т. 1, стр. 148—149). Будучи студентом в Париже, принял участие во взятии Бастилии. Был позднее общественным обвинителем при революционных трибуналах Арраса и Камбрэ; членом Директории деп. Па-де-Кале; ближайший сподвижник Жозефа Лебона (см. *L. Jacob.* Joseph le Bon. 1765—1795. La terreur à la frontière. Nord et Pas-de-Calais. Paris, 1934). Максимилиан Робеспьер высоко ценил Дарте. После 9 термидора Дарте, подвергшийся репрессиям, познакомился в тюрьмах с Бабефом и Буонарроти. Виднейший деятель бабувистского движения, член «Тайной директории». Вместе с Дебоном отстаивал принцип единоличной диктатуры в отличие от Бабефа, который к тому времени (см. письмо к Бодсону), вопреки своим ранним политическим идеям, стал убежденным сторонником коллективной революционной диктатуры по типу якобинского революционного правительства.

Запись Бабефа относительно единоличной диктатуры и его споров с Дарте по этому поводу публикуется в Приложениях к настоящему тому.

48 Пийе (Pillé) Шарль-Никола (1768—?) — приказчик до революции; в годы революции секретарь у Эрона, а после его смерти — у Феликса Лепелетье. Последний и направил его к Бабефу, в убежище которого на ул. Гранд-Трюандери Пийе работал в качестве переписчика в течение флореаля. Был арестован 21 флореаля вместе с Бабефом и Буонарроти. С самого начала следствия заявил о своей готовности дать все показания. На Вандомском процессе вел себя как сумасшедший (возможно, это была симуляция). Утверждал, что каждый человек имеет своего «демона», сравнивал их силу и заявлял, что «демон» занес его на квартиру к Бабефу. Был оправдан.

[49] Дидье Жан-Батист (1760—?) — слесарь; уроженец деп. Марна; в годы революции — заседатель парижского революционного трибунала; был близок к семье Дюпле и к Робеспьеру. В бабувистском движении играл видную роль; был главным агентом связи. По характеристике Буонарроти, «никогда не существовало лучшего агента связи... его усердие, активность, находчивость и скромность были всегда выше всякой похвалы. Хотя, согласно введенному уставу, этот агент не должен был быть знаком ни с членами Директории, ни с их действиями, безупречность его патриотизма, его благоразумие и испытанная преданность снискали ему полное их доверие: это доверие было беспредельно, и Дидье воспользовался этим, чтобы склонить членов Тайной директории к принятию в свой состав Дарте и Буонарроти» (*Ф. Буонарроти*. Указ. соч., т. 1, стр. 195—196). На Вандомском процессе был оправдан. Участвовал в 1799 г. в деятельности якобинско-бабувистского клуба в Манеже. При Наполеоновской империи находился под надзором; в 1807 г. был арестован (*E. Hauterive*. La police secrète du premier Empire, t. 3, p. 422). Высказанное нами предположение в ст. «Агент связи» Бабефа—Дидье-Журдейль (в сб. «Из истории общественных движений и международных отношений. Памяти Е. В. Тарле». М., 1957), что Дидье и Дидье-Журдейль, помощник военного министра Бушотта, — одно и то же лицо, оказалось ошибочным.

[50] В 1796—1797 г. в Париже действовала нелегальная монархическая организация, готовившая военный переворот, которой руководили эмиссары будущего короля Людовика XVIII, в том числе аббат Бротье (см. ниже), бывший морской офицер Дюверн де Прель (Duverne de Presle) и бывший докладчик в Государственном совете (maître des requêtes) Лавилернуа (La Villeurnois). В январе 1797 г. они были арестованы. Дюверн во время следствия сделал важные разоблачения о связях с депутатами-«клишистами». Суд ограничился тюремным заключением Дюверна на десять лет, а Лавилернуа — только на один год. Однако после переворота 18 фрюктидора Бротье, Дюверн де Прель и Лавилернуа были включены Директорией в список лиц, подлежащих высылке в Гвиану (см. *A. Mathiez*. Le Directoire. Paris, 1934, p. 331).

[51] При аресте у Бабефа среди изъятых бумаг были обнаружены несколько вариантов списков тайных агентов. Окончательный список приведен в книге Буонарроти. В своей речи Бабеф пытался дать другое объяснение происхождения этих списков.

[52] Буэн Матюрен — вязальщик чулок до революции; деятель парижского секционного движения; якобинец; член Центрального комитета, подготовлявшего выступление 31 мая—2 июня; во время якобинской диктатуры был мировым судьей секции Рынков; после 9 термидора защищал Каррье в Якобинском клубе; подвергался при термидорианской реакции неоднократным арестам; был в тюрьме Плесси; тайный агент IV бабувистского округа. На Вандомском процессе вместе с Менесье осужден заочно; при пересмотре дела уголовным судом деп. Сены оба были оправданы; при Наполеоне по проскрипционному списку был сослан на о-в Анжуан, где и умер.

[53] Менесье Клод (1757—?) — до революции садовник и горшечник; деятель парижского секционного движения: член Совета коммуны 10 августа; ему была поручена охрана в Тампле Людовика XVI после его ареста; один из администраторов парижской полиции при якобинской диктатуре. Содействовал освобождению Бабефа в ноябре 1793 г. (см. 2-й том Сочинений, стр. 416—419). После прериальского восстания был арестован (см. *W. Markow, A. Soboul*. Die Sansculotten von Paris. Berlin, 1957, S. 494). Тайный агент III бабувистского округа. Накануне 21 флореаля был инспектором тюрем (см. A. N., W^3 565/47). Привлекался по Вандомскому процессу, но сумел скрыться; не отбывал поэтому приговор о ссылке. При Наполеоне подлежал высылке по проскрипционному списку, но также сумел избежать ареста.

[54] Вакре — деятель парижского секционного движения; революционный комиссар секции Монтрейль (см. *A. Soboul*. Personnel sectionnaire et

personnel babouviste. — AHRF, 1960, p. 446). Фигурировал в списках Бабефа в качестве одного из возможных тайных агентов. В одном из списков был указан также Дерэ — деятель секционного движения; выборщик в 1792 г., «голосовал всегда вместе с патриотами» (*W. Markow*, *A. Soboul*. Op. cit., S. 412—413).

55 Ваннек — деятель секционного движения в Париже; один из организаторов восстания 31 мая; командовал отрядом секции Сите. 12 жерминаля III года (1 апреля 1795 г.) выступил с речью в Конвенте от имени демонстрантов. Участник бабувистского движения; по сообщению Буонарроти, был военным агентом. Привлекался по Вандомскому процессу; скрылся, был оправдан. Принимал деятельное участие в якобинско-бабувистском движении 1799 г. Был включен в списки подлежавших ссылке сейчас же после 18 брюмера и в 1801 г.

56 Фион Жан-Жозеф (1755—1818) — бельгийский революционер; бургомистр Льежа; получил чин генерала, как участник похода в Бельгию; в 1796 г. примыкал к бабувистскому движению; был членом военного комитета. На Вандомском процессе был оправдан. На выборах VI года (1797 г.) был выборщиком и избран депутатом, но не был утвержден после очередного поворота Директории вправо 22 флореаля VI г. Участник якобинских организаций 1798—1799 гг.; в 1801 г. после взрыва «адской машины» подвергся ссылке.

57 При аресте у Бабефа была обнаружена копия его письма к Бертрану (публикуемого в томе), о чем Бабеф и упоминает в своей речи. Бертран был арестован во время гренельского выступления и по приговору военного суда казнен.

58 Массар Гийом-Жилль-Анн (1756—?) — военный, в первые годы революции командовал батальоном Национальной гвардии; позднее, по сообщению Буонарроти, генерал; подвергался преследованиям при термидорианской реакции; в тюрьме Плесси познакомился с Буонарроти и Жерменом; «пантеонист»; участник бабувистского движения; член Военного комитета. На Вандомском процессе был оправдан.

59 Брошюра Гризеля «Lettre de Franc libre à son ami la Terreur» («Письмо Свободного франка своему другу Террору») была опубликована бабувистами (по-видимому, и как афиша). Эмиль Бабеф писал отцу (см. «Copie des pièces...»), что она имела большой успех.

60 При обыске у Бабефа был изъят документ, по-видимому, составленный Дарте, в котором намечались мероприятия бабувистов. В первой строке были слова, которые обвинители прочитали, как «убить пятерых» (tuer les cinq). Однако эти слова были покрыты большим чернильным пятном, делавшим эти слова совершенно неразборчивыми (см. «Copie...», v. 1, p. 238 — документы 34 и 35 из 8-й связки). Эксперты-каллиграфы Арже (Harger) и Гийом (Guillaume) дали по поводу этого документа и на предварительном следствии, и на самом процессе довольно уклончивый, но в общем утвердительный ответ. Представители обвинения особенно настаивали на прочтении этих слов, как «убить пятерых», основывая на этом свое обвинение, что бабувисты намеревались уничтожить всех членов Директории и все власти. Происхождение пятна они объясняли тем, что Бабеф при парафировании документов сделал его с тем, чтобы эти слова стали совершенно неудобочитаемыми. Бабеф это обвинение категорически отрицал, доказывая, что он не в состоянии был это сделать, так как при парафировании присутствовали Жерар и ряд других лиц. Дискуссия по поводу этого документа и подлинности слов «убить пятерых» заняла на Вандомском процессе несколько заседаний (см. «Journal de la Haute cour», N 39, 40).

61 Журдан — член Совета 500 от департамента Буш-дю-Рон.

62 Дюма Матье (1757—1837) — военный, был адъютантом Лафайета; после 10 августа эмигрировал; вернулся в 1795 г., член Совета старейшин; впоследствии пэр, при Луи-Филиппе.

63 Бротье Андре-Шарль (1751—1798) — аббат; один из эмиссаров Людовика XVIII, создавший монархический «Филантропический институт» и его секции «Законные сыновья» («Fils légitimes») и «Друзья порядка»

(«Les amis de l'ordre»). Один из организаторов военного заговора. Был арестован в январе 1797 г. и судим совместно с Дюверном де Прелем и Лавилернуа. После 18 фрюктидора выслан в Кайенну, где через год скончался.

64 Конде Луи-Жозеф де Бурбон (1736—1818) эмигрировал сейчас же после взятия Бастилии; возглавил эмигрантскую армию; принимал участие в суворовском походе в Италию.

Поли — эмигрант; был судим по процессу Бротье.

65 На заседании Верховного суда 16 флореаля, на третий день защитительной речи Бабефа, суд, посовещавшись, принял следующее постановление: «Верховный суд, считая, что Бабеф поочередно клеветал на первичные собрания, на прежних и будущих депутатов, предписывает ему прервать свою речь, пересмотреть свой текст, чтобы завтра закончить ее, и это будет последний день, который ему предоставляется». 17 флореаля был объявлен перерыв, а 18-го и 19-го Бабеф закончил свою речь.

66 Эта фраза была произнесена жирондистом Инаром на заседании Конвента незадолго до событий 31 мая.

67 Мало — полковник; командовал 21-м драгунским полком, расквартированным в Гренельском лагере; один из руководителей расправы с бабувистами; позднее был связан с эмиссарами Людовика XVIII и выдал их полиции (см. *A. Mathiez.* Le Directoire..., p. 259—260).

68 Кретьен — деятель бабувистского движения; хозяин кафе «Китайские бани» («Les Bains chinois»), служившего явкой для участников движения. Баррас приглашал к себе Кретьена для переговоров, но тот отказывался от встречи. Был заочно судим на Вандомском процессе и оправдан. При Наполеоне, в 1801 г., был включен в проскрипционный список и сослан; умер в ссылке.

69 Россиньоль Жан-Антуан (1759—1802) — см. 3-й том Сочинений, стр. 548, прим. 62 — рабочий-ювелир; участник штурма Бастилии и движения 10 августа; во главе парижской жандармской дивизии был направлен на подавление мятежа в Вандее; первый генерал-плебей; подвергся аресту, но по настоянию Марата и Робеспьера был освобожден и восстановлен в должности командующего армией; при термидорианской реакции был арестован и судим вместе с Н. Пашем, бывшим военным министром и мэром Парижа; член военного комитета бабувистской организации; заочно судим на Вандомском процессе, был оправдан. При Наполеоне выслан на Коморские о-ва, где и умер в мучениях от тропической лихорадки

70 Ушар (Houchard) (1738—1793) — кадровый военный; в 1779 г. — капитан; в 1792 г. — полковник и генерал в 1793 г.; командовал Северной армией, после понесенных поражений был смещен, предан военному трибуналу и казнен.

71 Кюстин Адам Филипп (1740—1793) — граф; принадлежал к кругам либерального дворянства; участник американской войны за независимость; член Учредительного собрания; в 1792—1793 гг. командовал армиями; после первых успехов потерпел ряд поражений; был смещен в июле 1793 г., судим и казнен (28 августа 1793 г.). Не обвиняя его в измене, Жорес отмечает, однако, что в армии под командованием Кюстина «повсюду царил дух колебаний и нерешительности» (см. *J. Jaurès.* Histoire socialiste..., v. 4, p. 244—245).

72 Жюльен Марк Антуан (1775—1848) — сын члена Конвента (Жюльена из Дромы); очень рано начал революционную деятельность; пользовался особым доверием Робеспьера; посылался с миссиями Комитета общественного спасения; по его настоянию был отозван Каррье. Сразу же после 9 термидора был арестован; находился в тюрьме Плесси, где сблизился с Бабефом (см. 3-й том Сочинений). После выхода из тюрьмы издавал газету «Плебейский оратор»; порвал связи с бабувистским движением; в период итальянской кампании Наполеона редактировал по его поручению газету итальянской армии; после 1801 г. из-за своих попыток добиться смягчения внутренней политики Наполеона впал в не-

милость; служил интендантом в армии. При Реставрации и июльской монархии издавал журнал «Revue encyclopédique», пользовавшийся успехом в Европе, в частности в России.

73 Доссонвилль — комиссар министерства полиции; был ранее связан с королевской полицией; арестовал Бабефа 21 флореаля; после переворота 18 фрюктидора, как явный монархист, был подвергнут ссылке.

74 Письмо Бабефа к Гризелю публикуется выше. Вопреки утверждению Бабефа, связанному с общей линией его защиты, он сам был автором этого письма.

75 Бабеф не просто участвовал в редактировании «двух-трех» номеров «Просветителя народа» (см. выше), но и был основным сотрудником всех ее номеров.

76 На Вандомском процессе среди подсудимых находилось пять женщин, в том числе Мари-Аделаида Ламбер, Софи Лапьер, Мари-Луиза Моннар, Жанна Бретон, Николь Мартен. Как сообщает С. Бернстайн (см. «Французский ежегодник 1972». М., 1974, стр. 280), «Мари-Аделаида была завсегдатаем кафе „Китайские бани" ... неутомимо вербовала новых членов организации в полицейском легионе и среди солдат, расквартированных в столице». Как явствует из следственного дела, сохранившегося в Национальном архиве (W^3 562), при обыске и аресте Ламбер у нее были изъяты 7 номеров «Просветителя народа», 3 номера «Трибуна народа» и 11 бабувистских брошюр и афиш. На процессе была оправдана.

77 Пеш — капитан; служил в полицейском легионе (выше упоминался под искаженной фамилией Пеес; редколлегия сочла возможным исправить там эту явную опечатку); упоминается в следственном деле Клеркса, участника бабувистского движения. Как сообщает Буонарроти, Пеш и еще один офицер полицейского легиона предложили заколоть всех членов Исполнительной Директории в ту ночь, когда они будут находиться во главе стражи Люксембургского дворца, и начать восстание (*Ф. Буонарроти*. Заговор..., т. 1, стр. 249—250). Бабувистская директория отвергла это предложение, как авантюристское. Деятельность Пеша, как и указывает Бабеф, носила явно провокационный характер.

78 Креспен (Crespin) Пьер-Жозеф (1762—?) — столяр; владелец небольшой мастерской; в годы революции видный деятель парижского секционного движения, комиссар секции, выборщик от Парижа в 1792 г., один из руководителей Электорального клуба; после жерминальского восстания был арестован и освобожден после 13 вандемьера; непосредственного участия в бабувистском движении, видимо, не принимал, хотя при обыске у него были обнаружены газеты Бабефа. На Вандомском процессе был оправдан.

79 Найе (Nayez) Жак-Жорж (1769—?) — уроженец Монтрейль-сюр-Мер; до революции — парикмахер; занимал общественные посты при якобинской диктатуре; был смотрителем тюрьмы; после переворота 9 термидора был арестован; осужден на пять лет; находился в аррасской тюрьме, где познакомился с Жерменом и Бабефом. Освобожден после 16-месячного заключения в декабре 1795 г. и снова арестован 11 плювиоза IV года (31 января 1796 г.). На Вандомском процессе был оправдан. Сведения о Найе любезно предоставлены Р. Леграном (Аббевилль) на основании местных архивных материалов. По сообщению Р. Леграна, Найе не пользовался доверием Бабефа, считавшего его «мстительным человеком, способным слишком многих принести в жертву».

80 Филип Пьер (1750—?) — уроженец Бордо; был капитаном корабля; проживал в Париже после 10 августа; находился в армии, в Страсбурге и Нанте, где был комиссаром по снабжению войск; при термидорианской реакции подвергался преследованиям; в тюрьме Плесси познакомился с Бабефом, Буонарроти, Жерменом. Имя Филипа стоит одним из первых под обращением, составленным Бабефом в Плесси 13 вандемьера (см. 3-й том Сочинений). Участник бабувистского движения; намечался в кандидаты для пополнения Конвента. На Вандомском процессе был оправдан.

[81] Менье Жан-Батист, солдат 21-го полка, 20 лет, и Барбье Жан-Ноэль, солдат 2-го батальона полицейского легиона, 23 лет, были вызваны на Вандомский процесс в качестве свидетелей обвинения. Однако на заседании суда 5 жерминаля от своих вынужденных показаний отказались. Оба они были арестованы в связи с волнениями в полицейском легионе и осуждены на 10 лет. Как сообщил на суде Барбье, в тюремную больницу в Бисетре к нему явился Андре Жерар, ведший следствие по делу Бабефа, и заставил Барбье подписать составленное показание, обещав быстрое освобождение. В Вандоме к Барбье в камеру явился обвинитель Вьейар и настаивал на даче показаний, повторив обещание Жерара об освобождении. Та же процедура была применена и к Менье. Тем не менее на суде оба отказались подтвердить эти показания. К столу суда Менье подошел с пением гимна Гужона «Встаньте, славные жертвы поработителей человечества». Поведение Менье и Барбье произвело большое впечатление. Судом они были немедленно вычеркнуты из списка свидетелей. Оба были привлечены к военному суду за дачу «ложных показаний» и осуждены на 20 лет тюремного заключения (см. «Journal de la Haute Cour», № 49, 50, и приложенный к перепечатке газеты текст требования, составленного Эзином и обращенного к Совету 500, о кассации этого приговора (*P. N. Hésine*. Analyse d'un Mémoire, adressé aux Représentants du peuple, composant le Conseil des Cinq-Cens, par les chasseurs Barbier et Meunier).

[82] Калас (Кала) Жан (1698—1762) — коммерсант в Тулузе; протестант; был обвинен, несмотря на отсутствие каких бы то ни было улик, в убийстве своего сына-католика. Приговорен к смертной казни путем колесования; приговор был приведен в исполнение 9 марта 1762 г. Несправедливость приговора возмутила Вольтера, который, несмотря на свой преклонный возраст, начал страстную борьбу за реабилитацию Каласа. При поддержке общественного мнения Вольтер в 1765 г. добился пересмотра дела и полной реабилитации Каласа.

[83] О военном суде в Тампле см. прим. 42 данного раздела.

[84] Речь идет о Жозефе Моннаре, казненном за участие в гренельском выступлении. Его вдова, Мари-Луиза Моннар (1748—?), и племянница, Софи Лапьер, были обвиняемыми на Вандомском процессе. Обе оправданы.

[85] Отдельные места в речи Бабефа, несмотря на ее длинноты, а в особенности ее заключительная часть произвели сильное впечатление на аудиторию (см. вводную статью). Об этом свидетельствует оценка, данная Ш. Нодье: «То, что его [Бабефа] отличало даже от других подсудимых, которым эти же качества были присущи в высокой степени, была пламенная и страстная экспансивность, искренность, способная дойти до самоотречения... непоколебимая твердость воли, которая рождает великих людей, готовность идти на смерть, присущая героям и мученикам... сила чувства и душевное величие, которые прорывались время от времени среди его удручающих разглагольствований, вызывали не один раз восхищение, и, вероятно, в такие моменты он овладевал бы аудиторией, если бы он умел щадить свои силы с мудрой бережливостью, но этим секретом природа его не наделила... Вот уже 40 лет (Нодье писал в 1837 г. — *В. Д.*), как Бабефа не стало, а его партия все еще жива, потому что за причудами Бабефа скрывались истины, которых ни одно правительство не решалось признать и которые никогда не умрут. Истину нельзя убить, как убивают человека» (*Ch. Nodier*. Souvenirs de la révolution et de l'Empire. Paris, 1857, t. 2, p. 288—289).

[86] Второе письмо Бабефа к Ф. Лепелетье от 5 прериаля V года (24 мая 1797 г.) было опубликовано В. Адвиеллем (*V. Advielle*. Op. cit., t. 1, p. 337—338) и по этому тексту перепечатано М. Домманже в его «Pages choisies» (p. 309—310). Жану Палу удалось в архиве Парижской исторической библиотеки обнаружить автограф этого письма, опубликованный им в 1956 г. в журнале «Annales historiques de la Révolution française» (p. 307—309). Мы печатаем письмо Бабефа по этому тексту.

87 Письмо Бабефа Ф. Лепелетье от 26 мессидора публикуется в настоящем томе.

88 Оригинал последнего письма Бабефа к семье не сохранился. Печатаем его по тексту, опубликованному в типографии Р.-Ф. Лебуа («Dernière lettre de Gracchus Babeuf, assassiné par la prétendue Haute-Cour de justice, à sa femme et à ses enfans, à l'approche de la mort»). Это письмо было опубликовано и в качестве приложения к книге Буонарроти.

89 Бодуэн — стенограф, издавший протоколы Вандомского процесса («Débats du procès instruits par la Haute Cour de justice contre Drouet, Baboeuf et autres; recueillis par des sténographes». Paris, Baudoin, s. d. [1797]).

90 В книге протоколов Вандомского муниципалитета за 1797 г., за № 370, содержится любезно сообщенное нам Дидье Лемэром постановление от 7 прериаля V года (26 мая 1797 г.), принятое после оглашения приговора Верховного суда, о том, что муниципальная администрация «будет заседать непрерывно до тех пор, пока не будет приведено в исполнение решение о казни Бабефа и Дарте», а к смотрителю тюрьмы Доду будут присоединены дополнительно несколько лиц для того, чтобы тщательно охранять тех из подсудимых, кто подлежит отправке в ссылку.

Оправданным по процессу муниципалитет постановил выдать пропуска и денежные пособия в зависимости от отдаленности места, куда они собирались отправиться.

На заседании муниципалитета от 8 прериаля V года (27 мая 1797 г.), согласно протоколу № 371, было оглашено сообщение о том, что «в шесть с половиной часов утра приговор Верховного суда в отношении Бабефа и Дарте был приведен в исполнение». После этого муниципалитет признал, что «дальнейшее непрерывное заседание администрации перестало быть целесообразным».

ПРИЛОЖЕНИЯ

1 В приложениях к IV тому помещены несколько выдержек из газеты Эзина, где излагаются выступления Бабефа на Вандомском процессе. Здесь же публикуются рукописи Бабефа, носящие фрагментарный характер, не предназначавшиеся автором к печати, но представляющие несомненный интерес. В их числе — выписки и заметки, сделанные Бабефом при чтении парижских газет за плювиоз V года (январь—февраль 1797 г.): «Journal général», «Gazette nationale», «Ami des lois», «Journal des hommes libres», «Créole patriote», «Ami du Peuple», «Rédacteur officiel», «Courrier républicain», «Père Duchesne». Информация о настроениях заключенных, появившаяся в «Rédacteur officiel» за 22 плювиоза V года (10 февраля 1797 г.), вызвала их протест за подписью 43 обвиняемых и отдельное письмо Бабефа. Эти материалы, хранящиеся в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 473), в большинстве своем публикуются впервые (частично они были использованы В. Адвиеллем без ссылок на оригинал). В приложения включены также несколько черновых набросков Бабефа, опубликованные в «Copie des pièces saisies dans le local qu'occupait Babeuf lors de son arrestation. Paris, an. V (1796)». Все они важны для понимания политических идей Трибуна народа.

Редакция посчитала целесообразным включить в приложения опубликованный Буонарроти в его книге документ, озаглавленный «Создание Повстанческой директории».

2 29 брюмера Верховный суд сообщил обвиняемым список присяжных заседателей (по жребию и от департаментов). По судебному регламенту обвиняемым предоставлялось право отвода (récusation) этих присяжных. Большинство обвиняемых этим правом воспользовались. В архиве Бабефа (ф. 223, оп. 2, д. 326, 327) сохранились два списка кандидатов в присяжные, с их характеристикой, составленные обвиняемыми, с пометками о датах, сделанными рукой Бабефа. В числе присяжных, отмеченных в качестве «хороших патриотов и республиканцев», значатся

Биоза (департамент Пюи-де-Дом), Дюффо (Жерс), Дюло Дюбарра (Ланды), Дюбуа (Сарта). Голосов четырех присяжных было достаточно для того, чтобы не допустить обвинительного вердикта.

Однако Бабеф, считая суд некомпетентным, после столкновений, происшедших у него с председателем, отказался от права отвода вместе с некоторыми другими заключенными (в том числе Софи Лапьер). Бабеф предполагал выступить с объяснением причин своего отказа на заседании 3 фримера, но суд ему в этом отказал. Текст своего выступления (Бабеф писал все свои речи) он опубликовал в газете «Journal de la Haute Cour» (N 12, p. 3—4). Воспроизводим этот текст.

3 После предоставления обвиняемым права отвода присяжных заседателей и длительной процедуры обновления присяжных по департаментам, а также в связи с перестройкой здания аббатства и устройством более обширного зала для заседаний в деятельности Верховного суда наступил фактический почти трехмесячный перерыв (в фримере, нивозе и плювиозе). После того как состав присяжных был оформлен, 2 вантоза (28 февраля 1797 г.) деятельность суда возобновилась. После опроса обвиняемых начался допрос свидетелей, в том числе и предателя Жоржа Гризеля (23 вантоза). В связи с этими показаниями Бабеф 26 вантоза произнес речь. Мы приводим ее текст по отчету, опубликованному в 44-м номере «Journal de la Haute Cour...»

4 Государственный обвинитель в Вандоме Байи назвал донос Гризеля «разоблачением» (révélation). Бабеф, а вслед за ним и Эзин иронически применяли это определение.

5 Бабеф перечисляет имена шести якобинских депутатов, преданных суду за поддержку прериальского восстания и покончивших собой после объявления смертного приговора.

6 Речь идет о «Гимне узников Шато дю Торо», составленном Гужоном. Музыку к этому гимну, по сообщению С. Гужона (Лозанна), написал известный певец и революционер Лаис в брюмере III года. Этот гимн чаще всего пели вандомские узники в камерах и при выходе из зала заседаний суда (см. также: *С. Бернстайн.* Бабувистский фольклор. — «Французский ежегодник 1972»).

7 На заседаниях суда 27, 28, 29 вантоза и 2 жерминаля продолжался допрос Бабефа в связи с захваченными у него при аресте 21 флореаля документами.

8 В парижской газете «Le Rédacteur officiel» от 22 плювиоза (10 февраля 1797 г.) была напечатана корреспонденция из Вандома. Она была прочитана Бабефом, сделавшим из нее выписки, и вызвала возмущение подсудимых. Бабефом были составлены от их имени и от своего собственного два протеста, опубликованные в газете Эзина (№ 28). Печатаем по тексту, написанному рукой Бабефа и сохранившемуся так же, как и выписки из газет, в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 473).

9 Вопрос о форме власти и переходных мероприятиях в случае победы восстания подвергался серьезному рассмотрению в «Тайной директории» (см. вводную статью к тому). Мы публикуем четыре наброска, написанные собственноручно Бабефом и опубликованные в «Copie des pièces saisies...».

10 По поводу «Акта о создании Повстанческой директории» Бабеф заявил в той же речи: «Этот набросок написан не мною... Но, если я не являюсь составителем, редактором этого документа... я во всяком случае его одобрял, поскольку рассматривал его как один из документов, с которыми я должен был согласовывать тон своих произведений».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Гракх Бабеф

СОЧИНЕНИЯ

т. IV

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства **Н. Ф. Лейн**
Художественный редактор **Н. Н. Власик**
Технический редактор **Л. Н. Золотухина**
Корректоры
В. А. Бобров, Ф. А. Дебабов, Е. В. Шевченко

ИБ № 15167

Сдано в набор 02.09.81.
Подписано к печати 07.12.81.
Формат $60 \times 90^1/_{16}$.
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 38,6. Усл. кр. отт. 39,6.
Уч.-изд. л. 46,3. Тираж 34 000 экз. Тип. зак. 699.
Цена 3 руб.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

3 РУБ.

ГРАКХ БАБЕФ • СОЧИНЕНИЯ

4